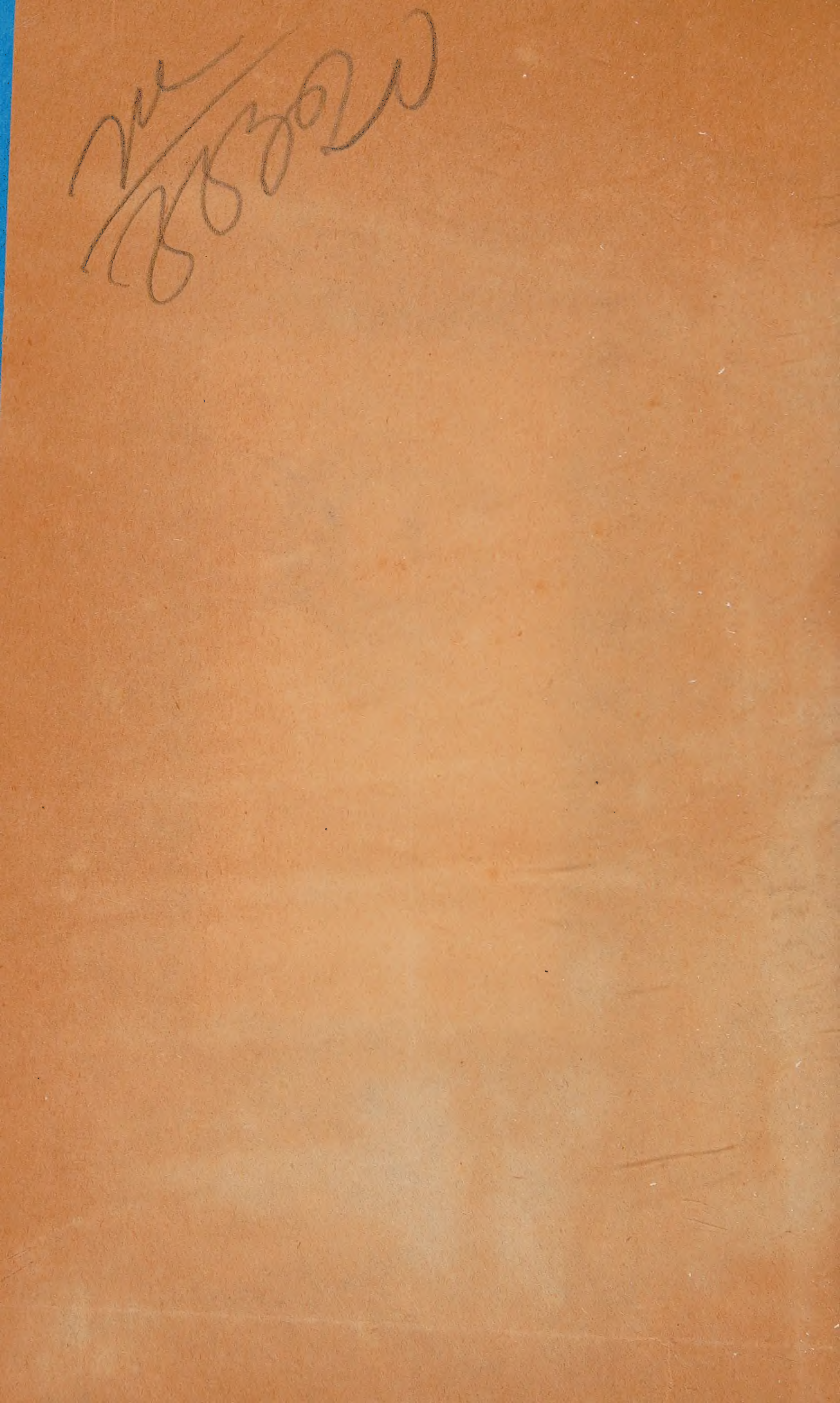
RUSSKOE BOGATSTVO
1904 no. 10

ПЕЧАТЬ КАЛЯЗИНСКОЙ
БИБЛИОТЕКИ.
ГОРОДСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ

ОКТЯБРЬ. 1904.

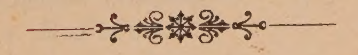

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Н. Н. Клобукова, Лиговская ул., д. № 34.
1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 26 октября 1904 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотъ*).

Открыта подписка на 1905 годъ

(XIII-ый ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

РУССКОЕ БОГАТСТВО.

РЕДАКТОРЪ-ИЗДАТЕЛЬ **В. Г. КОРОЛЕНКО.**

Подписная цѣна:

На годъ съ доставкой и пересылкой . . . . **9** р.
Безъ доставки въ Петербургѣ и въ Москвѣ . . . **8** » *)
За границу . . . . **12** »

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

Въ С.-Петербургѣ — въ конторѣ журнала — *Баскова ул., 9.*
Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы—*Никитскія вор., д. Гагарина.*

Желающіе воспользоваться разсрочкой подписной платы (за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и др. коммиссіонеровъ по пріему подписки, отъ которыхъ подписка въ разсрочку не принимается) должны обращаться **непосредственно** въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗСРОЧКУ:

При подпискѣ.	5 р.	или	при подпискѣ	3 р.
			къ 1-му апрѣля	3 »
и къ 1-му іюля	4 »		и къ 1-му іюля	3 »

Не приславшимъ доплатъ въ означенные сроки высылка журнала прекращается.

Доставляющіе подписку КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ, ЗЕМСКІЕ СКЛАДЫ И УПРАВЫ, ЧАСТНЫЯ И ОБЩЕСТВЕННЫЯ БИБЛІОТЕКИ, ПОТРЕБИТЕЛЬНЫЯ ОБЩЕСТВА, ГАЗЕТНЫЯ БЮРО, КОМИТЕТЫ ИЛИ АГЕНТЫ ПО ПРІЕМУ ПОДПИСКИ ВЪ РАЗНЫХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ **могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ по 40 коп. съ каждаго экземпляра, т. е. присылать, вмѣсто 9 рублей, 8 руб. 60 коп.,** ТОЛЬКО ПРИ ПЕРЕДАЧѢ СРАЗУ ПОЛНОЙ ГОДОВОЙ ПЛАТЫ.

Подписка въ разсрочку или не вполнѣ оплаченная 8 р. 60 к. **отъ нихъ** НЕ ПРИНИМАЕТСЯ **до полученія недостающихъ денегъ, какъ бы ни была мала удержанная сумма.**

---

*) ***Для городскихъ подписчиковъ*** въ Петербургѣ и Москвѣ ***безъ доставки*** **(за исключеніемъ книжныхъ магазиновъ и библіотекъ)** допускается разсрочка по 1 р. въ мѣсяцъ, съ платежомъ впередъ: въ декабрѣ за январь, въ январѣ за февраль и т. д. по іюль включительно.

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ, уг. Спасской и Басковой ул., д. 1—9.*

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору редакціи и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщающіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ Петербурга и провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) При перемѣнѣ петербургскаго адреса на иногородный уплачивается 1 р.; при перемѣнѣ же иногородняго на петербургскій—50 к.

7) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не **позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

8) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) Рукописи, доставленныя въ редакцію до 1902 г. и не востребованныя обратно до 1-го декабря 1903 г., **уничтожены.**

4) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются.**

СРЕДИ РАБОЧИХЪ.

(Очерки съ натуры).

VIII.

Покончивъ съ работой, получивъ разсчетъ и попрощавшись съ хозяевыми, мы вышли за ворота и, отойдя немного, остановились.

— Куда жъ теперь маршлутъ держать? — спросилъ Малинкинъ.—Чайку буде попить, что ли, а?..

— Попьемъ чайку, да и того... въ монастырь махнемъ!—сказалъ дядя Юфимъ.—Тамъ, гляди, косить коли не начали, такъ начнутъ на дняхъ... А пока что, до покосу другое дѣло дадутъ... Цѣна тамъ, правда, не ахти какая: всего 20 монетъ... Ну, за то харчъ—патока!.. Работа вольготная... А послѣ того по попамъ ударимъ, по имѣньишкамъ мелкимъ, по лавочникамъ... Народъ весь за дѣло бросится,—намъ вездѣ рады будутъ... только, батюшка, работай!..

Отъ села до монастыря было верстъ десять по хорошей торной дорогѣ. Это разстояніе мы прошли ходко, и еще задолго до заката солнца подходили къ монастырю. По дорогѣ, обгоняя насъ и на встрѣчу намъ, шло и ѣхало много богомольцевъ.

Не доходя до монастыря съ версту, мы, вмѣстѣ съ другими богомольцами, сдѣлали „залогу“ около часовни, на порогѣ которой сидѣлъ древній, совершенно сѣдой монахъ, въ огромныхъ очкахъ, такихъ же древнихъ, какъ и онъ, читавшій толстую книгу въ кожаномъ, облупившимся переплетѣ. Передъ нимъ на табуреткѣ стояло оловянное блюдце, на которое богомольцы, помолившись въ часовнѣ, клали, кто сколько могъ.

Прежде, чѣмъ „залоговать“, мы всѣ четверо зашли въ часовню—поклониться иконѣ преподобнаго, которымъ былъ, по преданію, основанъ монастырь.

Дядя Юфимъ долго и усердно молился, кланяясь передъ

иконой въ землю. Мы вышли изъ часовни и усѣлись въ сторонкѣ, а онъ все еще былъ тамъ. Когда старикъ, наконецъ, вышелъ и присоединился къ намъ, лицо его было серьезно, почти строго... Онъ долго молчалъ, что-то думая, часто моргая глазами и фыркая носомъ.

— Третій разъ я здѣсь, ребятушки, Господь привелъ побывать,—сказалъ онъ.—Третій!—И, помолчавъ и точно отвѣчая на свои думы, грустно добавилъ:—Эхъ, други, други, много я скорби перенесъ... рѣки! Единому Господу извѣстно!.. Нн-да!

Передъ нами, какъ на ладони, былъ монастырь... Солнце, низко стоявшее на западѣ, освѣщало его бѣлую стѣну, церкви, сосновый лѣсъ рядомъ, рѣчку, зеленый, точно бархатный, лугъ передъ ней, играло въ золоченыхъ крестахъ... Все это, вмѣстѣ съ какой-то особенной тишиной, разлитой вокругъ, представляло прекрасную картину...

— Здѣсь бы вотъ Господь привелъ косточки положить,—произнесъ дядя Юфимъ, вздохнувъ,—потрудиться бы передъ концомъ преподобному...

— Самое святое дѣло,—согласился Малинкинъ и добавилъ:—Одначе, идтить надо... Трогай, бѣлоногой!..

Мы встали и направились къ монастырю...

IX.

На площади, между „святыми воротами", ведущими во внутренность монастыря, и гостиницей, огромнымъ въ три этажа зданіемъ, толкалось множество народу. Былъ канунъ какого-то праздника.

Богомольцы ожидали всенощной, которая, какъ я узналъ послѣ, тянулась здѣсь чуть-ли не до двухъ часовъ ночи, начиная съ шести вечера.

Маленькая, приткнувшаяся рядомъ со „святыми воротами", лавченка, въ которой сидѣлъ длинный, худощавый приказчикъ, бойко торговала хлѣбомъ, чаемъ, селедками, баранками, монпасье и т. п.

У святыхъ воротъ стояли молодые послушники, заглядывавшіе въ открытыя окна гостиницы, изъ которыхъ иногда высовывались женскія лица. Здѣсь же, около воротъ, сидѣли слѣпые и пѣли Лазаря, чутко прислушиваясь къ ударамъ копѣекъ, падавшихъ въ деревянныя чашки, которыя они разставили около себя... Какой-то кряжистый, чернобородый, съ блестящими глазами, безногій мужикъ, стуча своими „культяпками", двигался тутъ же, собирая подаяніе на убожество... Страшная безносая странница протягивала

руку, что-то шамкая и гнуся... „Злая рота“ по одиночкѣ и человѣка по три то и дѣло шмыгала въ ворота туда и обратно...

Мы остановились около парадняго подъѣзда гостиницы и присѣли на землю у изгородки, за которой росли кусты акаціи, черемухи, сирени... Въ гостиницу и изъ нея, мимо насъ, то и дѣло входили и выходили люди.

— Куда-жъ мы?—спросилъ Малинкинъ:—Здѣсь, что-ль, ночевать будемъ?.

— Зачѣмъ здѣсь,—отвѣтилъ дядя Юфимъ,—на странню пойдемъ переночуемъ, а тамъ видать будетъ... Чай, скоро ужинъ...

Онъ поднялся и повелъ насъ. Пройдя немного по площади, онъ свернулъ влѣво и вошелъ сквозь открытую калитку во дворъ монастырской гостиницы. Дворъ былъ огромный, окруженный со всѣхъ сторонъ заборомъ... Прямо противъ воротъ, вдали, помѣщались конюшни, и подъ навѣсомъ стояли телѣги... Направо — скотный дворъ... Налѣво какое-то полуразвалившееся деревянное двухъэтажное зданіе... Къ нему-то, шагая напрямки черезъ площадь, и повелъ насъ дядя Юфимъ.

Въ нижней части этого зданія, какъ оказалось, помѣщалась „страння“. Входъ въ нее, какая-то узкая, ведущая внизъ дыра, пугалъ своей таинственностью...

Дядя Юфимъ, бывшій здѣсь раньше, смѣло спустился по деревяннымъ ступенькамъ куда-то внизъ, въ темный корридоръ, пошарилъ по двери, нащупалъ скобку и дернулъ. Дверь, какъ-то чмокнувъ, точно кто сладко поцѣловался въ потемкахъ, отворилась, и мы вошли въ „странню“.

X.

Прежде всего насъ обдалъ запахъ, тяжелый, удушливый, противный запахъ человѣческихъ испареній, прѣлой одежды, махорки, гнили...

Въ большой, низкой, черной, необыкновенно мрачной комнатѣ царилъ полумракъ... По срединѣ, во всю длину, стояли столы и длинныя, узкія, грязныя скамейки... Около стѣнъ были устроены покатыя, сплошныя нары. На нарахъ, на скамейкахъ и по полу сидѣли и лежали люди. Нѣкоторые спали, нѣкоторые разговаривали, смѣялись, курили...

Въ одномъ мѣстѣ на нарахъ, противъ небольшихъ, съ грязными стеклами, оконъ, сквозь которыя тускло проникалъ свѣтъ, поджавъ подъ себя по-турецки ноги, сидѣли люди, по поясъ нагіе, и искали въ своихъ грязныхъ рубаш-

кахъ насѣкомыхъ. Откуда-то, изъ темнаго угла, раздавался, съ короткими промежутками молчанія, рыкающій низкій, грубый басъ, повторявшій все одно и тоже: „Слава Ти, Господи, сотворившему вся, сотворившему вся“! Это „сотворившему вся“ глухо и какъ-то странно, будто что-то живое, страшное, огромнымъ шаромъ каталось по „страннѣ“, наполняя ее всю гудящимъ шумомъ...

Одинъ изъ сидѣвшихъ на нарахъ противъ насъ, худой человѣкъ съ блѣднымъ и истощеннымъ лицомъ, что-то разсказывалъ, то и дѣло смѣясь своимъ собственнымъ словамъ и обводя слушателей тяжелымъ взглядомъ большихъ дерзко-нахальныхъ выпуклыхъ глазъ.

Неподалеку отъ двери, около печки, на кирпичномъ полу съ выбитыми мѣстами кирпичами, подложивъ подъ голову сумку, лежалъ навзничь какой-то огромный человѣкъ, длинноволосый, одѣтый въ подрясникъ; онъ спалъ, громко храпя и поднимая то одну ногу, обутую въ лапоть, то другую. Молодой парнишка, одѣтый тоже въ подрясникъ и тоже съ длинными волосами, ходилъ по „страннѣ“ около столовъ, заложивъ за спину руки. Онъ то останавливался около группы людей, сидѣвшихъ на нарахъ, и слушалъ, что говорятъ, глупо ухмыляясь, то снова начиналъ шагать, озираясь во всѣ стороны, точно ища чего-то.

Близь двери, гдѣ мы остановились, на краю скамейки, сидѣлъ, наклонясь и упершись руками въ колѣнки, маленькій, худой, необыкновенно жалкій человѣчекъ, похожій на курицу-клушку, которую баба, желая отучить отъ клохтанья, выкупала нѣсколько разъ въ лужѣ и, отстегавъ послѣ этой ванны крапивой, бросила...

Одѣтъ онъ былъ во что-то рваное и грязное... Тяжелый, кислый запахъ шелъ отъ него. Онъ былъ страшно худъ... На руки, съ тонкими длинными пальцами, жутко было смотрѣть: точно руки мертвеца, высохшія, холодныя, страшныя! По лицу, начиная отъ ушей, росла у него бороденка, клочковатая, бурая, книзу заостренная клинушкомъ.

Человѣчекъ этотъ то и дѣло крестился и громко, ни на кого не глядя и не обращая вниманія, гнусавя, читалъ: „Камо пойду отъ Духа Твоего и отъ Лица Твоего камо бѣжу? Аще взыду на небо, Ты тамо еси; аще сниду во адъ, тамо еси. Аще возьму крилѣ мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо рука Твоя наставитъ мя, и удержитъ мя десница Твоя...“

Кончивъ, помолчавъ немного и перекрестившись нѣсколько разъ, онъ снова начиналъ: „Камо пойду отъ Духа Твоего“ и т. д.

Стоя около входной двери, мы не знали, что дѣлать и гдѣ намъ приткнуться на ночь...

— Жуть! — произнесъ Тереха-Воха съ изумленіемъ въ большихъ глазахъ.

— Хива!—тоже тихо сказалъ Малинкинъ.—Здѣсь сумки упрутъ... вишь, народъ-то... Не уйти-ли съ Богомъ?

— А куда? — спросилъ дядя Юфимъ, — погодимъ буде, пока что.

Въ это время дверь позади насъ хлопнула, и въ „странню“ вошелъ высокій сутуловатый монахъ. Въ „страннѣ“ сразу затихло. Онъ исподлобья окинулъ всѣхъ маленькими глазами и, обернувшись къ намъ, спросилъ тоненькимъ голоскомъ:

— Вы, рабы Божьи, что?.. Ночевать?.. Аткеда... Дальніе?..

— Да, отецъ, ночевать бы, — отвѣтилъ дядя Юфимъ, — да, вишь, тѣсненько словно.

— Идите за мной! — сказалъ монахъ и пошелъ черезъ всю „странню“ къ небольшому чуланчику съ маленькимъ оконцемъ-глядѣлкой на передней стѣнкѣ.

Подойдя, онъ досталъ изъ кармана ключъ и, отперевъ имъ небольшой висячій замокъ, открылъ дверь и сказалъ:

— Проходите, рабы Божьи!

Онъ пропустилъ насъ и, захлопнувъ за собой тонкую тесовую дверку, заперъ ее на крючокъ.

— Здѣсь, рабы Божьи, у меня и переночуете,—сказалъ онъ, — дорого я съ васъ не возьму... всего по три копѣйки съ человѣка.—И, какъ бы извиняясь, съ улыбкой пояснилъ:— Грѣшенъ... табачишко потребляю... то, се... А гдѣ взять?..

— Что говорить,—согласился Юфимъ,—всѣ мы грѣшны... всѣ во плоти... „Духъ бодръ, плоть немощна“—сказано въ святомъ писаніи.

— Вотъ, вотъ, — обрадовался монахъ, — самое это! Кладите сумки въ уголокъ... Не бойтесь, цѣлы будутъ. А спать ужо на полу ляжете... Тѣсновато оно, да за то спокойно. Опять и вшей здѣсь поменѣ, чѣмъ на страннѣ... Присядьте!..

Въ каморкѣ было тѣсно, неуютно, мрачно. Маленькое оконце за желѣзной рѣшоткой, точно въ тюрьмѣ, выходило куда то въ заборъ и давало сквозь грязныя стекла мало свѣта. Въ переднемъ углу висѣли иконы и картинки духовнаго содержанія. Подъ иконами стоялъ столикъ, и на немъ лежала необыкновенно толстая въ кожаномъ переплетѣ книга. Около печки, входившей одной своей стороной въ каморку, стояла узенькая на козлахъ кровать, на которой валялась грязная, сальная подушка и, вмѣсто одѣяла, старый подрясникъ. У противоположной стѣны, насупротивъ печки, стояли двѣ табуретки, висѣлъ въ углу полушубокъ

и на веревкѣ, протянутой подъ потолкомъ, двѣ пары теплыхъ валенокъ.

Больше, если не считать тяжелаго удушливаго запаха, да множества пятенъ на печкѣ, образовавшихся отъ раздавленныхъ пальцами клоповъ, ничего не было.

— Присядьте! — опять сказалъ монахъ и самъ сѣлъ на край кровати. — Деньги-то вы мнѣ сейчасъ, что-ли, отдадите?.. Аль какъ?.. Давайте ужъ, а?..

Дядя Юфимъ и Малинкинъ сѣли на табуретки, а мы съ Терехой опустились на полъ.

— Да у васъ есть-ли деньги-то? — спросилъ монахъ, подозрительно оглядывая насъ.—Вы, рабы Божьи, того... Коли что,—прямо говорите.

— Объ деньгахъ не сумлевайся, отецъ, — сказалъ дядя Юфимъ, — отдадимъ. Сейчасъ тебѣ, говоришь? Изволь! Ребята, я отдамъ за всѣхъ, опосля сочтемся...

Онъ досталъ кошелекъ и, отсчитавъ 12 к., подалъ монаху.

— Спаси васъ Христосъ! —произнесъ тотъ, опуская деньги въ карманъ подрясника, и опять, какъ давеча, съ виноватой улыбкой добавилъ: — Табачишка весь вышелъ... что ты будешь дѣлать! И не надо бы курить-то, а не отстанешь... привычка...

— А что, отецъ, — началъ дядя Юфимъ, — какъ у васъ здѣсь, косить не начинали?

— Нѣтъ... на той недѣлѣ, гляди, начнутъ... а что?..

— Да мы, было, за этимъ болѣ шли,—отвѣтилъ Юфимъ.— Ну, а еще какихъ дѣловъ не слыхать-ли?..

— Мало-ль дѣловъ у преподобнаго,—отвѣтилъ монахъ.— А вы что-жъ, по какому дѣлу?

— Да мы такъ... чернорабочіе...

Монахъ помолчалъ, подумалъ и сказалъ:

— Въ рощѣ работа есть: лѣсъ валятъ, дрова рѣжутъ, доски пилятъ... юхновцы работаютъ двѣ пары, пильщики продольные - шестеро...

— Работа для насъ не сподручная,—сказалъ дядя Юфимъ,— у насъ струменту нѣтъ... Дрова-то какъ рѣжутъ, какія?

— Всякія: береза швырокъ... осина пятерокъ... болѣ все осина.

— Ну, а цѣна какъ?

— Юхновцы на своихъ харчахъ, имъ и цѣна другая,— сказалъ монахъ.—Ну, а коли на нашихъ харчахъ,—извѣстно, скидка.

— А не слыхать, какъ цѣна-то? - опять спросилъ Юфимъ.

— Цѣна-то?.. Да какъ те сказать, не соврать,—цѣна настоящая: восемь гривенъ швырокъ березовый... рубль — пяте-

рокъ, со шкуркой ежели, ну, а безъ шкурки, лупленый, тотъ дороже... тотъ рубль десять... Ну, да эти самые юхновцы и работаютъ здорово: сажени по три съ лишкомъ на пару выгоняютъ... Встаютъ чѣмъ свѣтъ, бросаютъ ночью... Здорово работаютъ!..

— Струментъ у нихъ справный, налаженый, — сказалъ дядя Юфимъ,—опять сноровка... Намъ противу ихъ гдѣ же выстоять...

— Гдѣ же!—согласился монахъ и, помолчавъ, сказалъ:— Останьтесь, поработайте, а тамъ покосъ... работа легкая... Ну, только цѣна—двугривенный...

— Ну, а какую намъ цѣну, ежели дрова рѣзать, положатъ?—спросилъ Юфимъ:—На здѣшнихъ харчахъ?

— А ужъ это не знаю,—отвѣтилъ монахъ,—у васъ, вишь, и струменту нѣтъ... Вы по этому дѣлу къ отцу Зосимѣ толканитесь: онъ у насъ тутъ и покосомъ, и по лѣсной части управляетъ... Къ нему завтра апосля ранней... Только вотъ что, рабы Божьи,—улыбаясь продолжалъ онъ,—вы ему половиночку того... суньте...

— Соль, значитъ!—усмѣхнулся дядя Юфимъ.—А гдѣ-жъ намъ половинку-то взять?.. Завтра праздникъ, бѣжать далеча...

— Эва!—воскликнулъ монахъ,—у насъ чего другого, а это добро не переводится... Я вамъ, коли хотите, обмозгую: у насъ тутъ о. дьяконъ Владиміръ торгуетъ... сколько угодно! А то по утру бабы приносятъ... Мы привыкли... Коли не жалко,—бутылку принесу... Мнѣ бы, грѣшнымъ дѣломъ, стакашекъ поднесли...

Дядя Юфимъ почесалъ въ головѣ и, подумавъ, сказалъ:

— Накладно!..

— Другъ объ дружкѣ, а Богъ обо всѣхъ,—сказалъ монахъ.—Я бъ вамъ пригодился, коли останетесь... то, се,—мнѣ доступно... Вотъ сейчасъ ужинъ: на странню, злой-то ротѣ,— онъ кивнулъ на оконце-глядѣлку,—я чего дамъ?.. Кашица— крупина за крупиной гоняется съ дубиной... ѣсть порядочный человѣкъ не станетъ... Ну, а вамъ щецъ бы съ трапезной сюда принесъ, кашки, кваску... Глядишь—и заправились бы...

— Такъ-то оно такъ, — согласился дядя Юфимъ и посмотрѣлъ на насъ.—Ну, какъ, ребята, а?..

— Какъ хошь!—отвѣтилъ Малинкинъ и махнулъ рукой.— Ты у насъ вродѣ полковника... Ты и дѣйствуй.

— Ну, отецъ,—какъ тебя звать, не знаю, ладно, быть по сему. Только ты, гляди, щей намъ раздобудься... Признаться, поѣсть хотца... Ну, сыпь до горы, а въ гору наймемъ.

Онъ засмѣялся и, хлопнувъ монаха по плечу, добавилъ:

— Эхъ вы, отцы, отцы!..

XI.

Отецъ Пименъ (такъ звали монаха), немного погодя, вышелъ изъ каморки кормить кашицей, какъ онъ выразился, „злую роту", а мы сквозь оконце-глядѣлку стали наблюдать эту сцену.

— Эй вы, рабы Божьи! — закричалъ онъ своимъ тоненькимъ голоскомъ на всю странню:—ужинать... Проголодались, чай, поработамши-то, а?.. Садись за столъ, кормить буду...

И, когда голодная толпа „злой роты" быстро разсѣлась по скамейкамъ, онъ началъ считать ихъ, ударяя рукой по плечамъ и громко произнося: „разъ! два! три!.."

— Двадцать шесть! — громко закончилъ онъ и, выйдя куда-то на минуту, принесъ съ нарѣзанными заранѣе кусками (по монастырски „окрухами") корзину хлѣба.

Набравъ двадцать шесть квадратныхъ кусковъ и положивъ ихъ другъ на дружку, онъ сталъ обходить столы, кидая куски и приговаривая:

— Держи!.. Эй, рабъ Божій, держи!

Окончивъ это, онъ принесъ груду большихъ деревянныхъ ложекъ и, швырнувъ на столъ, сказалъ:

— Разбирайте!..

„Злая рота", торопясь, наваливаясь другъ на друга, расхватала ложки.

Отецъ Пименъ опять сходилъ куда-то и, возвратившись съ пятью большими деревянными чашками, отправился съ ними къ печкѣ. Здѣсь, поставивъ ихъ на полъ, онъ открылъ заслонку и, съ помощью большого съ колесиками ухвата, вытащилъ изъ печи на шестокъ чугунъ. Сдѣлавъ это, онъ крикнулъ:

— Эй, рабы Божьи!.. Идите сюда пять человѣкъ!

Изъ-за столовъ сорвалось пять человѣкъ и бросилось къ нему. Взявъ большую „чумичку" и разболтавъ ею предварительно въ чугунѣ, монахъ сталъ наливать въ чашки кашицу.

— Тащите... пять человѣкъ на чашку,—крикнулъ онъ,—одинъ лишній... Ну, на его долю прибавлю, ѣшьте!..

„Рабы Божьи" поставили чашки на столы, сѣли сами, и видно было, какъ замелькали ложки... Послышалось чавканье, хрипѣнье...

— Жуть, — произнесъ Тереха-Воха, — ровно волки на стерву... Да они бъ работали лучше...

— Наголодались, — сказалъ дядя Юфимъ и тихо, съ грустью, добавилъ: — а все, небось, водочка... Станутъ они тебѣ работать... Для нихъ работа—ножъ вострый... Охъ, хо, хо!

Учись, Терешка... Гляди, какъ люди живутъ... Помни: пить до дна, не видать добра!..

XII.

Поужинавъ, нѣкоторые изъ „злой роты“ пошли куда-то изъ „странни“; оставшіеся стали располагаться спать. Отецъ Пименъ убралъ со столовъ и, заглянувъ къ намъ въ каморку, сказалъ:

— Сидите?.. Ну, сидите, а я пойду вамъ поѣсть сгадаю... Скоро ко всенощной ударятъ. Пойдете?..

— Какъ же,—отвѣтилъ дядя Юфимъ,—надо сходить... Я пойду...

Отецъ Пименъ ушелъ. Мы остались одни, поджидая его возвращенія и обсуждая свои дѣлишки. Прошло съ полчаса... онъ все не шелъ... Ударили ко всенощной. Дядя Юфимъ перекрестился и сказалъ:

— Вотъ те и ужинъ. Что онъ тамъ?.. За смертью его посылать!

— Подождемъ, — сказалъ Малинкинъ, — было бы чего ждать.

Подождали еще немного, и, наконецъ, о. Пименъ пришелъ, неся съ собой двѣ большихъ чашки. Въ одной были щи, въ другой каша и нѣсколько штукъ соленыхъ огурцовъ... Поставивъ это, онъ принесъ хлѣба, котораго могло бы хватить на десять человѣкъ...

— А я, рабы Божьи, все насчетъ васъ хлопочу,—сказалъ онъ, присѣвъ на кровать, — отца Зосиму видѣлъ, говорилъ... насчетъ того намекнулъ... Онъ говоритъ: „ладно“... Къ о. Владиміру забѣгъ... Есть ли?—спрашиваю. „Хоть облейся,—говоритъ,—приходи немного погодя...“ Какъ бы не разобрали... Надо, коли что, поторопиться... Я бы сейчасъ и сбѣгалъ, а?

Дядя Юфимъ, молча, ѣлъ, дѣлая видъ, что эти слова къ нему не относятся.

— А каша у васъ добрая, — облизывая ложку, сказалъ онъ.—И щи хороши... Капуста-то своя?

— Своя!—рѣзко отвѣтилъ о. Пименъ, точно отмахнувшись рукой отъ надоѣдливаго комара.—Надо, коли ужъ, брать двѣ половинки: одну, значитъ, о. Зосимѣ, а другую намъ.

— Намъ не надо,—сказалъ дядя Юфимъ,—чего ужъ тутъ лизать на пятерыхъ половинку... Пей ты, отецъ.

О. Пименъ радостно, не умѣя скрыть улыбку, потеръ руки одна о другую, точно грѣя ихъ, и воскликнулъ:

— Такъ я, буде, сбѣгаю!

— Много-ль тебѣ денегъ-то?—спросилъ Юфимъ.

— Полтину.

— Эва!—воскликнулъ дядя Юфимъ:—что дорого больно?..

— Рабъ Божій! — жалобно какъ-то воскликнулъ о. Пименъ:—Самъ посуди: и ему, о. Владиміру-то, нажить надо... Изъ чего-жъ и хлопотать?

Дядя Юфимъ, хмурясь, досталъ деньги и, отдавая ихъ о. Пимену, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Ты бы, Павлычъ, записывалъ, куда что... А то какъ бы не забыть грѣшнымъ дѣломъ... апосля спору промежъ насъ не было бы...

— Не бойся!—сказалъ Малинкинъ,—не забудемъ.

Получивъ деньги, о. Пименъ торопливо вышелъ изъ каморки. Мы опять остались одни.

— Ладно-ль, ребята, дѣлаемъ?—спросилъ Юфимъ:—какъ бы съ нимъ грѣха не нажить...

Мы молчали...

— Охъ, хо-хо!—продолжалъ старикъ:—врагъ-то, видно, горами качаетъ... Индо затрясся весь, увидалъ деньги... О, Господи Батюшка, ко всенощной звонятъ, а мы человѣка на грѣхъ наводимъ...

— Не махонькой, чай, смыслитъ,—отвѣтилъ Малинкинъ.

Немного погодя, пришелъ, запыхавшись, о. Пименъ и молча, радостно улыбаясь, поставилъ на столъ двѣ „половинки", вынувъ ихъ изъ кармановъ подрясника.

— Спосуду, какъ опорожнится, назадъ наказывалъ принесть,—сказалъ онъ.

— Дако-сь сюда! — сказалъ дядя Юфимъ, беря со стола одну половинку:—Терешка, спрячь, родной, къ себѣ въ сумку... Дѣло-то оно вѣрнѣе будетъ.

Онъ передалъ половинку Терехѣ-Вохѣ и, перекрестившись на иконы и взявъ картузъ, сказалъ:

— Ну, я пойду въ Божій храмъ.

— Погоди, пойдемъ вмѣстѣ,—сказалъ Малинкинъ.

— А вы, ребята, спать ложитесь,—сказалъ дядя Юфимъ, обращаясь къ намъ.—Мы не скоро.

Они вышли. Отецъ Пименъ заперъ за ними дверь. Въ каморкѣ стало темнѣть... Изъ „странни" доносилось храпѣнье... Отецъ Пименъ зажегъ лампадку.

— Ложитесь, рабы Божьи,—сказалъ онъ.

— И то лечь нѣшто,—отвѣтилъ Тереха-Воха, — Павлычъ, давай...

Онъ взялъ свою сумку, подложилъ ее подъ голову, перекрестился и, растянувшись на полу, почти сейчасъ же, по обыкновенію, захрапѣлъ.

— А ты, рабъ Божій?—спросилъ Пименъ.

— А я погожу... Курить можно?

— Кури... кури... Ты кури, а я того... пропущу,—захихикалъ онъ, потирая руки.—А я пропущу!—повторилъ онъ, радуясь...

Онъ взялъ половинку, сковырнулъ ногтемъ сургучъ и, ударивъ ладонью по донышку, вышибъ пробку... Пробка отлетѣла въ уголъ.

— Пошла душа въ рай, хвостикомъ завиляла! — сказалъ онъ и жадно началъ пить прямо изъ горлышка.

— Душа мѣру знаетъ, — сказалъ онъ затѣмъ, какъ-то ухнувъ и плюнувъ на полъ, отрываясь отъ половинки.—Эва еще осталось,—добавилъ онъ разглядывая ее на свѣтъ лампадки, — на зарядъ хватитъ... А ты, рабъ Божій, потребляешь?.. Дако-сь курнуть!—протянулъ онъ ко мнѣ руку,—закусить...

Я передалъ ему окурокъ. Онъ жадно, втягивая щеки, затянулся раза три и, передавая мнѣ обратно, сказалъ:

— Заберетъ складнѣе!..

Онъ присѣлъ на край кровати, что-то думая или ожидая дѣйствія водки. Я положилъ свою сумку рядомъ съ Терешкиной и легъ навзничь, наблюдая за о. Пименомъ.

Онъ посидѣлъ немножко, соскочилъ съ койки, открылъ въ столѣ ящикъ, досталъ оттуда огурецъ, чайную чашку, налилъ въ нее изъ половинки немного водки и, зажмуря глаза, выпилъ.

— Спишь, рабъ Божій?—спросилъ онъ, оглянувшись на меня.

— Нѣтъ... такъ лежу...

— А я еще выпью... останное... а?

— Захмѣлѣешь, отецъ.

Онъ ничего не отвѣтилъ и, молча, допилъ изъ половинки послѣдки.

— Все... вотъ и все!—грустно произнесъ онъ и сѣлъ на кровать.—Все!—повторилъ онъ.

Онъ поднесъ половинку ко рту и, запрокинувъ голову, допилъ нѣсколько оставшихся капель...

— Теперь полежать не грѣхъ,—сказалъ онъ и растянулся во весь ростъ на своей убогой постели. — А у насъ, рабъ Божій, — заговорилъ онъ, вдругъ приподнявшись, — какой тутъ недавно случай произошелъ... не слыхалъ, а? Съ отцемъ Кондратьемъ-то...

— Нѣтъ, не слыхалъ... А какой?..

— О-о!—затрясъ онъ головой,—ужасть! Прислали къ намъ въ обитель изъ... (онъ сказалъ—откуда) монаха на выдержку... Часто къ намъ присылаютъ... Молодой монахъ, видный... Таматко-то онъ, ишь, гулялъ шибко... ишь, полюбовница у него была... Мѣсто тамъ, знаешь, рабъ Божій, какое, — вольное,

доходное... постоянно деньга̀. Ну, а у насъ насчетъ этого плохо: коли своихъ нѣтъ,—взять негдѣ. Опять насчетъ харчей: какіе здѣсь противу тамашнихъ харчи? Ну, и затосковалъ малый... А пуще, слышь, объ полюбовницѣ убивался... молчитъ, бывало... спросишь,—молчитъ. Стука̀нный какой-то, ей-Богу... Вотъ разъ, что же, рабъ Божій: заперся, взялъ въ кельѣ да себя по горлу ножемъ... А ужъ за нимъ подглядывали: игуменъ, ишь, велѣлъ... Ладно, увидали... Ну, сполохъ пошелъ... Къ двери, а дверь здоровая, не выломаешь... Къ окну опять, а въ окнѣ рѣшотка желѣзная... во́ каки пруты!.. А онъ... Кондратій-то... отошелъ въ уголъ, пилюкаетъ себѣ глотку. Ножикъ-то, ишь, тупой,—не перепилюкаетъ никакъ... Просунули въ рѣшотку, въ окно-то, кочергу, зацѣпить его какъ-нибудь норовятъ... не достанешь! Пилюкалъ, пилюкалъ, перепилюкалъ-таки, а все живъ... Бросилъ ножикъ да, понимаешь, рабъ Божій, взялъ вотъ эдакъ пальцами самъ себѣ глотку-то и перервалъ... Ну, тутъ и свалился... готовъ!.. Выломали дверь, глядятъ: померъ!.. А крови-то, аки изъ барана, аки изъ барана! Ужасть!..

Онъ замолчалъ и сѣлъ на кровати, спустивъ ноги.

— А то повѣсился еще одинъ,—опять заговорилъ онъ,—въ лѣсу нашли... виситъ на суку... посинѣлъ весь... А крестъ съ себя снялъ, положилъ на землю... Съ крестомъ-то, ишь, не удавишься... *Онъ* боится креста-то... Грѣхи, рабъ Божій!..

Онъ опять замолчалъ... Въ каморкѣ стало совсѣмъ темно... Лампадка чуть-чуть мерцала. На „страннѣ“, за перегородкой, кто-то громко разговаривалъ, часто повторяя: „А я ему, чорту, и говорю... А я ему, чорту, и говорю“.

— Рабъ Божій, а ты откеда?.. Какой губерни, а? — нарушилъ молчаніе о. Пименъ.

— Здѣшній,—отвѣтилъ я.

— А я тверской, изъ кореловъ я. У насъ тутъ много изъ кореловъ. Ужъ я здѣсь второй разъ, въ обители-то... Да, второй!—повторилъ онъ, какъ будто ожидая, что́ я скажу на это. И видя, что я молчу, продолжалъ:—Ушелъ, да пришелъ... Куда-жъ мнѣ больше идти, самъ посуди, рабъ Божій, а? Куда?.. Коли мнѣ дѣться некуда... Я и пришелъ... Сказано: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы“... Я и пришелъ... взяли опять, ничего... игуменъ взялъ... У насъ игуменъ ха-а-а-рошій, простецъ!.. Что ты думаешь, рабъ Божій: допрежь, говорятъ, въ молодыхъ годахъ онъ пильщикъ продольный былъ... Какъ Господь-то возвеличилъ... Стало быть, Богу угодно... достоинъ... Мы, вотъ, недостойны, гдѣ намъ, грѣшны мы... Батюшки, сколько грѣховъ-то!.. Аки орѣховъ на орѣшинѣ... Ужасть!.. А нищихъ какъ любитъ игуменъ-то нашъ,—страсть!.. Умираетъ за нихъ..

Чтобъ ежели, спаси Богъ, узнаетъ, не накормитъ—распалитъ! Меня сюда на странню ставилъ на послушанье и говоритъ: „Пименъ, говоритъ, братъ, помни одно: „Блаженъ, разумѣваяй на нища и убога, въ день лютъ избавитъ его Господь"...

— А ты, отецъ, давно здѣсь, на страннѣ-то?

— Да вотъ ужъ четвертый годъ пошелъ...

— Насмотрѣлся, чай, на людей?

— О-о, рабъ Божій! какъ насмотрѣлся-то... Все-то одно, все-то одно каждый день! Голодные, холодные, грязные, больные... Ужасть!.. Самъ съ ними обовшивѣлъ...

— Надоѣло?

— Терплю... терплю, рабъ Божій... А тяжко ино... Охъ, хо-хо!.. ропщу... ругаюсь... вотъ выпьешь водочки, — отляжетъ...

— Ну, а прежде на какомъ послушаньи былъ?

— А всякія послушанія: въ квасной бочки мылъ... на конюшнѣ былъ, дрова рѣзалъ, воду качалъ... на прачешной бѣлье стиралъ, на угольницѣ уголь жегъ... да мало ли!..

— Что-жъ ушелъ, зачѣмъ?

— А соскучился! Тоска напала... врагъ, извѣстно! Напала тоска,—мѣста не найду! Взялъ да и ушелъ... Поболѣ года на волѣ шатался... На родинѣ былъ... только тамъ мнѣ, вижу, дѣлать нечего... По монастырямъ ходилъ, Богу молился... пришелъ опять сюда: здѣсь ужъ, видно, и помирать буду...

Онъ замолчалъ и потомъ, послѣ долгаго молчанія, спросилъ вдругъ:

— Рабъ Божій, а ты женатъ, аль холостъ?

— Женатъ.

— А дѣти-то есть ли?...

— Есть.

— Сыновья, что ли?

— Есть и сынъ.

— Махонькій?..

— Да.

Онъ вдругъ спрыгнулъ съ койки и, сѣвъ рядомъ со мной на полу и наклонившись ко мнѣ, шепотомъ заговорилъ:

— Рабъ Божій, не сердись, по душамъ я тебѣ скажу: береги ты сынка... Учи паче всего Божьему слову... Сказано: что посѣешь, то и пожнешь... Паче огня бойся ругаться при немъ матерно, пьяный бѣги прочь... не бей... все по хорошему, все по хорошему дѣлай... чтобы видѣлъ онъ, каковъ ты человѣкъ есть... Выростетъ, почитать будетъ... слова отъ него не услышишь супротивнаго... Помни,—самъ Христосъ Батюшка сказалъ: „Пустите дѣтей приходить ко Мнѣ"... Съ ребенкомъ, что хошь, сдѣлать можно... Ангельская

душка—аки воскъ мягкій... Самъ Господь Батюшка на своихъ пречистыхъ рукахъ ее держитъ...

— Охъ, рабъ Божій,—тяжело вздохнувъ, продолжалъ онъ прерывающимся голосомъ:—кабы ты зналъ, каку я маяту-муку черезъ дѣтей принялъ!.. А кто виноватъ?.. Самъ, песъ смердящій!.. Понялъ это вотъ теперича, на краю могилы... понялъ, рабъ Божій, да поздно... вотъ онъ, локоть-то, а укуси-ка, попробуй... нѣтъ, не укусишь!.. Нѣшто мнѣ здѣсь жить-то надо? Два сына, а спроси: гдѣ? Въ „злой ротѣ“, вотъ гдѣ!.. Я изъ нихъ Господа изгналъ, а дьявола вселилъ... Воры они теперича, мошенники... Въ тѣ поры, когда махонькіе были, что я дѣлалъ?.. Господи Батюшка, ужасъ... Бывало, напьюсь пьяный, приду домой и давай бушевать... Жена, покойница, побѣлѣетъ, словно береста... а я ее матерно... тьфу!.. съ топоромъ, съ ножемъ бѣгалъ... Ну, а они-то видятъ, все это имъ въ память входитъ... Ихъ билъ... страсть какъ билъ... да все по черному... гдѣ бы приласкать, пожалѣть, а я рычу... Боялись меня пуще огня... А тутъ мать померла, одинъ съ ними остался... полюбовницу себѣ завелъ, шкуреху-канарейку... А они ужъ понимать стали... Да что ужъ!

— Далѣ да болѣ, далѣ да болѣ.,. выросли ребяты... Ну, тутъ и пошло! Я слово,—мнѣ десять... Я бить, — они меня! Извѣстно, вошли въ года... Въ солдаты одного взяли, другой остался. Пить началъ, изъ дому тащить... Я туды, сюды, — нѣтъ, шалишь!.. Дѣло пропало, шабашъ! Отслужилъ другой, пришелъ домой... пошло еще хуже! Я такъ, они этакъ... Въ воровство ударились... Били ихъ мужики разъ, страсть какъ!.. Женить хотѣлъ, — не идетъ никакая... Отбились совсѣмъ... А мнѣ только и названья: „собака проклятая“. Вижу — дѣло мое пропащее... Уходите, говорю, съ глазъ моихъ долой, а я продамъ избу, тоже уйду... „Нѣтъ, говорятъ, старый песъ, намъ долю давай“...—Кака ваша доля? — „Така!“ —говорятъ.— Нѣтъ вашей доли, все мы съ матерью наживали... все мое...— „Ты, говорятъ, собака, ее въ могилу вогналъ... На кой ты намъ... Давай, да и все, уйдемъ мы“... Я было на міръ, а міръ и радъ: „Пущай идутъ. Дери ихъ деромъ, и съ тобой-то вмѣстѣ“... Ну и того, рабъ Божій, пошло все прахомъ.

Онъ замолчалъ и долго сидѣлъ молча, тяжело дыша и сопя носомъ.

— Рабъ Божій!—зашепталъ онъ опять и ощупалъ меня руками:—а, рабъ Божій!.. Что я тебѣ скажу?

— Что?

— Дай мнѣ на шкаликъ, а? Христомъ Богомъ прошу, а? Я заслужу...

— Запьянѣешь?—сказалъ я.

— Ничего... дай, а?.. Дашь?

— Да гдѣ-жъ ты добудешь теперь?

— У Владиміра... ужъ я добуду... рабъ Божій... родной!— Онъ вдругъ всталъ на колѣяки и, наклонившись, поцѣловалъ меня.—Дай!.. Дай, Христа ради!—Онъ захлюпалъ.—За-а-а-служу я тебѣ... пожалѣй... ты добудешь... Богъ те за это впятеро невидимо пошлетъ... дай!..

Онъ ползалъ на колѣнкахъ, хватая меня руками и хлюпая.

— Спаси Христосъ! Спаси Христосъ! — залепеталъ онъ, получивъ отъ меня 15 к.—Спаси Христосъ! Родной ты мой.. не пожалѣлъ, далъ... Деньги—тлѣнъ... душу спасай... душу... душу...

— Душу!—повторилъ онъ еще разъ уже за дверью, и мнѣ слышно было, какъ онъ, топая большими сапогами, шелъ по „страннѣ“ къ выходной двери.

XIII.

Отецъ Зосима, къ которому мы на другой день утромъ направились, поджидалъ насъ (о. Пименъ предупредилъ его), сидя на ступенькахъ крылечка у входа въ кельи, гдѣ жили монахи.

Человѣкъ этотъ былъ маленькаго роста, кряжистый, похожій на корявый обрубокъ корельской березы (о. Зосима тоже былъ изъ корелъ), съ длинной клинообразной бородой, съ щетинистыми, какъ у николаевскаго солдата, усами, съ лицомъ, похожимъ на старинный пятакъ, съ маленькими глазками, надъ которыми нависли сѣдыя длинныя брови, придававшія лицу о. Зосимы вмѣстѣ и смѣшной, и суровый видъ.

Онъ еще издали увидалъ насъ, но зачѣмъ-то началъ усердно ковырять палочкой въ пескѣ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ насъ.

Около его ногъ бродили голуби... Солнышко ярко освѣщало и его, и его длинную бѣлую бороду, и голубей, и растущіе около душистые тополя, и все крыльцо, гдѣ онъ сидѣлъ...

Подойдя, мы остановились и поздоровались.

Онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на насъ какъ-то смѣшно, желая, вѣроятно, показать свою важность, нахмурился, отчего его глазки стали еще меньше, и сказалъ:

— Вы что, рабы Божьи?..

— Да вотъ, отецъ, къ твоей милости, — отвѣтилъ дядя Юфимъ,—насчетъ, значитъ, работенки. Сказывали намъ: дровишки рѣзать... Аль тамъ косить мы можемъ... мы...

— Сказывали!—перебилъ его, передразнивъ, о. Зосима:—кто сказывалъ?.. Никто не знаетъ... Я хозяинъ!—вдругъ, ткнувъ себя пальцемъ въ грудь, важно надувшись, произнесъ онъ и, глядя на насъ и хмуря брови, еще разъ сказалъ:—Я хозяинъ!

— Вотъ мы къ вашей милости и пришли,—сказалъ дядя Юфимъ, переходя съ ты на вы,—насъ къ вашей, отецъ, милости и наладили.

— Кто наладилъ?.. Никто не можетъ наладить... Я хозяинъ. А пачпорта при васъ?—еще больше надуваясь, спросилъ онъ.

— Видъ при насъ,—отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Да вы можете ль работать-то, а? Можетъ, вы только монастырскую кашу умѣете ѣсть?..

— Ну, вотъ,—усмѣхнулся дядя Юфимъ,—чай, мы не господа... мы крестьяне... дарма хлѣбъ не ѣдимъ.—И, немного помолчавъ и сдѣлавъ на своемъ лицѣ какую-то смѣшную улыбку, тихо добавилъ:—Мы вашей милости гостинчикъ принесли, не обезсудьте... вотъ...

Онъ запустилъ руку въ карманъ и осторожно, оглянувшись по сторонамъ, вытащилъ „половинку" и сейчасъ же снова спряталъ ее.

Отецъ Зосима широко ухмыльнулся, при чемъ вся его суровость сразу пропала, и лицо точно расцвѣло.

— Ну,—сказалъ онъ, поднимаясь съ мѣста, — пойдемте въ келью... пачпорта отберу у васъ.

Онъ взошелъ на крыльцо и, отворивъ дверь, сказалъ:

— Идите!

Мы вошли въ какой-то полутемный длинный корридоръ, въ которомъ пахло чѣмъ-то похожимъ на запахъ испорченной кислой капусты, и пошли по этому корридору, вслѣдъ за о. Зосимой, въ самый дальній конецъ.

Въ корридорѣ было мертвенно тихо, сыро и какъ-то жутко, точно въ гостиницѣ; по бокамъ были двери, ведущія въ кельи...

Въ концѣ коридора, у самой крайней двери о. Зосима остановился и, доставъ изъ кармана большой ключъ, сунулъ его въ замокъ и повернулъ... Раздался гулкій, звенящій звукъ. О. Зосима толкнулъ дверь и, пропустивъ сперва насъ, вошелъ самъ, захлопнулъ за собой дверь и заперъ ее...

Келья, куда мы вошли, была узенькая, аршина два съ половиной въ ширину и аршинъ шесть въ длину, со сводчатымъ потолкомъ, похожая на склепъ, куда ставятъ мертвецовъ. Налѣво отъ двери помѣщалась изразцовая печь, съ узенькой аршина въ три лежанкой. Кровати въ кельѣ не

было, и поэтому можно было предположить, что о. Зосима спалъ на этой лежанкѣ и зиму, и лѣто.

Небольшое окно съ рѣшоткой, сдѣланное въ толстой аршина въ два стѣнѣ, выходило за монастырскую ограду, и сквозь него видна была рѣчка, поле, синева неба...

Въ переднемъ углу висѣли иконы, подъ ними столикъ съ книгами, шкафчикъ, табуретка.

Отецъ Зосима пододвинулъ къ столу табуретку и сѣлъ на нее... Мы всѣ четверо стали около двери... Водворилось какое-то неловкое молчаніе... Наконецъ, о. Зосима, доставъ изъ кармана берестовую тавлинку и понюхавъ изъ нее табачку, сказалъ:

— Та-а-а-къ, значитъ!—и, помолчавъ, опять протянулъ:— та-а-а-къ!..

Стоявшій впереди насъ, дядя Юфимъ торопливо досталъ „половинку“ и, молча, поставилъ ее на столъ передъ о. Зосимой.

О. Зосима мотнулъ головой, взялъ ее, посмотрѣлъ на свѣтъ, встряхнулъ и вымолвилъ:

— Казенка пошла... Доходная статья, и вино много лучше. А гдѣ брали-то?..

— Ваша, здѣшняя, въ обители брали, — отвѣтилъ дядя Юфимъ.

— Та а-а-къ!—О. Зосима, потянувшись черезъ столъ, снялъ съ гвоздика висѣвшія на немъ ножницы.—Та-а-а-къ!—повторилъ онъ опять, отковыривая ножницами сургучъ. — Дорога здѣсь-то... четвертакъ, небось, а?..

Мы промолчали.

— Ну, я попробую,—продолжалъ онъ, выковыривая этими же ножницами пробку.—Не знаю, закусить-то у меня есть ли?..

Онъ отворилъ шкафчикъ и, нагнувшись, сталъ тамъ шарить.

— Нѣту,—сказалъ онъ, ставя на столъ чайную чашку.— Нечѣмъ закусить... Ну, я такъ... языкомъ... А, рабы Божьи, языкомъ?..

Онъ потихоньку захихикалъ, завторили ему и мы.

— Кушай, отецъ!—сказалъ дядя Юфимъ, снова переходя на ты,—кушай на здоровье... а тамъ и потолкуемъ.

— Чего толковать, толковать нечего... работайте!—сказалъ о. Зосима, выпивая водки.—Я хозяинъ...

— У насъ, отецъ, вишь ты какое дѣло... струменту-то своего нѣтъ.

— Гм! Какъ же это вы... безъ струменту?—принимая опять такой же важно-надутый видъ, какъ и давеча на крылечкѣ, спросилъ о. Зосима.

— Да мы, признаться, на мѣстахъ жили... въ имѣніи

одномъ, въ рабочихъ. Ну, взяли разсчетъ, ушли... аткеда-жъ у насъ струменту быть?.. Ходимъ вотъ, пока что,—работенки ищемъ... гдѣ кака придется... Мы, признаться, шли сюда, думали на покосъ попасть, анъ дѣло-то, вишь ты: косить-то не начинали... сказываютъ, на той недѣлѣ начнутъ.

— Сказываютъ!—разсердившись опять, передразнилъ его о. Зосима:—кто сказываетъ?.. Никто ничего не знаетъ... Я хозяинъ!..

— Да я такъ,—спохватился Юфимъ.

— То-то такъ... Я хозяинъ!..

Онъ вылилъ въ чашку остатки и допилъ все.

— Ну, а каку же ты, отецъ, цѣну положишь?—спросилъ дядя Юфимъ.

— Не обижу.

— Ну, а всетаки?

— Да каку цѣну?.. У меня, вонъ, работаютъ юхновцы.. Имъ цѣна настоящая: у нихъ и струментъ, и все... Они привыкши, харчъ у нихъ свой... Гдѣ вамъ до нихъ!.. Вы вотъ что, ребята, я вамъ скажу: беритесь поденно. По тридцать монетъ дамъ... Ну, извѣстно: харчи наши, фатера, струментъ дамъ... струментъ, надо правду говорить,—неважный, много имъ не надѣлашь... Ну, а вотъ ежели поденно, таковскій... Пили, да пили...

Дядя Юфимъ почесалъ затылокъ.

— Возьмись поденно, а ты, отецъ, и будешь надъ душой стоять, не отойдешь... За тридцать-то копѣекъ заѣздишь!..

— Эва сказалъ!—воскликнулъ о. Зосима:—Буду я надъ душой стоять!.. Да я въ лѣсъ-то въ недѣлю разъ хожу... Я, другъ, не люблю эдакъ... Я на совѣсть... У меня этого нѣтъ, чтобы, значить, человѣка изводить... У преподобнаго на всѣхъ хватитъ.

— Какъ же, ребята, скажете?—обернулся къ намъ дядя Юфимъ:—думайте, какъ лучше.

— Думай не думай... оставаться надо,—отвѣтилъ Малинкинъ.—Глухое время, куда дѣнешься?

— Ну, вотъ и ладно,—отвѣтилъ о. Зосима, поднимаясь съ мѣста,—ступайте въ рабочую покеда, на конный дворъ... Къ обѣду позвонятъ, обѣдать на трапезну приходите... Я приду ужо, струментъ принесу... Нонѣ праздникъ... работать грѣхъ. Завтра по-утру поставлю васъ... Идите со Христомъ... За водку спасибо, утѣшенье мнѣ старику... Спаси Христосъ!

XIV.

Рабочая, куда мы пришли, по указанію о. Зосимы, была большая, съ низкимъ чернымъ потолкомъ, мрачная, загаженная комната. Огромная печка стояла по-срединѣ... Около стѣнъ, какъ и на „страннѣ", были настроены нары. Въ переднемъ углу стояли столъ и скамейки. Четыре небольшихъ окна, за двойными рамами, очевидно, никогда не выставлявшимися, глядѣли во дворъ.

Въ рабочей былъ народъ: шесть человѣкъ продольныхъ пильщиковъ и трое постоянныхъ мѣсячныхъ монастырскихъ рабочихъ. Эти послѣдніе, почти старики, жили здѣсь, получая лѣтомъ пять рублей, а зимой три на готовыхъ харчахъ.

Пильщики, въ грязныхъ рубашкахъ съ открытыми воротами (въ рабочей было жарко), сидѣли за столомъ и допивали водку изъ третьей бутылки (двѣ стояли уже пустыя), шумно о чемъ-то разговаривая.

Монастырскіе рабочіе, съ сердитыми лицами, лежали на на нарахъ и курили трубку, молча передавая ее одинъ другому и громко харкая, куда попало.

— Пріягнаго аппетита!—сказалъ дядя Юфимъ, поклонившись пильщикамъ и помолившись на картинку, висѣвшую въ углу надъ столомъ, на которой былъ изображенъ старецъ, кормящій изъ рукъ огромнаго во всю картинку медвѣдя,— миръ вашей компаніи...

— Садись,—отвѣтилъ ему на это одинъ изъ пильщиковъ,—гость будешь... Вина купишь—хозяинъ будешь... Что скажете?.. Зачѣмъ?

Дядя Юфимъ объяснилъ, зачѣмъ мы пришли.

— Чудно̀!—воскликнулъ одинъ изъ пильщиковъ, выслушавъ его,—много ль добудете-то?.. Изъ за хлѣба на квасъ! Хуже-то не нашли...

— Да мы временно, пока, значитъ, время глухое, а тамъ уйдемъ,—пояснилъ Юфимъ.

— Здѣсь, другъ, тоже даромъ кашей не кормятъ,—опять сказалъ пильщикъ: — ты думаешь, даромъ тридцать-то монетъ дадутъ? Какъ же!.. Здѣсь, братъ, народъ аховый, садись да помахивай... Ты не гляди, что онъ монахъ,—онъ те́ доѣдетъ... Мы здѣсь котору весну работаемъ! Не дальніе, знаемъ всѣ порядки... Вотъ дай дѣло къ разсчету,—жмутъ: скидку, то, се... Чай, небось, ужъ водочки поднесли хозяину-то?..

— Какому хозяину?..

— А Зосимкѣ-то!..—засмѣявшись, отвѣтилъ пильщикъ:— У него вѣдь первое слово: „я хозяинъ!"...

— Любитъ выпить,—сказалъ другой.

— Никто не откинетъ!—проворчалъ съ наръ рабочій:— Всѣ—не пролей капельки!..

XV.

Вскорѣ послѣ обѣдни раздался звонокъ на обѣдъ. Мы отправились, вслѣдъ за потянувшимися со всѣхъ сторонъ монахами, по направленію къ трапезной, расположенной въ самой отдаленной части монастыря. Огромный, узкій залъ, заставленный длинными столами, съ расписными потолкомъ и стѣнами, съ какимъ-то особеннымъ „монастырскимъ запахомъ“, быстро наполнялся монахами. Всѣ ждали игумена. Наконецъ, онъ явился. Это былъ замѣчательно красивый старикъ съ огромной сѣдой бородой, румяный и бодрый... Какъ-то особенно энергично шагая, онъ прошелъ между разступившимися монахами впередъ и остановился передъ большимъ кіотомъ съ образами.

Монахи пропѣли молитву и, не торопясь, чинно размѣстились за столами. Около аналойчика всталъ, небольшого роста, бѣлый, какъ лунь, старичекъ и началъ читать что-то, чего нельзя было понять, ибо старичекъ гнусавилъ и спотыкался на каждомъ словѣ. Нѣсколько молодыхъ послушниковъ отправились на кухню за кушаньемъ.

Мы, рабочіе, усѣлись за отдѣльный столъ, близь порога, поодаль отъ монашескихъ столовъ, и двое помоложе отправились вслѣдъ за послушниками, на кухню.

Всѣ столы были покрыты бѣлыми изъ грубаго толстаго холста скатертями, и только нашъ, „рабочій“, не былъ ничѣмъ прикрытъ и лоснился, точно лакированный... Отъ него пахло постнымъ масломъ... На столѣ стоялъ въ трехъ мѣстахъ, по рединѣ и по бокамъ, квасъ, въ жестяныхъ, пузатыхъ жбанчикахъ, и лежали небольшіе жестянные ковшики.

Чернаго хлѣба, нарѣзаннаго квадратными кусками, хватило бы, кромѣ насъ, еще человѣкъ на пять. Хлѣбъ лежалъ по столу стопками мѣстахъ въ шести...

Вскорѣ, осторожно ступая, гуськомъ, другъ за другомъ, стали входить послушники, неся въ рукахъ небольшія деревянныя чашки... Чашки эти разставили по столамъ, начиная по порядку отъ игумена...

Игуменъ позвонилъ, и „братія“ принялась за ѣду. Ѣли молча, тихо, не торопясь... Слышалось только чавканье, легкій стукъ ложекъ да монотонное, непонятное бормотанье старца, читавшаго что-то изъ житія святыхъ.

Когда чашки опорожнились, игуменъ, подождавъ немного

и видя, что уже никто не ѣстъ, позвонилъ снова. Послушники вскочили и отправились на кухню за второй перемѣной. Наши пильщики послѣдовали за ними.

Въ это время, дверь вдругъ тихонько отворилась, и въ трапезную робко, какъ-то бокомъ, точно крадучись, вошелъ молодой монахъ, съ черной клинообразной бородой.

Войдя, онъ остановился и началъ молиться, широко и размашисто крестясь. Потомъ, низко, въ поясъ поклонившись на три стороны, подошелъ къ нашему столу и сѣлъ съ краю, рядомъ съ Терешкой и со мной.

Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что голова у него была начисто острижена. Приглядѣвшись внимательнѣе, я увидалъ, что по этой бритой головѣ ползаютъ бѣлыя насѣкомыя, и почувствовалъ, какъ холодокъ пошелъ у меня по спинѣ... Пильщики нахмурились, но дѣлали видъ, что ничего не замѣчаютъ... Я посмотрѣлъ еще. Монашекъ вдругъ полуобернулся въ мою сторону и, поймавъ мой взглядъ, улыбнулся какой-то необыкновенно жалкой, испуганной улыбкой...

Онъ наклонился и сидѣлъ, вертя въ рукахъ ложку, но не прикасаясь къ ѣдѣ.

— Отецъ Иванъ,—шепотомъ черезъ столъ сказалъ старый пильщикъ, — хлебай, родной... не бойся... мы ничего...

Монахъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на него и, опять такъ же жалобно улыбнувшись, началъ хлебать...

Игуменъ позвонилъ... Послушники принесли третью перемѣну. Мы принялись за ѣду, а монахъ, почему-то, опять только игралъ ложкой...

— Ѣшь, о. Иванъ, — снова шепотомъ сказалъ старый пильщикъ,—ѣшь, ѣшь, не робѣй!..

Монахъ опять виновато улыбнулся и принялся за ѣду...

Послѣ обильнаго обѣда монахи пропѣли молитву и, пропустивъ впередъ игумена, стали выходить изъ трапезной... Мы, вмѣстѣ съ сидѣвшимъ за нашимъ столомъ монахомъ, вышли послѣдними.

— Заходи, о. Иванъ, посидѣть въ рабочую,—сказалъ старый пильщикъ, выйдя изъ трапезной,—заходи, не бойся!

— Спаси Христосъ! Спаси Христосъ!—нѣсколько разъ съ улыбкой произнесъ монахъ и вдругъ, какъ-то согнувшись, торопливо пошелъ отъ насъ въ противоположную сторону.

— Мускоротно съ нимъ за столомъ-то сидѣть, — сказалъ одинъ изъ пильщиковъ, — кусокъ въ глотку не идетъ... ей-Богу... къ себѣ, небось, не сажаютъ.

— Что за монахъ этотъ?—спросилъ я у стараго пильщика.

— Э, братъ ты мой!—воскликнулъ онъ,—Іовъ многострадальный! Истинный Господь,—жалости на него смотрѣть... Говорятъ, ишь, зачитался, библію все читалъ... Читалъ, чи-

талъ, да, видно, умъ за разумъ и зашелъ.. свихнулся вродѣ... Мать, слышь ты, къ нему издалеча пріѣзжала... Вчужѣ я въ тѣ поры, парень, наплакался.. Привела она его на странню, посадила на скамью... А онъ не стриженый былъ... волосищи долгіе, да свалялись всѣ комомъ, а въ кому-то, вѣришь-ли Богу, несосвѣтимая сила вшей... Кишма кишатъ! Увидала она это... какъ взвоетъ,—такъ и покатилась... Страсть! Добыла ножницы, вывела на дворъ, давай стричь, какъ барана... Народъ собрался, глядятъ всѣ... Злая рота смѣется... Остригла баба, глядь—голова-то мѣстахъ эдакъ въ пяти до кости проѣдена. „Батюшка, кричитъ, сынокъ!" то, се... сама разливается, плачетъ... Извѣстно, материнское сердце: жалко... Я мужикъ вотъ, чужой, да и то жалко... Ну, хорошо... мыть это она ему голову стала... Справила малаго, пожила съ недѣлю, ушла... Въ ногахъ валялась у игумена-то... просила не оставлять... братью просила... Только вотъ дивное, парень, дѣло: не выходитъ изъ него нечисть эта самая! Вымоютъ, бѣлье чистое надѣнутъ... хвать, на другой день опять... Говорятъ старые люди: отъ думы это, да ежели сердцемъ горячъ... Кто его знаетъ, что за человѣкъ... Его вонъ обижаютъ, а онъ скажетъ только: „Господь просвѣщеніе мое и спаситель мой, кого убоюся..." да и отойдетъ прочь... Мать-то сказывала: охотой, ишь, ушелъ въ монастырь-то... съ малости чудной былъ, тихой, да все думалъ про себя... Умница, сказываетъ, былъ, жалостливый: курицу начнутъ рѣзать, а онъ въ слезы и убѣжитъ... Грамотѣ хорошо, сказываютъ, знаетъ... Озорничаютъ тутъ надъ нимъ послушники: ребята молодые, гладкіе, кой имъ песъ!.. Народъ, другъ, здѣсь тоже охъ-хо-хо! Грѣха-то конца краю нѣтъ... Чего имъ!.. Жизнь вольная... Харчъ хорошій... ихъ бы, вотъ, подъ пилу: узнали бы, на чемъ свинья хвостъ носитъ!..

Старый рабочій замолчалъ, свернулъ покурить, отошелъ отъ меня и легъ на нары.

XVI.

Къ вечеру, послѣ ужина, пришелъ о. Зосима и принесъ „струментъ": двѣ пилы, два топора, два колуна. Пилы были ржавыя, давнымъ давно не точеныя и не разводившіяся...

— Охъ, отецъ, — сказалъ дядя Юфимъ, — ужъ и струментъ же у тебя... Охъ-хо-хо!.. Ты бы хоть подпилокъ далъ да разводку... Я, може, пилы-то наладилъ бы.

— Подпилокъ! Чтó еще выдумалъ... Онъ сколько стоитъ-то? Три гривенника. А ты его сразу изгадишь... Сойдетъ и эдакъ: по барину и говядина...

— Да намъ все едино... Смотри только, не взыскивай работу... На чиненомъ, отецъ, конѣ далеча не уѣдешь...

— Я хозяинъ! мое дѣло... Ты, рабъ Божій, я гляжу, пустословить любишь... А ты вотъ что: даютъ,—бери, бьютъ—бѣги... не пустословь!.. Не люблю: я хозяинъ! Завтра утречкомъ поранѣ я васъ поставлю.. Пилюкайте, да пилюкайте...

Онъ ушелъ... Дядя Юфимъ повертѣлъ въ рукахъ „струментъ", разглядывая его, покачалъ головой и сказалъ:

— И ладно, ребята, мы сдѣлали, что поденно взялись... Зарѣзъ бы намъ былъ... Эва топоры-то: тѣсто рубить!..

. . . .

Утромъ, до восхода солнца, о. Зосима разбудилъ насъ и повелъ въ лѣсъ на работу. Идти пришлось довольно далеко, — версты за три, по плохой дорогѣ... Отецъ Зосима, повидимому, былъ не въ духѣ: онъ шелъ впереди и всю дорогу молчалъ.

Лѣсъ, куда онъ привелъ насъ на работу, былъ смѣшанный: ельникъ, осинникъ, береза... Преобладалъ, впрочемъ, осинникъ. Высокія, прямыя, „взводистыя", какъ говорилъ дядя Юфимъ, до самой макушки голыя осины достигали огромной вышины... Между ними было много сухихъ, стоявшихъ еще на корню, и много валялось по землѣ сгнившихъ или начинавшихъ гнить... Тутъ же валялось много хвороста, росла сочная, мягкая трава, и было сыро. На верху шуршало и шумѣло море листьевъ... Со всѣхъ сторонъ доносилось разнообразное чириканье птичекъ...

— Вы, рабы Божьи, коли пойдетъ вѣтеръ, остерегайтесь,— сказалъ о. Зосима, — спаси Богъ, лѣсъ валится здѣсь здорово... Коли увидите, силенъ вѣтеръ — бросайте работу... Убьетъ... Тутъ вонъ, вишь, сушняку сколько... на чемъ держится только... пхни рукой—упадетъ... особливо какъ мѣсто очистите... они другъ дружку держатъ... Рѣжьте на подрядъ, а кладка порознь... Осина къ осинѣ, береза къ березѣ... на швырокъ рѣжьте... ну, елки, извѣстно, на бревна пойдутъ... Сушилку тоже въ дровишки... Мѣрка три четверти плаха... Кладка обыкновенная, рощинская.

— Ладно,—сказалъ дядя Юфимъ и спросилъ: — А какъ класть?..

— Все едино... кладите, какъ вамъ способнѣе, полсаженками, четвертками, восьмушками... все едино! Приступайте со Христомъ.

Мы раздѣлились на двѣ пары, -Тереха-Воха съ Малинкинымъ, дядя Юфимъ со мной, — и, разойдясь, по указанію о. Зосимы, въ разныя стороны, принялись за работу...

Отецъ Зосима, постоявъ немного, посмотрѣлъ и ушелъ, сказавъ намъ:

— Ну, Христосъ съ вами, пилюкайте!.. Потрудитесь для преподобнаго... Увидите,—солнце на полдни встанетъ, — бросайте... Обѣдать приходите...

Работать тупыми пилами было тяжело... Мы скоро запыхались и облились потомъ... Пилили, ставъ на колѣнки, подъ самый корень.

Высокія „взводистыя“ осины падали съ трескомъ и шумомъ, ударяясь объ землю съ такой силой, что каждый разъ, въ особенности у сухихъ, отскакивала точно срубленная топоромъ макушка, или же отъ силы удара дерево ломалось пополамъ.

Сваливъ дерево и приступивъ къ другому, дядя Юфимъ измѣрялъ его снизу до верху глазами и каждый разъ говорилъ:

— Эва махина, аршинъ восьмнадцать!.. Ну, Павлычъ, Господи благослови!..

Работа была очень трудна, въ особенности когда осина „зажимала...“

— Тьфу, окаянная! — сердился дядя Юфимъ, — зажала... чтобъ те издохнуть!..

Приходилось съ трудомъ вытаскивать пилу и начинать отрѣзъ съ другой стороны.

Случалось, что спиленное съ корня дерево не падало, а запутывалось вершиной тамъ гдѣ-то, на верху, останавливаясь въ наклонномъ положеніи; тогда, крикнувъ Терешку и Малинкина, мы всѣ четверо брались за комель и оттаскивали его въ сторону до тѣхъ поръ, пока не освобождалась вершина, и дерево, ломая сучья, грохалось объ землю.

— Ухъ!—раздавался глухой ударъ, и эхо гдѣ-то въ сторонѣ тихо повторяло:—Ухъ...

— Трудно, матушка,—говорилъ дядя Юфимъ,—трудно!

Сваливъ по нѣскольку штукъ деревьевъ, мы, усталые, мокрые отъ поту, сошлись всѣ четверо и сдѣлали продолжительную „залогу“. Сидѣли долго, курили и разговаривали...

Отдыхать въ лѣсу было славно. Надъ нами, вверху, не смолкая, шумѣли безпокойныя осины... По сторонамъ чирикали птички, гдѣ-то куковала кукушка... Лучи солнца, пробиваясь сквозь частую сѣтку вѣтвей и листьевъ, падали пятнами, играя по зеленому моху.

— Потрудимся для преподобнаго,—сказалъ дядя Юфимъ, поднимаясь,—авось зачтется... Начинай, ребята!..

Мы опять разошлись и начали пилить сваленыя деревья въ дрова. Это дѣло оказалось еще труднѣе.

Отпиливъ кое-какъ первую самую толстую плаху („стулъ“, какъ говорилъ дядя Юфимъ) и посрубивъ съ дерева топорами сучья, мы брались за комель, взваливали дерево на

„стулъ“ такъ, чтобы толстый конецъ, аршина на два выдвигаясь впередъ свѣшивался книзу и во время пилки, не зажималъ пилу.

Покончивъ кое-какъ съ этимъ дѣломъ и отдохнувъ, я колуномъ началъ раскалывать чураки, на двое, а дядя Юфимъ сталъ складывать ихъ въ четвертку. За этимъ дѣломъ мы провозились долго, и солнце стояло уже высоко.

— Время обѣдать,—крикнулъ дядя Юфимъ:—О-о-пъ!..

— Опъ!—откликнулся Малинкинъ.

Мы попрятали, „струментъ“ въ кусты и отправились въ монастырь. Монахи уже отобѣдали, и высокій, худой, грязный поваръ о. Савелій, сердясь, собралъ намъ отдѣльно.

— Вы, рабы Божьи, не опаздывайте,—сказалъ онъ.—Мнѣ тоже, небось, отдохнуть надо. Я съ двухъ часовъ не присяду... Чего такъ больно усердствуете, аль заслужить думаете?.. Здѣсь не заслужишь... А работа дураковъ любитъ... Вы вотъ что: какъ ударятъ къ достойной, такъ и бросайте: здѣсь порядокъ такой... А по вечеру зазвонятъ къ вечернѣ,—опять бросайте. А то и собирать не стану... Ну, васъ къ ляду! Лошадь я въ самъ-дѣлѣ, что ли?..

Пообѣдавъ, мы отправились въ рабочую. Пильщики тоже уже отобѣдали и лежали на нарахъ—отдыхали. Насъ они встрѣтили съ усмѣшкой.

— Много ль напилюкали, отцы? — спросилъ старшій,—восьмушку вчетверомъ-то выставили, а?..

Дядя Юфимъ, молча, махнулъ рукой и полѣзъ на нары..

Пильщики засмѣялись...

С. Подъячевъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Болгарская конституція.

III.

По параграфу 4-му конституціи „Болгарское княжество есть монархія наслѣдственная и конституціонная, съ народнымъ представительствомъ“. Но это опредѣленіе, какъ и другія относящіяся къ нему постановленія конституціи, оставляетъ большой просторъ для толкованій какъ теоретикамъ государственнаго права, такъ и практическимъ политическимъ дѣятелямъ. И даже независимо отъ того или другого юридическаго или публицистическаго толкованія примѣненіе конституціи на практикѣ такъ далеко отступало отъ всего, что требуется европейскими понятіями о законности, что скептическое и ироническое отношеніе къ этой „декораціи“ общественной жизни сдѣлалось въ самой болгарской средѣ дѣломъ вполнѣ обычнымъ. Было бы, однако, большой ошибкой со стороны иностранца принять это легкое отношеніе къ основному закону страны за чистую монету. Ближайшее знакомство съ политической жизнью Болгаріи можетъ показать, наоборотъ, что у этого дешеваго скептицизма есть своя обратная сторона: что въ дѣйствительности болгарское общество въ высшей степени чутко относилось не только къ факту, но даже къ малѣйшему слуху о перемѣнахъ въ конституціи и стойко становилось на защиту того самого документа, который—въ минуты, когда никакой серьезной опасности ему не грозило,—оно готово было трактовать, какъ клочекъ писаной бумаги. Разница въ пониманіи конституціи, такъ же какъ контрастъ между буквой и ея примѣненіемъ очень велики, дѣйствительно; но стоитъ лишь послушать отзывы болгаръ о странахъ, не пользующихся благами свободной политической жизни, чтобы замѣтить, какъ много политическихъ навыковъ уже проникло въ общее сознаніе всѣхъ партій, благодаря четвертьвѣковой практикѣ конституціи. Такимъ образомъ, рѣзкость полемики, такъ же какъ и грубость конституціонныхъ правонарушеній, не должны вводить насъ въ заблужденіе относительно главнаго: въ Болгаріи есть деспоты по привычкѣ и рес-

публиканцы по темпераменту, есть ожесточенные враги „демагогіи“ и „дворцоваго режима“, но нѣтъ принципіальныхъ противниковъ существующей формы правленія. Республика, какъ политическая форма, въ наше время вообще никому не кажется панацеей отъ соціальныхъ золъ; а абсолютизмъ представляется здѣсь чѣмъ-то вродѣ того, какъ грекамъ рисовался режимъ персидскаго царя.

Въ этихъ рамкахъ, однако же, разногласія все еще очень велики и едва ли даже практически и теоретически примиримы. Крайними полюсами являются, съ одной стороны, конституціонная теорія „молодыхъ демократовъ“, три года тому назадъ отдѣлившихся отъ Каравелова, съ другой—и парламентская практика старыхъ политическихъ партій. „Молодые демократы“, по выраженію ихъ органа („Демократическій Прегледъ“), „терпятъ по необходимости режимъ наслѣдственной династіи въ конституціонной формѣ управленія“ и ставятъ „непремѣннымъ условіемъ доведеніе этого режима до максимальнаго предѣла демократизаціи, совмѣстимаго съ этой формой“. Ихъ единственное пока средство для достиженія цѣли—литературная пропаганда; ихъ методъ—методъ юридической интерпретаціи основнаго документа, интерпретаціи, на которой довольно близко сходятся университетскіе профессора болгарскаго конституціоннаго права (гг. Кировъ и Фадемгехтъ) съ публицистами партійнаго органа (гг. Илья Георговъ, Влайковъ, Цановъ и др.). Исходной точкой интерпретаціи является тезисъ, по которому высшимъ источникомъ всякаго публичнаго права въ Болгаріи признается народъ, высказывающій свою волю при посредствѣ великаго народнаго собранія. Этотъ высшій органъ народнаго представительства,—ограниченный по буквѣ конституціи рѣшеніемъ только тѣхъ, перечисленныхъ въ текстѣ конституціи, вопросовъ, для которыхъ его созываютъ,—получаетъ въ теоріи молодыхъ демократовъ характеръ народнаго конвента, съ полной свободой рѣшеній и неограниченной инициативой. „Власть и прерогатива князя вытекаетъ отъ него. Какъ дана князю власть царствовать и исполнять извѣстную миссію въ государствѣ, такъ можетъ онъ и ограничить ее или совсѣмъ отнять. Народъ черезъ великое собраніе является полнымъ распорядителемъ самимъ собой и своими судьбами: сегодня онъ нашелъ за лучшее дать себѣ наслѣдственную конституціонную монархію, а завтра можетъ найти за лучшее измѣнить конституцію и дать себѣ республику“ („Демокр. Прегл.“, 1 дек. 1903). Независимаго происхожденія и конкуррирующаго съ народовластіемъ значенія княжеской прерогативы теорія „молодыхъ демократовъ“ не допускаетъ,—такъ же какъ не допускали и предшественники этой теоріи, публицисты Сукнаровской „Независимости“. Существованіе двухъ конкуррирующихъ властей, по этой теоріи, логически и фактически невозможно: *слѣдовательно*, власть князя поглощается верховной властью на-

рода (аргументація Ст. Михайловскаго въ XIII нар. собраніи). Что касается той прерогативы, какую великое собраніе фактически удѣлило князю по существующему закону, теорія молодыхъ демократовъ также стремится свести ее къ минимуму. Князь царствуетъ, но не управляетъ. Его участіе въ управленіи сводится къ назначенію министровъ изъ большинства камеры, свободно избранной народомъ. Его участіе въ законодательствѣ сводится къ санкціонированію законопроектовъ, принятыхъ камерой. Отказать закону въ санкціи и вообще не согласиться съ большинствомъ палаты князь можетъ только въ случаѣ, если у него есть серьезныя основанія предполагать, что представительство не соотвѣтствуетъ измѣнившемуся послѣ выборовъ общественному мнѣнію и что свободные новые выборы дадутъ иное большинство. Правительство имѣетъ право, въ случаѣ невозможности созвать камеру, продлить дѣйствіе бюджета на слѣдующій годъ, но это право относится только къ производству расходовъ, а не къ взиманію податей. Параграфы 47 и 76 даютъ правительству право экстренныхъ мѣръ, имѣющихъ силу закона, и позволяютъ объявлять военное положеніе. Но, по ограничительному толкованію „молодыхъ демократовъ", приложеніе на практикѣ § 47 обставлено въ самой конституціи такими условіями (наличность чрезвычайной опасности для государства и невозможность физическая—созвать камеру), что примѣненіе его дѣлается почти невозможнымъ; по точному смыслу пар. 76 правительство имѣетъ право только суспендировать личную неприкосновенность, но не имѣетъ права ограничивать свободы печати и собраній. Высшее рѣшеніе вопросовъ о конституціонности дѣйствій правительства, принадлежащее по конституціи палатѣ, должно принадлежать, по теоріи молодыхъ демократовъ, также и суду.

Въ полной своей широтѣ, теорія молодыхъ демократовъ льститъ національному самолюбію и тѣмъ инстинктамъ демократизма, о которыхъ говорилось въ началѣ этой статьи. Это—гораздо болѣе, чѣмъ наличный уровень политическаго правосознанія—обѣщаетъ этой теоріи значительный успѣхъ въ будущемъ. Но, въ случаѣ такого успѣха, теорія грозитъ привести къ ряду серьезныхъ конфликтовъ и вызвать, путемъ измѣненій конституціи, насильственное рѣшеніе въ противномъ смыслѣ ряда поднятыхъ ею вопросовъ, которые могли бы быть рѣшены въ ея пользу лишь путемъ практическаго примѣненія конституціи въ демократическомъ духѣ. Въ полномъ своемъ видѣ теорія игнорируетъ международное происхожденіе болгарскаго политическаго строя; она игнорируетъ также очень большую роль, которая принадлежитъ князю по конституціи и въ силу обстоятельствъ въ области международныхъ отношеній и военнаго дѣла, а также и въ политической жизни страны. Но, главное, эта теорія стремится доказать гораздо больше, чѣмъ ей непосредственно нужно для обоснованія ея практическихъ требо-

ваній. Она сама выводитъ изъ своихъ основныхъ принциповъ несравненно меньше, чѣмъ они въ себѣ заключаютъ. Изъ принциповъ народовластія молодые демократы выводятъ лишь требованіе настоящаго парламентарнаго режима или такъ называемой „системы кабинета". Но это такого рода требованіе, которое можетъ быть удовлетворено лишь *неписаной* конституціей, пополняющей пробѣлы и умолчанія писаной конституціи путемъ сложившихся навыковъ и, такимъ образомъ, приводящей въ гармонію притязанія двухъ конкуррирующихъ властей. Чего собственно требуютъ молодые демократы, мы увидимъ, когда познакомимся съ противоположнымъ полюсомъ болгарской политической жизни: съ дѣйствующей практикой конституціи.

Для большей наглядности возьмемъ прежде всего тотъ самый случай, который далъ поводъ молодымъ демократамъ развить ихъ теорію: полученіе власти управляющимъ въ настоящее время министерствомъ стамбулистовъ. Когда, въ 1903 г. возникли серьезныя международныя усложненія, выдвинувшія на первый планъ вопросы международной политики, князь взялъ власть изъ рукъ министерства Данева, ведшаго руссофильскую политику цанковистовъ, и поручилъ эту власть кабинету съ яркимъ стамбулистскимъ оттѣнкомъ. Мѣра эта была такъ далека отъ европейской практики парламентаризма, какъ только возможно. Министерство Данева опиралось на довѣріе собранія, сравнительно свободно избраннаго народомъ, тогда какъ партія, занявшая его мѣсто, насчитывала всего четырехъ представителей въ этой камерѣ и была, такимъ образомъ, численно слабѣйшей. Шефомъ новаго министерства сдѣлался не общепризнанный вождь партіи—давно уже не игравшей видной роли въ политической жизни страны,—а лично близкій къ князю человѣкъ, тотъ самый Рачо Петровъ, который избавилъ его когда-то отъ Стамбулова. Предыдущая попытка (1900) сдѣлать Рачо Петрова шефомъ кабинета кончилась неудачно, такъ какъ онъ не могъ получить большинства и долженъ былъ уступить свое мѣсто коалиціонному министерству Каравелова-Данева. Но въ данномъ случаѣ результатъ вышелъ иной. Не смотря на всѣ усилія оппозиціи, всѣ фракціи которой соединились, чтобы дѣйствовать противъ министерства; не смотря на то, что особенныхъ насилій при выборахъ въ новую палату правительство не употребляло,—стамбулисты получили на выборахъ огромное большинство 124 изъ общаго числа 189 членовъ собранія... Такимъ образомъ, князь выбралъ себѣ министровъ, а министры выбрали себѣ камеру. И такъ были обставлены, за исключеніемъ только что упомянутаго коалиціоннаго министерства, всѣ министерства князя Фердинанда. Князь всегда имѣлъ въ министерствѣ довѣренныхъ людей, которые никогда не встрѣчали затрудненія составить себѣ камеру съ желательнымъ для нихъ большинствомъ. Молодые демократы имѣютъ полное основаніе

называть подобный режимъ не парламентарнымъ, а „личнымъ“ или „дворцовымъ“. Съ своей стороны, они требуютъ: 1) чтобы только то министерство отставлялось княземъ, которое „бламировано“ собраніемъ; 2) чтобы новое министерство назначалось изъ большинства камеры, при чемъ шефъ господствующей партіи самъ составлялъ бы свой кабинетъ; 3) въ случаѣ распущенія палаты княземъ, чтобы составлялось временное дѣловое министерство изъ начальниковъ отдѣленій (министерствъ) и передавало власть послѣ выборовъ свободно избранному большинству; 4) чтобы вожди партій не соглашались принимать власти непосредственно отъ князя, а принимали бы ее лишь отъ новаго большинства, избраннаго вышеупомянутымъ способомъ.

Слабая сторона этихъ требованій заключается въ томъ, что въ странѣ нѣтъ такого большинства, какое предполагается ими, и что, если бы оно было на лицо, то самыя требованія стали бы совершенно излишними. Въ странѣ нѣтъ большихъ политическихъ партій, которыя бы различались принципіально между собою; и нѣтъ избирателей, которые бы давали той или другой партіи прочное, сознательно составленное большинство. При этихъ условіяхъ, естественно, что требованія „молодыхъ демократовъ“, адресованныя, собственно, къ большинству и политическимъ партіямъ будущаго, — въ средѣ современныхъ партій не встрѣтили никакого сочувствія, и изъ вождей наличныхъ партій не нашлось ни одного, который бы въ отвѣтъ на формальный запросъ Ст. Михайловскаго согласился ждать власти до тѣхъ поръ, пока призоветъ его къ власти идеальное „большинство“, избранное идеальными „свободными выборами“. При такомъ отношеніи партій къ требованіямъ „молодыхъ демократовъ“ неудивительно, что и обращенное ими къ князю требованіе считать вождей современныхъ партій за выразителей мнѣнія „большинства“, а мнѣніе „большинства“ за мнѣніе всей страны,—разбивается о неумолимую реальность.

Излагая исторію болгарскихъ политическихъ партій до Стамбулова, мы, правда, видѣли, что для дѣленія на партіи постоянно были на лицо достаточныя политическія основанія. Но значительная часть этихъ оснований, вызвавшихъ дѣленіе старыхъ партій и образованіе новыхъ, была случайнаго и временнаго характера, и самыя причины появленія новыхъ партій и фракцій теряли свое значеніе, какъ скоро проходилъ моментъ, вызывавшій это появленіе. Единственная принципіальная причина раздѣленія — борьба за неприкосновенность конституціи—тоже потеряла свой смыслъ, когда принципіально всѣ партіи признали конституцію, а фактически всѣ партіи провинились въ самыхъ безцеремонныхъ нарушеніяхъ ея. Въ результатѣ, въ Болгаріи оказалось на лицо нѣсколько партійныхъ организацій съ признанными общественнымъ мнѣніемъ вождями и съ приблизительно равными си-

лами, но безъ сколько-нибудь существенныхъ принципіальныхъ различій. Сила шефовъ партій заключалась исключительно въ томъ, что около каждаго изъ нихъ фактически сформировался свой штабъ присяжныхъ политическихъ дѣятелей въ центрѣ и сложилась своя группа партизановъ-„пріятелей“ въ провинціи, съ болѣе или менѣе сильнымъ вліяніемъ въ данной мѣстности. Въ случаѣ „прихода на власть“ какой либо изъ партій, средства ея вліянія чрезвычайно усиливались, и къ тѣсному кружку пріятелей примыкалъ болѣе широкій кругъ кліентовъ, искателей мѣстъ и выгодъ, связанныхъ съ властью; и чтобы удовлетворить этихъ искателей, каждая партія безъ различія принуждена была практиковать патронажъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Отъ искусства патронировать и дѣлить то, что американцы называютъ техническимъ терминомъ spoils, „добычу“, зависитъ и степень вліянія партіи въ странѣ. Самыя безцеремонныя въ этомъ отношеніи, какъ партія радославистовъ, всегда оказывались и наиболѣе вліятельными. Въ дни перемѣны министерства въ Софіи можно наблюдать интересное зрѣлище: всѣ канцеляріи министерствъ и частныя квартиры министровъ осаждаются толпами явившихся изъ провинціи пріятелей въ сюртукахъ и кліентовъ въ сельскихъ „дрѣхахъ“. Это происходитъ дѣлежъ добычи. Въ нѣсколько недѣль дѣлежъ заканчивается: очень значительный процентъ чиновническихъ мѣстъ, начиная начальниками отдѣленій и кончая почтальонами и метельщиками улицъ, заполняется новыми партизанами, „голодными“ отъ долгихъ годовъ ожиданія (болѣе точныя указанія см. ниже). Очередь ждать и „голодать“ наступаетъ для „сытыхъ“ и „наѣвшихся“ партизановъ группы, только что переставшей быть правительственной. Они знаютъ, что пройдетъ время, и для нихъ опять наступятъ жирные годы,—и смѣна совершается не безъ юмора и добродушія, какъ нѣчто узаконенное общественнымъ мнѣніемъ, какъ удовлетвореніе своего рода высшей справедливости. Въ роли этой „высшей справедливости“ и является князь, съ его несомнѣннымъ правомъ смѣнять и назначать министровъ и съ его полнымъ игнорированіемъ „большинства“ даннаго момента. Подъ условіемъ, чтобы ни одна партія не засиживалась слишкомъ долго во власти, всѣ партіи поочередно могутъ пользоваться благами этого своеобразнаго парламентскаго режима, и ни одна не захочетъ пропустить своей очереди. Вотъ почему, противъ „дворцоваго режима“ декламируютъ только тѣ и только до тѣхъ поръ, кто и пока остается въ оппозиціи; тогда какъ дѣйствительное прекращеніе этого режима *наличнымъ* партіямъ было бы еще менѣе выгодно, чѣмъ князю. При условіи, чтобы князь внимательно слѣдилъ за психологіей „сытыхъ“ и „голодныхъ“, имъ всѣ будутъ довольны.

Но если всѣ довольны установившимся режимомъ, то почему же и обыкновенному избирателю оставаться въ сторонѣ отъ об-

щаго дѣлежа? Разница только та, что „партизанамъ“ приходится ждать и голодать цѣлые годы, тогда какъ избиратель можетъ избѣжать этой непріятности, — голосуя всякій разъ за правительственныхъ кандидатовъ. Выгоды для него отъ такой подачи голоса, правда, небольшія и скорѣе отрицательныя, чѣмъ положительныя; но ихъ достаточно, чтобы сдѣлать его скептикомъ по отношенію къ тѣмъ фиктивнымъ различіямъ программъ, которыя въ данный моментъ служатъ гораздо болѣе предлогомъ, чѣмъ причиной для дѣленія общей массы политиковъ и политикановъ на нѣсколько отдѣльныхъ группъ, поочередно, сытыхъ или голодныхъ. „Намъ избирателямъ—такъ формулируетъ эту политическую психологію одинъ изъ сотрудниковъ „Демокр. Прегледа“,—нѣтъ расчета быть въ оппозиціи, не зачѣмъ драться съ жандармами и шайками (господствующей группы)... Да и зачѣмъ, когда не Богъ знаетъ какая разница между претендующими на власть компаніями? Намъ безразлично, которая изъ нихъ завладѣетъ властью, но мы знаемъ, что только та, которая властвуетъ, можетъ намъ дать то, чего не можетъ дать оппозиція; по крайности насъ не будетъ бить полиція, не будутъ преслѣдовать и штрафовать кметы и всякіе чиновники, не будемъ мы натыкаться на препятствія на каждомъ шагу въ нашихъ частныхъ дѣлахъ. Мы вѣдь съ правительствомъ и правительство съ нами! Правда, и народняки заботятся о нашихъ карманахъ, и радослависты насъ любятъ больше даже, чѣмъ ихъ шефъ, и цанковисты не хотятъ намъ зла, и каравелисты наши искренніе пріятели, но... что подѣлаешь — они не у власти! Когда его царское высочество ихъ позоветъ, тогда, извѣстно, мы и имъ дадимъ поддержку“.

Разсуждая такимъ образомъ, болгарскій „данкоплатецъ“ вовсе еще не обнаруживаетъ того равнодушія къ своимъ общественнымъ обязанностямъ и правамъ, въ которомъ его обыкновенно упрекаютъ, а просто только вѣрно оцѣниваетъ положеніе и приспособляется къ нему, какъ диктуетъ ему здравый смыслъ, въ которомъ у него нѣтъ недостатка. Дайте ему другія партіи, поставьте на очередь какія-нибудь дѣйствительно важныя разногласія и серьезные общественные вопросы, важные и серьезные не только теоретически, но и практически,—и вы немедленно увидите, какъ онъ встряхнется отъ своей „апатіи“ и своего „скептицизма“. А пока, будьте довольны, что тотъ же здравый смыслъ мѣшаетъ ему брать въ серьезъ тѣ ужасныя обвиненія и ругательные эпитеты, которыми осыпаютъ другъ друга болгарскіе партизаны въ своихъ партійныхъ органахъ и манифестахъ. Болгарскій избиратель вовсе не по одному тому равнодушенъ къ своей политической жизни, что онъ невѣжда и простъ. Нѣтъ, какъ всякій народъ-демократъ, какъ американцы, напр., онъ смотритъ немножко свысока на своихъ выборныхъ; они его слуги, и пусть себѣ они бранятся и наѣдаются поочередно, лишь бы

дѣлали свое дѣло и не мѣшали ему дѣлать свое. Эта точка зрѣнія постоянно подкрѣплялась тѣмъ обстоятельствомъ, что до послѣдняго времени чуть не единственнымъ временемъ и мѣстомъ, когда болгарскій „данкоплатецъ“ встрѣчался съ своимъ болгарскимъ политикомъ,—были выборы. На выборахъ верхній этажъ болгарской политической жизни соприкасался съ нижнимъ; на выборахъ обитатели обоихъ этажей поневолѣ научались говорить другъ съ другомъ на одномъ языкѣ, обмѣниваться обѣщаніями и услугами, приспособляться—или приспособлять—другъ къ другу; здѣсь всего ярче обнаруживалась пропасть между конституціонной практикой и теоріей; иллюзіи смѣнялись разочарованіями, и разочарованія уступали мѣсто дѣловой партійной тактикѣ; на выборахъ же реализировались результаты мѣстныхъ вліяній и отношеній. Словомъ, выборы являются центральнымъ узломъ болгарской политической жизни и могутъ служить самымъ удобнымъ пунктомъ для наблюденій надъ практикой конституціи. На нихъ мы и остановимся прежде всего, чтобы характеризовать эту конституціонную практику.

За исключеніемъ времени „полномочій“ въ Болгаріи дѣйствовало установленное Тырновскимъ великимъ собраніемъ всеобщее избирательное право. Каждый болгаринъ, достигшій 21 года, имѣетъ право быть избирателемъ. Никакого ценза не существуетъ: существующія по закону изъятія введены не конституціей, а изданными на основаніи ея избирательными законами. Цѣлый рядъ этихъ законовъ (1880, 1882, 1883, 1890, 1893, 1897, не считая дополненій и измѣненій) болѣе или менѣе успѣшно пытался приспособить общій принципъ всеобщаго голосованія къ мѣстнымъ условіямъ. Въ настоящее время дѣйствуетъ законъ 1897 г. съ дополненіями 19 декабря 1898 и 15 іюня 1901. По этому закону, кромѣ военныхъ и полицейскихъ, а также лицъ, осужденныхъ за позорящія преступленія, лишены также права быть избирателями (1901) „цыгане—нехристіане, какъ и всѣ цыгане, не имѣющіе постояннаго мѣста жительства“. Это добавленіе, внесенное въ законъ Каравеловымъ, объясняется видной ролью, которую играли цыгане во всѣхъ избирательныхъ злоупотребленіяхъ. Неконституціонность его довольно слабо прикрыта отнесеніемъ цыганъ къ числу „нищихъ“, лишенныхъ уже права голоса предыдущими законами. Что касается пассивнаго избирательнаго права, то конституція ограничиваетъ его только возрастомъ 30 лѣтъ и требованіемъ грамотности. Вопросъ о томъ, какая именно грамотность разумѣется—въ государственномъ болгарскомъ языкѣ или въ національномъ языкѣ избираемаго (напр. турецкомъ), умышленно оставленъ былъ учредителями на рѣшеніе послѣдующихъ поколѣній. Въ разное время этотъ вопросъ рѣшался различно. II-е собраніе напр., требовало болгарской грамотности; но такъ какъ депутаты турки всегда стоятъ на

сторонѣ правительственнаго большинства, то это большинство не имѣло никакого интереса поднимать вопросъ объ ихъ правѣ быть избранными, и въ результатѣ вопросъ о грамотности депутатовъ остается до сихъ поръ формально неразъясненнымъ. Другой деликатный вопросъ—относительно квалификаціи избираемыхъ — касается чиновничества. Имѣя въ виду, что чиновники составляютъ очень значительный процентъ въ составѣ болгарской интеллигенціи, либералы въ первое время дѣйствія конституціи стояли за допущеніе чиновниковъ, а консерваторы, предпочитавшіе опираться на менѣе интеллигентные слои населенія— а исключеніе ихъ (то же наблюдается и въ политической жизни Сербіи). Въ выборахъ 1882 г., напримѣръ, чиновники, судьи, учителя и духовенство были устранены отъ выборовъ. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ увидимъ ниже, обстоятельства измѣнились. Дѣйствующій законъ исключаетъ духовенство и военныхъ, а также правительственныхъ чиновниковъ (за исключеніемъ министровъ), къ которымъ онъ причисляетъ (съ 1901) также и всѣхъ состоящихъ на жалованіи у общиннаго и окружнаго управленія. Но чиновники могутъ кандидатироваться, если не позже 10 дней со времени изданія указа о выборахъ подадутъ въ отставку. Для подачи голосовъ, избиратели дѣлятся по округамъ, въ основу которыхъ положено существующее административное дѣленіе на „околіи". Каждые 20,000 душъ населенія (изъ которыхъ, въ среднемъ, четвертая часть записана въ списки избирателей) имѣютъ право послать одного депутата; если въ околіи больше 70,000 населенія, она дѣлится на два избирательныхъ округа. Такихъ большихъ околій насчитывается 11 изъ 71; такимъ образомъ, всего въ Болгаріи 82 избирательныхъ округа, посылающихъ въ палату 189 депутатовъ.

Дроби населенія меньше 10,000 въ счетъ не принимаются; больше 10,000 считаются за 20,000 и получаютъ право посылать лишняго депутата. Лишними голосами правительственная партія получаетъ возможность манипулировать въ своихъ интересахъ, группируя ихъ, какъ окажется выгоднѣе. Съ 1889 г. каждый избирательный округъ (околія) дѣлится на секціи, при чемъ первоначально имѣлось въ виду, чтобы на секцію приходилось не болѣе 3,500 избирателей, а въ 1901 въ основу разсчета положено было 10,000 населенія (съ тѣмъ же различеніемъ дробей — выше и ниже 5,000, и съ тѣми же правительственными манипуляціями надъ лишними дробями). Самый процессъ выбора обставленъ всевозможными предосторожностями, которыя мы лучше поймемъ, если предварительно познакомимся съ наиболѣе типичными злоупотребленіями, противъ которыхъ эти предосторожности были принимаемы законодателемъ.

„Выборы",—восклицаетъ одинъ спеціальный изслѣдователь болгарскихъ избирательныхъ порядковъ (г. Вогазли):—„это по-

нятіе, которое—неясно, туманно, быть можетъ,—но неразрывно связано съ понятіями драки, свалки, шума, разгула, пьянства, знаменъ, гайды (волынки), или террора и побоевъ; это періодъ привилегированныхъ оскорбленій и придирокъ со стороны стражарей и падарей—и по отношенію къ нимъ; время криковъ „ура", „долой",—словомъ, „выборы" вызываютъ у насъ представленіе о времени, когда законъ и власть суспендированы; время ненаказуемыхъ вольностей и произвола; время анархіи, за которой навѣрное послѣдуетъ какой-нибудь законецъ объ амнистіи... Въ другихъ мѣстахъ считается исключеніемъ, если случаются смуты и скандалы въ день выборовъ; у насъ, напротивъ, считается какъ-то ненатуральнымъ, если выборы проходятъ безъ шума. Я слыхалъ, какъ селяне съ простодушной откровенностью высказывали неудовольствіе и называли выборы „хворыми" и „сонными" по той простой причинѣ, что не было скандала и все прошло въ тишинѣ и спокойствіи".

Болгарскій „народъ - суверенъ", конечно, не читалъ Руссо и не знаетъ, что выборы — единственный моментъ, когда онъ свободенъ. Но, во всякомъ случаѣ, „простодушные селяне" знаютъ, что хотятъ сказать, когда дѣлаютъ различіе между бурными и мирными выборами. Дѣло въ томъ, что мирные выборы въ Болгаріи вовсе не значатъ „свободные" выборы или „правильные выборы". Когда мы читаемъ напечатанные въ „Независимости" русскіе документы съ инструкціями офицерамъ, какъ дѣйствовать на выборахъ 1882 г. въ качествѣ „коммиссаровъ", именно: вѣжливо попросить избирателя показать приготовленный бюллетень; если бюллетень заключаетъ имя лица изъ оппозиціи, то также вѣжливо объяснить избирателю, что этотъ кандидатъ врагъ князя и дружески посовѣтовать ему этотъ бюллетень разорвать, а написать другой; при чемъ если избиратель окажется неграмотнымъ, то это „тѣмъ лучше"; когда, повторяю, мы читаемъ эти документы, то у насъ не остается сомнѣнія, что выборы въ „полномощенское" III собраніе должны были быть, при особенной тогда введенной избирательной системѣ, очень мирными, но... черезъ два года самъ князь молчаливо призналъ ихъ незаконными. Точно также и выборы 1890 г. въ VI народное собраніе, за самыми незначительными исключеніями, прошли „мирно и тихо", при полномъ единодушіи. Напримѣръ, въ одной изъ Тырновскихъ околій голосовали 4,278 человѣкъ и трое правительственныхъ кандидатовъ получили по 4,278 голосовъ; въ другой околіи голосовали 2,602 человѣка и два кандидата правительства получили по 2,602 голоса; въ третьей голосовали 2,572 человѣка и три кандидата той же партіи получили по 2,572 голоса — и такъ почти вездѣ, по всей Болгаріи. Это были выборы Стамбулова, когда онъ находился на высотѣ своего могущества, и оппозиціонные избиратели, изъ страха насилій, не

рѣшились вовсе показываться по сосѣдству съ избирательными урнами. Напротивъ, въ 1887, когда Стамбуловъ только еще закрѣплялъ за собой власть и борьба между „черными“ и „бѣлыми душами“ была въ полномъ разгарѣ, выборы въ V народное собраніе вышли самыми кровавыми и самыми насильственными, какіе когда-либо происходили въ Болгаріи; а въ 1893 г., когда явились первые признаки ослабленія власти Стамбулова, опять пришлось ему прибѣгать къ открытымъ насиліямъ, и снова появились протесты и жалобы противъ насилій при выборахъ въ VII народное собраніе.

Итакъ, тишина и спокойствіе на выборахъ вовсе не доказываютъ въ Болгаріи, что конституціонная жизнь идетъ нормальнымъ ходомъ, а скорѣе доказываютъ обратное. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобъ насилія и борьба на выборахъ служили признакомъ высоко развитаго общественнаго интереса. Мѣстные люди борятся очень горячо въ околіяхъ и секціяхъ, всякій разъ, какъ только представляется возможность, но это вовсе еще не значитъ, чтобы они боролись сознательно за торжество той или другой партійной программы. Мы уже говорили, что и въ самыхъ этихъ программахъ мало идейнаго, да и партійная организація меньше всего заботится объ осуществленіи идейной стороны своей программы на другой день послѣ торжества. Чтобы привлечь глухую деревню на сторону той или другой партіи, странствующіе политики обыкновенно пускаютъ въ ходъ совсѣмъ не тѣ обѣщанія, которыя фигурируютъ въ центральныхъ программахъ. Одни обѣщаютъ, что податей не будетъ и солдатъ не будетъ, другіе обѣщаютъ, что русскіе будутъ раздавать крестьянамъ скотъ, третьи просто ставятъ угощеніе или открываютъ въ распоряженіе избирателей мѣстную лавочку и т. д. Но, конечно, такіе маневры годятся только на минуту, на короткій срокъ: съ каждымъ выборомъ къ нимъ относятся скептичнѣе, и, вообще, на такую удочку можно поймать только простецкаго избирателя. Сильные и вліятельные мѣстные элементы нуждаются въ болѣе реальныхъ „облагахъ“ и обыкновенно бываютъ ангажированы задолго до пріѣзда на мѣсто, передъ самыми выборами, какого-нибудь странствующаго политика. Вокругъ этихъ мѣстныхъ вліятельныхъ элементовъ, чѣмъ дальше—тѣмъ больше, кристаллизуется и рядовое мѣстное населеніе, такъ что партійныя группировки во внутренности страны становятся все менѣе и менѣе случайными. Въ исторіи партій можно видѣть, какъ постепенно отъ широкихъ программъ и принципіальныхъ вопросовъ партійная жизнь отливаетъ въ постоянное и узкое русло ближайшихъ насущныхъ интересовъ мѣстныхъ группъ. На мѣстѣ, въ общинѣ, эти интересы сводятся къ двумъ типамъ: экономическаго вліянія и правительственной власти. Вліяніе въ деревнѣ дается экономическимъ преобладаніемъ; власть дается служебнымъ положеніемъ

„Лихварь“ и „кметъ“—таковы представители этихъ двухъ типовъ вліянія и власти. Лихварь, ростовщикъ, кулакъ—это чаще всего мѣстный „корчмарь“ (трактирщикъ); кметъ (староста)—зажиточный крестьянинъ. Кметство—должность выборная, какъ и другія должности въ „общинскомъ совѣтѣ“, но при извѣстныхъ условіяхъ правительство всегда имѣетъ возможность „принудить“ совѣтъ и провести въ него новый составъ членовъ изъ своихъ партизановъ. Это главный козырь въ рукахъ правительственной партіи. Какъ только „приходитъ на власть“ новая партія, передъ общинскими и городскими совѣтами всей Болгаріи возникаетъ дилемма: или объявить себя партизанами правительства, или уступить мѣсто какимъ-нибудь другимъ вліятельнымъ мѣстнымъ элементамъ, которые, можетъ быть, уже давно ждутъ своей очереди. Въ первомъ случаѣ дѣло рѣшается просто: какой-нибудь Драганъ или Цвѣтанъ просто переименовываетъ свое „бюро“ изъ народняцкаго въ либеральное, или изъ либеральнаго въ народно-либеральное, прогрессивно-либеральное и т. д. и съ этого момента посылаетъ свои привѣтственныя или негодующія телеграммы по адресу другой партійной газеты. Во второмъ случаѣ дѣло бываетъ сложнѣе, и именно въ этомъ второмъ случаѣ выборы *не* проходятъ мирно, такъ какъ ни дать, ни уступить выгоднаго положенія съ деревнѣ ни одна партія не хочетъ безъ боя.

Къ этому бою готовятся заранѣе. Каждая партія имѣетъ или нанимаетъ вновь своихъ кондотьеровъ избирательной борьбы, съ той только разницей, что кондотьеры мѣстнаго правительства—кметство—уже имѣются на лицо въ видѣ „страфей“, „падарей“, „пожарныхъ“ и др. чиновниковъ, состоящихъ на службѣ общины. Кондотьеровъ же оппозиціи приходится вновь набирать съ воли. Эти интересные незнакомцы обыкновенно за нѣсколько дней до выборовъ уже начинаютъ знакомить съ собой избирателей, — конечно, именно съ той стороны, съ какой они лучше всего могутъ подѣйствовать на избирательную психологію. Смотря по степени убѣдительности этой рекомендаціи, населеніе въ день выборовъ или предпочитаетъ мирно остаться дома, или тайно сговаривается сплотиться и дѣйствовать за одинъ. Первое сраженіе стороны даютъ другъ другу рано утромъ у мѣста выборовъ, обыкновенно у зданія училища. По прежнимъ избирательнымъ законамъ, избиратели сами конституировали свое бюро непосредственно передъ выборами. При такомъ порядкѣ, болѣе сильной партіи оставалось только первой занять поле битвы и выбрать въ бюро своихъ. Остальное разумѣлось затѣмъ само собой, т. е. чужихъ старались вовсе не допустить къ урнамъ, въ то же время урны наполняли фиктивными бюллетенями. Или, при необходимости пустить въ ходъ болѣе тонкія средства, давалась возможность своимъ голосовать по нѣскольку разъ, а чу-

жихъ отстраняли подъ предлогомъ, что они или не записаны въ избирательный списокъ, или уже разъ голосовали и т. п. Противная сторона, въ свою очередь, не слагала оружія. Если по причинѣ опозданія и по причинѣ слабости силъ не удавалось взять штурмомъ бюро, то противники удалялись и выбирали новое бюро въ какомъ-нибудь новомъ мѣстѣ; или, если они предпочитали допустить голосованіе и начинали замѣчать, что противная сторона побѣдитъ, они старались сорвать выборы путемъ всевозможныхъ нарушеній правилъ,—до разбитія урнъ и уничтоженія поданныхъ бюллетеней включительно. Постепенно избирательные законы ввели рядъ мѣръ, съ цѣлью сдѣлать невозможными только что перечисленныя злоупотребленія. Право самимъ составлять бюро было отнято у избирателей еще закономъ 1890 г. Но, вмѣсто того, бюро стало составляться изъ члена окружнаго совѣта и общинскихъ кметовъ, т. е. уже окончательно попало въ руки правительственной партіи. Законъ 1897 г. вновь измѣнилъ этотъ порядокъ, введя серьезныя гарантіи безпристрастія: именно, предсѣдателемъ сдѣлался судья, предварительно избранный апелляціоннымъ судомъ; а его товарищами стали назначаться, по жребію, окружнымъ судомъ—одинъ окружный совѣтникъ, одинъ общинскій кметъ и (по измѣненію 1901) два учителя начальныхъ училищъ. Этотъ составъ избирательныхъ коллегій оказался настолько удачнымъ, что съ тѣхъ поръ изъ 1,400 мѣстныхъ и парламентскихъ избирательныхъ собраній, состоявшихся подъ предсѣдательствомъ судей, только пять вызвали болѣе или менѣе серьезныя жалобы, и только одна изъ этихъ жалобъ оказалась основательной. Другимъ нововведеніемъ указаннаго закона 1897 г. было учрежденіе особыхъ избирательныхъ картъ, которыя, по закону 1901 г., должны выдаваться всякому избирателю кметомъ за 10 дней до выборовъ, а если кметъ откажется выдать, то мировымъ судьей по желанію избирателя. Благодаря этой мѣрѣ, оппозиціи иногда удавалось въ послѣднее время провести своихъ кандидатовъ противъ самыхъ рѣзкихъ насилій со стороны шаекъ господствующей партіи. Наконецъ, еще одно важное нововведеніе состоитъ въ правѣ, данномъ предсѣдателю бюро, обращаться въ случаѣ надобности за помощью прямо къ войску, минуя полицію, на партизанскую роль которой мы уже указывали. По замѣчанію цитированнаго выше автора, дѣйствительно, „стражари годятся только на то, чтобы вызывать, а не на то, чтобы предупреждать преступленія во время выборовъ: одно появленіе стражаря или пристава между избирателями вызываетъ гнѣвъ и злобу присутствующихъ,—въ самомъ дѣлѣ, эти самые стражари разгоняли избирательныя бюро, били избирателей, крали или фальсифицировали списки и бюллетени и убивали мирныхъ избирателей изъ засады“.

Насколько всѣ перечисленныя (далеко не единственныя) измѣ-

ненія въ избирательномъ законѣ оздоровили атмосферу выборовъ и насколько населеніе воспользовалось этимъ, чтобы въ большемъ количествѣ явиться къ избирательнымъ урнамъ и въ большемъ размѣрѣ использовать свое избирательное право, видно будетъ изъ слѣдующаго ряда цифръ.

	Число голосовавшихъ.	%
Въ VII-е народное собраніе (1893)	141.460	19
„ VIII-е „ „ (1894)	197.303	26
„ IX-е „ „ (1896)	227.291	30
„ X-е „ „ (1899)	378.649	50
„ XI-е „ „ (1901)	344.294	43,5
„ XII-е „ „ (1902)	405.584	50
„ XIII-е „ „ (1903)	345.972	41

Какъ видимъ, процентъ голосующихъ сильно возросъ въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ. Особенно рѣзкій скачокъ вверхъ въ числѣ голосовавшихъ находимъ въ 1899 г. Припомнимъ, что какъ разъ передъ этими выборами голосованіе было значительно облегчено раздѣленіемъ избирательныхъ округовъ на секціи, такъ что избирателю не приходилось уже идти къ избирательному ящику такъ далеко отъ своего села, какъ прежде; затѣмъ самая подача голосовъ въ 1897 г. была обставлена лучшими гарантіями безопасности и правильности. Но затѣмъ явилась и еще одна причина, возбудившая усиленный интересъ къ выборамъ среди сельскаго населенія: именно, упоминавшаяся выше исторія желѣзнодорожнаго займа и введеніе натуральной подати — „десятка“ —при Радославовѣ. Обезпечивъ себѣ путемъ этого усиленнаго вмѣшательства въ выборы отмѣну десятка, населеніе затѣмъ обнаружило полное равнодушіе къ взаимнымъ счетамъ партій между собой и дало легкую побѣду стамбулистамъ надъ оппозиціей, когда это потребовалось соображеніями національной безопасности.

Какъ мы говорили выше, такой отливъ интереса къ выборамъ 1903 г. есть не столько признакъ „апатіи“, сколько показатель здраваго смысла болгарскаго избирателя. Вообще, чѣмъ дальше, тѣмъ этотъ избиратель дѣлается несговорчивѣе и требовательнѣе по отношенію къ партійнымъ вождямъ. Изучая внимательнѣе статистику выборовъ по округамъ, легко замѣтить, что въ очень многихъ изъ нихъ имѣются мѣстныя сплоченныя группы, которыя при голосованіи проявляютъ значительную независимость отъ перемѣнъ въ господствующей партіи. Мы уже не говоримъ о такихъ округахъ и городахъ, гдѣ населеніе рядъ годовъ остается вѣрнымъ извѣстному мѣстному дѣятелю, а черезъ него и извѣстной партіи. Напр., Виддинъ всегда былъ на сторонѣ демократовъ, а теперь, вслѣдъ за своими мѣстными вождями, готовъ даже голосовать за „молодыхъ демократовъ“. Точно также и Троянъ, Берковица, Ломъ, Кула представляли прочный оплотъ каравели-

стовъ. Вратца, Бѣла, Слатина, Дупница, Провадія обнаружили большую вѣрность цанковистамъ. Севліево вѣрно радославистамъ. Любопытно, что партіи парламентскихъ дѣльцовъ менѣе могутъ разсчитывать на вѣрность избирателя, чѣмъ партіи принципіальныхъ оппозиціонеровъ. Съ дѣльцами избиратель самъ, очевидно, предпочитаетъ обходиться по-дѣлецки. Конечно, онъ оставляетъ и принципіальныхъ политиковъ, если этого требуютъ мѣстные интересы. Осторожное отношеніе избирателей къ своему выбору характеризуется, между прочимъ, тѣмъ, что мѣстный кандидатъ часто выбирается не на основаніи принадлежности его къ той или другой партіи, а на основаніи заявленія, что онъ будетъ „независимъ". Конечно, въ большинствѣ случаевъ, за такими заявленіями скрывается намѣреніе примкнуть къ тому большинству, какое образуется въ камерѣ, не связывая себя заранѣе. Какъ бы то ни было, такое отношеніе къ выборамъ исключаетъ уже старые пріемы полученія правительственнаго большинства. Даже тамъ, гдѣ избиратель не оппозиціонеръ, онъ старается не позволить господствующей партіи овладѣть положеніемъ путемъ прямого насилія или подтасовки выборовъ: онъ продаетъ и торгуется. Пока, впрочемъ, на этомъ пути отъ насилія къ подкупу болгарскій избиратель ушелъ еще не особенно далеко. Болгарскіе выборы едва ли не самые дешевые въ Европѣ. Для мѣстнаго кандидата, извѣстнаго избирателямъ, нужно не больше 300 франковъ на выборы. Пришлый политикъ долженъ истратить вдвое—около 600 франковъ. Конечно, ни тамъ, ни здѣсь не можетъ быть еще рѣчи о настоящемъ подкупѣ: это мелкіе избирательные расходы на мѣстныхъ агентовъ, на печатаніе, на угощеніе и т. д. Случаи прямой покупки голосовъ бываютъ, но не часто; своего рода рекордъ въ этомъ отношеніи вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ остается за богатымъ чудакомъ Гендовичемъ, истратившимъ на выборы цѣлыхъ... 10.000 франковъ.

Для того, чтобы точнѣе опредѣлить, въ какой степени возможно подтасовать выборы въ Болгаріи, мы приведемъ слѣдующую сравнительную таблицу двухъ сосѣднихъ по времени выборовъ—въ X-е и въ XI-е собраніе (1899 и 1901). Первые выборы были подтасованные—радославистскіе; вторые—сравнительно свободные: выборы Рачо Петрова (ср. выше *).

*) Таблица составлена мною на основаніи рукописныхъ матеріаловъ, любезно сообщенныхъ болгарскимъ статистическимъ бюро. Общіе итоги нѣсколько разнятся отъ тѣхъ, которые сообщены выше по матеріаламъ министерства внутр. дѣлъ; не вполнѣ сходятся также (въ самыхъ нашихъ матеріалахъ) итоги поданныхъ голосовъ съ распредѣленіемъ ихъ по партіямъ; но различія количественно ничтожны. Сдѣланное нами различеніе между числомъ избирателей и числомъ поданныхъ ими голосовъ объясняется тѣмъ, что въ округахъ, гдѣ избираются не одинъ, а два—пять депутатовъ, голосованіе производится по общему списку, т. е. каждый избиратель подаетъ два-пять голосовъ, распредѣляя ихъ часто между депутатами разныхъ партій,

	X (1899)	XI (1901)
Общее число избирателей	379.167	338.119
Число поданныхъ ими голосовъ	833.438	802.240
Распредѣленіе голосовъ по партіямъ:		
Народняки	91.539	152.590
Народо-либералы (стамбулисты)	119.559	157.041
Прогрессивно-либералы (цанковисты)	119.525	128.527
Демократы (каравелисты)	79.863	105.591
Независимые, нейтральные, индивид. мнѣній	40.849	113.147
Не заявившіе партіи и не кандидатировавшіеся правильно	35.534	37.137
Земледѣльческая ассоціація	10.399	47.011
Соціалисты	26.596	29.302
Либералы (радослависты)	305.320	31.477

Выводы, которые можно сдѣлать изъ этой маленькой таблицы, чрезвычайно поучительны. Болгарскій избиратель оказывается значительно выше той репутаціи, какую сдѣлали ему мѣстные политики. Если онъ принадлежитъ къ партіи, имѣющей дѣйствительно принципіальную программу, то онъ ея держится очень упорно. Мы видимъ, что при насильническихъ выборахъ Радославова цанковисты, которымъ народъ вѣритъ и которыхъ онъ понимаетъ, соціалисты, которымъ онъ вѣритъ, и каравелисты, которымъ онъ симпатизируетъ, потеряли сравнительно небольшой процентъ голосовъ, которые поданы были за нихъ при свободныхъ выборахъ. То громадное количество голосовъ, которымъ Радославовъ вдесятеро раздулъ настоящіе размѣры своей партіи, перешли къ нему не отъ только-что упомянутыхъ партій, а, главнымъ образомъ, отъ народняковъ, стамбулистовъ и особенно „независимыхъ". Очевидно, народняки и стамбулисты—по *числу* голосовъ (но не по количеству мѣстъ) первыя партіи въ странѣ—по *качеству* своихъ голосовъ стоятъ ниже ранѣе названныхъ партій. Группа „независимыхъ", почти исключительно состоящая изъ оппортунистовъ и только въ очень малой мѣрѣ изъ сторонниковъ крайнихъ индивидуальныхъ мнѣній, помогаетъ намъ понять значеніе этихъ колебаній. Избиратель, дѣйствительно, стремится поставить себя независимо отъ столичныхъ политиковъ и предпочитаетъ эксплуатировать ихъ, а не быть эксплуатируемъ ими. Рубрика „не заявившихъ партій и не кандидатировавшихся правильно" (послѣдніе обыкновенно получаютъ по ничтожному количеству голосовъ и почти ни одинъ изъ нихъ не проходитъ) характеризуетъ также самостоятельное отношеніе избирателей къ своимъ кандидатамъ и ихъ, такъ сказать, мѣстный характеръ. Но особенно выгодное представленіе объ избирателѣ даетъ огромный ростъ сторонниковъ земледѣльческой ассоціаціи,

---

или голосуя по коалиціонному списку. Такимъ образомъ, предлагаемый счетъ силы партій—не количествомъ избирателей, а количествомъ поданныхъ ими голосовъ—есть единственно возможный.

на значеніе которой мы указывали выше. Въ 1899 году она только сложилась; такимъ образомъ учетверенная численность ея въ 1901 г. дѣйствительно свидѣтельствуетъ о ростѣ оппозиціоннаго настроенія въ формѣ, совершенно соотвѣтствующей уровню пониманія избирателя и совершенно независимой отъ внушеній вождей парламентскихъ партій. Мы еще разъ убѣждаемся, такимъ образомъ, что болгарскій избиратель понимаетъ свои интересы и умѣетъ ихъ защищать даже тогда, когда по внѣшности служитъ чужимъ интересамъ.

Только-что сдѣланныя наблюденія мы можемъ провѣрить еще на другомъ матеріалѣ и съ другой точки зрѣнія, именно, разсматривая составъ избранныхъ кандидатовъ по занятіямъ. Общій ростъ политическаго сознанія и частныя флюктуаціи особенно ярко отразились на измѣненіяхъ въ этомъ составѣ *).

	III В. 1886	V 1887	IV В. 1893	VII 1893	VIII 1894	IX 1896	X 1899	XI 1901	XII 1902	XIII 1903
На общественной службѣ и жалов. .	18	23	37,5	42,4	29,5	28,8	8,8	9,6	5,6	12,6
Жив. доходами отъ земледѣлія, торговли и промышл. .	66,7	50,2	51,7	33,7	32	42,6	39,6	39,9	47,4	47,7
Жив. доходами отъ либер. профессій .	14	21,8	8,8	20,2	37	28	46,6	47,9	44,9	36,9
Другіе	1,3	4	1,9	3,6	1,2	0,6	4,7	2,5	2	3,8

Какъ видимъ, основное ядро депутатовъ состоитъ изъ земледѣльцевъ, торговцевъ и промышленниковъ. Въ наибольшемъ количествѣ—двухъ третей всего состава собранія—они являются въ тѣ старыя времена, когда ни классъ чиновниковъ на общественной и казенной службѣ, ни классъ либеральныхъ профессій не успѣлъ еще сложиться. Затѣмъ ихъ число начинаетъ падать. Стамбуловъ составляетъ палаты своего времени преимущественно изъ лицъ, находящихся на общественной службѣ; мы видѣли, какую роль играли кметы и совѣты, городскіе и общинные, при насильственныхъ выборахъ. Первые выборы послѣ паденія Стамбулова (1894) характеризуются торжествомъ людей либеральныхъ профессій, изъ которыхъ и состояла активная оппозиція Стамбуловскому режиму, на счетъ людей выборной службы. Но затѣмъ выборы, сдѣланные Стоиловымъ (1896), возстановляютъ перевѣсъ торговцевъ. Въ послѣдующихъ выборахъ уже дѣйствуютъ законы, запрещающіе выборнымъ чиновникамъ участіе въ пас-

*) Предлагаемая таблица составлена мною по даннымъ, печатавшимся министерствомъ внутреннихъ дѣлъ въ „Державномъ Вѣстникѣ“, по поводу каждыхъ выборовъ. Для большей наглядности выводовъ, я оставилъ въ сторонѣ абсолютныя цифры и представилъ отношенія между различными профессіями депутатовъ въ процентахъ. Буква В. означаетъ великое собраніе, остальныя собранія—обыкновенныя.

сивномъ избирательномъ правѣ, чѣмъ и объясняется сокращеніе цифръ первой рубрики. Въ ней регистрируются, съ этихъ поръ, главнымъ образомъ, министры и пенсіонеры; число послѣднихъ быстро растетъ, что и отзывается на величинѣ послѣдней цифры первой рубрики. Главное значеніе принадлежитъ второй и третьей рубрикамъ, изъ которыхъ одна—земледѣльцы, торговцы и т. д.—послѣ небольшой потери при Радославовѣ (1899), непрерывно растетъ, а другая—люди либеральныхъ профессій,—какъ разъ при Радославовѣ и при слѣдующихъ свободныхъ выборахъ достигшая максимальныхъ цифръ, нѣсколько падаетъ. Чтобы лучше разобраться въ значеніи этихъ противоположныхъ перемѣнъ, мы теперь раздѣлимъ каждую изъ двухъ рубрикъ на ея составные элементы.

	IIIB	V	IVB	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII
Земледѣльцы . . .	28,2	17,5	13,6	9,2	4,8	9,7	9,4	20,7	20,9	18,5
Торговцы, банкиры, фабриканты . .	34,2	32,1	37,7	24,5	26	32,3	24,9	16,7	25	27,7
Ремесленники и промышленники.	4,3	0,6	0,4	„	1,2	0,6	5,3	2,5	1,5	0,5
Адвокаты, помощники, „прошенописцы“	9,9	15,8	6,4	16,6	28,5	20,7	37,2	34,8	31,1	30,1
Другія либерал. профессіи	4,1	6	2,4	3,6	8,5	7,3	9,4	13,1	13,8	6,8

Какъ видимъ, въ паденіи и увеличеніи цифръ обѣихъ изучаемыхъ рубрикъ разные составные элементы ихъ играютъ далеко не одинаковую роль. Передъ режимомъ Стоилова депутаты-земледѣльцы гораздо быстрѣе исчезаютъ изъ камеры, чѣмъ депутаты-торговцы. Жители Софіи сохраняютъ уже какъ отдаленное преданіе память о томъ, какъ, бывало, въ доброе старое время депутаты въ сельскихъ самодѣльныхъ костюмахъ располагались въ промежуткахъ засѣданій тутъ же на улицѣ, у помѣщенія палаты, и, сидя на землѣ, съѣдали принесенный изъ дому завтракъ. Но, однако, со времени Стоилова (IX), цифры депутатовъ-земледѣльцевъ начинаютъ расти и во время свободныхъ анти-радославистскихъ выборовъ (XI) поднимаются рѣзкимъ скачкомъ съ 9,4% до 20,7%, увеличиваясь еще до 20,9 въ послѣдующихъ (цанковистскихъ) выборахъ. Причину этого яркаго факта мы знаемъ: это все та же „земледѣльческая ассоціація“, которая, извѣрившись, очевидно, въ присяжныхъ политиковъ, послала въ палату своихъ собственныхъ людей, уже не похожихъ на старыхъ наивныхъ селянъ, отъ которыхъ консерваторы времени Александра ожидали простодушнаго сочувствія князю и противодѣйствія его врагамъ либераламъ. Когда цѣль отмѣны десятка была достигнута, вниманіе сельскихъ избирателей къ „большой политикѣ“, очевидно, снова ослабѣло, что и отразилось на пониженіи цифры въ послѣднихъ выборахъ. Напротивъ, политическій интересъ торговцевъ оказался устойчивѣе. Выигравшіе

въ значеніи при Стоиловѣ и нѣсколько потерявшіе въ послѣдующихъ выборахъ, они оправляются и стойко идутъ впередъ въ въ послѣдніе годы.

Рубрика либеральныхъ профессій даетъ матеріалъ для не менѣе интересныхъ заключеній. Преобладающую роль среди этихъ профессій, какъ и слѣдуетъ ожидать, играютъ адвокаты, изъ которыхъ мало по малу и выработывается классъ присяжныхъ политиковъ. Высшей точки своего вліянія въ палатѣ адвокаты достигаютъ при Радославовѣ (X), что отчасти указываетъ и на характеръ этого вліянія. Этимъ сравнительнымъ обиліемъ интеллигентныхъ политиковъ объясняется возможность для господствующихъ партій обойтись безъ услугъ людей выборной службы. Адвокаты занимаютъ въ политической жизни страны ихъ мѣсто, что, конечно, само по себѣ показываетъ, что политическая жизнь создаетъ себѣ свое собственное нормальное русло. Образованіе класса политиковъ есть, безъ сомнѣнія, необходимый фактъ во всякой странѣ, пользующейся благами представительныхъ учрежденій, и декламировать по этому поводу на тему о „присяжномъ политиканствѣ“ можетъ только жалкое непониманіе. Злоупотребленія бываютъ вездѣ, и предложеніе можетъ превысить спросъ въ этой, какъ и въ другихъ профессіяхъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы на самую профессію слѣдовало смотрѣть какъ на какое-то общественное бѣдствіе. Мы видимъ при томъ какъ разъ на разбираемомъ примѣрѣ, что сама жизнь свободныхъ учрежденій вноситъ необходимый коррективъ къ возможнымъ злоупотребленіямъ. Стоитъ сравнить максимальную цифру радославовскихъ выборовъ съ цифрами послѣдующими, особено съ ближайшей цифрой антирадославовскихъ выборовъ, чтобы видѣть, какъ въ томъ же классѣ, который побилъ рекордъ болгарской политической коррупціи, нашлись люди, которое помогли покончить съ коррупціей. Цифра адвокатовъ падаетъ очень мало, но одновременно сильно повышается цифра другихъ интеллигентныхъ профессій (преимущественно писателей и журналистовъ), при общемъ повышенномъ вниманіи страны. Значительное паденіе цифры интеллигентовъ на послѣднихъ выборахъ, разумѣется, объясняется ихъ опасеніемъ передъ насиліями стамбулистовъ.

При раздробленности главныхъ политическихъ партій, при отсутствіи устойчиваго большинства и меньшинства, парламентаризмъ можетъ функціонировать въ Болгаріи или при помощи искусственныхъ выборовъ, или при помощи коалиціонныхъ кабинетовъ. До паденія Стамбулова практиковалась преимущественно первая система; послѣ того вторая стремится вытѣснить первую, хотя не всегда успѣшно. Третьей—и наиболѣе плодотворной—была бы система большихъ партій, но формировка такихъ партій еще остается задачей будущаго. При большомъ государственномъ смыслѣ болгаръ, надо думать, что эту задачу они разрѣшатъ успѣшно

Въ прилагаемой далѣе таблицѣ распредѣленія депутатовъ по партіямъ въ тринадцати обыкновенныхъ собраніяхъ конституціонной Болгаріи мы помѣстили съ лѣвой стороны—собранія до паденія Стамбулова, направо—послѣ этого времени. Посреди помѣщены названія партій: налѣво — тѣ, которыя соотвѣтствуютъ положенію партій въ первую, направо — во вторую эпоху. Скобки показываютъ союзы и группировки между партіями, при чемъ правительственное большинство изображено цифрами, напечатанными жирнымъ шрифтомъ. Послѣ очерка исторіи партій, даннаго во второмъ отдѣлѣ, эта таблица не нуждается въ дальнѣйшихъ поясненіяхъ, представляя лишь резюме сказаннаго тамъ. Матеріалы для таблицы взяты изъ современныхъ газетъ, а для послѣднихъ четырехъ собраній изъ оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, уже упоминавшихся выше. Состояніе партій въ нихъ соотвѣтствуетъ не окончательному положенію дѣла, а декларaціямъ, даннымъ кандидатами на выборахъ.

I 1879	II 1880	III 1882	IV 1884 и 1886 *)	V 1887	VI 1890	VII 1893		VIII 1894	IX 1896	X 1899	XI 1901	XII 1902	XIII 1903
30	30	49	25	„	„	„	консерваторы } народняки	**26**	**150**	2	30	31	23
„	„	„	24 }	25			соединисты } народняки	**40**					
140	**115**	4	40 }		20	12	либералы: 1. довольные (цанковисты)--прогресс. либералы . . .	25+15	1	13	**42**	**97**	6
			100				2. недовольные (каравелисты) а. демократы	8	2	10	30	12	7
			60				(казенные) b. (радослависты) либералы	**37**	7	**114**	5	7	14
				250	**240**	**131**	с. (стамбулисты) народо-либералы .	„	3	**19**	34	9	**124**
							соціалисты	3	2	4	2	6	„
							земледѣльч. организація	„	„	„	13	12	„
							младодемократы, независ. демократы, дем. республиканцы реформаторы . . .	„	„	„	5	4	„
			5	„	10	6	независимые и неопредѣленные, тур. группа, случайные	„	„	„	25	17	15

*) Дополнительные выборы депутатовъ изъ южной Румеліи: вторая и пятая цифры (24 и 60). Всѣ цифры этой половины таблицы показаны приблизительно.

Подавляющія большинства нашей таблицы, которыя то случайно вынырнутъ въ томъ или другомъ мѣстѣ таблицы, то такъ же быстро и безслѣдно исчезнутъ, возвращаютъ насъ къ отрицательнымъ сторонамъ режима партій. Мы уже знакомы съ отношеніемъ этого режима къ прерогативѣ князя и къ психологіи избирателей. Намъ остается нѣсколько внимательнѣе остановиться на отношеніи его къ самимъ членамъ партій. Подавляющее большинство въ палатѣ создается насильственными выборами. Но оно подготовляется и поддерживается системой широкаго патронажа и щедраго дѣлежа „добычи".

Раздача чиновническихъ должностей партизанамъ составляетъ, несомнѣнно, одну изъ самыхъ темныхъ сторонъ конституціонной практики. Это распредѣленіе должностей между партизанами, съ одной стороны, является необходимымъ условіемъ для господства партіи въ странѣ, а съ другой—естественнымъ продуктомъ этого господства, какъ дѣлежъ добычи между побѣдителями. Въ первомъ смыслѣ отъ всякой перемѣны министерства особенно страдаютъ тѣ части государственнаго механизма, которыя имѣютъ отношеніе къ избирательной машинѣ. Наличный составъ полиціи и администраціи, также какъ составъ городскихъ и сельскихъ выборныхъ совѣтовъ, подвергаются въ этомъ случаѣ почти полной смѣнѣ. Особенно необходимой является такая смѣна въ случаяхъ рѣзкаго контраста партій, смѣняющихъ другъ друга во власти. Менѣе всего практиковались партійныя перемѣны въ администраціи въ первые годы Александра, когда мы встрѣчаемъ и выборы болѣе свободные, и партійную группировку болѣе принципіальную. Но и изъ этого періода въ нашемъ обзорѣ мы встрѣчали достаточно примѣровъ смѣны чиновничества и кметовъ, какъ средства выборной борьбы. Съ 1887 г., со времени Стамбулова, это средство начинаетъ примѣняться въ особенно широкихъ размѣрахъ. Самъ Стамбуловъ, получившій свою партію по наслѣдству отъ предшественниковъ-либераловъ, еще не имѣлъ особой нужды въ массовой смѣнѣ чиновничества. Но при такой крутой перемѣнѣ, какъ переходъ власти отъ стамбулистовъ къ народнякамъ въ 1894 г., смѣна администраціи и полиціи оказывается почти полной. Изъ 24-хъ окружныхъ управителей Стоиловъ смѣнилъ 21, изъ 84 околійскихъ начальниковъ — 70 и, кромѣ того, заставилъ переизбрать 1,500 кметовъ въ одинъ мѣсяцъ. То же самое повторилось при замѣнѣ народняковъ радославистами. Каравеловъ дѣйствовалъ гораздо болѣе совѣстливо, и послѣдующія правительства пользовались этимъ пріемомъ сравнительно умѣренно. Приблизительно тѣ же наблюденія можно сдѣлать и относительно поведенія различныхъ партій при дѣлежѣ добычи. Обыкновенно, больше всего страдаютъ при этомъ министерства внутреннихъ дѣлъ и финансовъ, и гораздо менѣе такія министерства, какъ почтъ и телеграфовъ или народнаго

просвѣщенія, гдѣ смѣна чиновниковъ подчиняется строго опредѣленнымъ правиламъ.

Высшія мѣста государственной службы, требующія болѣе спеціальныхъ познаній и занятыя болѣе вліятельными людьми, вообще менѣе страдаютъ отъ частыхъ перемѣнъ, чѣмъ низшія должности. Перемѣны на высшихъ постахъ составляютъ обыкновенно около 10% всѣхъ мѣстъ, тогда какъ на низшихъ должностяхъ смѣна лицъ доходитъ до 50%. Надо признать, что болгарскіе государственные люди сами отлично понимаютъ весь вредъ этой партійной практики и до сихъ поръ употребили не мало усилій, чтобы сократить сферу партійнаго патронажа. Фактически, перемѣны въ военномъ вѣдомствѣ съ самаго начала стояли внѣ вліянія партійной борьбы, а въ послѣднія десять лѣтъ и назначенія по министерству иностранныхъ дѣлъ зависятъ непосредственно отъ князя. Затѣмъ въ собственной сферѣ чиновничества еще въ 1882 г. былъ проведенъ законъ, — съ тѣхъ поръ формально не отмѣненный, хотя и не соблюдавшійся (это время режима „полномочій"), — по которому, спустя три года послѣ назначенія, чиновники могли быть смѣняемы только съ разрѣшенія особой высшей коммиссіи, назначаемой государственымъ и министерскимъ совѣтами, съ участіемъ депутата отъ высшаго суда. Законъ, проведенный Даневымъ въ 1903 году, только возобновилъ эти распоряженія, замѣнивъ высшую коммиссію дисциплинарнымъ совѣтомъ (при министерскомъ совѣтѣ). Однако, Даневъ воспользовался этой реформой по-партизански: онъ провелъ свой законъ въ послѣдніе дни своего министерства, предварительно пополнивъ ряды чиновничества сторонниками своей партіи. Замѣнившее его стамбулистское министерство начало съ того, что суспендировало дѣйствіе изданнаго такимъ образомъ закона. Однако, благодѣтельное значеніе даневскаго закона настолько очевидно, что рано или поздно онъ долженъ быть возстановленъ. Всего прочнѣе, конечно, это будетъ въ томъ случаѣ, если возобновленіе явится результатомъ компромисса нѣсколькихъ сильныхъ партій, которыя будутъ одинаково заинтересованы въ его соблюденіи. Нѣсколько счастливѣе былъ Даневъ въ другой своей мѣрѣ, направленной къ той же цѣли оздоровленія партійнаго режима. По его закону объ общинахъ министръ внутреннихъ дѣлъ сохранилъ право распускать общинный совѣтъ только въ томъ случаѣ, когда болѣе половины общинныхъ совѣтниковъ подадутъ въ отставку или будутъ отстранены отъ управленія по требованію судебныхъ властей для отдачи ихъ подъ судъ за какія-нибудь неправильности, и то если при этомъ подбальные кандидаты на ихъ мѣста получили не менѣе половины голосовъ, поданныхъ за отстраненныхъ членовъ. Однако же, нашлось достаточно угодливыхъ прокуроровъ, готовыхъ ловить желанія власти или мѣстныхъ влія-

тельныхъ лицъ, и при стамбулистскомъ правительствѣ (1903) было распущено всетаки около 300 общинныхъ совѣтовъ, подъ предлогомъ отдачи подъ судъ (иногда ихъ заставляли, впрочемъ, подавать прошенія объ отставкѣ). Въ ближайшей (1904) сессіи народнаго собранія имѣется въ виду улучшить законъ, введя новое требованіе, чтобы отдача подъ судъ производилась не по желанію одного прокурора, а по рѣшенію цѣлаго окружнаго суда. Мы видимъ, такимъ образомъ, что здѣсь такъ же, какъ въ избирательномъ законѣ, законодатель принужденъ былъ въ концѣ концевъ искать опоры въ магистратурѣ, какъ наиболѣе безпристрастномъ и стойкомъ въ политическомъ отношеніи элементѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ болгарская магистратура стоитъ на высотѣ возлагаемыхъ на нее ожиданій; но нѣтъ правила безъ исключеній, и, при общей неблагопріятной обстановкѣ общественной жизни, эти исключенія грозятъ сдѣлаться чаще послѣ возложенія на магистратуру деликатной и отвѣтственной политической роли. Необходимымъ послѣдствіемъ этой новой роли является, такимъ образомъ, усиленіе независимости и самостоятельности судебнаго сословія. По дѣйствующему закону болгарскіе судьи становятся несмѣняемыми лишь послѣ 15 лѣтъ службы; срокъ, несомнѣнно, слишкомъ длинный, и скорѣе способный послужить преміей за долголѣтнюю угодливость, чѣмъ воспитать духъ независимости въ магистратурѣ.

Какъ бы то ни было, приведенный рядъ усилій бороться съ самымъ опаснымъ зломъ партійнаго режима—партизанскимъ патронажемъ,—свидѣтельствуетъ о томъ, что болгарскіе политическіе дѣятели одинаково далеки отъ доктринерскаго оптимизма и отъ дешеваго скептицизма по отношенію къ парламентскому режиму. Не закрывая глазъ на дѣйствительность и не смущаясь огульной критикой принципіальныхъ враговъ парламентаризма, они шагъ за шагомъ отвоевываютъ почву у злоупотребленій парламентаризма, тѣмъ самымъ реабилитируя основную идею его.

Здѣсь мѣсто вообще упомянуть о практикѣ парламентарныхъ гарантій. По конституціи гарантіи эти двоякаго рода: однѣ состоятъ въ правѣ палаты назначать слѣдствія по управленію и предавать суду министровъ, другія заключаются въ обезпеченныхъ конституціей основныхъ правахъ гражданина. Что касается права контроля палаты надъ министрами, оно не оставалось мертвой буквой въ Болгаріи. Два раза въ теченіе своего короткаго конституціоннаго опыта народные представители давали выходъ возмущенному общественному мнѣнію, назначая парламентское слѣдствіе надъ павшими министрами. Первый разъ это было при ликвидаціи режима „полномочіей“, для разбора отвѣтственности министровъ въ хищеніяхъ Хаджіенова, въ соучастіи съ которымъ обвиняло консерваторовъ общественное мнѣніе. Вслѣдствіе наступившихъ затѣмъ политическихъ осложненій и ката-

строфъ, коммиссія не довела своего дѣла до конца. Второй разъ въ результатѣ парламентской анкеты министры радославовскаго кабинета (Радославовъ, Иванчевъ, Тончевъ и Тоневъ) были преданы суду, который и вынесъ противъ нихъ очень строгій приговоръ, присудивъ ихъ къ восьми мѣсяцамъ тюрьмы и лишенію гражданскихъ и политическихъ правъ. Это торжество идей парламентскаго контроля было, однако же, нѣсколько ослаблено послѣдующимъ рѣшеніемъ XIII народнаго собранія, не только давшаго полную амнистію осужденнымъ министрамъ, но и принявшаго новый „толкователенъ законъ“, по смыслу котораго министровъ можно судить не за нарушеніе обыкновенныхъ законовъ, а лишь за нарушеніе конституціи.

Что касается гарантій, заключающихся въ основныхъ правахъ, обезпеченныхъ конституціей, то практика этихъ гарантій также весьма поучительна. Попытки нарушенія ихъ сводятся къ одному изъ двухъ типовъ: или къ ограниченію ихъ путемъ законодательныхъ распоряженій, или къ фактическому ихъ несоблюденію. Законодательныя ограниченія основныхъ правъ были немногочисленны, преимущественно относились они къ первымъ годамъ конституціонной практики и затѣмъ отмѣнялись. Гораздо многочисленнѣе были случаи фактическаго несоблюденія существующихъ законовъ; этого рода нарушенія основныхъ правъ, при отсутствіи въ болгарскомъ обществѣ вкоренившагося чувства законности, временами превращались въ господствующее правило. Наглядный и яркій примѣръ сказаннаго мы можемъ видѣть на практикѣ свободы печати, какъ извѣстно, гарантированной болгарской конституціей. Болгарская печать свободна, можетъ быть, свободна болѣе, чѣмъ гдѣ либо, такъ какъ она не только не стѣснена цензурой и судебныя преслѣдованія по дѣламъ печати почти безполезны, но и со стороны традиціи, религіозныхъ и культурныхъ привычекъ и обычаевъ, соціальныхъ условностей она стѣснена менѣе, чѣмъ пресса болѣе культурныхъ странъ стараго и новаго свѣта. По своимъ пріемамъ болгарская печать очень напоминаетъ американскую, съ ея ненасытнымъ любопытствомъ и безцеремонностью, съ интересомъ къ личнымъ дѣламъ и отношеніямъ, не менѣе, чѣмъ къ событіямъ общественной жизни. Естественно, что уже одно это могло дать богатый матеріалъ для криминалистики; но, конечно, главной причиной борьбы, которую ведетъ болгарскій „наказателенъ законъ“ противъ печати, является огромная роль, какую играютъ органы печати въ политической жизни страны. Огромную часть болгарской прессы составляетъ пресса партизанская, еще болѣе рѣзкая и не стѣсняющаяся въ выраженіяхъ, чѣмъ немногіе органы безпартійной прессы. Принимать за чистую монету весь лексиконъ сильныхъ выраженій, ежедневно обогащаемый изобрѣтательными въ этомъ отношеніи дѣятелями партійной печати, было бы, конечно, такой же ошибкой, какъ вѣрить на слово всему, что говоритъ американская пресса.

Подобно последней, это скорѣе предохранительный клапанъ, черезъ который выпускается лишній жаръ и пылъ, порождаемый кипѣніемъ политическихъ страстей. Этой прессой всѣ пользуются, но только наивные вѣрятъ на слово тому, что говорится въ газетахъ. Съ этимъ коррективомъ читательскаго скептицизма, газета дѣлаетъ свое дѣло и приноситъ пользу, не смотря на то, что наиболѣе серьезные политическіе дѣятели давно перестали принимать то личное участіе въ публицистикѣ, какое они принимали въ первые годы болгарской политической жизни, уступивъ свое мѣсто „вѣстникарямъ" по спеціальности или начинающимъ политикамъ. Надо сказать, что вообще, чѣмъ болѣе растетъ въ количествѣ читающая публика и чѣмъ болѣе растутъ ея требованія отъ газеты, тѣмъ менѣе она обнаруживаетъ склонности удовлетворяться партизанской прессой и тѣмъ болѣе переноситъ свое вниманіе къ тѣмъ органамъ, которые стараются удовлетворить не партизанскому, а просто читательскому вкусу и любопытству. Наибольшее количество читателей имѣетъ, напр., теперь „Вечерняя Почта", издающаяся въ 10.000 экземплярахъ, тогда какъ органъ правительства, „Новъ Вѣкъ", не смотря на обязательныхъ абонентовъ, расходится всего въ 5—6.000 экземплярахъ, а изъ оппозиціонныхъ органовъ наиболѣе вліятельный—органъ старой демократической партіи „Прѣпорецъ"—печатается въ 2.600 экземплярахъ. Не смотря на то, что, такимъ образомъ, партійные органы обращаются къ сравнительно небольшому кругу присяжныхъ партизановъ, правительственныя партіи рѣдко обнаруживали то терпѣніе и уваженіе къ принципу свободы печатнаго слова, которое было бы лучшей государственной мудростью. Длинная серія преслѣдованій по дѣламъ печати, въ рамкахъ конституціи и внѣ этихъ рамокъ, путемъ закона, суда или административныхъ мѣръ, тянется черезъ всѣ двадцать пять лѣтъ болгарской политической жизни, представляя собою рядъ эпизодовъ, то драматическихъ, то комическихъ. Характернымъ образомъ первое преслѣдованіе, начатое противъ печати, возбуждено было судебной властью, по прямому требованію II народнаго собранія, и обращено было либеральнымъ большинствомъ этой камеры противъ консервативной газеты „Витоша", какъ актъ политической мести. Тогда еще не было даже закона о преступленіяхъ по дѣламъ печати, и такъ какъ судебная власть выяснила невозможность преслѣдованія по статьямъ 47 и 76 конституціи (т. е. во имя экстренныхъ полномочій въ чрезвычайныхъ случаяхъ), то рѣшено было считать дѣйствующимъ старый турецкій законъ о печати—надо сказать, довольно либеральный по буквѣ. Дѣйствительно, послѣдующіе законы, изданные народнымъ правительствомъ, почти всѣ преслѣдовали не столько цѣли огражденія, сколько цѣли ограниченія правъ печати. Таковъ былъ, прежде всего, первый болгарскій законъ о печати, 6 февр. 1883, изданный государственнымъ совѣтомъ времени „полномочій"

(см. выше). Въ концѣ того же года, уже при Цанковѣ, какъ результатъ его „компромисса“ съ княземъ и консерваторами, принятъ былъ камерой дополнительный законъ 14 декабря 1883, очевидно направленный противъ старыхъ товарищей Цанкова по либеральной партіи, эмигрировавшихъ во время „полномочій“ въ Румелію и оттуда агитировавшихъ въ княжествѣ при помощи своего органа, пловдивской „Независимости“. По §§ 10 и 11 дополнительнаго закона, министерскій совѣтъ получалъ право запрещать ввозъ книгъ и газетъ изъ-за границы, а распространителю таковыхъ въ княжествѣ грозилъ штрафъ отъ 20 до 200 франковъ. Очевидно, противоконституціонное, это постановленіе никогда не примѣнялось, такъ какъ эмигранты тотчасъ же вернулись въ княжество и перенесли свои органы въ самую столицу. Затѣмъ, въ министерство Каравелова проведенъ былъ сравнительно либеральный законъ о печати, въ формѣ дополнительнаго отдѣла къ уложенію о наказаніяхъ *). Каравеловскій законъ (18 января 1885), однако, тоже примѣнялся недолго: 10 сентября того же года было объявлено военное положеніе, и софійскимъ типографіямъ запрещено было выпускать въ свѣтъ что бы то ни было въ нихъ напечатанное до предварительнаго одобренія градоначальника. Это было форменное введеніе предварительной цензуры. Мы видѣли, какъ воспользовался Каравеловъ военнымъ положеніемъ противъ возобновленной его бывшими радикальными партизанами „Независимости“ (см. выше). Предварительная цензура существовала и дѣйствовала и въ 1886 г. въ вѣдомствѣ министра внутреннихъ дѣлъ (Радославова). Стамбуловъ, такимъ образомъ, нашелъ эту практику уже готовой, и первымъ дѣломъ обратилъ ее противъ собственнаго органа Каравелова „Тырновской Конституціи“. Съ конца 1886 г. „Тырновская Конституція“ начала появляться съ пробѣлами, на которыхъ крупными буквами было объяснено „запрещено цензурой“. Это, однако, было немедленно запрещено; тогда редакція стала заполнять мѣста, выброшенныя цензурой, цитатами изъ Библіи, подобранными къ случаю и напечатанными славянскимъ шрифтомъ, а также статьями конституціи объ основныхъ правахъ, нарушавшихся режимомъ Стамбулова.

Въ засѣданіи палаты 27 ноября 1887 г. министру внутреннихъ дѣлъ былъ сдѣланъ слѣдующій запросъ: „почему не позво-

*) По конституціи не полагалось *особаго* закона о печати и предполагавшееся постановленіе объ этомъ было выкинуто учредителями изъ проекта конституціи, на томъ основаніи, что преступленія о печати должны судиться по общимъ законамъ. Постановленіе это либеральное въ томъ смыслѣ, что устраняло спеціальныя изъятія изъ общихъ законовъ *противъ* печати, однако въ то же время не допускало и спеціальныхъ облегченій въ процедурѣ и въ наказаніяхъ *въ пользу* печати. Въ послѣдующемъ болгарскомъ законодательствѣ о печати такія облегченія были по временамъ вводимы по примѣру теоріи и практики европейскихъ законодательствъ.

ляется издавать другія газеты, кромѣ (стамбуловскаго органа) „Свободы“? И не противорѣчитъ ли подобное распоряженіе ст. 79 конституціи?“ Стамбуловъ отвѣчалъ, что правительство хотѣло отмѣнить военное положеніе и предварительную цензуру послѣ вокняженія Фердинанда, но нашлись газеты, которыя проповѣдывали бунтъ противъ главы государства, и въ виду труднаго положенія Болгаріи, а также въ виду недостаточности существующаго закона о печати, въ виду всего того зла, какое нанесла печать при сверженіи бывшаго князя и деморализаціи, посѣянной въ войскахъ и народѣ, рѣшено было постановленіемъ министерскаго совѣта ввести предварительную цензуру. „Я сознаю всю пользу свободы печати,—прибавлялъ Стамбуловъ,—признаю, что безъ нея не можетъ быть развитія въ конституціонной державѣ, что свобода необходима для прогресса; но признаю также, что свобода и интересъ отечества выше свободы печати“. Затѣмъ Стамбуловъ обѣщалъ предварительно внести законъ, „который опредѣлилъ бы болѣе тяжелыя наказанія за преступленія печати, и, послѣ принятія закона, отмѣнить цензуру“. Проектъ былъ дѣйствительно немедленно внесенъ и черезъ пять дней сдѣлался закономъ (17 декабря 1887 г.). По этому закону, между прочимъ, введены были штрафы за открытіе типографіи безъ явки полиціи и за выходъ періодическаго изданія безъ подписи отвѣтственнаго редактора. Отвѣтственный редакторъ долженъ былъ быть болгарскимъ подданнымъ, пользующимся гражданскими и политическими (этимъ исключались женщины) правами и имѣющимъ постоянное жительство въ мѣстѣ, гдѣ выходитъ изданіе (этотъ конецъ фразы впослѣдствіи выкинутъ). Затѣмъ снова введена цензура министерскаго совѣта надъ иностранными книгами и газетами; введено наказаніе тюремнымъ заключеніемъ отъ 1 до 5 лѣтъ за „подстрекательство къ преступленіямъ, нарушающимъ внутреннюю и внѣшнюю безопасность государства или личную безопасность князя“.

Послѣ изданія закона 1887 г. оппозиціонныя газеты возобновили существованіе, но законъ примѣнялся очень строго, и вновь введенная должность „отвѣтственнаго редактора“ оказывалась далеко-далеко не простой синекурой. Послѣ паденія Стамбулова оказалось, что 15 такихъ редакторовъ сидѣло въ тюрьмѣ по судебнымъ приговорамъ: въ томъ числѣ 5 редакторовъ одного „Свободнаго Слова“. Въ это время завелся обычай нанимать за сходную плату особыхъ Sitzredacteure, съ спеціальной обязанностью отсиживать въ тюрьмѣ наказанія, наложенныя судомъ по новому закону. Франковъ 50 въ мѣсяцъ считалось хорошимъ вознагражденіемъ за это ремесло. Разумѣется, за него брались подходящія лица, не имѣвшія ничего общаго съ литературой.

Стамбуловскому закону о печати посчастливилось: онъ не только пережилъ своего инициатора, но и былъ дополненъ и измѣненъ въ

смыслѣ еще большей строгости. Напр., по такъ называемому „измѣненію Папанчева“ (1896) для должности отвѣтственнаго редактора стали требоваться лица съ среднимъ образованіемъ, что заставило журналистовъ искать своихъ Sitzredacteure среди студентовъ высшаго училища. Тогда министръ Петевъ (въ кабинетѣ Иванчева) пошелъ дальше: „временными правилами“, изданными въ административномъ порядкѣ, требовалось отъ отвѣтственнаго редактора высшее образованіе (5 іюля 1900). Эти временныя правила, впрочемъ, уже въ слѣдующемъ году, при Каравеловѣ, были отмѣнены. Новаго закона о печати пока не издано, хотя стамбулистское министерство Рачо Петрова и поспѣшило провести частичный законъ о преступленіяхъ „противъ особы“. Наказанія за оскорбленіе „особы“ были усилены, для разбора дѣлъ назначенъ судъ безъ присяжныхъ засѣдателей, понятіе оскорбленія величества распространено на всю родню князя; всякое содѣйствіе осужденному путемъ сбора денегъ для уплаты за него пени, наложенной судомъ, признано также за особое преступленіе. Изданіе этого закона было однимъ изъ наиболѣе непопулярныхъ дѣйствій настоящаго министерства, а осужденіе, на основаніи этого закона, популярнаго писателя Михайловскаго (условное, на 6 мѣсяцевъ тюрьмы) за прозрачныя обвиненія князя въ соучастіи при неудачной покупкѣ военныхъ патроновъ у одной французской фабрики, только подчеркнуло непопулярность закона. Надо признать, что языкъ болгарской прессы относительно князя далеко выходитъ изъ предѣловъ всего, что позволяетъ себѣ въ этомъ случаѣ какая бы то ни было другая пресса. Но „законъ объ особѣ“ есть весьма несовершенное орудіе для борьбы съ безцеремонностью болгарскихъ газетныхъ нравовъ. Какъ большая часть подобныхъ законовъ, онъ можетъ только придать остроты и пикантности газетнымъ выходкамъ и сдѣлать смѣшной и ненавистной ту власть, для защиты которой онъ предназначается.

Изъ другихъ публичныхъ основныхъ правъ право митинговъ пытался ограничить Начовичъ еще въ 1882 г. По его закону, собранія дозволялись лишь „въ домѣ“ (а не на открытомъ воздухѣ, какъ позволено конституціей), и при томъ полиція должна была за три дня получить увѣдомленіе, что митингъ соберется. Понятно, что это равнялось не только запрещенію митинговъ, но организованному полицейскому наблюденію за частными квартирами. Законъ не примѣнялся, такъ же какъ и замѣнившій его въ слѣдующемъ (1883) году законъ Цанкова. Въ 1884 г. всѣ ограниченія были отмѣнены Каравеловымъ. Послѣдующія ограниченія и затрудненія предпринимались уже не въ законодательномъ, а въ полицейскомъ порядкѣ.

Что касается права составленія союзовъ, то оно практиковалось невозбранно и не возбуждало сомнѣній до тѣхъ поръ, пока правительство, 30 января 1903, не закрыло, изъ опасенія междуна-

родныхъ усложненій, „македонскихъ дружествъ“ во всей Болгаріи. Этотъ случай вызвалъ много пререканій въ печати, при чемъ „младо-либеральный“ органъ, „Демократическій Прегледъ“, защищалъ полную законность и конституціонность упомянутой мѣры. Во всякомъ случаѣ, была признана недостаточность и неполнота закона, ограждающаго право союзовъ, указана вышеупомянутая ошибка Моллова, переведшаго терминъ „mesure préventive“ невѣрно, какъ „предварительное разрѣшеніе“ (autorisasion préalable, ср. выше) и тѣмъ сузившаго сферу законной свободы союзовъ; указана, наконецъ, желательность, при необходимости закрытія союзовъ, судебной процедуры, вмѣсто административной, т. е. вмѣсто рѣшенія совѣта министровъ.

Соблюдаются ли въ Болгаріи личныя основныя права, т. е. неприкосновенность личности и собственности, отвѣтственность только по суду и наказаніе только въ предѣлахъ законовъ, неприкосновенность жилища и запрещеніе произвольныхъ обысковъ и арестовъ? И да, и нѣтъ. Насильственныя мѣры, нарушающія всѣ эти конституціонныя гарантіи, случаются и даже не составляютъ большой рѣдкости при управленіи самыхъ разнообразныхъ партій. Но всѣ правонарушенія этого рода отличаются одной чертой, отчасти обезвреживающей ихъ политическое значеніе. Очередное правительство обыкновенно не пытается возвести этихъ административныхъ пріемовъ въ теорію, въ постоянную систему, и оградить себя какими-нибудь законами или постановленіями, замѣняющими законы, отъ легальной отвѣтственности. Правительство очень рѣдко даже прибѣгаетъ къ тѣмъ параграфамъ конституціи, которые въ исключительныхъ случаяхъ даютъ ему чрезвычайныя полномочія. Подобно Стамбулову, нарушители конституціи прямо признаются, что ее нарушаютъ, и не пытаются нарушеніе закона возвести въ законъ. Такимъ образомъ, широкая сфера административнаго воздѣйствія существуетъ лишь фактически, и около случаевъ такого воздѣйствія всегда поднимается шумъ, который, можетъ быть, и создаетъ впечатлѣніе, что въ Болгаріи нарушеніе основныхъ правъ составляетъ повседневное явленіе. Въ дѣйствительности, здѣсь, какъ и въ другихъ упоминавшихся случаяхъ, болгарское общество очень чувствительно къ нарушенію своихъ правъ и, фактически мирясь съ привычнымъ режимомъ беззаконія, никогда не забываетъ протестовать противъ него принципіально. Старое поколѣніе, видавшее худшіе виды, конечно, руководится при этомъ больше умомъ, чѣмъ инстинктомъ и жизненной привычкой; но можно замѣтить, какъ привычки и требованія свободной политической жизни быстро развиваются у молодыхъ поколѣній, и какъ, вслѣдствіе этого, возрастаетъ щекотливость ко всякимъ нарушеніямъ основныхъ гарантій. Можно прибавить, что и самая практика партійной борьбы невольно сообразуется съ этой перемѣной въ общественномъ самочувствіи, и, въ

результатѣ, такія грубыя нарушенія нормальнаго хода политической жизни, какія могъ позволять себѣ Стамбуловъ, въ настоящее время кажутся уже совсѣмъ невозможными и невыносимыми. Мы упоминали, какъ постепенно утончаются пріемы избирательной борьбы, этого фокуса всѣхъ политическихъ и частныхъ страстей. Словомъ, *неписаная* конституція постепенно крѣпнетъ и обростаетъ кругомъ параграфовъ бумажнаго документа.

Что далъ этотъ документъ Болгаріи и не лучше ли было для страны, если бы ея политическая жизнь съ самаго начала была поставлена въ большее соотвѣтствіе съ элементарной степенью развитія и съ элементарнымъ общественнымъ строемъ?

Мы думаемъ, что сдѣланный нами обзоръ самъ по себѣ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ. Болгарія обязана своей конституціи, прежде всего, той степенью независимости въ своемъ международномъ положеніи, какой она теперь достигла. Только въ непосредственномъ прикосновеніи съ живымъ голосомъ всей страны можно было такъ быстро и сильно реагировать на всѣ опасности, грозившія извнѣ, такъ быстро исправлять всѣ ошибки отдѣльныхъ личностей и пресѣкать по первому признаку ихъ опасныя послѣдствія. И эта смѣлость, и эта рѣшительность, и эта гибкость и изворотливость—всѣ эти черты, обнаруженныя болгарскими политиками—объясняются тѣмъ, что ихъ рука, управлявшая государственнымъ кораблемъ, всегда лежала на томъ мѣстѣ, гдѣ всего вѣрнѣе чувствовалось біеніе общественнаго пульса страны. Они были иногда очень безцеремонны въ своемъ обращеніи съ этимъ „общественнымъ пульсомъ" и часто дозволяли себѣ преслѣдовать личные интересы. Но они знали, что есть граница, которую перешагнуть нельзя, не разбудивъ общественнаго цербера, нельзя въ собственныхъ же интересахъ, чтобы не подвергнуться очень реальной отвѣтственности: вотъ почему они, въ общемъ, всегда вѣрно держали свой курсъ.

Когда вы читаете протоколы первыхъ же засѣданій перваго учредительнаго собранія, вы сразу получаете впечатлѣніе, которое затѣмъ сопровождаетъ васъ при самомъ подробномъ изученіи мельчайшихъ деталей болгарской конституціонной жизни. Вы видите, что эти люди—круглые невѣжды и въ государственномъ, и въ какомъ угодно правѣ. Вы не можете не смѣяться, видя, какъ они спотыкаются и падаютъ на каждомъ шагу, какъ они создаютъ воображаемыя препятствія и борятся съ вѣтряными мельницами, не замѣчая въ то же время дѣйствительныхъ опасностей. Но скоро вы начинаете замѣчать, что, какимъ-то таинственнымъ, незамѣтнымъ для васъ путемъ, изъ этого хаоса криковъ, риторическихъ восклицаній, невѣжественной критики и обидныхъ личныхъ выходокъ слагается рѣшеніе, которое вы не можете не признать самымъ умнымъ и самымъ подходящимъ для даннаго частнаго случая. Вы проходите, такимъ обра-

зомъ, черезъ цѣлый рядъ частныхъ случаевъ и моментовъ, дивитесь инстинкту, который подсказываетъ въ каждомъ частномъ случаѣ вѣрный исходъ; но въ то же время вы начинаете замѣчать и нѣчто большее. На вашихъ глазахъ, изъ частныхъ эпизодовъ слагается общая нить, и эта нить опять есть единственно-правильная, единственно-вѣрная, самая лучшая, какую вы могли бы придумать или, точнѣе, какой вы, пожалуй, и не придумали бы сами. И невольно ваше ироническое отношеніе къ этимъ доморощеннымъ законодателямъ замѣняется мало по малу другимъ, хорошимъ чувствомъ. Вамъ въ новомъ свѣтѣ представляются теперь золотыя, безхитростныя слова народнаго мудреца Славейкова, и вы принуждены признать въ нихъ глубокій смыслъ. „Обидно для цѣлаго народа согласиться съ предвзятымъ мнѣніемъ о полной его неспособности и некомпетентности въ рѣшеніи народныхъ дѣлъ и признать способными и компетентными только нѣкоторыхъ привилегированныхъ лицъ... Нѣтъ большей глупости, какъ считать себя умнѣе всѣхъ и претендовать на руководство другими. Какъ бы ни были умны и образованы единичные руководители, они скорѣе могутъ заблудиться, ошибиться и напутать, чѣмъ зрѣло обдуманное общее или народное мнѣніе... Имѣйте, господа, побольше вѣры въ народъ, въ его благоразуміе, вглядитесь въ него получше, изучите поположительнѣе его свойства и качества и, повѣрьте, вы составите о немъ лучшее мнѣніе“.

П. Милюковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ. *Первоисточники:* Текстъ русскаго проекта конституціи и окончательный текстъ (перепечатанъ, между прочимъ, въ „Юбилейна история на 25—годишна България“. Составилъ Т. К. Бойчевъ, ч. I, София, 1903). „Дневници на учредителното Велико (Търновско) собрание“, два изданія (во второмъ есть приложенія, въ томъ числѣ рапортъ пятнадцатичленной коммиссіи). „Дневници“ послѣдующихъ собраній, правит. изданіе. Газеты, поименованныя въ текстѣ. Оффиціальные „Списъци на представителитѣ за Нар. Собр.“, печатавшіеся въ „Държавни Вѣстникъ“. Статистика на изборитѣ за Нар. Представители за X обикновенно Нар. Собр. Софія 1900 и рукописные матеріалы относительно выборовъ въ XI—XIII собранія въ софійскомъ статистическомъ бюро.

Пособія: общія для политической исторіи Болгаріи: соотв. главы въ Das Fürstenthum Bulgarien, von K. Irecek. Drandar, Cinq ans de regne. Le prince Alexandre en Bulgarie. Paris, 1884 (цанковистско-руссофильская точка зрѣнія). Матвѣевъ, Болгарія послѣ Берлинскаго конгресса. Спб. 1887 (основана, въ болѣе цѣнной своей части, на русскихъ документахъ; въ менѣе цѣнной—на Драндарѣ). Koch, Fürst Alexander v. Bulgarien, Darmstadt, 1887 (дружественна князю). A. Golovine, Fürst Alexander von Bulgarien, Wien 1895 (съ точки зрѣнія князя: очень цѣнные матеріалы и личныя наблюденія, но пристрастно). Hans Klaeber, Fürst Alexander von Bulgarien, Dresden, 1904, (мало новаго послѣ Головина и др. Beaman, Stephan Stambulov. Drandar, Les évenements politiques en Bulgarie depuis 1876 jusqu'a nos jours. Paris—Bruxelles, 1896. Мемуары и памфлеты: Съчиненията на Тодоръ Икономовъ, т. IV, мемоари, Шуменъ, 1897 (очень важный источникъ). П. Каравеловъ, Българската конституция и

прѣдлагаемитѣ въ нея промѣнения отъ консервативната партія въ „Наука", год., II, 1882. П. Р. Славейкова, Послѣдното миходяние въ София, Пловдивъ 1883 и его же Размишленія върху положението ни, София, 1886 (обѣ брошюры изданы безъ имени автора). Л. Н. Соболевъ, Къ новѣйшей исторіи Болгаріи, Русская Старина, 1886, кн. IX. Папанчевъ, Каравеловъ и Радославовъ, Сливенъ 1900. Първий български нар. соборъ въ Цариградъ отъ А. Шоповъ, въ „Библиотека", кн. VIII—XIII (год. II и III). Пловдивъ, 1895. Спеціальныя работы по исторіи конституціи и по дѣйствующему конституціонному праву: Н. Е. Васильевъ, Русскій проектъ органическаго устава госуд. устройства Болгарскаго княжества и его дальнѣйшія измѣненія, въ Юридич. Вѣстникѣ 1887 т. XXIV (лучшая статья на русскомъ языкѣ, со своднымъ текстомъ конституціи, проекта и измѣненій его въ учред. собраніи, съ резюме преній въ послѣднемъ, съ приложеніемъ записки 15-ти и измѣненій 1893). Ср. его же дополненіе къ русскому переводу Лавеле, Балканскій полуостровъ, М. 1889. Литографированные курсы конституціоннаго права проф. С. Кирова. Списокъ министерствъ и народныхъ собраній въ журн. „Гражданинъ", год. I, кн. II (1904.) Рядъ статей (гг. И. Георгова, Фаденгехта, Влайкова, Н. Цанова и др.) въ двухнедѣльной газетѣ „Демократически Прегледъ". Г. Дерманчева, Конституціонализмътъ и една страна на нашия конституционенъ животъ, въ „Български Прегледъ", кн. V—VI, VIII—X, XII, год. IV и отдѣльно, София, 1898. Прѣстъпленията по изборитѣ изобщо и частно въ България, отъ д-ръ Д. К. Вонали, София, 1903. Д-ръ С. Кировъ, Членъ 47 отъ Конституцията и суспендиранието на нѣкои членове отъ закони начиновницитѣ, София 1903.

---

* * *

Я умру... Но со мной, можетъ быть, не умретъ
Предразсвѣтная пѣсня моя:
Можетъ быть, до зари хоть она доживетъ,
До зари лучезарнаго дня!..

И что̀ грезилось мнѣ только свѣтлой мечтой—
Встрѣтитъ пѣсню мою на яву,
И, быть можетъ, въ душѣ чьей-нибудь молодой
Я горячей слезой оживу.

И къ могилѣ моей, можетъ быть, долетятъ
Пѣсни новой, свободной зари,
И, какъ шепотъ вѣтвей, имъ въ отвѣтъ прозвучатъ
Предразсвѣтныя пѣсни мои!..

Г. Галина.

ТИКЪ-ТАКЪ.

(Разсказъ).

Судьбѣ угодно было, чтобы въ душѣ Дуни сохранилось воспоминаніе о родителяхъ. Умерли они въ одинъ годъ и мѣсяцъ, когда Дунѣ едва минуло четыре года. Мать умерла отъ оспы, отецъ отъ разрыва сердца. Онъ страшно горевалъ послѣ смерти жены, и этому неутѣшному горю приписывали причину его смерти. Дуня также заболѣла оспой, заразившись отъ матери, но смерть пощадила ее, и болѣзнь, оставивъ ей душу, обезобразила только тѣло. Она была такъ мала, когда умерли ея родители, и смерть ихъ, благодаря ея собственной болѣзни, прошла такъ незамѣтно для нея, что, при другихъ условіяхъ послѣдующей жизни, она, навѣрное, скоро забыла бы ихъ. Но нѣжныхъ родителей замѣнили люди крайне неласковые, и прежнія ласки и нѣжность никакъ не могли забыться. Даже образы отца и матери сохранились въ ея памяти, какъ синонимы нѣжности и ласки. Она не помнила лицъ, помнила только, что было время, когда ее, маленькую, бралъ на руки кто-то большой и хорошій, что онъ цѣловалъ ее и, при этомъ, смѣшно и пріятно щекоталъ ее своей бородой и усами. Ясно еще сохранилось въ ея памяти, что губы отца очень смѣшно складывались, когда онъ говорилъ ей: „милая моя Дунюся...“

Черты изъ образа матери сохранились яснѣе, но и онѣ были всетаки очень расплывчаты и неопредѣленны. Она помнила, что у матери были большіе черные глаза, которые она болѣе всего любила цѣловать, и длинная коса, которою она часто играла. Остальныя черты — терялись. Помнила, что у матери были нѣжныя и теплыя руки, и что этими руками она любила гладить головку дочери. Когда мать засыпала, Дуня взбиралась къ ней на кровать и прикладывала свою головку къ ея груди. Тамъ что-то ровно и мягко билось и трепетало, и Дуня обыкновенно сама за-

сыпала на груди у матери. Это біеніе материнскаго сердца особенно ясно запомнила Дуня, и, когда впослѣдствіи ей становилось тоскливо, — она уходила мечтами въ далекое прошлое, и ей казалось, что она вновь ощущаетъ своимъ ухомъ эти легкіе и упругіе толчки. Въ сердцѣ матери, навѣрное, заключался огромный избытокъ любви, и когда оно уже перестало биться, — любовь его всетаки продолжала жить. Когда Дуня спокойно думала объ умершей матери, она видѣла передъ собой какой-то неясный образъ, но какъ только начинала всматриваться въ этотъ образъ, стараясь оформить его контуры, — онъ отодвигался отъ нея, расплываясь и замирая, и замѣнялся какой-то неясной и смутной грезой... Дуня страдала и съ жаромъ просила Бога, чтобы ей хоть во снѣ являлась мать, и этотъ сонъ, дѣйствительно, часто посѣщалъ ее. Тогда она была счастлива и во снѣ блаженно рыдала...

Сиротку Дуню взялъ на воспитаніе двоюродный братъ ея отца, Иванъ Михайловичъ Степановъ. Онъ жилъ въ большомъ городѣ и служилъ въ казенномъ учрежденіи. Человѣкъ онъ былъ отъ природы не злой, но суровый. У него была большая семья, и отъ этого онъ, вѣроятно, былъ еще суровѣе, такъ какъ казеннаго жалованья не всегда хватало на прожитье и, добывая средства, приходилось иногда грѣшить противъ совѣсти. Жена его, Анна Васильевна, неумная и недобрая женщина, конечно, была мало обрадована Дунѣ, новому рту въ семьѣ, и иногда со злобой говорила:

— У-у, рябая, откуда ты взялась еще...

Говорила она это тихо, про себя, но случалось, слова эти долетали до слуха Дуни...

Съ дѣтьми своихъ новыхъ родителей Дуня тоже не могла сродниться душой. Правда, играли они всѣ вмѣстѣ, и, покуда играли мирно, — Дуня ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ дѣтей. Но если между Дуней и кѣмъ-либо изъ игравшихъ происходила ссора, и поссорившіяся жаловались старшимъ—виноватой всегда оставалась Дуня. Обыкновенно Дуня не жаловалась—жаловались на нее, и это только увеличивало ея вину.

— Вотъ видишь сама, что ты виновата, — говорили ей:— Если бы ты была права сама, небось, первая пошла бы жаловаться, а то забилась въ уголъ и молчишь; тутъ ужъ видно, кто виноватъ. Не играйте съ ней, дѣтки, съ задирой. Какъ тебѣ не стыдно, — обращались напослѣдокъ къ Дунѣ.

А жалобщикъ говорилъ ей:

— А-а, за-дира, молчишь!

Дуня, дѣйствительно, молчала, но не потому, что считала

себя виноватой, и что ей было стыдно, а потому, что некому было жаловаться. Она чувствовала себя обиженной, оскорбленной, безпомощной. Она уходила куда-нибудь, гдѣ бы ее никто не видѣлъ, и тамъ съ жаромъ просила „дорогую, золотую маму“, чтобы она упросила Бога наказать обидчиковъ, и чтобы мама „хоть на минуточку“ пришла къ ней...

Была въ ней одна особенность, еще болѣе отягчавшая ея страданія, — она не умѣла плакать. Когда горе сжимаетъ сердце и ниоткуда нѣтъ помощи — незначительная ласка, слово участія вызываютъ порой цѣлые потоки слезъ, и эти слезы такъ облегчаютъ озлобленную душу! Дуня съ самыхъ раннихъ лѣтъ была лишена ласки и участливыхъ словъ, и способность плакать въ ней какъ бы атрофировалось. Когда ей ужъ очень было больно, когда на свѣжую рану обиды кто-нибудь щедрой рукой сыпалъ соль,—ея горло схватывала спазма, и она рыдала. Но рыданія эти, чаще всего безъ слезъ, сухія и мучительныя, никогда почти не облегчали ей душу. Пріятно ей было только рыдать во снѣ, вспоминая мать, на яву же рыданія переходили въ истерическіе крики, въ порывы разорвать на себѣ платье, исцарапать лицо, разбить о печку голову. Она въ такихъ случаяхъ бросалась въ кровать, билась и трепетала, какъ пойманная въ сѣти птица или какъ рыба на удочкѣ. Одинъ разъ, страшно обиженная, она схватила со стола тарелку и разбила ее объ полъ. Ее за это высѣкли, и отъ физическихъ и душевныхъ мукъ она цѣлую недѣлю проболѣла. А дѣти, послѣ этого, долго дразнили ее во время ссоръ розгой...

Анна Васильевна говорила иногда гостямъ, указывая на Дуню:

— Вотъ еще волченокъ, я вамъ скажу. Добраго ребенка накажешь, — онъ заплачетъ, попроситъ прощенія,—сердце и отойдетъ. А у нея слезинки никогда не увидишь: кричитъ, какъ рѣзанная, а потомъ цѣлый день, какъ пузырь, хлипаетъ. Или заскрипитъ зубами и молчитъ. Такая заклятая.

Лѣтъ съ шести Дуня начала уже помогать немного въ хозяйствѣ.

— Что попусту дармоѣдничать, — говорила Анна Васильевна,—поработай, вотъ, малость. Я тоже съ шести лѣтъ матери помогала.

Дуня не называла ея ни Анной Васильевной, ни мамой, а обращалась къ ней неопредѣленно:

— Вы меня звали?

День и мѣсяцъ ея рожденія были забыты съ теченіемъ времени, и на вопросъ—сколько ей лѣтъ,—она отвѣчала:

— Не знаю.

А Анна Васильевна говорила:

— Что ни спросите,—ничего не знаетъ. Шесть лѣтъ ей,—седьмой пошелъ; или семь — восьмой, кажется. Не помнишь, Ваня,— обращаясь она къ мужу,—сколько Дуняшѣ лѣтъ?

— Не помню, право. Очень нужно мнѣ помнить.

Когда Дунѣ минуло восемь лѣтъ, ее начали обучать грамотѣ. Учителемъ былъ старшій сынъ Степановыхъ, гимназистъ. Занимался онъ съ нею, „когда охота придетъ“. Дуня оказалась очень способной дѣвочкой, но успѣвала мало, потому что иногда „охота“ не являлась у гимназиста недѣлями. Порой она задавала своему учителю вопросы, отъ которыхъ тотъ становился втупикъ.

— Коля, — спрашивала она на урокѣ географіи,— почему это солнце восходитъ то у Татаренковыхъ надъ трубой, то немного правѣе?

— Почему?.. Вотъ окончимъ урокъ, тогда я тебѣ объясню. Да ты и сама должна понять, если хорошо знаешь географію. Не учишь уроковъ, вотъ и не знаешь.

— Да я же учу.

— Хорошо учишь, если не знаешь!

Къ концу урока Дуня опять задавала тотъ же вопросъ. Коля, всегда нетвердо знавшій географію, краснѣлъ, ерошилъ волосы и сердито говорилъ:

— Глупые вопросы задаешь. Для того, чтобы это знать, нужно изучать космографію, а ты азбуку еле знаешь.

— Какъ же ты говорилъ, что объяснишь?

— Мало ли, что говорилъ. Отвязаться хотѣлъ, вотъ и сказалъ.

— Что такое?—спрашивала проходившая мимо Анна Васильевна.

— Да вотъ, глупые вопросы задаетъ: почему солнце, да то, да другое...

— А ты не умничай, — обращалась Анна Васильевна къ Дунѣ.—Съ тобой занимаются, такъ ты слушай, да будь благодарна, а не надоѣдай. Всего тоже не узнаешь. Поди вотъ стаканы приготовь,—гости пришли.

Родныя дочери Анны Васильевны занимались плохо, и за ихъ несообразительность Дунѣ тоже часто доставалось.

Коля задавалъ вопросъ сестрѣ, и если та не скоро отвѣчала, то Дуня, не утерпѣвъ, давала за нее отвѣтъ. Тогда Анна Васильевна выходила изъ себя и, глядя на Дуню злыми глазами оскорбленной матери, говорила:

— А у тебя не спрашиваютъ,—ты и молчи. Ты думаешь, Липочка не знаетъ? Лучше твоего знаетъ, только она скромнѣе тебя и думаетъ прежде, чѣмъ отвѣтить. А ты выскакивать любишь. И неправильно отвѣтить, да чтобы первой.

Хвастунья ты, больше ничего. Тебя и учить не слѣдовало бы. Такъ только, доброта наша излишняя, глупая, а ты не чувствуешь этого.

Дуня рано пристрастилась къ чтенію, но подъ рукою у нея были только сказки, а въ другихъ книжкахъ ей отказывали: „мала еще, успѣешь начитаться, дѣлай что-нибудь“—говорили ей.

Сказки она перечитывала по нѣскольку разъ, знала ихъ почти наизусть и, читая, глубоко волновалась. Чуткіе нервы и любознательность, при отсутствіи впечатлѣній отъ окружающей дѣйствительности, уходили на внутреннюю работу, гдѣ открывался широкій просторъ полету фантазіи. Воображеніе ея, дѣйствительно, работало широко и величественно. По вечерамъ Дуня любила уходить въ гостиную, которая освѣщалась только при гостяхъ. Тамъ она садилась въ углу между печкой и мягкимъ диваномъ, противъ окна. Тамъ она давала волю воображенію, и душа ея вознаграждалась за убого проведенный день. Каждое время года и даже мѣсяца давало свою особую пищу этой работѣ. Если луна всходила рано и небо было чисто — Дунѣ начинало казаться, что изъ-за сосѣдняго, черезъ улицу, дома встаетъ огромный ангелъ съ сказочной силой и свѣтлымъ лицомъ... Ей казалось, что зоркій ангелъ съ высоты оглядываетъ всю землю и смотритъ: много ли на землѣ такихъ дѣвочекъ, какъ она, которыхъ жестоко обижаютъ. Потомъ, когда луна исчезала изъ площади окна, Дуня была увѣрена, что ангелъ поднялся къ Богу и все-все разскажетъ ему, и про нее тоже... Ей чудилось, что она слышитъ, какъ ангелъ разсказываетъ о ней Богу, и она чутко замирала, тихо шевелила губами, повторяя за ангеломъ свои жалобы...

Если вечеръ былъ темный, и за окномъ чуть-чуть только виднѣлись противоположныя постройки, — Дуня вглядывалась въ темноту: темнота раздвигалась, и въ далекой перспективѣ открывался рядъ замковъ съ высокими башнями, зубчатыми стѣнами, рыцарями и воинами. Въ тихомъ завываніи вѣтра она, прислушавшись, различала отдѣльные голоса,—побѣжденныхъ и побѣдителей, падающихъ и торжествующихъ, несчастныхъ и счастливыхъ...

Когда лѣтняя вечерняя гроза не позволяла гулять въ саду или на улицѣ, — Дуня занимала свою любимую позицію — въ гостиной. Съ какимъ-то сладкимъ ужасомъ она прислушивалась къ раскатамъ грома и широко раскрывала глаза при яркихъ вспышкахъ молніи. Когда среди рокочущаго мрака ночи молнія вдругъ освѣщала густо падающій

градъ, такъ что казалось, будто по землѣ разсыпаются груды серебра; Дуня тихо и радостно взвизгивала,—такъ тихо, что сама едва слышала...

Въ ея душѣ не было весны, и отъ этого она, вѣроятно, особенно любила весну. Вечеромъ, когда утихалъ звонъ говорливыхъ ручейковъ, которые сковывались легкимъ ночнымъ морозцемъ, когда падалъ шумъ и гамъ порхающихъ птичекъ, когда волнистый стукъ колесъ объ мостовую, обнажившуюся отъ снѣга и льда, все дальше и дальше куда-то уносился—Дуня становилась особенно чуткой, и чѣмъ звонъ весенней ночи становился тише, чѣмъ нѣжнѣе замиралъ, тѣмъ напряженнѣе она вслушивалась и ловила тончайшіе звуки... Когда же совсѣмъ ужъ ничего нельзя было разслышать, и воцарялась торжественная тишина,—Дуня прикладывала ручку къ своей худенькой груди и, какъ продолженіе замершаго шума, ощущала въ ней тревожное колыханіе сердца...

Когда ее отрывали отъ интересной книжки—лицо ея становилось неузнаваемо. Только что она перенесла вмѣстѣ съ Робинзономъ столько опасностей, и вотъ-вотъ она очутится съ нимъ у спокойнаго берега но... вдругъ окрикъ:

— Дуняша, сотри пыль съ мебели,—зачиталась!..

Дуня вздрагивала, подымала головку, и сколько страданія было въ этихъ большихъ голубыхъ глазахъ, съ расширенными отъ волненія зрачками...

— Ну, чего уставилась? Недовольна, что отъ глупостей оторвали?—говорила Анна Васильевна.—Тебя бы и родная мать такую работу заставила дѣлать. Что-жъ тутъ такого—пыль стереть. Вѣдь нельзя же все читать, я для твоей же пользы тебя къ работѣ пріучаю. Выростешь,—сама же благодарить будешь. Ты должна понимать, что я тебѣ все равно, какъ мама.

— Мама умерла... — говорила Дуня, не глядя на Анну Васильевну.

— Ну, конечно, умерла. Трудно забыть; тоже вѣдь ты забыть не дашь. Думаешь — все даромъ достается? Воспитать тебя чего-нибудь да стоитъ. Будь благодарна, что о тебѣ заботятся.

Такъ проходило дѣтство Дуни. Когда ей минуло десять лѣтъ, ее перестали учить. Коля окончилъ гимназію и уѣхалъ изъ города, а нанять учителя или опредѣлить въ учебное заведеніе не хватало средствъ: „на своихъ много ходить“—рѣшили Степановы. Потомъ Дуня уже забыла и то, что учила прежде.

Она понемногу втянулась въ работу по хозяйству—шила,

мыла, убирала комнаты. Ни съ кѣмъ не зналась и не сближалась. Молча выслушивала упреки Анны Васильевны въ небрежности и неблагодарности,—упреки, которыми обыкновенно заглушаютъ голосъ совѣсти,—еще усерднѣе работала, чтобы избавиться отъ нихъ и, съ теченіемъ времени, сама начала понемногу вѣрить тому, что дѣйствительно очень многимъ обязана пріютившимъ ее людямъ. Мало по малу глаза ея разучились видѣть разницу между своимъ положеніемъ и положеніемъ окружающихъ людей; если же разница была слишкомъ очевидна — она начинала приписывать причину этого не другимъ, а себѣ самой. Она научилась вѣрить, что другимъ весело, а ей скучно оттого, что другіе умны, красивы, а она глупа и уродлива, и поэтому съ ней никто не хочетъ знакомиться и говорить. Протестъ въ ея душѣ умолкалъ, и вязкая тина жизни засасывала ее все глубже и глубже...

Теперь она очень мало читала. Сказки перестали ее интересовать, болѣе серьезныхъ книгъ она не понимала, а доступныхъ пониманію и интересныхъ не было. Попрежнему она страстно, по своему, любила природу и ея трепетную жизнь. Попрежнему слѣдила за этой жизнью. Окна ея комнаты выходили во дворъ, въ большой садъ, и лѣтомъ, растворивъ окно, дѣвочка часами слушала огненныя пѣсни соловья. Когда пѣсня умолкала и потомъ, вспыхнувъ, снова ярко катилась и звенѣла въ притихшемъ саду, царственно ширясь и повышаясь, — Дуня нервно вздрагивала, и ея худенькое тѣльце трепетало мелкой дрожью...

Зимою Дуня подходила къ окну и смотрѣла на обѣлепныя снѣгомъ деревья. При матовомъ свѣтѣ луны они казались ей толпою скелетовъ, наполнившихъ весь дворъ... Налеталъ вѣтеръ, ударяя въ окно сухимъ снѣгомъ, мертвыя вѣтви деревьевъ бились другъ о друга и рѣзко трещали. Дунѣ начинало казаться, что скелеты подрались между собою и въ дракѣ разсыпаются, — она бросалась въ постель, накрывалась съ головой одѣяломъ и согрѣвала своимъ прерывистымъ, горячимъ дыханіемъ похолодѣвшее отъ страха тѣло...

О чемъ она думала въ эти годы?

О покойной матери, о Богѣ, за что-то принявшемъ ее къ себѣ (она была увѣрена, что Богъ всегда за что-нибудь принимаетъ къ себѣ). Дѣтскіе годы проходили, и съ ними мечты о замкахъ и рыцаряхъ, а новаго жизнь не давала ничего, и въ душѣ Дуни образовывалась все большая и большая пустота, ничѣмъ кромѣ тоски не заполненная...

Знакомымъ Степановы говорили, что Дуня у нихъ „какъ своя, все равно“, и совсѣмъ ничему не обучить ее было, поэтому, неловко. Когда Дунѣ исполнилось 17 лѣтъ, и дальше оттягивать было нельзя, рѣшили опредѣлить ее въ фотографію.—„Вѣдь это не то, что въ бѣлошвейки,—работа чистая, своего рода искусство; мы вѣдь о ней, какъ о родной заботимся“ — такъ было объяснено знакомымъ, и цѣль была достигнута. Знакомые соглашались съ тѣмъ, что это дѣйствительно „искусство“, а обученіе ничего не стоило, такъ какъ пріятель-фотографъ согласился взять Дуню и „обучить ретушерскому искусству“, съ условіемъ, что за свой трудъ она ничего не будетъ получать три года. Кстати для Степановыхъ, въ это время, какъ разъ, сталъ входить въ моду „женскій трудъ“, и, опредѣляя Дуню въ фотографію, они могли говорить знакомымъ, что у Дуни будетъ своя спеціальность и „самостоятельность“, а это „въ наше время“ чего-нибудь да стоитъ. Всѣ приличія были соблюдены, и Дуня на лучшіе три года молодости была опредѣлена въ фотографію.

Фотографія находилась въ центрѣ города, а Дуня жила на окраинѣ, и поэтому каждый день ей приходилось дѣлать четыре большихъ конца: утромъ она уходила въ фотографію, потомъ шла домой обѣдать, послѣ обѣда—опять въ фотографію и вечеромъ, послѣ окончанія работы,—домой. Вставала она рано, такъ какъ зимою работа начиналась съ восьми часовъ, а лѣтомъ съ семи; оканчивалась работа зимой въ 3—4 часа, лѣтомъ въ 7—8.

Возвратившись домой, она помогала еще немного Аннѣ Васильевнѣ по хозяйству и потомъ, почитавъ немного въ постели, засыпала. Впрочемъ, послѣ однообразно проведеннаго дня, сонъ приходилъ не сразу: нервы требовали себѣ работы, а такой работы скучный день не давалъ, и передъ сномъ, когда заботиться было не о чемъ, въ голову забирались разныя мысли и мечты; Дуня тогда долго не засыпала.

Дни ея, дѣйствительно до утомительности походили одинъ на другой: какъ будто одинъ и тотъ же предметъ отражался въ безконечномъ рядѣ запыленныхъ зеркалъ... Не было почти ни одного, который можно было бы выдѣлить изъ другихъ и отмѣтить какимъ-нибудь интереснымъ событіемъ. Все было тускло и блѣдно, какъ осеннія сумерки, какъ огромный низкій подвалъ, освѣщенный одинокой коптящей лампочкой. Время тянулось мучительно медленно, а мѣсяцы въ то же время незамѣтно уходили и уходили...

Работа въ фотографіи была очень несложная. Дуня садилась на особаго устройства стулъ съ косой спинкой, брала

себѣ на колѣни большую доску, на которой укрѣплялась карточка и краски, прислоняла доску къ спинкѣ стула и, перегнувшись впередъ, подкрашивала, — „ретушировала“ — снимки. Передъ ней проходила цѣлая вереница человѣческихъ лицъ, красивыхъ и дурныхъ, злыхъ и добрыхъ, старыхъ и молодыхъ, умныхъ и глупыхъ, тупыхъ и острыхъ.. За неимѣніемъ другихъ впечатлѣній Дуня научилась вглядываться и вдумываться въ эти изображенія, жить съ ними. Порой ей попадались очень интересныя лица, и она съ нѣжностью, чуть не съ любовью, заботилась объ ихъ украшеніи. Но за то, когда лицо случалось неинтересное, она буквально страдала, работая надъ нимъ. Иногда ей цѣлый день приходилось ретушировать „двѣ дюжины“ карточекъ какой-нибудь купчихи съ двухъ-аршиннымъ обхватомъ и почти совершенно безъ глазъ, скрытыхъ пластами жира, или изображеніе группы съ бутылками и стаканами на столѣ и пьяными ухмыляющимися физіономіями. Въ такіе дни она разстраивалась до головной боли, до нервной дрожи во всемъ тѣлѣ. Тогда хозяинъ замѣчалъ ей, что ея работа никуда не годится и упрекалъ въ небрежности. Она напрягала послѣднія усилія воли, стараясь спокойно работать, и уходила домой, совершенно больная и измученная. Рябая и некрасивая, сгорбившаяся надъ доской, изо дня въ день она дѣлала только одно — украшала человѣческія физіономіи!. Мечты ея тоже обыкновенно возникали и группировались въ связи съ карточками. Придя домой и улегшись въ постель, она нервно зѣвала, потягивалась, и въ голову вдругъ заползала мысль: какъ было бы хорошо, еслибы она была такая красивая, какъ та миловидная дѣвушка съ ландышемъ въ тяжелыхъ черныхъ волосахъ, карточки которой она вчера ретушировала. Что бы тогда было?.. Тогда бы она нравилась всѣмъ, и ее полюбилъ бы кто-нибудь хорошій сильно-сильно. Кто же?.. Ну, напримѣръ, студентъ съ блѣднымъ худымъ лицомъ, бѣлокурыми длинными кудрями и задумчивыми глазами... Онъ спросилъ бы ее, какъ ей живется, и она бы ему разсказала, какъ ей страшно скучно, какъ ей надоѣло работать въ фотографіи, какъ противно ей было сегодня цѣлыхъ полдня ретушировать карточки попадьи съ тремя мальчиками, у которыхъ у всѣхъ одно и тоже лицо — глупое и плаксивое, а между тѣмъ, завтра нужно опять ретушировать ту же попадью съ дѣтьми, такъ какъ сегодня она не успѣла окончить заказъ. Студентъ пожалѣлъ бы ее — у него такое доброе, сострадательное лицо — и предложилъ бы ей бросить фотографію; онъ обѣщалъ бы учить ее, она поѣхала бы учиться... Куда? Въ Петербургъ? Да, въ Петербургъ, и когда она будетъ образованной — студентъ...

станетъ ея женихомъ... Неужели?!. — шептала она въ полузабытьѣ, блаженно улыбаясь. — О, да, да, вѣдь она такая красивая, образованная... Потомъ женихъ ей предложитъ сняться вмѣстѣ... какъ эти .. что на дняхъ... съ такими хорошими лицами... Она согласится... вѣдь всегда женихъ и невѣста фотографируются, но... для этого нужно идти въ фотографію... въ фотографію... и тамъ эти карточки... ея и студента... будетъ кто-нибудь ретушировать... Нѣтъ, ни за что не нужно!.. Это такая скука!..—На лицѣ у Дуни появляется выраженіе страданія, и мечты готовы оборваться но въ это время ея любимица-кошка вскакиваетъ къ ней на руки, сложенныя на груди: Дуня машинально гладитъ шерсть кошки, и ей кажется, что она гладитъ бѣлокурыя кудри студента, — поѣздъ фантазіи опять всходитъ на рельсы, но въ это время изъ сосѣдней комнаты доносится:

— Дуняша, поди сюда на часокъ!

Дуня вздрагиваетъ, проводитъ рукой по лицу, — еще секунду она находится на грани сладкой фантазіи и тягостной дѣйствительности, потомъ блескъ глазъ потухаетъ, изъ нихъ исчезаетъ отраженіе радужной мечты, и Дуня, склонивъ голову и опустивъ руки, какъ пришибленная, бредетъ въ столовую. По дорогѣ она мелькомъ взглядываетъ на себя въ зеркало, какъ бы желая провѣрить золотой сонъ, и отворачивается съ тоской и страданіемъ во взглядѣ: рябая!.. некрасивая!..

Въ фотографіи, кромѣ Дуни, работали еще дѣвушки, но она какъ-то не могла сойтись съ ними. У нихъ были свои интересы, сближавшіе ихъ, Дунѣ же эти интересы были чужды, и, робкая отъ природы и забитая жизнью, она оставалась въ отдаленіи отъ другихъ. Ее называли — кто подобрѣе—монашенкой, кто позлѣе—гордячкой.

Какъ-то разъ ей случилось остаться въ рабочей комнатѣ, съ глазу на глазъ, съ Катей Рязанцевой. Это была очень добрая, простая и жизнерадостная дѣвушка, всегда почему-то безотчетно жалѣвшая Дуню. О своей жизни Дуня никому ничего не разсказывала; она была изъ тѣхъ натуръ, которыя страдаютъ молча, но, очевидно, ея зашибленный видъ вызывалъ въ Рязанцевой состраданіе. Сначала онѣ работали, по обыкновенію, не разговаривая другъ съ другомъ, потомъ взглядъ Рязанцевой нечаянно упалъ на Дуню, и ее поразило выраженіе глубокой тоски въ лицѣ некрасивой дѣвушки. Рязанцева оставила работу и, глядя на Дуню своими добрыми простодушными глазами, спросила:

— Отчего вы, Маевская, такая?

— Какая?—въ свою очередь спросила Дуня и какъ-то

испуганно посмотрѣла на подругу. Еще никто и никогда не спрашивалъ ее въ такомъ родѣ.

— Да какая-то странная, — продолжала Рязанцева.—Вы извините, что я такъ просто спрашиваю васъ. Я вѣдь, право, дѣлаю это отъ чистаго сердца. Мнѣ ужъ давно хотѣлось спросить васъ обо многомъ, да все какъ то не удавалось. Всегда здѣсь народу много, и неловко какъ-то. А вотъ теперь мы однѣ. Вы не обижаетесь на меня, нѣтъ?

— Чего же обижаться; я, конечно, не обижаюсь, но только не понимаю, что вы спрашиваете.

— Ну, какъ бы выразить это яснѣе... Отчего вы никогда не разговариваете, не смѣетесь; почему у васъ, вообще, видъ какой-то... точно васъ кто-то обидѣлъ на всю жизнь.

— Право, я не знаю, что вамъ отвѣтить...

— Ну, да вѣдь вы о чемъ-нибудь думаете, мечтаете?

— Думаю. Всегда думаю. И мечтаю тоже, — добавила Дуня.

— Такъ вотъ и разскажите, о чемъ вы думаете.

— Да вотъ видите,—думать-то думаю, а если разсказать, такъ и нечего. Просто, какъ будто ни о чемъ и не думаю.

— Какъ же это—ни о чемъ?

— Такъ. И рада бы разсказать, а спросили—и разсказывать нечего.

— Можетъ быть, вы попросту скрытная?

— Скрытная? — удивилась Дуня. — Что же я скрывать стану. Мнѣ и скрывать нечего. Нѣтъ у меня ничего, вотъ и все. Смѣяться вѣдь будете, ежели скажу, что о карточкахъ думаю.

— О карточкахъ?..

— Ну, вотъ видите.

— Что же вы о нихъ думаете?

— Думаю: какой этотъ, да какой этотъ; да отчего эта смѣется, а эта груститъ.

— Какъ же вамъ это не наскучитъ? Неужели у васъ нѣтъ ничего болѣе интереснаго?

— О матушкѣ покойной тоже часто думаю... Почти что каждый день.

— А она давно у васъ умерла?

— Давно уже. Мнѣ тогда четыре года, кажется, было.

— Такъ вѣдь вы ея не помните.

— Потому и думаю часто, что не помню. Все вспомнить хочу.

— Нѣтъ, вы просто какая-то,—Рязанцева запнулась,—несчастная, и видъ у васъ несчастный!

— Вотъ это правда,—сдавленнымъ голосомъ проговорила Дуня. Она какъ-то еще болѣе сгорбилась и сжалась отъ

послѣднихъ словъ Рязанцевой. Въ это время кто-то вошелъ въ комнату, и разговоръ прекратился. А жизнерадостная и веселая подруга больше и не пыталась разговаривать съ Дуней. Она рѣшила, что это будетъ безполезно, что ей все равно не удастся договориться до чего-нибудь положительнаго. Къ тому, же ей становилось скучно отъ такихъ разговоровъ, а скуки она не переносила...

Когда кончились три года ученья Дуни, фотографъ-хозяинъ предложилъ ей за небольшое вознагражденіе остаться у него на службѣ. Дуня, конечно, согласилась,— ни о чемъ другомъ кромѣ службы она и не думала. Жалованье ея забирала себѣ Анна Васильевна: „цѣлѣе будетъ у меня — объясняла она, — да вѣдь и стоишь ты намъ чего нибудь; хватитъ ли еще жалованья твоего на твои же расходы". Дуня не протестовала. Деньги ей были совершенно не нужны. Она почти ничего не тратила на себя—тратить было не на что. Одѣвалась она просто, въ фотографію всегда ходила пѣшкомъ. Только одинъ разъ пошла она въ театръ, да и то случилась непріятная исторія, Собралось въ театръ все семейство Степановыхъ. На этотъ разъ взяли съ собой и Дуню. Ставили „Евгенія Онѣгина". Дуня вошла въ театръ передъ самымъ началомъ дѣйствія, когда зрительный залъ былъ почти полонъ. Она оглянулась вокругъ себя и замерла на мѣстѣ. Въ первый разъ въ жизни видѣла она такое великолѣпіе обстановки, такое блестящее собраніе мужчинъ и нарядныхъ дамъ. Глаза ея разбѣжались, и она окончательно потерялась. Вдругъ Анна Васильевна нагнулась къ ней и, сохраняя ласковое выраженіе лица, злобно зашептала ей на ухо: „Чего ты ротъ раскрыла, какъ ворона,—неприлично, держать себя не умѣешь!" Дуня подавила въ себѣ волненіе, и въ это время оркестръ заигралъ увертюру. Чарующая, мягкая, полная нѣжной грусти музыка ошеломила Дуню, и она жадно ловила звуки, забывъ обо всемъ на свѣтѣ и даже о наставленіи Анны Васильевны. Въ сердцѣ ея что-то стало оттаивать, къ горлу взмыла какая-то горячая волна, еще мгновеніе — и острая струя горячихъ слезъ брызнула изъ глазъ Дуни. Она облегченно вздохнула, точно съ груди ея скатилась огромная тяжесть; сердце застучало быстро-быстро, грудь учащенно заходила, выпуская короткіе вздохи... Вдругъ Дуня схватилась за сердце,—ей показалось, что оно перестаетъ биться; въ груди что-то кольнуло... Мгновенно Дуню облилъ холодный потъ, и слегка вскрикнувъ, она упала въ обморокъ... Произошло это такъ быстро и неожиданно, что никто изъ сосѣдей Дуни въ

первую минуту ничего не могъ сообразить. Наконецъ, ее подняли и увели въ какую-то комнату. Дуня скоро пришла въ себя, но была такъ слаба, что ее сейчасъ же пришлось увезти домой. Дома она скоро оправилась, и Анна Васильевна набросилась на нее съ упреками:

— Дома никогда слезинки не уронитъ, а тутъ вдругъ въ театрѣ разревѣлась. А кругомъ знакомые. Стыдъ-то какой!

На семейныхъ торжествахъ, которыя бывали у Степановыхъ, на свадьбахъ ихъ дочерей и т. д. Дунѣ тоже не приходилось веселиться. Въ такіе дни она на правахъ „своей" лишь больше обыкновеннаго работала на кухнѣ, или ухаживала за гостями, во всемъ же остальномъ чувствовала себя чужой, и общее веселье ея не касалось.

Тучи собирались...

Лѣтомъ иногда приходится наблюдать глубоко интересные моменты въ жизни природы. Это именно послѣднія мгновенія передъ страшной грозой. Громъ, какъ будто, пугается своего свирѣпаго рокота и утихаетъ. Молнія тоже перестаетъ сверкать. Вѣтеръ, притаившись, останавливается въ своемъ яростномъ бѣгѣ и прячется куда-то. Тучи, клубившіяся гдѣ-то высоко, опускаются и теряютъ рѣзкую фіолетовую окраску, — онѣ сѣрѣютъ и медленно, но неумолимо затягиваютъ послѣдніе клочки ярко посинѣвшаго неба. Солнце меркнетъ. Все живое пугливо притихаетъ и, какъ будто, сдерживаетъ тяжелый вздохъ. Воздухъ сгущается, холодѣетъ, и его присутствіе, обыкновенно почти незамѣтное, явственно ощущается. Все тихо, но неспокойно... Чувствуется, что въ небѣ происходитъ борьба огромныхъ силъ. Кажется, что тамъ, высоко-высоко, кто-то могучій и грозный силится удержать страшные потоки воды, рвущіеся на землю, и при этомъ роняетъ крупныя отдѣльныя капли, какъ капли пота. Это продолжается нѣсколько мгновеній... Потомъ, вдругъ, напряженіе прорывается—и разражается страшная гроза... Громъ грохочетъ съ удвоенной силой, молнія ослѣпляетъ, между небомъ и землей встаетъ сплошная стѣна воды...

Такіе же моменты можно порой прослѣдить и въ жизни человѣка...

Прошло четыре года. Дуня попрежнему служила въ фотографіи. Ей пошелъ уже двадцать пятый годъ. Жизнь въ ней, какъ будто, окончательно замерла,—казалось, замерла уже навсегда. Но это лишь казалось такъ. Какъ звѣрь, утомленный въ борьбѣ съ крѣпкой клѣткой, жизнь лишь на время угомонилась и только притаилась въ оковахъ некрасиваго тѣла, чтобы вспыхнуть яростно и неудержимо...

Однажды, когда Дуня работала въ фотографіи, зашла въ рабочую комнату дочь хозяина фотографа, Марья Николаевна, недѣлю назадъ вышедшая замужъ, и, поздоровавшись со всѣми, сказала:

— Сегодня вечеромъ я уѣзжаю съ мужемъ въ деревню и буду очень рада, если вы всѣ—всѣ проводите меня. Мнѣ хочется проститься съ вами. Можно вѣдь сказать,—выросла между вами. Такъ будете на вокзалѣ, да? Всѣ?

— Будемъ, будемъ, очень вамъ благодарны за вниманіе! Непремѣнно будемъ!—отвѣтили хоромъ дѣвушки.

— Ну, вотъ и хорошо, благодарю васъ, — сказала Марья Николаевна и вышла изъ комнаты.

Марья Николаевна была очень добрая и симпатичная дѣвушка. Всѣ въ фотографіи любили и уважали ее. Съ нѣкоторыми изъ дѣвушекъ она пыталась подружиться, но этому препятствовалъ отецъ. Онъ былъ того мнѣнія, что подобная дружба можетъ вредно отразиться на дѣлѣ, такъ какъ пріятельницы дочери будутъ манкировать своими обязанностями.

Мужъ Марьи Николаевны, молодой помѣщикъ Григорій Ивановичъ Стебельскій, познакомился съ нею случайно, придя въ фотографію за своими карточками. Дунѣ какъ разъ пришлось ретушировать его карточки, и лицо такъ ей понравилось, что она отретушировала ихъ особенно хорошо. Работу ея хозяинъ замѣтилъ и похвалилъ. Наканунѣ свадьбы дочери онъ сказалъ Стебельскому, зашедшему зачѣмъ-то въ комнату, гдѣ работали ретушерки:

— Знаешь, голубчикъ, вѣдь въ тебя Маевская еще прежде Маши влюбилась, — при этомъ онъ указалъ на Дуню пальцемъ, — надъ твоими карточками такъ постаралась, я тебѣ скажу... Никогда такъ не старается, хе-хе-хе!..

Дуня страшно покраснѣла и еще ниже согнулась надъ доской, а Стебельскій разсмѣялся и ничего не сказалъ.

Въ тотъ день, когда уѣзжала Марья Николаевна, фотографію закрыли раньше обыкновеннаго, — въ четыре часа. Дуня пошла домой, напилась чаю, пріодѣлась и приготовилась ѣхать на вокзалъ. Анна Васильевна дала ей рубль на букетъ для уѣзжавшихъ молодыхъ и два двугривенныхъ на извозчика. Наконецъ, сопутствуемая наставленіями Анны Васильевны, какъ держать себя, — Дуня сѣла на извочичью пролетку и поѣхала.

Стояла чудная весенняя погода. Природа веселилась, и на душѣ Дуни тоже было веселѣе обыкновеннаго. Марья Николаевна и ея мужъ очень нравились Дунѣ, и она, сама себѣ не отдавая отчета—почему, радовалась ихъ браку. Сидя на пролеткѣ, она смотрѣла на прохожихъ и проѣзжихъ, и ей казалось, что всѣ они довольны, всѣмъ хорошо. О томъ,

что ей самой нехорошо—она какъ-то забыла. Переѣзжая черезъ мостъ, она смотрѣла на рѣку, горѣвшую подъ косыми лучами низко опустившагося солнца, и ей казалось, что и рѣка радуется. По дорогѣ, уже недалеко отъ вокзала ей навстрѣчу попался мастеровой подъ хмелькомъ, который, растягивая надъ головой плоскую гармонику, пѣлъ тонкимъ, съ переливами, голосомъ:

«Какъ тебѣ не сты-дно
Какъ тебѣ не жаль,—
На другую ду-уру
Мине промѣнялъ!..»

И, слушая его, Дуня невольно улыбнулась... Уже почти возлѣ самого вокзала она остановила извозчика—ей захотѣлось пройтись немного пѣшкомъ, такъ какъ отъ непривычки ѣздить тряская мостовая утомила ее—и, слѣзая съ пролетки, подала ему двугривенный.

— Маловато, барышни,—замѣтилъ извозчикъ, добродушный, рыжеватый, убогаго вида, мужичекъ,—по такціи-то оно правильно, ну, только она, такція эта самая, не больно на насъ смотритъ. Вѣдь почитай весь городъ съ вами изъѣздилъ. Сами изволите знать, — гдѣ живете. Обратите вниманіе, барышни, а вамъ Господь поможетъ.

Дуня ласково глядѣла на извозчика и, улыбаясь, слушала его.

— А вдругъ не поможетъ Господь?—сказала она.

— Какъ можно!—воскликнулъ мужичекъ:—Онъ, Господь, завсегда объ насъ заботу имѣетъ. Мы объ немъ тольки днемъ думаемъ, а Онъ, батюшка, объ насъ и днемъ, и ночью, постоянно. Какъ можно, штобъ не помогъ.

Дуня усмѣхнулась и опустила руку въ карманъ. „Зачѣмъ имъ мой букетъ — подумала она — отдамъ ему рубль, — то-то обрадуется". И, положивъ рубль въ протянутую руку извозчика, она быстро направилась къ вокзалу.

— Покорно благодаримъ, барышня!—крикнулъ ей въ догонку мужичекъ, придя въ себя отъ неожиданнаго счастья.— Хар-рошая вы барышня!

„Вотъ хоть одинъ такой нашелся, что хорошей меня назвалъ"—подумала Дуня. Она шла и на ходу читала вывѣски. Одна вывѣска разсмѣшила и окончательно развеселила ее. На бѣломъ фонѣ были изображены красныя ножницы, и стояла надпись: „Мушской портной. Пріемъ заказовъ изъ своего матеріала и изъ господъ заказчиковъ", а внизу красовалась подпись — большими буквами съ крошечными точками послѣ каждой „А. Х." и мелкими буквами: „Арсентій Харламовъ".

Когда Дуня пришла на вокзалъ—всѣ были уже въ сборѣ, и уѣзжавшіе, и провожавшіе. Со всѣми, кромѣ Стебельскаго, Дуня въ тотъ день видѣлась, и потому она подошла прямо къ нему и протянула ему руку.

— А, здравствуйте, вотъ и вы явились. Теперь, значитъ, всѣ на лицо. Знаешь, Маша, — обратился Стебельскій къ женѣ,— вѣдь у тебя одинъ вкусъ съ Авдотьей... — онъ запнулся.

— Семеновной, — подсказала Дуня.

— Да, съ Авдотьей Семеновной. Мнѣ папа говорилъ, будто я такъ ей понравился, что она карточки мои лучше всѣхъ другихъ раздѣлала.

Всѣ улыбнулись, даже и Дуня.

— Правда? Ну, что жъ, я очень рада — сказала Марья Николаевна, внимательно глядя на Дуню. — Сегодня у васъ, Авдотья Семеновна, очень хорошій видъ. Я никогда не видѣла, чтобы вы улыбались, сегодня въ первый разъ... Это очень хорошо. Нужно бросить хандрить. Вы еще молоды, будете счастливы, Богъ дастъ.

— Благодарю васъ,—сказала Дуня, имѣвщая, дѣйствительно, болѣе бодрый видъ, чѣмъ обыкновенно.

Между тѣмъ, дали первый звонокъ, и всѣ направились въ вагонъ, помогая нести вещи. Заняли мѣста, уложили вещи и стали прощаться. Марья Николаевна перецѣловалась со всѣми провожавшими ее и расплакалась. Всѣ пожелали ей счастья и, простившись съ Стебельскимъ, вышли изъ вагона и остановились противъ него на платформѣ. Раздался второй звонокъ. Стебельскій опустилъ окно, и, высунувъ изъ окна головы, уѣзжавшіе кланялись и перекидывались словами съ толпившимися у окна родственниками и знакомыми. Вдоль поѣзда прошли жандармы и попросили публику отодвинуться отъ вагона. Дуня стояла позади всѣхъ и утирала глаза платкомъ. Прощаніе растрогало ее и умилило... Лицо ея покраснѣло отъ слезъ и стало отъ этого еще болѣе некрасивымъ. Взглядъ Стебельскаго, глядѣвшаго на провожавшихъ, случайно упалъ на Дуню, и, понизивъ голосъ, онъ сказалъ женѣ:

— Бѣдняжка Маевская, какъ она уродлива!...

Онъ полагалъ, что Дуня не слышитъ его. Но Дуня замѣтила взглядъ, брошенный на нее Стебельскимъ, и до ея слуха долетѣло слово „уродлива“... Она поняла, что слово это относилось къ ней... Передъ глазами ея поплылъ кровавый туманъ, а губы вдругъ страшно побѣлѣли...

Въ это самое время раздался третій звонокъ. Всѣ замахали платками, закивали головами,—нѣкоторые весело улы-

баясь, нѣкоторые сквозь слезы, посылая отъѣзжающимъ воздушные поцѣлуи и привѣтствія.

— Хи-хи-хи-хи... — разсыпался ехиднымъ смѣхомъ свистокъ кондуктора.

— Х-а... — грохнулъ паровозъ.

— Хи-хи-хи-хи-хи-и-и... — еще язвительнѣе задребезжалъ свистокъ.

— Ха-ха-а-а... — нахально загрохоталъ паровозъ. Цѣпи уныло звякнули, вагоны сдвинулись и покатились.

— Чего онъ смѣется?—тихо, но внятно произнесла Дуня, вперивъ въ тронувшійся съ мѣста роковой вагонъ полные кровавыхъ слезъ глаза.

— Чего они всѣ смѣются?... — повторила Дуня, но, какъ и въ первый разъ, ее никто не услышалъ. Всѣ были заняты проводами.

Наконецъ поѣздъ скрылся изъ виду, и публика хлынула въ вокзалъ.

— Ѣдемте, Маевская! — предложилъ кто-то Дунѣ, но она ничего не отвѣтила. Къ ея молчанію такъ привыкли, что на этотъ разъ на него никто не обратилъ вниманія. Мало по малу платформа пустѣла, а Дуня стояла все въ прежнемъ положеніи, съ устремленными въ направленіи скрывшагося поѣзда глазами и судорожно сжимавшими платокъ руками. Казалось,—она застыла въ такомъ положеніи и ничего не видѣла передъ собой. На платформѣ оставалось всего 5—6 человѣкъ, и никто не обращалъ на Дуню вниманія.

Въ это время къ ней подошелъ маленькій пьяненькій старичекъ въ рыжемъ картузикѣ на сѣдыхъ до желтизны волосахъ и съ очками на носу, оглобли которыхъ не заходили за уши, а упирались въ щеки подъ глазами. Шатаясь, онъ подошелъ къ Дунѣ, посмотрѣлъ ей прямо въ глаза и скороговоркой произнесъ:

— Кто барышня старше,— я или ты? — и, подождавъ немного, отвѣтилъ самъ себѣ:

— Стало быть — ты. Я вотъ пьянъ, а ты тверезая — ты и старше, выходитъ! — и залился при этомъ добродушнымъ смѣхомъ.

— Чего они всѣ смѣются? — опять спросила Дуня, безсмысленно глядя на страннаго старичка.

— За всѣхъ не скажу, — затараторилъ онъ, — а я смѣюсь отъ того, что молодой. Знаешь, барышня, сколько мнѣ лѣтъ? Восемьдесятъ три года, а я еще сто лѣтъ проживу. Не вѣришь? Накажи меня Богъ—проживу. Дай 50 рублей—помру, а не то во вѣки не помру. Не дашь? Э, барышня, да ты нѣмая, такъ съ тобой и разговоръ нѣмой. Прощевай!—закончилъ онъ и мелкими, быстрыми шажками удалился.

Дуня все стояла. Наконецъ, прогуливавшійся по платформѣ жандармъ обратилъ на нее вниманіе.

Онъ подошелъ къ ней и вѣжливо спросилъ:

— Вамъ, барышня, чего угодно?

— Смѣются...—сдавленнымъ шопотомъ произнесла Дуня.

„Ужъ не пьяна ли?—вдругъ мелькнула у жандарма въ головѣ счастливая мысль.—Такъ и есть, пьяна“.—Онъ обрадовался своей догадливости и рѣшилъ дѣйствовать прямо и кратко. Твердыми шагами подошелъ онъ вплотную къ Дунѣ, нагнулся къ ея лицу и повелительно произнесъ:

— Ну-ко-ся, барышня, дыхни!—„Нечего съ тобой, съ пьяной, церемониться“ - подумалъ онъ.

— Какъ онъ смѣетъ... Я уродлива?!.—простонала Дуня.

— Это точно, дѣйствительно, уродъ, ну, тольки находиться тутъ безъ дѣла не полагается.

„Нѣтъ, не слышно, чтобы водкой... Что такое — не пойму“—все болѣе удивлялся жандармъ и даже сробѣлъ немного—не попалъ ли въ просакъ, принявъ ее за пьяную и надлежащимъ образомъ примѣнивъ мѣры... Мѣры оказывались ошибочными...

Но въ это время произошло нѣчто неожиданное: изъ груди Дуни вырвался страшный вопль, и она, съ размаха, ударила жандарма рукою по лицу...

— Ха-ха ха-ха!—дико захохотала она.—Я уродлива?.. Я красавица, красавица! Ха-ха-ха-ха!..

Произошелъ переполохъ Станціонные служители сбѣжались на крикъ испуганнаго жандарма. Дуня имѣла страшный видъ. Глаза ея налились кровью и дико вращались. Волосы растрепались. Она колотила себя кулаками по сухой и плоской груди, изъ которой вырывались каскадомъ несвязные, ни съ чѣмъ несравнимые вопли:

— Уродливая!.. Покажу!.. Смѣяться?.. Всѣмъ покажу!!.. Ха-ха-ха-ха!.. Я красавица, красавица!.. Догоню!..—и она бросилась съ платформы, но оступилась, упала и, съ расшибленнымъ въ кровь лицомъ, вновь вскочила на ноги и бросилась бѣжать. Нѣсколько человѣкъ преградили ей дорогу и пытались схватить, но она съ удивительной силой вырывалась. Наконецъ, ее задержали и облѣпили кругомъ сплошнымъ живымъ кольцомъ. Кто-то снялъ съ себя поясъ, Дунѣ скрутили имъ руки и повели въ вокзалъ. Долго мѣшкать было нечего, — рѣшили отвезти въ больницу. Дуню посадили между двумя жандармами по бокамъ на пролетку и повезли. Отъѣхавъ нѣсколько шаговъ, извозчикъ, везшій Дуню, обогналъ того самаго мужичка, который привезъ Дуню на вокзалъ и получилъ отъ нея рубль. Онъ ѣхалъ порожнякомъ и, увидѣвъ Дуню въ такомъ состояніи, очень уди-

вился. Онъ остановилъ извозчика и разсказалъ жандармамъ, что привозилъ Дуню на вокзалъ, упомянувъ при этомъ о полученномъ рублѣ и объяснивъ имъ, гдѣ она живетъ.

— И целковый-то этотъ не въ своемъ, знать, умѣ отдала. Богъ съ нимъ—свѣчей въ церкви куплю,—печально молвилъ онъ и покачалъ головой, участливо глядя на Дуню.

Дуню повезли домой. Всю дорогу она билась и извивалась всѣмъ тѣломъ, стараясь спрыгнуть съ пролетки, обращая на себя всеобщее вниманіе. Жандармы крѣпко держали ее. Наконецъ, Дуню привезли. Анна Васильевна заголосила, увидѣвъ ее, и чуть не упала въ обморокъ. Мужъ ея тоже сообразилъ, что исторія разыгралась нешуточная, и тотчасъ поѣхалъ за докторомъ. Остальные домашніе, въ испугѣ, попрятались по своимъ комнатамъ

Явился докторъ, извѣстный спеціалистъ по душевнымъ болѣзнямъ: это былъ огромный некрасивый мужчина, съ рыжими волосами и очками на толстомъ носу, но съ ласковыми, грустными глазами. Онъ молча всѣмъ поклонился и, ни къ кому не обращаясь, спросилъ:

— Гдѣ же больная?

Его повели въ комнату Дуни. Она сидѣла на своей кровати, а по бокамъ дворникъ и водовозъ держали ее за руки. Дуня, очевидно, обезсилѣла — недавнее страшное напряженіе всѣхъ силъ не прошло даромъ. Она сидѣла, склонивъ голову на плечо. Губы у нея припухли и нервно вздрагивали, обнажая передніе зубы. Подъ правымъ глазомъ запеклась кровь, и правая щека, выпачканная грязью, вздулась,—послѣдствія паденія и ушиба на платформѣ. Она тихо, вытягивая голову при каждой попыткѣ говорить, шептала что-то безсвязное, чего никто не могъ, разобрать. Глаза были налиты кровью, и въ нихъ невозможно было замѣтить слѣда мысли. Они блуждали по предметамъ, ни на чемъ одномъ не останавливаясь и какъ будто ничего не видя.

За докторомъ вошла Анна Васильевна съ домочадцами, блѣдная, еще не пришедшая въ себя отъ испуга.

Докторъ сѣлъ на стулъ противъ Дуни. Пользуясь тѣмъ, что она его не замѣчаетъ, онъ долго смотрѣлъ на нее. Потомъ шопотомъ приказалъ всѣмъ выйти изъ комнаты и притворить двери.

Когда всѣ вышли, онъ прикоснулся рукою къ плечу дѣвушки и спросилъ:

— Какъ васъ зовутъ?

Дуня, казалось, даже не почувствовала его прикосновенія.

Докторъ осторожно поднесъ руку къ ея лицу и слегка повернулъ его къ себѣ. По взгляду больной онъ замѣтилъ, что она обратила на него вниманіе.

— Какъ васъ зовутъ?

Дуня не отвѣчала, но было видно, что она вглядывается и, какъ будто, припоминаетъ что-то. Докторъ въ третій разъ повторилъ свой вопросъ, не спуская глазъ съ Дуни, и она, наконецъ, заговорила уторопленнымъ шопотомъ:

— Дунюся меня зовутъ... Ду-ню-ся... Не смѣть меня называть Дуняшей... Я Дунюся... слышите, Дунюся, Ду-ню-ся, Ду-ню-ся...

И она десятки разъ повторяла это слово...

— Куда вы его спрятали?.. — вдругъ спросила она, и въ ея глазахъ мелькнуло выраженіе мучительной тревоги.

— Кого?

— Ахъ, Господи, не понимаете... — заторопилась Дуня.— Ну, его... понимаете... кабинетныя... лобъ такой... высокій, и волосы черные, длинные... вотъ такіе (она показала рукой, какіе волосы)... и тутъ пуговицы вездѣ... Гдѣ онъ?..

— О комъ вы говорите? Вы мнѣ разскажите о немъ съ самаго начала. Гдѣ вы его видѣли?

— А-а, я знаю, гдѣ онъ...—въ глазахъ ея мгновенно отразился ужасъ:—Вы его... убили, уби-или... Варвары... Вотъ онъ... вѣнокъ на головѣ... на груди медали... масса медалей... Миленькій, за что тебя убили?..

— Дунюся!—вдругъ перебилъ ее докторъ.

— Дунюся? — эхомъ отозвалась Дуня.—Дунюся .. Дунюся...—она усмѣхнулась безумной усмѣшкой.—Какъ смѣшно это выходитъ... Дунюся... Ха-ха-ха!.. — захохотала она, сотрясаясь всѣмъ своимъ худымъ тѣломъ. Потомъ вдругъ оборвала смѣхъ и задумалась о чемъ-то. Съ минуту помолчавъ, она поднесла руку къ груди и, прислушиваясь къ біенію сердца, заговорила:

— Сердце бьется-бьется... бѣдная мама... сердце бьется... милая мама... коса длинная, толстая... Гдѣ она?.. Отрѣзали?.. Бѣдная мама, отрѣзали косу... Я знаю, кто отрѣзалъ... вотъ этотъ... у-у, страшный... противный... глаза нахальные... полдюжины...

Позвавъ служителя и посадивъ возлѣ больной, докторъ вышелъ къ Аннѣ Васильевнѣ.

— Ну, что, докторъ? Какъ? Что съ ней?—засыпала она его вопросами.

— Разскажите-ка мнѣ о ея жизни все рѣшительно,—сказалъ докторъ, не отвѣчая на вопросъ.

Изъ неясныхъ и запутанныхъ отвѣтовъ старухи для него выяснилось понемногу, что Дуня съ четырехлѣтняго возраста не выѣзжала изъ города, да и вообще, кромѣ дома, фотографіи и изрѣдка церкви, рѣшительно нигдѣ не бывала. Выяснилось, что ни съ кѣмъ она не зналась, не дружила

не была откровенна; что съ 17 лѣтъ до 25 работала изо дня въ день въ фотографіи.

— Съ чего это съ ней приключилось, господинъ докторъ? Пила-ѣла она всегда вволю... Никогда ни въ чемъ не терпѣла недостатка...

Докторъ помолчалъ немного, подумалъ и сказалъ:

— Видали часы. Работаютъ, кажется, исправно, спокойно, — тикъ-такъ, тикъ-такъ... — Смотришь — остановились: колесико истерлось... Такъ и съ человѣкомъ.

— Что же, докторъ,—выздоровѣетъ она?

— Не могу теперь сказать. Вѣрнѣе всего, нѣтъ... Всю жизнь нервы натягивались,—малѣйшій ударъ по нимъ,—они и лопнули. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ буйное помѣшательство переходитъ въ тихое, и уже на всю жизнь. Во всякомъ случаѣ, ее необходимо помѣстить въ больницу. Я пришлю за ней...

—

А Дуня продолжала все разсказывать о карточкахъ, которыя она ретушировала, о красивыхъ, некрасивыхъ, злыхъ и добрыхъ физіономіяхъ...

О, она такую массу отретушировала ихъ за восемь лѣтъ!..

Абрамъ Дерманъ.

Религія въ Японіи.

Профессоръ токійскаго университета, Чамберлэнъ, въ статьѣ своей „О религіи въ Японіи“ говоритъ: „Не одинъ разъ намъ приходилось слышать, какъ европейскій путешественникъ спрашивалъ у японца: какую религію исповѣдываете вы,—синтоистическую или буддійскую?—и мы съ интересомъ при этомъ наблюдали неописуемое смущеніе японца, который никоимъ образомъ не могъ бы по совѣсти дать сколько-нибудь опредѣленный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Обыкновенно всякая японская семья несетъ ребенка своего, черезъ мѣсяцъ послѣ его рожденія, въ синтоистическій храмъ; и столь же обычно видѣть, что та же семья, если умретъ этотъ ребенокъ или кто-либо другой изъ членовъ ея, хоронитъ покойника на буддійскомъ приходскомъ кладбищѣ по буддійскому обряду. Жители каждаго округа одинаково участвуютъ въ религіозныхъ праздникахъ обоихъ исповѣданій, не понимая всей несостоятельности подобнаго образа дѣйствій по существу. Они не заботятся дать себѣ отчетъ въ тѣхъ опредѣленныхъ различіяхъ двухъ религій, съ которыми знакомы мы“. Въ дѣйствительности почти все населеніе Японіи исповѣдуетъ синто-буддійскую религію. Мы сказали *почти* потому, что въ странѣ этой насчитывается еще до 134.000 христіанъ (къ 1 января 1903 года).

Въ чемъ состоитъ сущность религіи синто? Какимъ образомъ оказалось возможнымъ сліяніе ея съ буддійскою религіей? Какова исторія распространенія въ Японіи христіанства и имѣетъ ли послѣднее тамъ будущность, не смотря на малое число въ настоящее время адептовъ его? Религіозны ли японцы и какъ относятся они къ свободѣ вѣроисповѣданій? Вотъ вопросы, на которые мы постараемся отвѣтить въ предлагаемой вниманію читателей статьѣ.

I.

Религія Синто.

Сущность религіи синто.—Космогонія и миѳологія ея.—Отсутствіе въ религіи синто моральнаго кодекса и возмѣщеніе его принципомъ „сыновняго благочестія".—Норито (собраніе молитвъ).—Охараи (молитва о великомъ очищеніи).—Источникъ силы синтоистическаго міровоззрѣнія и вліяніе его на государственный строй Японіи и на обособленность ея отъ иностранцевъ до эры мейдзи.

Синтоизмъ есть поклоненіе силамъ природы и культъ предковъ, которыхъ родоначальниками считались боги, олицетворявшіе упомянутыя силы и ихъ проявленія. Космогонія и миѳологія синтоистовъ, тѣсно связанныя между собой, какъ и во всѣхъ первобытныхъ религіяхъ, не касаются вопроса о первоначальномъ источникѣ всего существующаго. Неизвѣстно, откуда появляется матеріальный хаосъ и многочисленныя поколѣнія боговъ. Два изъ нихъ, братъ и сестра—Идзанами и Идзанаги—заключили между собой брачный союзъ и, по приказанію другихъ божествъ, создали изъ хаоса острова Японскаго архипелага. Для этого они „взяли въ свои руки драгоцѣнное небесное копье и, ставъ на плавучемъ мосту неба *), расшевелили имъ хаотическія массы внизу. Соленая вода, которая капала съ его конца, сгустилась и обратилась въ главный островъ Японіи. Божественная чета снизошла на него и взялась за сотвореніе другихъ острововъ архипелага". Идзанами и Идзанаги сдѣлались также родителями множества другихъ божествъ, каковы: боги горъ, богъ вѣтра, богиня пищи, боги моря, рѣкъ, болотъ и множество другихъ. Послѣднимъ богомъ, котораго они произвели, былъ богъ огня; давъ ему рожденіе, Идзанами умерла. „Она ушла въ страну *Іоми*, т. е. подземное царство, куда послѣдовалъ за нею и Идзанаги; но онъ былъ принужденъ ретироваться поспѣшно въ надземный міръ, горячо преслѣдуемый богами и безобразною женщиной подземнаго царства". По возвращеніи своемъ на землю, Идзанаги выкупался въ морѣ, чтобы смыть съ себя нечистоты, которыми заразился во время своего пребыванія въ подземномъ царствѣ; дѣлая это, онъ произвелъ разныя божества, въ числѣ которыхъ были *богиня солнца* (Аматерасу), происшедшая изъ его лѣваго глаза, и *богъ луны*, происшедшій изъ праваго его глаза. Въ то же самое время изъ его носа произошло третье божество—*Су-са-но-во*..

Этотъ послѣдній былъ буйнымъ, неспокойнымъ божествомъ, злыя и непристойныя продѣлки котораго такъ огорчили богиню

---

*) Мостъ неба—радуга.

солнца, что она спряталась въ каменной пещерѣ неба и оставила міръ въ темнотѣ. Въ усиліяхъ убѣдить разгнѣванную богиню оставить затворничество, другіе боги устраивали у выхода изъ пещеры танцы, играли на музыкальныхъ инструментахъ и прибѣгали къ разнымъ подобнымъ приманкамъ... И когда богиня, однажды, выглянула изъ пещеры, чтобы удовлетворить своему любопытству, то передъ нею во-время поставили зеркало, на которое упалъ лучъ испускаемаго ею сіянія. Увидѣвъ тамъ свое изображеніе, богиня прельстилась имъ и, чтобы лучше разсмотрѣть его, совсѣмъ вышла изъ пещеры, послѣ чего уже не возвращались туда.

Внукъ богини солнца былъ первымъ правителемъ Японіи. Отъ него произошелъ, послѣ нѣсколькихъ поколѣній, Дзимму-Тенно— первый человѣческій монархъ этой страны и основатель нынѣшней династіи микадо. Знатныя фамиліи произошли отъ другихъ божествъ *).

Исторія Японіи, до начала точныхъ лѣтописей, такимъ образомъ такъ тѣсно связана съ миѳологіей, что Чамберлэнъ въ своемъ сочиненіи „Things Japanese" излагаетъ ихъ въ одной и той же главѣ, History and Mythology, ибо „раздѣлить ихъ абсолютно невозможно. Да и зачѣмъ пытаться дѣлать это, когда та и другая одинаково баснословны?" **)

Синтоисты почитаютъ безчисленное множество боговъ—„800 миріадовъ божествъ, живущихъ на землѣ, столько же подъ землей и столько же въ воздухѣ и на небѣ, всего трижды восемьсотъ миріадовъ божествъ". Среди нихъ есть не только боги и богини силъ природы и всевозможныхъ проявленій ихъ, активныхъ и пассивныхъ—вѣтра, океана, огня, рѣкъ, чумы, горъ вообще, нѣкоторыхъ извѣстныхъ горъ, нѣкоторыхъ извѣстныхъ рѣкъ, извѣстныхъ деревьевъ и т. п., но и божества такихъ мелкихъ предметовъ, какъ, напримѣръ, чугуна, кастрюли и другихъ кухонныхъ принадлежностей. Всѣ эти божества обладаютъ, вмѣстѣ съ нечеловѣческимъ могуществомъ, также и человѣческими недостатками: они могутъ быть злы, мстительны, хитры, самолюбивы и т. п. Даже дурныя качества людей могутъ быть покровительствуемы особыми богами. Такъ, напримѣръ, воръ, разбойникъ и человѣкъ, желающій соблазнить невинную дѣвушку, должны для увѣренности въ успѣхѣ своихъ намѣреній молиться каждый спеціальному божеству... Пантеонъ синтоистовъ при этомъ

*) Тѣ фразы въ предшествующемъ изложеніи, которыя заключены въ кавычки, заимствованы изъ книги: *В. Г. Астонъ.—Исторія Японской литературы.* Переводъ съ англійскаго слушателя восточнаго института В. Мендрина, подъ редакціей и. д. профессора Г. Спальвина.—Владивостокъ, 1904. стран. 251.

**) Things Japanese, by Basil Hall Chamberlain, professor of japanese and philology in the Imperial University of Tokyo. London 1903., стран. 224.

постоянно „обогащается обожествленными духами принцевъ и героевъ страны, изъ которыхъ нѣкоторые пользуются популярностью повсемѣстно въ ней, тогда какъ другіе извѣстны только въ ограниченной мѣстности... Отъ времени до времени новыя имена вводятся въ пантеонъ. Настоящее царствованіе было свидѣтелемъ нѣсколькихъ примѣровъ такого апоѳеоза“ *).

Въ отношеніи будущей жизни религія синто не даетъ никакой доктрины. Предписываемый ею культъ предковъ показываетъ, что она предполагаетъ бытіе душъ умершихъ людей, но представленіе синтоистовъ объ этомъ бытіи крайне неопредѣленно. Однако, не смотря на то, упомянутый культъ имѣетъ въ жизни японцевъ огромное значеніе, такъ какъ онъ развился въ глубокое почитаніе старшихъ вообще и, въ частности, въ такое почитаніе дѣтьми родителей, которое не безъ основанія называется „сыновнимъ благочестіемъ“. Выдающійся японскій теологъ *Хирата* (1776—1843), въ произведеніяхъ котораго синтоизмъ принялъ болѣе опредѣленный и осязательный характеръ, чѣмъ въ трудахъ его предшественниковъ, говоритъ такъ: „Благоговѣніе предъ памятью предковъ есть главное начало всѣхъ добродѣтелей. Никто изъ тѣхъ, кто исполняетъ свою обязанность по отношенію къ нимъ, никогда не будетъ непочтителенъ къ богамъ или къ своимъ живымъ родителямъ. Такой человѣкъ будетъ также вѣренъ своему повелителю, преданъ своимъ друзьямъ и любезенъ и мягокъ со своей женой и дѣтьми. Ибо суть этого благоговѣнія заключается въ истинномъ сыновнемъ благочестіи. Эти истины подтверждаются книгами китайцевъ, которые говорятъ, что „вѣрный подданный выходитъ изъ воротъ благочестиваго сына“,—и далѣе: „сыновнее благочестіе есть основаніе всѣхъ благихъ дѣяній“ **).

Это сыновнее благочестіе и почитаніе старшихъ замѣняетъ совершенно отсутствующій въ религіи синто *моральный кодексъ*. Отсутствіе его объясняется въ трудахъ даже современныхъ намъ туземныхъ комментаторовъ врожденнымъ совершенствомъ человѣческой природы японца, которое устраняетъ надобность такихъ внѣшнихъ побужденій къ добру. „Только у такихъ низкихъ народовъ, какъ китайцы и жители западныхъ странъ, необходимо появленіе, отъ времени до времени, мудрецовъ и реформаторовъ... Но даже и при такой помощи всѣ иностранные народы продолжаютъ погрязать въ тинѣ невѣжества, преступленія и неповиновенія посланному небомъ монарху вселенной—микадо Японіи“ ***).

Одно изъ любимыхъ японцами стихотвореній знаменитаго пи-

---

*) Ibidem, стран. 415.
**) В. Г. Астонъ.—Исторія японской литературы; стран. 259.
***) Things Japanese.—Стр. 414.

сителя ихъ Мотоори (1730—1803) говоритъ по этому поводу слѣдующее:

„Если люди спросятъ
О сердцѣ Ямато,—
Это цвѣтъ горной вишни,
Благоухающій при утреннемъ солнцѣ“.

Это значитъ: „Японцы инстинктивно и по природѣ благородны и добродѣтельны,—не такъ, какъ китайцы, которые нуждаются въ неуклюжей и искусственной системѣ этической философіи, чтобы обработать морально свои натуры“ *).

Священнаго писанія у синтоистовъ нѣтъ; существуютъ только „молитвы синтоистическимъ божествамъ“, извѣстныя подъ общимъ названіемъ *Норито*. Въ прежнее время онѣ съ большою церемоніей читались такъ называемыми *Накатоми*—наслѣдственной корпораціей придворныхъ чиновниковъ, спеціальной обязанностью которыхъ было представлять микадо въ качествѣ высшаго жреца націи. *Норито* содержатъ молитвы объ урожаѣ, моленія объ отвращеніи пожара и моровой язвы, молитвы, призывающія благословеніе на дворецъ, службы въ честь богини пищи, въ честь божествъ вѣтра и т. д.

По мнѣнію Астона, хотя *Норито* и представляютъ собой произведенія прозаическія, но, въ сущности, они гораздо болѣе поэтичны, чѣмъ современная имъ поэзія. Самое интересное изъ моленій, входящихъ въ Норито, это—*Охараи*, т. е. моленіе о великомъ очищеніи. Оно такъ характерно во многихъ отношеніяхъ, что мы приводимъ его здѣсь въ полномъ русскомъ переводѣ: **)

„Отверзите уши вы, принцы крови, министры и высшіе сановники, которые собрались здѣсь, и внемлите моленію о великомъ очищеніи, которымъ въ это междолуніе шестого мѣсяца снимутся и уничтожатся всѣ грѣхи, совершенные императорскими чиновниками и слугами, носятъ ли они шарфъ ***) или плечевую повязку, ****) носятъ ли они на спинѣ своей лукъ, или препоясаны мечомъ.

„Давно то было; наши царственные предки, которые пребываютъ въ глубокихъ небесахъ, созвали собраніе изъ восьмисотъ миріадовъ божествъ и держали съ ними божественный совѣтъ. И такъ они повелѣли: „Пусть нашъ божественный отпрыскъ приметъ подъ свое мирное управленіе землю прекрасныхъ рисовыхъ колосьевъ, плодородную равнину камыша“. Но въ странѣ, такъ ему врученной, были враждебныя божества; они были покараны божескою карой, изгнаны божескимъ изгнаніемъ. И сверхъ того скалы,

*) В. Г. Астонъ.—Истор. японск. литерат.—Стр. 249; Ямато—т. е. Японіи.
**) В. Г. Астонъ.—Исторія японской литературы; стр. 7.
***) Женщины.
****) Мужчины.

деревья и листья травы, которые имѣли способность рѣчи, должны были умолкнуть. А затѣмъ они послали его внизъ съ его небеснаго вѣчнаго трона, разсѣкая предъ нимъ, когда онъ шелъ, кучей нагроможденныя облака небесъ въ страшную разсѣлину-дорогу. Здѣсь, въ самой серединѣ пожалованной ему страны, въ *Ямато* *), землѣ высокаго солнца, учредилъ божественный отпрыскъ свое мирное царство; здѣсь воздвигъ онъ прекрасный дворецъ, вдѣлалъ глубоко въ скалы массивныя колонны, поднявъ къ небу брусья кровли, дабы быть укрытымъ отъ солнца и дождя.

„Теперь изъ разныхъ беззаконій, которыя могутъ быть совершены небеснымъ поколѣніемъ, предназначеннымъ все болѣе и болѣе заселять эту землю мирнаго управленія, одни суть беззаконія земныя, другія—беззаконія небесныя. Небесныя беззаконія суть: уничтоженіе плотинъ между рисовыми полями, заполненіе водостоковъ, смѣщеніе водяныхъ желобовъ, живодерство... Земныя беззаконія суть: рѣзаніе живыхъ тѣлъ, рѣзаніе мертвыхъ тѣлъ, проказа, кровосмѣшеніе, бѣдствія отъ ползающихъ тварей, высокихъ боговъ и птицъ небесныхъ, убіенія скота, заклинанія.

„И всякій разъ, какъ беззаконія эти будутъ совершены, а совершаться они будутъ, пусть великіе *накатоми* подрѣжутъ божественныя вѣтви у вершины и подрѣжутъ ихъ у комля, сдѣлавъ изъ нихъ полный рядъ въ тысячу подставокъ для жертвоприношеній. Подрѣзавъ вверху и внизу камышъ небесъ, пусть расщеплютъ они его на множество пластинокъ. А затѣмъ пусть прочтутъ это великое моленіе.

„И когда они это сдѣлаютъ, то небесные боги, открывъ настежь алмазныя двери небесъ и раздѣливъ нагроможденныя небесныя облака страшной разсѣлиной-дорогой, приблизятся и будутъ внимать.

„Земные боги, вознесясь на вершины высокихъ горъ и вершины низкихъ горъ, сметая прочь туманы съ высокихъ горъ и туманы съ низкихъ горъ, приблизятся и будутъ внимать.

„И тогда не останется не искупленнымъ ни одно преступленіе отъ дворца священнаго отпрыска боговъ и до самыхъ далекихъ концовъ царства. Какъ нагроможденныя облака въ небесахъ разсѣиваются дуновеніемъ бога вѣтровъ; какъ утренній бризъ и вечерній бризъ разгоняетъ утренніе туманы и разгоняетъ вечерніе туманы; какъ громадный корабль, ставшій на якорь въ большой гавани, потерявъ свои кормовые якоря и потерявъ свои носовые якоря, уносится въ обширный океанъ; какъ вотъ этотъ толстый хворостъ истребляется и разбрасывается острой лопаткой, закаленной въ огнѣ,—такъ точно и всѣ пре-

*) Японія.

ступленія будутъ сняты и уничтожены. И богиня *Се-ори-цу-химе* *), пребывающая въ быстринахъ стремительнаго потока, воды котораго бѣшено скатываются съ большихъ горъ и съ малыхъ горъ, унесетъ ихъ на равнины далекаго моря. Пусть затѣмъ богиня *Хая-аки-цу-химе* **), которая пребываетъ въ миріадахъ путей прибоя бушующаго моря и въ миріадахъ мѣстъ, гдѣ скрещиваются миріады морскихъ путей, поглотитъ ихъ; и пусть богъ *Ибуки-до-нуси* ***), пребывающій въ *Ибукидо* ****), изгонитъ ихъ прочь въ подземныя царства. Пусть затѣмъ богиня *Хая-сасура-химе* *****), что пребываетъ въ подземномъ царствѣ, истребитъ и уничтожитъ ихъ.

„Они уничтожены теперь. И всѣ, начиная отъ слугъ императорскаго дворца и вплоть до простого народа во всѣхъ четырехъ концахъ царства, всѣ отнынѣ впредь свободны отъ грѣха.

„Внимайте же всѣ вы, обративъ уши къ равнинамъ высокаго неба, моленію великаго очищенія, которымъ въ это междолуніе шестого мѣсяца при закатѣ солнца вы очищаетесь и освобождаетесь отъ грѣха".

Очищеніе, достигающееся чтеніемъ *Охараи*, было государственнымъ обрядомъ, на которомъ могли присутствовать лишь избранные. По мнѣнію Чамберлэна и Астона, даже языкъ этого моленія никогда не былъ понятенъ простому народу; вѣрующіе изъ среды его ищутъ очищенія въ другомъ, болѣе простомъ обрядѣ, а именно, въ омовеніяхъ передъ молитвой. Для этой цѣли у каждаго синтоистическаго храма, или даже только алтаря, расположенъ бассейнъ со „святою водой" (Чоцу-баси) для полосканія рта и омовенія рукъ. Пилигримы и богомольцы непремѣнно пользуются этою водой, вытираясь затѣмъ полотенцами, нарочно для того повѣшанными передъ бассейномъ. „На нашъ взглядъ",—говоритъ миссіонеръ Гуликъ,—„немногіе изъ обычаевъ въ Японіи способствуютъ распространенію заразныхъ болѣзней въ такой мѣрѣ, какъ этотъ обычай церемоніальнаго очищенія... Нѣтъ лучшаго средства для передачи кожныхъ болѣзней, которыя здѣсь такъ часты. Преобразованная религія новой Японіи,—будетъ ли она синтоистической, буддійской или христіанской,—не могла бы оказать большей услуги народу, какъ объявивъ крестовый походъ противъ этого религіознаго обычая" ******).

На предшествующихъ страницахъ я старался изложить сущность религіи синто. Все, что можно было бы сказать о ней еще,

---

*) Т. е. „дѣва, пребывающая въ мелкой водѣ".

**) Т. е. „дѣва, быстро раскрывающаяся".

***) Т. е. „хозяинъ мѣста дуновенія".

****) Т. е. „мѣсто дуновенія".

*****) Т. е. „быстро уничтожающая дѣва".

******) *Evolution of the Japanese*, social and psychic; by Sidney L. Gulick, M. A. Missionary of the American Board in Japan.—New-Jork 1903.—стран. 313.

было бы развитіемъ деталей, а не сущности этой религіи. Отсюда видно, что послѣдняя—не глубока по своему смыслу, лишена философскаго элемента и имѣетъ миѳологію чисто ребяческую по содержанію. Астонъ, разбирая сочиненія Мотоори—убѣжденнаго адепта этой древней національной религіи японцевъ, поставившаго себѣ задачей жизни пропагандировать ее между своими соотечественниками и осуждать „гнусную развращенность“ тѣхъ, которые пренебрегали ею ради софистической ереси [буддизма], внесенной изъ чужихъ краевъ,—говоритъ:

„Есть матеріалъ для размышленія въ томъ фактѣ, что для человѣка высокаго ума и большой учености, подобно Мотоори, не незнакомаго съ философіей и религіями Индіи и Китая, являлось возможнымъ принять за основаніе своихъ вѣрованій эти дѣтскія побасенки. И не только онъ самъ лично былъ искренно вѣрующимъ человѣкомъ, но у него былъ большой и ревностный кругъ послѣдователей, принадлежащихъ къ высшимъ и наиболѣе просвѣщеннымъ классамъ его соотечественниковъ. Справедливымъ, пожалуй, можетъ показаться то, что говорится словами одной японской пословицы: — „Иваси но атама мо син-дзин-гара“, т. е. *важнымъ является качество вѣры, хотя бы предметомъ ея была только голова сардинки*“ *).

Эта пословица представляетъ для насъ большой интересъ, потому что высказанная въ ней мысль помогаетъ намъ понять, почему религія синто имѣла такое огромное значеніе въ исторіи Японіи вплоть до переживаемой нынѣ эры мейдзи **) и не утратила вполнѣ этого значенія и теперь.

Для поясненія сказаннаго обратимся къ слѣдующимъ политическимъ разсужденіямъ государственнаго дѣятеля и воина *Китабатаке Цикафуса*, игравшаго важную роль въ гражданскихъ войнахъ, которыя волновали Японію въ первой половинѣ XIV вѣка.

„Великая Ямато—божественная страна. Это только одна наша страна, основаніе которой положено божественнымъ предкомъ. Она единственная только, которая передана была богиней солнца длинному ряду ея потомковъ. Ничего нѣтъ подобнаго въ чужеземныхъ странахъ. Поэтому она и называется божественною страной.

„Это только одна наша страна, что сохранила съ того времени, какъ впервые проявились небо и земля (изъ хаоса), наслѣдованіе трона неизмѣннымъ въ одномъ и томъ же родѣ. Если даже оно переходило, какъ это иногда естественно происходитъ, въ боковыя линіи, то оно всегда было согласно съ истинными

*) В. Г. Астонъ. Исторія японской литературы, стр. 252.

**) Мейдзи значитъ „просвѣщеніе“.—Начало этой эры считается съ революціи 1867 года; вслѣдствіе этого текущій 1904 годъ считается въ Японіи тридцать седьмымъ годомъ мейдзи.

принципами. Это показываетъ, что священная клятва боговъ (сохранять престолонаслѣдіе) постоянно возобновляется, такъ что это и отличаетъ Японію отъ другихъ странъ" *).

Если такъ глубоко вѣрили въ проповѣдуемое религіей синто божественное происхожденіе страны и микадо такіе образованные по тому времени дѣятели, какъ Цикафуса, то легко представить себѣ силу вѣры въ это происхожденіе со стороны народныхъ массъ, воспринимавшихъ ее наслѣдственно съ незапамятныхъ временъ безъ всякой критики... „Изъ всѣхъ странъ и народовъ земного шара божественное происхожденіе имѣетъ только Японія и японцы. Изъ всѣхъ императоровъ на землѣ прямымъ потомкомъ боговъ является только микадо, правящій своимъ народомъ божественною силой и властью". — Въ этомъ ученіи и въ слѣпой вѣрѣ народа въ истинность его и заключается источникъ вліянія синтоистическаго ученія на государственную и общественную жизнь Японіи и на международное ея положеніе: „Японцы, придя въ соприкосновеніе съ иностранными народами, естественно считали послѣднихъ внѣ божественнаго промысла, отбросами человѣчества, присутствіе которыхъ въ божественной странѣ было въ большей или меньшей степени оскверненіемъ ея. Синтоистическое міровоззрѣніе имѣло въ виду развить духъ подчиненнаго послушанія и лояльной приверженности наслѣдственнымъ правителямъ страны, а также суроваго антагонизма къ иностранцамъ; оно составляло интеллектуальную канву, на которой развивалась жизнь государства. Наслѣдственный феодализмъ былъ естественнымъ, если не необходимымъ спутникомъ этого міровоззрѣнія" **).

Дѣйствительно, буддизмъ, къ роли котораго въ Японіи мы перейдемъ сейчасъ, сильно повліялъ на духовную жизнь народа, но онъ не тронулъ сущности воззрѣній синто. Не умалило значенія ихъ для народныхъ массъ и соприкосновеніе послѣднихъ съ иностранцами, которые недолго импонировали на трезвыхъ, трудолюбивыхъ и грамотныхъ жителей открывшейся, наконецъ, для нихъ страны... И когда недавно въ Японіи праздновалась 2564-я годовщина воцаренія перваго микадо, то проповѣди священниковъ въ синтоистическихъ храмахъ объ исключительной привилегіи Японіи—и только одной ея изъ всѣхъ странъ земного шара—пользоваться покровительствомъ боговъ слушались народомъ съ жадностью и гордостью. Наконецъ, опираясь на синтоистическія же воззрѣнія народа, представительное правительство Японіи увѣрено, что послѣдній съ довѣріемъ отнесется ко всѣмъ распоряженіямъ его и будетъ безпрекословно исполнять ихъ, пока они объявляются съ санкціей микадо.

---

*) В. Г. Астонъ. Исторія японской литературы, стр. 123.
**) Evolution of the Japanese by Sydney Gulick., стр. 405.

„Въ теченіе столѣтій, включая и настоящую эру мейдзи, синтоистическая религія въ Японіи давала и даетъ еще и нынѣ религіозныя санкціи для соціальнаго строя—даже для новаго соціальнаго строя, который пришелъ съ Запада. Именно вѣра народа въ божественное происхожденіе императора и вытекающія изъ этого происхожденія права послѣдняго соединяютъ теперь націю и заставляетъ ее съ такой готовностью принять новый соціальный строй. Разъ императоръ желаетъ, то нѣтъ никакихъ вопросовъ и никакой оппозиціи, хотя бы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этотъ строй и доставлялъ народу даже страданія“ *).

II.

Буддизмъ въ Японіи.

Краткія историческія свѣдѣнія о введеніи буддизма въ Японіи. — Причины скораго завоеванія этой религіей симпатій японскаго народа.—Роль буддизма въ духовномъ развитіи Японіи.—Историческія событія, подготовившія пошатнувшееся положеніе буддизма въ Японіи: уклоненіе японскихъ императоровъ отъ фактическаго управленія страною и переходъ этого управленія въ руки сіогуновъ. Іеясу—основатель Токугавской династіи сіогуновъ. Успѣшныя усилія его распространить въ странѣ идеи Конфуція, и вліяніе этихъ идей на установленіе внутренняго порядка въ странѣ. Возникновеніе недовольства въ странѣ деспотическимъ абсолютизмомъ династіи Токугавъ и вліяніе на это недовольство вмѣшательства западныхъ державъ.—Революція 1867 года: низверженіе династіи Токугавъ и возвращеніе микадо къ фактическому управленію страною. Провозглашеніе синто единственной законной государственной религіей. — Возстановленіе прежняго значенія буддизма.—Подавленіе фаллическаго культа въ странѣ подъ вліяніемъ культуры Запада.

Относительно введенія въ Японію буддизма туземныя лѣтописи говорятъ, что въ 552 году по Р. Хр. король одного изъ корейскихъ государствъ подарилъ микадо Кимеи золотое изображеніе Будды и нѣсколько свитковъ сутръ. Подъ вліяніемъ умнаго корейскаго проповѣдника, черезъ котораго поднесены были эти дары, микадо склонился къ принятію новой религіи; но большинство изъ его приближенныхъ—убѣжденные синтоисты—уговорили его удалить изъ дворца золотого Будду, который и былъ перенесенъ въ загородный императорскій домъ, обратившійся затѣмъ въ первый буддійскій храмъ на территоріи Японіи. Этой чужеземной ереси и была приписана партизанами старой религіи причина моровой язвы, постигшей вскорѣ послѣ того Японію, вслѣдствіе чего названный храмъ былъ разрушенъ до основанія. Но какъ разъ около этого времени страну постигъ голодъ, многія мѣстности страдали отъ землетрясеній,—и искуснымъ сторонникамъ буддизма удалось распространить въ народѣ убѣжденіе,

---

*) Ibidem; стр. 407.

что эти бѣдствія являются слѣдствіемъ непочтенія къ Буддѣ... Храмъ былъ вновь построенъ, и съ тѣхъ поръ буддійскіе монахи и проповѣдники начали прибывать въ Японію изъ Кореи все въ большемъ и большемъ числѣ. При императрицѣ Суико (593—621 г.) принцъ-регентъ Сотокутаиси,—котораго европейскіе историки называютъ Константиномъ буддизма въ Японіи,—самъ исполнялъ даже роль буддійскаго священника, и къ его времени относится построеніе многочисленныхъ буддійскихъ храмовъ въ странѣ. Новая религія начала быстро упрочиваться здѣсь и скоро сдѣлалась главенствующей, хотя и не безъ значительныхъ уступокъ съ обрядовой стороны, какъ мы увидимъ ниже.

Сравнительно съ тѣмъ, что̀ давала Японіи старая религія, „метафизика буддизма была гораздо болѣе глубока: его обряды—значительно болѣе пышны; его моральный кодексъ значительно болѣе возвышенъ“,—всего этого „было слишкомъ много, чтобы плохое зданіе синто могло представить прочное сопротивленіе... И все, что̀ было религіознаго въ націи, перешло къ противнику. Буддійское священство дипломатически приняло туземныхъ синтоистическихъ боговъ въ свой пантеонъ, истолковавъ, что они суть только различныя воплощенія Будды; вслѣдствіе этого многія изъ синтоистическихъ церемоній, связанныхъ съ жизнью дворца, сохранились, хотя болѣе пышныя буддійскія церемоніи всетаки занимали первое мѣсто и въ мысляхъ самихъ потомковъ богинисолнца“, т. е. микадо и императорскихъ принцевъ *). Даже и въ тѣхъ мѣстностяхъ Японіи, гдѣ синтоизмъ уцѣлѣлъ болѣе, чѣмъ въ раіонахъ особенно напряженной дѣятельности буддійскихъ проповѣдниковъ, онъ сильно страдалъ отъ захватовъ буддизма. „Буддійскіе жрецы забрали въ свои руки блюстительство большинства храмовъ національнаго культа и примѣшали къ его церемоніямъ и доктринамъ много чуждаго ему. Національные боги не были упразднены,—они еще сохранили нѣкоторое вліяніе на умы народовъ, но они были уже низведены до степени временныхъ проявленій Будды... Ихъ превратили въ домашнихъ слугъ въ буддійскомъ хозяйствѣ, какъ выразился одинъ изъ учениковъ Мотоори“ **).

Фактъ, что буддизмъ въ Японіи принялъ въ свою теогонію синтоистическихъ божествъ, отождествивъ ихъ съ собственными богами индусскаго происхожденія, былъ одною изъ главныхъ причинъ скораго завоеванія новой религіей симпатіи народа. Рядомъ съ этимъ и для микадо Японіи не было серьезныхъ причинъ сопротивляться распространенію вліянія буддизма, такъ какъ послѣдній, не имѣя никакого идеала соціальнаго строя, не трогалъ соціальныхъ санкцій синтоизма. Не опровергая миѳологіи послѣд-

*) Things Japanese; by B. H. Chamberlain, стран. 77.

**) В. Г. Астонъ. Исторія японской литературы; стран. 250.

няго, буддизмъ въ Японіи не поколебалъ и принципа божественнаго происхожденія страны такъ же, какъ и божественнаго происхожденія микадо. Нельзя, поэтому, не согласиться съ замѣчаніемъ американскаго миссіонера Гулика, что „буддизмъ въ Японіи не исключилъ синтоизма, и что съ введеніемъ его синто-буддизмъ сдѣлался народною религіей, въ которую каждая изъ старыхъ религій внесла существенный элементъ". И этого, по нашему мнѣнію, нельзя упускать изъ виду ни на минуту при изученіи современнаго строя жизни Японіи.

Не тронувъ общественнаго элемента синтоизма, буддизмъ въ то же время восполнилъ для японцевъ отсутствіе въ немъ индивидуальнаго элемента, что̀ весьма ярко выражено въ слѣдующихъ строкахъ названнаго сейчасъ автора:

„Кромѣ приспособленія къ синтоизму, существуетъ еще одна реальная причина, объясняющая, почему буддизмъ сдѣлался столь популярнымъ въ Японіи: онъ внесъ драгоцѣнный элементъ въ національную жизнь, впервые для японцевъ выдвинувъ значеніе личности. Самоуглубленіе и свободное размышленіе начали играть роль. Съ буддійскимъ культомъ были насаждены и искусства, требующія индивидуальныхъ проявленій. Пышный ритуалъ, изящная архитектура, сложный религіозный организмъ, письменность и литература,—все дало мѣсто проявленіямъ индивидуальной дѣятельности и индивидуальнаго развитія, какъ въ механическомъ ручномъ трудѣ, такъ и въ духовномъ и эстетическомъ направленіяхъ. Узкая и примитивная до тѣхъ поръ жизнь японца отозвалась на этотъ призывъ съ глубокой радостью. Особенно высшіе классы почувствовали себя точно выросшими въ богатствѣ и полнотѣ новой жизни"... *).

У другого не менѣе компетентнаго знатока Японіи читаемъ по разсматриваемому вопросу: „Все дѣло образованія въ Японіи, такъ же какъ и попеченія о бѣдныхъ и больныхъ, находилось въ теченіе столѣтій въ рукахъ буддистовъ. Буддизмъ ввелъ искусства, медицину, оформилъ народныя вѣрованія, создалъ драматическую поэзію, глубоко вліялъ на политику и вообще властно проникъ во всѣ сферы общественной и умственной дѣятельности. Однимъ словомъ, буддизмъ былъ учителемъ, подъ руководствомъ котораго японская нація развивалась. Какъ нація, она, однако, нынѣ грубо забыла объ этомъ фактѣ. Спросите образованнаго японца что-нибудь о буддизмѣ, и десять противъ одного изъ нихъ улыбнутся вамъ въ лицо, а сто противъ одного скажутъ, что ничего не знаютъ объ этомъ предметѣ и будутъ хвалиться своимъ невѣдѣніемъ".

Не будетъ преувеличеніемъ сказать, замѣчаетъ Астонъ, что если Китай по отношенію къ Японіи занимаетъ мѣсто Греціи и

*) Evolution of the Japanese; стр. 408.

Рима въ европейской цивилизаціи, то буддизмъ, съ его мягкимъ и гуманитарнымъ направленіемъ „игралъ по отношенію къ Японіи такую же роль, какую играло христіанство по отношенію къ западному міру“.

До начала второй половины XVIII столѣтія буддизмъ въ Японіи процвѣталъ, можно сказать, безмятежно, такъ какъ попытки отдѣльныхъ лицъ,—хотя и очень энергичныя,—возстановить старую религію синто въ ея неприкосновенномъ видѣ ни разу не увѣнчались даже кратковременнымъ успѣхомъ. Напротивъ того, популярность буддизма постоянно росла, буддійскіе храмы воздвигались повсюду, и множество буддійскихъ монаховъ содержалось на приношенія вѣрующихъ. Но въ названную эпоху этой пришлой религіи Японіи былъ нанесенъ ударъ, который поколебалъ ея вліяніе, хотя и не надолго. Чтобы объяснить, чѣмъ подготовленъ былъ этотъ ударъ, мы должны сначала напомнить читателямъ нѣкоторыя историческія свѣдѣнія о политической жизни Японіи до эры мейдзи.

Съ развитіемъ въ странѣ, вмѣстѣ съ введеніемъ буддизма, литературы и искусства произошла перемѣна и въ отношеніяхъ двора къ народу. Около трона императора теперь собирались не только воины и правители, какъ это было прежде, но также и ученые, образованные и талантливые люди, находившіе въ императорѣ и придворной знати щедрыхъ патроновъ. Но въ то время, какъ императоры старались поощрять новыя знанія и цивилизацію, съ которыми смягчились воинственныя свойства окружающихъ ихъ людей, на границѣ дикія орды все еще дѣлали набѣги на отнятыя отъ нихъ территоріи,—и потому войны, требующія искуснаго руководителя и сильнаго оружія, въ сущности не прекращались. Однако, императоръ постепенно отказывался отъ личной власти въ военныхъ операціяхъ и передавалъ обязанность защиты государства въ руки того или другого изъ представителей знатныхъ родовъ. Знать, разумѣется, не замедлила понять преимущества, дававшіяся ей въ руки вмѣстѣ съ военной властью,—въ вѣкъ, когда сила была и правомъ еще въ большей степени, чѣмъ въ наши дни, и когда эта сила, употребляемая благоразумно и съ надлежащимъ уваженіемъ къ предразсудкамъ народа, могла повести къ обезпеченію власти даже надъ самимъ императоромъ. Такъ и случилось: дѣйствительная власть въ имперіи перешла къ такъ называемымъ сіогунамъ, которые назначались императоромъ изъ его вассаловъ или дайміевъ, и первымъ изъ которыхъ былъ Іоритомо, въ 1181 году. Императоры уединялись отъ народа все болѣе и болѣе, и дворъ сдѣлался самъ по себѣ совершенно замкнутымъ маленькимъ міромъ, до котораго рѣдко доходили тревоги войны или даже внутренней поли-

---

*) Things Japanese; by B. H. Chamberlain; стран. 77.

тики... А между тѣмъ тревоги эти были велики: даймiи,—какъ это и всегда бывало въ феодальныхъ государствахъ при упадкѣ центральной власти, — постоянно вступали въ борьбу другъ съ другомъ изъ-за земельныхъ владѣній и даже за самый сіогунатъ, вслѣдствіе чего въ имперіи въ теченіе многихъ столѣтій велись междоусобныя войны и часто господствовала настоящая анархія. Первый, кто взялся за улучшеніе такого положенія дѣлъ, былъ даймій *Нобунага*—человѣкъ, обладавшій рѣшительнымъ характеромъ и большими военными дарованіями. Онъ успѣлъ привести въ подчиненіе себѣ большую часть даймiевъ при помощи двухъ своихъ знаменитыхъ сотоварищей, *Хидегоси* и *Іеясу*, изъ которыхъ первый, послѣ смерти Нобунага, былъ фактическимъ монархомъ Японіи (подъ титуломъ тайко или регента). Когда же умеръ и онъ, то высшей власти въ имперіи добился Іеясу, который, послѣ пораженія всѣхъ своихъ противниковъ въ рѣшительномъ бою, въ 1600 году, принудилъ кукольнаго микадо назначить его сіогуномъ и сдѣлался, такимъ образомъ, основателемъ Токугавской династіи сіогуновъ, избравшей для своей резиденціи городъ Іедо и непрерывно управлявшей затѣмъ Японіей въ теченіе свыше 250 лѣтъ—до самой революціи 1867 года.

Стремясь къ созданію въ странѣ сильной центральной власти, Іеясу искалъ подспорья для нея въ религіозномъ освященіи идеи безусловнаго повиновенія. Буддизмъ, какъ мы видѣли, не заключалъ въ себѣ необходимыхъ для этого элементовъ; ученія синто, отодвинутыя на задній планъ буддійскою пропагандою, начали ослабѣвать и забываться. Іеясу обратился къ конфуціанству. Онъ понялъ съ дальновидностью проницательнаго государственнаго дѣятеля, какое могучее средство для его цѣлей можетъ дать конфуціанская этика, которая проникла въ Японію вмѣстѣ съ другими продуктами китайской цивилизаціи еще въ самомъ началѣ христіанской эры, но пока была лишь достояніемъ кабинетныхъ мудрецовъ. По предположенію Іеясу, японцы не могли отнестись къ этой этикѣ враждебно, такъ какъ идеалы ея не противорѣчили основнымъ элементамъ, хотя и забытаго, но родного имъ синтоистическаго міровоззрѣнія: конфуціанизмъ, какъ и синто, требовалъ безусловнаго подчиненія власти и почитанія предковъ. Дѣйствительно, напечатавъ сочиненія Конфуція, Іеясу скоро добился распространенія ихъ въ странѣ. Въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій затѣмъ вся японская молодежь воспитывалась на конфуціанскихъ идеяхъ, и произведенія китайскаго мыслителя, изданныя съ діакритическими замѣчаніями, составляли главную часть учебно-воспитательной библіотеки для молодыхъ людей, готовящихся къ общественной и государственной дѣятельности, чѣмъ и оказали желаемое Іеясу вліяніе. Правда, идеаломъ самого Конфуція была централизованная монархія, но главная приведенная выше доктрина его безъ натяжки могла быть при-

мѣнена и по отношенію къ сіогуну и къ мѣстнымъ дайміямъ, подъ вліяніемъ чего Японія надолго упрочила свой феодальный строй, доведя его до самаго цвѣтущаго состоянія, какой когда-либо видѣлъ міръ.

Въ теченіе двухъ съ половиной столѣтій страна наслаждалась миромъ и спокойствіемъ. „За этотъ періодъ (т. е. съ 1603 по 1867 г.) надъ японскимъ государствомъ прошла великая волна китайскаго вліянія, воздѣйствовавшая на него во всѣхъ положительно направленіяхъ“, говоритъ Астонъ. „Не только правительственныя установленія, но и законы, и наука, и искусство, и матеріальный прогрессъ, а болѣе всего національная мысль, поскольку она выразилась въ философіи и литературѣ,—все это носитъ на себѣ глубокіе слѣды китайскаго ученія и слѣдованія китайскимъ примѣрамъ. Это вліяніе не прекратилось совсѣмъ даже и въ настоящее время, но оно утратило свое важное значеніе за исключеніемъ развѣ только области установленія принциповъ національной морали“ *).

Если режимъ, установленный Іеясу и переданный имъ въ такое прочное наслѣдіе своей династіи, далъ странѣ внутренній миръ, то купленъ этотъ миръ былъ дорогою цѣною: деспотическій абсолютизмъ сіогуната Токугава подавлялъ всякія индивидуальныя проявленія въ народѣ. Онъ запрещалъ всякую независимую мысль въ религіозной философіи и политикѣ, навязывая каждому моральную философію Конфуція. Несогласіе съ нею считалось не только еретическимъ, но и измѣнническимъ. Сіогунатъ, поэтому, возбудилъ противъ себя оппозицію многихъ передовыхъ людей, которые вынуждены были удалиться отъ дѣлъ внутренней политики; и такъ какъ страна наслаждалась внѣшнимъ миромъ, то они не могли найти другого выхода для своей энергіи, какъ въ занятіяхъ наукой. Среди такихъ японскихъ ученыхъ XVIII столѣтія,—по мѣрѣ того, какъ они изучали исторію прошлаго и сопоставляли событія его съ фактами настоящаго,—складывался взглядъ, что Токугавы присвоили себѣ тѣ функціи управленія страной, а вмѣстѣ съ ними и тѣ доходы ея, которые не принадлежали имъ по праву, и что императоръ сдѣлался куклой въ рукахъ военной власти, которая была отнята отъ него насильно.

„Намъ легко видѣть теперь“, говоритъ миссіонеръ Гуликъ, „что японскіе ученые того времени идеализировали свою древнюю исторію и приписали императору такое мѣсто въ прежнія времена, какое онъ, уже въ теченіе многихъ столѣтій до Іеясу, по всей вѣроятности, занималъ весьма рѣдко. Но какъ бы то ни было, они считали свой взглядъ вѣрнымъ, и думали, что императоръ былъ лишенъ власти именно династіей Токугавъ“ **).

---

*) В. Г. Астонъ.—Исторія японской литературы, стран. 163.

**) Evolution of the Japanese; by Sidney L. Gulick; стран. 411.

Этотъ выводъ свой ученые пропагандировали сначала тайно и съ большой осторожностію, но онъ всетаки распространялся и былъ усвоенъ мало по малу военнымъ сословіемъ страны—*самураями* *), которые уже давно были недовольны деспотическимъ абсолютизмомъ правленія Токугавы; они естественно поэтому пришли „къ религіозному чувству лояльности по отношенію къ императору“, находя, что сіогунатъ занялъ положеніе, несогласное съ синтоистическими теоріями. Можно думать поэтому, что послѣдовавшее въ концѣ концовъ ниспроверженіе династіи Токугавъ и возстановленіе дѣйствительной императорской власти имѣло бы мѣсто даже и при отсутствіи внѣшнихъ вліяній на Японію. Но во всякомъ случаѣ это событіе было ускорено агрессивными дѣйствіями иностранныхъ государствъ.

Когда американскій адмиралъ Перри впервые появился у береговъ Японіи съ своими сильными морскими орудіями (1853—4), то сіогунъ долженъ былъ уступить его требованіямъ,—поддержаннымъ впослѣдствіи и представителями европейскихъ державъ: Англіи, Франціи и Россіи, и согласился открыть Іокагаму, Хакодате и нѣкоторые другіе порты для иностранной торговли и резиденціи (1857—9). Затѣмъ, въ 1860 и 1861 годахъ, онъ даже отправилъ посольство въ Соединенные Штаты и Европу. Знакомство двора Іедо съ внѣшнимъ міромъ, хотя и не широкое, всетаки было достаточно для того, чтобы сіогунъ и его совѣтники поняли, что отказывать въ исполненіи требованій западныхъ державъ было бы безполезно. Но дворъ микадо въ Кіото не имѣлъ даже и той небольшой доли житейской мудрости, какая была бы достаточна, чтобы увидѣть правоту дѣйствій сіогуна, и настаивалъ на томъ, что Японія, какъ „страна боговъ“, не должна оскверняться иностранцами, почему твердо рѣшилъ, что послѣдніе должны быть изгнаны.

Перри, заключая трактатъ съ представителями Токугавъ объ открытіи портовъ, думалъ, что имѣетъ дѣло съ отвѣтственнымъ правительствомъ, и потому возникшія затѣмъ пререканія по поводу этого трактата были для него неожиданными. Дѣло осложнилось еще независимыми дѣйствіями нѣкоторыхъ дайміевъ. Одинъ изъ нихъ, принцъ Чошіу—какъ думаютъ, подъ вліяніемъ тайныхъ инструкцій изъ дворца въ Кіото—оказалъ даже вооруженное сопротивленіе иностранцамъ, послѣдствіемъ чего и было такъ называемое „Симоносекское дѣло“, т. е. бомбардированіе Симоносеки—главнаго морского порта во владѣніяхъ Чошіу. Это столкновеніе съ иностранцами открываетъ періодъ внутреннихъ

*) Сословіе это въ Японіи того времени занимало положеніе, приблизительно, среднее между тѣми, какія занимали въ Англіи во времена феодализма рыцари и эсквайры на службѣ у бароновъ.

смутъ въ странѣ, приведшихъ въ концѣ концовъ къ паденію сіогуната. Разрозненныя дѣйствія даймiевъ противъ иностранцевъ не могли имѣть успѣха, а авторитетъ сіогуната былъ настолько расшатанъ, что объединеніе всѣхъ силъ страны подъ его знаменемъ оказывалось невозможнымъ. Самураи, стоявшіе въ оппозиціи къ нему, воспользовались этимъ, чтобы выдвинуть впередъ идею возстановленія императорской власти, незаконно узурпированной сіогунатомъ, и имъ удалось привлечь народъ на свою сторону, внушивъ ему, что всѣ безпорядки въ странѣ являются слѣдствіемъ забвенія, подъ вліяніемъ буддистовъ, коренной ея религіи, въ силу которой единственный законный правитель священной Японіи есть микадо...

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ борьбы, сіогунатъ былъ низверженъ, и въ послѣднихъ числахъ декабря 1867 года былъ обнародованъ императорскій указъ о принятіи на себя микадо Муцухито управленія государствомъ. Вмѣстѣ съ этимъ политическимъ переворотомъ произошелъ и переворотъ религіозный: синто былъ провозглашенъ единственной государственной религіей. При этомъ тысячи буддійскихъ храмовъ были, какъ выражались тогда японцы, „очищены", т. е. лишены ихъ буддійскихъ украшеній и переданы въ вѣдѣніе синтоистовъ. По поводу этихъ послѣднихъ дѣйствій Чамберлэнъ замѣчаетъ: „Любитель японскаго искусства не поблагодаритъ синтоистовъ за это очищеніе, которое разрушило безчисленныя драгоцѣнности буддійской архитектуры—не ради великой моральной идеи, какъ это имѣло мѣсто въ дѣйствіяхъ пуританъ въ Европѣ, но для идеала, неизмѣримо болѣе низменнаго, чѣмъ самъ буддизмъ" *).

Однако, достигнутый революціей 1867 года порядокъ вещей продержался недолго въ религіозномъ отношеніи. Синто, сослужившій свою службу японской государственности, былъ слишкомъ бѣденъ въ смыслѣ удовлетворенія индивидуальныхъ потребностей человѣческаго ума и сердца, и естественно поэтому, что буддизмъ въ Японіи скоро занялъ прежнее положеніе. Правда, императоръ и его дворъ оффиціально исповѣдуютъ синтоистическую религію, а храмы въ странѣ дѣлятся формально на синтоистическіе и буддійскіе; но это дѣленіе имѣетъ значеніе только для обслуживающаго ихъ духовенства; народъ же посѣщаетъ и тѣ, и другіе и, въ сущности, какъ это было и до революціи, исповѣдуетъ синто-буддійскую религію.

Мы уже видѣли, что смѣшеніе первоначальной японской религіи съ буддійской оказалось возможнымъ по существу потому, что основы первой не препятствуютъ синтоистамъ усвоить догматы второй, и облегчилось на практикѣ тѣмъ, что въ сонмъ буддійскихъ боговъ были приняты и боги синтоистическіе. Отсюда

*) Things Japanese; by B. H. Chamberlain, стран. 417.

ясно, въ какомъ смыслѣ надо понимать терминъ „синто-буддизмъ". Вмѣстѣ съ смѣшеніемъ пантеоновъ двухъ основныхъ религій произошло также смѣшеніе религіозныхъ обрядовъ, обстановки храмовъ, и т. п. О томъ, что одна и та же семья идетъ молиться съ новорожденнымъ членомъ ея синтоистическимъ божествамъ, а хоронитъ умершихъ своихъ членовъ по буддійскому обряду,— мы уже говорили. Подобныхъ фактовъ можно было бы привести много, но это не входитъ въ нашу задачу, и потому мы ограничимся указаніемъ еще только на одинъ изъ нихъ, наиболѣе интересный. До введенія буддизма въ Японію она не знала ни скульптурныхъ, ни графическихъ изображеній божествъ. Поэтому въ синтоистическихъ храмахъ хранилась только эмблема божества, состоящая изъ трехъ вещей (митама-сиро): металлическаго зеркала, меча и драгоцѣннаго камня. Зеркало нѣкоторые японскіе писатели приравниваютъ богинѣ-солнца; другіе же усматриваютъ въ немъ вещественное воспоминаніе о томъ зеркалѣ, которое заставило богиню солнца, Аматерасу, выйти изъ пещеры. Зеркало хранится въ ящикѣ, завернутое въ бархатную матерію, изъ которой никогда не вынимается; а когда послѣдняя приходитъ въ ветхость, то сверхъ нее надѣваютъ новый кусокъ матеріи, и т. д. Въ прежнее время одна изъ дѣвственныхъ дочерей микадо всегда была жрицей-хранительницей митама-сиро въ синтоистическомъ храмѣ въ Изе. Со смѣшеніемъ же пантеоновъ двухъ религій появились всякаго рода изображенія и синтоистическихъ божествъ, которыми начали украшать храмы. Такимъ образомъ, въ настоящее время есть не мало такихъ храмовъ, священнослужители которыхъ считаютъ себя чистыми синтоистами, но въ которыхъ, не смотря на то, поставлено много изображеній и синтоистическихъ, и буддійскихъ божествъ, и имъ прихожане молятся съ одинаковымъ усердіемъ.

Хотя 1867 годъ можно считать датой, съ которой началось въ Японіи „замѣщеніе" Китая Европой, въ качествѣ источника матеріальной и духовной жизни народа, на религіозномъ вопросѣ это замѣщеніе не отразилось существенно, за исключеніемъ допущенія въ странѣ свободы христіанской пропаганды (см. гл. III). Однако, всетаки нельзя пройти молчаніемъ тотъ фактъ, что лишь подъ вліяніемъ соприкосновенія съ новой культурой въ Японіи отмѣнены были нѣкоторые религіозные обычаи и обряды, грѣшащіе, съ западной точки зрѣнія, противъ общественной морали. Иллюстраціей этого послѣдняго замѣчанія можетъ служить правительственное запрещеніе въ странѣ *фаллическаго культа*, состоявшееся въ первые годы эры мейдзи.

До того времени во многихъ частяхъ Японіи пользовались значительной популярностью фаллическіе алтари, передъ кото-

рыми, по крайней мѣрѣ въ дни празднествъ, совершались религіозные обряды, сопровождавшіеся половой безнравственностью. Въ Узи, недалеко отъ Кіото—столицы имперіи въ теченіе тысячи лѣтъ — былъ алтарь фаллическаго культа, привлекавшій огромныя толпы народа, и здѣсь, „съ испрашивавшагося вѣрующими благословенія богини Хасиме и бога Сумiоси, царствовалъ слишкомъ явный развратъ". Съ начала новаго режима такія откровенныя выраженія чувственной распущенности были запрещены и видимо подавлены. Фаллическіе символы уже не выставляются нынѣ на видъ, хотя хранители алтарей и заявляютъ, что они все еще не уничтожены, а только спрятаны въ ящикахъ тѣхъ пьедесталовъ, на которыхъ прежде стояли. Профессоръ Эдмундъ Беклей, хорошо изучившій вопросъ о фаллическомъ культѣ въ Японіи, даетъ списокъ тринадцати мѣстностей ея, гдѣ еще въ семидесятыхъ годахъ XIX столѣтія можно было видѣть символы этого культа. По изслѣдованіямъ его, оказывается, что къ нѣкоторымъ алтарямъ еще и нынѣ приходятъ вѣрующіе, при чемъ тѣ, которые ищутъ развода, молятся женскому божеству, тогда какъ жаждущіе счастливаго брака молятся божеству мужскому. Интересно замѣтить, что на священной горѣ Фузи, недалеко отъ остатковъ фаллическаго алтаря, есть храмъ бога Агата, „спеціальностью котораго является излѣченіе венерическихъ болѣзней".

Какъ уже сказано, нынѣ фаллическій культъ въ Японіи и сопровождавшія его безнравственныя проявленія уничтожены, и при томъ въ такой степени, что обыкновенный путешественникъ въ Японіи, проведя тамъ много времени и посѣщая свободно религіозные празднества и обряды, можетъ совсѣмъ и не подозрѣвать, что фаллицизмъ составлялъ еще такъ недавно выдающуюся черту въ религіозной жизни японцевъ. Только пытливые изслѣдователи могутъ теперь найти слабые слѣды этого нѣкогда столь популярнаго культа. Однако, всетаки приходится сказать, что безнравственность въ связи съ религіей все еще не подавлена въ нѣкоторыхъ частяхъ Японіи. Такъ, напримѣръ, недалеко отъ большихъ храмовъ въ Изе—центрѣ синтоизма, привлекающемъ до полумилліона пилигримовъ ежегодно, расположены обширные дома проститутокъ, процвѣтающихъ благодаря пилигримамъ, для которыхъ только и существуютъ.

„Старыя религіи—говоритъ по этому поводу Гуликъ—какъ бы много силы, красоты и правды ни признали мы за ними, никогда не объявляли войны противъ непристойныхъ формъ культа и противъ явной безнравственности вѣрующихъ. Что бы ни говорили о глубокой философіи жизни, заключающейся въ фаллическомъ культѣ, нельзя не признать, что онъ, во всякомъ случаѣ, въ теченіе многихъ вѣковъ былъ источникомъ возмутительной безнравственности. Старая Японія не была исключеніемъ въ этомъ отношеніи, а

Индія даже и теперь удивительно безнравственна въ нѣкоторыхъ формахъ своего религіознаго культа“ *).

Фактъ, что нынѣ Японія отрѣшилась въ значительной мѣрѣ отъ своихъ прежнихъ взглядовъ на непристойныя формы религіи, Гуликъ приписываетъ почти исключительно соприкосновенію ея съ народами Запада. „Искорененіе фаллическаго культа было обязано не моральной реформѣ, а политическому самолюбію. Оно состоялось не въ уваженіе къ общественному мнѣнію, какъ и не въ пренебреженіе къ нему, но всецѣло по правительственному почину; хотя, безспорно, мнѣніе болѣе благородныхъ представителей страны одобрило этотъ правительственный актъ. Однако, и у нихъ это послѣднее чувство возникло подъ вліяніемъ западныхъ воздѣйствій. Что же касается быстраго успѣха оффиціальныхъ распоряженій, то онъ долженъ быть приписанъ въ значительной степени вѣковой національной привычкѣ безусловнаго подчиненія правительственной иниціативѣ“.

III.

Христіанство въ Японіи.

Историческія свѣдѣнія: Высадка въ Японіи св. Франциска Ксаверія въ 1549 г.— Быстрое распространеніе христіанства до начала XVII столѣтія, не смотря на частныя гоненія на него съ 1587 года.—Избіеніе христіанъ въ 1-й половинѣ XVII столѣтія.—Возвращеніе миссіонеровъ въ Японію послѣ открытія страны для западныхъ державъ въ 1858 году. — Продолженіе оффиціальнаго запрещенія исповѣданія христіанства до 1873 года.—Провозглашеніе свободы вѣроисповѣданія по конституціи 1889 г.—*Современное положеніе христіанства въ Японіи*: Статистическія данныя о числѣ христіанъ. — Вліяніе христіанства на современную жизнь Японіи. — Мнѣнія о причинѣ незначительности успѣха дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ въ Японіи.—Соображенія о возможности принятія японцами христіанства въ качествѣ государственной религіи.

Христіанскія идеи впервые проникли въ Японію черезъ іезуита Франциска Ксаверія (причисленнаго впослѣдствіи католической церковью къ лику святыхъ), который, еще проповѣдывая евангеліе въ Индіи и на Зондскихъ островахъ, крестилъ тамъ трехъ японскихъ бѣглецовъ. Современныя лѣтописи говорятъ, что въ Японіи Ксаверій высадился въ 1549 году, въ г. Кагошима, гдѣ былъ принятъ мѣстнымъ принцемъ съ большимъ радушіемъ. Въ теченіе двухъ съ половиной лѣтъ своего пребыванія въ Японіи онъ посѣтилъ Хирадо, Ямагуси и Кіото, при чемъ „многочисленныя и удивительныя исцѣленія“, которыя онъ совершилъ, дали такой вѣсъ его словамъ, что ему удалось основать въ различныхъ мѣстахъ христіанскія общины, воодушевленныя ревностью и выдѣлившія скоро изъ своей среды миссіонеровъ, которые сами на-

*) Evolution of the Japanese, by S. Gulick; стр. 326.

чали проповѣдывать христіанство среди своихъ соотечественниковъ. „Обращенные пребывали одинаково изъ всѣхъ классовъ. Дворяне, буддійскіе священники, люди науки принимали новую вѣру съ такимъ же увлеченіемъ, какъ бѣдный и невѣжа. Около 1584 года весь островъ Амакуса и большая часть острововъ Гота, а также Омурскій дайміатъ были обращены въ христіанство. Оно процвѣтало одинаково въ Ямагуси и въ Кіото, и святое имя Іисуса проникло до отдаленнѣйшихъ провинцій сѣвера. Все число японцевъ, исповѣдующихъ христіанство въ этотъ періодъ, составляло 600,000 душъ. Число же европейскихъ миссій достигло 138“ *).

Такое счастливое положеніе христіанской церкви въ Японіи пошатнулось въ первый разъ около 1585 года изъ за взаимнаго соперничества между проникшими въ страну вмѣстѣ съ миссіонерами испанскими, португальскими, голландскими и англійскими торговцами и авантюристами, которые начали враждебно оговаривать другъ друга передъ японскими властями и тѣмъ компрометировать въ глазахъ туземцевъ и всѣхъ лицъ, называвшихъ себя послѣдователями Христа. Въ то же время образъ дѣйствій самихъ миссіонеровъ — францисканцевъ, доминиканцевъ, нищенствующихъ монаховъ съ Филиппинскихъ острововъ и протестантовъ—не могъ внушать уваженія къ нимъ: интригуя другъ противъ друга и проповѣдуя даже насилія противъ жрецовъ и служителей туземныхъ религій, они не давали примѣра религіозной терпимости и христіанскаго смиренія. Недовѣріе японцевъ къ европейцамъ особенно возрасло, когда, по почину португальскихъ купцовъ, заведена была работорговля **), которая вскорѣ приняла обширные размѣры: японцы стали тысячами вывозиться для продажи въ Макао, Китай, на Филиппинскіе острова.

Въ это время фактическимъ правителемъ страны, въ качествѣ регента при малолѣтнемъ императорѣ, сдѣлался даймій Хидеіоси, о которомъ мы уже говорили выше. Страдая, при всѣхъ своихъ выдающихся достоинствахъ, безпредѣльнымъ тщеславіемъ, онъ жаждалъ божескихъ почестей и уже началъ осуществлять планъ постройки великолѣпныхъ храмовъ въ Кіото, гдѣ его должны были чествовать, какъ „новаго бога войны“. Понимая, что христіанское ученіе не могло оправдывать такого апоѳеоза, Хидеіоси вообще не дружелюбно относился къ миссіонерамъ, раздраженіе противъ которыхъ пересталъ, наконецъ, сдерживать, когда въ 1587 году до ушей его дошелъ разсказъ о хвастливой угрозѣ

*) Things Japanese, by B. H. Chamberlain, стр. 321.

**) Фактъ развитія работорговли въ Японіи сдѣлался возможнымъ вслѣдствіе нищеты, въ которую впалъ японскій народъ въ результатѣ непрерывныхъ внутреннихъ смутъ, потрясавшихъ государство въ теченіе многихъ вѣковъ.

одного испанскаго лоцмана *). Разгнѣванный правитель издалъ тогда указъ объ изгнаніи изъ страны всѣхъ иностранныхъ проповѣдниковъ и о запрещеніи его подданнымъ исповѣдывать христіанство. Въ этомъ указѣ миссіонеры обвинялись въ подстрекательствахъ японскихъ христіанъ къ разрушенію туземныхъ храмовъ и избіенію жрецовъ, въ употребленіи въ пищу мяса полезныхъ для человѣка домашнихъ животныхъ и въ активномъ сочувствіи работорговлѣ японскими подданными... Въ результатѣ въ Нагасаки было распято шесть францисканцевъ и около 20 туземныхъ христіанъ.

Однако, въ общемъ, указы Хидеіоси исполнялись отнюдь не во всей строгости и не повсемѣстно, такъ какъ авторитетъ его чтился не одинаково въ различныхъ провинціяхъ имперіи; кромѣ того, въ числѣ христіанъ ея были и могущественные феодалы и талантливые полководцы, ссору съ которыми Хидеіоси не считалъ для себя выгодной. Благодаря этому, христіанство въ Японіи, не смотря на мѣстныя и временныя затрудненія, продолжало распространяться, такъ что въ началѣ XVII столѣтія христіанъ тамъ насчитывалось уже около милліона. Но за то въ первые же годы названнаго столѣтія для проповѣдниковъ и послѣдователей христіанской религіи наступили въ этой странѣ черные дни, продолжавшіеся до самой эры мейдзи.

Послѣ смерти Хидеіоси мѣсто его въ государствѣ занялъ Іеясу, который въ началѣ своего правленія старался пріобрѣсти расположеніе къ себѣ христіанъ, такъ какъ они составляли главную силу въ рядахъ возвратившейся тогда изъ похода въ Корею арміи. Но, несмотря на то, во время борьбы Іеясу за обладаніе властью, христіане стали на сторону его противниковъ и тѣмъ навлекли на себя большія бѣдствія: въ битвѣ съ приверженцами Іеясу они потерпѣли жестокое пораженіе; талантливый полководецъ ихъ Конниши Курода былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ, такъ же какъ и многіе другіе вожди христіанъ. Противъ послѣднихъ начались затѣмъ суровыя гоненія, не прекратившіяся и послѣ смерти Іеясу (1615 г.), который, упрочивъ власть за своимъ потомствомъ, завѣщалъ сыну „искоренить христіанство“. И онъ

*) „Наши короли“,—будто бы говорилъ лоцманъ,—„начинаютъ посылкой въ страны, которыя они хотятъ завоевать, священниковъ для внушенія населенію нашей религіи, а когда это подготовитъ успѣхъ, то посылаютъ войска, соединяющіяся съ новыми христіанами, и тогда уже безъ труда довершаютъ остальное“.—Чамберлэнъ высказываетъ мнѣніе, что это неосторожное замѣчаніе имѣло основаніе: „Правители Испаніи и Португаліи, какъ мы хорошо знаемъ изъ ихъ дѣяній въ другихъ частяхъ земного шара, были отнюдь не безпорочными въ своихъ сношеніяхъ съ туземными расами. Исторія повторяется, — и поведеніе европейцевъ по отношенію къ Китаю въ наши дни представляетъ совершенно такую же смѣсь истиннаго благочестія со стороны миссіонеровъ и безцеремонной притязательности со стороны пославшихъ ихъ странъ“ (Things Japanese, стр. 322).

и особенно внукъ Іеясу, Туемицъ, слѣдовали этому завѣту съ неослабной жестокостью: иностранцы высылались изъ предѣловъ Японіи съ угрозой распятія ихъ на крестѣ въ случаѣ возвращенія; отъ христіанъ-туземцевъ требовалось отреченіе отъ принятой ими вѣры, и тѣ, которые сопротивлялись, подвергались жестокимъ мученіямъ; ихъ жгли, распинали, распиливали на части. По повелѣнію Туемица въ одинъ день было убито до 37 тысячъ упорствовавшихъ.

Дольше всѣхъ христіанство (почти исключительно католицизмъ) держалось на сѣверо-западѣ острова Кіу Сіу, гдѣ христіане взялись даже за оружіе, укрывшись въ замкѣ Симабара, на берегу Арима. Но послѣ трехмѣсячной осады замокъ этотъ былъ взятъ, и его защитники перебиты. Около того же времени и послѣдніе католики въ Нагасаки были сброшены въ море со скалы, называемой съ тѣхъ поръ европейцами „Паппенбергъ". Эдикты о принятіи противъ христіанъ подобныхъ жестокихъ мѣръ оставались въ силѣ въ теченіе послѣдующихъ двухъ столѣтій *).

Только въ 1858 году, по подписаніи Японіей трактата съ Америкой, христіанскіе миссіонеры опять вошли въ Японію. Первыми изъ нихъ были тѣ католическіе монахи, которые за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1846 году, основались на Ліукійскихъ островахъ. Въ 1859 году прибыли въ Нагасаки и протестантскіе, а въ 1861 году также и православные миссіонеры. Въ 1865 году было обнаружено въ окрестностяхъ Нагасаки нѣсколько таившихся до тѣхъ поръ христіанскихъ общинъ, которыя пережили разрушеніе церкви ихъ предшественниковъ, уничтоженной около двухъ столѣтій назадъ. Онѣ знали нѣсколько христіанскихъ молитвъ, передававшихся изъ поколѣнія въ поколѣніе устно, такъ же какъ сохранили обрядъ христіанскаго богослуженія и нѣсколько книгъ. Въ 1867—70 году, т. е. въ эпоху, когда синто былъ провозглашенъ единственной законной государственною религіей, тѣ члены упомянутыхъ общинъ, которые отказались отречься отъ христіанской вѣры, были разселены изъ своихъ родныхъ деревень по различнымъ провинціямъ монархіи, гдѣ и содержались въ качествѣ плѣнныхъ дайміевъ. Только въ 1873 году имъ была возвращена, наконецъ, свобода.

Удивительна судьба христіанства въ Японіи за послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ, говоритъ Чамберлэнъ. Еще въ 1870 году для японца было пагубнымъ исповѣдывать ученіе Христа. Старое воззваніе правительства къ народу, которое съ 1638 года объявило послѣдователей Іисуса „развратною сектой", еще въ 1873 году красовалось на доскахъ объявленій во всѣхъ мѣстахъ, посѣщавшихся толпой. Нынѣ же правительство открыто переноситъ по-

---

*) Образчики крестовъ, употреблявшихся для распятія христіанъ, и до сихъ поръ сохраняются въ Уенскомъ музеѣ въ Токіо.

стройку христіанскихъ церквей и публичное совершеніе христіанскихъ обрядовъ, согласно статьѣ XXVIII-й конституціи 1889 года, которая гласитъ, что „японскіе подданные будутъ наслаждаться свободой религіознаго исповѣданія въ предѣлахъ, не угрожающихъ сохраненію мира и порядка и не противорѣчащихъ исполненію ими обязанностей, какъ гражданъ государства“.

Изъ статистическихъ данныхъ о результатахъ современной намъ дѣятельности христіанскихъ миссіонеровъ въ Японіи узнаемъ, что къ 1 января 1903 года въ этой странѣ числилось всего около 134,000 христіанъ, а именно:

Протестантовъ	50,855
Романо-католиковъ	55,824
Православныхъ	27,245 *).

Признавая, что это число само по себѣ отнюдь не свидѣтельствуетъ о процвѣтаніи въ настоящее время христіанства въ Японіи насчитывающей до 47.000,000 жителей, миссіонеръ Crosby Green— издатель интереснаго труда „О христіанскомъ движеніи по отношенію его къ жизни новой Японіи“, изъ котораго и заимствованы эти данныя, въ то же время говоритъ, что въ это число вошли только тѣ японцы, которые, исповѣдуя ученіе Іисуса, вмѣстѣ съ тѣмъ въ точности подчиняются всѣмъ требованіямъ христіанской церкви. „Въ сущности же численность христіанъ, понимая подъ этимъ терминомъ ту часть населенія, которая относится сочувственно и даже чутко къ различнымъ отраслямъ дѣятельности христіанской церкви, можно считать не менѣе 300,000 человѣкъ. Наконецъ, если классифицировать все населеніе Японіи по религіознымъ исповѣданіямъ, давая термину „христіанинъ“ такое же широкое толкованіе, какое дается терминамъ „синтоистъ, буддистъ, конфуціанистъ“, то придется признать, что число христіанъ доходитъ до 500,000 человѣкъ, т. е. немного болѣе одного процента населенія страны“ **).

Та же мысль высказывается и многими другими изслѣдователями жизни современной Японіи,—не только миссіонерами, но и лицами, которыя не смотрятъ на вліяніе христіанской проповѣди такъ оптимистически, какъ активные ея дѣятель.

Весьма рельефную картину современнаго положенія христіан-

---

*) Православная русская церковь имѣетъ миссіи въ Японіи съ 1862 года; во главѣ ея стоитъ популярный въ Токіо епископъ Николай, и она обслуживается 27-ю туземными священниками и діаконами. Съ 1891 г. въ Токіо открытъ для богослуженія русскій православный соборъ, внушительное зданіе котораго, построенное на высокомъ холмѣ, доминируетъ надъ всѣмъ городомъ.

**) „The Christian Movement in its relation to the new life in Japan“ published for the Standing committee of cooperating christian missions. Yokahama, 1903; стр. IV.

ства въ Японіи и значенія его въ жизни японскаго общества находимъ въ трудѣ Алисы Беконъ „Женщина въ Японіи" *), гдѣ, между прочимъ, читаемъ:

„Послѣднія десять лѣтъ (т. е. съ 1893 по 1903 г.) не могутъ назваться удачными для дѣятельности миссіонеровъ въ Японіи во многихъ отношеніяхъ, и нерѣдко приходится слышать отъ менѣе бодрыхъ изъ нихъ, что ихъ работа въ теченіе этого времени была въ застоѣ, если даже не шла назадъ. Правда, статистика дѣятельности миссіонеровъ показываетъ постоянный, хотя и медленный, ростъ обращенныхъ въ христіанство; но всетаки, если сумма всѣхъ результатовъ усилій миссіонеровъ должна выражаться числомъ обращенныхъ, представляется сомнительнымъ, не было ли бы болѣе цѣлесообразнымъ обратить денежныя затраты, произведенныя на содержаніе христіанскихъ миссій въ Японіи, на какія-либо другія цѣли". Но вліяніе христіанъ въ этой странѣ не пропорціонально числу ихъ, а гораздо значительнѣе: „Христіане работаютъ въ парламентѣ, въ арміи и флотѣ, въ университетахъ и школахъ, въ редакціяхъ изданій въ числѣ, значительно превышающемъ названное отношеніе, по сравненію съ общимъ числомъ служащихъ въ этихъ учрежденіяхъ, оказывая свое вліяніе многими путями на поднятіе народа до высшихъ нравственныхъ идеаловъ. Относительное число христіанъ,—мужчинъ и женщинъ,—въ правительственныхъ школахъ, съ которыми моя дѣятельность была связана,—говоритъ А. Беконъ — просто удивительно. Въ высшей нормальной школѣ, подготовляющей молодыхъ дѣвушекъ на должности учительницъ во всей странѣ, процентъ христіанъ въ учительскомъ составѣ поразителенъ; и въ школѣ для дочерей дворянъ,—которую надо считать консервативнымъ и недружелюбнымъ по отношенію къ иностранцамъ учрежденіемъ,—среди тридцати пяти учителей насчитывается пять христіанъ. Если, съ одной стороны, японскіе христіане не являются образцами всѣхъ добродѣтелей, такъ какъ у многихъ изъ нихъ есть наклонность приспособлять христіанское ученіе съ значительными компромиссами къ требованіямъ свѣтской мудрости, то, съ другой стороны, несомнѣнно, что наиболѣе энергичные труженики въ дѣлѣ филантропіи суть лица, принявшія христіанскую вѣру и борющіяся со всею горячностью за проведеніе въ жизнь принциповъ, преподанныхъ Великимъ Учителемъ. Современная христіанская церковь въ Японіи имѣетъ своихъ героевъ и своихъ отступниковъ, и между этими двумя крайностями она имѣетъ также ряды обыкновенныхъ мужчинъ и женщинъ, которые посреди частыхъ неудачъ и многихъ искуше-

*) „Japanese Girls and Women", by Alice Mabel Beacon.—Boston and New-Iork. 1903. См. также русскій переводъ этой книги „Алиса Беконъ.—Женщина въ Японіи". Изданіе О. Н. Поповой. Спб. 1904.

ній обращаются къ имени Христа и слѣдуютъ завѣту Его жизни, возвышаясь морально надъ своими соотечественниками. Въ значительной мѣрѣ благодаря имъ, значеніе христіанства поднимается въ общественномъ мнѣніи японцевъ не христіанъ. Даже тѣ современные японцы, которые не имѣютъ особенной склонности къ христіанству, укоризненно покачиваютъ головой при проявленіяхъ въ обществѣ такихъ пороковъ, какіе еще немного лѣтъ назадъ не считались бы ими зломъ. Много толкуютъ о ростѣ растлѣнія нравовъ въ этой странѣ; но, въ дѣйствительности, идеалъ добродѣтели никогда не былъ такъ высокъ со времени открытія доступа иностранцевъ въ Японію, какъ онъ стоитъ теперь: только христіанскій образъ мышленія далъ для нехристіанскаго общества зеркало, въ которомъ оно слишкомъ ясно видитъ свои недостатки. По моему мнѣнію, нѣтъ бóльшаго грѣха въ наше время, чѣмъ упрекъ въ пониженіи, будто бы подъ вліяніемъ бѣлой расы, нравственности въ современной Японіи. Когда посмотришь на постоянно возрастающее уваженіе тамъ къ честности и силѣ характера христіанъ—мужчинъ и женщинъ,—то нельзя не понять, что христіанство оказало уже и нынѣ большое и прочное вліяніе. Теперь банки, промышленныя предпріятія и другія учрежденія, требующія надежныхъ служащихъ, предпочитаютъ, при остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ, молодыхъ людей христіанъ, такъ какъ всѣмъ извѣстно, что они болѣе достойны довѣрія, чѣмъ большинство нехристіанъ, ищущихъ такихъ мѣстъ“. Какъ иллюстрацію возрастающаго нравственнаго вліянія христіанъ въ Японіи, Алиса Беконъ приводитъ краткую исторію начавшейся около пятнадцати лѣтъ назадъ и продолжающейся и нынѣ съ большимъ успѣхомъ борьбы ихъ противъ проституціи и вообще безнравственной эксплуатаціи молодыхъ дѣвушекъ содержателями различныхъ непочтенныхъ учрежденій *).

„Мнѣ кажется до нѣкоторой степени поразительнымъ“, говоритъ далѣе Алиса Беконъ, „что въ 1900 г. въ Японіи было продано 50,000 экземпляровъ библіи—болѣе, чѣмъ всякой другой книги. Хотя настоящій переводъ далекъ отъ совершенства, и многое въ немъ непонятно среднему японцу безъ прямыхъ или косвенныхъ поясненій миссіонеровъ, тѣмъ не менѣе спросъ на эту книгу имѣется, благодаря репутаціи, которую она пріобрѣла въ странѣ. Лишь немногіе миссіонеры въ Японіи не могли бы разсказать объ обращавшихся къ нимъ жителяхъ деревень, которые, прочтя библію, попавшую къ нимъ въ руки тѣмъ или другимъ образомъ, были поражены красотой и благородствомъ

*) Борьба эта подробно описана въ статьѣ моей „Женскій вопросъ въ Японіи“, напечатанной въ іюньской и іюльской книжкахъ журнала „Міръ Божій“ за 1904 годъ.

мыслей, доступныхъ ихъ пониманію, и искали поясненій на возникшіе у нихъ вопросы по поводу мѣстъ, не вполнѣ понятыхъ ими, у учителей или священниковъ".

У различныхъ авторовъ, писавшихъ о религіи въ Японіи, мы найдемъ мнѣнія о томъ, что дѣятельность миссіонеровъ имѣла бы тамъ большій успѣхъ, если бы поддерживалась примѣромъ болѣе достойной жизни христіанскихъ резидентовъ въ этой странѣ. Но намъ кажется, что если въ этихъ мнѣніяхъ и есть доля правды, то гораздо большаго вниманія заслуживаетъ увѣренность Чамберлэна въ томъ, что „дѣлу миссіонеровъ мѣшаетъ безнравственная политика (такъ называемыхъ) христіанскихъ націй. Когда Англія и другія европейскія государства вступаютъ между собой въ дружескій союзъ для рѣзни въ Китаѣ, который никогда не дѣлалъ имъ никакого вреда; когда Франція и Германія, антиклерикальныя у себя на родинѣ, горячо поднимаются за каждаго оскорбленнаго священника или за каждый разгромленный миссіонерскій домъ для того, чтобы извлечь при этомъ какую-либо коммерческую выгоду или урвать для себя частицу чужой территоріи, то что долженъ думать туземецъ Дальняго Востока? Онъ думаетъ въ точности то же, что должны были бы думать и мы сами mutatis mutandis; онъ думаетъ и думаетъ вѣрно, что наши религіозныя проповѣди только плащъ для прикрытія грубой жадности. Японцы, будучи довольно сильными для самозащиты, можетъ быть, чувствуютъ эту ложь менѣе, чѣмъ другіе жители Востока, но они всетаки чувствуютъ ее, какъ свидѣтельствуетъ о томъ ихъ пресса, въ которой встрѣчаются отъ времени до времени статьи на эту тему. Они понимаютъ, что матеріальныя побужденія и духовное вліяніе не могутъ идти въ одной упряжи и что то, что́ характерно называютъ *политикой евангелія и канонерки*, полно противорѣчій по существу. Они понимаютъ, повидимому, что если миссіонерамъ суждено быть признанными за апостоловъ, то это можетъ случиться тогда только, когда они, подобно апостоламъ, отдѣлятъ свое личное положеніе отъ всякой надежды на чужеземное вмѣшательство. Натурализація миссіонеровъ въ странѣ ихъ трудовъ, ихъ полное подчиненіе туземнымъ законамъ и отреченіе отъ всякаго дипломатическаго вмѣшательства въ ихъ пользу сейчасъ же безконечно усилило бы ихъ вліяніе. Но, безъ сомнѣнія, такой шагъ не встрѣтилъ бы сочувствія со стороны отечественныхъ политиковъ на родинѣ миссіонеровъ,—политиковъ, для которыхъ единственная выгода миссіонерства и состоитъ въ томъ, что оно можетъ открыть дорогу для осуществленія политическихъ притязаній *).

Не смотря, однако, на такое сознаніе нелогичности дѣйствій

*) Things Japanese, стр. 331.

христіанскихъ государствъ, японцы, по словамъ Чамберлэна, не только не закрываютъ для христіанства дверей въ свою страну, но, напротивъ, весьма возможно, что обратятся къ нему, сознавая преимущество этой религіи передъ религіями Востока. „Сдѣлать всѣхъ японцевъ христіанами по эдикту въ одно прекрасное утро можетъ не быть въ программѣ государственнаго дѣятеля Японіи въ настоящій моментъ; но что нѣчто въ этомъ родѣ должно случиться до конца столѣтія, то это кажется гораздо менѣе невѣроятнымъ, чѣмъ многія вещи, которыя въ дѣйствительности случились въ этой странѣ осуществленныхъ невѣроятностей“. Однако, при этомъ японское правительство „пожелаетъ японизировать христіанство по существу и, кажется, склонно выбросить за бортъ даже тотъ минимумъ догмъ, на которомъ протестантскіе миссіонеры считаютъ себя обязанными настаивать“ *).

Ту же интересную мысль высказываетъ и Arthur Diosy въ его послѣднемъ сочиненіи „New Far East“. Предсказывая большую будущность Японіи, онъ считаетъ болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ, что она скоро приметъ христіанство, но что это будетъ христіанство японскаго образца **).

IV.

О степени религіозности японцевъ.

Недостатокъ религіозности въ интеллигентномъ классѣ населенія.—Объясненіе этого факта.—Проявленія глубокой религіозности низшихъ классовъ населенія: въ семейномъ обиходѣ; въ щедрыхъ пожертвованіяхъ на храмы; въ распространенности пилигримства; въ характерѣ молитвы въ храмахъ.

Большинство западныхъ писателей, касаясь вопроса о религіи въ Японіи, считаютъ японцевъ народомъ не религіознымъ; и они объясняютъ это тѣмъ, что въ теченіе почти трехсотъ лѣтъ, непосредственно предшествующихъ эрѣ мейдзи, вся интеллигентная часть населенія Японіи жила конфуціанствомъ. Ученіе же это, какъ извѣстно, занималось только вопросами этики и политики и совершенно не касалось вопросовъ метафизическихъ, какъ и вообще всего, что не можетъ быть объяснено человѣческимъ разумомъ, а усваивается только вѣрой. Тѣмъ же наслѣдствомъ идей Конфуція объясняется упомянутыми писателями и тотъ фактъ, что съ развитіемъ въ настоящую эру въ Японіи сношеній ея съ

*) Ibidem, стр. 330.

**) „Японія никогда не причислится къ церкви, глава членовъ которой возсѣдаетъ на тронѣ въ Римѣ... Епископъ Николай никогда не внушитъ большинству японцевъ принятія вѣроисповѣданія, верховный глава котораго есть Царь... Не вступитъ также Японія въ союзъ съ церковью, управленіе которою сосредоточивается въ Кантербэри“ (Impressions of Japan, by Geo H. Rittner. London. 1904, стр. 186).

Западомъ, передовые дѣятели этой страны усвоили прежде всего отрицательное отношеніе къ религіи.

Мнѣніе о нерелигіозности японцевъ подкрѣпляется часто ссылками на убѣжденія такихъ вліятельныхъ и типичныхъ представителей новаго направленія въ Японіи, каковы извѣстный прогрессистъ и педагогъ Фукузава, бывшій президентъ токійскаго университета, а позднѣе японскій министръ народнаго просвѣщенія, Хироуко Като и столь популярный государственный дѣятель маркизъ Ито. Такъ первый изъ нихъ въ одной изъ статей своихъ писалъ:

„Само собой ясно, это для обезпеченія мира и безопасности въ обществѣ религія нужна; и для этой цѣли всякая религія хороша. Что же касается меня лично, то я не религіозенъ по природѣ и никогда не вѣрилъ ни въ какую религію. Я такимъ образомъ подвергаю себя обвиненію, что совѣтую другимъ быть религіозными, когда не религіозенъ самъ. Тѣмъ не менѣе, моя совѣсть не позволяетъ мнѣ одѣваться въ плащъ религіи, когда я не имѣю ея въ сердцѣ своемъ... Есть нѣсколько видовъ религій—буддизмъ, христіанство и мало ли еще что. Но съ моей точки зрѣнія онѣ отличаются другъ отъ друга не болѣе, чѣмъ зеленый чай отличается отъ чернаго чая“ *).

Като утверждаетъ, что „религія внушается только страхомъ“; о маркизѣ Ито разсказываютъ будто однажды онъ сказалъ: „Я считаю, что религія совсѣмъ не необходима для жизни государства. Наука гораздо выше суевѣрій, а что такое религія—буддизмъ ли или христіанство—какъ не суевѣріе и, слѣдовательно, источникъ слабости государства? Я не боюсь стремленія къ свободомыслію и атеизму, которое почти универсально въ Японіи, потому что не смотрю на него, какъ на источникъ опасности для общества“ **).

Неизбѣжнымъ, однако, является вопросъ, имѣемъ ли мы право, на основаніи цитированныхъ сейчасъ и подобныхъ имъ разсужденій „вождей мысли“ интеллигентной части населенія Японіи, заключать, что нерелигіозность присуща и народнымъ массамъ ея? Не разъ упоминавшійся въ нашемъ трудѣ американскій миссіонеръ Гуликъ, хорошо изучившій религіозную жизнь Японіи, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно.

Допуская, что, въ общемъ, *интеллигентный классъ* въ современной Японіи проявляетъ нынѣ меньшее уваженіе къ формамъ религіи, чѣмъ это имѣетъ мѣсто въ западныхъ странахъ, онъ объясняетъ ***) этотъ фактъ временными историческими обстоятельствами. Жизнь современной Японіи сильно потрясена

*) Things Japanese; by B. H. Chamberlain; стр. 404.
**) Evolution of the Japanese; by S. Gulick; стр. 228.
***) Evolution of the Japanese; Chapt, XXV, стр. 286—295.

ворвавшимся въ нее внезапно широкимъ потокомъ новыхъ для нея знаній; а такой потокъ всегда сначала дискредитируетъ старыя формы религіозныхъ выраженій... Такъ бывало даже и съ христіанствомъ, тѣмъ болѣе сурово должна была пострадать въ рукахъ точнаго современнаго знанія синто-буддійская религія Японіи, погруженная въ политеистическій символизмъ. Для образованнаго меньшинства неизбѣжна поэтому реакція къ глубокому скептицизму. Такъ было и въ западныхъ странахъ. Но считать и народныя массы Японіи чуждыми религіознаго чувства было бы совсѣмъ ошибочно. Наоборотъ, японцы чрезвычайно набожны. „Никакая другая нація—говоритъ Гуликъ—не имѣла и не имѣетъ такъ много боговъ, какъ Японія, которую поэтому иногда и называютъ *страною боговъ*. Ея храмы и алтари безчисленны; они обслуживаются обильнымъ штатомъ священниковъ и посѣщаются огромными толпами молящихся... А молитва, какъ бы безсмысленна она ни была, есть доказательство религіознаго чувства того, кто произноситъ ее по собственному побужденію“.

Въ каждомъ японскомъ домѣ имѣются *бутсуданъ*, т. е. полка Будды, и *камиданъ*, т. е. полка боговъ *); первая—у буддистовъ, а вторая—у синтоистовъ. Чаще всего въ домѣ находятся обѣ полки, и тогда таблицы поминанія предковъ помѣщаются на *бутсуданъ*; въ противномъ же случаѣ онѣ помѣщаются на *камиданъ*. Послѣдняя такъ же, какъ и всѣ вещественныя выраженія синтоистической религіи, весьма проста; бутсуданъ же обыкновенно изященъ и красивъ. Возлѣ этихъ полокъ сосредоточивается весь, такъ сказать, семейно-религіозный культъ японца, соблюденіе всѣхъ требованій котораго возлагается, главнымъ образомъ, на мать семейства. И надо видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ относится она къ этимъ молчаливымъ представителямъ божественныхъ существъ и умершихъ предковъ и дѣтей! „Я не колеблясь скажу даже,—замѣчаетъ цитируемый авторъ,—что, поскольку можно судить по этимъ внѣшнимъ выраженіямъ религіозныхъ чувствъ, надо заключить, что средняя семья въ Японіи гораздо болѣе религіозна, чѣмъ такая же семья въ просвѣщенной Англіи и Америкѣ“. Нѣкоторые писатели считаютъ, что оказаніе почета полкамъ боговъ и предковъ является нынѣ только пустою формой, механически унаслѣдованнымъ отъ прежнихъ вѣковъ обычаемъ безъ всякаго зародыша мысли или вѣры. Дѣйствительно, религіозные обычаи, какъ и всякіе другіе, могутъ переживать вѣрованія и терять свое внутреннее значеніе; но въ такомъ случаѣ они теряютъ его быстро; а если даже и оставляютъ иногда продолжительный слѣдъ, то такой слабый, что лишь внимательные изслѣдователи

---

*) Данъ—значитъ полка; Бутсу—Будда; Ками—собирательное имя синтоистическихъ божествъ.

могутъ открыть его и распознать по немъ первоначальную природу и цѣль обычая. Отношеніе же японцевъ къ бутсудану и камидану отнюдь не похоже на подобный, уже лишенный значенія, обычай, и средняя японская семья считала бы себя глубоко оскорбленной именно въ религіозныхъ своихъ чувствахъ, если бы кто-либо подумалъ отнять у нея эти полки или даже сколько-нибудь непочтительно отнестись къ нимъ.

Во всѣхъ частяхъ Японіи можно видѣть храмы огромныхъ размѣровъ, часто выдерживающіе не неблагопріятное сравненіе съ соборами Европы по отношенію къ стоимости сооруженія, несмотря на то, что основной матеріалъ зданія—дерево. Огромные бронзовые колокола при такихъ храмахъ, колоссальныя статуи Будды, и хотя и менѣе крупныя, но нерѣдко всетаки дорогія, статуи другихъ святыхъ въ японскихъ храмахъ многочисленны и свидѣтельствуютъ о щедромъ расточеніи богатствъ на внѣшнее выраженіе религіознаго культа. Дѣйствительно, число храмовъ и алтарей въ странѣ поразительно: согласно правительственной статистикѣ, въ 1898 году буддійскихъ храмовъ и моленъ насчитывалось 110,006, а синтоистскихъ храмовъ и алтарей, попавшихъ въ оффиціальную запись, оказалось 191,906 *)... И у каждаго сколько-нибудь замѣчательнаго храма непремѣнно можно видѣть выставленныя близь главнаго входа таблицы, на которыхъ написаны суммы, иногда весьма значительныя, пожертвованныя для постройки или ремонта храма вѣрующими. Чамберлэнъ говоритъ, что въ одномъ 1900 году только въ шести провинціяхъ на храмъ Ниси-Хонгванжи было пожертвовано почти исключительно крестьянами и ремесленниками не менѣе 1.200,000 іенъ. Принимая въ соображеніе бѣдность населенія, фактъ этотъ нельзя не признать поразительнымъ свидѣтельствомъ реальности религіознаго рвенія; и невѣроятно, чтобы оно покоилось всецѣло на формѣ и безсознательныхъ обрядахъ.

Интересно замѣтить, что самый большой и одинъ изъ самыхъ роскошныхъ и красивыхъ храмовъ въ странѣ, Хигаши-хон-гванжи въ Кіото, принадлежащій буддійской сектѣ хон-гванжи, построенъ всего лишь десять лѣтъ назадъ. При сооруженіи его вѣрующіе жертвовали не только деньги и трудъ, но даже свои волосы, при чемъ молодыя женщины отрѣзывали свои роскошныя черныя косы на канаты для подъема на мѣсто балокъ зданія. Г-жа Черевкова, посѣтившая этотъ храмъ въ 1888 году, когда онъ еще строился, получила отъ надзирателей за работами печатный рисунокъ храма и небольшой листокъ, гдѣ на японскомъ и англійскомъ языкахъ было напечатано слѣдующее интересное сообщеніе **):

---

*) Н. Д. Богуславскій. Японія. Изданіе 2-е. С.-Петербургъ. 1904.

**) А. А. Черевкова. Очерки современной Японіи. 2-е изданіе. С.-Петербургъ. 1903.

„Въ 13-й годъ мейдзи (1888 года), когда начались работы по возобновленію храма Восточнаго Хонгванжи въ Кіото, многіе благочестивые міряне страны (мужчины и женщины) рѣшили пожертвовать въ главный храмъ толстые канаты для того, чтобы они могли быть употреблены при храмовыхъ работахъ. Число всѣхъ такихъ канатовъ равнялось 53. Двадцать девять изъ нихъ, хотя они были такъ же крѣпки, какъ и прочіе, пришли уже въ негодность отъ частаго употребленія. Ихъ длина, вѣсъ и прочее неизвѣстны теперь. Но относительно 24 другихъ, цѣлыхъ еще, канатовъ мы имѣемъ точныя цифры ихъ измѣреній. На память потомству мы представляемъ нижеслѣдующій списокъ мѣстностей, пожертвовавшихъ 53 каната, а также таблицу длины, вѣса и окружности 24 существующихъ еще канатовъ.

„7-й мѣсяцъ 22-го года мейдзи (1888 г.).

„Правленіе работъ по возобновленію храма Восточнаго Хонгванжи".

Длина вышеупомянутыхъ 24-хъ канатовъ, вмѣстѣ взятыхъ, равнялась 650 саженямъ, а вѣсъ—почти 300 пудамъ.

Доказательствомъ религіозности японскаго народа можетъ служить и широко распространенный обычай странствованія къ знаменитымъ храмамъ и восхожденія на священные горные пики... И внимательный изслѣдователь жизни Японіи не можетъ не поразиться безконечными толпами пилигримовъ, которыхъ ему приходится встрѣчать въ странѣ. Богомольцы, стекающіеся къ большому алтарю въ Кицуки у Ицумо, исчисляются приблизительно въ 250,000 человѣкъ ежегодно; число ежегодныхъ посѣтителей синтоистическихъ алтарей въ Изе доходитъ до полумилліона; а число пилигримовъ, приходящихъ къ храмамъ Компира въ Сикоку, просто невѣроятно велико: согласно подсчету, сдѣланному въ первой половинѣ 1898 г., въ среднемъ за шесть мѣсяцевъ оно составляло 2,500 человѣкъ въ день, что даетъ почти 900,000 въ годъ! На священную гору Фузи каждое лѣто восходитъ до 10,000 пилигримовъ, при чемъ большинство ихъ ѣдятъ въ теченіе этого восхожденія мало, обыкновенно не заходятъ въ расположенные на пути привалы и питаются только скудною провизіей, которую несутъ съ собой, при этомъ отдыхаютъ весьма мало. Восхожденіе на священныя горы считается вообще испытаніемъ чистоты и искренности вѣры: если пилигриму не удастся достигнуть вершины, то онъ думаетъ, что недостаточно замолилъ грѣхъ свой и что боги неблагосклонны къ нему. Тѣ же, которымъ удается совершать молитвы на вершинахъ горъ, увѣрены, что боги услышатъ ихъ. Несомнѣнно, что пилигримство сопряжено съ большими суевѣріями, но фактъ вѣры въ то, что бытіе, какъ въ этомъ, такъ и въ будущемъ мірѣ, существенно улучшается странствованіями и поклоненіями богамъ, неоспоримо указываетъ на сильное религіозное чувство.

„Безъ сомнѣнія, многія черты характера, приписываемыя

японцамъ случайнымъ наблюдателемъ или недоброжелательнымъ критикомъ, объясняются недостатками способности его читать между строками. Японецъ привыкъ воздерживаться отъ внѣшняго выраженія своихъ душевныхъ ощущеній вообще. Иногда мучимый горемъ о потерѣ отца или сына, онъ будетъ отвѣчать на вопросы о ней съ улыбкой... Японская улыбка не разъ вовлекала степеннаго иностранца во много ошибокъ при истолкованіи индивидуальнаго и расоваго характера японца. Особенно часто случались такія ошибки въ заключеніяхъ о религіозности японцевъ" *). Однако, если внимательный наблюдатель будетъ имѣть случай войти въ интимныя сношенія съ народомъ, то, мало по малу, онъ освободится отъ своего заблужденія.

„Посмотрите на эту мать,—говоритъ Гуликъ,—ведущую своего больного ребенка къ изображенію *Бинзуру* **)—бога лѣченія и учащую его потереть лицо и глаза идола своею рученкой и затѣмъ приложить послѣднюю къ своимъ глазамъ и лицу; наблюдайте за этимъ прокаженнымъ, молящимся милосердной богинѣ — многорукой *Кваннонъ* ***) объ излѣченіи его недуга; слушайте этотъ жалобный стонъ цѣлаго десятка жертвъ хитрости *лисицы*****) молящихся объ освобожденіи ихъ отъ обидчицы; посмотрите на эту дѣвушку, которая, вся въ слезахъ, совершаетъ сто обходовъ кругомъ храма, молясь о ниспосланіи благословенія на нее или на кого-либо изъ любимыхъ ею существъ; посмотрите на

---

*) Evolution of the Japanese; by S. Gulick, стр. 308.

**) *Бинзуру*, бывшій сначала однимъ изъ шестнадцати ближайшихъ къ Буддѣ боговъ, былъ затѣмъ изгнанъ изъ числа ихъ за нарушеніе обѣта цѣломудрія въ увлеченіи красотою женщины, вслѣдствіе чего изображеніе его помѣщается внѣ святилища храма. Для смягченія наказанія Будда надѣлилъ его даромъ исцѣлять всѣ людскія болѣзни. Человѣкъ, у котораго болитъ какая-нибудь часть тѣла, долженъ прикоснуться ладонью къ той же части изображенія Бинзуру, а затѣмъ потереть ею больное мѣсто своего тѣла.. Немудрено поэтому, что изображеніе этого божества всегда истерто; черты лица, напримѣръ, иногда совершенно сглажены, такъ что голова дѣлается похожей на отполированный шаръ. Geo H. Rittner, въ своемъ трудѣ „Impressions of Japan", говоритъ, что самъ былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ согбенный отъ нервнаго пораженія больной совершенно выпрямился, прикоснувшись къ Бинзуру. „Такова сила суевѣрія, дѣлающая чудеса вѣры", замѣчаетъ онъ и прибавляетъ: „Чѣмъ эта форма суевѣрія отличается отъ той, которую мы знаемъ въ Лурдѣ или на подъемѣ Санта Скала въ Римѣ?"

***) *Кванонкъ*—богиня милосердія, которая внимаетъ молитвамъ обездоленныхъ. Такъ называемая тысячерукая Кваннонъ изображается съ сорока руками, которыя держатъ нѣсколько буддійскихъ эмблемъ, какъ, напр., цвѣтокъ лотоса, колесо закона, солнце и луну, черепъ и топоръ—эмблему „отдѣленія" (отреченія) отъ всѣхъ мірскихъ заботъ.

****) Бѣлая лисица (*Инари*)—помощница *Укемотси*—богини-покровительницы рисовыхъ плантацій; ея обязанность отгонять отъ полей мышей, крысъ и другихъ вредныхъ для земледѣльца животныхъ. Инари очень хитра, и если не взлюбитъ кого-либо изъ земледѣльцевъ, то сумѣетъ насолить ему; и надо много молиться ей, чтобы умилостивить ее, и въ то же время надо просить Укемотси „обуздать ее".

этого купца, торжественно совершающаго молитвы передъ богомъ моря, принося ему рисъ и вино... И вдумавшись въ эти и подобныя имъ сцены, вы уже не будете говорить, что нерелигіозность отличительная черта японца".

Припоминаю по поводу изложеннаго въ этой главѣ наблюденія свои во время посѣщенія мною, осенью 1903 года, вышеупомянутаго храма Хигаши-хонгванжи. Храмъ этотъ расположенъ очень близко отъ вокзала желѣзной дороги, почему я, пріѣхавъ въ Кіото рано утромъ, прежде всего отправился посмотрѣть его. Снявъ передъ входомъ обувь и войдя по ступенямъ между массивными колоннами въ храмъ, я былъ пораженъ величественнымъ видомъ внутренности его. На глазъ пріятно дѣйствовала безукоризненная бѣлизна циновокъ, на которыхъ сидѣли молящіеся. Выраженіе ихъ лицъ, обращенныхъ къ смотрящему на нихъ изъ глубины изящной ниши изображенію Будды и вырывавшіяся изъ устъ ихъ, то шепотомъ, то довольно громко восклицанія: „Амида, Амида!" свидѣтельствовали о томъ, что ихъ волнуютъ глубокія чувства... Богослуженія собственно не было никакого, но въ храмѣ было не менѣе ста человѣкъ обоего пола, хотя, не смотря на это, въ немъ было совсѣмъ просторно... При этомъ молящіеся постоянно входили и выходили, такъ что въ теченіе получаса, который я оставался въ храмѣ, въ немъ перебывало не менѣе 300 лицъ. Тишина отъ этого не нарушалась нисколько, такъ какъ толстыя и мягкія циновки поглощали шумъ шаговъ. Лишь изрѣдка слышался звонъ мѣдной монеты, оставлявшейся почти каждымъ изъ молящихся на циновкѣ, откуда отъ времени до времени служители храма—худощавые сухіе старики съ бритыми головами, въ гладкихъ свѣтло-сѣрыхъ киримонахъ—собирали деньги совками и ссыпали въ поставленныя въ разныхъ частяхъ храма кассы... Возвращаясь на вокзалъ, часовъ въ десять вечера, я опять зашелъ въ храмъ, уже освѣщенный на этотъ разъ обильными свѣтильниками, и нашелъ тамъ значительно большее, чѣмъ утромъ, число молящихся... Мой курума, говорившій по-англійски, сказалъ мнѣ, что ему приходится часто возить посѣтителей въ этотъ храмъ, и что молящихся въ немъ бываетъ довольно во всѣ часы дня, но особенно много вечеромъ, когда рабочіе и работницы кончаютъ свой дневной трудъ.

V.

Положеніе въ Японіи вопроса о свободѣ вѣроисповѣданія.

Японія тѣхъ временъ, когда въ нее еще не проникло христіанство, наслаждалась, какъ мы видѣли это въ первыхъ главахъ нашей статьи, сравнительно большою свободой вѣроисповѣданія. Въ самомъ дѣлѣ, въ ней каждый могъ молиться свободно у ка-

кихъ-угодно алтарей и въ какихъ-угодно храмахъ страны. И нынѣ, какъ мы знаемъ уже, японецъ, говоря вообще, не можетъ сказать, синтоистъ онъ, буддистъ или конфуціанистъ. Причину такого религіознаго эклектизма надо искать, вѣроятно, главнымъ образомъ въ томъ характерѣ восточныхъ религій, въ силу котораго онѣ дополняютъ другъ друга: ни въ философской доктринѣ, ни въ морали ихъ нѣтъ почвы для столкновенія. Религіозная свобода, поэтому, допускалась въ старой Японіи, можно сказать, не по принципу, а по индифферентизму. Подобно тому, какъ Римъ терпѣлъ всѣ религіи, которыя не предъявляли исключительныхъ по отношенію другъ къ другу требованій, но сурово преслѣдовалъ христіанство, такъ и старая Японія терпимо относилась къ двумъ религіямъ, нашедшимъ къ ней доступъ, потому что въ нихъ нѣтъ упомянутой исключительности, но испугалась религіи, потребовавшей отреченія народа отъ того, чему онъ поклонялся ранѣе.

Новая Японія, слѣдуя примѣру Запада, провозгласила религіозную свободу, какъ принципъ, выраженный вышеприведенными нами строками XXVIII-й статьи конституціи 1889 г. И о томъ, что этотъ принципъ проводится на дѣлѣ, убѣдительно свидѣтельствуютъ, по нашему мнѣнію, во-1-хъ, дѣйствующая въ Японіи система начальнаго образованія, въ основу которой, вмѣстѣ съ началомъ обязательности его, положено и начало *свѣтскости*, а во-2-хъ, отсутствіе какихъ бы то ни было ограниченій, связанныхъ съ вопросами вѣроисповѣданія въ дѣлѣ доступа кандидатовъ въ учебныя заведенія страны и къ занятію въ ней государственныхъ должностей. Для подтвержденія вѣрности послѣдняго замѣчанія мы считаемъ достаточнымъ напомнить читателямъ приведенную во III-й главѣ настоящей статьи выдержку изъ труда Алисы Беконъ, въ которой читаемъ, между прочимъ, что христіане работаютъ въ парламентѣ, въ арміи и флотѣ, въ университетѣ и школахъ въ числѣ, значительно превышающемъ процентное отношеніе общаго числа христіанъ ко всему населенію въ странѣ.

Что же касается отношенія къ разсматриваемому нами вопросу начала свѣтскости народнаго образованія, то интересно остановиться на томъ, что нѣкоторые авторы современныхъ сочиненій объ Японіи, и среди нихъ особенно миссіонеры, находятъ, въ противоположность высказанному нами мнѣнію, что самое это начало говоритъ о религіозной нетерпимости японцевъ, такъ какъ сильно тормазитъ дѣло распространенія христіанства... Сущность ихъ доводовъ сводится къ слѣдующему:

Въ Японіи ученики *только тѣхъ* начальныхъ школъ получаютъ льготы по воинской повинности и право поступать безъ экзаменовъ въ среднія школы, *изъ учебнаго курса которыхъ* совершенно *исключены* предметы религіознаго характера и не

преподаются поэтому ни въ классное, ни во внѣклассное время.

Ясно, что миссіонерскія школы не могутъ отказаться отъ преподаванія Закона Божія, такъ какъ это отняло бы у нихъ возможность преслѣдовать главную свою задачу, и потому онѣ не пользуются упомянутыми льготами и правами, что, конечно, отвлекаетъ отъ нихъ нуждающихся въ послѣднихъ учениковъ. Даже тѣ дѣти, которыя не нуждаются, по какимъ либо условіямъ, въ льготахъ по воинской повинности и которыя, по способностямъ своимъ, могли бы вполнѣ разсчитывать на выдержаніе конкурснаго экзамена въ среднія и высшія школы, неохотно отдаются родителями въ миссіонерскія школы, потому что право на этотъ экзаменъ практически сводится къ нулю: конкурсъ для бездипломныхъ учениковъ разрѣшается лишь тогда, когда въ среднихъ и высшихъ школахъ остаются вакансіи, не занятыя дипломными учениками. Но въ послѣдніе годы этого почти совсѣмъ не бываетъ, такъ какъ при маломъ числѣ среднихъ и высшихъ школъ въ странѣ, огромное число дипломныхъ учениковъ не находитъ въ нихъ мѣста... Итакъ, въ силу самаго закона о начальномъ образованіи въ странѣ, миссіонерскія школы пустуютъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и проповѣдь христіанства встрѣчаетъ серьезныя препятствія.

Правда, можно сказать, что запрещеніе преподаванія религіозныхъ предметовъ распространяется не только на христіанскія, но и на всякія другія школы. Однако, очевидно, что тяжелѣе всего это запрещеніе отзывается именно на школахъ христіанскихъ: при ничтожномъ числѣ христіанъ въ странѣ успѣхъ религіозной пропаганды ихъ можетъ опираться главнымъ образомъ на школы.

Въ японскихъ начальныхъ школахъ, взамѣнъ преподаванія Закона Божія, отводится видное мѣсто преподаванію кодекса нравственности, который, согласно инструкціи министерства народнаго просвѣщенія, долженъ быть основанъ на указаніяхъ императорскаго манифеста, изданнаго въ 1890 году. Преподаванія кодекса нравственности въ христіанскихъ школахъ правительство не требуетъ, но миссіонеры сѣтуютъ на то, что оно, тѣмъ не менѣе, обязываетъ и эти школы, наравнѣ со всѣми другими, чествовать установленнымъ церемоніаломъ какъ изображеніе императора Японіи, такъ и упомянутый манифестъ его, который гласитъ слѣдующее:

„Наши предки дали государству широкія основанія, въ которыхъ глубоко посѣяны сѣмена добродѣтели; и наши подданные въ теченіе вѣковъ единодушіемъ своей великой лояльности и сыновней преданности выростили эти сѣмена въ совершенствѣ. Такова сущность національной политики, и таковъ истинный принципъ нашей системы воспитанія.

„Вы, наши возлюбленные подданные, будьте преданными сынами, добрыми братьями, любящими мужьями и женами и вѣрными друзьями. Ведите себя со скромностью и будьте добры ко всѣмъ. Развивайте ваши умственныя способности; совершенствуйтесь въ вашей нравственной силѣ, накопляя знанія и пріобрѣтая умѣнья.

„Также работайте въ интересахъ общественныхъ и будьте преданы общественнымъ дѣламъ. Почитайте государственное устройство. Повинуйтесь законамъ страны и, въ случаѣ необходимости, отъ всего сердца жертвуйте собою для общаго блага.

„Оказывайте также полную поддержку нашей императорской династіи, *вѣчной, какъ вселенная.*

„Тогда вы не только будете нашими вѣрными подданными, но вы будете при этомъ способны проявлять *благородный характеръ вашихъ предковъ.*

„Такой завѣтъ, *оставленный намъ нашими предками*, который долженъ быть соблюдаемъ также ихъ потомками и ихъ подданными.

„Эти принципы совершенны для всѣхъ вѣковъ и примѣнимы во всемъ. Наше желаніе—носить ихъ въ своемъ сердцѣ вмѣстѣ съ вами, наши подданные, съ тѣмъ, чтобы мы могли навсегда овладѣть этими добродѣтелями“.

Японцы любятъ этотъ манифестъ, учителя и школьники знаютъ его наизусть, и поэтому можно признать основательнымъ замѣчаніе французскаго автора Веллерса, что онъ является какъ бы „школьнымъ катехизисомъ“ Японіи *). Однако, едва ли можно согласиться съ тѣми писателями, которые вмѣстѣ съ Гуликомъ утверждаютъ, что правительство, требованіемъ обязательнаго чествованія въ частныхъ даже школахъ манифеста, „который проповѣдуетъ прежде всего патріотизмъ, благоговѣйное почитаніе предковъ и обожествленіе императорской династіи, т. е., въ сущности, основы религіи синто,—тѣмъ самымъ ограничиваетъ религіозную свободу народа“ **).

Въ заключеніе статьи приведу, для сопоставленія съ этимъ мнѣніемъ, интересное замѣчаніе одного увлекающагося синтоизмомъ японца, которое мнѣ пришлось слышать въ бесѣдѣ съ нимъ въ Токіо какъ разъ по вопросу о свободѣ вѣроисповѣданій въ этой странѣ: „Истинный патріотъ не можетъ не быть синтоистомъ; да въ сущности и всѣ европейцы—синтоисты, такъ какъ чѣмъ иначе объяснить, что въ своихъ государствахъ они такъ чтутъ статуи прославившихся героевъ и правителей, различные памятники народныхъ подвиговъ и тому подобныя вещественныя воспоминанія о дорогомъ прошломъ своего отечества?“

Н. П. А—левъ.

---

*) Weulersse. Le Japon d'aujourdhui. 1904.

**) Evolution of the Japanese; by S. Gulick. стр. 329.

ПРОЖИТЫЙ ДЕНЬ.

(Эскизъ).

I.

Иванъ Александровичъ Загорскій, штатный преподаватель N—ской классической гимназіи, проснулся въ отвратительномъ настроеніи духа: голова была тяжела, во рту ощущался вкусъ селедки съ лукомъ, позывало на рвоту. Насколько весело прошелъ вчерашній вечеръ, настолько же скучнымъ до одуренія представлялся начинающійся день. Вчера Иванъ Александровичъ былъ съ женою въ театрѣ, гдѣ съ большимъ удовольствіемъ слѣдилъ за пьесою, въ антрактахъ весело разговаривалъ со знакомыми, а послѣ театра съ аппетитомъ поужиналъ, выпивъ при этомъ нѣсколько рюмокъ водки и двѣ бутылки пива... Гимназія, давно страшно надоѣвшая, словно провалилась въ сознаніи, и онъ чувствовалъ себя, если не счастливымъ, то вполнѣ довольнымъ... Но за то сегодня все поворачивалось дурною стороною. Сидя на своей кровати, съ взлохмаченною головою и не одѣтый, Иванъ Александровичъ сердито крикнулъ въ пространство:

— Что за безобразіе, опять сапоги не вычищены! Глаша, Лена... или кто тамъ!

Изъ столовой доносился стукъ чайной посуды. Иванъ Александровичъ подождалъ нѣкоторое время и снова крикнулъ:

— Глаша! Оглохли вы всѣ, что ли... Что же сапоги?..

Въ эту минуту изъ другой двери вошла въ спальню горничная Глаша съ не причесанною головою, въ грязной кофточкѣ, изъ-подъ которой выбивалось что-то бѣлое, а на груди виднѣлись сальныя пятна. Глаша была, очевидно, тоже не въ духѣ, что было замѣтно по ея порывистымъ движеніямъ.

— Сто разъ говорилъ, чистить сапоги! — ворчливо пробормоталъ Иванъ Александровичъ.

— Не выставили за дверь, оттого и не чищены,—дерзко, какъ показалось ему, отвѣчала Глаша, со стукомъ устанавливая умывальный приборъ.

— Вошли бы и взяли, трудъ не великъ...

— Не великъ трудъ и выставить,—не смолчала Глаша.

— У, хамство!—подумалъ Иванъ Александровичъ и началъ умываться, фыркая и отплевываясь. Холодная вода его нѣсколько освѣжила.

И, умывшись, онъ вышелъ въ столовую. Его жена, довольно миловидная женщина, лѣтъ подъ тридцать, сидѣла за самоваромъ. Она была въ домашнемъ капотѣ, порядочно замызганномъ. Ивана Александровича покоробило при видѣ женинныхъ ногтей съ черными каемками. Елена Димитріевна,—такъ звали жену Загорскаго,—съ аппетитомъ пила чай, почмокивая и присасывая воздухъ съ глотками жидкости. И эти маленькія привычки въ настоящую минуту были для Ивана Александровича положительно противны, и онъ едва сдерживался, чтобы не сказать женѣ чего-либо обиднаго. А на нее, наоборотъ, напалъ припадокъ влюбленности.

— Что Ванюша нашъ не веселъ, свою голову повѣсилъ?— спросила она игриво.

— Не по себѣ,—хмуро отвѣтилъ онъ.

— У Ваника го—öвка бобò,—тоненькимъ голоскомъ пропѣла Елена Димитріевна, какъ бы подражая лепету ребенка.

— Гм...

— Дай, Ваникъ, поцѣлую го-öвку: пе-естанетъ бобо,— продолжала въ томъ же тонѣ Елена Димитріевна.

— Отстань, говорю, нездоровится, — сердито отмахнулся Иванъ Александровичъ.

— Если серьезно, такъ не ходи въ гимназію. Вонъ Коровинъ цѣлую недѣлю не ходилъ по болѣзни, а самъ по бульвару гулялъ,—сказала Елена Димитріевна уже своимъ обыкновеннымъ голосомъ.

Но Ивана Александровича ужаснула мысль провести цѣлый день въ этихъ неприбранныхъ комнатахъ съ глазу на глазъ съ женою и съ растрепанной Глашей, и потому, буркнувъ что-то, онъ принялся за чай. Елена Димитріевна тотчасъ же начала разсказывать что-то пространное объ одной изъ своихъ знакомыхъ дамъ, которая, судя по ея словамъ, была и не хороша, и не умна, но которую почему-то считали и умною, и интересною, и красивою. Иванъ Александровичъ, не слушая, смотрѣлъ на жену и думалъ о томъ, какъ без-

надежно ограниченны наши женщины средняго круга, какъ ничтожны ихъ духовные запросы.

— Мы всѣ говоримъ и даже учимъ, что человѣкъ состоитъ изъ души и тѣла,—думалъ онъ,—а гдѣ въ сущности душа въ этомъ явно перекормленномъ тѣлѣ? Гдѣ ея духовные интересы? Вотъ я часто злюсь на свое безсмысленное существованіе, граничащее съ прозябаніемъ,—значитъ, все же что-то бродитъ... А здѣсь все кончено: одѣта, обута, накормлена, выспалась... Вотъ и вся жизнь женщинъ нашего круга. Высшій интересъ—модное платье съ нелѣпыми пузырями на плечахъ. И вѣдь Лена умнѣе многихъ изъ своихъ подругъ. Кончила гимназію съ медалью, а Тургенева отъ Достоевскаго не отличитъ...

II.

Наконецъ, онъ отправился въ гимназію... День былъ осенній. Ночью прошелъ дождь, и все было мокро: стѣны домовъ, фонарные, телеграфные и телефонные столбы—все почернѣло съ одной стороны отъ дождя. Попадались прохожіе подъ зонтиками. По срединѣ улицъ тащились телѣги, разбрасывая уличную грязь. Извозчики уныло сидѣли на облучкахъ... Все было скучно, сѣро... Вотъ тянется вереница телѣгъ, нагруженныхъ домашнимъ скарбомъ: кто-то переѣзжаетъ на квартиру. Вся житейская дребедень, которая въ обычныхъ условіяхъ прячется въ укромныхъ уголкахъ обывательскаго жилища, теперь безъ стѣсненія выставлена на возахъ... И снова чувство отвращенія къ человѣку охватило Ивана Александровича... Недалеко отъ гимназіи онъ столкнулся со своимъ сослуживцемъ, Марьяномъ Демьяновичемъ Центноровичемъ, преподавателемъ греческаго языка. Это былъ невысокій молодой человѣкъ съ цвѣтущимъ румянымъ лицомъ явно не русскаго типа. Центноровичъ выдавалъ себя за чеха, но, на самомъ дѣлѣ, былъ мадьяръ. Отправляясь нѣкогда въ Россію, Центноровичъ сильно побаивался „восточныхъ варваровъ“, но, пріѣхавъ въ N—скъ, скоро освоился и увидѣлъ, что здѣсь ему несравненно легче устроить свою карьеру, чѣмъ на родинѣ. Прежде всего онъ сошелся съ директоромъ, а затѣмъ, научившись русскому языку, сталъ издавать „объясненіе“ къ Ѳукидиду. Эти „объясненія“ ровно ничего не дали ни учащимъ, ни учащимся, но много дали автору... Въ N—ской гимназіи никто ничего печатнаго не издавалъ, а потому „труды“ Центноровича тотчасъ же создали ему репутацію глубокаго знатока своего предмета, такъ что въ учебномъ округѣ онъ стоялъ на лучшемъ счету.

Центноровичъ шелъ, бодро размахивая руками. Его цвѣ-

тущее лицо и вся фигура говорили, что онъ доволенъ своимъ настоящимъ и съ надеждою смотритъ на будущее.

— А-а, здравствуйте, Herr-collega,—привѣтствовалъ онъ Ивана Александровича.

— Здравствуйте... Что вы такъ рано вышли: у васъ вѣдь урокъ въ двѣнадцать?

— Дѣлаю прогулку, послѣ Gymnastik... Теперь нужно ходить такъ: разъ-два.

— Вы занимаетесь гимнастикой? Для чего же это, собственно?—вяло поинтересовался Иванъ Александровичъ.

— Для здоровья: mens sana in corpore sano...

— А для чего вамъ здоровье, если не секретъ?

— Какъ для чего?—удивился Центноровичъ.—Здоровье нужно... ну, хотя бы для порядочнаго выполненія своего дѣла.

— А у васъ какое же дѣло, если можно спросить?

— Поми-и-луйте,—вскрикнулъ Центноровичъ, даже останавливаясь на ходу:—я же вѣдь учитель гимназіи, какъ и вы!

— А! вотъ что... Да, да, конечно... Я какъ-то, признаться, забылъ, что мы учительствуемъ въ гимназіи, — спокойно сказалъ Иванъ Александровичъ.

Центноровичъ фыркнулъ и съ любопытствомъ вскинулъ на него свои круглые глаза.

— Да, забылъ... Какой толкъ въ нашемъ учительствѣ?.. Дѣлать дѣло—значитъ видѣть его цѣль и ждать результатовъ. А мы ничего не знаемъ, и ничего не ждемъ!—откровенно продолжалъ Иванъ Александровичъ.

— По-ми-луйте!.. Что вы это говорите, коллега? Но для чего же, въ такомъ случаѣ, гимназія? — вскричалъ Центноровичъ, нѣсколько даже обезпокоенный страннымъ оборотомъ разговора.

— Вотъ объ этомъ я и хотѣлъ бы у кого-нибудь спросить,—отвѣтилъ Иванъ Александровичъ спокойно.—Для чего эти Ксерксы и Артаксерксы, Марафонскія и иныя битвы, не говоря уже объ accusativus cum infinitivo или ablativus absolutus?

Центноровичъ совсѣмъ остановился въ явномъ испугѣ: ни отъ кого еще онъ не слыхалъ такихъ рѣчей... Наконецъ, онъ сказалъ рѣшительно:

— Если въ Россіи не сознается нужда въ классическомъ образованіи, то ее нужно создать...

— То есть это выходитъ такъ: нужно, чтобы было нужно,— усмѣхнулся Иванъ Александровичъ. — Я думалъ, что предложеніе должно отвѣчать спросу... А спросите-ка у общества, — нужна ли, въ сущности, гимназія, особенно классическая... Что вамъ отвѣтятъ?

Центноровичъ молчалъ: въ его головѣ родилось темное подозрѣніе, которымъ онъ рѣшилъ подѣлиться съ директоромъ сегодня же. Поэтому, когда они подошли къ гимназіи, Центноровичъ взялъ влѣво.

— Вы куда?—спросилъ его Иванъ Александровичъ.

— Къ директору: завтракать приглашалъ, — съ побѣдоноснымъ видомъ отвѣчалъ Центноровичъ и юркнулъ въ садовую калитку, черезъ которую ходили только болѣе близкіе къ директору люди. Иванъ Александровичъ усмѣхнулся, но оживленіе скоро сошло съ его лица...

Войдя въ низкую обширную переднюю, Иванъ Александровичъ сразу почувствовалъ запахъ не просушеннаго верхняго платья и табаку, выкуреннаго здѣсь гимназистами. Сверху несся нестройный шумъ голосовъ, похожій на пчелиное жужжаніе. И сегодня, какъ и всегда, у Ивана Александровича явилось что-то вродѣ зависти къ служителямъ, толкавшимся въ шинельной и, очевидно, ничуть не тяготившимся своимъ положеніемъ, тогда какъ для всѣхъ остальныхъ, посѣщавшихъ это зданіе, т. е. для учителей и учениковъ, былъ противенъ тотъ подневольный трудъ, ради котораго они сходились. Раздѣвшись, Иванъ Александровичъ началъ медленно подниматься по лѣстницѣ. Гулъ голосовъ слышался все сильнѣе и сильнѣе, а атмосфера дѣлалась все удушливѣе.

— Гусакъ идетъ, гусакъ идетъ! — раздался у него надъ головою сдавленный шепотъ, и нѣсколько паръ ногъ стремительно кинулись отъ перилъ верхней площадки. Иванъ Александровичъ нахмурился (онъ зналъ, что это прозвище относилось къ нему) и направился по корридору въ „учительскую“.

Была перемѣна. Ученики толпами шныряли по корридору; время отъ времени отворялись двери классовъ, и оттуда стремительно выскакивалъ раскраснѣвшійся мальчуганъ, очевидно, вытолкнутый въ дружеской вознѣ. При встрѣчѣ съ учителемъ, оживленіе сбѣгало съ дѣтскихъ лицъ, которыя дѣлались вытянутыми и напряженными. Нѣкоторые ученики кланялись Ивану Александровичу, другіе показывали видъ, что не замѣчаютъ его... Ивана Александровича это ничуть не удивляло, но ему всегда дѣлалось какъ-то неловко при встрѣчѣ съ учениками внѣ классовъ, словно онъ не зналъ, что ему было нужно дѣлать въ такихъ случаяхъ.

Въ учительской было уже нѣсколько учителей. Математикъ Быховскій, выдѣлявшійся огромною косматою сѣдою головою съ блестящими глазами, сидѣлъ на диванѣ.

— Ну-ка, ну-ка, дальше-то что, Савелій Абрамовичъ?—

говорилъ онъ густымъ басомъ, обращаясь къ маленькому юркому учителю восточнаго типа. — Таки изловили злодѣя? Нѣтъ, вы послушайте, господа, какъ Савелій Абрамовичъ за Писаревымъ и Добролюбовымъ охотился! За-мѣ-чательно!

— И изловилъ, и изловилъ! — съ торжествомъ отвѣчалъ Савелій Абрамовичъ, котораго гимназисты называли не иначе, какъ Савоська.—Вижу,—мальчикъ все въ публичную библіотеку шатается и книжки домой таскаетъ. Забрался разъ въ библіотеку, подтибрилъ записной журналъ, да и посмотрѣлъ, что нашъ Глассонъ получаетъ. Вижу: Писаревъ, Добролюбовъ съ братіей, Бѣлинскій... А-а, думаю, вонъ ты каковъ, голубчикъ! Неймется: три раза на замѣчаніи былъ за недозволенное чтеніе, и опять за свое! Ну, и рѣшилъ накрыть съ поличнымъ. Выбралъ я, знаете, вечерокъ потемнѣе, да и шасть въ Архангельскую, гдѣ Глассонъ живетъ. Грязища, темень... Думалъ, не доѣду. Ну-съ, добрался съ Божіей помощью. Звоню. Изъ-за двери спрашиваютъ: кто такой? Къ Мишѣ, что-ли? А я такъ тоненько: къ Мишѣ изъ гимназіи! Впустили. Тутъ я и отрекомендовался: классный наставникъ—Бейлинъ. И поднялась же кутерьма! Забѣгали, зашумѣли! Да я не дуракъ: прямо къ Мишѣ въ комнату. Стоитъ мой Глассонъ, какъ истуканъ: губы бѣлыя, руки трясутся. Не ждалъ, значитъ! Осмотрѣлся я: ничего, все въ порядкѣ: учебники, тетрадки, все, какъ слѣдуетъ... Не видать запрещенныхъ плодовъ. Эхъ, думаю, маху далъ: либо спрятали, либо другому кому отдали. Хотѣлъ ужъ уходить, не солоно хлебавши, да и присѣлъ было на постель... Вдругъ ногою подъ кроватью и задѣлъ за что-то... Батюшки! Вотъ оно! Уронилъ нарочно карандашикъ и полѣзъ подъ кровать, будто поднимать карандашъ... А тамъ—представьте: цѣлая библіотека, да все на подборъ: и Писаревъ, и Щаповъ, и Шелгуновъ, и Бокль... Да что: даже самъ Марксъ въ переводѣ! Ну, и выволокъ всю эту мудрость... да на извозчика... Тутъ, конечно, слезы, моленія... Сестренка выскочила... прехорошенькая, скажу я вамъ, штучка... плачетъ, за руку хватаетъ: милый, говоритъ, Савелій Абрамовичъ, не доносите...

— Хо-хо-хо, — загудѣлъ математикъ. — Такъ и сказала: милый Савелій Абрамовичъ! По имени и по отчеству. А вѣдь другой разъ, навѣрное, Савоською величаетъ!

— И что это вы, Александръ Григорьевичъ, все Савоська да Савоська! Никто меня Савоською не называетъ, развѣ мальчишки...—нѣсколько обидившись, сказалъ Савелій Абрамовичъ.

— Да вы не обижайтесь, это я къ слову. Итакъ, дѣвочка-то, говорите, недурна собою? Сейчасъ видно холостого че-

ловѣка: непремѣнно на женскій циферблатъ поглядитъ, не утерпитъ!—сказалъ математикъ.—Да вы ужъ договаривайте, какъ васъ собака-то подъ кроватью погладила?

— Какая собака?—спросилъ, улыбаясь, одинъ изъ слушателей.

— А это, изволите видѣть, подъ кроватью, куда нашъ Лекокъ полѣзъ за добычею, оказалась собака... Ну, и хвать его за... непоказанное мѣсто,—отвѣчалъ математикъ.

— Ну, что-жъ такое? Непріятная случайность... А контрабанду всетаки извлекъ да прямо къ директору! Благодарилъ.

— Какъ не благодарить: отечество спасли,—иронически сказалъ математикъ.

— Да, большое нестроеніе среди учениковъ, — степенно вставилъ батюшка, гимназическій законоучитель.—И къ чему? Себѣ — во вредъ и намъ въ укоризну. Вотъ на экзаменѣ у меня этотъ самый Глассонъ отличился при преосвященномъ: спрашиваю, откуда происходитъ слово „пасха“, а онъ и хлопъ: отъ слова „пехазъ“! Это вмѣсто „песахъ“-то! Ну, и задалъ мнѣ преосвященный за этого „пехаза“: неуваженіе, говоритъ, къ священнымъ наименованіямъ. А тоже Бокля съ Добролюбовымъ читаетъ. Съ развитіемъ мнитъ себя!

— Слабо проходятъ у насъ славянскій языкъ, оттого такіе грубые промахи и бываютъ,—глубокомысленно замѣтилъ одинъ изъ слушателей.

Математикъ опять захохоталъ:

— Ловко: „пехазъ“ или „песахъ“ изъ славянскаго языка вывели! А вѣдь Бокля съ Писаревымъ не читаете!

Нѣкоторые засмѣялись, но батюшка отнесся къ дѣлу серьезнѣе:

— Я полагаю, было бы планомѣрно ввести въ кругъ гимназическаго образованія и преподаваніе древне-еврейскаго языка. Тогда не было бы такихъ прискорбныхъ недоразумѣній.

— А вы, отецъ Никандръ, сами-то изучали въ семинаріи еврейскій языкъ?—спросилъ его математикъ, съ невиннымъ видомъ. Батюшка закашлялся.

— Да... то есть... собственно говоря... начатки еврейскаго языка проходили нѣкоторые изъ насъ,—уклончиво отвѣчалъ онъ, отходя въ сторону.

Въ это время въ „учительскую“ не вошелъ, а вкатился инспекторъ Лобовъ, невысокій толстенькій господинъ съ характерными бѣгающими глазами и суетливыми движеніями. Гимназисты прозвали его „вертопомъ“, „зайцемъ“ и „флюгаркою“, и всѣ эти клички удивительно подходили къ нему.

— Ахъ, господа, опять засидѣлись! Вѣдь ужъ бо́льшая половина урока прошла,—забормоталъ онъ, безтолково снуя по всѣмъ угламъ комнаты.

— Половины, милѣйшій Ардаліонъ Васильевичъ,—суть величины равныя, и бо́льшей половины быть не можетъ,—отвѣчалъ за всѣхъ математикъ.

— Такъ, такъ, такъ,—не слушая его, суетился Лобовъ...— А все-жъ, господа, въ классы, въ классы пора.

— Не бойтесь, заглянемъ и въ классы... Охъ-хо-хо!.. Ну, тащися, сивка!—сказалъ математикъ, лѣниво поднимаясь, и добавилъ:

— Эхъ, хоть бы ревматизмъ заполучить, что ли: поскорѣе бы къ пенсіи!—И съ этимъ, повидимому, искреннимъ пожеланіемъ самому себѣ тяжело потащился въ классъ.

— А съ вами, Иванъ Александровичъ, того... какъ сказать... надо побесѣдовать... Охъ, надо, надо побесѣдовать,— подскочилъ Лобовъ къ Ивану Александровичу.

— Очень радъ.

— Радоваться-то, батенька, погодите: вѣдь дѣло-то выходитъ пакостное. Именно препакостный казусъ... Извольте видѣть, мальчишка-то этотъ, какъ его?.. Семиклассникъ Пашкевичъ на васъ насплетничалъ директору: васъ обвиняетъ въ пристрастіи... придирки, дескать, и тому подобное... Директоръ ко мнѣ: наблюдай, говоритъ, инспекторъ! А мнѣ что прикажете дѣлать?.. Охъ, бѣда съ семьею: былъ бы одинъ, начхалъ бы, ей-Богу, и на Пашкевичей этихъ, и на гимназію и... на самого господина директора...

При послѣднихъ словахъ Лобовъ тревожно оглянулся... У него была огромная семья, и онъ постоянно трепеталъ за ея участь.

— Ничего не понимаю, — отвѣчалъ Иванъ Александровичъ. — Дѣйствительно, дня два назадъ Пашкевичъ отвѣчалъ изъ рукъ вонъ плохо, и я поставилъ ему единицу. Онъ сталъ грубить, и я выгналъ его изъ класса... Вотъ и все.

— Правда, правда, золотая правда: дерзкій мальчишка, наглецъ, что и говорить. Только вы, вотъ, ему колъ поставили въ журналѣ, а онъ мигомъ къ директору. Тотъ и переспросилъ его урокъ. И что-же вы думаете: вѣдь отвѣтилъ, подлецъ, и даже хорошо отвѣтилъ... Мину, что ли, подъ васъ подвелъ: нарочно вралъ!

— Ну, ужъ не знаю, — нарочно или не нарочно, только отвѣчалъ онъ мнѣ изъ рукъ вонъ плохо: спросите весь классъ!

Лобовъ даже замахалъ руками:

— Тс... тс... Да развѣ можно учениковъ въ такія дѣла

посвящать? Ихъ дѣло слушать и повиноваться, а не свидѣтельствовать и не судить... Охъ, не сносить вамъ головы, голубчикъ! Больно вы прытки. Да и то сказать: семья у васъ небольшая, не то что у меня: семеро пискуновъ, тетка, свояченица, да бабушка въ придачу... Ну, и терпи, сноси, хоть плачь, да вскачь!

И Лобовъ сокрушенно поникъ головою, но тотчасъ же вскочилъ и прислушался. Лицо его приняло положительно заячье выраженіе: съ конца корридора донесся взрывъ хохота...

— Ахъ, этотъ математикъ! Опять, вѣрно, анекдоты въ классѣ разсказываетъ: ишь, какъ заливаются! Вотъ что значитъ безсемейный-то человѣкъ: горюшка мало... съ самимъ директоромъ споритъ...

И Лобовъ безпокойно, въ припрыжку, побѣжалъ въ тотъ конецъ корридора, откуда слышался смѣхъ.

III.

Иванъ Александровичъ отправился въ седьмой классъ. Ему была очень непріятна исторія съ Пашкевичемъ: хотя онъ и считалъ себя правымъ, но Пашкевичъ былъ сынъ богатаго и вліятельнаго въ N-скѣ инженера.

Первый урокъ у Ивана Александровича былъ занятъ письменнымъ упражненіемъ. Текстъ перевода съ русскаго на латинскій былъ приготовленъ уже давно и назначался для занятій изъ года въ годъ. „Цезарь сказалъ, что если“ и т. д. Вся соль упражненія состояла въ томъ, чтобы ученики распутали клубокъ предложеній, связанныхъ косвенною рѣчью, въ результатѣ чего должна была получиться самая удивительная перестановка глагольныхъ временъ и залоговъ: вмѣсто давнопрошедшаго—третье будущее, вмѣсто дѣйствительнаго залога — страдательный и т. п. Ученики принялись за разгадку, зорко отыскивая коварную „косвенную рѣчь“. Самый смыслъ перевода не интересовалъ никого.

Иванъ Александровичъ сидѣлъ на каѳедрѣ, наблюдая за учениками. Онъ давно уже подраздѣлилъ ихъ на нѣсколько категорій: одну составляли недалекіе, но усердные работники, которые долбили все, что предписывалось со школьной каѳедры, не отдавая себѣ въ томъ отчета; въ другой категоріи были явные протестанты, которые съ нескрываемымъ отвращеніемъ воспринимали гимназическую мудрость; третьи учились вяло, лѣниво, безпрестанно подгоняемые двойками и единицами... Волъ Иваницкій — ти-

пическій представитель первой категоріи — весь ушелъ въ свой переводъ: наморщивъ брови и подпирая щеки языкомъ, онъ усердно выводитъ букву за буквою въ своей чистенькой тетради. Рядомъ Глассонъ, извѣстный протестантъ, позѣвывая и почесываясь, выжимаетъ изъ себя весь скудный запасъ латинской мудрости... Большинство ждетъ помощи отъ болѣе усердныхъ товарищей.

Время отъ времени Иванъ Александровичъ видитъ, какъ чья-нибудь рука протягивается подъ партою, а навстрѣчу ей тянется рука сосѣда... Моментъ... и маленькій клочекъ бумажки съ разгадкою латинской шарады переходитъ изъ одной руки въ другую. Иванъ Александровичъ видитъ все это, но ему лѣнь ловить контрабанду; къ тому же онъ считаетъ это безполезнымъ: все равно „взаимопомощи“ не выведешь.

Но вотъ подъ партою, на которой одиноко сидѣлъ Пашкевичъ, появился клочекъ бумажки, аккуратно сложенный... Очевидно, это былъ переводъ, пересланный съ сосѣдней парты. Искушеніе было слишкомъ велико: Иванъ Александровичъ, быстро сойдя съ каѳедры, схватилъ бумажку.

— Это, вѣроятно, адресовано вамъ?—съ язвительною учтивостью спросилъ онъ Пашкевича.

— Не знаю,—можетъ и вамъ!—дерзко отвѣчалъ юноша, прямо смотря на Загорскаго.

Иванъ Александровичъ развернулъ бумажку: на ней печатными буквами было написано одно слово: дуррракъ!

Иванъ Александровичъ поблѣднѣлъ, у него сдавило горло, захватило духъ, ударило въ виски, въ глазахъ забѣгали искорки.

— Ма...мальчишка... м...мерзавецъ,—задыхаясь, прошепталъ онъ.—Доложу въ совѣтъ... въ округъ...

И его охватила такая злоба, что онъ отвернулся, чтобы не ударить Пашкевича по его дерзкой, теперь поблѣднѣвшей физіономіи.

— Я... я... позвольте!—началъ было Пашкевичъ.

— Вонъ, вонъ!.. Вонъ изъ класса!—тѣмъ же сиплымъ голосомъ продолжалъ Иванъ Александровичъ и, почти шатаясь, отошелъ отъ парты.

Пашкевичъ, потрясенный не менѣе Загорскаго, сейчасъ же вышелъ, втягивая голову между плечъ, точно ожидая сзади удара.

Въ классѣ стихло. Всѣ чувствовали, что произошла не совсѣмъ обычная сцена. Иванъ Александровичъ вдругъ обратился къ ученикамъ:

— Господа! Вы уже не маленькіе... Вы должны понимать: и учитель тоже человѣкъ, и учитель имѣетъ самолюбіе, ко-

торое не трудно унизить и оскорбить какому-нибудь богатому хлыщу, сыну какого-нибудь пользующагося вліяніемъ...

Голосъ у него пресѣкся, и онъ закрылъ лицо руками. Въ такомъ положеніи его засталъ звонокъ... Онъ быстро вышелъ, почти выбѣжалъ изъ класса.

По уходѣ Ивана Александровича, въ классѣ произошла цѣлая исторія. Первымъ вскочилъ на парту Глассонъ, подвижной и экспансивный. Онъ, видимо, былъ сильно взволнованъ.

— Господа!—закричалъ онъ звонко.—Всему есть предѣлъ. Я не поклонникъ господина Загорскаго, но нельзя же забывать и уваженія къ чужому человѣческому достоинству... Къ тому же Загорскій намъ ничего дурного не дѣлалъ...

— Да и добраго мы еще ничего не видали,—угрюмо вставилъ прыщеватый гимназистъ, завзятый протестантъ.

— Но Пашкевичъ въ тотъ разъ намѣренно отвѣчалъ плохо, а потомъ побѣжалъ къ директору, чтобы подвести Загорскаго. Мы знали это и смолчали... то есть, сподличали!

— Выражайся осторожнѣе!—со смѣхомъ вскричалъ кто-то изъ слушателей.

— Смѣшного тутъ мало: подлость есть подлость, кто бы ее ни сдѣлалъ. Наконецъ, нужно же быть толерантнымъ (Глассонъ съ видимымъ удовольствіемъ произнесъ это слово) даже въ отношеніи учителей...

— Не исключая и Савоськи?—спросилъ прыщеватый протестантъ и сплюнулъ на сторону...

— Савоськи?... Ну... да вѣдь не всѣ же Савоськи... Господа! Слушайте! Я предлагаю выразить Загорскому сочувствіе отъ всего класса по поводу инцидента съ Пашкевичемъ!

— Да ужъ валяй прямо къ директору: отличишься! Кстати Савоська тамъ нафискалилъ насчетъ твоей библіотеки: авось вывернешься!—сказалъ угреватый протестантъ.

Глассонъ презрительно посмотрѣлъ на него.

— За такія предположенія бьютъ по физіономіи,—сказалъ онъ.

Поднялся шумъ. Одни держали сторону Глассона, другіе Пашкевича. Гимназистовъ, очевидно, сильно заинтересовала роль безпристрастныхъ судей между ученикомъ и учителемъ. Они и не замѣтили, какъ къ классной двери прильнулъ Савоська... Почтенный наблюдатель сообразилъ, въ чемъ дѣло, и тотчасъ же полетѣлъ съ рапортомъ къ ди-директору.

Перемѣна кончилась. Классныя занятія пошли своимъ чередомъ. Иванъ Александровичъ слушалъ дубовые переводы съ латинскаго на русскій, — переводы, несравненно

худшіе, чѣмъ съ русскаго на латинскій; машинально поправлялъ ошибки, машинально задавалъ вопросы, но ему было тяжело: эта глупая исторія съ Пашкевичемъ оставила ѣдкій осадокъ въ его душѣ. Онъ не придавалъ ей особаго значенія, но какое-то предчувствіе говорило ему, что этимъ дѣло не кончится, тѣмъ болѣе, что въ слѣдующую перемѣну Савоська очень назойливо вертѣлся около него, а инспекторъ поглядывалъ особенно жалостливо и два раза спросилъ, сколько именно у него дѣтей.

Въ этотъ день послѣ уроковъ было IV засѣданіе Совѣта. Предсѣдательствовалъ директоръ. Это былъ невысокій плотный мужчина съ спокойнымъ, самоувѣреннымъ лицомъ. Ходилъ онъ мягкими шагами, говорилъ тихо и мало, но вся гимназія, начиная съ инспектора и кончая послѣднимъ истопникомъ, чувствовала его тяжелую руку. Въ засѣданіи разбирались обычныя школьные дѣла, иногда прерываемыя легкимъ смѣхомъ по поводу солидной шутки, исходившей съ предсѣдательскаго мѣста.

Всѣ замѣтно оживились, когда къ концу засѣданія директоръ своимъ безстрастнымъ голосомъ поднялъ вопросъ объ ученикѣ седьмого класса, Михаилѣ Глассонѣ.

— Господа,—сказалъ онъ,—остается еще одно дѣло, не совсѣмъ обычное: о Глассонѣ, ученикѣ седьмого класса. Помимо того, что Глассонъ былъ замѣченъ въ цѣломъ рядѣ проступковъ противъ школьной дисциплины и гимназическаго устава,—въ послѣднее время онъ былъ уличенъ въ чтеніи книгъ, безусловно запрещенныхъ для гимназистовъ. Не смотря на двукратное въ этомъ отношеніи замѣчаніе...

— Троекратное...—поправилъ Савоська.

— ...Да, троекратное... благодарю васъ, Савелій Абрамовичъ... Глассонъ продолжалъ упорно читать эти книги... А затѣмъ, по имѣющимся у инспекціи свѣдѣніямъ, онъ въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ ни разу не посѣщалъ гимназическаго богослуженія...

— Виноватъ,—прервалъ математикъ, — Глассонъ живетъ на Архангельской улицѣ: улица—отдаленная, почти окраина города, не мощеная, не освѣщаемая... Тамъ по вечерамъ ходить положительно не безопасно.

Директоръ холодно посмотрѣлъ на него.

— Во-первыхъ, въ циркулярѣ объ обязательномъ посѣщеніи гимназической церкви никакихъ оговорокъ о... географическомъ положеніи Архангельской улицы не имѣется, а, во-вторыхъ, публичная библіотека отъ квартиры Глассона отстоитъ еще дальше, и, тѣмъ не менѣе, Глассонъ аккуратно, даже по вечерамъ, посѣщалъ библіотеку. А затѣмъ, еще одно важное обстоятельство. Глассонъ пользуется вліяніемъ

въ своемъ классѣ, а это вліяніе, при случаѣ, можетъ сказаться и на общемъ теченіи гимназической жизни въ самомъ нежелательномъ смыслѣ... Да и вообще, такія лица въ гимназіи... скажу прямо: нетерпимы!

— Интересно бы знать: откуда идутъ свѣдѣнія о вліяніи Глассона на классъ?—спросилъ математикъ...

— Извините, есть свѣдѣнія конфиденціальныя, которыя не всегда можно сообщать всѣмъ и каждому... — совсѣмъ уже холодно отвѣчалъ директоръ.

Математикъ нахмурился и замолчалъ. Директоръ поставилъ на голосованіе вопросъ: сдѣлать ли Глассону выговоръ со внесеніемъ въ кондуитный журналъ, или исключить его изъ гимназіи? Начали отбирать голоса. Савоська торопливо, точно боясь опоздать, сказалъ первый:

— Исключить... конечно, исключить...

Батюшка началъ было рѣчь:

— Хотя, съ одной стороны, разумѣется...

Но его прервалъ директоръ:

— Да вы, отецъ Никандръ, не тяните: скажите безъ вступленій.

— Ну, да, съ сокрушеніемъ говорю: исключить, хотя, впрочемъ...

— А вы, Иванъ Александровичъ?—обратился директоръ къ Загорскому. Тотъ, почти не слушая, сказалъ разсѣянно: „Я согласенъ съ батюшкой...“ Насмѣшливый огонекъ сверкнулъ въ глазахъ директора, но тотчасъ же потухъ. Послѣднимъ подавалъ голосъ инспекторъ. Онъ метался, какъ заяцъ: бумаги, перья, карандаши такъ и сыпались у него изъ рукъ. Ему, очевидно, было жаль Глассона, но онъ не могъ забыть и о своей многочисленной семьѣ, благополучіе которой зависѣло отъ согласія его съ директоромъ, а рѣшеніе послѣдняго относительно Глассона ему было хорошо извѣстно. Но всетаки добрый человѣкъ сдѣлалъ попытку защитить Глассона.

— Жаль мальчугана: преспособный, да и семья большая... Да, да! Большая семья: двѣ сестры, младшій братъ, да мать полуслѣпая... Жаль, говорю, мальчика: пригрозить кондуитомъ—можетъ, образумится!

— Да вѣдь Глассона не изъ семьи исключаемъ, а изъ гимназіи, — пошутилъ директоръ.

Инспекторъ съ видимымъ мучительнымъ колебаніемъ всетаки сдался и сказалъ глухо: „исключить“. Другіе учителя высказались за выговоръ, и голоса раздѣлились: шесть голосовъ за „исключить“, шесть за выговоръ. Голосъ предсѣдателя имѣлъ рѣшающее значеніе, и постановленіе объ исключеніи Глассона состоялось. Тутъ только Загорскій

очнувшійся отъ своихъ думъ, сообразилъ, что это именно его голосъ рѣшилъ участь Глассона, который вообще былъ ему симпатиченъ. Но было уже поздно.

— Все равно, —сказалъ онъ себѣ съ чувствомъ какой-то злой апатіи, — одною несправедливостью больше, одною меньше... Не все ли равно?

V.

Послѣ засѣданія директоръ подозвалъ къ себѣ Ивана Александровича и пошелъ съ нимъ по опустѣвшему корридору.

— Мнѣ нужно съ вами переговорить,—началъ онъ, прямо смотря на Загорскаго своими холодными рыбьими глазами.— Дѣло касается и васъ лично, и всей гимназіи. Ко мнѣ поступила на васъ жалоба со стороны ученика Пашкевича, который обвиняетъ васъ въ придирчивости и пристрастіи. Я, по принципу, не придаю никакого значенія жалобамъ учениковъ на учителей. Но тутъ имѣются особыя обстоятельства („Знаю я эти обстоятельства: въ карты играешь съ отцомъ Пашкевича, и всегда счастливо!“ подумалъ при этомъ Иванъ Александровичъ). Да, особыя обстоятельства... Я самъ переспросилъ Пашкевича, и онъ отвѣтилъ болѣе чѣмъ удовлетворительно тотъ самый урокъ, за который вы поставили ему единицу... Это бы еще ничего: мало ли почему ученикъ, даже зная урокъ, въ классѣ отвѣчаетъ плохо! Но сегодня у васъ опять вышла съ нимъ исторія... Вы, повидимому, хотѣли его изловить на списываніи, но нѣсколько... ошиблись. Вы знаете, что было написано въ той бумажкѣ?

— Знаю, — густо покраснѣвъ, отвѣчалъ Иванъ Александровичъ.

— И я знаю: весьма возможно, что написанное относилось къ кому-нибудь изъ учениковъ, можетъ быть, даже къ самому Пашкевичу... Школьная шалость!.. А вы, недостаточно вникнувъ, создали изъ этого цѣлую исторію, выгнавъ Пашкевича изъ класса... И при томъ—слишкомъ рѣзко. Пашкевичъ передалъ дѣло своему отцу, тотъ сдѣлалъ мнѣ оффиціальный запросъ и хочетъ все дѣло передать въ министерство, даже по телеграфу... Словомъ, готовится пренепріятная исторія!

— Извините, господинъ директоръ: не могу же я выносить систематическаго издѣвательства надъ собою со стороны этого мальчишки, который слишкомъ уже полагается на вліяніе своего отца!—сказалъ Иванъ Александровичъ сухимъ оффиціальнымъ тономъ.

— Э-э-э, батюшка, — фамильярно возразилъ директоръ. — Вы — преподаватель, Пашкевичъ — вашъ ученикъ; значитъ, сила въ вашихъ рукахъ. Вы всегда могли бы его просто изморомъ взять... Вы думаете, у меня не бывало такихъ молодцовъ, когда я учительствовалъ? Были, да еще почище! И я справлялся съ ними потихонечку да полегонечку! Тамъ двоечка — по успѣхамъ, троечка — по поведенію, тамъ кондуитъ, замѣчаніе въ годовой баллъ... Глядишь, и отдѣлался отъ молодца: либо останется на второй годъ, либо совсѣмъ изъ гимназіи выскочитъ. И самъ не пойметъ, откуда сіе: совѣтъ постановилъ—и баста! Педагогично и дисциплинарно! А вы вступаете съ мальчишкой въ какія-то пререканія, дѣло становится явнымъ и гласнымъ... Вообще, повторяю, непріятная исторія. А тутъ еще нѣкоторыя детали.

— Какія именно?

— Во-первыхъ, послѣ вашего инцидента съ Пашкевичемъ ученики седьмого класса, по предложенію Глассона, рѣшили выразить вамъ коллективное сочувствіе... Все это, конечно, по существу, такъ сказать, можетъ быть, и хорошо... Но вѣдь вамъ извѣстно, что коллективныя заявленія строжайшимъ образомъ запрещены въ гимназіи, и за нихъ всегда влетаетъ и тому, по чьему адресу они направлены: такъ сказать, рикошетомъ-съ... Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, — не забывайте, что иниціаторомъ этого заявленія былъ Глассонъ, тотъ самый Глассонъ, который сегодня постановленіемъ совѣта, при вашемъ же участіи, исключенъ въ виду цѣлаго ряда дисциплинарныхъ нарушеній.

— Глассонъ?.. Глассонъ предлагалъ мнѣ выразить сочувствіе?!—растерянно пробормоталъ Иванъ Александровичъ, вспыхнувъ при воспоминаніи о той роли, какую сыгралъ его голосъ въ рѣшеніи судьбы этого юноши.

— Да, онъ самый... А, въ третьихъ, мнѣ извѣстенъ вашъ образъ мыслей: вы позволяете себѣ вслухъ выражать сомнѣнія въ пригодности всего гимназическаго строя... Согласитесь, для учителя гимназіи это... ну, во всякомъ случаѣ—не послѣдовательно... Для чего же служить?..

Слушая спокойную, размѣренную рѣчь директора, Иванъ Александровичъ смотрѣлъ на него отупѣвшимъ взглядомъ загипнотизированнаго человѣка. И вдругъ ему стало страшно: въ немъ заговорилъ инстинктъ самосохраненія и желаніе отстоять то житейское положеніе, котораго онъ достигъ и которое вдругъ сдѣлалось въ его глазахъ и цѣннымъ, и значительнымъ.

— Яковъ Ивановичъ, — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Ей-Богу, я не знаю, что дѣлать... Я готовъ на все, чтобы загладить эту исторію!

— Вотъ и отлично, голубчикъ, — отвѣтилъ директоръ ласково: — сходите къ отцу Пашкевича и попросите его оставить жалобу... А я... ну, я въ такомъ случаѣ ничего не слыхалъ и ничего не знаю объ этой исторіи. Пашкевичъ — человѣкъ горячій: ну, покричитъ, да и отойдетъ. А я, съ своей стороны, при случаѣ тоже скажу ему: Загорскій, дескать, — человѣкъ молодой, невыдержанный, не всегда тактичный... Ужъ простите за рѣзкость... И такъ далѣе... Ну, все и уладится.

— Ахъ, какъ мнѣ благодарить васъ, Яковъ Ивановичъ,— искренно вскричалъ Иванъ Александровичъ и даже схватилъ директора за руку, которую тотъ снисходительно протянулъ ему.

— Богъ дастъ, образуется, какъ говорится гдѣ-то у Толстого. А только позвольте, въ заключеніе, дать вамъ еще два-три совѣта. Держитесь вы подальше отъ учениковъ, какъ въ смыслѣ пріязни, такъ и въ смыслѣ столкновеній. У нихъ своя жизнь, свои интересы, у васъ—свои. Встрѣтились въ классѣ, сдѣлали свое дѣло и разошлись мирно по домамъ. А затѣмъ, будьте повоздержнѣе на языкъ, особенно на счетъ гимназіи. Хороша она или плоха,—дѣло не наше: не нами устроено, не нами и разстроится. Наше дѣло сторона: прикажутъ грамматику Ходобая долбить, будемъ Ходобая долбить, прикажутъ Дарвина въ классѣ читать... Ну, что-жъ! Будемъ читать Дарвина... Поймите: мы—инструментъ, орудіе, не больше... Что же тутъ умничать?! Не нравится тебѣ Ходобай или Дарвинъ, — уходи и только!.. Нечего ершиться... Не смотрите вы на нашего математика: кричать-то онъ мастеръ, а самъ до пенсіи, небось, дотянулъ: годъ остается. Вотъ, когда мы съ вами до этого предѣла доберемся, можно будетъ и намъ языкъ почесать... Вы что думаете: тогда и я не отстану! Чѣмъ я хуже другихъ! И даже очень будетъ пикантно: директоръ Афоновъ—либералистъ, директоръ Афоновъ—въ оппозиціи... Хе-хе-хе!

И, разсмѣявшись своей солидной шуткѣ, директоръ протянулъ руку на прощаніе.

Иванъ Александровичъ машинально улыбнулся на шутку начальства, и они разстались.

VI.

Скверно было послѣ всего этого на душѣ у Ивана Александровича. И оскорбленное самолюбіе, и сознаніе своего безсилія, и страхъ за будущее, и перспектива объясненія съ отцомъ Пашкевича,—все это точно связало его... Дома онъ

наскоро отобѣдалъ, угрюмо отмалчиваясь на разспросы жены, и ушелъ въ спальню. Заснуть ему не удалось и онъ напрасно ворочался въ постели, глядя на верхушки оголенныхъ деревьевъ передъ окнами, освѣщенныя краснымъ заревомъ осенняго заката...

Часовъ въ восемь вечера онъ отправился къ Пашкевичу. Послѣдній занималъ бэль-этажъ огромнаго дома съ асфальтовымъ подъѣздомъ. Дверь отворилъ лакей во фракѣ, видимо нѣсколько удивленный робкимъ видомъ посѣтителя. Иванъ Александровичъ раздѣлся самъ, и ему бросилась въ глаза непрезентабельность его пальто по сравненію съ монументальными вещами, висѣвшими рядомъ. Лакей провелъ посѣтителя въ кабинетъ—огромную комнату строго дѣлового характера, куда черезъ нѣсколько минутъ вышелъ и хозяинъ. Это былъ невысокій, тучный мужчина съ черными вьющимися волосами и огромною бородою. Нижняя губа нѣсколько отвисала отъ безпрестаннаго сосанія сигары. Впрочемъ, видъ у инженера Пашкевича былъ необыкновенно добродушный, и Ивану Александровичу почему-то припомнился жирный, откормленный песъ его домоваго хозяина.

— Здравствуйте, здравствуйте, очень радъ,—началъ Пашкевичъ, раскланиваясь, какъ ученый медвѣдь.—Чѣмъ могу служить?

Но едва Иванъ Александровичъ назвалъ свое имя и приступилъ, въ осторожныхъ выраженіяхъ и путаясь, къ выясненію причины своего прихода, какъ выраженіе добродушія исчезло съ лица хозяина, и Иванъ Александровичъ со страхомъ увидѣлъ на немъ печать той же безпощадной, слѣпой силы, которую замѣтилъ и на лицѣ директора въ началѣ утренней бесѣды.

— А-а, гм... гм...—промычалъ Пашкевичъ, подбирая нижнюю губу.—Произволъ и пристрастіе—всего менѣе умѣстны въ положеніи педагога... И все это оттого, что вашъ директоръ, милѣйшій Афоня, распустилъ гимназію... Что-жъ, я возьму сына изъ гимназіи, но прежде пошлю извѣщеніе въ Петербургъ... Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ...

Но тутъ напряженное состояніе, въ которомъ прошелъ весь день Ивана Александровича, внезапно разрѣшилось неожиданнымъ образомъ: въ груди его что-то потеплѣло, къ горлу подкатился клубокъ, и изъ глазъ брызнули слезы... И онъ, не стѣсняясь въ выраженіяхъ и не стыдясь своей слабости, заговорилъ горячо и взволнованно... Онъ говорилъ о томъ, какъ нелѣпы отношенія между учащимъ и учащимися, какъ иногда бываетъ унизительно положеніе учителя средней школы, какъ тяжелъ и непроизводителенъ его трудъ... И чѣмъ больше говорилъ онъ, тѣмъ мягче становилось

выраженіе лица Пашкевича, тѣмъ ниже опускалась его губа. Наконецъ, инженеръ ткнулъ пальцемъ кнопку звонка и приказалъ лакею позвать сына. Послѣдній вошелъ, одѣтый въ гимназическое новенькое платье. Увидѣвъ заплаканные глаза Загорскаго, онъ по своему понялъ это, и надменная улыбка показалась на его лицѣ. Но, къ большому удивленію его, отецъ подскочилъ къ нему съ грознымъ окрикомъ:

— Ты что тутъ фокусы-то выкидываешь? Въ гимназіи, братъ, надо, какъ въ казармѣ: разъ-два—и готово! А ты что это вздумалъ устраивать, а?..

— Я не понимаю, папà,—началъ было сынъ, но отецъ закричалъ еще громче:

— И понимать нечего: проси сейчасъ же извиненія у господина учителя, сію минуту...

— Папà, выслушай же меня. Ты выслушалъ господина Загорскаго, позволь и мнѣ сказать. Вѣдь ты самъ сегодня въ бумагѣ...

— И не слушаю, и не хочу слушать... Мальчишка и молокососъ!.. Думаешь, мать-баловница, такъ и я буду потакать? Бумага... бумага... Вотъ она, твоя бумага!

И Пашкевичъ выхватилъ изъ стола уже переписанную жалобу и разорвалъ ее въ клочки, приговаривая: „Сидѣлъ, видѣлъ?! Вотъ бумага!“

— Но, папа, если меня оскорбляютъ...

— Молчать! Я самъ, братъ, учился на послѣдніе гроши и знаю, чего стоитъ интеллигентному человѣку возиться съ богатыми балбесами... Знаю, на своей шкурѣ испыталъ эту сладость! Помню! Проси извиненія, сейчасъ же, слышишь?

— Ну, ужъ этого не будетъ,—началъ было сынъ, повидимому, не очень то боявшійся горячаго отца, но на этотъ разъ опять ошибся въ разсчетѣ: отецъ побагровѣлъ и подскочилъ къ нему, весь трясясь отъ гнѣва:

— Что-о-о?! Не будетъ? Нѣтъ, врешь, будетъ... А не то... видишь?

И онъ съ маху сбросилъ толстую конторскую книгу на полъ, словно придавая этому дѣйствію какой-то особенный смыслъ.

Тогда сынъ струсилъ и тотчасъ же подошелъ къ Ивану Александровичу.

— Извините, пожалуйста,—сказалъ онъ.—Я, право, не знаю...

— Кланяйся, ниже кланяйся... Мальчишка!—прохрипѣлъ отецъ, нѣсколько стихая и дыша, какъ паровозъ.

Иванъ Александровичъ поспѣшилъ протянуть молодому человѣку руку.

— Вотъ это такъ, вотъ это такъ,—приговаривалъ Паш-

кевичъ-старшій.—Ну, чортъ съ тобою, Петька!.. Впередъ помни... А вы, батенька, ступайте-ка домой: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!

И онъ началъ выпроваживать Ивана Александровича изъ кабинета, какъ будто боясь остыть и снова подчиниться вліянію жены и сына...

VII.

Почти не отдавая себѣ отчета въ случившемся, шелъ Иванъ Александровичъ по освѣщеннымъ уже улицамъ. Онъ вдыхалъ всею грудью морозный воздухъ, ни о чемъ не думая и не стараясь думать: онъ отдыхалъ отъ пережитаго въ этотъ день. Онъ шелъ, машинально уступая дорогу встрѣчнымъ, по временамъ останавливаясь и прищуренными глазами вглядываясь въ двѣ полоски золотистыхъ огоньковъ уличнаго газа, кое-гдѣ прерываемыя бѣлыми шарами электрическихъ фонарей. На одномъ поворотѣ онъ столкнулся съ математикомъ. Тотъ шелъ ныряющею походкою, мелькая въ освѣщенныхъ окнахъ характерною фуражкою съ козырькомъ въ видѣ гусинаго клюва.

— А-а, quo vadis, domine Praeceptor? — привѣтствовалъ онъ Ивана Александровича.

Они поздоровались.

— Прогуливаетесь?—спросилъ Иванъ Александровичъ.

— Не столько прогуливаюсь, сколько вытряхаю древнія впечатлѣнія,—отвѣчалъ математикъ.—Какой-то великій мужъ древности (а въ древности, какъ извѣстно, всѣ мужи были великіе) сказалъ, что онъ считаетъ потеряннымъ день, когда не сдѣлалъ добраго дѣла... А по нашимъ временамъ, хорошъ тотъ день, когда удалось не сдѣлать подлости... Вотъ и сегодня отличились мы въ исторіи съ Глассономъ.

Ивана Александровича что-то кольнуло: онъ представилъ себѣ, какъ горячо онъ отнесся къ своей исторіи съ Пашкевичемъ и какъ безразлично было его отношеніе къ Глассону, судьба котораго такъ спуталась съ его собственною. Но математикъ не подозрѣвалъ душевнаго состоянія товарища и продолжалъ:

— Да, отличились... И не впервые вѣдь, и пора бы привыкнуть, а все же на сердцѣ скверно... Я вотъ сейчасъ ходилъ къ Глассону: погромъ настоящій! Дѣвочки плачутъ, ругаютъ Савоську. А въ сущности—при чемъ тутъ Савоська? Савоська— собаченка: натаскали на охоту, ну, и дѣлаетъ стойку, гдѣ надо. Мальчикъ-то храбрится, а у самого щеки ввалились и подъ глазами круги... Эхъ-хе-хе! Не то скверно,

что исключили: точно безъ гимназіи и безъ университета жить нельзя, а то скверно, что вѣру въ людей убили, въ молодую душу пальнули...

Математикъ замолчалъ, и оба педагога шли, занятые каждый своими мыслями.

— Скверное время, а всетаки чуется, къ концу подходитъ. Нарождается, какъ будто, что-то новое, хорошее, не выдуманное, родное... И лѣзетъ, и напираетъ со всѣхъ сторонъ... И вѣрится, на старости лѣтъ, что эта новая родная сила изломаетъ перегородки, которыя наставили мы въ образованіи нашего юношества... Вотъ будутъ тогда удивляться наши дѣти, а можетъ, и мы сами, какъ это мы могли жить и тянуть токую лямку!..

Иванъ Александровичъ не отвѣчалъ. На душѣ у него было сумрачно и тяжело... Мысль о Глассонѣ и его семьѣ, потерпѣвшей погромъ при его участіи, не шла изъ ума и заглушала оптимистическія пророчества стараго педагога.

В. А. Тихова.

---

* * *

Въ холодномъ небѣ тучи бродятъ:
Черны, какъ злоба, какъ тоска,
Онѣ пріюта не находятъ...
Подъ ними пѣнится рѣка

И шумно мчитъ куда-то воды,
Кому-то бѣшено грозитъ!..
Въ пролетахъ тучъ, какъ свѣтъ свободы,
Порою лучъ звѣзды блеститъ.

И въ эти краткія мгновенья
Глухая ночь не такъ темна,
Не такъ угрюмо о каменья
Дробится бурная волна!..

Н. Шрейтеръ.

ЦВѢТЪ ЯБЛОНИ.

Этюдъ. *Михаила Коцюбинскаго.*

Переводъ *Л. Ш.*

Я плотно притворилъ двери своего кабинета. Я не могу... Я рѣшительно не могу слышать это сдавленное, съ присвистомъ дыханіе, которое, кажется, наполняетъ собою весь домъ. Тамъ, въ спальнѣ жены умираетъ моя дѣвочка. Я все хожу по своему кабинету, хожу уже третью безсонную ночь, напряженный, точно настроенная арфа, звучащая своими струнами отъ каждаго движенія воздуха. Моя лампа подъ широкимъ картоннымъ абажуромъ дѣлитъ комнату на два этажа—вверху темный, сумрачный, тяжелый, подъ нимъ—залитый свѣтомъ, съ ясными бликами и сѣтью тѣней. Приготовленная на кушеткѣ и нетронутая постель особенно рѣжетъ глазъ. За черными окнами лежитъ міръ, затопленный ночью, а моя комната кажется каютой корабля, плывущаго гдѣ-то въ невѣдомомъ черномъ морѣ вмѣстѣ со мной, съ моей тоской и съ моимъ ужасомъ. Меня удивляетъ, что я все замѣчаю, хотя горе захватило меня всецѣло. Я даже, проходя мимо стола, поправилъ фотографическую карточку. Вотъ! теперь симметрично.

А свистъ не унимается. Я его слышу и сквозь запертыя двери. Я не пойду въ спальню. Зачѣмъ? Я и такъ вижу все, вижу мою дѣвочку, ея голыя ручки на простынѣ, вижу, какъ ходитъ подъ одѣяломъ ея грудь, какъ она раскрываетъ запекшіяся губы и ловитъ воздухъ. Это маленькое существо, обыкновенно такое дикое, теперь обнимаетъ пухленькими ручонками шею доктора и само раскрываетъ ротъ. Такой покорный теперь, котеночекъ. Это рѣжетъ мнѣ сердце. Хоть бы скорѣе конецъ!..

Я прислушиваюсь. Малѣйшій шорохъ, или стукъ—и мое сердце падаетъ и замираетъ. Мнѣ кажется, что сейчасъ произойдетъ что-нибудь необыкновенное, проникнетъ сквозь окно

какое-то существо съ громадными черными крыльями, проскользнетъ по комнатѣ тѣнь или кто-нибудь вдругъ вскрикнетъ, и оборвется жизнь. Я вслушиваюсь. Нѣтъ, домъ не спитъ. Въ немъ живетъ что-то громадное, невѣдомое. Я слышу, какъ оно дышетъ, вздыхаетъ, какъ безпокойно стучитъ его сердце и бьется пульсъ. Я знаю,—это тревога. Она держитъ въ своихъ объятіяхъ даже комнатную атмосферу, и такъ хочется освободиться изъ-подъ ея гнета, выйти изъ дому и сбросить ее съ себя.

А я хожу. Ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, черезъ всю комнату, изъ угла въ уголъ. Изъ угла въ уголъ. Я не чувствую своихъ ногъ, не управляю ими, онѣ носятъ меня сами, точно заведенный механизмъ, и только голова моя, словно паукъ паутину, плететъ кружево мыслей. Въ окна смотрится ночь, безконечно далекое, глубокое черное пространство. Гдѣ-то вдали слышится колотушка ночного сторожа. Сколько вѣковъ будитъ она ночную тишь своимъ деревяннымъ языкомъ, сколько людей, поколѣній пережила... Она всегда вызываетъ во мнѣ настроеніе, чувство связи съ далекимъ прошлымъ, съ жизнью моихъ предковъ. Есть что-то простое и милое въ этомъ разговорѣ колотушки, обѣщающей среди тишины и безлюдья охранять спокойствіе твоего сна... Почему бы мнѣ не воспользоваться описаніемъ такой ночи въ томъ эпизодѣ начатаго мной романа, гдѣ Христина, бросивъ своего мужа, перенеслась сразу изъ большого города въ глухое мѣстечко? Ей не спится. Она отворяетъ окно своей комнаты... Цѣлое море деревьевъ въ цвѣту... мягкими черными волнами катится вокругъ... Спитъ мѣстечко, точно груда черныхъ скалъ... Ни звука, ни проблеска подъ облачнымъ небомъ. Только ароматы душатъ грудь, да трепещетъ въ отдаленіи глухая колотушка, словно удары сердца невидимаго великана... Какъ все это ново для Христины, какъ незнакомо... Она чувствуетъ...

Я встрепенулся.. Боже! что со мной? или я забылъ, что у меня умираетъ ребенокъ? Я приложилъ ухо къ дверямъ. Свиститъ? Свиститъ... Какъ ей трудно дышать, какъ она мучится, бѣдная пташка... Мнѣ самому сперло дыханіе въ груди отъ этого свиста, и я начинаю глубоко втягивать воздухъ, дышать за нее, будто ей отъ этого станетъ легче...

Однако, меня знобитъ... Что-то отъ спины ползетъ холодными мурашками по всему тѣлу и челюсти трясутся... Я не спалъ три ночи... меня грызетъ горе, я теряю единственнаго и дорогого ребенка. И мнѣ такъ жалко становится самого себя. Я такъ обиженъ, такъ несчастенъ, такъ одинокъ; я весь съежился, лицо мое жалобно вытягивается и въ глазу повисла горькая слеза...

Что это? Что-то хлопнуло дверью и зашлепало босыми ногами... Конецъ?

Я замеръ на мѣстѣ и сердце мое остановилось. Что-то переливается и желѣзной дужкой звенитъ ведро.

Это Катерина внесла что-то въ домъ. Я вижу эту встревоженную и заспанную женщину, она покорно топчется по ночамъ, она также любитъ нашу Леночку. Добрая душа!..

И снова все тихо, если бы не этотъ свистъ сдавленнаго горла, не этотъ шелестъ подстерегающей смерти... Куда мнѣ бѣжать отъ этого свиста, куда мнѣ дѣться? Я не въ силахъ уже слышать его... А вѣдь я прекрасно знаю, что я не выйду изъ этого дома, вѣдь я не могу не слышать его. Онъ меня приковываетъ. Пока я слышу его, я знаю, что мой ребенокъ еще живъ. И я хожу и мучусь, и у меня всѣ нервы изныли отъ этого свиста...

Уже поздно. Лампа начинаетъ чадить и гаснуть. Я слышу, какъ трещитъ фитиль, и вижу, какъ мигаетъ свѣтъ, то поднимаясь, то падая, точно грудь моего ребенка. Я съ ужасомъ всматриваюсь въ эту бурьбу свѣта со смертью, и мнѣ кажется, что въ тотъ моментъ, когда онъ погаснетъ, отлетитъ душа моей Леночки.

Ужасно, до чего я сталъ суевѣренъ! Я зажигаю свѣчу и вдругъ, набравшись рѣшимости, гашу лампу. Въ комнатѣ становится темнѣе, пропали блики и рѣзкія тѣни, на все легъ сѣрый, печальный колоритъ. Тоскливо стало въ моей комнатѣ. Я волоку утомленныя ноги среди сѣрой мебели, а за мной тихо плетется моя сгорбленная тѣнь. Голова сплетаетъ новыя мысли. О чемъ я думаю? Я думаю о чемъ-то чужомъ, постороннемъ, неважномъ, а между тѣмъ я сознаю, что не забылъ своего горя. Какіе-то голоса говорятъ во мнѣ: „Не хотите ли селедки?..“ Что, какую селедку? Я не задумываюсь надъ этимъ. Кто-то чужой спросилъ—такъ оно и осталось... „Гидрохинонъ... гидрохинонъ... гидрохинонъ“... Почему-то это слово мнѣ понравилось, я повторяю его съ каждымъ шагомъ и боюсь пропустить въ немъ хоть одинъ слогъ. Оно какъ-то удивительно облегчаетъ мои горячіе глаза, они отдыхаютъ, сладко отдыхаютъ и передъ ними начинаютъ разстилаться длинные, зеленые луга съ такой свѣжей травой... Не слышу свиста, затихла колотушка...

Часы въ столовой пробили два. Звучно, рѣзко. Эти два звонка упали мнѣ на голову, какъ громъ съ неба, какъ ножъ гильотины. Они меня чуть не убили.

Если вы въ горѣ, если вы каждую секунду ожидаете какой-нибудь бѣды, и душа ваша напряжена, точно струна на инструментѣ, совѣтую вамъ остановить часы. Когда вы слѣдите за ними, они безконечно продолжаютъ ваши муки.

Когда же забываете о нихъ, они сами напоминаютъ о себѣ, будто камень, упавшій на голову. Они безучастно отсчитываютъ секунды вашего терпѣнія и длинными стрѣлами-пальцами приближаютъ моментъ катастрофы.

Съ глазъ моихъ исчезли зеленые луга, и я снова услышалъ далекую колотушку.

Окно сѣрѣетъ. Въ комнатѣ все такъ же, какъ и до сихъ поръ: точно такъ же изгибается отъ движенія воздуха желтое пламя свѣчи, точно такъ же колышутся тѣни и виситъ полумракъ. Но есть еще что-то новое. Вѣроятно, сѣрое окно.

Я дѣлаюсь слишкомъ чуткимъ, мои глаза замѣчаютъ то, чего раньше не видѣли. Я вижу даже себя шагающимъ изъ угла въ уголъ среди ненужной мнѣ и какъ бы не моей мебели, вижу свое сердце, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго горя. Что же, смерть—такъ смерть, жизнь—такъ жизнь!..

Двери кабинета скрипнули, и въ комнату тихо входитъ врачъ. Добрый, старый другъ! Онъ только-что изъ спальни, отъ моего ребенка. Онъ крѣпко жметъ мнѣ руку и смотритъ въ глаза. И я понимаю его. Нѣтъ спасенія? Нѣтъ, говорятъ его честные глаза. Онъ не нуженъ и уходитъ, а на порогѣ стоитъ жена и просящимъ, полнымъ надежды взглядомъ провожаетъ его черезъ всю комнату, будто онъ уноситъ съ собой жизнь нашей Леночки.

Потомъ она переводитъ глаза на меня. Горячіе и темные отъ безсонницы и тревоги, блестящіе отъ слезъ и красивые. Ея черные волосы, небрежно завязанные грубымъ узломъ, такіе мягкіе и теплые. Все это я вижу. Я все это вижу. Я вижу ея милое заплаканное лицо, обнаженную шею и слегка распахнувшуюся грудь, откуда идетъ душистое тепло молодого тѣла, и въ тотъ моментъ, когда она лежитъ на моей груди и тихо плачетъ, я обнимаю ее не только какъ друга, но и какъ привлекательную женщину, и словно сквозь сонъ сознаю, что въ головѣ моей остается невысказанная мысль: „Не плачь. Не все пропало. Еще будетъ у насъ“... О, подлость!.. какъ можетъ родиться такое утѣшеніе подъ свистъ сдавленнаго смертью горла? Леночка умираетъ... Нѣтъ, этого не можетъ быть... Это дико... это безсмысленно... Кто ее забираетъ? Кому нужна ея жизнь?.. Кто можетъ высосать кровь моего сердца, когда я еще живъ... мою Леночку, мою радость, мою единственную крошку... Нѣтъ, не можетъ этого быть... не можетъ быть... Вѣдь это безсмысленно, наконецъ, говорю я!..

Моя жена, встревоженная стономъ изъ спальни, бросилась туда, а я мечусь по комнатѣ, какъ раненый звѣрь, и въ безпомощной злобѣ расталкиваю мебель. Мнѣ хочется все, все разрушить. „Это подло, это безсмысленно“,—кричитъ во

мнѣ что-то, и зубы скрипятъ отъ скрытой душевной боли. „Проклятіе! это насиліе“!—бунтуетъ мое существо.—„Это законъ природы!“—говоритъ что-то за мной выразительно, но я не слушаю и бѣгаю по комнатѣ. Съ устъ моихъ готовы сорваться грубыя ругательства, и я произношу ихъ, кричу громко и самъ пугаюсь своего голоса. Челюсти мнѣ сводитъ, холодный потъ обливаетъ лицо... Я падаю въ кресло, закрываю глаза ладонью... А-а!

Я долго остаюсь въ этомъ положеніи.

Мнѣ кажется, или дѣйствительно свистъ затихаетъ? Что же это—конецъ? Однако, жена молчитъ, не слышно плача. А можетъ быть ей легче? Вѣроятно, ей легче, моей крошкѣ?

Можетъ быть, все пройдетъ, она заснетъ, и завтра ея глазенки будутъ улыбаться папѣ? Развѣ это не возможно? Развѣ я самъ, будучи ребенкомъ, не умиралъ уже, даже врачи отъ меня отказались, а все же... Господи! Есть же какая-то сила, которую можно умолить!..

Свиститъ? Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, ей какъ будто легче дышать... Если бъ только заснула. О, если бъ заснула!.. Вѣроятно, я ошибся при прощаніи съ докторомъ. Онъ не могъ бы такъ смѣло смотрѣть мнѣ въ глаза...

Внезапно дикій крикъ, крикъ матери, выбрасываетъ меня изъ кресла. Ноги мои замираютъ, но я бѣгу... Я мчусь стремглавъ, все переворачиваю, ударяюсь руками объ двери и наскакиваю на жену, ломающую въ истерическомъ припадкѣ руки... Я все понялъ. Вотъ онъ, конецъ.

Ну, съ той мнѣ уже нечего дѣлать, нужно успокоить жену. Я ее обнимаю, утѣшаю, говорю какія-то слова, которымъ самъ не вѣрю, и цѣлую холодныя, мокрыя отъ слезъ, руки. Съ помощью Катерины, лавровыхъ капель, поцѣлуевъ и холодной воды мнѣ удается вскорѣ привести въ чувство жену и удалить ее изъ спальни. Она уже не кричитъ, она горько, безутѣшно плачетъ. Пусть выплачется, бѣдная.

А я бѣгу въ спальню. Зачѣмъ? Развѣ я знаю. Что-то тянетъ меня. Я останавливаюсь на порогѣ и смотрю. Я чувствую, что мои щеки присохли къ скуламъ, глаза сухіе, даже не моргнутъ, точно кто-нибудь вставилъ ихъ въ роговую оправу. Я вижу все необыкновенно отчетливо, словно въ горячкѣ.

Среди комнаты, на большой двухспальной кровати, на бѣлыхъ простыняхъ, лежитъ моя крошка, уже посинѣлая. Еще дышитъ. Слабый свистъ вылетаетъ сквозь запекшіяся уста и маленькіе зубки. Я вижу стеклянный уже взглядъ наполовину закрытыхъ глазъ, а мои глаза, мой мозгъ жадно ловятъ всѣ детали страшнаго мгновенія... и все записываютъ... И это большое ложе съ маленькимъ тѣломъ, и робкій свѣтъ

ранняго утра, что обнялъ сѣрую еще комнату... и забытую на столѣ, не погашенную свѣчу, бросающую сквозь зеленый щитокъ мертвые тона на лицо ребенка... и разлитую на полу воду, и блескъ свѣчи на пузырькѣ съ лѣкарствомъ... Чтобъ не забыть... чтобы ничего не забыть... ни этихъ реберъ, что съ послѣдними вздохами то поднимаютъ, то опускаютъ простыню... ни этихъ, мертвыхъ уже, золотыхъ кудрей, разсыпавшихся по подушкѣ, ни теплаго запаха холодѣющаго тѣла, что наполняетъ комнату... Все это понадобится мнѣ... когда-нибудь... я это чувствую, я сознаю, кто-то мнѣ говоритъ объ этомъ, кто-то другой, засѣвшій во мнѣ... Я знаю, что это онъ смотритъ моими глазами, это онъ прожорливой памятью писателя поглощаетъ всю эту картину смерти на разсвѣтѣ жизни... Ахъ, какъ мнѣ скверно, какъ мнѣ страшно, какъ это сознаніе ранитъ мое отцовское сердце!.. Я не выдерживаю больше... Прочь, прочь изъ дому, какъ можно скорѣе...

Цвѣтутъ яблони. Солнце уже встало и золотитъ воздухъ. Такъ тепло, такъ радостно. Птицы щебечутъ подъ голубымъ небомъ. Я машинально срываю цвѣтокъ яблони и прижимаю холодный отъ росы цвѣтокъ къ щекѣ. Розовые лепестки отъ грубаго прикосновенія руки осыпаются и тихо падаютъ на землю. Развѣ не то же случилось съ жизнью моего ребенка? А природа, не смотря на это, радуется.

И чего не смогла сдѣлать картина горя, то вызвала радость природы. Я плачу. Слезы облегченія катятся вслѣдъ за лепестками, а я съ отчаяніемъ смотрю на ненужную мнѣ зеленую чашечку, оставшуюся въ рукахъ...

Я не могу вернуться въ домъ и остаюсь въ саду. Ну, что-жъ—случилось. Фактъ. Можетъ быть, ей и лучше теперь. Развѣ я знаю?

Фактъ. А какъ трудно мнѣ повѣрить этому факту, примириться съ нимъ. Еще недавно—всего шесть—нѣтъ, пять дней, какъ она бѣгала здѣсь въ саду, и я слышалъ топотъ ея босыхъ ножекъ. Замѣчали ли вы, какая радость слушать топотанье босыхъ маленькихъ ножекъ? Еще недавно—просто кажется, что вчера—стояли мы съ ней подъ нашей любимой вишней. Вишня была вся въ цвѣту, какъ букетъ. Мы держались за руки, подняли вверхъ головы и слушали, какъ жужжали въ цвѣткахъ пчелы. Сквозь бѣлый цвѣтъ виднѣлось синее небо, а по травѣ играло весеннее солнце.

Но вотъ...

Она была такая потѣшная, мы съ женой часто смѣялись надъ ея выдумками.

Когда я чесался щеткой, она называла это: „папа подметаетъ голову", мои воротнички прозвала обручами, не выговаривала буквы *р* и, вмѣсто „стыдно", говорила „стындо".

Развѣ я могу забыть, какъ она, раздѣвшись передъ сномъ, приходила ко мнѣ пожелать „спокойной ночи“, въ коротенькой рубашонкѣ, вся теплая и розовая, съ голыми ручонками и съ пухленькими ножками. Одной рукой она прижимала къ груди свою одежду, а другую закидывала мнѣ на шею и подставляла для поцѣлуя разгоряченную отъ игры щечку.

Я не забуду счастья прикосновенія къ ея шелковымъ кудрямъ, не забуду ея души, что смотрѣла сквозь синія очи,—моей души, только далеко болѣе прекрасной, чистой, невинной.

Какая она теперь, моя маленькая дочурка? Нѣтъ, не нужно думать, ея нѣтъ. Нѣтъ. Гдѣ ее положили? Какая она теперь? Я интересуюсь. Я срываю цѣлые пучки цвѣтовъ яблони, полныя руки, и несу въ домъ. Я не знаю, гдѣ найду свою дѣтку, гдѣ ее положили—и въ первой комнатѣ, въ которую вхожу, въ гостиной, натыкаюсь на столъ, а на немъ...

Ты здѣсь, моя малютка! Какая же ты стала большая, какъ ты выросла сразу, точно тебѣ не три года, а цѣлыхъ шесть...

Я обкладываю ее цвѣтами яблони со всѣхъ сторонъ, осыпаю ее этими цвѣтами, такими нѣжными, такими чистыми, какъ мое дитятко.

Потомъ смотрю на нее.

Она лежитъ, выпрямивъ голыя ручки, вытянутая и неестественная, какъ восковая кукла. На ней хорошенькое бѣлое платьице и желтыя новенькія туфельки съ помпонами, которыя я недавно купилъ ей. Она такъ радовалась имъ.

Въ головахъ у нея горитъ свѣтъ. Этотъ странный, неестественный, блѣдный, точно мертвый свѣтъ среди бѣлаго дня. Дрожащимъ блескомъ онъ цѣлуетъ мертвыя щечки.

Я смотрю на это восковое тѣло, и странное настроеніе охватываетъ меня. Я чувствую, что оно мнѣ чужое, что оно не имѣетъ ни малѣйшей связи съ моимъ живымъ организмомъ, въ которомъ течетъ теплая кровь, что я люблю не то, что я тоскую не по немъ, а по чемъ-то другомъ, живомъ, что осталось въ моей памяти и отразилось тамъ золотыми лучами...

А моя память, этотъ неразлучный секретарь мой, уже записываетъ и эту неподвижность тѣла среди цвѣтовъ яблони, и игру свѣта на посинѣлыхъ щекахъ, и мое странное настроеніе...

Я знаю, зачѣмъ ты записываешь все это, моя мучительница! оно пригодится тебѣ... когда-нибудь... какъ матеріалъ...

Дѣвочка моя милая, ты не сердишься на меня?

СВОЯ ПѢСНЯ.

(Изъ записокъ, найденныхъ на улицѣ).

Помню я осенній темный вечеръ.

Въ окна, черными впадинами смотрѣвшія въ нашу освѣщенную комнату, барабанилъ дождь.

За столомъ, заставленнымъ бутылками водки и пива, сидѣли мы—случайно сведенные судьбою—люди: Робертъ, заболѣвшій и оставленный проѣзжею труппой акробатъ, Лизавета (или Луиза, какъ ее звали когда-то), старая, вышедшая въ отставку балаганная пѣвица, и я, тоже выброшенный изъ жизни, хотя и не признавшій еще себя побѣжденнымъ...

Поодаль отъ стола, въ уголкѣ, привалившись спиною къ стѣнѣ, сидѣла Таня.

Она смотрѣла оттуда на насъ молча, точно выжидая чего-то; плотно сжавъ губы и сверкая глазами, въ которыхъ сегодня (я еще съ утра замѣтилъ это) начали вспыхивать буйные огоньки.

Робертъ игралъ на мандолинѣ тотъ самый вальсъ, подъ звуки котораго онъ, бывало, ломался въ циркѣ. Онъ задумчиво смотрѣлъ въ полъ, и лицо его иногда передергивалось въ тактъ звучащимъ струнамъ.

Лизавета, вторя ему на гитарѣ, подпѣвала:

Врямячко-о счастливое-е
Быстро-о та-акъ промчалось...

и морщинистое лицо ея, слегка разрумянившееся отъ выпитаго вина, казалось, съ каждой минутой молодѣло, разглаживалось и прояснялось, какъ проясняется отъ солнца пасмурный день.

Пѣла она сначала хриповатымъ голосомъ, но чѣмъ дальше, тѣмъ голосъ этотъ, очень низкій для женщины, похожій на мужской теноръ, становился чище, прозрачнѣе, точно отъ него отскакивало все ненужное, налипшее, приставшее къ нему отъ долгаго бездѣйствія.

Таня слушала.

Блѣдное, съ ярко-красными пятнами на щекахъ, лицо ея, странно спокойное лицо,—по временамъ вздрагивало, и тогда чувствовалось, что страшная нервная сила, еле сдерживаемая, просится наружу.

Иногда она поворачивала голову и долго, пристально смотрѣла въ темныя впадины оконъ; при этомъ она теребила рукою свою курчавую, и безъ того растрепанную, голову и какъ-то нетерпѣливо стучала объ полъ ногою.

— Ждешь кого-то, Таня?—спросилъ я.

— Да, жду,—отвѣтила она, усмѣхнувшись и метнувъ въ мою сторону быстрый взглядъ.—А что, правда—похоже, будто я жду чего-то? Мнѣ вотъ много говорили такъ-то... А чего? Я ничего не жду... Такъ, это бываетъ со мною: смотришь, ждешь чего-то, а чего,—и сама не знаешь...

Она помолчала и добавила:

— Думать я стала—отъ думъ это... Эхъ, вы!—обернулась она къ замолкшимъ музыкантамъ:—Что-жъ замолчали? Лиза, спой „Ночку“...

Она быстро вскочила, быстро налила и выпила стаканъ водки и снова усѣлась въ уголъ, уставившись на меня еще болѣе теперь засверкавшими глазами.

Лизавета тоже выпила и сразу какъ-то выпрямилась... Она повернула глаза къ темнымъ окнамъ и, точно захвативъ со струнъ цѣлую пригоршню звуковъ, вдругъ кинула ихъ въ лицо смотрящей въ комнату ночи.

«Живетъ моя красотка
«Въ высокомъ терему,
«А въ этотъ теремочекъ
«Нѣтъ ходу никому»...—

запѣла Лизавета, и голосъ ея, какъ ручей, прорвавшійся, наконецъ, сквозь засосавшую его тину, звучалъ теперь задорно и звонко.

«Сломаю всѣ запоры,
«Пройду я въ теремъ къ ней...
«Была бы только ночка
«Сегодня потемнѣ-ѣй!»...

Что-то дерзкое, рѣшительное, вызывающее почудилось намъ въ звукахъ этой разбойничьей пѣсни, чѣмъ-то дикимъ и вольнымъ пахнуло изъ холоднаго сумрака ночи, и что-то будто родное взглянуло на насъ изъ этой стоящей у окна тьмы. Какъ будто, лишенные солнца, мы уже и не просили солнца, а надѣялись только на собственную удаль и отвагу; какъ будто уже и не боялись этой тьмы и даже готовы были

побрататься съ нею: и безъ солнца, дескать, найдемъ дорогу въ тотъ высокій теремъ, къ той Красотѣ, у которой еще не былъ никто никогда!..

Была бы только ночка
Сегодня потемнѣй!..—

разомъ, какъ одинъ человѣкъ, подхватили мы и дерзко, рѣшительно, но и любовно смотрѣли въ тьму ночи, зіявшей за окномъ...

Лизавета долго пѣла.

Она знала много такихъ пѣсенъ, вѣрнѣе — только ихъ и знала теперь, а Таня подошла ко мнѣ, сѣла рядомъ и заглянула мнѣ прямо въ глаза своими большими, разгорѣвшимися, какъ огонь, глазами.

— Что задумался? Живи весело!.. Чего тутъ... Видишь, какъ мы живемъ... Была бы только ночка-а-а... Слышишь, пей!..

Она поднесла къ моему рту стаканъ.

Я взялъ его, выпилъ, и... передъ моими глазами все разомъ закружилось, заиграло, запѣло... Точно темная ночь вдругъ выдвинула передо мною изъ своихъ нѣдръ какой-то иной міръ, что-то такое, чего я не зналъ доселѣ. Это былъ какъ будто, тотъ же старый, прежній міръ, только онъ сталъ болѣе яркимъ, красивымъ, полнымъ красокъ и звуковъ, жизни и счастья. А то, что было раньше, куда-то ушло, отодвинулось и стало далекимъ, прошлымъ, точно полурастаявшій сонъ... Я смотрѣлъ на Таню... Да что же это? Вѣдь я уже видѣлъ ее когда-то, видѣлъ и эту комнату, и Лизавету, и акробата... Они всѣ родные мнѣ, знакомые, я только не узналъ ихъ сразу...

— Выпьемъ!—говорю я уже самъ, наливая себѣ стаканъ...— Была бы только ночка-а...—затягиваю я, и передо мною проносится на мгновеніе та далекая и уплывающая теперь въ забвеніе моя прошлая жизнь. Жалкой и ничтожной кажется она мнѣ теперь, когда я вотъ сейчасъ, какъ будто, перешелъ какую-то черту, за которой открылась иная жизнь, лучшая, свободная...

Взявъ меня за руку, Таня глядѣла мнѣ въ глаза и шептала:

— Ни о чемъ не думай, живи, какъ во снѣ, какъ я живу... Кажется мнѣ, будто я на свѣтѣ сотню ужъ, тысячу лѣтъ живу, всегда жила и всегда жить буду... И все сплю... Сны мѣняются, а я все та же. Помню, вотъ, смутно... давно-давно это было... Снѣжное поле... Солнце свѣтитъ, пахнетъ весной, знаешь, ранней такой весной, когда снѣгъ таетъ. Вверху жаворонокъ, какъ ручеекъ, журчитъ, а внизу, въ оврагѣ, ручеекъ, какъ жаворонокъ, переливается... Иду я по полю, и кругомъ никого нѣтъ, иду и пою... И такъ хорошо мнѣ, по-

тому что одна я во всемъ свѣтѣ, куда хочу—туда и пойду, и все равно мнѣ—куда ни пойти... Ну, и пошла я по городамъ. Много всего видѣла, и хорошаго и дурного, а больше-то, пожалуй, хорошаго. Въ жизни-то, можетъ, и нѣтъ ничего дурного, надо только умѣть смотрѣть... Живи такъ, будто картинки глядишь!

Я слушалъ вкрадчивый, точно полусонный шепотъ Тани, смотрѣлъ на ея нервно вздрагивающія поблѣднѣвшія губы, на пылающія неестественно-яркимъ румянцемъ щеки, на ея волнистые волосы, растрепанные, точно разбитые буйнымъ вѣтромъ, и мнѣ казалось, что я гдѣ-то уже видѣлъ это, однажды въ золотую осень, когда холодный вѣтеръ, шутя и играя, сметалъ съ уныло скрипѣвшихъ деревьевъ золотые листья, и они летѣли, сухіе, безсильные, и шелестѣли о чемъ-то, что уже было, было, было... И, сквозь оголенные сучья, въ глаза мнѣ смотрѣла красная, вечерняя заря, яркая, какъ кровь, но холодная и печальная...

Я слушалъ невнятный, убаюкивающій шепотъ, и вдругъ что-то злое шевельнулось у меня на душѣ.

Я вѣдь тоже жилъ! И я тоже помню: и яркое солнце, и синее небо, и голубую весну ранней-ранней юности, когда я смотрѣлъ въ даль жизни и ждалъ отъ нея счастья—свободнаго, человѣческаго счастья... И я ходилъ и искалъ, искалъ только хорошаго. Я искалъ свободныхъ людей, а видѣлъ лишь звѣрей, посаженныхъ въ клѣтки, то тупыхъ и покорныхъ, то яростно грызущихъ желѣзные прутья, отдѣляющіе ихъ отъ свободной жизни... И я видѣлъ много городовъ, но я не видѣлъ среди живущихъ тамъ настоящаго, человѣческаго счастья: я видѣлъ стадо загнанныхъ, забитыхъ, изнывающихъ подъ бременемъ жизни, я видѣлъ нищихъ, вымаливающихъ у жизни кусочекъ счастья, я видѣлъ только сытыхъ хозяевъ и голодныхъ рабовъ...

„Она этого не видѣла, она ничего этого не видѣла!“ — думалъ я, и злая усмѣшка кривила мнѣ губы...

— Ну, а теперь?—спросилъ я.

— Что-о?

— А вотъ это?

Я кивнулъ на столъ, залитый виномъ, на пьяную Лизавету, сонно свѣсившую усталую голову. Роберта не было въ комнатѣ, но я зналъ, куда ушелъ онъ: онъ ушелъ, чтобы надѣть оставшееся у него расшитое яркими блестками трико, пестрое, напоминающее шкуру змѣи,—трико, въ которомъ онъ когда-то ломался передъ рукоплещущей толпою.

— Теперь, что жъ теперь?—помолчавъ, отвѣтила Таня.— Кровь, видно, стынетъ,—это вѣрно... тяжелѣе стало... точно просыпаешься иной разъ...

— Да что ты...—чортъ!—вдругъ оттолкнула она меня отъ себя и, вскочивъ, крикнула какъ-то дико и страшно:—Слышишь, замолчи ты, воронъ!..

Она налила полный стаканъ водки и, залпомъ выпивъ, глубоко вздохнула.

— На вотъ тебѣ,—проговорила она, пристально взглянувъ на меня злыми, широко открытыми, вызывающими глазами.—Вотъ оно опять все по старому... Эхъ, вы, что задумались,—крикнула она:—Живи весело!

Она захлопала въ ладоши, загикала, застучала коблуками, и казалось, что какая-то большая дикая птица вдругъ влетѣла въ комнату и стала биться объ ея тѣсныя стѣны.

Лизавета разомъ очнулась, подняла съ полу гитару и, что есть силы, ударяя по струнамъ, запѣла:

«Ахъ, жить будемъ и гулять будемъ,
«А смерть придетъ—умирать будемъ!..»

Таня схватила со стѣны бубенъ и, ударяя въ него, кричала:—Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ!..—И бубенъ звенѣлъ, наполняя комнату сыплющимися звуками, точно кто-то могучій и бѣшеный вырвался изъ долгаго плѣна и теперь билъ и крошилъ все въ мелкія дребезги.

Въ темномъ углу, сверкая расшитымъ блестками костюмомъ, стоялъ человѣкъ-змѣя и посылалъ граціозными жестами куда-то въ пространство воздушные поцѣлуи...

А въ окна стучалъ и плевалъ дождемъ осенній холодный вѣтеръ, и изъ темныхъ оконныхъ впадинъ въ озаренный свѣтомъ маленькій четыреугольникъ нашей комнаты—смотрѣла громадная темная ночь...

Такъ, я зналъ, жили эти люди изо-дня въ день.

Не думая о томъ, что будетъ завтра, они плыли въ безбрежномъ морѣ тьмы и, закрывъ глаза, пѣли, не смолкая, свои звонкія пѣсни. И мнѣ казалось порой, что жизнь этихъ людей одна изъ самыхъ высокихъ нотъ въ міровомъ концертѣ, одна изъ тѣхъ нотъ, которыя рвутъ струны...

Но я... я былъ здѣсь случайнымъ гостемъ. Дня за четыре до описываемаго вечера, въ холодную осеннюю ночь,—только что выпущенный изъ тюрьмы,—я бродилъ безъ пріюта по улицамъ чужого мнѣ города и случайно набрелъ на освѣщенныя окна этой комнаты.

До меня донеслись звуки пѣсенъ, шумъ, хохотъ, и, не знаю почему, я постучался.

Меня впустили, и никто не удивился моему приходу; меня точно ждали. Былъ здѣсь въ ту ночь и еще одинъ случайный гость,—огромный сѣдой человѣкъ, съ виду похожій на

купца, пившій стаканъ за стаканомъ и то плакавшій, то грозившій кому-то въ пространство громаднымъ кулакомъ...

Усталый, иззябшій, я скоро заснулъ подъ звуки пѣсенъ, а когда утромъ проснулся и хотѣлъ идти, Таня подошла ко мнѣ и сказала:

— Куда идешь-то, пожилъ бы у насъ, пока работы не найдешь...

Я остался, прожилъ нѣсколько дней, но работы не нашелъ... И вотъ теперь мнѣ нужно было уѣзжать изъ этого города и разстаться съ Таней навсегда. И я проводилъ здѣсь послѣднюю ночь...

Я сидѣлъ, слушалъ пѣсни, пилъ вино, пьянѣлъ временами, но все же мнѣ было невыносимо грустно. Я не могъ, какъ эти люди, отдаваться веселью беззавѣтно, и все думалъ о томъ, какъ я пойду снова въ ту другую, прежнюю мою жизнь и буду разрушать, передѣлывать и перестраивать эту жизнь по своему.

И когда подъ утро все стихло, наконецъ, и я лежалъ съ закрытыми глазами, терзаясь сомнѣніями и проклиная судьбу за то, что родился въ такой жизни, которую ненавижу, и что я, страстно жаждущій полнаго счастья, умру, не извѣдавъ этого счастья; когда я лежалъ такъ, проклиная безсмыслицу жизни, заставляющую человѣка быть только средствомъ для чего-то невѣдомаго, кто-то сѣлъ рядомъ со мною и, положивъ на мой пылающій лобъ руку, заговорилъ надъ самымъ ухомъ.

Я открылъ глаза.

Кудрявая, растрепанная голова Тани, съ блѣднымъ лицомъ и горящими глазами, низко наклонилась надо мною.

— Думаешь все?—тихо заговорила она, шевеля сухими вздрагивающими губами.—Брось это, видишь—живемъ еще... Никому и ничему не покоряемся... Хорошо такъ жить! Легко!

— Неужто это, по твоему, хорошо?—горячо перебилъ я ее:—Васъ гонятъ, презираютъ всѣ; вы вотъ пьете, а для чего? Забыться хотите, тяжело вамъ, ну, вы и обманываете себя...

— А какъ же иначе?—спросила насмѣшливо Таня.—Ну-ка разскажи, какъ иначе жить.

И я сталъ говорить ей о томъ, что сильные ограбили слабыхъ, что одни живутъ за счетъ другихъ и что нужно сдѣлать такъ, чтобы ничего этого не было, чтобы всѣ были свободны, сыты, веселы.

Таня внимательно слушала меня и, когда кончилъ я, нѣкоторое время молчала, а потомъ сказала серьезнымъ шепотомъ:

— Ничего нѣтъ этого, что ты говоришь. Никто никого не грабитъ. Не могутъ всѣ свободными быть... Можетъ, оно бы

и хорошо было, когда бы всѣ жили такъ, какъ ты говоришь, но я бы въ той жизни не стала жить... Ты вѣдь вотъ говоришь, всѣ тамъ работать должны, а я не хочу работать. Я люблю пѣсни пѣть—вотъ и все! Что мнѣ въ той жизни? Да и какъ это людей сравнять можно? Если во всемъ—и въ умѣ, и въ сердцѣ сравнять, такъ очень ужъ скучно станетъ... ничего любопытнаго не будетъ... А если только въ жизни сравнять, а человѣка, какъ онъ есть, оставить, такъ опять скоро то же выйдетъ, что и теперь... Немножко развѣ по иному... Нѣтъ, по моему, ужъ лучше такъ, какъ сейчасъ: каждый человѣкъ для себя живетъ, свою пѣсню поетъ. Убери одного изъ насъ—и одной пѣсней ужъ меньше станетъ на свѣтѣ!

Таня замолкла, прилегла рядомъ со мною и закрыла глаза.

Синеватые лучи утра пробивались въ окно и скользили по ея блѣдному, съ ярко-красными тѣнями, лицу. Лицо это теперь какъ-то разомъ осунулось, закрытые глаза глубоко запали въ темныя впадины, и грудь дышала взволнованно и порывисто.

— Спи,—прошептала она,—будетъ ужъ... Все сказала... Теперь—спать!

Что-то серьезное, сознаніе какого-то выполненнаго долга почудилось мнѣ въ ея усталомъ шепотѣ, а въ словахъ „теперь спать“ слышался вздохъ облегченія, какой бываетъ у умирающихъ, облегчившихъ душу какимъ-нибудь важнымъ признаніемъ.

Но... я уже не могъ спать.

Я смотрѣлъ на Таню, и мнѣ казалось, что эта странная дѣвушка больше знаетъ о жизни, чѣмъ мы всѣ о ней знаемъ, знаетъ самое важное, безъ чего нельзя жить.

И я думалъ: покидая эту берлогу, чтобы идти бороться за новую, лучшую жизнь, могу ли я, имѣю ли право оставить ее здѣсь, въ ея жизни?.. Спасти отъ конечной гибели одного человѣка, быть можетъ,—больщій подвигъ, нежели улучшить на ничтожную, незамѣтную долю жизнь всего человѣчества?..

— Таня,—шепнулъ я,—уѣдемъ!

Она вздрогнула, какъ бы съ просонокъ, и, открывъ широко глаза, пристально посмотрѣла на меня.

— Уѣдемъ вмѣстѣ!—продолжалъ я.—Здѣсь я не могу жить, противно мнѣ... Уѣдемъ въ чужую страну, въ Америку, что-ли: тамъ новый свѣтъ, новая жизнь, свободный трудъ, свободные люди. Мы забудемъ все, что было здѣсь, заживемъ по новому!

— Ты съ ума сошелъ!—сказала она, поблѣднѣвъ и горько усмѣхнувшись.—На что мнѣ твоя Америка? Я развѣ жаловалась тебѣ на свою жизнь?

Она взглянула на полосы свѣта, пробивавшіяся въ окно, потянулась и разомъ смолкла... Становилось совсѣмъ свѣтло. Спать было уже некогда.

Я всталъ.

— Тогда, прощай, Таня,—сказалъ я,—я пойду...

Она порывисто приподнялась, обняла меня и крѣпко поцѣловала.

— Прощай, прости, ежели что не такъ сказала. Я вотъ все спорила съ тобой, словъ твоихъ не могла понять, а все-таки... я рада, что люди такіе, какъ ты, пошли теперь... Маленькій эдакій человѣчекъ, а одинъ противъ всѣхъ идетъ: кричитъ, ругается, никого знать не хочетъ, все по своему передѣлать думаетъ,—хорошо это! Весело! Ну, прощай! Когда ужъ очень тяжело станетъ—вспомни, какъ пѣсни мы пѣли... Пой и ты свою пѣсню, какую знаешь!

Таня устало опустилась на подушку и закрыла глаза.

Я тихо вышелъ и больше уже никогда не видалъ этихъ глазъ...

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ.

Увлеченный потокомъ жизни, я кружился въ немъ и съ жгучимъ любопытствомъ смотрѣлъ, куда меня вынесетъ моя рвущаяся къ простору мысль. И то падалъ въ глубокія, темныя бездны, то поднимался на снѣжно-бѣлые гребни волнъ и замиралъ на высотѣ ихъ въ недвижномъ созерцаніи... Но чаще я бродилъ среди пустынь и степей жизни безъ пріюта и цѣли... Порою, укачиваемый волнами, я будто начиналъ дремать, и тогда, тяжелыя, холодныя мысли заползали въ мозгъ, и шумъ жизни начиналъ казаться мнѣ однообразной, монотонной пѣсней, подъ которую такъ пріятно заснуть...

Но, всякій разъ, когда весною, стряхнувши съ себя сѣрыя тучи, клочекъ голубого неба заглянетъ въ окно моей комнаты и, вмѣстѣ съ волною звуковъ ожившей улицы, съ дыханіемъ теплаго, весеняго вѣтерка, сверкающій солнечный лучъ разгонитъ тишину застывшаго вкругъ меня полумрака и, поднявши столбъ золотистой пыли, наполнитъ этотъ мертвый мракъ яркою игрою свѣта и тѣней, — тогда, навстрѣчу веснѣ, навстрѣчу жизни и свѣту, изъ-подъ толстой коры зимою навѣянныхъ мрачныхъ мыслей, брызнутъ мои нѣжныя, зеленыя мечты и образы прошлаго, подернутые туманною дымкой забвенія... Я гляжу въ нѣмую даль жизни и жадно прошу у нея разгадки ея смысла... И она отвѣчаетъ мнѣ ясною, нѣжною, довѣрчивою улыбкой юной весны. Изъ глубины прошлаго, безпорядочнаго и непонятнаго, гдѣ все игра, все случайность,—она выдвигаетъ множество дорогихъ тѣней и образовъ... Я вижу юныя, вдохновенныя лица, вижу глаза,

сверкающіе огнемъ молодого гнѣва, вижу руки, устремленныя къ небу, руки погибающихъ, но вѣрящихъ въ правду... И живо встаетъ передо мной блѣдное лицо дѣвушки съ ярко-красными пятнами на щекахъ, и горящіе безумной жаждой счастья глаза и темныя кудри, будто разбитыя буйнымъ вѣтромъ.

— Развѣ жизнь не стоитъ хорошей пѣсни?

И мнѣ снова хочется жить, жить высшимъ напряженіемъ нервовъ, страстно, мучительно хочется жить, наперекоръ холодному опыту, наперекоръ мудрости, замораживающей кровь! И я снова иду въ толпу, въ водоворотъ жизни и громко пою свою пѣсню... Образъ Тани неотступно стоитъ передъ моими глазами, какъ прекрасный обломокъ разбитаго идеала свободнаго человѣка, свободной женщины...

М. Митяшевъ.

За счастьемъ и правдой.

(Очерки и наблюденія русскаго путешественника).

(Окончаніе).

IX.

Сальваціонисты.

Вечерѣетъ; въ глубинѣ расходящихся вѣеромъ четырехъ улицъ, точно перепархивая съ мѣста на мѣсто, загораются огоньки; уличный гамъ затихаетъ...

На перекресткѣ толпа. Плавно волнуясь по вѣтру, надъ ней извивается красное знамя. Какъ бы въ ритмъ его колебаніямъ, то разсыпаясь мелкой журчащею дробью, то разражаясь глухимъ сердитымъ ворчаньемъ, рокочетъ большой барабанъ, и подъ его тревожный зазывающій рокотъ толпа выростаетъ.

Это воины арміи спасенія вышли на битву съ діаволомъ. При порывахъ холоднаго вѣтра блеститъ на знамени крупная золотомъ шитая буква S—символъ арміи (Salvation Army).

Барабанъ замолкаетъ. Надъ толпою тотчасъ же вспархиваетъ чей-то мягкій, закругленный, ровный баритонъ.

— Остановитесь: еще не поздно...

Я протискиваюсь ближе. Въ центрѣ толпы трое: знаменщикъ, барабанщикъ—безцвѣтныя сѣрыя лица—и сержантъ „Арміи", рослый, красивый мужчина, лѣтъ 35; у него позументы на кепи и на обшлагахъ форменной куртки. Продолговатымъ кольцомъ вокругъ стали солдаты,—мужчины въ кепи, женщины—въ преувеличенно скромныхъ, одинаковыхъ сѣренькихъ платьяхъ, въ уродливыхъ, въ родѣ капора, старомодныхъ изъ темной соломы шляпахъ, перехваченныхъ подъ подбородкомъ широкой алой лентой. Лица, большею частью, блѣдныя, усталыя, иныя съ чисто мученическимъ выраженіемъ. Тотъ же нервный, почти страдальческій видъ у нѣкоторыхъ изъ переднихъ рядовъ толпы,—настроеніе, очевидно, назрѣвшее и передающееся вширь...

— Пожалѣйте вашу душу!—восклицаетъ, между тѣмъ, сержантъ,

печально склоняя голову и округлымъ жестомъ выдвигая впередъ правую руку.—Пожалѣйте, пока не поздно, пока до васъ еще доходятъ ея стоны, ея ужасные стоны!..

Онъ дѣлаетъ паузу; по переднимъ рядамъ проносится шорохъ подавленныхъ вздоховъ; кто-то позади мяучитъ, но даже полисмэнъ, стоящій тутъ, скрестивъ на груди руки, не обращаетъ на это вниманія *).

— О, скажите мнѣ лучше, что я лгу,—продолжаетъ ораторъ съ разгорающимся пафосомъ,—что это—неправда!..

Точно въ отвѣтъ, позади кто-то лаетъ.

— Скажите, что ежедневно, быть можетъ, ежечасно изъ-за житейскихъ соблазновъ вы не насилуете вашу душу, не подавляете голоса вашей совѣсти, увѣряя себя, что всѣ, всѣ такъ живутъ, что иначе жить невозможно, что счастье летуче: разъ упустишь его—не поймаешь... Счастье!.. А!.. вотъ онъ, идолъ-невидимка, тиранъ-поработитель!.. Вотъ онъ, болотный огонекъ, завлекающій въ трясину, заслоняющій намъ цѣль истинно-праведной жизни...

Въ публикѣ шепотъ недоумѣнія.

— Да, заслоняющій!.. Вспомните, джентльмэны, въ томъ ли, что и теперь, вы видѣли счастье, когда дѣтски-чистыми глазами, бывало, глядѣли въ глаза вашей матери, или когда, скажемъ, возвращаясь изъ sunday shool *), быть можетъ, объ руку съ вашей первой, вашей чистой, вашей святой любовью, вы давали обѣтъ стать ея достойнымъ, слѣдовать въ путяхъ своихъ избранникамъ Божіимъ?..

Выпрямивъ станъ, ораторъ обводитъ взглядомъ толпу. Публика ждетъ... Въ переднихъ рядахъ глубокое вниманіе, въ заднихъ—явное любопытство: кольцо вкругъ проповѣдника становится все ўже, особенно въ моменты, когда перебѣгаютъ черезъ перекрестокъ шумливые вагоны конки. Ни шутокъ, ни какихъ-нибудь замѣчаній...

— Въ ту пору, въ ту незабвенную пору, джентльмэны, въ каждомъ изъ насъ обитала душа, алкавшая и жаждавшая правды... А теперь?.. О, я ни на минуту не сомнѣваюсь,—тутъ голосъ его понизился до конфиденціальнаго и, тѣмъ не менѣе, звучнаго шепота,—не сомнѣваюсь, что каждый изъ предстоящихъ достоинъ съ честью пожать руку самаго безупречнаго джентльмэна, но—отвѣтьте на это своей совѣсти,—многіе ли устоятъ предъ счастливымъ случаемъ удачно обольстить, успѣшно, не взирая на чьи-

*) Его непосредственная обязанность—блюсти только, чтобы толпа не загромоздила проходъ.

**) Sunday shool—собственно, воскресная школа. Такъ называются у англичанъ воскресныя собранія, преимущественно дѣтей и подростковъ, обыкновенно отъ 3 до 5 пополудни, на которыхъ кто-либо читаетъ и объясняетъ Библію, разъясняя тексты и выводя изъ нихъ нравственныя поученія.

нибудь слезы, обогатиться?.. О, я самъ живу въ этомъ великомъ, въ этомъ могучемъ, въ этомъ кипучемъ городѣ, равнаго которому, быть можетъ, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ... Я знаю, что значитъ давленіе жизни, я знаю, что можно привести сотни оправданій, сотни объясненій причинъ неизбѣжности нашей внутренней порчи... Но не все ли равно убитому, какимъ ножемъ его зарѣзали?..

— О, конечно!.. О, разумѣется!—даютъ реплику воины; имъ вторятъ нѣсколько человѣкъ изъ толпы.

Скрестивъ на груди руки и опустивъ голову, сержантъ продолжаетъ, тихимъ размѣреннымъ голосомъ, будто въ раздумьи:

— Да, врагъ силенъ; врагъ не дремлетъ: онъ подстерегаетъ даже во снѣ, навѣвая намъ сны, обольщающіе насъ затѣмъ на яву... А мы—чѣмъ защищаемся мы отъ его соблазновъ?.. Ничѣмъ: мы безпечны, какъ газель на лугу, когда среди ближнихъ зарослей крадется къ ней ягуаръ... Ея чуткому уху, какъ будто, и слышенъ неясный, подозрительный шорохъ, но... лазурь такъ чиста, солнце такъ ярко сіяетъ, а вотъ тамъ, надъ прозрачной водною гладью, такъ нѣжно склонилась роскошная, сочная зелень... Еще бы немножко, еще бы минутку, только минутку блаженства подъ вѣтками пышныхъ кустовъ!.. Но именно тамъ-то и поджидаетъ лютый, безжалостный врагъ: минута, секунда, мгновенье,—и несчастная жертва въ коварныхъ когтяхъ... Она бьется, трепещетъ, ищетъ спасенья—безплодно! Она силится вырваться—поздно! Она изнемогаетъ, теряетъ послѣднія силы—напрасно!..

Ораторъ, постепенно возвышая голосъ, почти выкрикиваетъ послѣднія слова и замираетъ съ широко раскрытыми глазами, точно предъ нимъ и въявь происходитъ агонія послѣдней борьбы. Въ публикѣ—тишина, напряженное вниманіе...

Медленно, какъ бы противъ воли, ораторъ продолжаетъ:

— И капля за каплей струится алая кровь, обагряетъ траву, обагряетъ вѣтки тѣхъ самыхъ кустовъ, что манили къ блаженству покоя: несчастная гибнетъ!..

— Гибнетъ!.. Она... она гибнетъ!..—истерически подхватываетъ хоръ.

— Такъ гибнемъ, братья, и мы!—уже грознымъ, суровымъ тономъ заключаетъ ораторъ.—Такъ гибнемъ и мы, безпечно стремясь къ наслажденью, и еще дерзаемъ жаловаться, что несчастны!.. Мы убѣгаемъ отъ свѣта Христова ученья, пытаемся отыскать счастье въ потемкахъ минутныхъ успѣховъ этого міра! . О, горе намъ, горе!.. Горе тебѣ, Виѳсаида!.. Горе тебѣ, Хоразипъ!.. Горе слѣпотствующимъ, горе блуждающимъ въ бездорожной, безплодной пустынѣ!..

— Горе намъ, горе!.. О, горе, горе!.. — плачевно-сурово, тоскливо и жалостно стонетъ хоръ.

Не знаю, переступилъ ли ораторъ должную мѣру, или ужъ мѣстная публика вообще такова: готова слушать все, что угодно,

но не легко поддается къ чему-нибудь обязывающимъ ее выводамъ,—только въ толпѣ вдругъ явно проступаетъ двойственное настроенiе: часть, безмолвная и неподвижная, видимо, остается подъ обаянiемъ грубаго краснорѣчiя, тогда какъ съ другой сыплются замѣчанiя, шутки, часто неловкiя, какъ у людей, вдругъ устыдившихся наивности только что испытанныхъ впечатлѣнiй и старающихся скрыть это...

— Ну, Билли,—восклицаетъ стоящiй неподалеку отъ меня какой-то свѣже выбритый и гладко вычищенный*) молодой человѣкъ товарищу, такому же франту, какъ самъ,—сегодня я, наконецъ, услышалъ собственныя мысли. Я всегда догадывался, что наше несчастье—только отъ счастья... Это, дорогой мой,—глубочайшая философiя!

— Резонно: итакъ, долой счастье!.. Да здравствуетъ несчастье; отъ него—счастье, которое родинѣ несчастье, которое... Что же это выходитъ?..

Рокотъ барабана разомъ покрываетъ нечестивыя замѣчанiя...

— Братья!—звучнымъ, властнымъ тономъ снова начинаетъ сержантъ, подымая голову...—Братья!... Если вы думаете, что я говорилъ вамъ правду, и отъ чистаго сердца, какъ роднымъ, какъ близкимъ друзьямъ,—ступайте за мной: тутъ неподалеку, въ немногихъ минутахъ ходьбы, въ Уайнѣ-Голлѣ, разъяснятъ вамъ ваши сомнѣнья, научатъ лучше меня, какъ противостоять злому давленiю житейскихъ соблазновъ, объяснятъ вамъ, почему вы такъ несчастны, укажутъ, какъ вновь вернуться на путь къ высшему счастью...

Онъ подалъ знакъ; отрядъ стройно запѣлъ гимнъ,—очень выразительный, хотя и мало оригинальный по мелодiи. Въ мотивѣ незамѣтно было ничего рутинно-церковнаго; только гармонiя широкихъ финальныхъ аккордовъ нѣсколько напоминала духовный ладъ.

— Ряды, стройсь!—раздалась команда.

Знаменщикъ шагнулъ впередъ; за нимъ—сержантъ, рядомъ съ барабанщикомъ, громко выбивавшимъ тактъ марша, и рядами, по двое, солдаты: сначала мужчины, потомъ женщины; въ хвостѣ змѣей извивавшагося на поворотѣ по мостовой отряда, и также парами, выступали человѣкъ двадцать изъ публики.

— Переодѣтые, переодѣтые!..

— Барнаби, я васъ узналъ, не хитрите!

— Обманщики!.. Фальсификаторы!

Насмѣшки, болѣе или менѣе колкiя шутки посыпались, какъ изъ мѣшка: толпа точно хотѣла отомстить за обаянiе, въ которомъ ее только что держалъ ораторъ; она шипѣла, ухала, гикала, видимо радуясь скандалу. И однако же, послѣ нѣсколькихъ нелов-

---

*) Американскiе щеголи ежедневно освѣжаютъ свой костюмъ утюженiемъ.

кихъ колебаній, къ шествію, замыкая его, тутъ же присоединилось еще нѣсколько паръ изъ той же, начавшей уже расходиться толпы... Это были, надо полагать, уже настоящіе, неподдѣльные прозелиты.

Въ ту же сторону, въ числѣ десятка другихъ любопытныхъ, двинулся по тротуару и я.

Покаянныя собранія воиновъ Арміи Спасенія столько разъ уже описаны, что я ограничусь тутъ лишь нѣсколькими штрихами, подмѣченными лично.

Замѣчу прежде всего, что публичный залъ Уайтъ-Голла во второмъ этажѣ четырехъ-этажнаго бѣлаго зданія, у стрѣлки, т. е. у перекрестка цѣлаго вѣера улицъ, былъ разсчитанъ не болѣе какъ на сто человѣкъ. А между тѣмъ, сюда вошли не менѣе полуторыхъ сотъ, и кое-гдѣ все еще оставалось свободное мѣсто. Остается предположить, что раздававшіяся у перекрестка замѣчанія о переодѣтыхъ были справедливы, и шествовавшіе въ роли новообращенныхъ партикулярно одѣтые сальваціонисты, по приходѣ въ залъ, укрылись гдѣ-нибудь во внутреннихъ комнатахъ, какъ статисты, когда въ нихъ миновала надобность.

Въ залѣ насъ встрѣтила привѣтствіемъ и за что-то благодарила маленькая, черненькая сальваціонистка съ сангвинически подвижнымъ блѣдно-желтымъ лицомъ, на которомъ сверкали черные, какъ уголь, глаза (на уличномъ митингѣ она отсутствовала). За ея спиной стояла одна изъ участницъ шествія, высокая женщина съ плоскимъ лицомъ и плоскою до нельзя грудью, по временамъ что-то нашептывавшая товаркѣ и въ то же время жестами размѣщавшая публику по скамьямъ, при чемъ приходившіе группами разсаживались вмѣстѣ, а одинокіе размѣщались по скамьямъ, гдѣ уже имѣлись посѣтители. Меня усадили рядомъ съ какимъ-то геморроидальнаго вида господиномъ, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ безцвѣтными большими глазами и бровями соломеннаго цвѣта. У него порядкомъ тряслись руки, длинныя, костлявыя и худыя; онъ то безпокойно вертѣлъ ими свой сѣрый, высокій, сильно поношенный котелокъ, то энергично упирался въ раздвинутыя колѣнки. Мнѣ казалось, что этого господина я уже гдѣ-то видѣлъ, но никакъ не могъ припомнить, гдѣ именно...

Въ узкой, длинной, ярко выбѣленной комнатѣ съ низенькимъ потолкомъ было душно и жарко до испарины. Когда же, вслѣдъ за гимномъ, пропѣтымъ на устроенной въ глубинѣ зала эстрадѣ, помянутая уже желтоблѣдная женщина начала свою исповѣдь, и публика, какъ-будто только и поджидавшая пикантнаго номера программы, разомъ хлынула изъ коридора и заполнила всѣ проходы, такъ что и яблоку упасть было бы негдѣ,—въ комнатѣ на-

стала такая духота, что у меня застучало въ вискахъ и кровь ударила въ голову.

Между тѣмъ, блѣдная женщина съ эстрады разсказывала что-то тоже удушливое и нравственно нездоровое... Она разсказывала, напримѣръ, какъ, притворившись спящей, соблазняла увлекавшагося ею пастора, съ которымъ впослѣдствіи и сбѣжала въ Фриско (С. Франциско). Потомъ діаволъ, какъ извѣстно, главный виновникъ всѣхъ подобныхъ приключеній, внушилъ ей намѣреніе бросить надоѣвшаго ей грѣшнаго пастыря и снова убѣжать, уже въ С. Луи. На этотъ разъ она увлекла съ собой только что повѣнчавшагося и, ради любовницы, обокравшаго свою молодую жену комми-вояжера... Все это излагалось обстоятельно и подробно, даже со вздохами и покаянными восклицаніями, но, тѣмъ не менѣе, въ этой странной исповѣди чувствовалось далеко не раскаяніе и не сокрушеніе о грѣхахъ... Мнѣ казалось, что предъ аудиторіей развертывалось проявленіе истеріи, которой бы мѣсто въ рукахъ гинеколога или психіатра, а никакъ не на вивисекціонномъ столѣ сальваціонисткаго митинга...

Повидимому, не совсѣмъ доволенъ былъ проповѣдницей и сержантъ арміи, остававшійся все время позади говорившей у стѣны, на эстрадѣ: порой, и какъ разъ въ мѣстахъ сомнительной назидательности, глаза его расширялись, какъ тогда, когда онъ набрасывалъ картину агоніи газели, и онъ дѣлалъ невольныя движенія, точно хотѣлъ остановить исповѣдницу. Но та уже не въ состояніи была удержаться: торопясь, почти захлебываясь, она выбрасывала предъ жадно внимавшей ей аудиторіей все новые факты своего грѣховнаго прошлаго, замедляя скачущую нервную рѣчь именно на эпизодахъ наиболѣе рискованныхъ, умѣстныхъ развѣ на страницахъ бульварно-порнографическаго романа...

Чѣмъ-то неестественнымъ, искуственнымъ и глухо-сладострастнымъ звучалъ пафосъ ея заключительнаго обращенія къ слушателямъ, когда она умоляла ихъ остерегаться сѣтей діавола, которыя такъ легко, такъ незамѣтно, такъ обольстительно-сладостно опутываютъ наше бѣдное сердце, вѣчно жаждующее терзаній, которыя мы упорно называемъ счастьемъ.

Звуки какого-то бурно-воинственнаго гимна, подъ аккомпаниментъ двухъ гитаръ и оглушительно гудѣвшаго барабана, покрыли эту рѣчь, и затѣмъ на эстраду вышелъ рыжеватый, на половину уже сѣдой господинъ съ трясущейся, словно сплющенной съ боковъ головой, очевидно многолѣтній алкоголикъ. Онъ принялся восхвалять Армію Спасенія—„любвеобильную мать всѣхъ угнетенныхъ и обездоленныхъ“. Она сдѣлала для него больше, нежели родная мать,—та только произвела его на свѣтъ и вскорѣ умерла, послѣ чего онъ, оставшись безъ призора, чуть не съ дѣтства сталъ пьяницею... Армія Спасенія пріютила его, омыла съ него душевную грязь, уврачевала его мерзкія язвы... Тутъ

бѣднякъ прослезился, а хоръ отряда, съ участіемъ страшно разноголосившей публики, затянулъ новый побѣдный гимнъ...

Слѣдующимъ ораторомъ былъ опять старый алкоголикъ—высокій бородатый господинъ, нѣкогда брюнетъ, съ сильной просѣдью, быстро усиливавшейся кверху, точно голову его обмакнули въ чернила, и послѣднія, сбѣгая, остановились у конца въ густой бородѣ. Онъ говорилъ просто, довольно искренно и убѣжденно. Однако публика не удѣляла ему и половины того вниманія, какимъ нѣсколько минутъ назадъ встрѣчала покаяніе бывшей грѣшницы: въ залѣ разговаривали даже въ такіе моменты, когда въ исповѣди проходили эпизоды, полные потрясающаго драматизма. Мнѣ стало тяжело, и я вышелъ.

У дверей, теперь угрюмая, какъ монашенка, принявшая схиму, стояла та же пожилая, плоскогрудая женщина, которая принимала насъ въ началѣ митинга.

— Вернитесь, не зажимайте ушей, не закрывайте очей!—сурово, непріятнымъ сипловатымъ баскомъ бросила она мнѣ, но, видя, что я всетаки ухожу, добавила укоризненно:

— Бѣжишь отъ голоса правды, душа, омраченная грѣхами...

— А! Поздравляю!—сказалъ мнѣ на слѣдующій день мой сосѣдъ по комнатѣ, мистеръ Мюнцъ. — Вы были вчера у сальваціонистовъ. Ну, какъ вы находите этихъ враговъ человѣчества?

— Почему же враговъ?

— Да какъ же! Не пей, не кури, жену люби, какъ сестру... Вамъ все это понравилось?

— Много ненужнаго, театральнаго; но думаю, среди нихъ есть пламенно-вѣрующіе, быть можетъ, даже—праведники...

— Вотъ-то радъ будетъ Фреди,—сказалъ мистеръ Мюнцъ,—когда я передамъ ему вашъ отзывъ.

Оказалось, что Фредъ или Фредерикъ Гаммеръ, товарищъ Мюнца по мастерской и сальваціонистъ по убѣжденіямъ, видѣлъ меня на уличномъ митингѣ, потомъ былъ моимъ сосѣдомъ въ Уайтъ-Голлѣ и остался такъ доволенъ моимъ „симпатичнымъ поведеніемъ,“ что теперь проситъ назначить день, когда ему придти, чтобы познакомиться со мною.

— Конечно, я буду очень радъ,—отвѣтилъ я,—но боюсь, что долженъ буду огорчить вашего пріятеля... Онъ, вѣроятно, надѣется найти во мнѣ прозелита...

— Разумѣется! — добродушно согласился мистеръ Мюнцъ. — Въ этомъ отношеніи вы правы: онъ на васъ разсчитываетъ... Нужно сказать правду, — сальваціонисты сдѣлали для него коечто: онъ былъ бродяга и пьяница... Они таки встряхнули его, и теперь онъ остепенился. Но за то только и думаетъ о новыхъ рекрутахъ для арміи... За меня онъ принимался довольно круто...

— Но вы устоили?..—Мюнцъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, я охотно соглашаюсь посѣщать ихъ митинги, съ однимъ условіемъ: чтобы было хорошее пиво, и чтобы программа увеселеній была нѣсколько разнообразнѣе... Впрочемъ, Фредъ отличный малый и славный товарищъ, которому я готовъ оказать всякую услугу. Поэтому—не угодно ли получить?.. Это онъ посылаетъ вамъ.

И онъ сунулъ мнѣ въ руку небольшой листокъ изъ какого-то сальваціонистскаго ежегодника. На лицевой сторонѣ листка имѣлись свѣдѣнія объ Арміи Спасенія, а на оборотной мельчайшимъ шрифтомъ были напечатаны статистическія данныя объ орденѣ „Шотландскихъ Классовъ", „Рыцарей Вифлеемской Звѣзды", „Рыцарей Золотой Иглы", „Независимыхъ Рехабитовъ", „Соединенныхъ Отцовъ пилигримовъ", „Новѣйшихъ Маккавеевъ" и т. д.

Вотъ данныя объ Арміи, какъ сообщаетъ ихъ помянутый листокъ.

Основанная въ іюлѣ 1865 г. въ Лондонѣ методистскимъ пасторомъ Вилліамомъ Бутсомъ, сначала въ качествѣ миссіонерскаго общества, имѣвшаго исключительной цѣлью доставленіе Свѣта Евангелія лицамъ, почему либо не посѣщающимъ церкви, она въ 1878 году расширила свою программу и является уже вліятельной духовной организаціей, направленной на непосредственную борьбу съ грѣхомъ и нечестіемъ; тогда же она приняла и свое теперешнее имя. Въ настоящее время армія уже ратоборствуетъ въ 49 странахъ, имѣетъ 7585 кадровыхъ организацій, состоящихъ подъ командой 16,020 старшихъ офицеровъ-руководителей, при 45,000 мѣстныхъ исполнителей, 16,000 горнистахъ и 50,000 музыкантахъ. Армія выпускаетъ въ свѣтъ 58 періодическихъ изданій, выходящихъ всего на 24 языкахъ, при еженедѣльномъ тиражѣ около 1.000,000 экз. Армія учредила 668 общественно-благотворительныхъ учрежденій, находящихся подъ управленіемъ особаго штата служащихъ, достигающаго 31.000 человѣкъ. Для падшихъ женщинъ Арміей устроено въ разныхъ странахъ 113 убѣжищъ, въ которыхъ находятъ пріютъ и слово участія ежегодно до 7,000 жертвъ общественнаго темперамента (изъ нихъ, по увѣренію автора замѣтки, ежегодно отъ 80 до 90% возвращаются на путь добродѣтели). Число же совершенно избавленныхъ Арміей отъ упорнаго пьянства превышаетъ 200,000 человѣкъ, преимущественно жителей рабочихъ кварталовъ и захолустій большихъ городовъ, для каковой надобности Армія снаряжаетъ особые избранные отряды.

Въ самой Америкѣ (командиръ Бутсъ Покеръ) Армія въ настоящее время насчитываетъ 81 жилой домъ для рабочихъ мужчинъ (нѣчто въ родѣ нашихъ пріютовъ, но — чище и лучше обставленныхъ), 6 — для женщинъ, 15 безплатныхъ столовыхъ, 32

дома трудолюбія для безработныхъ, 22 мелкихъ торговыхъ заведенія для продажи разныхъ предметовъ потребленія по оптовымъ цѣнамъ, 25 бюро для ищущихъ работы, 3 земледѣльческихъ колоніи, обладающихъ свыше 1.500 десятинъ земли, на которыхъ постоянно работаютъ около 400 мужчинъ, женщинъ и дѣтей, и 21 убѣжище для падшихъ, гдѣ ежегодно призрѣвается до 2,000 женщинъ. Работа пріискивается и предоставляется, въ среднемъ, для 50,000 чел. ежегодно.

Изъ собственно нью-іоркскихъ учрежденій Арміи Спасенія замѣчателенъ въ особенности Браверманъ-Отель для рабочихъ мужчинъ, находящійся на Чэтэмъ-скверѣ (входъ съ Боуэри). Это десяти-этажное огнеупорное зданіе, дающее пріютъ 450 душамъ; въ немъ великолѣпный залъ для общихъ собраній, баня, въ родѣ описанной мною выше, читальня съ множествомъ газетъ, мѣстныхъ и иногородныхъ и проч. Зданіе освѣщается электричествомъ, снабжено лифтомъ и т. п. усовершенствованіями комфорта. На Боуэри есть еще одинъ подобный домъ, но — меньше. Кромѣ того, имѣются еще 2 дома трудолюбія—въ Бруклинѣ и на Мэнхенгэнѣ.

Имущество Арміи оцѣнивается (въ одной Америкѣ) свыше 3,000.000 рублей; годовой оборотъ ея торговыхъ заведеній — 400,000 р. Этой отраслью вѣдаетъ особая, юридически утвержденная, администрація; другая, подобная же, организована для управленія дѣлами особой вѣтви Арміи—Общества Домовъ Трудолюбія, имѣющаго цѣлью пойти навстрѣчу все возрастающей потребности устройства быта безработныхъ. Независимо отъ всего этого, Арміи принадлежатъ въ С. Штатахъ нѣсколько колледжей для подготовки какъ коммерческихъ служащихъ, необходимыхъ для принадлежащихъ ей бюро, торговыхъ заведеній и проч., такъ и офицеровъ...

— Ну, что же вы скажете теперь?—въ тотъ же вечеръ спросилъ меня мистеръ Мюнцъ.—Что вы думаете объ Арміи?..

— То же, что думалъ и ранѣе: сальваціонисты, несомнѣнно, одушевлены наилучшими намѣреніями, и призывъ къ нравственному возрожденію—прекрасное дѣло... Но...

— Но что-же?

— Всетаки они похожи на людей, которые, возставая, напримѣръ, противъ войны, какъ явленія несправедливаго и безчеловѣчнаго, думали бы бороться съ нею исключительно при помощи санитарныхъ отрядовъ и перевязки раненыхъ... Кромѣ того, ихъ театрально-мистическіе пріемы разсчитаны на слишкомъ ужъ грубые вкусы.

Мистеръ Мюнцъ засмѣялся.

— Эго,—сказалъ онъ.—Я вижу, что моему бѣдному другу отъ васъ будетъ мало пользы... Пожалуй, не больше, чѣмъ отъ меня

Такъ мое ближайшее знакомство съ вербовщикомъ Арміи Спасенія и не состоялось...

X.

Приближеніе нужды.—Барухъ Розенъ.—Силуэты.—Евреи въ Нью-Іоркѣ.—Русское православное демократическое братство. — Христіанско - еврейскій храмъ.—Трагедія отцовъ и дѣтей на новой почвѣ.

Время шло, подходили святки съ ихъ обычнымъ оживленіемъ, съ шумнымъ, необычайнымъ даже здѣсь ливнемъ рекламъ, съ гирляндами тучныхъ индючныхъ тушъ за стеклами чопорно опрятныхъ мясныхъ лавокъ, съ не менѣе тучными (свыше 100 страницъ) рождественскими номерами ежедневныхъ газетъ, выходящихъ, однако же, за двѣ-три недѣли, иной разъ—за мѣсяцъ до Рождества, въ перегонку другъ передъ другомъ...

Скудныя средства мои таяли, а у меня все еще не было ни знакомствъ, ни достаточныхъ силъ, чтобы заняться физическимъ трудомъ. Я уже самъ стиралъ себѣ бѣлье во время купанья въ „Народныхъ баняхъ"; а въ самый день Новаго Года, тщательно разсчитавъ свою наличность и сообразивъ кое-какія независящія отъ меня обстоятельства, я поздравилъ себя съ необходимостью совсѣмъ отказаться отъ обѣдовъ, которыми иной разъ еще угощался въ дешевенькихъ нѣмецкихъ ресторанахъ. Для сокращенія и этого расхода, я сталъ варить себѣ на обыкновенной столовой лампѣ нѣчто въ родѣ соуса изъ фунта мяса *) второго сорта и картофеля (на два дня), пользуясь для этого жестянкой изъ подъ консервовъ. Поверхъ большого ламповаго стекла (съ зубчатыми верхними краями) не трудно было уложить два толстыхъ желѣзныхъ гвоздя и установить надъ огнемъ импровизированную легонькую кастрюльку.

Разносившійся въ необычное время по квартирѣ острый кулинарный запахъ выдавалъ меня головой, и эти занятія разомъ уронили меня въ глазахъ окружающихъ: бѣдность, оказывается, вездѣ не въ авантажѣ, даже въ свободной Америкѣ...

Больше всѣхъ были шокированы хозяева, которые, повидимому, разсчитывали залучить меня со временемъ въ столовники. Со дня обнаруженія моей позорной тайны, хозяйка моя уже едва удостоивала меня „добрымъ утромъ" и то и дѣло забывала подмести мою комнату, налить керосину въ лампу, оставить мнѣ кипятку и т. д., а побѣдитель французовъ при Гравелотѣ и Резонвиллѣ вовсе перересталъ мнѣ кланяться и только искоса, съ сознаніемъ собственнаго превосходства, оглядывалъ меня при встрѣчѣ. А затѣмъ прибѣгъ къ особому пріему: сталъ систе-

---

*) Мясо въ Нью-Іоркѣ дорого, но продается безъ костей; фунтъ 1-го сорта доходитъ до 16 центовъ, второго 8—10 цент.

матически притворять дверь, выходившую въ кухню... Этотъ маневръ лишалъ мою комнату и того единственнаго источника тепла, какимъ до этого времени ей, какъ и прочимъ покоямъ квартиры, служила перегрѣтая атмосфера нашей общей гостиной—кухни. Однимъ словомъ, въ глазахъ населенія нашей квартиры я пересталъ быть человѣкомъ респектабельнымъ...

Я философски выносилъ это положеніе, выжидая одного, важнаго для меня письма, которое должно было придти по этому адресу, но все же настроеніе у меня было тяжелое, и я часто уходилъ изъ квартиры и подолгу бродилъ по улицамъ шумнаго города.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ я познакомился съ интереснымъ уголкомъ и интересными людьми...

Какъ-то въ серединѣ января, подъ вечеръ, наткнулся я подъ эстокадой Уэстъ 4-й улицы на газетный кіоскъ, въ окошечкѣ котораго виднѣлась фигура, совсѣмъ необычная въ этой части города, населенной преимущественно нѣмцами, шотландцами да ирландцами. Владѣлецъ кіоска былъ крупный, высокій, мѣшковатый человѣкъ, съ широкимъ, блѣднымъ, плохо выбритымъ лицомъ, на которомъ особенно выдѣлялись большіе, на выкатѣ, глаза и толстыя, мясистыя губы семитическаго склада. Когда я обратился къ нему съ какимъ-то случайнымъ вопросомъ по-англійски, онъ взметнулъ характерными робко наблюдающими глазами, съ секунду всматривался въ меня и отвѣтилъ... по-русски, съ сильнымъ польско-еврейскимъ акцентомъ.

Мы живо разговорились и познакомились... А вскорѣ, какъ это бываетъ лишь на чужбинѣ, сошлись настолько, что я и теперь еще съ удовольствіемъ вспоминаю Баруха Розена или, по здѣшнему, мистера Барнета, человѣка, по моему мнѣнію, во многихъ отношеніяхъ интереснаго и даже замѣчательнаго.

Я и до сихъ поръ не могу хорошенько понять, что именно побуждало этого простого, полуграмотнаго еврея оказывать мнѣ столько теплаго участія и заботливости, и откуда у него нашлось столько тонкой душевной чуткости къ положенію чужаго ему человѣка. Онъ всякій разъ подмѣчалъ признаки, временами все еще дававшіе себя знать, моей болѣзни, и съ чрезвычайнымъ участіемъ давалъ совѣты, указывалъ докторовъ, рекомендовалъ извѣстныя ему средства... И во всѣхъ этихъ совѣтахъ чуялось такое сердечное и неподдѣльное участіе, что уже оно одно способно было облегчить страданіе и тоску моего одиночества.

Онъ очень скоро замѣтилъ также и мое затруднительное положеніе. Это побудило добраго человѣка къ цѣлому ряду дипломатическихъ хитростей, чтобы „случайно", совершенно непредвидѣннымъ образомъ, устраивать у себя въ кіоскѣ маленькіе завтраки именно въ то время, когда я приходилъ къ нему... Онъ всегда былъ такъ радъ, мой приходъ оказывался „такъ кстати",

потому что онъ, Барнетъ, совершенно не можетъ завтракать одинъ... При этомъ онъ густо краснѣлъ, какъ человѣкъ, повинный въ преступныхъ замыслахъ противъ ближняго...

Въ Америку Баруха, сына многосемейнаго польскаго еврея, конечно, погнали не идеи, а самая прозаическая нужда. Онъ прибылъ сюда черезъ Канаду, съ грошами въ карманѣ. Два года проходилъ „педлеромъ", съ коробомъ галантерейныхъ товаровъ за плечами; три съ половиною года состоялъ рабочимъ на фабрикѣ карманныхъ часовъ, а когда фабрика во время одного изъ налетающихъ, какъ ураганъ, торговыхъ кризисовъ закрылась, то Барнетъ съ прикопленными 350 долларами поторопился перебраться въ Нью-Iоркъ, гдѣ за 200 долларовъ купилъ свой кіоскъ и теперь былъ занятъ съ ранняго утра до поздняго вечера, кромѣ воскресныхъ дней, когда газеты выходятъ лишь однажды въ сутки, позволяя, такимъ образомъ, торговцамъ закрывать свои кіоски съ 10 ч. утра.

За такой работой Боруху, при всей его любознательности, не было ни времени, ни возможности воспользоваться помощью мѣстныхъ народно-просвѣтительныхъ учрежденій: ему нѣкогда было даже читать. Тѣмъ не менѣе, у него были на многое очень опредѣленные и, видимо, твердо выработанные, хотя и своеобразные взгляды. Такъ, главные праздники еврейскіе онъ исполнялъ и въ Бога вѣровалъ, но — врядъ ли такъ, какъ того желали бы его правовѣрные соплеменники: въ будущее пришествіе Мессіи, напримѣръ, онъ совсѣмъ не вѣрилъ. Впрочемъ, не вѣрилъ и ни въ какое, вообще, грядущее „общее счастье" людей.

— Самый умный, самый ученый человѣкъ на свѣтѣ,—говорилъ онъ часто, — не знаетъ, въ чемъ его собственное счастье, такъ какъ же вы хотите установить „общее счастье" людей?

И никакіе доводы, никакія указанія на постепенное уясненіе и расширеніе основъ человѣческаго благополучія на него не дѣйствовали. Онъ оставался при своемъ пессимизмѣ.

— Вы говорите, что въ разныя времена люди разно понимали это „общее счастье?"—лукаво спрашивалъ онъ.

— Да...

— И всегда это счастье было то, чего нѣту?

— Да...

— Почему же теперь станетъ иначе?.. И почему „оно" сбудется? Вѣдь когда оно будетъ, — такъ его не будетъ, потому что оно—то, чего нѣту...

И этотъ плохой каламбуръ онъ обливалъ грубоватымъ, но искреннимъ смѣхомъ, а слушателю становилось ясно, что и безъ формальной вѣры въ будущее счастье будущихъ людей въ этомъ пессимистѣ есть неистощимый запасъ доброжелательства къ людямъ живущимъ...

И, точно на огонекъ, въ тѣсный узенькій стэндъ, пріютив-

шійся въ полумракѣ эстокады, подъ которую только въ полдень заглядывало солнце, любили въ часы досуга заходить люди самаго разнообразнаго склада побесѣдовать съ мистеромъ Барнетомъ о текущихъ новостяхъ и о химеричности будущаго благополучія. Приходили какъ люди съ замѣтнымъ образованіемъ, такъ и люди, еле разбиравшіе по печатному. Тутъ были русскіе, евреи, поляки, давно живущіе въ Америкѣ и уже устроившіеся и только еще начинавшіе „искать счастья" или, наконецъ, уже много разъ терпѣвшіе крушеніе... Всѣхъ ихъ влекло что-то въ этотъ уголокъ, къ мистеру Барнету... Попробую набросать нѣсколько силуэтовъ, насколько они сохранились въ моей памяти...

Вотъ, напримѣръ, сынъ разорившагося (при памятной высылкѣ евреевъ изъ Москвы) мелкаго табачнаго фабриканта, теперь агентъ по страхованію жизни. Маленькаго роста, рыжій, сухой съ чисто русскою фамиліей: Добровъ — онъ терпѣть не можетъ всего русскаго, включая сюда и русскую литературу, виновную въ его глазахъ уже въ томъ, что она „обходитъ факты вопіющей несправедливости къ цѣлому населенію". Добровъ со мной разговариваетъ неохотно, какъ и я съ нимъ: несимпатична мнѣ его жестокость, фанатическое пристрастіе и сухость...

Вотъ его антиподъ: также маленькаго роста и съ очень мелкими чертами блѣднаго нервнаго лица, съ черными, какъ уголь, точно улыбающимися глазками, — мистеръ Артуръ Брей, или Брайеръ, оптикъ; онъ не вѣритъ въ возможность эмиграціи цѣлаго народа и потому проповѣдуетъ необходимость сохранять связь со старой родиной, обучать эмигрантскихъ дѣтей русскому языку, русской исторіи, слѣдить за русской литературой, не забывая, что лучшими своими порывами, высшими своими идеями еврейская молодежь обязана всетаки именно ей... Это, видимо, очень мягкій, женственнаго склада человѣчекъ, любитъ животныхъ и является въ стэндъ непремѣнно въ сопровожденіи маленькой темно-коричневой собачки, какъ-то удивительно подходящей къ своему хозяину...

Вотъ красавица миссъ Клара Алленъ, портниха, невѣста инспектора одного изъ мѣстныхъ страховыхъ обществъ, еще очень недавно бывшаго рабочимъ на паровой шляпной фабрикѣ въ Нью-Аркѣ *). Оба, и женихъ и невѣста, большіе сторонники выселенія евреевъ изъ Россіи, и именно — въ Америку, которую считаютъ просто Обѣтованной Землей. Особенно пламенно предана этой мысли миссъ Клара, утверждающая, что никакія жертвы для этого не будутъ чрезмѣрны и велики... Она горячо выражаетъ свою солидарность съ авторами только что выпущеннаго тогда воззванія къ еврейскому народу, въ которомъ крайняя демократическая партія въ пламенныхъ выраженіяхъ предлагала

*) Городъ въ штатѣ Нью-Джоржей, неподалеку отъ Нью-Іорка

американскимъ евреямъ, какъ можно скорѣй, слиться съ своимъ новымъ отечествомъ, и для этого разстаться даже со своимъ языкомъ...

А вотъ, наряду съ этими евреями, — полякъ, панъ Казиміръ Ціанковскій, или просто „Казя-философъ" страстный поклонникъ Канта... Бывшій студентъ рижскаго политехникума, панъ Казиміръ служитъ теперь уэйтеромъ, т. е. лакеемъ второстепеннаго ресторана и утверждаетъ, какъ, впрочемъ, и вся его (умѣренно-демократическая) группа, что для насъ, русскихъ, взрощенныхъ остатками крѣпостничества, это лучшая школа перевоспитанія.

— Вѣдь всякій трудъ почтененъ, не правда ли?—горячо восклицалъ онъ, сидя у кіоска, въ кружкѣ обычныхъ посѣтителей мистера Барнета. — Такъ почему же трудъ „услуженія" нужно предоставить только простолюдину, бѣдняку?.. Или мы, демократы-интеллигенты, вѣчно будемъ отводить себѣ пріятную, чистенькую область умственнаго труда, предоставляя меньшому брату черную и якобы унизительную работу? Нѣтъ, мы здѣсь... то есть кружокъ интеллигентныхъ демократовъ, рѣшили иначе: если иммигрантъ желаетъ устроиться при нашей помощи, онъ долженъ прежде всего приняться за такую работу. И, чѣмъ барственнѣе была предшествующая жизнь пришельца, тѣмъ болѣе необходимо, чтобы свою новую жизнь здѣсь онъ начиналъ со службы лакея, конюха, кучера. Только пройдя эту ступень, онъ имѣетъ нравственное право, оставаясь демократомъ, подняться на слѣдующую, высшую; только этимъ путемъ и возможно воспитать въ себѣ демократа, и мы, сознательные, обязаны показать тому примѣръ.

А вотъ близкій другъ и родственникъ „философа Кази", также уроженецъ Риги, нѣмецъ, бывшій студентъ-математикъ петербургскаго университета Адольфъ фонъ-Гогенфельдъ, или просто „Адя". Онъ уже два года работаетъ на шапочной фабрикѣ,— пришиваетъ козырьки и зарабатываетъ этимъ $2^1/_2$ доллара за восьмичасовой день. Пріятелямъ его извѣстно, что досуги свои онъ посвящаетъ разработкѣ положеній Лобачевскаго, но самъ „Адя" не любитъ разговаривать о своихъ занятіяхъ и утверждаетъ, что готовится лишь сдать экзаменъ за три курса математическаго факультета. На вопросъ, не надоѣло ли ему его скучное „шапочное" занятіе, онъ отвѣчаетъ вопросомъ: „а какое изъ фабричныхъ занятій не считаешь скучнымъ?" Жена его— сестра Ціанковскаго, по ремеслу цвѣточница, и имъ обоимъ достаточно $1^1/_2$ доллара въ сутки, такъ что открывается возможность кое-что откладывать, а при восьмичасовомъ рабочемъ днѣ остается достаточно досуга. Теперь у нихъ полная возможность слѣдить за литературой, видѣться съ близкими людьми... И онъ говоритъ совершенно искренно, что не промѣнялъ бы эту простую, но свободную трудовую жизнь на культурное прозябаніе

среди безпечальныхъ пошляковъ, напоминающихъ такъ называемое „порядочное общество", въ которомъ онъ жилъ на родинѣ...

Вотъ, наконецъ, еще одинъ силуэтъ, на которомъ хотѣлось бы остановить вниманіе читателя. Передъ нами уроженецъ одного изъ крупныхъ городовъ Новороссіи, по профессіи—мелкій торговецъ готовымъ платьемъ, пятидесятилѣтній Аронъ Гителисъ. Онъ вдовецъ, живетъ уже семь лѣтъ въ Нью-Іоркѣ, выписалъ къ себѣ сына, двухъ племянниковъ, всѣхъ ихъ довольно сносно устроилъ, имѣетъ и самъ хорошій заработокъ... Казалось бы, всѣ условія для того, чтобы свыкнуться съ новой средой и акклиматизироваться въ Америкѣ. Но этотъ сѣдѣющій мечтатель, дрожажащимъ, надтреснутымъ голосомъ поющій иногда космополитическія пѣсни молодежи, этотъ еврей-торговецъ страстно, до безумія тоскуетъ по русской родинѣ; она, съ ея небомъ, съ ея природой, коснѣющимъ въ нравственной полутьмѣ населеніемъ не сходитъ у него съ языка... Сынъ его, веселый, жизнерадостный парень, шляпный мастеръ, открыто смѣется надъ сентиментальностью отца, а старикъ груститъ, тоскуетъ и, оставаясь наединѣ, говорятъ, нерѣдко плачетъ... Наблюдая эту скорбную фигуру, а впослѣдствіи и не одну еще ей подобную, я сожалѣлъ о томъ, что эта скорбь такъ и замираетъ за океаномъ... Будь у меня сильный талантъ, я съ радостью посвятилъ бы его описанію такого стараго тоскующаго сердца: быть можетъ, иные и поняли бы, наконецъ, что и сыны скитальческаго народа, какъ и всѣ люди на свѣтѣ, способны безотчетно, стихійно любить родную страну, хотя бы она была для нихъ всегда только мачихой: въ этой любви—и слабость, и величіе человѣка...

Здѣсь, за океаномъ, какъ извѣстно, еврейскаго вопроса не существуетъ; за то здѣсь есть евреи-ветераны, служившіе добровольцами и раненые въ бояхъ за освобожденіе негровъ. Въ одинъ изъ осеннихъ дней, кажется, въ концѣ ноября, ежегодно, не смотря ни на какую погоду, шествуютъ колонной эти ветераны съ военной музыкой во главѣ по улицамъ города,—это день ихъ полкового праздника.

Но въ мундирѣ ли, въ обыкновенномъ ли цивильномъ платьѣ, каждый изъ нихъ знаетъ, что для всѣхъ, даже для главы государства, каждый изъ нихъ—„мистеръ" и „сэръ". Здѣсь и не нашлось бы администратора, который могъ бы признать, что цѣлому народу приличествуетъ не только въ захолустномъ быту, но и оффиціально, предъ лицомъ всего государства, носить уничижительныя имена, данныя иновѣрцамъ темною, грубою чернью; за то здѣсь есть полноправные граждане, искренно преданные

своему отечеству и съ честью несущіе свои общественныя и личныя обязательства...

На срединѣ широкаго Истъ-Бродуэйя, неподалеку отъ знаменитаго Бруклинскаго моста, высится громадное пяти или шестиэтажное зданіе—Еврейскій Институтъ. Тутъ помѣщаются: обширная библіотека (много и русскихъ книгъ), читальня, школы для дѣтей разнаго возраста, профессіональная школа; тутъ же читаются курсы по предметамъ средняго и высшаго образованія, а по вечерамъ—ремесленные классы, лекціи по предметамъ техники и искусствъ, при чемъ окончившимъ шестимѣсячный курсъ выдается полный наборъ инструментовъ пройденнаго ими ремесла. И все это — безплатно, и все это — для всѣхъ желающихъ, безъ всякаго различія вѣроисповѣданія и національности.

На аристократическомъ Пятомъ-эвеню (уголъ 76-й улицы, противъ Центральнаго парка), высится златоглавый храмъ „Bethel“ (куполъ 140 футовъ вышины). Съ каѳедры этого храма рядъ выдающихся еврейскихъ проповѣдниковъ горячо возглашаетъ принципы деизма, какъ основу общечеловѣческихъ отношеній. И это не только никого здѣсь не смущаетъ, но послушать проповѣдниковъ сходятся нерѣдко люди разныхъ національностей и исповѣданій... Проповѣди знаменитаго сенъ-луисскаго раввина, наѣзжающаго порою въ Нью-Іоркъ, появляются на слѣдующій же день цѣликомъ почти во всѣхъ мѣстныхъ газетахъ, а красующійся тутъ же портретъ его, воспроизведенный въ десяткахъ моментальныхъ снимковъ, передаетъ выраженіе лица оратора въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ рѣчи.

Еще болѣе, если хотите, замѣчателенъ другой еврейскій храмъ той же улицы—„Эммануэль“. Замѣчателенъ онъ не столько оригинальностью своей мавританской архитектуры и милліонной стоимостью сооруженія, сколько терпимостью и братской предупредительностью, проявленной его общиной и ея раввинами по отношенію къ сосѣдямъ-христіанамъ: когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, сгорѣла здѣсь ближняя унитаріанская церковь, синагога „Эммануэль“ гостепріимно открыла свои двери христіанамъ, и богослуженіе нѣкоторое время стало чередоваться: сегодня—еврейское, завтра—христіанское...

Гражданственно-просвѣтительная и устроительная дѣятельность представителей мѣстной еврейско-русской общины группируется вокругъ помянутаго „Hebrew Institut“ и связанныхъ съ нимъ учрежденій. Параллельно съ нимъ, и нисколько не въ антагонизмѣ другъ съ другомъ, работаетъ нѣсколько христіанскихъ братствъ, изъ которыхъ интересно руссинское съ его органомъ „Свобода“, редактируемымъ православными священниками-демократами и сторонниками экономическаго переустройства общества на началахъ самой широкой человѣчности, справедливости и свободы.

Соединяя людей во имя высшихъ началъ человѣческаго нравственнаго сознанія, братство, какъ я убѣдился изъ личнаго, къ сожалѣнію—кратковременнаго знакомства съ однимъ изъ выдающихся его членовъ, о. Иваномъ Рудькомъ, отнюдь не посягаетъ на религіозныя представленія человѣка, избѣгаетъ насилія или оскорбленіе религіознаго чувства: развивая въ иммигрантѣ-простолюдинѣ естественное чувство общечеловѣческой солидарности, расширяя его кругозоръ, ему оставляютъ неприкосновенными его религіозные представленія и обряды, исходя изъ совершенно правильнаго убѣжденія, что послѣдніе—лишь внѣшнее выраженіе первыхъ, а эти, въ свою очередь,—лишь продуктъ естественнаго стремленія человѣка къ высшей правдѣ, добру и вѣчной истинѣ...

Въ странахъ съ извѣстнымъ ограниченіемъ правъ одной части населенія, сравнительно съ другой, въ полноправномъ простолюдинѣ всегда живетъ зародышъ безсознательной непріязни къ „ограниченному“ закономъ иноплеменнику. Но вотъ, этотъ простолюдинъ переѣзжаетъ сюда, за океанъ, и отъ его антисемитическаго настроенія не остается слѣда. Въ Нью-Іоркѣ евреевъ, преимущественно русскихъ, свыше 250 тысячъ; занимаются они, въ массѣ, тѣмъ же самымъ, что и у насъ—между прочимъ, и старьевщичествомъ, содержаніемъ питейныхъ заведеній, коммиссіонерствомъ, маклерствомъ и другими непроизводительными занятіями; проживаютъ они и громадной, сплоченной, почти двухсотъ тысячной массой въ Даунтаунѣ и разрозненно, среди христіанъ, въ Эптаунѣ, входятъ въ то или иное тѣсное имущественное, торговое и промышленное соприкосновеніе съ христіанскимъ населеніемъ—и группами, и въ одиночку, но никто, ни среди янки, ни среди пришлаго элемента, никогда не услышитъ здѣсь такихъ выраженій, какъ „еврейская эксплуатація“, „торгашество“, „спаиваніе народа евреями“, „еврейское мошенничество“...

За то круговоротъ американской жизни, захватывающій особенно сильно наиболѣе воспріимчивыя молодыя поколѣнія иммигрантовъ, порождаетъ часто глубокій расколъ и рознь среди пріѣзжающихъ сюда семей...

— И той не человѣкъ, хто сюды йидзе!—говорилъ мнѣ на своемъ польско-малороссійскомъ жаргонѣ маленькій сѣрый еврей съ задумчивымъ взглядомъ.

— Что-жъ, развѣ здѣсь вамъ плохо живется?

— Ой-ой!.. Имѣю себѣ три сыны, двѣ дочки, а дитей у мене немае, все равно умерли!..

— Не понимаю...

— Не понимаю и я!—скорбно подхватываетъ онъ и безнадежно разводитъ руками.—Такіе булы разумныя, до Бога вчены, до звычаго добри... И що зъ ными зробылось?.. У шабосъ винъ цігарку палыть, трефне йисть...

— А дочки?..

— Дочки...

Глаза старика вспыхиваютъ недобрымъ огнемъ, сѣдая борода трясется... Черезъ секунду, впрочемъ, скорбь пересиливаетъ.

— Нема у мене и дочокъ,—нема!.. Нѣмцы забралы!

Оказывается, старшая дочь его, работница на фабрикѣ бѣлья, вышла по любви за мастера, гладильщика рубахъ, поляка изъ Познани. Вторая дочь перешла жить къ замужней и готовится выйти тоже за христіанина,—благо, законъ этого не возбраняетъ...

— Кажыть мини, чи у цiей сторонi уседа таке паскудства, чи тильки теперички?

И бѣдняга пытливо всматривается вамъ въ лицо, ища признака сочувствія, надежды на иное будущее...

Не догадаться ему, не понять властнаго очарованія широкихъ свободныхъ формъ новой жизни, такъ мощно захватывающихъ молодежь! А послѣдняя, со свойственнымъ молодости эгоизмомъ, всѣмъ существомъ своимъ устремляется къ заманчивому будущему, безжалостно порывая слабыя нити, внѣшнимъ образомъ еще связывающія ее съ отцами, и не замѣчая,—даже не желая замѣтить, какую страшную боль чувствуютъ тѣ при этомъ и съ какою горькою безнадежностью снова обращаютъ духовные взоры туда, гдѣ, правда, ихъ жестоко оскорбляли, но оскорбляли чужіе, иновѣрцы, иноплеменники, а не свои кровныя, родныя дѣти...

Тяжело наблюдать эту трагедію, тяжело сознавать, что не найти тутъ и слова старику въ утѣшеніе... А въ усталыхъ и робкихъ глазахъ бѣдняка, сквозь скорбь и досаду, свѣтится такое мучительно страстное желаніе считать все „это“ лишь временнымъ случайнымъ недоразумѣніемъ...

IX.

Центральный паркъ.—Мистеръ Мэтью Уэлсли.—Солнечный лучъ.—Положеніе прислуги.—Нѣчто объ американскомъ театрѣ.—Безпаспортный народъ и адресное дѣло.—Мистеръ Бенжаменъ Гейлъ.—Въ поискахъ работы.—Нью-Іоркскія газеты.—Адская экспедиція.—На гавани.—На волосокъ отъ тюрьмы.—Куда глаза глядятъ.

Вывѣски, вывѣски, вывѣски,—безъ конца!..

Вывѣски горизонтальныя и вертикальныя, сплошныя и ажурныя, обыкновенныя и свѣтящіяся, неподвижныя и автоматически передвигающіяся, вывѣски на стѣнахъ домовъ, на печныхъ трубахъ, на оконныхъ стеклахъ, на панели тротуаровъ, на гигантскихъ флагахъ, рѣющихъ надъ половиной квартала, на коврахъ, вымпелахъ и полотнахъ, свѣшивающихся съ веревокъ, протянутыхъ на нѣкоторой высотѣ черезъ улицу, въ видѣ гигантскихъ гирляндъ...

И все это бѣшено мчится навстрѣчу несущемуся на всѣхъ

парахъ эстокадному поѣзду, точно торопясь другъ передъ дружкой занять собой, заполонить все ваше вниманіе, и пропадаетъ позади въ сѣровато-красномъ ущельѣ улицы лишь для того, чтобы дать мѣсто другимъ, такимъ же мертвенно безразличнымъ и кошмарно-назойливымъ буквеннымъ чудищамъ. Вамъ некогда замѣтить архитектуры встрѣчныхъ зданій, вамъ некогда подумать даже, обладаютъ ли они вообще какой-нибудь архитектурой: коротенькіе, футовъ въ 300 кварталы быстро смѣняютъ другъ друга, и въ открывающихся вправо и влѣво отъ васъ новыхъ перспективахъ—новыя и новыя вывѣски, съ тою же безпощадностью хлещущія васъ по глазамъ... Вы отворачиваетесь, опускаете взоры къ полотну лежащей пятью-шестью этажами ниже улицы, но и тамъ, на блещущихся, какъ Божьи коровки, красныхъ фургонахъ, на крышахъ ползущихъ внизу вагоновъ конки—все такія же, назойливо кричащія буквы...

Таковы несложныя впечатлѣнія, ожидающія васъ въ поѣздахъ эстокадной желѣзной дороги Нью-Іорка, и потому, если вы направляетесь по ней линіею, пролегающей по 6-му и 9-му эвеню, то просто съ отрадой встрѣтите открывающійся, наконецъ, у 100-й улицы широкій просторъ, когда, внезапно извернувшись змѣей, легкая ажурная эстокада проходитъ на головокружительной высотѣ у сѣверо-восточнаго угла Центральнаго парка, оставляя влѣво террасы и переходы красиваго, но скуднаго растительностью Морнингсайдъ-парка.

Я направлялся къ дому № 138 восточной 127 улицы, куда былъ приглашенъ къ 6—7 часамъ вечера запиской. Теперь было около 3-хъ пополудни,—стало быть, у меня оставалось свыше трехъ часовъ свободнаго времени... Какъ было не соблазниться возможностью хоть немного ознакомиться съ этимъ чудомъ американской гортикультуры, о которомъ еще дорогою въ Америку, на пароходѣ, слышалъ я кучу восторженныхъ отзывовъ?..

И, дѣйствительно, американцамъ и тутъ есть чѣмъ гордиться *). Паркъ, въ его цѣломъ, великолѣпенъ: тутъ есть и обширныя бархатно-зеленыя лужайки, и холмы съ переброшенными на нихъ мостиками черезъ живописныя, удачно избранныя для этой цѣли миніатюрныя ущелья, и озера зеркальной воды съ поэтически задумавшимися надъ нею плакучими ивами и хрустально-прозрачные ключи. Долженъ признаться, что на меня сравнительно слабое впечатлѣніе произвели въ этомъ чудесномъ паркѣ именно тѣ вещи, которыя особенно выхваляютъ и гиды, и патріоты-американцы.

*) Въ высшей степени замѣчателенъ, напр., водоемъ такъ называемый Croton Reservoir'a, образованный взрывами динамита въ маковкѣ плоской гнейсо-гранитовой возвышенности. Водоемъ вмѣщаетъ 85 милл. ведеръ воды, самотекомъ бѣгущей съ высоты по трубамъ въ городъ. Это цѣлое озеро болѣе версты въ діаметрѣ.

Ни знаменитый звѣринецъ, ни еще болѣе знаменитая „Игла Клеопатры", гигантскій египетскій обелискъ *), свидѣтель тысячелѣтій, сиротливо торчащій теперь у громаднаго гранитнаго зданія съ мраморной облицовкою зданія музея искусствъ, ни самъ этотъ музей (зданіе довольно уродливой архитектуры),—не оставили во мнѣ яркаго воспоминанія...

За то сѣверо-западная часть парка, гдѣ „сухіе янки" постарались сохранить нетронутымъ все, что носитъ отпечатокъ подлиннаго стариннаго, нетронутаго лѣса—даетъ своеобразное настроеніе, которое трудно забыть... Купы гигантскихъ деревьевъ, въ ихъ естественной группировкѣ, то густо покрываютъ холмы, то разбросаны въ одиночку по дикимъ скатамъ, цѣпляясь за расщелины гнейсово-слюдяного сланца. И все это сурово и просто, не испорчено шаблонными бесѣдками, скамьями или гротами.

И точно въ pendant къ этой строгой картинѣ оттиснутой вдаль сѣверо-американской природы, на вершинѣ гребня, противолежащаго Вашингтонскимъ высотамъ, догадались сохранить и памятникъ гражданской старины — блокгаузъ. Это небольшое одноэтажное каменное зданіе, порядкомъ уже пострадавшее отъ времени, подъ широкой остроконечной крышей. Деревянныя части его уже побурѣли, вывѣтрились, штукатурка легко и быстро осыпается, обнажая точно язвы, пятна каменной кладки. Толстые дубовые ставни—теперь единственный признакъ того, что зданіе должно было служить защитою въ грозу военной непогоды. А между тѣмъ, въ такомъ хрупкомъ, ненадежномъ убѣжищѣ укрывались патріоты возстанцы, отъ сохи и рабочаго станка стекавшіеся сюда на защиту отечества. Какимъ неизъяснимымъ героизмомъ, какой несокрушимой энергіей и беззавѣтной любовью къ родинѣ должны были обладать эти мирные, совершенно неопытные въ военномъ дѣлѣ люди, осмѣлившіеся противустать хорошо обученнымъ и вооруженнымъ войскамъ хищной метрополіи и впослѣдствіи все-таки, какъ ничтожную щепку, сломившіе ея гордую силу!..

Да, невзраченъ этотъ старый блокгаузъ—это правда, но на

**) Четырехгранная пирамидальная глыба песчаника въ 64 кв. фута въ основаніи и 90 ф. (считая съ пьедесталомъ) высоты. Гигантскій обелискъ этотъ вѣсомъ около 90,000 пудовъ, какъ гласятъ сохранившіеся еще на немъ іероглифы, былъ воздвигнутъ Готмесомъ III фараономъ Египта, царствовавшимъ за 1½ тысячи лѣтъ до Р. X., и стоялъ у храма Солнца въ Геліополисѣ около 1000 лѣтъ, когда дикій Камбизъ, завоевавшій Египетъ, приказалъ обелискъ опрокинуть. Въ такомъ состояніи онъ находился до завоеванія Египта римлянами, когда его перевезли въ Александрію и поставили передъ дворцомъ Антонія, откуда и пошла легенда о принадлежности обелиска Клеопатрѣ. Городу Нью-Іорку достался этотъ мономбръ уже какъ даръ хедива Измаила-паши. „Иглу Клеопатры" перевезли сюда въ 1880 г., что съ постановкой обошлось около 205 тыс. рублей. Такъ дорого стоилъ кусокъ камня, въ сущности мало говорящій сердцу человѣка!.. Расходы по постановкѣ, впрочемъ, принялъ на себя Вандербильтъ.

того, кто хоть секунду могъ душою постичь святое величіе непреклонной борьбы съ тиранніей, на того видъ этого скромнаго маленькаго зданія, одиноко стоящаго на вершинѣ скалы среди хмураго строгаго лѣса, произведетъ впечатлѣніе, съ какимъ не сравниться худосочнымъ восторгамъ туристовъ предъ блестящими дворцами-громадами королей и князей...

Солнце садилось. Тонкія полосатыя облака, точно стремясь уловить его послѣдній взглядъ, стѣснились на небосклонѣ и расцвѣтились прощальной улыбкой. Тѣни отъ густо поросшихъ по склону деревъ замѣтно подступали къ безмолвному дому. Вотъ онѣ у стѣнъ, вотъ поползли на самыя стѣны, добрались до крыши, перекинулись черезъ нее и потонули въ свободномъ просторѣ прилежащей долины. Въ потеплѣвшемъ, напоенномъ неуловимыми ароматами засыпающаго лѣса воздухѣ, было тихо-тихо, точно не въ полу-верстѣ отсюда, а гдѣ-то тамъ, далеко за потемнѣвшимъ горизонтомъ, былъ этотъ безпокойный городъ, съ его не знающими устали шумомъ и суетой. Обстановка навѣвала грезы...

И грезилось мнѣ,—вотъ-вотъ послышится торопливый, мятущійся топотъ и, неуклюже взбираясь по склону, размахивая грубыми мозолистыми руками, побѣгутъ сюда коренастыя бритыя фигуры въ уродливыхъ шляпахъ, самодѣльныхъ бѣлыхъ холщевыхъ рубахахъ и распахнувшихся на груди безрукавкахъ... А оттуда вотъ, со стороны моря, подойдутъ великодушные европейскіе добровольцы, переплывшіе грозный, бурный океанъ, чтобы подоспѣть на святое дѣло защиты республиканской свободы.

Къ 6 часамъ вечера того же дня, пройдя семнадцать кварталовъ, сплошь застроенныхъ двухэтажными, очень схожими другъ съ другомъ щеголеватыми домами изъ кирпича и красно бураго песчаника, добрался я, наконецъ, до 127 улицы, населенной въ значительной степени врачами, пасторами, педагогами, вообще людьми такъ называемыхъ „вольныхъ профессій".

Все здѣсь дышало довольствомъ, постояннымъ, привычнымъ достаткомъ; всякаго рода лавочки совершенно отсутствовали, какъ бы знаменуя тѣмъ, что запасливые мѣстные обыватели совсѣмъ не нуждаются въ услугахъ мелкой торговли. Тротуары, отъ бордюра гранитной мостовой до самыхъ стѣнъ домовъ сплошь залитые асфальтомъ, были удивительно чисты, словно ихъ только что вымыли и до суха вытерли тряпкой.

Я шелъ, не торопясь и не безъ нѣкотораго волненія размышляя о томъ, какъ встрѣтитъ меня знакомый, несомнѣнно „сытый" человѣкъ, къ которому я теперь направлялся съ рекомендательнымъ письмомъ: костюмъ мой былъ порядкомъ поношенъ, а американцевъ, при всемъ ихъ демократизмѣ, это очень шокируетъ, въ особенности,—въ просителѣ... Съ другой стороны, о самомъ существованіи мистера Мэтью Уэлсли, я узналъ лишь изъ письма своего школьнаго товарища, воспитывавшагося въ Россіи

американца. Я переслалъ письмо и получилъ въ отвѣтъ коротенькую записочку: мистеръ Мэтью Уэлсли будетъ радъ принять у себя на завтра, между 6 и 7 ч. вечера.

Мистеръ Уэлсли встрѣтилъ меня на порогѣ своего комфортабельно обставленнаго парлюра *). Это былъ высокій, худощавый лысый блондинъ съ остроконечной бородкой и въ золотыхъ очкахъ, изъ-подъ которыхъ внимательно блестѣли маленькіе свѣтло-сѣрые глаза.

Любезный хозяинъ, рѣшительно не замѣчавшій явныхъ дефектовъ моего костюма, былъ чрезвычайно предупредителенъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ о томъ, какъ нравится мнѣ въ Америкѣ и проч., онъ сейчасъ же сообщилъ мнѣ, что и самъ „немного русскій": женатъ на дочери лица, долгое время служившаго американскимъ консуломъ въ нашемъ отечествѣ, родившейся въ Россіи и очень любящей свою родину. Къ сожалѣнію, жена его должна была уѣхать навѣстить прихворнувшую золовку, но очень рада будетъ познакомиться со мной при слѣдующемъ моемъ посѣщеніи, которое, онъ надѣется, не заставитъ себя долго ждать.

Тутъ сидѣвшая на сосѣдней софѣ, рядомъ съ нарядно одѣтой дѣвушкой, негритянкой, все время молча наблюдавшая насъ, хорошенькая пяти или шестилѣтняя востроглазая дѣвочка быстро спрыгнула на полъ и, громко шлепая по паркету ножками, подбѣжала ко мнѣ.

— Ты—русскій?—крикнула она, на мигъ остановившись и глядя на меня въ упоръ ярко-черными глазками.

Въ ту же секунду гибкія маленькія ручки обхватили мою шею и дѣтскія губки впились въ мои... Точно солнечный лучъ поцѣловалъ меня въ сердце...

— Ты—русскій и мама—русская, и я—русская,—щебетала дѣвочка по-русски, серьезно, какъ большая, всматриваясь мнѣ въ лицо.—Посиди съ нами, приходи къ намъ...

Мистеръ Уэлсли молча смотрѣлъ на насъ, улыбался и, должно быть, чтобы довершить мое удовольствіе, и самъ заговорилъ по-русски,—довольно бѣгло, лишь изрѣдка останавливаясь, чтобы пріискать слово. Оказалось, что онъ почти два года прожилъ въ Петербургѣ, при посольствѣ, и теперь дома, для практики, любилъ говорить по-русски.

Въ комнатѣ, нагрѣвавшейся, какъ и вообще покои мѣстныхъ барскихъ квартиръ, паропроводными трубами, было жарко, и я попросилъ пить.

— Можетъ быть, чаю?.. Это у насъ дѣло пяти минутъ?—освѣдомился мистеръ Уэлсли.

— Холодной воды...

---

*) Гостиная; за нею, въ глубь дома, обыкновенно слѣдуетъ кабинетъ столовая, спальня и прочія комнаты.

— Со льдомъ прикажете?

— Если это не затруднитъ...

— Сэра! — обратился хозяинъ къ дѣвушкѣ-негритянкѣ по-англійски,—принесите, пожалуйста, гостю воды со льдомъ.

Дѣвушка тотчасъ же вышла изъ комнаты, а минуту спустя, граціозно поклонившись, подала мнѣ стеклянную кружку съ прозрачной, какъ хрусталь, водой и плававшимъ въ ней кускомъ такого же хрустально-прозрачнаго льда. Тутъ только я понялъ, что эта нарядно одѣтая дѣвушка—горничная.

Полчаса спустя, она снова вошла въ парлюръ, уже въ шляпѣ, мантильѣ и перчаткахъ, съ кружевнымъ моднымъ зонтикомъ въ рукахъ.

— Пожалуйста, вотъ ключъ отъ моей комнаты!—проговорила она, подавая хозяину маленькій мѣдный ключъ.—Будьте добры, мистеръ Уэлсли...

— Хорошо, Сэра, хорошо!..

Слегка поклонившись намъ, дѣвушка плавно, съ достоинствомъ удалилась. Хозяинъ, вѣроятно, замѣтилъ мое удивленіе и поспѣшилъ объяснить.

— Прислуга у насъ обязана работать только до извѣстнаго часа, точно условленнаго при наймѣ. Если же хозяевамъ явится надобность въ ея услагахъ и позже этого времени, они обязаны заблаговременно ее предупредить; за это сверхъурочное время, конечно, платится отдѣльно. Я не предупредилъ Сэру сегодня, она и ушла, хотя и на полчаса позже обыкновеннаго, — теперь 7½ часовъ. Боюсь, бѣдняжка опоздаетъ...—промолвилъ онъ озабоченно, какъ бы про себя.

— Куда?—спросилъ я машинально.

— Э-э... въ театръ. Наша Сэра—страстная поклонница Шекспира, знаетъ наизусть цѣлые монологи и—какъ читаетъ ихъ!.. Негры вообще очень способны къ декламаціи... Да... А сегодня, какъ разъ, Виндзорскія кумушки...

И, какъ бы въ отвѣтъ на моа мысли, онъ добавилъ:

— Вотъ уже на примѣрѣ Сэры можно бы видѣть, насколько справедливы сыплющіеся на насъ упреки въ профанаціи искусства.

— Мнѣ кажется,—замѣтилъ я,—обвиненіе противоположнаго характера существеннѣе...

— Вы говорите о такъ называемомъ пониженіи художественнаго вкуса?.. Да, насъ упрекаютъ и въ этомъ, указываютъ на грубость, вычурность, неестественность трескучихъ пьесъ, выдерживающихъ наибольшее число представленій. Это вѣрно, но... во-первыхъ, у насъ существуетъ на ряду со всѣмъ этимъ и серьезный театръ, ставящій дѣйствительно цѣнныя пьесы современнаго и классическаго репертуара, а во-вторыхъ... вѣдь все-таки не публика для театра, а наоборотъ, — не правда ли?

— Разумѣется,—согласился я.

— Стало быть, въ чемъ же дѣло?.. Искусство у насъ проникаетъ въ массу и, при этомъ, временно теряетъ въ своемъ содержаніи. Это, знаете, какъ въ логикѣ: чѣмъ больше объемъ, тѣмъ меньше содержаніе. Но таковъ ужъ естественный ходъ всякой демократизаціи вообще... За то, когда этотъ объемъ, такъ сказать, насытится, когда сотни нашихъ театровъ накормятъ, наконецъ, своей грубой стряпней нашу много-милліонную театральную публику,—какъ вы думаете, не предъявитъ ли она тогда, мало-по-малу, спросъ на иную, лучшую пищу?.. И какой, въ общемъ, могучій толчекъ впередъ дастъ этотъ спросъ всему искусству!.. И не ясно ли, кто въ этомъ отношеніи будетъ имѣть преимущество,—мы ли, пріобщившіеся къ области эстетическихъ воспріятій цѣлой націей, или вы, европейцы, съ яркими проявленіями эстетической потребности лишь у немногихъ избранныхъ?.. Впрочемъ... я очень виноватъ передъ вами: у насъ есть болѣе существенная и болѣе васъ интересующая тема для разговора... Перейдемъ же прямо къ предмету, о которомъ писалъ мнѣ мистеръ Стронгъ. Вы ищете занятій,—какихъ?

— Прежде всего такихъ, которыя я могъ бы исполнять. Физически я еще работать не могу: не совсѣмъ оправился послѣ болѣзни, языкомъ также еще владѣю плохо.

— Это не бѣда: есть занятія, гдѣ не требуется литературнаго знакомства съ языкомъ...

— Мнѣ уже предлагали подобное: поступить „уэйтеромъ"...

— Ну, и что же?

— Не способенъ...

Онъ улыбнулся.

— Типичный вы, стало быть, европеецъ... Ну, ничего: обживетесь, акклиматизируетесь, перемѣнитесь... А пока... Знаете что: возьмите вы фэрстъ-пэйперъ (первое свидѣтельство) *) Есть уже мѣсяца три, что вы въ Америкѣ?

— Уже четыре прошло. Но вѣдь требуется два года пребыванія въ Штатахъ,—возразилъ я.

— Пустое: всегда найдутся свидѣтели, которые такъ и покажутъ: это только формальность. Имѣй вы фэрстъ-пэйперъ, я

---

*) Такъ называется документъ, удостовѣряющій, что данное лицо, прожившее до этого уже 2 года на территоріи Штатовъ, заявило при свидѣтеляхъ предъ судомъ С. Штатовъ, что оно добровольно отказывается отъ присяги на вѣрность главѣ своего прежняго отечества или какого бы то ни было иного государства, кромѣ С. Штатовъ, и имѣетъ твердое намѣреніе стать гражданиномъ С. Штатовъ. „Секондъ-пэйперъ", или свидѣтельство о принятіи въ американское подданство — выдается такому лицу по истеченіи послѣдующихъ 3 лѣтъ, если оно докажетъ свидѣтелями, что обладаетъ доброю нравственностью, предано конституціи государства и готово его всѣми своими силами и средствами защищать. Требуется также пребываніе въ теченіе одного года въ данномъ штатѣ.

могъ бы васъ устроить на конкѣ: восьмичасовой день и два доллара поденной платы... Или, вотъ, на одну изъ муниципальныхъ работъ. Возьмите, право, иначе—невозможно...

— Нѣтъ, свидѣтельства я не возьму...

— Что же вамъ мѣшаетъ?—изумился мистеръ Уэлсли и поглядѣлъ на меня поверхъ очковъ, въ упоръ.

— Я не имѣю намѣренія оставаться въ Америкѣ, и мнѣ не хочется и обманывать вашъ народъ относительно этого пункта...

— Да народъ объ этомъ ничего не знаетъ и спрашивать васъ не намѣренъ,—чуть-чуть улыбаясь, сказалъ м-ръ Уэлсли.— Не знаю, что и сказать вамъ въ такомъ случаѣ, право... Вотъ что, однако: обратитесь-ка къ мистеру Гейлю, это — одинъ изъ очень дѣльныхъ членовъ попечительнаго о русскихъ иммигрантахъ комитета... Только о своемъ отношеніи къ вопросу... о натурализаціи не распространяйтесь: могутъ истолковать ошибочно.

— О такихъ вещахъ я говорю, только когда меня спрашиваютъ,—сказалъ я...

— И отлично... Ну, сходите же къ мистеру Гейлю, только непремѣнно—на квартиру, вечеркомъ. Адреса я не знаю,—узнаете изъ „Указателя". А къ намъ всетаки забѣгайте...

На этомъ мы и разстались.

Два слова объ „Указателѣ".

Даже здѣсь, за океаномъ, не могъ я нѣкоторое время отрѣшиться отъ представленія о паспортѣ, какъ о документѣ, необходимо сопутствующемъ человѣку въ общежитіи... Намъ, жителямъ восточной Европы, всегда кажется, „что безъ строительнаго устава, какъ мѣры пресѣченія" никакой городъ не выстроится, а безъ пожарнаго устава всякій городъ сгоритъ, а безъ адреснаго стола люди затеряются въ городахъ, какъ песчинка въ Сахарѣ. Въ Америкѣ легко уразумѣть, что собственный интересъ владѣльца научитъ его поставить домъ такъ, чтобы можно было въ немъ жить и чтобы люди надъ строителемъ не смѣялись. Но какъ, въ самомъ дѣлѣ, безъ вида на жительство, прописаннаго въ участкѣ, разыскать человѣка въ городѣ, гдѣ не только нѣтъ и не можетъ быть рѣчи о пропискѣ „видовъ на жительство" *), но гдѣ предоставляется даже полное право каждому именоваться любой фамиліей и перемѣнять ее, не спрашивая нигдѣ и никакого разрѣшенія и никого о томъ даже не увѣдомляя иначе, какъ по собственному своему произволенію?..

И однако же, въ любомъ крошечномъ поселкѣ, гдѣ только

---

*) Изъ этого, разумѣется, не слѣдуетъ, что американцы и вовсе обходятся безъ документовъ о личности: они имѣютъ право пріобрѣтать ихъ, гдѣ сами чувствуютъ въ томъ надобность, какъ, напр., при выѣздѣ за-границу, но это—право, а не обязанность.

имѣется аптека, аптекарскій магазинъ или почтовое отдѣленіе, вы, зная лишь имя и фамилію даннаго лица или хотя бы только его профессію и лишь смутно припоминая его имя, можете въ какія-нибудь пять минутъ узнать его точный адресъ въ городѣ; тамъ же, гдѣ имѣется контора „Указателя“ („Директори“), можете узнать точный адресъ любого лица въ Штатахъ, хотя бы оно проживало за четыре — пять тысячъ верстъ отъ вашего мѣстожительства...

„Указатель“ этотъ, въ видѣ многихъ тонкихъ, толстыхъ и толстѣйшихъ книгъ (для Нью-Іорка, напр.,—свыше 100 печатныхъ листовъ),—яркій примѣръ успѣшнаго примѣненія частной предпріимчивости къ обслуживанію общественной потребности, и при томъ потребности такой сложной, какъ адресное дѣло въ этой обширной, густо населенной странѣ. Составленіе этого „Указателя“ организовано чрезвычайно просто: нѣсколько сотъ опытныхъ бойкихъ агентовъ, большею частью соединяющихъ эту операцію съ собираніемъ объявленій для различныхъ повременныхъ изданій, приступаютъ одновременно къ ежегодной переписи всѣхъ проживающихъ въ данное время въ С. Штатахъ. Публика, при этомъ, всегда очень охотно даетъ требуемыя свѣдѣнія, такъ какъ видитъ въ этомъ собственную выгоду. Не малую пользу извлекаетъ для себя и „Тройская компанія“, ведущая это дѣло на свой собственный рискъ, безъ всякой откуда бы то ни было субсидіи, и богатѣющая, говорятъ, не по днямъ, а по часамъ. Доходы ея составляются изъ платы за пользованіе „Указателемъ“ въ ея многочисленныхъ конторахъ *), такъ и изъ выручки отъ продажи отдѣльныхъ томовъ. Плата за отдѣльные томы „Указателя“, принимая во вниманіе мѣстныя цѣны, вообще, совсѣмъ не высока. Такъ, „Указатель“ адресовъ г. Нью-Іорка стоитъ что-то около 20 р.

Достовѣрность сообщаемыхъ „Указателемъ“ свѣдѣній почти полная. Нужно замѣтить, что въ С. Штатахъ дѣйствуетъ такое замѣчательное государственное учрежденіе, какъ „Бюро Ценза“ (Census Office), съ его 800 слишкомъ агентовъ-статистиковъ; въ силу конституціи, это учрежденіе каждыя десять лѣтъ производитъ поголовную перепись всѣмъ, проживающимъ на территоріи республики. Данныя этой переписи служатъ великолѣпнымъ средствомъ контролировать и пополнять свѣдѣнія, доставляемыя публикѣ „Тройскимъ Указателемъ“.

Такимъ образомъ, свободолюбивые американцы умѣютъ и безъ паспортовъ поставить прочно адресное дѣло и только пожимаютъ плечами, когда пріѣзжіе, напр., изъ восточной Европы пробуютъ предъ ними защищать необходимость обязательной выборки паспортовъ, какъ средства защиты общества и помѣхи всякаго рода

*) За пользованіе Указателемъ взимается 25 ц. съ лица за каждые ½ часа; пользованіе въ продолженіе меньшаго срока—безплатно.

хищникамъ, въ родѣ злостныхъ банкротовъ, бѣглыхъ кассировъ и т. п., укрываться отъ глазъ правосудія... „Неужели“,—скажутъ вамъ американцы,—„послѣ того, какъ судебная практика уже милліоны разъ вамъ доказала, что въ странахъ съ самой строжайшей паспортной регламентаціей плуту всегда легко, сравнительно за безцѣнокъ, достать себѣ сколько угодно подложныхъ паспортовъ,—неужели и послѣ всего этого вы не желаете понять, что обязательный паспортъ, нисколько не стѣсняя и не затрудняя мошенника и плута, является тяжкими путами, жестокимъ ярмомъ для самой личности и энергичной дѣятельности нравственно-правоспособнаго человѣка?!. Вѣдь это—вредный самообманъ, и только!“

„Тройскій Указатель“ далъ мнѣ очень точный адресъ Бенжамена Гейля, обитавшаго на Истъ-Сайдѣ, о-бокъ съ кварталами, гдѣ споконъ вѣку селятся выходцы изъ Австріи и Россіи.

Мистеръ Гейль былъ плотный, коренастый джентльмэнъ съ замѣтно округлившимся брюшкомъ, большой головой и круглымъ бритымъ, грубоватымъ лицомъ. Довольно ординарная фигура не намекала, что предъ вами одинъ изъ извѣстныхъ окулистовъ Нью-Іорка и еще болѣе извѣстный и популярный дѣятель на современной народной нивѣ. Только небольшіе каріе глазки, зорко всматривавшіеся въ каждаго новаго собесѣдника, въ особенности тогда, когда на нихъ не глядѣли,—могли бы обнаружить человѣка, привыкшаго быстро распознавать людей и такъ же быстро принимать относительно нихъ опредѣленныя рѣшенія.

Мистеръ Гейль былъ необыкновенно популяренъ: онъ славился умомъ, энергіей, преданностью демократическому дѣлу, самою манерою своей рѣчи: короткими, отрывистыми фразами съ „передышкой“ и явнымъ стремленіемъ направлять разговоръ по своему усмотрѣнію; восхищались даже его улыбкой, которая на меня лично произвела какъ разъ обратное, расхолаживающее впечатлѣніе: за этой привычно-привѣтливой улыбкой мнѣ почудилось холодное самосознаніе одного изъ тѣхъ „генераловъ“, которые знаютъ себѣ цѣну, но въ другихъ привыкли цѣнить лишь какую-нибудь одну, нужную для ихъ дѣла, сторону...

Эта черта мистера Гейля, къ сожалѣнію, отразилась и на судьбѣ моихъ дальнѣйшихъ скитаній по Америкѣ... Усадивъ меня въ удобное мягкое кресло, мистеръ Гейль усѣлся самъ по другую сторону большого письменнаго стола и, какъ врачъ, попросилъ разсказать о себѣ все, начиная съ состоянія моего здоровья. Онъ слушалъ молча, лишь два или три раза уронивъ вполголоса: „поправимъ, поправимъ“. Когда же, перейдя къ причинамъ, приведшимъ меня въ Америку, я сказалъ, что одною изъ главныхъ была жажда хоть тутъ, въ странѣ Свободы, встрѣтить стремленіе къ живому братству людей, стремленіе осуществить

его, хотя бы въ общихъ основахъ, теперь же, а не черезъ тысячу лѣтъ,—мистеръ Гейль, пробормотавъ прежнее: „поправимъ, поправимъ!“ — поторопился перевести разговоръ на факты изъ моего „объективнаго прошлаго“: моего воспитанія, образованія, соціальнаго положенія на родинѣ и т. д., видимо желая подчеркнуть, что вотъ это и есть самое главное... Освѣтивъ, по возможности, всѣ эти интересовавшіе его пункты, я снова заговорилъ о своей давней мечтѣ, о духовной свободѣ, о возможности зажить тутъ, повинуясь лишь голосу свободной отъ всякаго внѣшняго давленія совѣсти... Мистеръ Гейль снова и столь же круто свернулъ на предметы конкретные:

— Итакъ, чего же вы желали бы отъ меня именно теперь?— спросилъ онъ, вставая.

Я нѣсколько опѣшилъ... Я почувствовалъ себя, какъ человѣкъ, темною ночью стучащійся въ дверь, за которой, видитъ онъ,—нѣтъ никого, а на дворѣ—мятель и стужа...

— Пока помочь мнѣ найти посильное занятіе,—сказалъ я, дѣлая новую попытку достучаться,—и если возможно, такое, гдѣ бы я вмѣстѣ съ тѣмъ могъ работать для того сближенія людей, о которомъ говорилъ вамъ... Пусть это будетъ трудная работа, но чтобы она шла въ томъ направленіи...

— Стало быть, на родинѣ... у васъ не нашлось связей съ Америкой?—не то утвердительно, не то вопросительно замѣтилъ мой собесѣдникъ.

— Я не предполагалъ, чтобы тутъ требовалась спеціальная рекомендація...

— А вотъ, побывали же вы предварительно у мистера Уэлсли?—сказалъ мистеръ Гейль, сопровождая эти слова внимательнымъ взглядомъ.

— Это случайность: мнѣ написалъ о немъ мой школьный пріятель, поселившійся на Западѣ, въ Дектонѣ... Но и я могъ бы сослаться на лицъ, вамъ, вѣроятно, извѣстныхъ... Вотъ, позвольте напр., на далекомъ востокѣ я близко знавалъ Макса Гейля, изъ Варшавы,—не родственникъ ли вашъ?

— Вы знали Макса? — съ искоркой оживленія проговорилъ мистеръ Гейль. — Вотъ какъ!.. Да, это мой двоюродный братъ; славный парень!

Я очень обрадовался пріятному открытію, но не успѣлъ открыть ротъ, чтобы разспросить о пріятелѣ, какъ искорка въ глазахъ м-ра Гейля уже потухла.

— Ну-съ...—сказалъ онъ чисто дѣловымъ тономъ,—могу предложить вамъ... работу въ портняжной мастерской.

— Я предпочелъ бы копать землю, колоть дрова, таскать тяжести на заводѣ,—отвѣтилъ я.

— Ваше дѣло... У насъ, однако же, и студенты работаютъ въ портняжныхъ мастерскихъ.

— Знаю. Я знакомъ уже съ однимъ: съ Гогенерельдомъ.

— Съ математикомъ?.. Итакъ... стало быть,—нѣтъ? Хотѣли бы въ землекопы?.. Есть и такія работы, есть! Но—городскія. Для этого надо вамъ натурализоваться. Какъ вы на этотъ счетъ?

Я высказалъ свое мнѣніе по этому предмету. Взглядъ мистера Гейля сталъ еще холоднѣе, тонъ еще суше.

— Вотъ видите... Ну, а мѣсто уэйтера?

Я опять отказался, прося какой угодно тяжкой работы—лишь бы хватило силъ... Но лакейская должность, связанная съ добровольнымъ самоуниженіемъ,—не по мнѣ.

— Такъ, такъ... Да, да, да... — загадочно процѣдилъ мистеръ Гейль.—Ну, если такъ, то... обдумайте хорошенько, обдумайте все и приходите въ пятницу,—это не слишкомъ долго для васъ... Или нѣтъ: въ субботу, послѣ пяти... А вотъ въ портняжную мастерскую—хоть завтра...—прибавилъ онъ, кинувъ на меня быстрый испытующій взглядъ.

На этомъ мы и разстались.

Въ огорченіи и досадѣ, возвращался я отъ мистера Гейля: я зналъ, что, кромѣ участія въ мѣстномъ попечительномъ о русскихъ иммигрантахъ комитетѣ, мистеръ Гейль былъ виднымъ дѣятельнымъ членомъ знаменитой „American Federation of Labor“, „Американской Федераціи Труда“ *), насчитывающей свыше 1,800 мѣстныхъ организацій или такъ называемыхъ „юніэновъ“. Эта могучая организація (имѣющая теперь уже свыше 2.100.000 членовъ), разраставшаяся рѣшительно не по днямъ, а по часамъ *) и выпускавшая въ свѣтъ для пропаганды своихъ идей цѣлыхъ 235 еженедѣльныхъ или ежемѣсячныхъ изданій **),—очевидно, давала мистеру Гейлю полную возможность оказать мнѣ просимое содѣйствіе и ужъ, во всякомъ случаѣ, не ограничивать выбора портняжествомъ или уэйтерствомъ. И мнѣ, въ тогдашнемъ моемъ положеніи и настроеніи, стало казаться, что со стороны мистера Гейля это просто проявленіе извѣстной власти надо мной, власти человѣка, дающаго работу, надъ человѣкомъ, ее ищущимъ...

---

*) До экзамена и полученія диплома на званіе американскаго врача мистеръ Гейль, имѣвшій уже дипломъ врача отъ одного изъ швейцарскихъ университетовъ, два съ половиною года состоялъ рабочимъ въ крупной оптической мастерской въ Нью-Іоркѣ.

**) Въ одномъ истекшемъ году къ федераціи примкнуло 114 отдѣльныхъ рабочихъ обществъ, состоявшихъ изъ 200,000 слишкомъ членовъ.

***) Органомъ „Федераціи“ служитъ „The American Federatiomst“, редактируемый главой организаціи, Самуэлемъ Гомперсомъ. Цѣль федераціи—поставить трудящихся въ условія независимости отъ милости работодателей и добиться болѣе справедливаго распредѣленія продуктовъ и выгодъ производства...

Въ назначенный день и часъ я всетаки былъ у дверей мистера Гейля, но... не засталъ его дома; мнѣ не могли здѣсь даже сказать, когда онъ возвратится. То же повторилось и на второй, и на третій день: я никогда не могъ его застать, а приходить въ пріемные часы для больныхъ считалъ неудобнымъ.

Мало-по-малу во мнѣ назрѣвало убѣжденіе, что Гейль поставилъ мнѣ ультиматумъ и желаетъ привести меня къ принятію своего рѣшенія. Дня черезъ два я не засталъ мистера Гейля дома уже и въ его пріемные часы.

Настроеніе мое становилось все хуже,—и понятно: съ одной стороны, сильно тощали мои финансы, и былъ уже день, когда, экономя на каждомъ кускѣ хлѣба, я легъ спать голоднымъ... Съ другой—во мнѣ наростало строптивое желаніе обойтись безъ властнаго мистера Гейля. Напрасно я говорилъ себѣ, что мистеръ Гейль лишь развернулъ передо мною практически ту самую программу, которую „философъ Казя“ развивалъ теоретически около „стэнда“ мистера Барнета. И тогда это меня не возмущало... А теперь, когда мистеръ Гейль, какъ бы пользуясь моимъ положеніемъ, навязывалъ мнѣ эту программу, что-то властно возставало противъ нея въ моей душѣ.

Я чувствовалъ себя теперь болѣе одинокимъ, чѣмъ когда-бы то ни было. Даже мой добрый Барнетъ оказывался теперь глухъ къ моему огорченію.

— Ну, что вы думаете? — говорилъ онъ, на еврейскій ладъ пѣвуче растягивая слова.—Что вы думаете? Даютъ работу—надо брать... Нѣтъ, вы все по своему: вотъ и борода вамъ ужасно нужна. Всѣ бреютъ, даже наши евреи, а вы не хотите... Какой вы человѣкъ, я не знаю! Почему не идете въ портняжную? Дадутъ вамъ бортъ, дадутъ пуговички — пришивайте пуговички къ борту и больше ничего!.. Эхъ, вы!.. Если-бъ я васъ не зналъ, я бы не сталъ и говорить съ вами послѣ этого!..

Весна этого года подошла поздняя: перемежаясь изрѣдка съ теплыми днями, почти весь мартъ стояли порядочные холода, а въ самомъ концѣ мѣсяца выпалъ такой снѣгъ, что одурѣвшіе отъ восторга янки день и ночь катались на саняхъ.

Горестно отзывался поздній подарокъ зимы лишь на безработныхъ *) и бездомныхъ, длинными вереницами стоявшихъ теперь по вечерамъ цѣлыми часами въ парахъ, какъ школьники, у полицейскихъ участковъ, гдѣ имъ отводился на городской счетъ ночлегъ съ придачею кружки чая и нѣсколькихъ картофелинъ въ мундирахъ. Но пользоваться гостепріимствомъ участковъ доз-

---

*) Не смотря на сокращеніе рабочаго времени до 8 ч. въ сутки, во время торговыхъ кризисовъ, и вообще къ зимѣ, тутъ скопляются тысячи безработныхъ. Рабочая демократическая партія поэтому ведетъ агитацію объ установленіи 6-часового рабочаго дня.

волялось каждому лишь троекратно, а затѣмъ—ищи ночлега, гдѣ хочешь!..

Въ надеждѣ найти работу при разгрузкѣ кораблей, я пошелъ въ гавань, направляясь на набережную Уэстъ-стритъ, гдѣ на протяженіи трехъ съ половиною миль примостились у берега 47 пристаней *). Тутъ не мало пристаней и желѣзнодорожныхъ, принадлежащихъ компаніямъ, чьи линіи оканчиваются на противоположномъ Нью-Джорзейскомъ берегу, есть и пристани паровыхъ фери-боотовъ, курсирующихъ межъ различными пунктами гигантской лагуны (здѣсь мало шансовъ для ищущаго работы пришельца); но тутъ же находятся пристани и нѣсколькихъ крупныхъ трансъатлантическихъ обществъ, владѣющихъ десятками гигантовъ, ежедневно то тамъ, то здѣсь пристающими у набережной для разгрузки и нагрузки.

Явился я на набережную, чуть свѣтъ, однако же цѣлыя сотни пришли еще раньше: мнѣ пришлось стать въ хвостѣ, подъ градомъ недружелюбныхъ взглядовъ „спеціалистовъ“ порта, не смотря на туманъ и утренній сумракъ, не замедлившихъ тотчасъ же разглядѣть во мнѣ новичка. Полчаса спустя, изъ поперечной улицы показался высокій, румяный господинъ въ свѣтлосѣрой мягкой шляпѣ, видимо—мѣстная сила.

— М'стэръ К'нэди, м'стэръ К'нэди! — сипло возгласилъ мой сосѣдъ, испитой субъектъ лѣтъ тридцати, дрожавшій отъ холода въ своемъ куцомъ пиджакѣ. Въ толпѣ живо смолкли толки, головы поворотились въ сторону свѣтила.

Мистеръ Кенэди, высоко поднимая богатырскія плечи, плавно подошелъ къ намъ. У меня сильно забилось сердце.

— Галлоу Боби, галлоу Джекъ!—здоровался онъ со старыми знакомцами, въ томъ числѣ—и съ моимъ сосѣдомъ.—А этотъ откуда? — кивнулъ онъ въ мою сторону.—Уходите! (Go away!)— громче обыкновеннаго крикнулъ онъ мнѣ, отворачиваясь.

Въ толпѣ точно вдругъ просыпали мѣшокъ орѣховъ,—послышался градъ шутокъ, насмѣшекъ; кто-то попробовалъ даже изъ-за чужой спины дать мнѣ, уходящему, тычка, но, къ счастью, не досталъ... Сконфуженный, я направился къ другой группѣ, чернѣвшей кварталами двумя по набережной дальше; въ отдаленіи виднѣлись толпы еще и еще.

Въ ту же сторону направился и какой то, уже пожилой, человѣкъ, повидимому, матросъ,—сухой, жилистый, съ энергичнымъ, но блѣднымъ лицомъ. Онъ былъ въ хорошей кожаной курткѣ, подъ мышкой держалъ небольшой узелокъ. „Должно быть, на дежурство,—подумалось мнѣ,—не спросить ли у него указаній?..“

— Гдѣ бы мнѣ, сэръ, найти какую-нибудь работу?—спросилъ

*) Каждое крупное пароходное общество тутъ владѣетъ отдѣльною маленькою пристанью, обыкновенно отгороженною наглухо отъ набережной, имѣющей поэтому видъ улицы.

я, поровнявшись: — сносчика или подручнаго къ трюмному, что ли...

— О, только не здѣсь, только не здѣсь! — воскликнулъ онъ живо. — Я тутъ потолкался довольно, знаю: изъ ста — тридцать, сорокъ человѣкъ попадаетъ на работу!.. По большимъ заводамъ ищите, если есть силы...

Я остановился. Шагнувъ еще разъ шесть, пріостановился и матросъ, что-то соображая.

— Давно ищете?—спросилъ онъ, оборачиваясь.

— Второй мѣсяцъ...

Онъ опять помолчалъ.

— А ну... два сапога—пара! Со мной въ Патерсонъ!—вдругъ предложилъ онъ рѣшительно. — У нихъ тамъ всѣ норы промочило,—найдется работа!

Изъ газетъ я уже зналъ, что наканунѣ въ этомъ городкѣ было сильное наводненіе: по улицамъ ѣздили въ лодкахъ. Было очень сомнительно, однако, чтобы тамъ не нашлось достаточно мѣстныхъ рукъ; къ тому же, предстояли расходы по поѣздкѣ... Я отказался. У рѣшетчатыхъ дверей пристани Фери-боота добрый человѣкъ попробовалъ еще разъ поманить меня съ собой, но безуспѣшно...

Шагахъ въ тридцати отъ этого мѣста, передъ группой рабочихъ шнырялъ, между тѣмъ, взадъ и впередъ какой-то маленькій толстый человѣкъ, шипя, фыркая и быстро вызывая изъ толпы самыхъ сильныхъ, здоровыхъ; тутъ даже не отсчитывали по порядку: дѣйствовалъ искусственный отборъ, и дѣйствовалъ успѣшно, оставляя сотни голодныхъ людей за бортомъ *).

---

*) Немудрено, что при этихъ условіяхъ продуктивность стачекъ, не смотря на численный ростъ ихъ и на все расширяющуюся дѣятельность „Американской Федераціи", замѣтно падаетъ, какъ объ этомъ можно судить по нижеслѣдующимъ даннымъ „Коммисіонера Труда Соед. Штатовъ" отъ 1 янв. 1881 г. по 1 янв. 1893 г.

Годы.	Число			Процентъ успѣшности стачекъ.	Потери въ долларахъ:	
	Стачекъ.	Пром. заведеній.	Разсчитан. рабочихъ.		Хозяевъ.	Рабочихъ.
1881	471	2,928	129,521	61,37	3.372,578	1.914,483
1882	454	2,105	154,671	53,59	9.864,228	4.269,094
1883	478	2,759	149,763	58,17	6.274,480	4.696,027
1884	443	2,367	147,054	51,50	7.666,717	3.393,073
1885	645	2,284	242,705	52,80	10.663,248	4.388,893
1886	1,432	10,053	508,044	34,85	14.992,453	12.357,808
1887	1,436	6,589	379,726	45,64	16.560,534	6.696,495
1888	906	3,506	147,704	52,22	6.377,749	6.509,017
1889	1,075	3,786	249,559	46,49	10.409,686	2.936,752
1890	1,833	9,424	251,944	52,64	13.875,338	5.133,404
1891	1,718	8,117	299,064	37,87	14.801,714	6.177,288
1892	1,298	5,540	206,671	39,31	10.772,622	5.145,691
1893	1,305	4,555	265,914	50,82	9.938,048	3.406,195
Итоги.	13,494	63,993	3.228,340	сред. 44,49	135.569,395	67.037,220

— Скоро ли поможетъ тутъ „принудительная система"?—спрашивалъ я себя.—И не лучше ли людямъ свободно организоваться лишь во имя труда, но такъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не оставался внѣ великаго братства рабочихъ?

На набережной было мокро и грязно; грязные же потоки отъ быстро таявшаго снѣга потянулись отъ оконныхъ карнизовъ внизъ, по фасадамъ упиравшихся въ грязно-сѣрое небо домовъ. На рѣчкѣ, куда-то маня, немолчно гудѣли гудки. Туманъ подымался, обнажая гладкую, чистую водную поверхность, и чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ поверхность эта все болѣе свѣтлѣла: слой облаковъ, нависшихъ надъ нею, былъ тоньше. Вотъ, наконецъ, и солнечные лучи... Они прорвали кошмарную завѣсу, отгоняя сѣрые клубы тумана подальше. Рѣка озарилась, озолотилась розоватымъ блескомъ, точно море, обѣщая безбрежную волшебную даль впереди... Но вотъ туманы, все отступая, добѣжали и до противоположнаго берега, и взору открылись... такіе же грязные, угрюмые дома, какъ и здѣсь! Велики они, эти небоподпиратели, это правда, но волшебная даль, очевидно, гдѣ-то еще далеко за ними...

—

Въ числѣ моихъ случайныхъ нью-іоркскихъ знакомыхъ былъ нѣкто Экимъ (Іоахимъ) Зондерманъ, ближній торговецъ яйцами, масломъ и сыромъ. Это былъ австрійскій еврей, къ сожалѣнію, преотвратительно говорившій и плохо понимавшій, какъ по-русски, такъ и по-англійски. Свѣтлорыжій, чрезвычайно худой, съ тонкимъ, выдавшимся впередъ носомъ и быстро перебѣгавшими съ предмета на предметъ маленькими глазками подъ близко сходившимися бровями, онъ имѣлъ видъ настоящаго проныры, на дѣлѣ же былъ довольно добродушный человѣкъ, охотно вѣрившій въ долгъ и, поэтому, часто остававшійся въ накладѣ. Пронырливый видъ его, въ сущности, объяснялся лишь чрезвычайной подвижностью. Онъ вѣчно былъ въ хлопотахъ; пересматривалъ разъ уже пересмотрѣнныя яйца, перекладывалъ ихъ затѣйливыми группами на выставкѣ, переставлялъ громадные ящики изъ подъ яицъ, сложенные стѣной и отдѣлявшіе часть обширнаго магазина подъ „лабораторію", прибиралъ, подметалъ, обтиралъ стекла, — словомъ, не въ состояніи былъ просидѣть на мѣстѣ и нѣсколькихъ минутъ. Какъ-то, шутя, я предложилъ ему взять меня въ помощники. Онъ принялъ это въ серьезъ, сталъ извиняться, что размѣры его торговли не позволяютъ этого сдѣлать, а вотъ, если мнѣ угодно, онъ можетъ достать мнѣ рекомендацію къ мистеру Фризе, мастеру на сахарномъ заводѣ въ Бруклинѣ: тотъ сможетъ меня устроить... Разумѣется, я тотчасъ же ухватился за это предложеніе, и вотъ сегодня, по возвращеніи съ гавани, нашелъ у себя дома письмецо отъ Зондермана, предла-

гавшее мнѣ явиться къ мистеру Фризе сегодня же, въ 5 часовъ пополудни.

Къ назначенному времени я уже былъ у воротъ обнесеннаго грязно-сѣрой стѣной, высокаго и чрезвычайно мрачнаго зданія, расположившагося почти насупротивъ восточнаго конца Истъ Хаустонъ Стритъ. На самый заводъ меня не впустили,—предложили обождать на улицѣ. Нѣсколько перепачканныхъ сажей рабочихъ, одинъ за однимъ, показывались въ калиткѣ, любопытствуя узнать, кого мнѣ нужно, и тотчасъ исчезали обратно. Наконецъ, вышелъ черный, какъ трубочистъ, великанъ, молча взялъ у меня изъ рукъ записку Зондермана и пробасилъ:

— Фредерикъ Фризе. Что угодно?

— Я сказалъ.

— Никакого Зондермана, Тондермана, Бондермана не знаю!—гаркнулъ онъ такъ, что нѣкоторые изъ прохожихъ оглянулись.

Я недоумѣвалъ: адресъ былъ обозначенъ точно.

Великанъ вдругъ осклабился, показывая желтые отъ табачной жвачки зубы.

— Но это все равно,—проговорилъ онъ, не переставая усмѣхаться.—Можетъ быть, что-нибудь и сдѣлаемъ. Приходите завтра пораньше.

Разумѣется, я тотчасъ же направился къ Зондерману за объясненіемъ. Оказалось, что онъ знакомъ лично лишь съ меньшимъ братомъ Фризе, который, вѣроятно, не успѣлъ еще переговорить съ Фредерикомъ объ этомъ дѣлѣ.

И вотъ, раннимъ сумрачнымъ утромъ я снова у стѣны завода. Часа черезъ полтора явился и великанъ.

— Ну?—осклабился онъ.—За какимъ дьяволомъ вы пришли такъ рано? Тутъ и дьяволъ еще не успѣлъ бы ничего сдѣлать, а я—человѣкъ, могу васъ увѣрить. Я думалъ: пораньше вечеромъ. До свиданья!

Вечеромъ повторилась почти та же исторія, съ тою разницей, что онъ справился, могу ли я переносить высокую температуру, потому что въ отдѣленіи, гдѣ выгружаютъ налитыя сиропомъ формы, „самому чорту не показалось бы холодно“. Я сказалъ, что готовъ перенести и жаръ, и холодъ, лишь бы найти работу.

— Лишь бы не голодъ, пріятель, а?—захохоталъ Фризе.—Ну, а возьметесь подвозить на тачкѣ песокъ: скоро изъ Гамбурга придетъ цѣлый пароходъ?..

Я соглашался и на это. Тогда великанъ предложилъ мнѣ придти завтра утромъ: тѣмъ временемъ онъ переговоритъ съ кѣмъ слѣдуетъ.

Не только завтра утромъ, но еще четыре раза утромъ и столько же разъ вечеромъ я напрасно любовался на грязныя стѣны завода, пока, наконецъ, не догадался, что... съ меня ожидается взятка. Наведенная, по моей просьбѣ, Зондерманомъ справка

подтвердила это несколько запоздалое предположеніе. Фризе требовалъ десять долларовъ, чтобы пристроить меня на заводъ чернорабочимъ.

На подобный же аппетитъ наткнулся я въ одной гладильной *), мастеръ которой чрезъ одного изъ рабочихъ потребовалъ взятку въ 15 долларовъ. Недѣлю спустя, я наткнулся еще на бывшаго шляпнаго мастера, а въ ту пору — агента по страхованію жизни. Этотъ, чтобы устроить меня „купальщикомъ“ **), попросилъ десять долларовъ и обязательство взять столъ и квартиру въ семьѣ по его указанію, за недѣльную плату въ 3 доллара 50 центовъ. При платѣ въ 6 долларовъ въ недѣлю, я имѣлъ на всѣ остальные расходы около 10 долларовъ въ мѣсяцъ, по истеченіи же 3 мѣсяцевъ или при переводѣ на иную, болѣе сложную, работу долженъ былъ получать по 7½ долларовъ. Условія, сравнительно, выгодныя; и всетаки я не могъ согласиться: во-первыхъ—меня возмущала взятка, во-вторыхъ—обязательство закрѣпоститься квартирой и столомъ, въ третьихъ—свѣдѣнія, добытыя Зондерманомъ... что-то слишкомъ ужъ часто мистеръ Пфлугъ шлетъ „купальщиковъ“ на эту фабрику. Не искусственно ли устраиваются эти свободныя вакансіи, приносящія посреднику, вѣроятно, пополамъ съ главнымъ мастеромъ фабрики — каждый разъ по 10—15 долларовъ (съ простаковъ онъ бралъ и дороже)? Это, казалось, тѣмъ болѣе возможнымъ, что взяточничество мастеровъ и, вообще, лицъ, имѣющихъ возможность „поставить на мѣсто“, такъ глубоко въѣлось здѣсь въ нравы, что я рѣшительно ни одного разу и ни въ комъ не замѣчалъ по такимъ поводамъ негодованія. Такъ жажда наживы вытравляетъ изъ людей и даже изъ окружающей ихъ атмосферы самую элементарную нравственную чистоплотность.

Съ мистеромъ Гейлемъ я свидѣлся еще разъ—недѣли черезъ двѣ послѣ перваго моего визита, и свиданіе это подтвердило мои предположенія.

Встрѣтилъ меня мистеръ Гейль все съ тою же привычно-привѣтливою улыбкою, ни словомъ не намекая на свою неисправность. Попробовалъ было напомнить объ этомъ я, сказавъ, что я прихожу въ четвертый разъ, но мистеръ Гейль, торопливо обронивъ: „былъ очень занятъ“,—сразу же поставилъ вопросъ:

---

*) Большую часть прачешныхъ и гладиленъ содержатъ тутъ, какъ и вообще въ Сѣверной Америкѣ, китайцы, проживающіе въ одномъ Нью-Іоркѣ въ количествѣ 3,000 человѣкъ. Въ послѣднее время, однако, все больше и больше открываютъ прачешныя русскіе евреи и поляки.

**) Обязанность его вылавливать голыми руками изъ чана съ горячей водой распаренныя тамъ шляпы. Не знаю, представляетъ ли слово это ходячій терминъ, или же это просто эпитетъ, изобрѣтенный юмористическимъ остроуміемъ мистера Пфлуга.

— Ну, надумали?.. Въ портняжную?

— Нельзя ли куда-нибудь въ столярную?

— Опять!.. Почему вы такъ гнушаетесь иголкой?

Я попробовалъ откровенно объяснить ему свое настроеніе. Я сказалъ, что не понимаю, почему онъ предпочитаетъ для меня иголку или мѣсто лакея, когда могъ бы предоставить болѣе широкій выборъ. Я сказалъ также, что вижу въ этомъ принужденіе, между тѣмъ какъ ищу прежде всего свободы. Мистеръ Гейль слушалъ внимательно, но лицо его становилось все угрюмѣе.

— Не совсѣмъ понимаю васъ, — сказалъ онъ сурово,—вижу только, что наши дороги расходятся... Очень жаль, но—что подѣлаешь?!

Онъ проводилъ меня до дверей, сухо пожавъ протянутую ему руку. Больше мы не встрѣчались.

На этотъ разъ и мистеръ Барнетъ, когда я ему разсказалъ про послѣднее свиданіе свое съ мистеромъ Гейлемъ, недовольно задумался. Онъ ни словомъ не обмолвился противъ своего кумира, но видно было, что не я—причина его недовольства.

— Э!—воскликнулъ онъ, наконецъ,—наши жидки говорятъ: не всѣ Сарры безплодны! Сходите-ка вы въ отдѣленіе.

— Куда, куда?.. Въ какое „отдѣленіе“?

— Ну, развѣ не знаете? Въ наше отдѣленіе, уголъ Истъ 4-й и Воуэри. Ну, — куда я забѣгалъ прошлое воскресенье, помните: мы шли вмѣстѣ отъ „математика?“ Тамъ, навѣрно, найдется работа.

Оказалось, дѣло идетъ объ отдѣленіи конторы компаніи, занимающейся экспедиціей главнѣйшихъ нью-іоркскихъ газетъ.

Тутъ необходимо маленькое отступленіе.

Тиражи американскихъ газетъ достигаютъ необычайныхъ, съ нашей точки зрѣнія, размѣровъ, и это идетъ параллельно съ необыкновенной дешевизной. Утренній номеръ газеты „World“, побившей всеміpный рекордъ распространенности (4 ноября 1896 г. газета вышла въ количествѣ 1.397.129 экз.), стоитъ всего 2 цента (около 3³/₄ коп.) за 50—60 страницъ очень убористой печати *).

---

*) Корректируется такая газета цѣлымъ отрядомъ корректоровъ, со „старшимъ пруфридеромъ“ во главѣ, до котораго восходитъ разрѣшеніе лишь т. наз. ревизіонныхъ вопросовъ. Младшіе корректора со старшимъ сносятся помощью телефона, какъ и съ типографіей. Приходъ новой, какой угодно важности, телеграммы никогда не ведетъ къ переверсткѣ страницы: текстъ данной статьи прерываютъ хотя бы на полусловѣ, ставятъ выноску, показывающую на какой страницѣ искать продолженіе, а затѣмъ за обыкновенной „линейкой“ ставятъ текстъ только что полученной новости. Случается, что

Само собою разумѣется, что, собственно, текстъ газеты давалъ бы одинъ убытокъ, если бы не объявленія, которыя тоже при сравнительно невысокой платѣ (центъ за слово) составляютъ главный доходъ газеты и занимаютъ въ ней очень много мѣста. Количество же объявленій зависитъ отъ распространенности газеты. Отсюда—лихорадочная гонка газетъ въ этомъ направленіи. Я сосчиталъ какъ-то, что изъ 64 страницъ утренняго выпуска газеты „World“ около 40 занимали объявленія. Къ 10 часамъ газета часто выпускаетъ второе изданіе, а въ 5 часовъ вечера появляется вечерній выпускъ...

При такомъ тиражѣ, разумѣется, нечего и думать объ экспедиціи всего выпуска собственными средствами. На помощь ей и является спеціальная компанія, въ свою очередь, затрачивающая на это дѣло крупныя суммы денегъ.

Въ отдѣленіе одной изъ такихъ-то конторъ, помѣщавшееся въ подвалѣ углового дома, сейчасъ за эстокадою улицы Боуэри, я и пришелъ съ рекомендаціей мистера Барнета. Было уже подъ-вечеръ, когда затишье экспедиціонныхъ операцій позволяло надѣяться на досугъ администраціи отдѣленія и, стало быть, на возможность переговорить, не спѣша. Вышло, однако, не то — и переговоры оказались очень коротки.

Изъ-за стеклянной перегородки конторы, пріютившейся въ углу подвала, вышелъ ко мнѣ франтовски одѣтый, полный и серьезный господинъ, съ массивною цѣпью на мохнатомъ жилетѣ. Господинъ этотъ прочелъ записку, дважды оглядѣлъ меня съ ногъ до головы, черезъ очки и поверхъ очковъ, — щуря, словно ощупывавшія меня, „ѣдкіе“ глаза, и объявилъ, сжимая при каждомъ словѣ мясистыя бритыя губы.

— Очень хорошо!.. Сегодня ночью, въ 2 часа 45 минутъ.

— Какъ?—переспросилъ я въ изумленіи.

— Я сказалъ: ночью въ 2 часа 45 минутъ, или, если хотите безъ четверти въ три пополуночи. Это все... До свиданья!..

Въ половинѣ третьяго, радостно перебѣжавъ поперекъ почти половину мертвенно затихшаго города, оглашаемаго лишь лѣнивыми позвякиваніями конки да грохотомъ не знающей и ночью покоя эстокацы, — я былъ уже въ подвалѣ. Мистеръ Макъ-Клеланъ,—такъ звали шефа „отдѣленія“—проходя, кивнулъ мнѣ головой и сейчасъ же углубился въ толстѣйшую пачку какихъ-то блокнотовъ или счетовъ, поданную ему блѣднымъ, синеглазымъ стройнымъ юношей, уже лѣтъ шестнадцати, но одѣтымъ въ коротенькую дѣтскую куртку.

изложеніе и этой послѣдней прерываетъ текстъ полученной еще позднѣе и т. д., никого и нисколько тѣмъ не смущая.

Кстати: въ Нью-Іоркѣ выходитъ 56 періодическихъ изданій, а въ Соед. Штатахъ 20,443. Тогда какъ въ Россіи около 850; въ Японіи—2,000.

Вдругъ что-то загудѣло, застучало,—это пріѣхали фургоны съ только что вышедшимъ номеромъ газеты „World“.

— Что прикажете мнѣ дѣлать? — спросилъ я, подойдя къ принципалу.

— Стать вотъ тутъ.—онъ указалъ мнѣ мѣсто у конторы, откуда видно было все обширное помѣщеніе подвала, — и наблюдать.

И онъ торопливо, очевидно, о чемъ-то вспомнивъ, бросился къ телефону.

— А чтобъ тебя, съ твоимъ лаконизмомъ! — невольно выругался я, теряясь въ догадкахъ насчетъ своего новаго положенія.

А передо мною, частью вокругъ меня, съ какою-то яростной торопливостью сновали люди безъ сюртуковъ, принимавшіе и распаковывавшіе стрѣлой спускавшіеся въ подвалъ на низенькихъ телѣжкахъ тюки съ тысячами и тысячами экземпляровъ сильно пахнувшаго типографскою краской послѣдняго номера газеты. Синеглазый юноша просто леталъ по подвалу съ какими-то замѣтками въ рукахъ, съ непостижимой ловкостью лавируя въ этомъ адскомъ хаосѣ. Мистеръ Макъ-Клеланъ то и дѣло бросался къ телефону, къ пачкамъ блокнотовъ, откуда его толстые пальцы живо выуживали искомый листокъ, перекидывался лаконическими дѣловыми фразами съ десятками людей разнаго возраста и внѣшности, притекавшихъ сюда съ кускомъ клеенки или картона подъ мышками и уходившихъ съ пачками толстѣйшихъ номеровъ газеты.

Одни фургоны гулко подкатывались къ дверямъ, другіе, нагруженные для дальнѣйшей экспедиціи, такъ же гулко откатывали прочь. Тюки таяли, разбиваясь и раздробляясь на болѣе или менѣе толстыя пачки, мигомъ, и всегда безошибочно, получавшія дальнѣйшія назначенія. Народъ вокругъ пыхтѣлъ, сопѣлъ, работая почти молча,—изрѣдка лишь перекидываясь необходимыми замѣчаніями; блѣдный юноша леталъ теперь, уже весь красный, съ крупными каплями пота на шишковатомъ лбу. Отъ всей этой никогда еще невиданной мною суеты у меня просто кружилась голова, дыханіе учащалось, точно и я принималъ физическое участіе въ этой горячечной работѣ.

— Ну, годитесь сюда?—спросилъ меня, часъ спустя, мистеръ Макъ-Клеланъ, кивая въ сторону рабочихъ „отдѣленія“.

— Нѣтъ, сэръ. Они у васъ бѣгаютъ, какъ клавиши фортепіано.

Онъ улыбнулся.

— Да, въ часѣ столько минутъ, сколько сработаешь. Можетъ быть, впрочемъ, испробуете?

— Нѣтъ, сэръ, не справлюсь. А вотъ, можетъ, будете такъ любезны, посовѣтуете, куда еще обратиться...

— Хорошій совѣтникъ одинъ только Богъ! — замѣтилъ онъ сентенціозно.—Обратитесь, на всякій случай, въ главную контору: 28, William Street, мистеръ Паркеръ управляющій. Желаю успѣха!..

Здѣсь меня ждала, однако, не бо́льшая удача: мистеръ Паркеръ, удивительно походившій лицомъ на Листа, только безъ гривы, заставилъ меня прождать добрый часъ, чтобы сказать, что „въ настоящее время ничего нѣту!“

— Быть можетъ, будетъ впослѣдствіи? — освѣдомился я нерѣшительно.

Онъ поморщился.

— Если и будетъ,—замѣтилъ онъ рѣзко,—то я не приму незнакомаго, чтобы не дать повода десятку другихъ напрасно отнимать у меня время!

— Сэръ, вы забываете, что нужда отнимаетъ у нихъ нѣчто большее!—огрызнулся я.

— Кто васъ прислалъ ко мнѣ? — спросилъ онъ нѣсколько мягче.

— Мистеръ Макъ-Клеланъ.

— Такъ скажите ему, чтобы онъ васъ принялъ самъ.

— Благодарю!

Въ конторѣ газеты „Таймсъ“ оказался еще болѣе сердитый администраторъ: когда, вслѣдъ за его отказомъ, я предъявилъ ему обычную просьбу посовѣтовать мнѣ, куда бы еще обратиться, онъ отвѣтилъ просьбой: „уйти, какъ можно скорѣе, съ глазъ!“ Въ конторѣ „Mail and Express“ („Почта и Курьеръ“) отказъ сдобрили совѣтомъ подать объявленіе въ газету. А какъ мало могло бы оно мнѣ помочь, видно уже изъ того, что такъ называемыя „situation wanted“, т. е. объявленія ищущихъ занятій составляютъ обыкновенно 8—10 страницъ убористой печати въ каждомъ утреннемъ номерѣ „World'a“...

Проходя улицею прессы—„Park Row“, я замѣтилъ въ трехъ-четырехъ окнахъ многоэтажнаго зданія вывѣску, гласившую золотыми буквами на стеклѣ, что тутъ помѣщается редакція газеты „Христіанскія Новости“. Я рѣшилъ зайти еще сюда.

Поднявшись по круто извивавшейся винтомъ каменной лѣстницѣ на седьмой этажъ (3 безостановочно работающія подъемныя машины все время были переполнены пассажирами), я вошелъ въ обширную комнату, гдѣ за палисандровымъ барьеромъ сидѣлъ человѣкъ, великолѣпно упитанный, розовый и благодушный. Это былъ самъ мистеръ Робертъ Тайнеръ, редакторъ-издатель и докторъ философіи, какъ онъ не преминулъ мнѣ отрекомендоваться. По всей вѣроятности, это былъ и самый общительный человѣкъ въ Нью-Іоркѣ: за десять—пятнадцать минутъ, что я у него пробылъ, онъ, безъ всякой видимой надобности, сообщилъ мнѣ, что живетъ съ семьей въ четырехъ миляхъ отъ Нью-Іорка, куда ежедневно въ 9 часовъ пріѣзжаетъ въ контору работать. Еженедѣльный

журналъ свой ведетъ единолично, давая руководящія статьи и вырѣзки изъ газетъ, касающіяся современнаго положенія христіанства... Сотрудниками у него состоятъ только читатели, которымъ предоставляется широкое право поднимать какіе угодно вопросы на столбцахъ изданія. Въ служащихъ онъ также не нуждается, а вотъ, если мнѣ угодно, то онъ можетъ предоставить мнѣ агентуру въ любомъ изъ городовъ, гдѣ таковой еще не имѣется, но— на собственный счетъ и рискъ... Впрочемъ, журналъ отличается столь яркими достоинствами, что, при извѣстной энергіи и выдержкѣ, агентъ сумѣетъ отлично вознаградить себя за труды...

Вечеромъ того же дня кто-то изъ обычной публики кіоска мистера Барнета сообщилъ мнѣ, что изъ конторы „Нью-Іоркъ-Герольдъ“ только что уволился, служившій тамъ, извѣстный русскій писатель Максимовъ, и что въ этомъ газетномъ министерствѣ, будто бы охотно, принимаютъ русскихъ. Это навело меня на мысль попытать счастья.

Громадное двухъ-этажное, занимающее цѣлый кварталъ зданіе (между 34 и 35 улицами, Бродуэйемъ и 6 эвеню), съ его страннымъ фасадомъ, являющимъ жалкое подражаніе дворцу дожей въ Венеціи, наполовину окутано было густымъ, холоднымъ туманомъ. Высокія аркады изъ полированныхъ гранитныхъ колоннъ, причудливой формы парныя окна, скопированныя съ итальянскихъ произведеній временъ возрожденія, орнаментъ пилястръ и карнизовъ, самыя статуи Минервы на невысокомъ фронтонѣ у угловъ— все это отдавало вычурностью и безвкусіемъ. Внутри зданія, съ его пятью колоссальными двойными машинами, выпускающими вмѣстѣ 450,000 экземпляровъ газеты въ часъ, навѣрное, и теперь кипѣла работа, потому что газета, обладающая собственными телеграфными проводами черезъ океанъ, безустанно принимаетъ приливающія къ ней новости со всего свѣта; но въ наружныхъ окнахъ зданія нигдѣ еще не свѣтился огонекъ, и среди этого свинцоваго тумана оно и само обдавало нервно настроеннаго человѣка какой-то свинцовой мрачной безнадежностью. Я провелъ тутъ около часа, слыша, какъ часы межъ статуями, изображающими словолитчика и печатника, на фронтонѣ били четверти и получасы, и все не рѣшался войти...

Наконецъ, пройдя колоннаду, я былъ въ дверяхъ. Здѣсь быстрыми шагами направился ко мнѣ какой то высокій, худой господинъ *), съ длиннымъ олимпійски величавымъ лицомъ и точно вырубленнымъ топоромъ четырехугольнымъ подбородкомъ.

— Кого вамъ надо? — кинулъ онъ мнѣ, останавливаясь въ полъ-оборота.

Я сказалъ.

*) Какъ узналъ я впослѣдствіи, это былъ мистеръ Джонъ Лаисъ, одинъ изъ лакеевъ конторы газеты...

— Имѣете какія-нибудь рекомендаціи?

— Никакихъ...

— Нѣтъ мѣста, нѣтъ работы.

— Можетъ быть...

— Нѣтъ мѣста, говорю... Некогда разговаривать!..

И онъ тѣми же быстрыми шагами вышелъ на улицу, рѣзкими движеніями толкая дверь передъ собой.

Вышелъ и я. Въ окнахъ зданія все еще было темно, хотя уже совсѣмъ свечерѣло; только циферблатъ часовъ безучастно, какъ глазъ циклопа, глядѣлъ передъ собой, освѣщенный холоднымъ матовымъ свѣтомъ. Вдругъ въ глазахъ совъ, разставленныхъ по фронтону между статуями Минервы, попеременно—то въ правомъ глазу, то въ лѣвомъ — замигали желтоватые огоньки. И мнѣ казалось, что было что-то нагло-насмѣшливое въ этомъ миганьи...

А кругомъ кипѣла жизнь...

Шла уже суета предвыборныхъ *) маневровъ: ораторы произносили рѣчи, раздавали тысячами памфлеты, восхваляя своихъ кандидатовъ, насколько возможно черня и роняя чужихъ; на улицахъ у главныхъ квартиръ разныхъ партій участка, пестрѣли флаги, слышались взрывы холостыхъ петардъ; наконецъ, на куполѣ зданія газеты World, въ знакъ побѣды республиканцевъ, зажглись розовые лампіоны, огненной короной красуясь въ темномъ небѣ. Но я, какъ будто, не слыхалъ и не видалъ ничего; всѣ мои мысли были заняты однимъ: куда еще мнѣ сунуться, чтобы найти работу. Самая грандіозность совершающагося предо мной общественнаго факта вызывала во мнѣ одно раздраженіе: не одинъ страхъ нужды и перспектива бездомнаго скитальчества угнетали меня,—я невыразимо страдалъ отъ сознанія, что вотъ всѣ или почти всѣ имѣютъ здѣсь свое мѣсто за общей работой, и лишь меня, въ числѣ сравнительно немногихъ, эта клокочущая промыслами жизнь не хочетъ знать и отталкиваетъ прочь...

Въ такомъ настроеніи я безплодно стучался еще по фабрикамъ,—былъ даже на фабрикѣ искусственнаго льда и на сѣдомъ отъ известковой пыли ацетиленовомъ заводѣ. Наконецъ, по указанію одного фруктовщика-неаполитанца, сунулся къ итальянцамъ-мостовщикамъ, прокладывавшимъ тогда дорогу у скалистаго склона „Вангтноскихъ высотъ“ вдоль западнаго берега рѣки Гарлемъ *). Но и тутъ меня ждала неудача: Винченцо Джіотти, къ которому у меня была рекомендація, только наканунѣ уѣхалъ въ Чикаго, а итальянцы-мостовщики почти никогда не принимающіе

*) Шли выборы по штату Нью-Іоркъ.

**) Насупротивъ Сѣвернаго Нью-Іорка.

въ свою рабочую компанію иноплеменника, отказали мнѣ даже въ надеждѣ на работу въ будущемъ...

Отдохнувъ немного послѣ четырнадцати миль пѣшаго пути, я пустился въ обратный путь. Дѣло близилось къ вечеру. Рѣка, глубокая и непривѣтливая, тѣсно прижалась къ берегу, такъ что на протяженіи 10 или 15 кварталовъ сюда не выходилъ ни одинъ переулокъ. Для сокращенія пути я пошелъ надъ обрывомъ къ виднѣвшемуся вдалекѣ мосту... Идти было трудно, подъ ногами часто осыпалась земля, руками приходилось хвататься за выступы... Въ довершеніе бѣды, уже почти у конца труднаго пути я встрѣтилъ заборъ съ грозной надписью: „No passing“ (нѣтъ прохода). Я зналъ, что американскій законъ строго караетъ за подобныя нарушенія права частнаго владѣнія, но... въ тогдашнемъ моемъ настроеніи мнѣ было мало дѣла до американскихъ законовъ, и я перелѣзъ черезъ заборъ... Я уже прошелъ черезъ дворъ къ калиткѣ, когда за мною послышались въ сумеркахъ шаги, а открывъ калитку, я увидѣлъ въ ней полисмэна... Итакъ, тюрьма или штрафъ,—мелькнуло у меня въ головѣ. Но я смѣло вышелъ на улицу, отстранивъ полисмэна... Онъ говорилъ что-то, но я шелъ быстро, не оглядываясь...

Только на мосту я остановился, глядя въ туманную перспективу рѣки, въ которой смутно виднѣлись грузныя громады гигантскаго города... Все мнѣ здѣсь было чуждо, враждебно и холодно... Какъ это бываетъ часто, маленькое приключеніе съ проходомъ черезъ чужой дворъ и съ намекомъ на опасность тюрьмы, дало толчекъ моей рѣшимости.

Мнѣ надо покинуть этотъ городъ и искать счастья дальше, тамъ, въ туманныхъ даляхъ невѣдомой страны.

„О гдѣ ты, гдѣ, блаженная страна?“—мелькалъ въ умѣ стихъ изъ Гете.

Вернувшись домой, я подсчиталъ свои деньги. Ихъ оставалось уже очень мало. Черезъ два дня истекалъ срокъ, за который у меня было уже уплачено впередъ за квартиру... Если я уплачу еще за одинъ срокъ, у меня не хватитъ даже на билетъ до Бофло (Buffalo), который я намѣтилъ себѣ, какъ одинъ изъ ближайшихъ этаповъ моего странствія.

Я рѣшился, чтобы избѣгнуть непріятныхъ разспросовъ и всей процедуры, связанной съ оставленіемъ квартиры, сдѣлать все это гораздо проще: на слѣдующій же день, надѣвъ на себя нѣсколько паръ своего бѣлья и все платье,—я оставилъ сундукъ и вышелъ, ни съ кѣмъ не простившись...

Внизу скрипнула дверь. Миловидная сосѣдка, дочь пастора ближней церкви, увидѣвъ мою необычайно толстую фигуру, испугалась и быстро захлопнула дверь, даже не поздоровавшись.

Потѣшались надъ моей грузной фигурой и мальчишки на улицѣ; иные изъ нихъ забѣгали впередъ, спрашивая, не позвать ли

мнѣ кэбъ, двое ли насъ въ одной шкурѣ, или только одинъ и т. п. Я шелъ, не оглядываясь, не отвѣчая...

Подъ вечеръ я уже мчался въ вагонѣ второго класса. Третьяго класса здѣсь нѣтъ совсѣмъ, кресла разставлены довольно тѣсно, какъ въ театрѣ, и меня, признаюсь, мало утѣшало то обстоятельство, что я ѣду на бархатномъ сидѣніи... Въ карманѣ у меня былъ билетъ до Бофло, который обошелся въ 17 долларовъ слишкомъ, и у меня оставалось нѣсколько мелочи. Позади исчезалъ, затягиваясь туманами, непривѣтливый Нью-Іоркъ, впереди разстилалась даль, тоже туманная, какъ мое будущее...

Первый періодъ моихъ скитаній „за счастьемъ и правдой" былъ, такимъ образомъ, законченъ. О томъ, что я нашелъ въ своихъ дальнѣйшихъ странствіяхъ,—быть можетъ, разскажу въ другой разъ...

П. Владыченко.

---

* * *

Какъ звонъ цѣпей, мой стихъ угрюмъ,
Однообразенъ, однозвученъ,
Но я тоской суровыхъ думъ
И тяжкимъ гнетомъ зла измученъ!

Засну-ль,—все тотъ же дикій сонъ,
Глухая жизнь гнететъ кошмаромъ:
Я вижу стѣны, слышу стонъ...
И нѣтъ конца проклятымъ чарамъ!..

Н. Шрейтеръ.

Потомъ они вернулись къ своимъ колесамъ, но сидѣли, повернувшись къ нему лицомъ, и, стараясь перекричать стукъ машинъ, разспрашивали его съ большимъ интересомъ о друзьяхъ и знакомыхъ, которые еще остались въ Америкѣ. Даже чипсмэкеры *) изъ христіанъ посматривали со своихъ мѣстъ.

— Что-же, станешь баасомъ **)?—закричалъ Леонъ черезъ головы Моппеса и Кларуна.

— Прибавьте мнѣ пять марокъ въ недѣлю и булку съ цимесомъ,—шутилъ Гесъ, кусая толстыя губы.

— Пойдетъ и безъ цимеса!—смѣялся Кларунъ, оборачивая свое желтое лицо, съ синяками подъ глазами.

— Не буду ни скупщикомъ, ни мастеромъ,—засмѣялся Элеазаръ.—Довольно натерпѣлся.

— Что онъ сказалъ?

— Говоритъ, — довольно натерпѣлся.

— Чего онъ натерпѣлся?

— Отъ дѣвчонокъ, Эли? Неправда ли?.. Дѣвчонки это— наша пагуба?—шутилъ Леонъ, прикрѣпляя при помощи завертки шлифовальную чашечку къ скобкѣ и громко хохоча. Моппесъ и Кларунъ, работая согнувшись, тоже не переставали зубоскалить.

— Да будетъ бѣдность моя такъ же неистощима, какъ его богатство!—сказалъ Хесъ.—Хотите даровой билетъ на сегодняшній вечеръ, Эли?

— Очень ему нужно,—сказалъ съ сухой усмѣшкой Моппесъ, наклоняясь и перебрасывая мѣдную чашечку лукаво усмѣхающемуся формовщику ***).—Очень ему нужно!.. провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ.

— Ни за что я не возьмусь за это,—засмѣялся Элеазаръ, пришедшій въ нѣкоторое возбужденіе отъ чисто дѣтской безпечности рабочихъ.

— Что же ты, ножи будешь точить?—насмѣшливо спросилъ Кларунъ и повторилъ свои слова, такъ какъ чипсмэкеры, сидѣвшіе напротивъ, громко затянули пѣсню, которая слилась съ шумомъ колесъ.

— Нѣтъ, онъ будетъ точить медъ!—съострилъ Гесъ и

---

*) Рабочіе, которые обработываютъ „чипсы", мелкіе, трудно шлифуемые осколки бриліантовъ; въ противоположность остальнымъ гранильщикамъ, они почти исключительно христіане.

**) Баасъ,—перекупаетъ у крупныхъ бриллiантщиковъ необработанные камни и отдѣлываетъ ихъ на свой рискъ.

***) Горячая чашечка, при помощи небольшого стержня, помѣщается въ деревянную форму, имѣющую видъ кубка. Здѣсь формовщикъ сглаживаетъ мягкую массу, въ которую положенъ камень, и придаетъ камню удобное для шлифовки положеніе.

наклонился, трясясь отъ неудержимаго смѣха и погружая кисточку въ чашку съ порошкомъ для шлифованія.

Это замѣчаніе послужило поводомъ къ новому взрыву веселости, и голоса раздавались еще громче.

По лѣсенкѣ осторожно пробирался маленькій, тощій еврей съ перекинутыми черезъ руку свѣтло-сѣрыми, коричневыми и синими тряпками.

У него было узкое, желтое угловатое лицо; казалось, что кости скулъ вотъ-вотъ прорвутъ кожу и проступятъ наружу, а подъ носомъ торчали колючіе пучки черныхъ волосиковъ, точно случайно заползшая туда гусеница. Отъ яркаго свѣта, падавшаго изъ оконъ фабрики, онъ боязливо зажмурилъ глаза.

— Господа! Господа! Вотъ товаръ на продажу! Господа! поглядите сюда, господа!

Онъ остановился около Элеазара и высоко поднялъ обѣими руками отрѣзокъ свѣтло-сѣрой матеріи.

— Вотъ этотъ господинъ,—показалъ Гесъ на Элеазара,—хочетъ купить себѣ костюмъ.

— Это богачъ!—воскликнулъ Леонъ,—онъ скупитъ у тебя всѣ товары.

— Почемъ?—спросилъ Кларунъ, разсматривая вещи

— Три гульдена!—отвѣтилъ торговецъ. — Три гульдена, потому что по случаю... Въ магазинѣ заплатите семь.

— За эту тряпку!.. Гульденъ берешь?

— Гульденъ? Одинъ гульденъ? За это! — повторялъ разносчикъ, слегка пожимая плечами и любовно поглядывая на кусокъ матеріи.

— Дрянь!—заявилъ Гесъ, протягивая щипцами ярко блестящій бриллiантъ Іудѣ.

— Это дрянь! Это дрянь? У меня нѣтъ дряни!.. Все это продается по случаю... Чистѣйшая шерсть!

— Отдай мнѣ за гульденъ! — лукаво заявилъ Кларунъ и громко разсмѣялся,—я сошью себѣ свадебный фракъ!

— Чортъ возьми! Матерія выглядитъ какъ кусокъ кожи!—смѣялся Моппесъ, осторожно полируя камень.

— Вы посмотрите, что за остатокъ! — говорилъ продавецъ, съ нѣжностью проводя рукой по матеріи. — Прекрасный остатокъ, какъ разъ на панталоны! Чудо, что за кусокъ!

— Хочешь двадцать пять пятаковъ? — предложилъ Кларунъ, низко наклоняя свое желтое лицо надъ колесомъ, сплошь покрытымъ черной пылью.

— Ничего не подѣлаешь!—заявилъ еврейчикъ. — Пожалуйте, господа! Вы здѣсь можете дешево купить! Я не гонюсь за прибылью! Пожалуйте, господа!

Маленькій и жалкій въ своемъ блестящемъ жилетѣ, на которомъ болталась куртка, онъ прислонился къ рабочему станку, робко озираясь кругомъ. Войлочная шапочка его съѣхала на бокъ, открывая вспотѣвшій лобъ; смятый воротничекъ прилипалъ къ худой шеѣ, на которой висѣла складками кожа.

Внизу пѣли чипсмэкеры; снаружи доносился пронзительный голосъ уличной пѣвицы. Кто-то подпѣвалъ ей. Высокія окна со множествомъ мелкихъ стеколъ стояли запыленныя и запотѣвшія, но отливали золотомъ въ изломахъ стекла. Ихъ было три, большихъ, сводчатыхъ съ прямыми продольными перекладинками, и каждое стеклышко въ нихъ свѣтилось, какъ прозрачное золото.

Лѣвое окно, полузакрытое тѣнью выступавшей стѣны, обвитой поблекшимъ плющемъ, наполовину купалось въ волнахъ яркаго свѣта; другая половина была черная отъ насѣвшей на стекло пыли и грязи. Во второмъ окнѣ не хватало многихъ стеколъ; оно напоминало широко раскинутую паутину съ отъѣвшимся, жирнымъ паукомъ-крестовикомъ по срединѣ. На немъ, подтянутая къ одной сторонѣ, висѣла грязно-бѣлая штора, которую спускали, когда солнце свѣтило въ глаза рабочимъ. На фонѣ пронизанныхъ золотыми лучами рамъ выдѣлялись крупныя четырехугольныя плечи чипсмэкеровъ; они сидѣли, согнувшись, съ опущенными головами, окутанными блѣднымъ облакомъ расходившагося кольцами голубоватаго дыма. У третьяго окна свѣтился матово-краснымъ цвѣтомъ огонь паяльнаго горна, уменьшавшійся до зеленоватой искорки, когда закрывали поддувало.

Верхнія окна съ молочно бѣлыми стеклами, для смягченія свѣта, открывались наискось, точно люки. Потолокъ перерѣзывала пополамъ огромная балка. Рядомъ, тяжелыя, пробитыя насквозь ржавыми гвоздями, тянулись другія такія же балки, прижатыя снизу колоннами, которыя желѣзными скобами, словно руками, охватывали дерево.

Еврейчикъ, маленькій и робкій, продолжалъ зазывать покупателей, но слабый голосъ его почти терялся въ визгѣ желѣзныхъ осей и колесъ. Мальчикъ, толокшій въ ступкѣ алмазный песокъ, тощій, съ полосами грязи на блѣдномъ лицѣ, скалилъ зубы, потѣшаясь надъ нимъ, и стукъ толкача звонкимъ смѣхомъ покрывалъ остальной шумъ.

— Сюда, господа! сюда пожалуйте! Дешево продаю!..

— Двадцать пять штиверовъ и еще одинъ,—предлагалъ Кларунъ, крѣпко зажимая въ рукахъ щипцы.

— Нѣтъ, такъ не пойдетъ,—рѣшительно отрѣзалъ еврей-

чикъ, любовно поглядывая на матерію своими подслѣповатыми глазками.

— Двадцать пять штиверовъ и еще одинъ... ну, еще одинъ штиверъ,—продолжалъ Кларунъ, дѣлая жадные глаза и лукаво подсмѣиваясь.

— Талеръ!—крикнулъ еврейчикъ.

— Двадцать шесть съ половиной, — засмѣялся опять Кларунъ.

Но Леонъ, поднявъ голову надъ точиломъ, крикнулъ густымъ хриплымъ басомъ:

— Я дамъ тебѣ рейхсталеръ за твою тряпку, если ты съумѣешь понравиться моей женѣ.

Гранильщики покатились со смѣху.

— Господа, господа! — хныкалъ еврейчикъ, поворачивая во всѣ стороны матерію.

Кларунъ схватилъ ее, любовно разгладилъ руками и повѣсилъ на выдвинутый ящикъ шкафа.

— Чего же вы ждете?—замѣтилъ Моппесъ.—Вы хорошо заработали... Цѣлый талеръ за какой-то дрянной лоскутъ.

Кларунъ продолжалъ работать. Еврейчикъ пугливо посмотрѣлъ въ окно, щурясь отъ свѣта, потомъ на гранильщиковъ и почти назойливо крикнулъ:

— Господинъ! Господинъ!.. А гдѣ же деньги?

— Завтра,—сказалъ Кларунъ,—сейчасъ нѣтъ мелочи.

— Ничего у него нѣтъ! Онъ обманщикъ! — загремѣлъ Гесъ, трясясь отъ смѣха.

— Господинъ, добрѣйшій господинъ!.. Я бы сегодня, можетъ, еще сколько-нибудь заработалъ!—жалобно приставалъ смущенный еврейчикъ.

— Прикажете выдать вамъ чекъ?—заржалъ Кларунъ.

— У него уцѣлѣли денежки еще отъ капскихъ временъ *),—снова крикнулъ Гесъ.

— Я бы сегодня, можетъ, еще сколько-нибудь заработалъ,—кротко увѣщевалъ еврейчикъ.

— Желаете получить мою визитную карточку? — спросилъ Кларунъ, посыпая точильный дискъ свѣжимъ алмазнымъ пескомъ,—*Rue de Peejee* **)... Третій этажъ.

— Да заплати ему, — вмѣшался Іуда, поворачивая къ гранильщику свою голову съ коротко остриженными сѣдыми волосами.

— Вы можете размѣнять мнѣ двадцать пять гульденовъ?—освѣдомился Кларунъ.

---

*) Періодъ, когда алмазная промышленность процвѣтала, и гранильщики имѣли отличный заработокъ.

**) *Rue de payer*—улица, гдѣ платятъ.

— Если-бъ я былъ такой богатый! — слабо усмѣхнулся еврейчикъ.

— Въ такомъ случаѣ не угодно ли вамъ зайти завтра?

— Ничего унего нѣтъ!—издѣвался Гесъ.

— То есть, какъ нѣтъ? Я хочу свои деньги!—кротко замѣтилъ еврейчикъ.

— Ну, такъ бери назадъ свою тряпку!—будто разсердившись, объявилъ Кларунъ.

Еврейчикъ двинулся дальше, тихонько и пугливо бормоча себѣ подъ носъ, и продолжалъ предлагать свой убогій товаръ чипсмэкерамъ.

Тѣнь побѣжала по залу, какая-то странная тяжелая тѣнь, и разомъ погасли золотые блики въ окнахъ. Должно быть, солнце зашло за тучу. Въ бѣломъ свѣтѣ рѣзче выступали очертанія головъ и скамей; дымъ сигаръ принялъ темносѣрый оттѣнокъ.

— Гроза идетъ,—сказалъ Іуда, глядя на небо, по которому неслись темносинія тучи.

— Вздоръ,—отвѣтилъ Моппесъ.

Работа шла вяло. Гесъ, шлифовальщикъ брилліантовъ, принесъ Іудѣ, распредѣлявшему работу, уже готовый камень въ четыре карата; тотъ взялъ его за нижнюю фацетку и испытующе повертѣлъ въ рукахъ. — Хорошій товаръ!— сказалъ онъ, кивнувъ головой. Сталъ присматриваться и Элеазаръ. Въ толстыхъ черныхъ пальцахъ гранильщика, съ грубыми ногтями, нѣжно свѣтилась свѣтлосиняя звѣздочка; мелкія грани какъ бы то расцвѣтали розами въ тающей влажной лазури, то сверкали искорками въ сине-стальномъ сумракѣ ночи. Въ этихъ неуклюжихъ пальцахъ камень, сіявшій розовыми и красными полосками граней, весь горѣлъ и сверкалъ, испуская снопы лучей, палевыхъ, желтыхъ, лиловыхъ, то зеленыхъ, какъ морская вода, то вдругъ окрашенныхъ пурпуромъ кроваваго отсвѣта изъ глубины. Въ граняхъ другой стороны дрожали и трепетали фосфоресцирующія пятнышки, фіолетовыя, зеленыя, какъ мохъ, сѣрыя, какъ прозрачная вода, голубыя, какъ дѣтскія глазки, вспыхивавшія красными искорками, будто вино. Іуда крѣпко держалъ камень за остріе, и нѣжная красота камня, подобная солнечному лучу, скованному кристалломъ, производила странное впечатлѣніе рядомъ съ грубыми потрескавшимися черными пальцами и плоскими широкими ногтями.

— Чудной воды! — сказалъ Іуда, кладя на столъ брилліантъ и осматривая другую формочку: въ ней камень, залитый сплавомъ, казался кусочкомъ простого стекла.

Онъ ласково и участливо освѣдомился о дѣлахъ Элеазара.

— Я кое-что скопилъ, — разсказывалъ тотъ на ухо гранильщику,—но три мѣсяца лѣченья въ больницѣ... смерть сестры, ребятишки... дорога... и сижу безъ копѣйки, прямо таки безъ гроша... Нѣтъ ли у васъ работы?

— Ахъ, если бы она у меня была! — сказалъ Іуда и повернулся на табуретѣ, задумчиво склонивъ голову на бокъ и глядя внизъ изъ подъ очковъ.

— Давидъ тоже ужъ сколько недѣль сидитъ безъ работы,—замѣтилъ Элеазаръ.

Наступило молчаніе.

Жужжанье вертящихся гранильныхъ дисковъ напоминало скрипъ заржавленныхъ великановъ. Въ это жужжанье рѣзко врывался звонкій стукъ толкача въ рукахъ мальчика; изъ дальняго угла неслось тихое пѣніе одного изъ чипсмэкеровъ.

— Въ пятницу мнѣ самому придется оставить работу,— сказалъ Іуда.—Половина мельницъ бездѣйствуетъ... и хуже будетъ.

— Еще хуже,—возможно ли?

— Еще хуже будетъ,—повторилъ Іуда, низко наклоняя свою сѣдую, щетинистую голову и осматривая формочки съ сѣро-серебристымъ сплавомъ, въ которомъ слабо блестѣли вставленные туда камни. Локти его были широко разставлены, и съ виду неподвижный дискъ вращался быстрыми сѣро-стальными кругами, шлифуя брилліантъ. Онъ постоянно мѣнялъ щипцы, закрѣплялъ винтики, поправлялъ формочку и кисточкой насыпалъ новаго порошку на дискъ, казалось, остававшійся неподвижнымъ. Вдругъ онъ замѣтилъ черточку на своемъ камнѣ, остановилъ дискъ и наклонился поправить изъянъ. Подлѣ него сидѣли другіе гранильщики: Мопесъ, Кларунъ, Леонъ и Гесъ. Позади Кларуна Рійстъ, поодаль, за мельницами, полусонный отъ скуки, съ усталыми глазами потягивался Лаванъ, маленькій племянникъ Геса, еще только изучавшій ремесло. Спины гранильщиковъ, одѣтыхъ въ синія рабочія куртки, были согнуты, руки ходили, какъ ножницы, то впередъ, то назадъ, поминутно хватаясь за щипцы. Они вынимали формочки изъ станковъ и отбрасывали назадъ рабочему, жевавшему табакъ.

Гранильщики сидѣли спиной къ окну, такъ что ихъ куртки и головы были сзади рѣзко освѣщены. Гесъ и Кларунъ повѣсили передъ собой на крючки свои карманные часы. Леону было жарко; онъ разстегнулъ свою куртку, и изъ

подъ синей блузы виднѣлась его смугло желтая шея. Надъ худой головой Геса было развѣшено платье: жилеты, сюртуки, крахмальныя манишки, галстухи, запыленныя войлочныя шляпы. Гесъ, поджимая губы, насвистывалъ пѣсенку. Леонъ пѣлъ густымъ басомъ, перекрикивая звонкое жужжаніе колесъ. Пѣсню подхватили другіе, и съ минуту ревѣли всѣ вмѣстѣ въ тактъ гулу станковъ.

Кларунъ, желтый, съ впалыми глазами, всталъ, опрокинувъ свою табуретку, и пошелъ показать Іудѣ одну изъ формъ. У него былъ камень, жесткій, какъ алмазный песокъ, предназначавшійся для первоначальной шлифовки другихъ.

— Его надо вынуть,—сказалъ Іуда,—онъ слишкомъ глубоко сидитъ.—Кларунъ вернулся къ своей мельницѣ и сталъ осторожно очищать камень отъ сплава. Подошелъ Гесъ тоже посовѣтоваться съ Іудой.

Леонъ жевалъ сладкій пирожокъ, посыпанный миндалемъ, медленно и со смакомъ, чавкая и причмокивая губами; при этомъ онъ широко раскрывалъ ротъ и пѣлъ еще болѣе густымъ голосомъ. Пѣли и чипсмэкеры. Весь воздухъ гудѣлъ отъ этого безпорядочнаго оранья, въ перемежку съ глухимъ свистомъ осей, колесъ и приводныхъ ремней.

Согбенный, невеселый сидѣлъ Элеазаръ на табуретѣ и спрашивалъ:

— Неужели у васъ, правда, нѣтъ ничего въ виду для меня, Іуда?

Онъ спрашивалъ соннымъ усталымъ голосомъ, истомленный и обезсиленный внутренней тревогой, отъ которой его знобило, какъ передъ непогодой. У него поминутно холодѣли руки и ноги, горѣли и съуживались глаза, языкъ тяжелымъ комомъ прилипалъ къ гортани. Въ такія минуты жизнь казалась ему тяжелымъ, утомительнымъ бременемъ, всякая работа мучительно тяготила, всѣ планы и предположенія казались тревожнымъ и напраснымъ исканіемъ ощупью. Кожа на головѣ горѣла, словно ее кололи иголками. Всего охотнѣе онъ положилъ бы эту горячую голову на столъ и задремалъ. Послѣ нѣсколькихъ дней тщетныхъ попытокъ продать кому-нибудь силу своихъ рукъ, шумъ мастерской и чувствовавшееся въ воздухѣ приближеніе грозы угнетало его до отупѣнія.

— Такъ вы ничего мнѣ не посовѣтуете?—выговорилъ онъ соннымъ голосомъ. Его одолѣвала дремота.

— Какъ вы сказали? — переспросилъ Іуда, углубленный въ свое занятіе.

— Не знаете, гдѣ мнѣ найти работу?

Тощій, сѣдой гранильщикъ пожалъ плечами.

— Теперь столько народу сидитъ безъ работы, что и не перечесть...

Снова оба умолкли. То же жужжанье и стукъ наполняли залу. У Элеазара горѣли глаза, щипало языкъ, мысли въ головѣ ползли лѣниво и вяло; онъ оперся головой на влажныя, холодныя ладони и тупо смотрѣлъ, какъ работаетъ Рійстъ. Онъ зналъ его еще въ дѣтствѣ и смѣялся надъ нимъ, когда тотъ бѣгалъ съ пузырями на рукахъ, съ кровавыми пузырями отъ раскаленной паяльной массы. Рійстъ стоялъ, озаренный желтоватымъ свѣтомъ, падавшимъ на него изъ окна, и осторожно раскрывалъ формочку. Мозолистые, толстые пальцы его мѣсили и мяли паяльныя пластинки, которыя гнулись, кривились, чуть не ломаясь, таяли и опять выпрямлялись, словно мягкая глина подъ искусными ударами щипцовъ. Изъ формочки выплескивался черезъ край металлъ, образуя цвѣтокъ съ мясистыми угловатыми листьями, но щипцы стягивали края и превращали расплавленную массу въ блестящій желудь для полировщика Геса. Неторопливо, нагибаясь надъ формочкой, вставленной въ стойку, Рійстъ посасывалъ свою обкуренную плоскую сигару и улыбался Эли. Другими щипцами онъ взялъ брилліантъ, осторожно приложилъ его къ острой головкѣ желудя и надавилъ вкось; мозолистые пальцы приглаживали горячій металлъ, сравнивали его, какъ масло, вокругъ выдававшейся наружу части камня.

Элеазаръ ужъ не въ первый разъ видѣлъ это, но и теперь онъ все съ тѣмъ же удивленіемъ смотрѣлъ на обуглившіеся концы пальцевъ, которые мяли и разглаживали расплавленный металлъ, какъ они дѣлали это и въ то время, когда кожа еще не потеряла чувствительности, и на ней образовывались пузыри, которые лопались, гноились и кровоточили, и каждое прикосновеніе къ нимъ кипящей паяльной массы снова и снова растравляло раны.

— Тепло сегодня,—добродушно замѣтилъ Рійстъ, бросивъ раскаленную формочку въ горшокъ съ водой, надъ которымъ съ шипѣніемъ поднялся паръ, и тотчасъ же досталъ щипцами изъ огня новую формочку и другими щипцами осторожно вынулъ изъ нея брилліантъ. Надъ охлаждающимъ горшкомъ клубился паръ отъ кипящей воды; незанятые пока паяльные горны выбрасывали вверхъ ярко желтое пламя. Пузатыя деревянныя чашки ждали, въ одной уже лежала остывшая черносѣрая форма.

Снова поднялся смѣхъ и шутки по адресу вошедшей приземистой брюхатой торговки, тащившей за ручку корзину. Женщина, въ развалку, прошла мимо Элеазара, между

Іудой и Моппесомъ. Черная, измятая и грязная юбка топорщилась кверху на ея колыхавшихся толстыхъ бедрахъ. Изъ разрѣза юбки вылѣзали завязки, болтавшіяся сзади. Голубая кофта съ бѣлыми полосками и заплатами на локтяхъ свободно охватывала ея станъ, оттопыривалась на животѣ и высоко поднималась на полной груди. Лобъ ея обрамляла накладка изъ фальшивыхъ волосъ съ проборомъ посерединѣ; заднюю часть головы, съ пучкомъ волосъ, прикрывалъ простроченный складками чепецъ. Гранильщики надрывались со смѣху, глядя на нее; Гесъ хохоталъ громче всѣхъ. Женщина добродушно усмѣхалась, какъ будто не слыша ихъ шутокъ, и шепталась съ Моппесомъ, который полѣзъ въ свой ящикъ посмотрѣть, есть ли у него мыло и спички. Корзину свою она поставила на полъ, а руки устало сложила на животѣ.

— Господинъ начальникъ! господинъ начальникъ!—кричалъ Леонъ.—Велите ей поднять руки!

— Чѣмъ она вамъ помѣшала?—спрашивалъ Моппесъ.

— Она скоро родитъ отъ Геса двухъ близнецовъ!—смѣялся Кларунъ.

— Ну, если отъ тебя, жаль ее!—вскричалъ Моппесъ, наклоняясь къ Гесу.

Кларунъ, съ кускомъ розоваго мыла въ рукѣ, увѣрялъ, что она всегда беременна, и когда только перестанетъ!

— Скажите мужу, чтобъ онъ меня оставилъ въ покоѣ,— смѣялась женщина.

— Бросьте работать!—крикнулъ Леонъ.

— Чтобъ я бросила работать!—пѣвучимъ голосомъ весело возразила женщина.—Я тогда брошу, когда буду лежать въ гробу.

Всѣ лица улыбались; Леонъ, возбужденный, съ пылавшимъ лицомъ, отрывисто смѣялся и продолжалъ кричать Іудѣ:

— Господинъ начальникъ, велите ей поднять руки!

Женщина жеманно присѣла на кончикъ скамейки Кларуна и улыбалась плоскимъ шуткамъ Леона и Геса.

— Вы бы лучше что-нибудь купили у меня, — ласково убѣждала она ихъ, притягивая къ себѣ корзину, въ которой лежали мыло, спички, сигары, пряжки, гребни и другая мелочь. Подъ жужжанье гранильныхъ камней она перешептывалась теперь съ Гесомъ.

Стало темно. Стѣна позади чиспмэкеровъ, обвитая плющемъ, казалась черной; золотистый блескъ на стеклахъ пропалъ; теперь они были холодныя, сѣрыя, пыльныя. Отъ жары, пропитанной запахомъ машиннаго масла, горѣла голова и спирало дыханіе. Рійстъ у окна, въ отраженномъ свѣтѣ отъ ошту-

катуренныхъ стѣнъ, казался необычайно блѣднымъ, словно ему дѣлалось дурно; осыпавшаяся штукатурка въ этомъ сумеречномъ свѣтѣ казалась сѣрой.

На противоположной сторонѣ тянулись окна трехъ этажей фабрики, помѣщавшейся въ лицевомъ зданіи. Занавѣски на этихъ окнахъ были отдернуты, и рѣзкій свѣтъ, падавшій на нихъ изъ-за грозовыхъ тучъ, такъ ярко освѣщалъ внутренность мастерскихъ, что Элеазаръ могъ разсморѣть все, вплоть до оконъ противоположнаго лицевого фасада, выходившихъ на каналъ и обрамленныхъ обвисшей увядающей зеленью плюща. Согнувшись, тяжело дыша отъ усталости, сидѣлъ онъ на своей скамеечкѣ и тупо смотрѣлъ. Онъ видѣлъ затылки гранильщиковъ, ихъ круглыя спины; въ каждомъ этажѣ, за сѣрыми стеклами, пылали, выбрасывая огненные языки, паяльные горны, озаряя красноватымъ свѣтомъ желтыя лица наклоненныхъ впередъ рабочихъ, ихъ неустанно движущіяся руки и глиняные тигли. Среди далеко разносившагося стона и визга машинъ, потрясавшаго все зданіе, эти вспышки пламени казались огненными языками жадныхъ, прожорливыхъ, коварныхъ чудовищъ.

Вдругъ что-то дрогнуло, затрещало, ослѣпительно-яркій свѣтъ молніи прорѣзалъ всю залу. Красное пламя горновъ во всѣхъ этажахъ заколыхалось, какъ при сильномъ порывѣ вѣтра, и отрывистый рѣзкій ударъ грома заглушилъ гулъ машинъ. Гранильщики испуганно переглянулись.

— Однако!—сказалъ Леонъ Рійсту. Моппесъ, Гесъ и Кларунъ повскакали съ мѣстъ, со щипцами въ рукахъ, и бросились къ запыленнымъ окнамъ; съ противоположной стороны за стеклами виднѣлись такія же испуганныя лица рабочихъ.

— Сильная будетъ гроза,—сказалъ Гесъ, обводя испытующимъ взоромъ небо, закрытое грозными темными тучами Одинъ Іуда продолжалъ работать, наклонивъ сѣдую голову надъ дискомъ, которому быстрое вращеніе придавало мягкій голубоватый блескъ. Мальчикъ, толокшій алмазный песокъ, пугливо жался къ Элеазару; Лаванъ, ученикъ Геса, съ испуга проснулся и стоялъ на цыпочкахъ за гранильными мельницами. Чипсмэкеры тоже побросали работу и столпились всѣ у окна, а на маленькой лѣсенкѣ, возлѣ скрипучей оси, укрылась боявшаяся грозы торговка, поставивъ корзину такъ, чтобы она защищала ея животъ.

— Сейчасъ еще молнія будетъ,—сказалъ Кларунъ, казавшійся еще желтѣе и старше при странномъ свѣтѣ, падавшемъ изъ окна.

— Должно быть, гдѣ-нибудь по близости ударило,—замѣ-

тилъ Леонъ. Моппесъ присѣлъ опять къ своей мельницѣ и равнодушно посвистывалъ.

— Да заткни ты глотку!—прикрикнулъ на него Гесъ,—что это, право? Нельзя же свистѣть, когда такъ...

Онъ не договорилъ, испуганно откинувшись назадъ. Желтый, какъ сѣра, свѣтъ залилъ весь дворъ, осыпалъ словно искрящейся мѣловой пылью сѣрую штукатурку стѣнъ. Оконныя рамы рѣзко отдѣлились отъ черныхъ стеколъ; лица Моппеса, Леона, Геса, Рійста и мальчика у ступки вдругъ стали изсине фіолетовыми, какъ у мертвецовъ.

— Ай!—вскрикнулъ испуганно мальчуганъ. Внезапно раздавшійся громовой ударъ, словно взрывъ, потрясъ все зданіе фабрики; казалось, обрушилась домовая труба, обрушились всѣ балки и стропила. Іуда обернулся къ окну; Моппесъ, на этотъ разъ тоже взволнованный, соскользнулъ съ табурета и подошелъ посмотрѣть.

— Ой, Боже мой, какой ударъ!—встревоженно выговорилъ Гесъ.

По пепельно сѣрому небу неслись черныя, какъ ночь, ряды облаковъ. Окна на противоположной сторонѣ казались черными дырками. Въ желтомъ пламени газа мелькнулъ тревожный красноватый отблескъ. Сильный вѣтеръ поднималъ въ воздухѣ вихри пыли. Вѣтромъ занесло съ улицы на дворъ листъ бумаги; онъ перемѣщался, подпрыгивалъ, высоко взлеталъ кверху и, шурша, ударялся объ окна. Шумъ вѣтра заглушилъ даже лязгъ и гулъ машинъ. Брызнулъ дождь, сначала тяжелыми, крупными каплями, потомъ косыми полосами, хлеставшими въ окна.

— Надъ самымъ городомъ ударило,—замѣтилъ Моппесъ, не снимая руки съ плеча Рійста.

— Убійственная погода!—сказалъ Іуда, и опять молнія, огненной стрѣлой прорѣзавъ темную синеву, заставила его смолкнуть. Странный свѣтъ моремъ бѣлаго огня затопилъ мастерскія. Молнія прорѣзывала ихъ наискось, по направленію отъ двора къ каналу,—молнія такой ослѣпительной бѣлизны, что шумѣвшія и гнувшіяся отъ вѣтра вершины деревьевъ и далекая линія кровель рѣзко обрисовывались на фонѣ воды канала, а фабрика казалось пустымъ пространствомъ, усѣяннымъ мертвыми лицами. Вслѣдъ за каждымъ яркимъ ударомъ молніи вспыхивали опять красные огни горновъ, и раскаты грома заглушали гулъ машинъ. Этимъ синимъ вспышкамъ молніи, казалось, не будетъ конца. Она то загоралась слабымъ, трепетнымъ свѣтомъ, то высоко взвивалась кверху яркимъ огненнымъ языкомъ; громъ гремѣлъ, не переставая, словно тяжелые возы грохотали по мостовой.

Въ мертвой пепельно-сѣрой залѣ вдругъ, при вспышкѣ молніи, рѣзко выступали скамьи, диски и другіе предметы, окаймленные синими ободками; фигуры мужчинъ казались большими и черными, а на лица и руки ложился матово-фіолетовый отблескъ, пока грянувшій громъ снова не погружалъ мастерскую въ сѣрый сумракъ.

На окнѣ чипсмэкеровъ точно пауки раскинули на потрескавшихся стеклахъ большія черныя сѣти; словно паръ окутывалъ этотъ уголъ, и удивительно странно свѣтились тамъ, при каждой вспышкѣ молніи, развѣшанные на крючкахъ жилеты, сюртуки, манишки и шляпы. Женщина на лѣсенкѣ, съ корзинкой на широко разставленныхъ колѣняхъ, всякій разъ судорожно жмурилась и затыкала пальцами уши. Губы ея тихонько шевелились, испуганно шепча молитву; поодаль отъ всѣхъ съ заплаканнымъ лицомъ стоялъ ученикъ Лаванъ, тоже пугливо сжимая вѣки, при каждой вспышкѣ, и хватаясь руками за табуреть.

Молнія поминутно вспыхивала и гасла, озаряя жуткимъ ослѣпительнымъ блескомъ и залу, гдѣ сидѣлъ Элеазаръ, и мастерскія напротивъ, и въ этомъ необычномъ свѣтѣ красное пламя паяльныхъ огней едва мерцало, какъ спичка. Въ голубомъ огнѣ молніи ясно вырисовывались гнувшіяся отъ вѣтра вѣтви деревьевъ надъ каналомъ и далекая линія крышъ. Громъ перекатывался, какъ грохотъ взрыва въ каменныхъ сводахъ, какъ удары молота, будя многократное эхо непрерывными залпами; не успѣвалъ смолкнуть одинъ раскатъ, какъ уже грохоталъ другой. Не было ни минуты покоя. Взрывъ за взрывомъ, ударъ за ударомъ, трескъ и щелканье, рыданье и рокотъ, пока не посыплется снова градъ молній и не сгонитъ этотъ черный ревущій грохотъ съ оцѣпенѣвшей земли. И рядомъ съ этими раскатами неумолкающій, неистовый гулъ колесъ и приводныхъ ремней, непрерывное жужжанье осей, на которыхъ вращаются точильные диски.

Гранильщики молча толпились у оконъ, при каждой вспышкѣ откидывая голову назадъ, словно отъ приступа боли, и отъ ихъ дыханія голубоватый налетъ ложился на стекла. Дождь полилъ сильнѣе и мутнымъ флеромъ окуталъ землю; вѣтеръ подхлестывалъ его и гналъ по каналу. Раздался особенно сильный ударъ; потомъ долго не смолкали то оглушительные, то глухіе раскаты, и зданіе каждый разъ испуганно вздрагивало. Опять блеснула ослѣпительно яркая, красная молнія, заливъ кровавымъ заревомъ окна напротивъ, и красный свѣтъ еще не успѣлъ погаснуть, какъ снова загремѣли громовые раскаты. Вѣтеръ какъ будто усилился.

Намокшая бумага взлетѣла кверху, закружилась передъ самымъ окномъ, разорвалась посрединѣ, и обрывки ея взвились высоко надъ крышей, на мигъ озаренные молніей, засыпавшей лиловыми искрами и окна, и дворъ.

Но вотъ блескъ молніи сталъ менѣе ярокъ, пріобрѣлъ фіолетовый оттѣнокъ, вспыхивалъ трепетнымъ пугливымъ огнемъ, врѣзываясь серебристыми клиньями въ ровный свинцовый воздухъ, и скоро смягчился до кроткаго луннаго свѣта. Громъ глухо рокоталъ уже вдали, равномѣрно, безцвѣтно, и яснѣе гудѣли ремни и жужжали точила, а звонкій стукъ толкача врывался въ этотъ шумъ сухимъ насмѣшливымъ хохотомъ.

Гранильщики снова взялись за работу. Рійстъ накаливалъ форму, придерживая пальцами уже размягченный сплавъ; одинъ изъ чипсмэкеровъ задорно насвистывалъ пѣсенку. Окна по временамъ еще вспыхивали слабымъ мерцаньемъ, скользившимъ вдоль стѣнъ и призрачнымъ ореоломъ озарявшимъ головы, но это былъ уже ласковый, привѣтливый свѣтъ, не внушавшій страха.

Леонъ, съ полуобнаженной грудью, стоялъ возлѣ Іуды и показывалъ не дававшійся ему, лишь на половину отшлифованный, камень... Іуда давалъ указанія. Дрожащій свѣтъ нерѣшительно скользнулъ по бриллианту, залилъ зеленью грани и ребра, и камень сверкнулъ, какъ свѣтящіеся глаза съ красными зрачками притаившейся кошки. Снова вспышка—и бриллiантъ заигралъ тысячью цвѣтовъ, какъ мыльный пузырь на солнцѣ, то зеленымъ и краснымъ, то розовымъ, желтымъ, лиловымъ, оранжевымъ, фіолетовымъ, переливаясь, вспыхивая и погасая, какъ сверкнувшая искра.

Беременная торговка теперь подошла къ чипсмэкерамъ, слащаво расхваливая свой товаръ: мыло, папиросы и сѣрныя спички.

Еще разъ скользнулъ по стѣнамъ нѣжно голубой трепетный свѣтъ, озаривъ мастерскія, наклоненныя надъ дисками головы гранильщиковъ и красные языки паяльныхъ огней. Но угрюмые раскаты грома уже почти заглушалъ гулъ машинъ, и толкачъ въ ступкѣ съ алмазнымъ пескомъ шаловливо стучалъ и звенѣлъ, дерзко покрывая своимъ стукомъ грохотъ и говоръ фабрики.

V.

Подъ вечеръ Элеазаръ вернулся домой. На дворѣ уже залегли черныя тѣни; въ окнѣ сапожника виднѣлся желтоватый свѣтъ. Гдѣ-то плакалъ ребенокъ, словно отъ боли. Элеазаръ тихонько пробирался вдоль стѣны, потомъ, укрывшись за выступомъ, осмотрѣлъ дворъ, стараясь незамѣтно разглядѣть, кто сидитъ у тети Регги. Тамъ никого не было видно. Лампа еще не горѣла. Покосившаяся дверь была притворена. Сверху, гдѣ уже многія окна слабо свѣтились, падалъ золотистый отблескъ внизъ, на заплесневѣвшія стѣны. Ручная телѣжка, съ торчавшими кверху оглоблями, походила на пугливо пригнувшагося къ землѣ злобнаго звѣря.

Элеазаръ безшумно подкрался ближе, но въ это время ближайшая къ освѣщенному окну сапожника дверь распахнулась, и чей-то голосъ спросилъ:

— Кто тамъ?

— Я,—откликнулся Элеазаръ, вздрогнувъ и отступивъ въ тѣнь воротъ.

Вышелъ сапожникъ, заложивъ руки подъ кожаный передникъ. Желтый свѣтъ лампы падалъ сзади на его угловатую фигуру, на спутанные волосы. Онъ заглянулъ за уголъ и узналъ сосѣда.

— О! о!.. Это вы?—И тотчасъ, скороговоркой, ворчливо, чуть не плача, началъ жаловаться на свою судьбу.—Опять эта гадость, будь она проклята! Вы только поглядите!.. Теперь сами увидите!... Хоть топись, прямо топись!... Вотъ пакость-то!... И это всегда, какъ только подымается вода... Вы поглядите!

Вмѣстѣ, плечо къ плечу,—дверь была узкая,—они заглянули въ погребъ, съ поблескивавшимъ каменнымъ поломъ. На деревянномъ некрашенномъ столикѣ горѣла маленькая лампочка. Отблескъ свѣта ложился на воду, покрывшую красные кирпичи съ глубокими черными зигзагами кладки. Выбѣленныя извѣстью стѣны какъ-то особенно рѣзко бѣлѣли вплоть до самаго потолка. Въ альковѣ съ распахнутой настежь дверью сидѣли на кровати трое проснувшихся отъ испуга дѣтей. Младшая, блѣдная дѣвочка, жалобно плакала и, не переставая, терла кулачками глаза, размазывая слезы по щекамъ.

— Не реви!—сердито прикрикнула на нее мать.—Завернувъ подолъ и обмотавъ вокругъ бедеръ черную юбку, безъ башмаковъ и чулокъ, она собирала воду въ ведро съ помощью тряпки, всякій разъ разстилая эту тряпку, какъ неводъ, и съ силой выкручивая ее покраснѣвшими руками, такъ что грязная

вода съ плескомъ попадала въ ведро. Старшій мальчикъ сапожника, Янъ, еще не спалъ; онъ сидѣлъ на спинкѣ стула, заложивъ поверхъ здоровой ноги свою изуродованную ножку; глаза его блестѣли отъ удовольствія. Въ одномъ углу подвала, на стульяхъ, были свалены различные предметы, наскоро брошенные туда, чтобы предохранить ихъ отъ сырости: старый матрацъ, одѣяло, рогожа, желѣзная сковорода, пара высокихъ сапогъ, уполовникъ и разныя дѣтскія вещи. Горшокъ плавалъ около ножекъ стола, толкаясь объ нихъ всякій разъ, какъ женщина опускала въ воду тряпку.

Когда набралось полное ведро, она протянула его своему тощему мужу; тотъ, нагнувшись, взялся за дужку. Не разгибая спины, вполголоса бранясь себѣ подъ носъ, онъ понесъ ведро черезъ ворота въ темный переулокъ и швырнулъ его объ землю такъ, что вода плеснула на стѣны, а, вернувшись, сталъ опять плакаться:

— Вы гляньте только!... Накажи меня Богъ, хоть плачь!... Прямо вся душа переворачивается... Со всего дома, сколько кто ни нагадилъ—на, получай! И такъ всякій разъ въ полнолуніе. А у меня подметки по заказу не готовы!.. Да перестань ты, накажи меня Богъ, возиться съ этимъ! Вѣдь ни чорта не поможешь. Чѣмъ больше ты копаешься, тѣмъ хуже.

— Вотъ она, твоя благодарность! А пропади ты совсѣмъ!— обозлилась женщина, шлепнувъ тряпкой по водѣ, такъ что брызги полетѣли черезъ столъ.—Ты бы лучше помогъ мнѣ, слышишь? помогъ бы лучше!—кричала она, вся выгнувшись и возя тряпкой по полу. Калѣка Янъ тоже стащилъ съ себя башмаки и чулки и пробовалъ, холодна ли вода, осторожно погружая въ нее большой палецъ своей изуродованной ножки.

— Поди сюда!—сердито крикнула ему мать. Ребенокъ, насупившись, заковылялъ по водѣ большими шагами, словно скользя на конькахъ и черпая воду захваченнымъ ковшикомъ.

— Мамка, и я хочу! Можно и мнѣ помогать?—крикнулъ съ кровати Диркъ и заболталъ голой ноженкой, готовый соскочить въ воду.

— И этотъ туда же! Вотъ я тебя, соплякъ! Лежи смирно, а то я тебѣ по мордѣ дамъ, — пригрозила мать и, вдругъ разсердившись, шлепнула мальчугана мокрой ладонью по уху, разъ-два, толкнула его подъ одѣяло и свирѣпо подоткнула подъ тюфякъ концы жесткаго грязнаго войлока, прикрывавшаго всѣхъ троихъ ребятишекъ.—Если вы будете хныкать, я васъ на смерть заколочу!—И снова затопталась, хлопая ногами въ водѣ, съ перекошеннымъ отъ злости лицомъ.

И такъ уныло и безотрадно было вокругъ, такое горе горькое ютилось въ этомъ подвалѣ, что злость и грубость жен-

щины казались Элеазару вполнѣ естественными и понятными. Она снова собирала тряпкой воду и выжимала ее надъ ведромъ, чаще прежняго нагибаясь и мутя воду, которая отъ этого становилась коричневой и пахла еще противнѣе. Подобранная юбка ея немного спустилась, и край подола намокъ. Женщина взвыла съ досады, рванула юбку, подоткнула ее еще выше, такъ что теперь видны были выше колѣнъ ея забрызганныя грязью толстыя ноги. Янъ, веселый, довольный тѣмъ, что ему позволили помогать, усердно плескался около матери. Онъ набиралъ въ ковшъ воды и высоко поднималъ его, стараясь худенькими пальчиками зажать по угламъ дырочки, черезъ которыя, журча, струйками вытекала вода. Тускло горѣла лампочка на некрашеномъ деревянномъ столѣ, освѣщая сапогъ безъ подошвы, бѣлую линію ранта, шило, дратву, ножъ, молотокъ, кучку гвоздей и деревянныхъ шпилекъ. Тутъ же, рядомъ съ лампой стоялъ запачканный, до половины наполненный кофейникъ. По поверхности водяной зыби скользили золотые лучи свѣта, постепенно вытягиваясь въ ровную блестящую полосу; ноги женщины и ребенка отливали серебромъ сквозь эту гладь, теперь красную отъ отраженія кирпичей. На желтомъ лицѣ сапожника въ дверяхъ яркими темно красными пятнами выступали скулы, топорщились на головѣ его спутанные темные волосы. Онъ снова нагнулся, схватилъ за дужку ведро, расплескавшееся отъ сильнаго толчка, и, перегнувшись на бокъ, чтобъ уравновѣсить его тяжесть, опять понесъ его въ темень за ворота, въ грязный тупикъ, гдѣ снова вылилъ на землю грязную воду. Послышался плескъ, блеснули брызги, прорѣзавъ тьму. Тѣмъ временемъ Янъ, прислонившись къ стѣнѣ, теръ грязными пальцами свою искривленную внутрь ступню, казалось, тяжело повисшую на худенькой хрупкой голени.

Въ полосѣ желтоватаго свѣта въ дверяхъ снова выступила фигура сапожника, безутѣшно бормотавшаго:

— Проклятый погребъ!.. Вонючая яма... И надо же, будь оно проклято, чтобъ это случилось какъ разъ теперь... именно теперь, когда у меня есть работа... Ты чего, болванъ, ухмыляешься? забавно тебѣ? щенокъ поганый!.. Помогай матери!.. Стоитъ, какъ чурбанъ, накажи меня Богъ, и еще играетъ!

— Когда же ковшъ течетъ—чѣмъ же я виноватъ? — оправдывался Янъ, пугливо озираясь на мать.—Нальешь, и опять все вытечетъ.

— Я тебѣ покажу: вытечетъ! — пригрозила женщина. — Нечего! нечего! Пошевеливайся!.. Маршъ за горшкомъ!

Мутная вода, булькая, опять полилась въ ведро.

— Всякій разъ такъ! — жаловался сапожникъ. — Всякій разъ! Хоть бы околѣть скорѣе!..—Тупое скотское отчаяніе прозвучало въ его голосѣ.

Не глядя на него, не сводя глазъ съ топтавшихся въ грязной водѣ человѣческихъ ногъ, Элеазаръ мягко отвѣтилъ:

— Да, конечно, это скверно, очень скверно... Но вѣдь намъ и всѣмъ не легко—этого не надо забывать, хоть это и плохое утѣшеніе... Мнѣ самому страшно вернуться домой.

Кровь закипѣла въ немъ, ударила въ голову. Куда ни пойди, куда ни глянь, всюду люди, измученные заботами, преждевременно состарившіеся въ нищетѣ. Кажется, только это и встрѣчалъ онъ на своемъ пути, съ тѣхъ поръ, какъ у него раскрылись глаза послѣ зимней спячки убогой юности. Въ нищенскомъ подвалѣ у тетки Сооръ, гдѣ онъ выпилъ чашку кофе, у Зейкерпера во всѣхъ этажахъ и корридорахъ, куда только онъ ни заглядывалъ, и здѣсь опять, живая жизнь задыхалась и гасла, какъ вянущій цвѣтокъ на окнѣ, куда не заглядываетъ солнце. Въ сумерки, когда онъ пробирался межъ ларей и лавченокъ еврейскаго квартала, ему удалось обмануть себя своею выдуманной силой, подбодриться, подавить въ себѣ болѣзненную, какъ ему казалось, склонность видѣть все въ мрачномъ свѣтѣ. Онъ заразился маніей всѣхъ этихъ запуганныхъ людей безотрадно смотрѣть впередъ, въ сѣрую даль. Они такъ давно страдаютъ, что уже перестали вѣрить въ лучшее будущее. Слѣпой не знаетъ, что такое свѣтъ, если онъ родился слѣпымъ. Если бъ Элеазаръ и въ зрѣломъ, и въ незрѣломъ возрастѣ не накидывался съ такой страстью на чтеніе, на книги, которыя онъ понималъ лишь наполовину, но которыя будили его душу и мысль, онъ остался бы такимъ же слѣпцомъ, какъ всѣ вокругъ. „Надо остерегаться воспитывать въ себѣ безнадежное отношеніе къ нищетѣ. Надо крѣпко держаться за бодрящую мысль, что спасеніе близко, — вѣдь вотъ, и гранильщики устроили стачку, а прежде имъ это и въ голову не приходило. Заря уже алѣетъ, солнце скоро взойдетъ". Такъ подбодряя себя, чувствуя въ себѣ силу сопротивленія, онъ вошелъ подъ ворота и—опять стоитъ безполезнымъ зрителемъ, сжимая кулаки, безсильный помочь! Вся философія вздоръ, чепуха, безплодныя мечтанія!

Ночь вползала въ комнату черным туманомъ. Сапожникъ, тяжело ступая, вышелъ. Жена его, угрюмая, сердито сжимая губы, отдыхала, положивъ посинѣвшія отъ холода ноги на перекладину стула. Янъ игралъ горшкомъ, плававшимъ на поверхности воды, тихонько подталкивая его. Маленькая Аагье пищала все жалобнѣе.

— Тише ты!—крикнула женщина.—Перестань!

— Когда же мнѣ нужно!—простонала блѣдная дѣвочка, метаясь головкой по синему чахлу перины.

— Подожди!—разсвирѣпѣла женщина.—У меня и безъ тебя довольно хлопотъ! — Потомъ она смягчилась и подошла къ ребенку.

— Я помогу, мама!—поспѣшилъ услужить Янъ.

Диркъ, довольный, что и онъ можетъ помочь, крѣпко держалъ сестру, которая поджимала худенькія ноженки. Мать обтерла ей грязь съ лица, подвязала свою юбку и опять вернулась къ прерванному дѣлу. Янъ тоже. Никто не говорилъ ни слова, мужчины угрюмо безмолвствовали, женщина, топая ногами отъ злости, выкручивала тряпку надъ ведромъ. Вдругъ маленькій Диркъ испуганно вскрикнулъ:

— Ой, мама!.. опять кровь!

Женщина швырнула тряпку и опять зашлепала къ кровати, по дорогѣ вытирая руки. Она уложила дѣвочку и успокоительно погладила ее по головкѣ.

— Не могу ли я вамъ помочь вынести ведро? — спросилъ Элеазаръ.

— Нѣтъ!—отказался сапожникъ и вдругъ яростно закричалъ:—Не поможетъ! Напрасный трудъ! Это на цѣлую ночь... накажи меня Богъ!.. на цѣлую ночь. А утромъ вода сама схлынетъ...

Совсѣмъ стемнѣло. Осторожно ступая, Элеазаръ вышелъ на дворъ. У тети Регги не было свѣта въ окнѣ. Слава Богу, всѣ улеглись. Но изъ слабо освѣщеннаго окошка Зейкерпера высунулась голова, и голосъ зеленщика спросилъ:

— Эли, это—вы?

— Да,—вздрогнулъ онъ.

— Вы не подыметесь наверхъ?.. Регги у насъ... Не хотите ли чашечку кофе?

Узкая лѣстница скрипѣла подъ ногами. Наверху отворилась дверь. Слабый свѣтъ упалъ на стертыя сѣрыя ступени, на черныя стѣны.

— Что вы такъ долго?—жалобно окликнула его тетя Регги.

Элеазаръ улыбался. Выйдя изъ темноты на свѣтъ, онъ не сразу могъ разсмотрѣть, кто въ комнатѣ, и чуть не упалъ, споткнувшись о матрацъ, на которомъ спало четверо ребятишекъ. За столомъ сидѣли Зейкерперъ жена его Эсси, тетя Регги, Давидъ, Миньтье, старшая дочь Зейкерпера, и двое чужихъ,—тощій мужчина съ длинной бородой и молодая

дѣвушка съ копной вьющихся черныхъ волосъ. На кровати, гдѣ дѣти спали вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, покоилось еще двое малютокъ. Стѣнная лампочка въ желѣзной подставкѣ, съ низко опущеннымъ фитилемъ, чадила, по временамъ выбрасывая пламя.

— Охъ!—крикливо накинулся на него Давидъ,—пожаловать изволили! И гдѣ ты шляешься цѣлый день! Былъ бы дома, имѣлъ бы работу. Охъ! Вотъ ротозѣй-то!

— Работу?—удивленно переспросилъ Элеазаръ.

— Гдѣ вы такъ долго пропадали? — жалобно заговорила слѣпая.—Отчего не пришли обѣдать?.. И Берлійна не упустили бы... А какъ я безпокоюсь!

— Берлійнъ?... Берлійнъ?—неувѣренно повторилъ Элеазаръ.

Возбужденный Давидъ, съ черточками досады по угламъ носа и рта, судорожно перебирая пальцами, выкрикивалъ:

— Да, да, Берлійнъ! Берлійнъ! Берлійнъ! Чего стоишь, какъ столбъ? Не знаешь, кто такой Берлійнъ? Былъ бы дома, имѣлъ бы работу! Теперь бѣги за нимъ въ пустой слѣдъ, когда онъ уже другихъ успѣлъ взять!

— Ну, ну!—успокаивала слѣпая.—Вѣдь онъ же сказалъ, что оставитъ для него мѣстечко? Чего ты такъ волнуешься, Давидъ?.. Онъ еще, пожалуй, и не ѣлъ.

— Пусть жретъ! —крикнулъ Давидъ.—Есть о комъ хлопотать!

Между нимъ и Элеазаромъ установился тонъ людей, которые много лѣтъ не видались и разучились понимать другъ друга.

— Берлійнъ?—еще разъ повторилъ Элеазаръ.—Это ужъ не съ фабрики ли Лабуна... — Наморщивъ лобъ, онъ задумался, припоминая, и уже съ увѣренностью сказалъ:

— Да, это онъ, отъ Лабуна. Ну, на него я работать не стану. Благодарю покорно! Да и вообще я теперь ни у кого работы не возьму. Стачка рѣшена.

Всѣ закричали разомъ, перебивая другъ друга; Эсси испуганно унимала всѣхъ, боясь, какъ бы они не разбудили дѣтей.

— Стачка? стачка?—заикаясь, хрипѣлъ Зейкерперъ, вѣчно ходившій съ простуженнымъ горломъ.

— Стачка! — кричалъ человѣкъ съ длинной бородой, незнакомый Элеазару.

— Стачка! стачка!—выкрикивалъ Давидъ, стуча кулакомъ по столу, такъ что звенѣли чашки, и одна опрокинулась, выплеснувъ на столъ грязный осадокъ кофе. — Чтобъ васъ

чума задавила! Это значитъ опять бейся, какъ рыба объ ледъ! Кто же меня кормить будетъ, когда я брошу работу?... Я ужъ и такъ сколько недѣль сидѣлъ дома безъ работы и безъ гроша. Разрази меня на мѣстѣ, если неправда... Я гранильщикъ алмазовъ, а не мостовыхъ! Вы мнѣ, что-ль, заплатите за квартиру?.. заплатите за обѣдъ? въ мелочную?.. за говядину?.. Да и видимъ ли мы говядину! Мнѣ кушать надо! Жрать надо!.. Пусть лучше этотъ Деккеръ вмѣсто меня заболѣетъ! Мнѣ дали для отдѣлки партію камней, а этотъ красавчикъ приходитъ и хочетъ отнять у меня работу! Ну! Онъ мнѣ приноситъ послѣднюю новость о стачкѣ! Стачка! Глупости! вздоръ! Это надо совсѣмъ съ ума сойти! Или ты видѣлъ копѣйку въ послѣдніе мѣсяцы? Или я видѣлъ копѣйку? Даже хлѣба занять не у кого! Свинячая морда! Обезьяній глупый хвостъ! Стачка! Стачка! Охъ!..

Изо рта у него текла слюна; гладко выстриженная худая голова нервно тряслась отъ злости. Онъ схватилъ чашку со стола, сталъ пить жадными большими глотками и поперхнулся.

Холодно смотрѣли сѣрые глаза Элеазара; упрямо сжимались его тонкія безкровныя губы. Еще раньше, чѣмъ Давидъ началъ неистовствовать, онъ чутьемъ угадалъ, что будетъ, понялъ по внезапной вспышкѣ зятя, который уже въ первый вечеръ его прибытія поругался съ Зейкерперомъ изъ-за сходки въ Пале и подъ своимъ крикомъ и бранью скрывалъ тревогу. Иначе онъ не разсвирѣпѣлъ бы теперь такъ сразу.

— Если тебѣ угодно пресмыкаться, — началъ Элеазаръ съ спокойствіемъ человѣка, который понимаетъ, чѣмъ вызвано возбужденіе противника, — если тебѣ желательно обкрадывать своихъ товарищей, которые имѣли работу и бросили ее ради тебя, ради меня, ради сотенъ другихъ — какъ знаешь. Твои товарищи...

— Мои товарищи!..— пронзительно взвизгнулъ Давидъ.— Господи Боже мой, мои това...

— Дай мнѣ говорить, — перебилъ его Элеазаръ такимъ рѣзкимъ и властнымъ тономъ, что Давидъ запнулся, недоговоривъ въ слухъ конца фразы.—Если тебѣ угодно пресмыкаться—твое дѣло... Я этого не желаю... хотя бы всѣ мы, здѣсь сидящіе, передохли съ голода.

— Онъ правъ,—сказалъ человѣкъ съ длинной бородой.

Элеазаръ посмотрѣлъ на него. У незнакомца была типичная голова польскаго еврея, горбатый, мясистый носъ, глаза съ красными воспаленными ободками вѣкъ и жесткая темная борода, уже отливавшая кое-гдѣ металлическимъ бле-

скомъ серебряныхъ нитей. Элеазару прежде всего бросилась въ глаза его огромная шишка у лѣваго угла рта.

— Правъ! правъ!—закричалъ Давидъ, все больше волнуясь.—Ему бы только мутить! Мои товарищи... да чума ихъ задави! Если бъ я пресмыкался въ то время, какъ у меня болѣли глаза, мы бы не сидѣли теперь по уши въ грязи! Ты и меня хочешь съ ума свести? Что мы нынче жрали? Пустую похлебку! Попробуй-ка этимъ наѣсться до сыта!.. А вчера что ѣли? Гороховую похлебку съ уксусомъ! Развѣ не заложена моя перина? Или мой талесъ *) не въ ссудной кассѣ? Да холера васъ всѣхъ задави и тебя перваго, паршивецъ ты такой! Что жь ты мнѣ прикажешь и дальше еще морить голодомъ старуху и своихъ ребятъ? Да скорѣй вы всѣ тутъ сгніете, чѣмъ я выпущу изъ рукъ эту работу! А ты... чтобъ у тебя кишки повылѣзли!..

Въ неподдѣльной ярости, изжелта блѣдный, онъ вскочилъ, отшвырнулъ свой стулъ къ окну и стукнулъ чашкой объ столъ.

Въ первый моментъ отъ испуга всѣ смолкли. Потомъ Эсси, жена Зейкернера, начала браниться, съ каждымъ словомъ раздражаясь все больше.

— Охъ, что же это за скотина! Молиться разучился, такъ клясть всѣхъ надо!

— И всетаки онъ правъ,—тоже волнуясь, прохрипѣлъ Зейкернеръ.—Какое ему дѣло до стачки? Мало онъ сидѣлъ безъ работы? А дѣтей-то куда же дѣвать? Не вы ли ихъ пристроите? Клянусь моимъ здоровьемъ, моими дѣтьми, что я и вчера, и сегодня, и сколько ужъ дней, не знаю—ничего не ѣлъ, кромѣ картошки съ жиромъ. Если бъ я былъ гранильщикомъ и досталъ работу, я бы работалъ день и ночь и сегодня, и завтра, и послѣ завтра, до самаго шабаша!

— Зачѣмъ ему отказываться?—кротко вмѣшалась слѣпая, остановивъ свой мутный взоръ на ламповомъ колпакѣ.—Съ какой стати ему отказываться, Эли?.. Вы посмотрите, какъ намъ не везетъ съ того самаго дня, какъ вы вернулись изъ Америки. Я вотъ уже четвертый шабашъ въ долгу у мясника. Въ зеленную должна, въ булочную должна... А моя бѣдная Сарочка—она ходитъ безъ рубашки!.. Берлйнъ отличный малый!.. Но развѣ вы будете рвать на себѣ платье, когда другіе въ трауръ?.. И не думайете, что я здорова, не думайте! Вы не должны ссориться. Онъ правду говоритъ, чтобъ мнѣ такъ Богъ далъ еще разъ увидѣть свѣтъ передъ смертью, Давидъ правъ!

---

*) Молитвенное облаченіе.

Она умолкла, продолжая беззвучно шевелить пересохшими губами и ласково кивая головой въ ту сторону, гдѣ стоялъ Элеазаръ.

— Правъ!—что такое правъ?—заговорилъ польскій еврей густымъ прерывистымъ басомъ, постепенно хрипнувшимъ отъ сдерживаемаго гнѣва: — Я правъ, когда хватаю, что могу достать!.. Я правъ, когда беру, если я голоденъ!.. Правъ, когда плюю въ лицо тѣмъ, кто меня надуваетъ!.. Правъ, когда топчу ногами ихъ сердце!.. Правъ, когда желаю, чтобы у нихъ сгнили и легкія, и печенка, если изъ-за нихъ мои дѣти должны голодать! Чтобъ у нихъ все нутро свело отъ коликъ!.. Что такое право?—Всякій имѣетъ право сказать: не стану больше голодать! Всякій вправѣ бороться за свой желудокъ!.. Но что можетъ *одинъ* человѣкъ, Давидъ! Ой! Вы всѣ должны, какъ колючки, цѣпляться другъ за друга! Не даютъ добровольно, надо брать силой. Тогда сила становится правомъ!.. *Въ одиночку* ничего не подѣлаешь, ничего, ничего!—въ одиночку и булавки не добудешь, и куска сахару, и глотка воды не добьешься! Вотъ ежели вы соединитесь, сплотитесь, сцѣпитесь вмѣстѣ, тогда вы можете ихъ заставить, принудить; тогда они корчиться будутъ отъ злости, а станутъ дѣлать по вашему!..

Онъ замолчалъ и оперся локтями на столъ. Руки его дрожали, жилы на высокомъ лбу надулись.

Опять стало тихо въ комнатѣ; лишь слабо доносился говоръ со двора, гдѣ сапожникъ все еще бѣгалъ съ ведромъ.

Застѣнчиво вставила словечко жена Зейкерпера, Эсси, маленькая сморщенная женщина въ парикѣ:

— Да, вамъ хорошо говорить: вы не знаете этого мастерства, а Давидъ имѣетъ себѣ хорошій кусокъ хлѣба, онъ работаетъ четырьмя щипцами.

Давидъ, стоявшій у окна, окончательно вышелъ изъ себя. Звуки со свистомъ вырывались изъ его горла.

— А они говорятъ, что я пресмыкаюсь!.. Ну, и суди меня Богъ!.. А на васъ мнѣ плевать!.. По мнѣ бастуйте, бастуйте, пока васъ черная немочь не хватитъ, пока вы не опаршивѣете съ голоду!.. Чтобъ я такъ дѣлалъ, какъ Деккеръ?.. Нѣтъ, вы прежде свѣтъ выверните на изнанку... Пусть я пресмыкаюсь—пусть!.. Чтобъ васъ всѣхъ холера задавила!

Внѣ себя отъ ярости, съ налившимися кровью глазами, онъ плюнулъ на полъ, стремительно пробѣжалъ мимо спавшихъ на матрацѣ дѣтей и съ трескомъ захлопнулъ за собой дверь.

— Ну, ужъ и скотина!—сказала Эсси, раскачивая руками свою маленькую головку въ парикѣ.

Наступило неловкое молчаніе, но, какъ только шаги Давида стихли на лѣстницѣ, поднялся страшный гамъ. Зейкерперъ, Эсси, тетя Регги приняли его сторону; говорили всѣ разомъ, съ крикомъ перебивая другъ друга и еще больше возбуждая себя рѣзкими жестами.

Всѣ они сидѣли вокругъ стола, Регги у окна, возлѣ хозяина и хозяйки, въ углу Ревекка, дочь польскаго еврея, молча прислушиваясь къ разговору, какъ и Миньтье, старшая дочка Зейкерпера. Полякъ Подновскій, сидѣвшій рядомъ съ Элеазаромъ, теперь, когда очистилось мѣсто, отодвинулъ свой стулъ къ окну и обрушился на трехъ противниковъ, то перекрикивая ихъ, то, побѣжденный ихъ крикомъ, злобно проклиная тѣхъ, кто преслѣдовалъ его съ дѣтства, когда онъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью принужденъ былъ выселиться изъ Россіи.

Усталый, съ утра ничего не ѣвшій, Элеазаръ прихлебывалъ кофе и слушалъ. Сѣрые глаза его порой встрѣчались съ большими черными глазами Ревекки, и онъ изумлялся свѣжести этой дѣвушки, съ волосами, какъ вороново крыло, казалось, попавшей въ неподходящую для нея обстановку; она напоминала собою пышно расцвѣтшій піонъ. Еще ярче и свѣжѣй казался необычный румянецъ ея щекъ, когда онъ сравнивалъ ее съ сидѣвшей рядомъ Миньтье, тоже дѣвушкой лѣтъ шестнадцати-семнадцати, блѣдной отъ постояннаго сидѣнья въ комнатѣ, слабенькой, хилой. Въ комнатѣ было такъ жарко, что у него потъ катился со лба, но вѣтерокъ изъ окна освѣжалъ его разгоряченную голову.

Потолокъ былъ низкій, и на его балки свѣтъ падалъ отъ лампы дрожащими кружками. На столѣ стояла въ безпорядкѣ неубранная посуда, чашки, кружки, тарелки, грязныя, съ пятнами и остатками пищи. Желтая клеенка, украшенная цвѣтными гирляндами, мѣстами протертая до дыръ, коробилась складками и блестѣла на мокрыхъ мѣстахъ.

Стѣна на сторонѣ двери была оклеена обоями; на другой они отстали, или висѣли клочьями, свернувшись такъ, что видна была штукатурка; она напоминала животное, сбрасывающее старую кожу. Всего привѣтливѣй смотрѣлъ шкафъ съ стеклянными, изъ мелкихъ стеколъ, дверцами, сквозь которыя виднѣлись полки, покрытыя газетной бумагой, успѣвшей пожелтѣть, съ большими и ровными зубцами, старательно вырѣзанными Миньтье. На полкахъ тарелки, стеклянная и мѣдная посуда, отливавшая матово-краснымъ блескомъ. Каминную доску Миньтье также изукрасила полосками обоевъ, вырѣзавъ и ихъ зубцами, теперь слегка покоробившимися отъ жары. На полу у очага лежали дѣти,

съ краю Мейеръ, еще не спавшій, за нимъ, на подушкѣ изъ морской травы, виднѣлось еще три головки съ раскрытыми ртами,—все жалкія старообразныя еврейскія дѣти: двѣнадцатилѣтняя Эстеръ съ бѣлыми отъ мази пятнами на головѣ; десятилѣтняя Яантье; Флиппи мальчуганъ лѣтъ шести; онъ храпѣлъ во снѣ и такъ яростно дралъ ногтями струпья на своей головѣ, что волосы мѣстами слиплись отъ крови. Младшія спали на кровати, въ альковѣ, вмѣстѣ съ матерью и отцомъ; Миньтье съ дѣтьми на полу. Самый младшій ребенокъ, Брамъ, спалъ неспокойно безпрестанно ворочаясь и вскрикивая; это было болѣзненное дитя, постепенно умиравшее отъ истощенія; единственно здоровая была Бекки, которая тихо спала возлѣ него.

За столомъ въ тускломъ свѣтѣ лампы неуклюжими темными массами выступали фигуры взрослыхъ; освѣщены были, да и то слабо, только руки и лицо. Отъ спины Миньтье падала на полъ черезъ головы дѣтей длинная матово-черная тѣнь... Надъ дверью чулана, гдѣ стояло грязное ведро, висѣла картина, изображавшая бушующее море и человѣка въ утлой лодочкѣ посреди волнъ. Картина заплеснивѣла и покрылась пузырями отъ сырости; внизу полустершаяся надпись золочеными буквами гласила: „Вильгельмъ-Тель однимъ прыжкомъ освобождается изъ плѣна Гесслера".

Мужчины за столомъ все еще горячо обсуждали событіе. Миньтье съ Ревеккой шептались, хихикая; Подновскій, или Подди, какъ его звали, спорилъ съ Эсси и Зейкерперомъ. Элеазаръ, усталый отъ шатанья по городу, задремалъ. Въ альковѣ заплакалъ ребенокъ. Эсси пошла успокоить его; это спугнуло сонъ Элеазара, и онъ сталъ прислушиваться къ разговору другихъ.

— Ой, эта Бекки!—И Зейкерперъ, грубо захохотавъ, разсказалъ неприличную исторію о своей маленькой дочкѣ...—Она такая умница, такая хитрая для ребенка трехъ лѣтъ... да есть ли ей еще три года?

Смѣялась слѣпая Регги, смѣялась и Эсси, и дѣвушки, фыркая и хихикая, не стѣсняясь обнаруживать свое любопытство. Потомъ Эсси, укачавшая ребенка, сообщила, что у нея было одиннадцать ребятъ, и Іозеню былъ такой же плутишка. И она безъ церемоніи принялась разсказывать о его неприличныхъ продѣлкахъ...

— Ахъ, какая жалость, что онъ умеръ! И что это было за дитя... настоящее христіанское дитя!

— Да, да,—скороговоркой заговорилъ Зейкерперъ, напрасно мигавшій женѣ, съ цѣлью напомнить ей, что не слѣдуетъ сообщать непристойности при Ревеккѣ и Миньтье; те-

перь онъ умышленно повысилъ голосъ, чтобы заглушить общій смѣхъ.

— Чего только въ жизни не испытаешь!.. Да не смѣйся такъ—тутъ нечему смѣяться!.. Да, да, мы вотъ уже четверыхъ свезли въ Зеебургъ *), и я боюсь, что Браметье... — Онъ запнулся, оглянувшись на альковъ, откуда доносилось неровное, прерывистое дыханіе.

— Ахъ, Боже мой, ужъ эта сердечная боль!—удрученно повторяла Эсси, сложивъ руки на животѣ.

— Все, что Богъ ни дѣлаетъ, все хорошо,—съ тихой улыбкой сказала слѣпая.—Не должно испытывать Бога вопросами... Пойдемте, Эли, помогите мнѣ сойти съ лѣстницы...

Она встала, помѣшавъ Элеазару наблюдать за Ревеккой; облокотившись головой на руку, онъ смотрѣлъ на ея розовое личико въ рамкѣ спутанныхъ черныхъ волосъ, въ темную глубь ея очей, и думалъ:

— Какъ она попала сюда!.. Какъ она ухитрилась сохранить свою свѣжесть, живя у этого старика? И какъ она нагло хохочетъ, какія у нея вульгарныя черточки около рта—что за странная мордочка!.. Когда она серьезна, не смотритъ на меня, сидитъ тихо—смотрѣть на нее истинное наслажденіе, а когда смѣется и влажныя губы ждутъ, чтобъ я засмѣялся, мнѣ становится жутко, отъ нея вѣетъ тогда какимъ-то коварствомъ и зноемъ.

— Вы еще посидите, Эли?

— Нѣтъ, нѣтъ,—поспѣшно отозвался онъ, вскакивая съ мѣста.

Онъ шелъ впереди слѣпой, ведя ее за руку и осторожно переступая со ступеньки на ступеньку. Спустившись съ лѣстницы, они снова очутились въ душной, спертой атмосферѣ нижней квартиры. Элеазаръ, по разсѣянности, зажегъ лампу.

— Что вы дѣлаете?—усмѣхнулась старушка. — Мнѣ это совсѣмъ не нужно... Но разъ уже вы пришли сюда, Эли, ваши буттерброды въ шкафу... захватите ихъ съ собою. Слышите?

Онъ увидалъ въ стеклянномъ шкафу тарелку съ буттербродами, взялъ ихъ и пожелалъ Регги спокойной ночи.

— Пораскиньте умомъ, Эли,—крикнула она ему вслѣдъ.— Что вамъ за радость идти на такую непріятность? — Стачка это—несчастье... несчастье!.. Не глупите, Эли, я вижу все это много лучше васъ... много лучше... Ступайте-ка лучше завтра къ Берлійну, у него есть работа.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ рѣшительно.—Если-бы только среди рабочихъ не было подлецовъ и трусовъ, мы бы всего доби-

*) Амстердамское кладбище.

лись... Спите спокойно... Давиду не придется меня кормить своими трудами... Я самъ какъ нибудь перебьюсь. Доброй ночи!

Онъ заперъ дверь. На дворѣ стояла глубокая ночь. Въ густой тѣни стѣнъ и во тьмѣ воздуха что-то слабо мерцало, словно красный ободокъ усталыхъ воспаленныхъ вѣкъ; нигдѣ не было никакихъ признаковъ жизни, ни звука человѣческаго голоса.

Тусклый свѣтъ падалъ изъ подъ воротъ. Съ кускомъ хлѣба въ рукѣ Элеазаръ направился туда и споткнулся о ведро, не внесенное въ домъ. Дверь въ каморку сапожника была отворена настежь. Самъ онъ сидѣлъ на верхней ступенькѣ лѣстницы, ведущей въ подвалъ, и за вытащеннымъ оттуда столомъ работалъ. Жена его улеглась спать вмѣстѣ съ дѣтьми. Вода поднялась выше; поверхность ея поблескивала въ тѣхъ мѣстахъ, куда падалъ свѣтъ.

— Ну, вотъ видите, была надобность возиться,—сказалъ сапожникъ, не отрываясь отъ работы. — Тутъ хоть всю ночь черпай—не поможетъ... къ утру вода сама уйдетъ. Эта баба постоянно скандалитъ!

Онъ подкидывалъ подметку къ старому сапогу. Кулакъ его, крѣпко сжимавшій молотокъ, которымъ онъ вколачивалъ гвозди, сердито ходилъ взадъ и впередъ мимо уха.

— Веселой работы!--вяло произнесъ Элеазаръ.

— Веселой!.. Какой тамъ веселой!—повторилъ сапожникъ съ горькимъ смѣхомъ.

Лѣстница громко скрипѣла подъ ногами Элеазара, когда онъ поднимался наверхъ. Онъ занялъ комнатку надъ Зейкерперомъ. Въ Америкѣ онъ избаловался и ужъ не хотѣлъ, какъ прежде, спать вмѣстѣ съ Давидомъ, Саартье и Мосье, у тетѣ Регги, на полу въ альковѣ. Жилъ онъ одинъ, а столовался у Регги. Такъ было всего удобнѣе и недорого. Комнатка обходилась пятьдесятъ центовъ въ недѣлю, и никто ему не мѣшалъ. У Подновскаго дверь была полуоткрыта.

Лампа накоптила, и сажа была даже на лѣстницѣ.

— Лампа начадила. Копоть,--пояснилъ Подди, ходившій по площадкѣ въ однихъ чулкахъ, изъ которыхъ лѣзли наружу пальцы. Панталоны его болтались на старыхъ подтяжкахъ; сине-зеленая вязаная куртка прикрывала костлявую грудь. Элеазаръ смутно видѣлъ матрацъ на полу, дѣтскія головки, отворенную дверь въ альковъ, горшокъ и на столѣ капустныя кочерыжки. Ближе къ двери стоялъ другой столикъ, поменьше, и на немъ коробки съ табакомъ и папиросами.

— Это моя торговля,—сказалъ Подди, поглаживая рукой свою бородку и указывая на папиросы,—этимъ я долженъ кормить пятерыхъ дѣтей!.. Хотите выкурить одну послѣ ужина?—настоящая русская, хорошая...

— Охотно возьму,—засмѣялся Элеазаръ. Пока костлявый еврей выбиралъ ему папиросу, онъ вглядывался въ лежавшій на полу матрацъ, на которомъ уже различалъ три головы: дѣтскую, юноши съ пробивающимися усиками и Ревекки, глядѣвшей на него, смущенно улыбаясь. Въ головахъ ея, на стулѣ, были свалены безпорядочнымъ клубкомъ ея юбки.

— Выкурите ее за ужиномъ,—говорилъ Подди,— и не слушайте этого сумасшедшаго Давида. Вы правы. Да благословитъ васъ Богъ!

— Спасибо. Доброй ночи. Спите спокойно.

И Элеазаръ сталъ карабкаться еще выше, въ свою каморку.

Тамъ не было свѣта. Въ потьмахъ онъ нащупалъ окно, отворилъ его, придвинулъ къ окну старый соломенный стулъ и принялся за ѣду. На душѣ у него было неспокойно, и кусокъ не шелъ въ горло. Немного погодя, онъ положилъ буттербродъ на подоконникъ и сталъ смотрѣть вверхъ. Ночь была темная. Передъ нимъ тянулись неуклюжія, причудливой формы мрачныя крыши, эти тяжеловѣсныя, давящія покрышки надъ убогимъ человѣческимъ жильемъ, желѣзные гасильники жизни, едва теплившейся внизу. Въ одномъ чердачномъ окошечкѣ грустно мерцалъ слабый свѣтъ, озарявшій безмолвіе ночи.

VI.

Брамъ, болѣзненный младшій мальчикъ Зейкерпера, умеръ. Однажды утромъ отецъ съ матерью нашли его въ постели уже похолодѣвшимъ. Въ домѣ это не произвело особеннаго впечатлѣнія Подди сошелъ взглянуть на маленькаго покойника, притащилась сама по лѣстницѣ тетя Регги; огорченія хватило ровно на часъ равнодушной болтовни объ умершемъ, не больше. Зейкерперъ купилъ партію мерзлой красной капусты, сложенной въ корзинахъ за дверью, и въ затхлой атмосферѣ комнаты капуста испортилась. Нижнія головки уже сгнили и провоняли всю комнату, гдѣ на соломѣ лежалъ мертвый ребенокъ. Всю пятницу торговалъ Зейкерперъ, но продалъ немного. Капуста была вялая и горькая—никто не хотѣлъ ее брать. Лилъ дождь. Измокшій, въ платьѣ, прилипавшемъ къ тощему тѣлу, зеленщикъ вернулся домой, втащилъ наверхъ корзину съ захваченнымъ утромъ това-

ромъ, пронесъ ее мимо трупа сына и швырнулъ въ уголъ.

Еще не отдышавшись послѣ подъема, разсерженный и тѣмъ, что вода течетъ у него по спинѣ, и тѣмъ, что ноги его озябли въ худыхъ сапогахъ, онъ разразился проклятіями.

— Чтобъ у нихъ языкъ отнялся, какъ они меня обмошенничали!.. Вотъ такъ дешевая покупка!.. Будь они прокляты!.. гниль одна!.. Я и десяти штиверовъ не заработалъ. Какъ я верну свои центы?.. Послѣдніе несчастные гроши пошли къ чорту! Откуда я возьму денегъ платить по лавкамъ? На что купить свѣжаго товару? Ой, какой ударъ, какой ударъ! Теперь сиди и нюхай эту вонь. Будь я проклятъ! будь я проклятъ!

Онъ со стономъ упалъ на стулъ и вцѣпился пальцами въ волосы. Неистовымъ, сиплымъ голосомъ выкрикивая свое горе, съ визгомъ, всхлипываньями и причитаньями, онъ схватывался руками за голову и раскачивалъ ее въ безумномъ отчаяніи. Руки были огромныя, грубыя, синебагровыя; гніющая капуста оставила на нихъ слѣдъ; на оконечностяхъ пальцевъ, толстыхъ, мясистыхъ, съ кривыми ногтями, глубоко въѣлись синія пятна. Эти пальцы размазывали слезы по толстому желтому лицу, поросшему сѣдою щетиной, и проводили по щекамъ синія и красныя полосы. Сокомъ капусты было перепачкано и все его тѣло, платье, шапка, сапоги. Въ душной жарко натопленной комнатѣ отъ капусты несло гнилью, словно изъ раскрытой могилы.

Этотъ вой и стоны, выкрикиваемыя съ рыданіями жалобы зеленщика заставили притихнуть даже дѣтей. Эстеръ, Яантье, Флиппи и Бекки сидѣли всѣ за столомъ, играя картинкой на картонѣ, найденной Яантье въ мусорномъ ведрѣ. Миньтье хлопотала у очага. Мейеръ только что вернулся домой съ зелеными огурцами и стоялъ смирно въ углу, возлѣ корзины съ тухлой капустой.

— Да не сходи ты съ ума, ради Бога!—говорила Эсси.— Все равно вѣдь не поможешь... Хуже было бы, если-бъ ты сломалъ себѣ руку или ногу... Къ тому же самъ виноватъ: надо быть умнѣй... Не велико счастье капуста.

— Да не говори ты! не говори! Что ты мнѣ голову морочишь, будь я проклятъ!—взвылъ зеленщикъ, вскакивая съ мѣста, и забѣгалъ по комнатѣ, отъ трупа къ окну и обратно, размахивая руками и подкрѣпляя свои слова дикими жестами. — Вся моя торговля — въ этой капустѣ! Господи, гдѣ я возьму денегъ заплатить Тоби? На что я куплю свѣжаго товару?.. За этотъ проклятый шабашъ она совсѣмъ сгніетъ. А въ воскресенье утромъ похороны... Какъ

тутъ не сойти съ ума?.. что я буду дѣлать?.. Накажи меня Богъ! будь я проклятъ!

Отъ огорченія и досады на промокшее платье, прилипавшее къ тѣлу, онъ кричалъ все громче и неистовѣй.

— Да не ори ты такъ! хоть сосѣдей бы постыдился! Хочешь, чтобъ враги твои радовались?—въ свою очередь пронзительно крикнула Эсси.

— Ахъ чтобъ ихъ трясучка взяла! — съ бѣшенствомъ вскинулся онъ на нее...—Я надрываюсь на работѣ.. .я изъ кожи лѣзу ради дѣтей, будь я проклятъ!.. А тутъ такая напасть!.. Что я теперь буду дѣлать?.. Кто мнѣ заплатитъ... У кого занять денегъ на новый товаръ?! Что только будетъ!.. что только будетъ!

Съ искаженнымъ лицомъ, безпомощно судорожно сжимая кулаки, онъ бѣгалъ по комнатѣ, припадая то на одну ногу, то на другую, словно толкая передъ собою телѣжку. Подъ протертыми панталонами обрисовывались неуклюжія костлявыя колѣни; тяжело ступая въ четырехугольныхъ грязныхъ сапогахъ, онъ едва дотащился до сухого сѣна, клочьями разбросаннаго по полу, точно здѣсь опрокинули упаковочный ящикъ.

Миньтье молча поставила горшокъ на огонь; горячій жиръ выплеснулся на плиту и зашипѣлъ. Эсси, которой тоже нездоровилось—уже два дня она мучилась страшными коликами въ желудкѣ—утѣшала его въ перемежку съ упреками, какъ подобаетъ умной еврейской женѣ, которой попался въ мужья неудачникъ.

— Да будетъ тебѣ выть и кричать!.. Ну что ты этимъ поможешь?.. Самъ виноватъ: не надо быть такимъ сумасшедшимъ!.. Я тебѣ сразу сказала, что не слѣдовало покупать капусту... Что ты ни затѣешь, ни въ чемъ тебѣ нѣтъ удачи!.. Развѣ тебя не надули давеча гнилыми яблоками?.. Ахъ, ты, умная голова!.. О! горе мнѣ съ тобою! А лукъ? Ты вѣдь всегда и лукъ покупаешь гнилой!.. Ну, можно ли быть такимъ дурнемъ: купить двѣ сотни головокъ дрянной капусты по четыре цента за штуку?! Ей-Богу, я бы тебѣ за нее ни одного цента не дала.. Ты только посмотри, что это за гадость! — уже изъ корзины весь сокъ вытекъ наружу... Это прямо грѣхъ, ей-Богу, грѣхъ такъ деньги бросать за окно!

— А, чтобъ ты скисла! — выругался Зейкерперъ. — Для кого же я это дѣлаю? Мнѣ-то какая польза отъ этого? Сегодня за весь день росинки маковой во рту не было! Чтобъ ты околѣла!.. Чего ты ко мнѣ пристала?—все равно, теперь ужъ не поправить.

Она не осталась въ долгу.

— Молчи! Вѣдь ты же своею работой дѣтей кормишь.

Спроси, кого хочешь, спроси Подди, Давида, Регги, будетъ ли кто изъ нихъ такимъ болваномъ, чтобы купить двѣ сотни капусты, вонючей, какъ зараза, двѣ сотни гнилыхъ капустныхъ головъ! двѣсти штукъ!.. Ой, какой дуракъ! Что я только терплю!.. что я терплю!

Зейкерперъ еще больше обозлился.—Чтобъ тебѣ околѣть! злобно хрипѣлъ онъ.—Пусть у тебя кусокъ коломъ въ горлѣ встанетъ, если я еще разъ возьмусь за торговлю! Ступай сама въ люди, сама покупай. Дрянь поганая! Она еще меня попрекаетъ. Нечего сказать, хорошій праздникъ устроила!..

— Дрянь? Дрянь?—со злостью закричала Эсси, блѣднѣя подъ своимъ парикомъ.—Это твоя мать дрянь, а не я! И, что ты за гадина, что за подлецъ, если мать своихъ дѣтей ругаешь дрянью!

— Подлецъ, подлецъ!—глухо повторилъ Зейкерперъ обезсиленный, вздрагивая всѣмъ тѣломъ.—Не смѣй трогать моей матери! Знай свою штопку и не суйся не въ свое дѣло. Старая... чтобъ ты ослѣпла!

И съ этимъ послѣднимъ ругательствомъ зеленщикъ, еле передвигая ноги, заковылялъ къ печкѣ, гдѣ стащилъ съ себя намокшіе рваные сапоги.

— Я тогда ослѣпну, когда тебя чума хватитъ... пускай ужъ вмѣстѣ...—бранилась Эсси, дрожа отъ злости.

Теперь перевѣсъ былъ на ея сторонѣ: онъ, совершенно обезсиленный, дрожащій, сидѣлъ у огня, съ высоко поднятыми колѣнами, стараясь согрѣться. Она все пуще наскакивала на него, придумывая все болѣе и болѣе ужасныя проклятія. Неудача въ торговлѣ приводила въ изступленіе ихъ обоихъ, вырывала у нихъ горькіе, злобные, обидные попреки. Дѣти за столомъ, давно привыкшія къ этимъ ссорамъ, возобновили игру, только говорили теперь шепотомъ, по временамъ пугливо озираясь на мать. Игра ихъ заключалась въ томъ, что на старую выцвѣтшую картинку они клали обгорѣвшія спички, приговаривая разныя смѣшныя присловья. Къ нимъ присоединился и Мейеръ. Свѣтъ лампы падалъ прямо на больныя головки, освѣщалъ углы комнаты, корзины съ тухлой капустой и солому на полу со съѣхавшимъ съ нея одѣяломъ.

Въ субботу вечеромъ маленькаго покойника обмыли и положили въ гробъ, расчесали льняные волосики, вычистили ногти и надѣли чистую рубашенку на крошечное тѣльце.

Зайдя въ воскресенье къ Зейкерперу, Элеазаръ увидалъ стоявшій на двухъ стульяхъ маленькій гробикъ.

Эсси лежала въ постели: ее знобило; рѣзь въ животѣ

все усиливалась. Миньтье купила на пять центовъ крупы, сварила болтушку съ клецками и кормила дѣтей изъ краснаго глинянаго горшка; тѣ съ аппетитомъ ѣли, набивая себѣ рты липкими клецками. Младшая, Бекки, уже успѣла пальцами залѣзть въ горшокъ и вымазать себѣ подбородокъ кашей; перегнувшись черезъ столъ, она черпала въ горшкѣ, царапая ложкой о край, пока на днѣ не осталась только отцовская порція похлебки и клецокъ. Штора на окнѣ была спущена и висѣла складками, пожелтѣвшими въ серединѣ. Черезъ прожженную на ней дырку виднѣлся квадратный кусочекъ голубовато-сѣраго неба.

— Это вы, Эли?—спросила Эсси, садясь на постель.— Ахъ, Боже мой, я такъ больна! отъ меня ужъ, кажется, ничего не осталось... И такія ужасныя боли въ желудкѣ, въ спинѣ, поминутно схватываютъ...

— Ничего, это пройдетъ,—сказалъ онъ ласково и присѣлъ къ столу, посадивъ къ себѣ на колѣни трехлѣтнюю Бекки.

— Пройдетъ, пройдетъ,—жалобно простонала она.—Вамъ хорошо говорить, когда вы не чувствуете того, что я чувствую... Такіе колики, точно меня на части рвутъ!.. И чего этотъ негодяй докторъ не идетъ!.. Пусть вамъ Миньтье разскажетъ, какъ я страдаю...

Въ ея голосѣ звучалъ страхъ, которому нужно было излиться.

— Такіе пустяки всегда проходятъ,—утѣшалъ онъ.—Вы не должны такъ пугаться.

— Пугаться,—повторила она, вдругъ струсивъ и прикрывая страхъ слабой улыбкой.—Кто же пугается? Я же знаю, это пустяки, что если Богъ поможетъ, это пройдетъ. А все-таки нельзя же знать навѣрное... такая странная боль... такая странная боль!

Дѣти уплетали кашу, чмокая губами и жаднымъ взглядомъ слѣдя за Миньтье, которая выскребала горшокъ. Мейеръ первый кончилъ и облизалъ свою тарелку. Бекки пальцами размазывала кашу по блюдечку. Стало тихо; слышенъ былъ только стукъ ложекъ, какъ вдругъ Яантье, испугавшись, какъ бы Мейеръ не полакомился ея порціей, съ силой отдернула тарелку, и та скользнула со стола и упала ей на колѣни. Дѣвочка пронзительно взвизгнула и, разозлившись, ударила брата по лицу.

— Ну, ну, перестаньте, вотъ я васъ!..—пригрозила Миньтье.

— Онъ ѣлъ съ моей тарелки,—заревѣла дѣвочка, пытаясь собрать кашу съ платья обратно на тарелку. Но желтыя клецки падали на полъ. Она еще больше озлилась и начала браниться.

— Воръ! Мошенникъ! Ганнефъ! Чумная голова!

— Я не ѣлъ съ твоей тарелки,—совралъ Мейеръ. Но тутъ всѣ ребятишки закричали хоромъ:

— Неправда, неправда, онъ ѣлъ! я видѣла, Миньтье, какъ онъ ѣлъ!.. Онъ вретъ, Миньтье! Онъ ей пальцемъ заѣхалъ въ тарелку, Миньтье!

Крикливые еврейскіе голоса звенѣли, перебивая другъ друга. Эстеръ, Флиппи, Мейеръ,—всѣ были взволнованы. Яантье, красная отъ слезъ, усердно отскребала кашу, приставшую къ ея юбкѣ.

— Пусть у меня рука отсохнетъ, если я это сдѣлалъ!— охрипшимъ голосомъ кричалъ Мейеръ.

— Да замолчите же, наконецъ,—сердито крикнула Миньтье, нагибаясь къ нимъ черезъ столъ.

— Зачѣмъ онъ ѣстъ мою кашу? — продожала ревѣть Яантье.—Вонючій! Пархатый!

— Сама пархатая!

— Заткни глотку, говорятъ тебѣ!—зазвенѣлъ угрожающій голосъ Миньтье.

— Чтобъ тебя громомъ убило на мѣстѣ!—бранилась дѣвочка, въ простотѣ души копируя взрослыхъ.

Мать, давно уже напрасно унимавшая ихъ, шире растворила двери алькова и жалобно простонала, вся трясясь отъ озноба.

— О, о! что это за мученіе! Ни минуты не вспомнятъ, что я лежу здѣсь больная. и какая больная!.. Колотья такія, что дѣйствительно есть, чего испугаться... Ой, моя голова! Мой мозгъ, кажется, скоро лопнетъ! Ой, моя голова, бѣдная голова!—стонала она, зажимая руками уши.

Миньтье сердитымъ взглядомъ искала, кого ударить.

— Если вы еще слово скажете, я васъ всѣхъ отшлепаю по мордѣ! Скверныя, дрянныя дѣти! — крикнула она злымъ голосомъ. Угроза подѣйствовала.

Яантье все еще всхлипывала и водила пальцами по тарелкѣ, на которой осталось еще немного клейкой, какъ кисель, каши; Бекки, смирно сидѣвшая на колѣняхъ Элеазара, какъ во снѣ, слѣдила глазами за сестренкой.

— Ой, какъ болитъ! ой, какъ болитъ! — снова жалобно застонала Эсси. — Негодныя! развѣ это дѣти! Это не дѣти, а звѣри. Негодныя. Негодныя... Ой, ой, какъ колетъ, ой какъ колетъ!

Миньтье пошла помочь ей и затворила двери алькова. Тѣмъ временемъ вернулся домой Зейкернеръ. Не говоря ни слова, онъ сѣлъ напротивъ Элеазара и началъ ѣсть прямо изъ горшка оставленную ему кашу.

Около двѣнадцати часовъ на улицѣ показалась карета

для покойниковъ *). Дождь лилъ, какъ изъ ведра. За дрогами шли отецъ умершаго, носильщики и Элеазаръ,—носильщики съ зонтиками, съ которыхъ струилась вода, другіе безъ всякой защиты отъ дождя. Навстрѣчу попадалось мало людей. Пробѣжала измокшая косматая собака; на углу стоялъ полицейскій, закутанный въ резиновый плащъ.

На Бреестратъ было больше жизни. Мокрый асфальтъ блестѣлъ и все отражалось въ немъ—колеса, подножки, человѣческія ноги; свѣтъ и тѣни пробѣгали по немъ, мѣстами грязь и навозъ нарушали цѣльность картины, но дождь снова обмывалъ мостовую, и гладкая поверхность отражала все, что двигалось и скользило по ней. Конскіе копыта стучали о мостовую, отрывисто и звонко ударялись подковы о камень; дроги раскачивались, какъ телѣжка булочника, которая рано утромъ ѣдетъ по улицамъ.

Элеазаръ спряталъ руки въ карманы и пытался укрыться отъ дождя за экипажемъ, но промокъ и озябъ. Въ церкви только что кончилась служба, съ паперти хлынулъ народъ произошла задержка; мимо пробѣгали спѣшившіе домой богомольцы, обрызгивая грязью. Элеазару было очень не по себѣ отъ этой остановки на сырости. Онъ разсматривалъ богомольцевъ, мужчинъ и женщинъ, отогрѣвшихся въ тепломъ воздухѣ церкви, съ молитвенниками въ рукахъ, съ раскрытыми мокрыми зонтиками. Они тѣснились вокругъ кареты и громко разговаривали, при чемъ у нихъ шелъ паръ изо рта. Золотыя украшенія молитвенниковъ назойливо рѣзко блестѣли, отражаясь въ мокромъ асфальтѣ.

Карета колыхалась, слегка покачивались траурныя перья, мелькали стальнымъ блескомъ желѣзныя спицы колесъ, вода изъ подъ колесъ брызгала на сапоги прохожимъ. Такъ подвигались они, медленно и чинно, къ безмолвной синагогѣ, передъ которой карета остановилась, чтобы отдать послѣдній долгъ маленькому дѣтскому тѣльцу **); по бокамъ лошадей струились капли дождя. Все сильнѣй становился ливень: капли ударялись о камни и ступени подъѣздовъ. Прохожіе ежились подъ дождемъ, хлеставшимъ въ ихъ спины, и пробирались вдоль стѣнъ, укрываясь подъ карнизы кровель. Лошади прибавили шагу, карета выѣхала на другую улицу, длинную и широкую.

---

*) Нѣчто вродѣ омнибуса со скамейками вдоль длинной стороны. Гробъ ставится прямо на полъ. За городомъ носильщики садятся въ карету и ставятъ ноги на гробъ, какъ на скамейку.

**) Въ Амстердамѣ, при еврейскихъ похоронахъ, дроги останавливаются у входа въ синагогу, при чемъ для богатыхъ евреевъ на минуту отворяются двери.

Зейкерперъ молча шагалъ, жевалъ табакъ, отплевываясь, и не подымалъ глазъ отъ земли. Ноги его были мокры до колѣнъ, изъ дырявыхъ башмаковъ бѣжала вода. Рядомъ съ нимъ шелъ носильщикъ, добродушно приглашавшій его укрыться подъ зонтикомъ. Но вода съ зонтика струями лилась на шапку еврея. Элеазаръ угрюмо шелъ позади носильщика. Онъ уже не разбиралъ дороги и со злобой шагалъ прямо по лужамъ, коченѣя отъ холода. У него промокли плечи, колѣни, спина, ноги словно съежились въ тяжелыхъ намокшихъ штиблетахъ и липнувшихъ къ тѣлу чулкахъ. За воротникъ его бѣжала вода по спинѣ и всасывалась въ одежду. Все прилипало, давило; кожа горѣла и чесалась отъ тренія о сорочку. Воды набралось и въ карманы; намокъ и свернутый комочкомъ платокъ, и коробка со спичками. Онъ взялъ ее въ руки и мялъ и давилъ, пока размокшая бумага не начала отдѣляться свертывающимися полосками. Его одолѣвало омерзительное сознаніе бѣдности, и, чтобы подавить недовольство, онъ усиленно старался догадаться, что означаютъ слова, напечатанныя на желтой бандероли, и угрюмо, злобно повторялъ ихъ: *Säkerhet— Tändstikor—Tändstikor —Tändstikor*.

Воздухъ становился все болѣе сѣрымъ, а линія крышъ все темнѣе; окна, фронтоны, фасады домовъ, казалось, растаяли; на землю словно спустились непривѣтныя сумерки, когда предметы стоятъ изжелта-блѣдные и безмолвные. Дождь былъ такъ силенъ, такъ билъ и хлесталъ, что пугливыя, оголенныя деревья со скрипомъ и стономъ пригибались къ самой дорогѣ. Вѣтеръ рвалъ зонтики изъ рукъ носильщиковъ; одинъ старый зонтикъ вывернулся на изнанку, и покрывившіеся прутья образовали конусъ, съ неистово хлопавшей обивкой.

— Чортъ побери! ну и погодка!—проворчалъ зеленщикъ, выплевывая табачный сокъ. Никто не отвѣтилъ.

Такъ шли они молча, дрожа отъ стужи, до городскихъ воротъ, гдѣ усѣлись въ карету. Лошади рысцой повезли ихъ дальше, къ Зеебургу. Карета представляла собой нѣчто вродѣ омнибуса, съ двумя деревянными продольными скамьями и заиндѣвѣвшими отъ сырости окнами. Гробикъ съ мертвымъ ребенкомъ, покрытый чернымъ бархатомъ, стоялъ у нихъ въ ногахъ; изголовье изъ необструганнаго дерева съ слабо блестѣвшими винтиками оставалось открытымъ. Носильщики и отецъ покойнаго сидѣли всѣ рядомъ въ ногахъ, Элеазаръ—напротивъ. Весь мокрый и озябшій въ облипавшей тѣло одеждѣ, онъ смотрѣлъ на маленькій гробикъ.

Зейкерперъ снялъ сюртукъ и выжималъ воду изъ рука-

вовъ; грязно черная жидкость капала на полъ кареты. Еще багровыми отъ капусты руками онъ скручивалъ жгутомъ матерію, выжималъ ее и вытягивалъ. Потомъ громко заговорилъ, такъ какъ стукъ колесъ заглушалъ его голосъ, жалуясь на погоду, и носильщики, довольные, что теперь они защищены отъ дождя, кричали ему въ отвѣтъ. Они поставили мокрые зонтики въ другой уголъ, гдѣ подъ каждымъ образовалась лужица грязной воды, вылили воду изъ шляпъ и пытались бесѣдовать, перекрикивая дребезжанье колесъ и стеколъ. Оживленно жестикулируя, они разговаривали о погодѣ, а отецъ покойнаго жаловался на свою горькую участь и плаксивымъ жалобнымъ тономъ разсказывалъ исторію о капустѣ.

За тусклыми, запотѣвшими стеклами медленно плыли картины, тѣни домовъ и болѣе свѣтлые промежутки воздуха надъ еще зеленѣющими лугами. Они точно ѣхали изъ деревни въ деревню, сталкиваясь колѣнями на особенно глубокихъ выбоинахъ дамбы, по которой шла дорога къ кладбищу. Жевавшій табакъ зеленщикъ время отъ времени плевалъ по направленію къ двери; одинъ изъ носильщиковъ терпѣливо выправлялъ свой вывороченный вѣтромъ зонтикъ, упираясь ногою въ гробъ, который тихонько поскрипывалъ. По спуску карета поѣхала быстрѣй и остановилась. Сидѣвшіе въ ней вышли подъ дождемъ и вынесли гробъ. Вѣтеръ рванулъ черный бархатъ и кинулъ конецъ его въ лицо Элеазару; на него пахнуло кисловатымъ запахомъ. Медленно шагая, подъ проливнымъ дождемъ, дошли они до кладбища.

Кладбище было огромное, безконечное, плоское, какъ повитый туманомъ лугъ, на которомъ тамъ и сямъ высились сѣрые памятники. Когда они шли по грязной дорожкѣ къ могилѣ, невдалекѣ застучали лопасти маленькой водяной мельницы. Звукъ походилъ на карканье ворона.

VII.

Въ то же воскресенье, подъ вечеръ Элеазаръ пошелъ за Саартье, чтобы привести ее домой изъ школы. Дождь все еще лилъ, но уже не такъ сильно. Еврейскій базаръ весь гудѣлъ гортанными выкриками и препирательствами торгующихся евреевъ. Тамъ было цѣлое скопище палатокъ и движеніе взадъ и впередъ телѣгъ, подпрыгивавшихъ на неровной мостовой. Лощеный холстъ, которымъ были прикрыты отъ дождя лотки и телѣги, надувался отъ вѣтра и блестѣлъ;

надъ нимъ колыхались шапки и цѣлое волнующееся море зонтиковъ.

Улица была узкая. Во всѣхъ проулкахъ и проходахъ жилыя помѣщенія имѣли такой видъ, какъ будто здѣсь недавно былъ пожаръ: двери, подоконники и фронтоны обуглились и поверхность ихъ покрылась пузырями, стекла полопались, копоть глубоко въѣлась въ стѣны. Изъ узенькихъ проулковъ шумъ не унимавшагося дождя вырывался, какъ вздохъ. Горе стонало въ воздухѣ. Въ этомъ сыромъ полумракѣ единственное, что бросалось въ глаза, былъ влажный блескъ четыреугольныхъ оконныхъ стеколъ.

Въ школу идти было еще рано; уроки не кончились. Мечтательно, заложивъ руки въ карманы, Элеазаръ бродилъ по улицамъ. Въ такіе безцѣльно проходившіе дни, онъ иногда цѣлыми часами подъ рядъ оставался ко всему безучастнымъ, не видѣлъ, не замѣчалъ окружающаго; цѣлыми часами ходилъ, сидѣлъ, говорилъ, но эти часы не считались, они исчезали безслѣдно; въ эти часы онъ не зналъ, живетъ онъ, или нѣтъ. Задумчиво озираясь кругомъ, но ни къ чему не приглядываясь, онъ неторопливо шелъ и смотрѣлъ въ томъ направленіи, гдѣ въ концѣ узкаго переулка, по ту сторону канала обрисовывались неуклюжія очертанія фабрики. Какъ гигантская булава, торчала надъ ней огромная дымовая труба, высокая, тонкая, выбрасывавшая высоко надъ приземистымъ тяжеловѣснымъ фабричнымъ корпусомъ коричневые клубы густого дыма и сажи, казалось, выходившихъ изъ самой земли. Порой чудовище затихало и словно втягивало въ себя висѣвшія надъ нимъ пухлыя сѣрыя облака и опять извергало ихъ изъ своей пасти сѣро-коричневымъ клубомъ. Подъ этой неподвижной башней тянулась фабричная стѣна со множествомъ оконъ. Въ нижнемъ этажѣ эти окна были грязно-черныя, запыленныя, съ желтыми рамами; среднія казались чуть посвѣтлѣе, а въ верхнихъ стекла блестѣли, какъ вода при лунномъ свѣтѣ. Зданіе смотрѣло одинокимъ и унылымъ. Элеазаръ задумчиво глядѣлъ то на бѣгущія по небу облака, спокойно проносившіяся надъ крышей фабрики, то на стекла оконъ, отражавшія ихъ бѣгъ, то на дымовую трубу, кидавшую въ нихъ куски сажи и черные клочья дыма.

Онъ остановился и сталъ присматриваться. Въ нѣкоторыхъ окнахъ, то уменьшаясь, то высоко взвиваясь кверху, танцовали остроконечные огоньки. Тамъ еще работали. Не всѣ мельницы стояли праздными. Старая пѣсня о трудѣ, который воюетъ съ трудомъ же, ужасное отсутствіе единодушія! Элеазаръ угрюмо и злобно дергалъ подкладку своихъ панталонъ. Паяльные огни вздрагивали, выбрасывали пламя и снова гасли. На мигъ они исчезали, точно прятались, поглощенные

тьмой, потомъ опять загорались и лизали воздухъ красными и желтыми языками.

Порывъ вѣтра погналъ дымъ отъ трубы внизъ на окна, и они вдругъ окутались черной завѣсой.

— Бараны!—сказалъ Элеазаръ.

Нѣмецъ, съ которымъ онъ лежалъ въ госпиталѣ въ Бруклинѣ и которому онъ такъ много обязанъ—тотъ самый, что не могъ вернуться на родину, пока не пройдетъ давность произнесенному надъ нимъ приговору — былъ правъ, когда издѣвался надъ рабочими листками, надъ похвальбами и злобой рабочихъ противъ своихъ владыкъ, которые вовсе не были владыками.—„Слова, слова!"—говорилъ онъ всегда, когда Элеазаръ начиналъ возражать ему,—„слова и ничего больше! У насъ одинъ только врагъ. Одинъ. Самъ рабочій". Да, да, это правда. Вѣдь это же ясно, какъ день, что всякій человѣкъ есть человѣкъ и имѣетъ право на человѣческое существованіе. А между тѣмъ, сколько нужно убѣжденій, сколько отчаянныхъ попытокъ, чтобы заставить тысячи сдѣлать первый шагъ, робкій, неувѣренный, дѣтскій шагъ! Солнце, природу—всю красоту, созданную вѣками—ничего они не видятъ, не знаютъ, ничего не переживаютъ. А на тѣхъ немногихъ, которые хотятъ выбиться изъ подъ гнета, которые уже поняли, что каждый лишній часъ—пытка для милліоновъ людей,—на тѣхъ они попадаютъ сзади, тѣмъ подставляютъ ножку, гонятъ ихъ вмѣстѣ съ другими.

Элеазаръ задумчиво смотрѣлъ вдаль.

Фабричная стѣна съ ея матовыми окнами, отъ сѣраго отсвѣта облаковъ, казалась теперь мраморно-холодной, бѣлесоватой, прозрачной и нѣжной, какъ будто это была не стѣна изъ камня и цемента, а видѣніе, греза изъ тумана и пара. Такими кажутся порой улицы, залитыя послѣдними разсѣянными лучами заката.

Медленно возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ уже возлѣ школы Ревекку, дочь Подди. Они видались ежедневно у Зейкерпера, у Регги, у торговца папиросами или на узкой скрипучей лѣстницѣ. Но это было всегда въ тѣни дома, въ полутьмѣ комнатъ, и теперь имъ было какъ-то странно встрѣтиться на улицѣ, и это усиливало, обостряло впечатлѣніе. Она оказалась меньше ростомъ рядомъ съ домами и стѣнами онъ показался ей блѣднѣе обыкновеннаго и какимъ-то незнакомымъ. И онъ не сразу освоился съ ея измѣнившейся внѣшностью.

Маленькая хорошенькая еврейка, съ роскошными, всегда растрепанными, черными кудрями, была одѣта въ довольно грязное платье съ коричневыми крапинками по матово-лиловымъ полоскамъ. Въ свои семнадцать лѣтъ она каза-

лась уже совсѣмъ взрослой, даже слишкомъ зрѣлой, съ развитой грудью, какъ у женщины, что ей не шло и старило ея тѣло. Ея привлекательной особенностью были брови, густыя, бархатныя, совершенно сливавшіяся надъ маленькимъ безъ горбинки носомъ.

Брови придавало ея лицу что-то вдумчивое, серьезное и въ то же время, когда она смѣялась или улыбалась, что-то раздражающе-чувственное. Когда глаза ея сверкали весельемъ, черныя брови гуще сходились, перепутывались и топорщились, какъ мохнатый репейникъ съ торчащими наружу иглами. Когда она была серьезна, брови разглаживались и отливали матовымъ блескомъ бархата. Такія брови бываютъ у совъ, а иногда у кошекъ. Когда она закрывала глаза, это было не такъ замѣтно.

— Брови придаютъ ей какой-то угнетенный видъ,—подумалъ Элеазаръ и съ улыбкой вспомнилъ слова тети Регги, что такое обиліе волосъ надъ глазами приноситъ несчастье:

— Пусть спроситъ кого хочетъ, если не вѣритъ ей.

Ревекка съ жадностью ѣла уже испорченный апельсинъ, купленный ею за полъ-цента, выплевывая корку и гнилыя мѣста. Сокъ стекалъ по ея подбородку и пачкалъ и безъ того уже грязную блузу.

— Здравствуйте,—сказала она застѣнчиво, съ мокрыми отъ апельсина губами.

— Вы тоже идете въ школу?—спросилъ онъ.

— Да, за сестренкой,—засмѣялась она, останавливаясь.

— У васъ есть сестра, которая ходитъ въ школу? — спросилъ онъ, шагая дальше и глядя не на нее, а на свои грязные сапоги.

Она стала разсказывать, при чемъ продолжала сосать апельсинъ и выплевывать косточки прямо на тротуаръ.

— Подди обыкновенно самъ ходитъ за дочкой. Но сегодня онъ не вставалъ съ постели. У него нѣсколько ранъ на бедрѣ, и одна нога стала твердая и неподвижная, какъ колода. Бѣлье давно уже пропиталось кровью, но онъ не жалуется. Онъ прикладывалъ къ нарывамъ кашицу изъ размоченныхъ корокъ черстваго ржаного хлѣба, но они все росли и теперь прорвались.—Кусая апельсинъ и разрывая острыми зубами желтую мякоть, она разсказывала, шутила и немножко конфузилась... Ей было странно идти среди бѣлаго дня съ почти совершенно чужимъ человѣкомъ. Она застѣнчиво подняла на него глаза, разжевала корку, выплюнула и уже не раскрывала рта, пока они не дошли до школы. Дверь была притворена. Въ сѣняхъ ни души.

— Намъ придется подождать,—сказалъ Элеазаръ.

Она шла за нимъ, тихонько смѣясь, какъ будто дѣлая

что-то такое, чего не слѣдуетъ дѣлать. На дворѣ все еще шелъ мелкій дождикъ. Элеазаръ зѣвнулъ, потеръ озябшія руки и прислонился къ столбу, прислушиваясь къ слабому гулу, перекатывавшемуся надъ его головой и возлѣ него, отъ стѣны къ стѣнѣ, точно далекій отголосокъ гдѣ-то шумѣвшихъ дѣтей.

Дѣвушка стояла противъ него, потупившись и играя намокшимъ шнуркомъ отъ башмака, который извивался по полу, выводя на немъ мокрые узоры. Въ полутьмѣ особенно ярко сверкали ея глаза, рѣзко выступала вздутая линія бровей, непріятно звучалъ безпричинный смѣхъ. Когда она поднимала глаза, Элеазаръ встрѣчалъ ея загадочный взглядъ; когда опускала ихъ, все выраженіе ея личика выдавало, что она знаетъ, какъ на нее смотрятъ, и находитъ это нелѣпымъ, страшно нелѣпымъ, но въ то же время смѣшнымъ и забавнымъ. Эта игра въ прятки, эти приступы смѣха и улыбающіеся, блуждающіе глаза подъ густыми бровями дѣйствовали поощрительно; взоръ его угадывалъ ея формы подъ узкимъ лифомъ, плотно прилегавшимъ къ тѣлу. Полумракъ придавалъ ей особую прелесть, какъ ночь различнымъ предметамъ: деревьямъ, домамъ...

Передъ Элеазаромъ была не хорошенькая неряха, грызущая гнилой апельсинъ, не робкая домосѣдка, которую онъ такъ часто видѣлъ мелькомъ, пробѣгая по лѣстницѣ, — теперь, когда она стояла въ тѣни и молчала, въ ней не было грубости, не было ничего отталкивающаго, только глаза, черные глаза свѣтились изъ подъ темныхъ бровей на нѣжной, блѣдной кожѣ, въ рамкѣ спутанныхъ густыхъ черныхъ кудрей. Если бы она теперь вышла на свѣтъ, его бы разсердили, испортили бы впечатлѣніе ея грязная шея и пятна на груди отъ апельсиннаго сока, и странно наглое выраженіе глазъ. Но здѣсь въ ней была какая-то неестественная красота — въ этихъ тонкихъ бѣлыхъ чертахъ, вставленныхъ въ черную рамку волосъ, безъ рѣзкостей, безъ жесткихъ линій, безъ всякаго диссонанса.

Такой преображенной онъ только что видѣлъ фабрику; такой вспоминалась ему головка англичанки - танцовщицы, видѣнной имъ однажды въ Америкѣ, когда она лежала на сценѣ, раскинувъ ноги и утопая головой въ воздушныхъ газовыхъ юбочкахъ: такъ дурачитъ иногда свѣтъ, маскируя заплаты, лохмотья и нищету...

Его загорѣвшіеся глаза не отрывались отъ ея глазъ, а она уже не улыбалась, не играла съ развязавшимся шнуркомъ башмака, безъ смущенія отвѣчая на его взглядъ съ грубымъ вульгарнымъ смѣхомъ, закинувъ руки назадъ за

колонну, къ которой она прислонилась, и черная полоса ея бровей сіяла какой-то темной щелью.

Гдѣ то отворилась дверь. Съ ворвавшимся въ сѣни токомъ воздуха донесся оглушительный звонъ; дѣтскіе голоса затрещали громче.

Дверь опять затворилась. Стало тихо. Ревекка, отвернувшись, смѣялась и смотрѣла въ ту сторону, откуда доносился невидимый шумъ. Элеазаръ безпокойно шагалъ изъ угла въ уголъ, сердитый, недовольный; ему было не по себѣ: и скучно, и досадно на себя за свое нелѣпое поведеніе; онъ чувствовалъ себя пристыженнымъ. Когда такъ смотришь на дѣвушку нѣсколько минутъ, не спуская глазъ, и она выдерживаетъ твой взглядъ, впиваетъ его въ себя, не отводя своего, безъ сопротивленія, словно отдаваясь всѣмъ существомъ, — въ этомъ есть что-то грязное: потомъ вздрагиваешь и руки становятся липкими и холодными, точно проснулся въ темномъ альковѣ, куда забился въ сладострастномъ возбужденіи и боишься взглянуть на свѣтъ.

Она казалась ему противной, отталкивающей. Онъ все равно, что видѣлъ ее нагой—столько въ ней было чувственности, когда она стояла тамъ, у колонны.

Опять отворилась дверь, на этотъ разъ совсѣмъ близко. Чья-то рука прикоснулась къ кнопкѣ, потомъ отодвинулась. Элеазаръ тихонько подкрался къ щели, заглянулъ въ залу, и внезапно проснувшійся интересъ разомъ вытѣснилъ его лихорадочное возбужденіе. Длинными рядами сидѣли тамъ маленькія дѣти, до нелѣпости маленькія—пяти, шести лѣтъ—по шести въ рядъ на скамеечкахъ, такихъ низкихъ, что колѣнки ихъ касались пюпитровъ. Рученки у всѣхъ лежали на партахъ, головы плотно одна около другой, смотрѣли всѣ въ одномъ направленіи. То были блѣдныя, большія, старообразныя головы съ коротко остриженными волосами; съ больными красными, слезящимися глазами,—головы дѣтей, родившихся въ убогихъ жилищахъ, вскормленныхъ и взросшихъ въ нищетѣ, дѣтей, не знавшихъ свѣта, солнца, зелени луговъ, видѣвшихъ только узкія улицы безъ свѣта и воздуха. Ихъ было здѣсь больше сотни. А во всей школѣ больше тысячи такихъ маленькихъ еврейскихъ ребятишекъ, и среди нихъ ни одного сильнаго, цвѣтущаго, жизнерадостнаго: ихъ здѣсь учили и лѣчили.

За скамьями стояли двѣ кроватки. На одной лежала утомившаяся дѣвочка лѣтъ пяти и спала; другая пустовала. Все вниманіе дѣтей, а съ ними и Элеазара сосредоточилось на одномъ углу комнаты. Тамъ ждало очереди до тридцати ребятишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, маленькихъ человѣчковъ, въ спущенныхъ штанишкахъ, въ чулкахъ, съѣхавшимъ

клубкомъ на ладыжку. Нѣкоторыя жалобно плакали; ихъ ласково утѣшали молоденькія учительницы въ темно синихъ передникахъ.

За маленькимъ деревяннымъ, некрашеннымъ столикомъ, все время двигая руками надъ черными стеклянными бутылками съ пестренькими этикетками, надъ чашками съ водой и большимъ ящикомъ, наполненномъ кусочками ваты, будто снѣжными хлопьями, сидѣлъ врачъ для бѣдныхъ. Элеазаръ узналъ его милое лицо, добрый взглядъ, ласковую улыбку. Взъерошенная каштановая бородка почти касалась чернаго кожанаго передника, завязаннаго сзади на шеѣ. Это былъ одинъ изъ немногихъ врачей въ огромномъ разгульномъ городѣ, настолько тактичный, что онъ не давалъ бѣднякамъ чувствовать ихъ убожество, находившій для каждаго больного доброе слово и шутку, ежедневно скромно и безъ шума проводившій по нѣсколько часовъ въ домахъ нищеты.

Онъ поднималъ дѣтишекъ одного за другимъ, клалъ себѣ на грудь листъ чистой бумаги и прижималъ къ ней голову паціента. Затѣмъ начиналось лѣченіе. На колѣняхъ у него сидѣлъ мальчуганъ лѣтъ четырехъ съ распухшими щеками и красными воспаленными вѣками. Съ улыбкой нагнулась надъ нимъ типичная еврейская голова врача, ловкіе пальцы раздвинули вѣки. Ребенокъ заплакалъ.

— Ну, полно, полно, бутузъ,—успокаивалъ докторъ.

Все глазное яблоко обнажилось между вывороченныхъ вѣкъ, испещренныхъ водянисто-красными жилками. Придерживая ребенка лѣвой рукой, докторъ правой быстро вынулъ изъ черной бутылочки маленькую пипетку, поднесъ ее къ самому глазу, напрасно пытавшемуся закрыться, и вспрыснулъ растворъ ляписа въ незащищенную полость глаза. Ребенокъ закричалъ, пуская пузыри изъ ноздрей, забился въ рукахъ помогавшей учительницы, и изо всей силы вцѣпился пальчиками въ сильную руку доктора, державшую глазъ.

— Ого!.. ого!,. Ну, полно же!.. Будь умницей, будь мужественнымъ, миленькимъ мальчуганомъ!.. Вотъ такъ!.. вотъ та-а-къ!..

Другимъ шприцемъ онъ вспрыснулъ воды, выполоскалъ глазъ, удаливъ излишекъ ѣдкаго ляписа, и маленькимъ комочкомъ ваты обтеръ испуганно-сжавшіяся вѣки, такъ крѣпко стиснутыя, что болѣзненно кривилась блѣдная щека. Но докторъ уже раскрылъ вѣрной рукой другой глазъ, завернулъ вѣко и вспрыснулъ цѣлебную каплю. Ребенокъ жалобно визжалъ, вертѣлъ головой; и опять раздался успокоительный, монотонно ласковый голосъ, и опять большой шприцъ направилъ молочно-бѣлую струю на рого-

вую оболочку глаза... Спущенный съ колѣнъ, мальчуганъ стоялъ безпомощный, ослѣпленный, и теръ кулаченками закрытые больные глаза. Одинъ глазокъ пугливо блеснулъ было и опять болѣзненно сжался; ребенокъ, плача, ощупью сталъ пробираться назадъ къ скамьѣ.

Тѣмъ временемъ докторъ уже посадилъ къ себѣ на колѣни другого ребенка—дѣвочку. Она сама, спокойно улыбаясь, положила свою головку на грудь доктора, уже привыкшая къ лѣченію, повторявшемуся каждое воскресенье. Головка у нея была вся въ струпьяхъ и натерта мазью, но глазъ затронутъ только одинъ—правый, и то слегка. Докторъ осмотрѣлъ въ лупу роговую оболочку, довольный кивнулъ головой, впустилъ каплю, промылъ водой и вытеръ глазъ кускомъ ваты.

Такъ лѣчилъ онъ одного ребенка за другимъ, терпѣливо успокаивая ихъ разными сказочками и прибаутками, неутомимый, какъ машина.

Передъ Саартье, которая пугливо ждала—у ней тоже болѣли глаза —была очередь трехлѣтняго мальчика, съ блѣднымъ точенымъ лицомъ и рѣзко очерченнымъ типичнымъ еврейскимъ носикомъ. Одинъ глазокъ у него, затянутый бѣлой пленкой, какъ перламутромъ, совсѣмъ ничего не видѣлъ. У другого ободокъ былъ воспаленный, огненно-красный. Ребенокъ застѣнчиво смѣялся, не плакалъ, не противился, покорно откинувъ назадъ головку; чулочки его спустились; изъ прорѣхи сзади выглядывала рубашенка.

— Не хорошо, мальчуганъ,—ласково сказалъ докторъ, — очень не хорошо. Ну, возьмемъ капельку покрѣпче. Будь же умницей, какъ всегда,—слышишь?

Ребенокъ мило улыбался открытымъ ротикомъ.

Докторъ нажалъ резиновый шарикъ, и капля изъ черной бутылочки попала въ глазъ. Ребенокъ сжалъ кулачки, громко засопѣлъ носомъ, страдальчески закусилъ губки и тихо застоналъ: „О,—о!..“ Ляписъ сильно кусалъ, но послѣ промыванія стало легче, и мальчуганъ, ничего не видя, прижимая кулачекъ къ больному глазу, ощупью добрался до своего мѣста.

Саартье расплакалась еще раньше, чѣмъ докторъ взялъ ее на руки. Стоявшая возлѣ нея дѣвушка грубовато утерла ей носъ и передала ее доктору.

— Не надо, не надо!.. Я не хочу!—повторяла она, барахтаясь изо-всѣхъ силъ.

— Сиди смирно... слышишь!.. тебѣ говорятъ,—строго приказала учительница.

Дѣвочка визжала, отталкивала руку доктора, вырывалась, соскользнула на полъ, при чемъ всѣ ея юбки поднялись

вверхъ. Дѣвушка сердито нагнулась, готовая отшлепать ребенка, и только ради присутствія доктора сдерживая гнѣвъ.

— Ну! Ты скоро уймешься?.. Скоро?.. Гадкая дѣвчонка!

— Ну, будетъ,—ласково усмѣхнулся докторъ, опять беря на руки Саартье.—Развѣ ты хочешь ослѣпнуть, глупенькая дѣвочка? Чтобъ никогда больше не видѣть яснаго солнышка?.. Вотъ такъ... Ну, теперь ты будешь умницей, правда?.. Да?.. Смотри же, сиди смирно!

Капля попала въ глазъ: яблоко закатилось, вѣки судорожно сжались, крикъ дѣвочки пронесся черезъ всю залу.

Докторъ спокойно продолжалъ работать. Дѣтишки, притаившись въ испугѣ, ждали своей очереди. Слышенъ былъ только тихій голосъ врача и дѣвушки, помогавшей ему; всѣ эти большеголовые ребятишки съ болѣзненными и сѣроблѣдными, одутловатыми лицами, сидѣли молча съ любопытствомъ и страхомъ уставившись на человѣка, который дѣлалъ имъ больно.

Такъ сидѣлъ здѣсь нѣкогда и Элеазаръ. Въ немъ проснулось тягостное воспоминаніе о другой еврейской школѣ, гдѣ онъ учился, какъ складывать имя Божіе изъ древнееврейскихъ литеръ, учился еврейской азбукѣ и еврейскимъ заповѣдямъ, гдѣ всѣхъ учениковъ охватывалъ страхъ, когда въ школу заходилъ раввинъ, гдѣ имъ запрещалось разговаривать въ присутствіи благодѣтелей и благотворителей, которыхъ онъ теперь такъ глубоко презиралъ.

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ! А вѣдь кажется, это все было такъ недавно. И онъ сидѣлъ здѣсь робкимъ, запуганнымъ мальчикомъ съ отекшимъ лицомъ и красными, воспаленными глазами. И онъ росъ, какъ эти дѣти, въ жалкой норѣ, гдѣ дерево гнило и подтачивалось червями, гдѣ отсырѣвшіе камни вываливались изъ штукатурки, гдѣ окна стояли безъ стеколъ. И онъ, объ руку съ покойной сестрой, пробирался въ школу по узенькимъ темнымъ проулкамъ, и онъ сидѣлъ здѣсь съ мечтательнымъ взглядомъ, будто устремленнымъ внутрь, рядомъ съ маленькими дѣвочками и мальчиками, изъ такихъ же темныхъ, сырыхъ душныхъ домовъ. И тогда дѣти были такія же блѣдныя, больныя, тщедушныя, какъ будто ихъ маленькія тѣльца старались приспособиться къ сѣрой удручающей обстановкѣ. Ему припомнилась дѣвочка, безъ волосъ, съ страшной сыпью на головѣ, и мальчикъ, — неужели онъ и теперь еще живъ? — на котораго онъ всегда смотрѣлъ именно потому, что на него было такъ противно смотрѣть, у котораго текло изъ уха и во рту не было ни одного зуба.

И тогда многіе болѣли глазами, но лѣчить ихъ было некому. Докторъ не приходилъ, и дѣти сплошь и рядомъ за-

ражали другъ друга. Чудо, что онъ остался здоровымъ,—за исключеніемъ легкаго. Но все остальное еще ничего. Раннее вставанье, завтракъ, состоящій изъ сухого чернаго хлѣба, принесеннаго въ разорванной грязной сумочкѣ, запиваемаго водой изъ общей жестяной кружки, отдыхъ въ кроваткѣ послѣ того, какъ заснешь на скамьѣ, изученіе древне-еврейскаго языка, заповѣдей—вѣчныя десять заповѣдей!.. И эти дѣти, сидящія, какъ маленькіе, измокшіе, нахохлившіеся попугаи съ рученками на столѣ—непремѣнно наверху на столѣ... Были у него и другія воспоминанія. Слѣпой Леви—кажется, его звали Леви,—какъ онъ пострадалъ за грѣхи родителей! Его глаза были заражены уже при самомъ рожденіи. Отецъ передалъ болѣзнь матери...

И тогда было тоже, что нынче. Эти собачьи норы, гдѣ поневолѣ должны были жить люди, эти жалкіе сараи, которые должны были приносить доходъ,—все это были беззвучно гніющіе памятники несказаннаго горя. Здѣсь рождались на свѣтъ дѣти, обреченныя не существовать, кормиться подачками благотворителей и раввиновъ, подававшихъ крохи своего состраданія разъ въ недѣлю.

Грустно смотрѣлъ Элеазаръ...

Ревекка позади его тоже смотрѣла въ щель, сначала слегка опираясь на него, потомъ довѣрчиво прижавшись. Она вмѣстѣ смотрѣла на блѣдныя личики, на покрытыя шишками головы и глаза, на искривленные пальчики, на движеніе рукъ доктора.

На первой скамейкѣ одинъ ребенокъ уснулъ, положивъ голову на руки. Принесли свѣчи, освѣтившія лицо доктора, его руки, черныя скляночки, чашку съ водой, ящикъ съ кусочками бѣлоснѣжной ваты. На рукахъ у него сидѣла дѣвочка, крича, визжа и барахтаясь. При свѣтѣ свѣчей обнажился опять дѣтскій глазъ съ смертельнымъ страхомъ въ неподвижномъ зрачкѣ, съ влажно-алыми краями и распухшей, расщепленной слезной железой. Блеснувъ серебромъ, упала капля жгучаго ляписа въ пугливо вздрагивавшій глазъ: головка откинулась назадъ, и дѣвочка съ крикомъ забилась въ рукахъ у доктора.

VIII.

По Бреештратъ бродили толпами гранильщики, и они опять пошли вмѣстѣ: Элеазаръ, ведя за руку Саартье, Ревекка рядомъ съ нимъ, неся на рукахъ сестренку.

Не перестававшій дождикъ тонкими брызгами отскакивалъ отъ уличной грязи; холодный вѣтеръ леденилъ и рѣ-

валъ кожу. У канала вѣтеръ былъ еще рѣзче. По ту сторону воды у богадѣльни для мужчинъ и женщинъ толпился народъ. Мужчины кучками стояли, занимая улицу во всю ширинну до самаго берега, бродили взадъ и впередъ, перекрикиваясь между собой, или останавливались и прислушивались, заложивъ руки въ карманы. Съ Бреештратъ подходили новыя группы въ мокрыхъ отъ дождя шляпахъ, съ намокшими плечами. Они ходили, толкались, говорили всѣ вмѣстѣ, всѣмъ корпусомъ нагибаясь впередъ, усиленно размахивая руками. На грязной скользкой мостовой по обѣ стороны канала виднѣлись густые ряды безпокойно движущихся тѣлъ и головъ. Они шли отъ моста, переходили отъ одного канала къ другому шумными возбужденными толпами, разступавшимися, чтобы дать дорогу новой толпѣ, и слова смыкавшимися. Съ негодующимъ ропотомъ тянулись они темной массой вдоль стѣнъ домовъ, гдѣ стекла ужъ стали матовыми, какъ будто въ ожиданіи ночи, и рѣзче выдѣлялась линія крышъ, какъ бы отодвигая бѣгущія по небу облака.

Вечеръ подвигался какъ-то медленно, словно ночь чего-то ждала съ испуганно раскрытымъ ртомъ и остановившимися глазами. Облака робко тянулись по направленію къ богадѣльнѣ. Бѣломраморные ватные хлопья неслись быстрѣй, обгоняя разорванные черныя лохмотья тучъ и грозныя гряды облаковъ. Холодныя, суровыя, всѣ они неслись въ одну сторону, словно вѣтеръ гналъ надъ крышами клубы густого чернаго дыма и пробивавшагося сквозь него бѣлаго пара.

Точно дрожь пробѣгала отъ неба къ водѣ, отъ замершихъ въ ожиданіи домовъ къ этимъ чернымъ толпамъ людей; въ воздухѣ висѣло предчувствіе чего-то жестокаго, дикаго, отъ чего зашатаются дома, полопаются стекла и выступятъ изъ береговъ воды канала; но пока еще все было спокойно, словно то дикое, жестокое само себя ужаснулось и—медлитъ. Эта невѣдомая жуть, съ угрозой нависшая надъ живою жизнью, этотъ неопредѣленный страхъ, сковывавшій члены и тѣснившій грудь въ нервно насторожившемся сумракѣ ночи, такъ волновали Элеазара, что онъ поминутно оглядывался и озирался кругомъ, отыскивая глазами что-то, чего не было.

Оно пришло со стороны городского бульвара, чернѣвшагося невдалекѣ. Впереди пробѣжали мальчишки, шлепая ногами по лужамъ и разбрызгивая грязь. Изъ-за угла донесся топотъ человѣческихъ ногъ. Надъ темною массой тѣлъ бѣлѣли головы. Поодаль сзади колыхались въ воздухѣ остроконечныя блестящія каски полицейскихъ, по четыре въ

рядъ, гнавшихъ передъ собою толпу мужчинъ и мальчишекъ. Раздавались пронзительные свистки и бранные окрики. Сбоку, по тротуару, мимо полицейскихъ касокъ, напирая, бѣжалъ народъ къ высокому подъѣзду „Ювелирнаго общества Голконда". Шумъ и говоръ толпы напоминалъ рокотъ прибоя.

По другую сторону канала давка была еще сильнѣй, толпа ревѣла и бушевала; словно громъ перекатывался отъ стѣны до стѣны. Со стороны бульвара также бѣжалъ народъ, на мосту одна людская волна сталкивалась съ другой, бѣжавшей навстрѣчу и, прорѣзавъ ее, сердито заливала всю улицу. Набережная напротивъ была почти пуста, если не считать нѣсколькихъ зрителей; но съ мѣста доносился несмолкаемый оглушительный топотъ. Вся эта человѣческая масса рвалась къ Голкондѣ и, запрудивъ улицу, останавливалась позади блистѣвшихъ касокъ. Дома, казалось, шатались отъ напора этого живого потока, катившагося невысокимъ валомъ съ красновато-лиловымъ гребнемъ.

Вдругъ толпа взвыла, раздалась; передъ зданіемъ Голконды образовалась странная пустота. Полицейскіе, тѣснимые спереди и сзади, врѣзались клиномъ въ толпу и ринулись на народъ.

Каналъ словно метлой вымело. Онъ вдругъ какимъ то безжизненнымъ пятномъ выступилъ изъ тумана, и рѣзче выдѣлялась на немъ линія берега, чернѣе казались простертыя надъ нимъ вѣтви деревьевъ, блѣднѣе отраженіе крышъ въ водѣ. На каждомъ крыльцѣ виднѣлись кучки мужчинъ и женщинъ, укрывшихся туда отъ давки и глядѣвшихъ на бѣгущую толпу, на вдругъ опустѣвшую набережную. Живой потокъ уже перекинулся черезъ мостъ и шумными волнами залилъ набережную съ другой стороны, окруживъ вагонъ трамвая, который осторожно подвигался впередъ, непрерывными звонками предостерегая бѣгущихъ. Полицейскіе вернулись назадъ, сердитыми окриками сгоняя съ подъѣздовъ пріютившихся тамъ мужчинъ и женщинъ.

— Тащите ихъ внизъ!—крикнулъ одинъ.

Всѣхъ согнали съ крыльца. Съ дѣтьми на рукахъ Элеазаръ и Ревекка перешли черезъ мостъ на другую сторону канала, гдѣ толпились еще тысячи людей, глядя на очищенную полиціей улицу передъ зданіемъ Голконды. Каски блестѣли съ обѣихъ сторонъ, сдерживая волнующуюся толпу...

Элеазаръ снова велъ Саартье за руку и угрюмо глядѣлъ прямо передъ собой.

Гранильщики возбужденно переговаривались между со-

бой, сходились группами и крикливо обсуждали происшедшее.

Гесъ и Кларунъ стояли вмѣстѣ съ Іудой и Моппессомъ, пылая гнѣвомъ и жаждой мести.

— Чтобъ ихъ холера задавила! — хрипѣлъ Кларунъ, наклоняясь къ товарищамъ своимъ желтымъ лицомъ съ мрачными злыми глазами. — Ни у кого еще и волосъ не упалъ съ головы, а они уже показали когти! Чего они сами себѣ лапъ не поотрубили — разбойники! Какъ у нихъ рука поднялась! Что я имъ сдѣлалъ? Что вы имъ сдѣлали? Они бы лучше Дэви выдавили кишки, псы проклятые!

Его хриплый, взволнованный голосъ разжигалъ окружающихъ.

Вагонъ электрическаго трамвая шагомъ въѣхалъ въ толпу. Она разсыпалась въ стороны, чтобы пропустить его, и снова смыкалась сзади.

Старый еврей, сѣдой, съ трясущимися губами, протиснулся въ самую середину и кричалъ воющимъ голосомъ:

— Онъ вѣдь пальцемъ никого не тронулъ, накажи меня Богъ!... Чтобъ я такъ видѣлъ свѣтъ, какъ я правду говорю! Онъ совсѣмъ смирно стоялъ возлѣ меня и смотрѣлъ. Мы шли съ бульвара... Пусть ихъ Богъ накажетъ, что они ни съ того, не съ сего накидываются такъ на человѣка съ шашками!.. Ему всю голову раскроили... Живодеры!...

Полиція образовала вооруженный четыреугольникъ, въ серединѣ котораго шли по набережной брилліантщики. Какъ волна съ высокимъ пѣнящимся гребнемъ, какъ прибой бушующихъ водъ, толпа хлынула на мостъ, и устои его застонали и заскрипѣли подъ ея напоромъ. За четыреугольникомъ сабель, за блестящими касками образовалась какая-то каша толкающихся головъ, плечъ и ногъ...

У канала стало теперь потише. Возлѣ моста стояла большая лодка, нагруженная коксомъ. Пониже отражали въ водѣ свои коричневыя осмоленныя днища, нагруженныя досками, грузовыя барки, привязанныя канатами къ толстымъ кольцамъ.

Дождь утихъ. На мосту стоялъ Элеазаръ съ дѣвочкой на рукахъ и смотрѣлъ на толпу, на давку, на блестящія каски и мирную теперь набережную. По каналу плыли другія барки, нагруженныя торфомъ, сложеннымъ высокой стѣной. На торфъ были наложены доски, а на доскахъ свитые клубки канатовъ; трубы дымили, и голубоватый чадившій дымъ стлался надъ водой. По одной баркѣ бѣгалъ, тявкая, шпицъ, на другой сидѣла женщина и кормила ребенка. Каналъ тянулся далеко, извилистый, грязный.

Рѣзкую противоположность этой давкѣ и толкотнѣ на

мосту представляла мирная картина дремлющихъ барокъ. Позади судна, нагруженнаго коксомъ, лежалъ уже разгруженный трешкоутъ; на немъ сидѣлъ шкиперъ съ широкимъ лицомъ, съ трубкой въ зубахъ, и спокойно смотрѣлъ на всю эту сумятицу. Длинная и плоская лежала барка на сѣрой блестящей водѣ, отбрасывая отъ себя такую же длинную тѣнь отъ осмоленной обшивки, отъ руля, отъ угля, гдѣ бѣгалъ довольный шпицъ. И шестъ отбрасывалъ отъ себя опрокинутую тѣнь съ бѣлыми буквами надписи: „Съ нами Богъ", и маленькій трехугольный вымпелъ, красный съ бѣлымъ и синимъ, таинственно окунался въ глубину. Въ этомъ гладкомъ, какъ сталь, зеркалѣ, отражался и шкиперъ, задумчиво опустившій голову, и сѣроголубыя облачка дыма, выпускаемаго имъ изо рта. Отражалась вся барка: ея тонкій стройный корпусъ, руль, плоская кадка съ водой, коричневыя ребра досокъ и шкиперъ, съ опущенной головой, съ согнутымъ отдыхающимъ тѣломъ.

Шумное человѣческое море, все еще ревя и волнуясь, попрежнему заливало набережную. Гранильщики упрямо не хотѣли расходиться, топтались на мосту, проклинали Дэви, который не хотѣлъ уступить, и Морица, и Принса, и прочихъ. На углу завязалась драка. Тамъ проходили Давидъ и Берлійвъ, и толпа узнала ихъ. Съ размаху два кулака опустились на головы нарушителей стачки, испуганный крикъ пронесся въ воздухѣ. Давка усилилась; шла настоящая схватка. Дикіе крики и вопли звенѣли надъ каналомъ; полицейскіе снова съ обнаженными шашками ударили на толпу, выталкивая впередъ дѣтей и женщинъ, гоня передъ собою мужчинъ; толпу снова загнали на мостъ; съ бранью и проклятіями, гранильщики бѣжали, преслѣдуемые полиціей.

Саартье, испуганная, расплакалась.

— Домой! пойдемъ домой!—молила она.

Элеазаръ успокоительно закрылъ ей ладонью ротъ и поцѣловалъ холодныя, какъ ледъ, дрожащія губки.

Онъ былъ такъ же блѣденъ, какъ раненый, котораго снесли въ Голконду.

IX.

У тетки Cоорѣ были гости. Пришелъ Іоозепъ, женихъ Рахили, съ своей матерью Гипьтье, пришли и застряли. Лампа горѣла неровно, пламя вспыхивало и колебалось, озаряя лица то свѣтомъ, то танцующей тѣнью. Тетка Cоорѣ штопала чулокъ, сидя на порогѣ открытой двери алькова, и добродушно улыбалась, когда Іоозепъ за игрой въ лото отпускалъ какую-нибудь глупѣйшую шуточку, или Натанъ злился,

Диссонансы настроенія.

(Нѣсколько литературныхъ наблюденій).

> Я люблю слушать, когда въ театрѣ музыканты настраиваютъ скрипки и трубы. Ухо ловитъ множество отдѣльныхъ вѣрныхъ нотъ, порою услышишь красивую фразу... и ужасно хочется скорѣе услышать—что именно будутъ играть музыканты...
>
> *М. Горькій.*

Сколько времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ было оповѣщено внезапно urbi et orbi, что, наконецъ, въ силу стихійныхъ условій, наша русская жизнь пошла своимъ полнымъ ходомъ. „Сдвинулась-таки Россія съ своихъ трехъ китовъ“, сколько помнится, таково было подлинное выраженіе (по поводу факта, принадлежащаго къ категоріи такъ называемыхъ положительныхъ) въ одномъ изъ журналовъ, отнюдь не принадлежавшемъ къ числу самыхъ восторженныхъ. И говорилось это какъ разъ о тѣхъ медвѣжьихъ углахъ нашей родины, въ одномъ изъ которыхъ, по счастливой случайности, находился пишущій эти строки, совсѣмъ не подозрѣвая о такой радикальной перемѣнѣ: „прямо съ трехъ китовъ да полнымъ ходомъ“. Одно только смущало въ этомъ сообщеніи. Полнымъ ходомъ. Но по какому же курсу? Литература по этой части оставляла въ полномъ недоумѣніи, не говоря уже объ искусствѣ... Въ области послѣдняго въ одной сферѣ (сценической) царилъ не только реализмъ, но архиреализмъ: даже сказки ставились по даннымъ этнографіи, въ другой—всѣми симпатіями завладѣлъ символизмъ, который допускалъ „симплификацію“ контура и, по толкованію одного изъ посвященныхъ, бралъ сюжетами не самихъ людей въ ихъ конкретной формѣ, а только души, которыя потому и должны изображаться однообразными, въ длинныхъ одеждахъ съ *горизонтальными* складками, въ отличіе отъ вертикальныхъ складокъ, свойственныхъ въ силу тяжести тому міру, въ которомъ „все тѣмъ ничтожнѣе, чѣмъ оно кажется важнѣе“. Съ

этими излюбленными мотивами, заимствовавшими теорію вещей-тѣней (флюидовъ) не то изъ вѣрованій первобытныхъ анимистовъ, не то изъ современныхъ спиритическихъ журналовъ, находились въ какой-то странной гармоніи другіе излюбленные мотивы въ той наукѣ, которая ближе всего стоитъ съ вопросами: что же дѣлать? Тамъ господствовало воззрѣніе, что, наоборотъ, только то важно, что имѣетъ три измѣренія, что можно продать-купить, что можно взять въ руки и при случаѣ учесть въ мѣняльной лавкѣ. Выходило даже, что только существованіе мѣняльной лавки и обезпечивало надежду на близкое наступленіе царства человѣческихъ отношеній. Некрасовскіе „Герои нашего времени" сдѣлались въ серьезъ героями нашего времени. Въ спеціальныхъ трактатахъ, написанныхъ людьми съ кристальною душой, доказывалось совершенно серьезно, что именно тѣ, кого невѣжественные люди именуютъ кровопійцами и ростовщиками—именно тѣ

. . . . широкую, ясную
Грудью дорогу проложатъ себѣ,

а вмѣстѣ съ тѣмъ и Россіи.

Если къ этому прибавить, что въ сферѣ изученія внѣшней природы господствовали испытанные положительные методы изслѣдованія, принося человѣчеству одно за другимъ самыя блестящія и неожиданныя завоеванія, а въ сферѣ научнаго изученія самого человѣка, все яснѣе пробивался ручеекъ метафизическихъ воззрѣній, какъ раньше казалось, совсѣмъ уже заглохшихъ и забытыхъ,—станетъ ясно, что русскій читатель того времени былъ гораздо богаче и счастливѣе сказочнаго Ивана Царевича. Передъ тѣмъ были три дороги и всѣ три обѣщали какую-нибудь непріятность: по одной поѣдешь—коня потеряешь, по другой—потеряешь голову, а по третьей—и коня, и голову. Тогдашнему же читателю не угрожала никакая непріятность; онъ могъ идти по всѣмъ дорогамъ вразъ, могъ идти бодрый и счастливый тѣмъ, что, наконецъ, онъ около рѣшенія вопроса, что такое истина и что, наконецъ, ему, читателю, дѣлать съ собой.

Странно было одно... Не было похоже, что жизнь дѣйствительно полна бодрыхъ и счастливыхъ людей. Не то, что въ литературѣ не было этихъ бодрыхъ и счастливыхъ людей... Это, конечно, не было бы нисколько удивительно и ни чуть бы не доказывало отсутствія такихъ людей въ дѣйствительной жизни. Нѣтъ, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что въ этой самой литературѣ наряду съ радужными изображеніями завтрашняго дня, сегодняшній день изображался въ тѣхъ же самыхъ краскахъ, что и до наступленія новой эры.

Другъ мой, усталый страдающій братъ,
Кто бъ ты ни былъ, не падай душой!

Развѣ большей бодростью вѣетъ на читателя отъ позднѣйшихъ разсказовъ Чехова, который въ данный моментъ принадлежитъ къ числу интимнѣйшихъ писателей (если такъ можно выразиться) русскаго читателя? Вѣдь его героямъ въ буквальномъ смыслѣ слова „нечѣмъ жить“. Жизнь каждаго изъ нихъ такъ сложилась, что получается одна „скучная исторія“. Спасеніе одно—въ какой-то далекой „Москвѣ“, въ которую попасть чеховскому герою такъ же легко, какъ грѣшнику въ святые... И отъ всѣхъ чеховскихъ вещей у читателя звучитъ мелодія (вѣдь эта мелодія всетаки есть!) заключительныхъ словъ одного романса Рубинштейна:

И съ сердцемъ разбитымъ
Живу да живу!..

Мы хотѣли бы еще обратить вниманіе на одну характерную подробность: этотъ безнадежно грустный тонъ—особенность не первыхъ, а позднѣйшихъ разсказовъ Чехова. Въ своихъ раннихъ вещахъ Чеховъ (не Чехонте) далъ образцы такого юмора, *) такого безпечальнаго смѣха, какихъ давно не было въ русской литературѣ. Среди нихъ есть настоящіе перлы юмора, которые въ устахъ искусныхъ разсказчиковъ способны исцѣлить самаго безнадежнаго ипохондрика... Въ тотъ періодъ Чеховъ какъ извѣстно, подвергался такимъ, напр., упрекамъ: у него „холодная кровь“ и ему „все равно—что колокольчикъ, что самоубійца“...

Въ чемъ бы ни заключалось то зелье, которымъ отравила русская дѣйствительность это жизнерадостное творчество, фактъ тотъ, что прежняго Чехова нѣтъ. Есть новый Чеховъ, **) который, въ союзѣ съ московскимъ театромъ, заставляетъ зрителя испытывать такое чувство жгучей тоски, такой душевной надтреснутости и такой безпросвѣтности... Трудно вѣрится, что этотъ новый задушевный грустный и близкій писатель тотъ же прежній А. П. Чеховъ.

Передъ вами точно старинное иноческое житіе: были когда-то для человѣка радости и оказалось, что нѣтъ ихъ. Есть только суета суетъ, въ которой смѣху жизни принадлежитъ только та область, которая зовется грѣхомъ. Разница только въ томъ, что старая исторія была гораздо проще и второй періодъ приносилъ такое же успокоеніе, какъ и первый. А въ новой—нѣтъ этого успокоенія. Есть вопросъ:

Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?

---

*) Таковы, напримѣръ, его бездѣлушки въ драматической формѣ („Предложеніе“ и друг.). Недавно одна изъ нихъ шла съ крупнымъ успѣхомъ на вѣнской сценѣ, отмѣченная въ нѣкоторыхъ критическихъ отзывахъ, какъ лучшій образецъ этого жанра въ драматической литературѣ.

**) Настоящая статья написана еще *до* кончины А. П. Чехова. *Ред.*

А отвѣтъ, хоть какой-нибудь отвѣтъ — невѣдомъ... Во всемъ многообразіи современной жизни герои Чехова не находятъ ничего, къ чему *стоитъ* и должно приладить свою жизнь... Какого шуму когда-то надѣлали чеховскіе „Мужики“ со своимъ звѣроподобнымъ укладомъ жизни! Чехова очень быстро истолковали только какъ противника „мужика“. Но онъ быстро разочаровалъ въ этомъ. Правда, кромѣ „Мужиковъ“ онъ взялъ темой деревню еще для одного изъ своихъ разсказовъ—деревню въ ея отношеніи къ благожелательному интеллигенту. Короткій разсказъ („Новая дача“) такъ богатъ дикою нелѣпостью отношеній, что оторопь беретъ. Даже для самихъ авторовъ боеваго отношенія къ этимъ благожелательнымъ пришельцамъ въ результатѣ непонятно, какой барышъ получили они, выгнавъ отъ себя человѣка, который мечталъ у нихъ найти корни для душевнаго покоя, хлопоталъ объ устройствѣ школъ, о голодныхъ, больныхъ ребятахъ, а ему взамѣнъ устраивали совершенно ненужныя и нелѣпыя потравы и пр. и пр.

Найдя вмѣсто искомаго покоя души муку мученскую, пришлые люди уѣхали, а на ихъ мѣсто на „Новой дачѣ“ водворился какой то губернскій секретарь, который держитъ себя очень важнымъ чиновникомъ, ходитъ въ фуражкѣ съ кокардой и на поклоны мужиковъ не отвѣчаетъ. И все идетъ хорошо. И никто не понимаетъ, гдѣ же тутъ смыслъ. „Въ ихъ деревнѣ, думаютъ мужики, народъ хорошій, смирный, разумный, Бога боится и Елена Ивановна (бывшая владѣлица „Новой дачи“) тоже смирная, добрая, кроткая, было такъ жалко глядѣть на нее, но почему же они не ужились и разошлись, какъ враги? Что это былъ за туманъ, который застилалъ отъ глазъ самое важное, и видны были только потравы, уздечки, клещи и всѣ эти мелочи, которыя теперь при воспоминаніи кажутся такимъ вздоромъ?“

Но и фабричная Россія ничего не обѣщаетъ герою другого разсказа Чехова — врачу, ассистенту медицинской знаменитости, приглашенному на фабрику къ больной владѣлицѣ ея.

Молодая владѣлица несчастна тѣмъ, что она владѣлица и несчастна тѣмъ, что она одинока и не умѣетъ разобраться въ той нелѣпости, которая ее окружаетъ. „Тысячи полторы-двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираетъ за работой и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ и брань, несправедливости и только двое-трое, такъ называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ“. Но и они—хозяева (въ данномъ случаѣ)—несчастны и живетъ въ свое удовольствіе только одна гувернантка, наслаждающаяся стерлядями и мадерой. Возможны,

конечно, „улучшенія“. Но доктору не вѣрится въ нихъ, какъ не вѣритъ въ ихъ серьезность, повидимому, и сама владѣлица.

„Пусть спектакль для рабочихъ,—думаетъ докторъ,—волшебные фонари, фабричные доктора,разныя улучшенія, но все же рабочіе, которыхъ онъ встрѣтилъ сегодня по дорогѣ со станціи, ничѣмъ не отличаются по виду отъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ онъ видѣлъ давно въ дѣтствѣ, когда еще не было фабричныхъ спектаклей и улучшеній. Онъ, какъ медикъ, правильно судившій о хроническихъ страданіяхъ, коренная причина которыхъ была непонятна и неизлѣчима, и на фабрики смотрѣлъ какъ на недоразумѣніе, причина котораго была тоже неясна и неустранима, и всѣ улучшенія въ жизни фабричныхъ онъ не считалъ лишними, но приравнивалъ ихъ къ лѣченію неизлѣчиныхъ болѣзней“. Глядя на фабрику, онъ долженъ употреблять усиліе, чтобы вспомнить, что „тутъ внутри паровые двигатели, электричество, телефоны... какъ-то все думалось о свайныхъ постройкахъ, о каменномъ вѣкѣ, чувствовалось присутствіе грубой, безсознательной силы“...

Общее впечатлѣніе докторъ мысленно резюмируетъ въ слѣдующихъ словахъ: „Хорошо чувствуетъ себя здѣсь только одна гувернантка и фабрика работаетъ для ея удовольствія. Но это такъ кажется, она здѣсь только подставное лицо. Главный же, для кого здѣсь все дѣлается,—это дьяволъ“...

„И онъ думалъ о дьяволѣ, въ котораго не вѣрилъ, и оглядывался на два окна, въ которыхъ свѣтился огонь. Ему казалось, что этими багровыми глазами смотрѣлъ на него самъ дьяволъ, та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь *ничѣмъ не исправишь*. Нужно, чтобы сильный мѣшалъ жить слабому, таковъ законъ природы, но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или въ учебникѣ; въ той кашѣ, какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ всѣхъ мелочей, изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда сильный и слабый одинаково падаютъ жертвой своихъ взаимныхъ отношеній, невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку“...

Наконецъ въ „Моей жизни“—лицо, отъ имени котораго ведется разсказъ, находитъ искомый покой души въ простомъ бѣгствѣ отъ традиціонной культуры. Герой уходитъ въ маляры, краситъ крыши и церкви, остается одинъ одинешенекъ и около ведра съ краской находитъ возможность переносить жизнь. По его собственнымъ словамъ, онъ не зналъ, какъ можно жить, не чувствуя себя виноватымъ, въ этой, такъ называемой, культурной средѣ.

„Мнѣ было непонятно, чѣмъ живутъ всѣ эти шестьдесятъ тысячъ жителей, для чего они читаютъ евангеліе, для чего молятся, для чего читаютъ книги и журналы. Какую пользу принесло имъ все то, что до сихъ поръ писалось и говорилось, если у нихъ все та же душевная темнота и то же отвращеніе къ свободѣ, что было и сто и триста лѣтъ назадъ? Подрядчикъ-плотникъ всю свою жизнь строитъ дома и все же до самой смерти вмѣсто „галлерея“ говоритъ „галдарея“; такъ и эти шестьдесятъ тысячъ жителей поколѣніями читаютъ и слышатъ о правдѣ, о милосердіи и свободѣ, и все же до самой смерти лгутъ отъ утра до вечера, мучаютъ другъ друга, а свободы боятся и ненавидятъ ее, какъ врага“.

Единственная рѣзкая разница между культурными обывателями была та, что одни брали взятки, другіе не брали, и тѣ, которые „взятокъ не брали, какъ, напримѣръ, чины судебнаго вѣдомства, были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью сужденій, играли много въ карты, много пили, женились на богатыхъ, и, несомнѣнно, имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе“.

Бѣгство отъ культуры, однако, не было спасеніемъ. Не говоря уже о томъ, что теперь разсказчику приходилось на собственной спинѣ знакомиться съ изнанкой жизни („Главное, что больше всего поражало меня въ моемъ новомъ положеніи, разсказываетъ онъ, это совершенное отсутствіе справедливости, именно то самое, что у народа опредѣляется словами: „Бога забыли“. Рѣдкій день обходился безъ мошенничества. Мошенничали и купцы, продававшіе намъ олифу, и подрядчики, и ребята *), и сами заказчики. Само собой, ни о какихъ нашихъ правахъ не могло быть и рѣчи, и свои заработанныя деньги мы должны были всякій разъ выпрашивать, какъ милостыню, стоя у чернаго крыльца безъ шапокъ“); не говоря уже о тѣхъ враждебныхъ выходкахъ, вплоть до обливанія водой и швырянія палками, которыми встрѣчали обыватели превращеніе дворянина въ маляры (разсказчикъ добавляетъ при этомъ, что никто не относился къ нему такъ немилосердно, какъ именно тѣ, которые еще недавно сами были простыми людьми и добывали себѣ кусокъ хлѣба чернымъ трудомъ),—единственное, что давала ему „ломовая“ жизнь, это-то, что онъ жилъ среди людей, которые работали, какъ ломовыя лошади; среди нихъ онъ тоже чувствовалъ себя ломовикомъ, все болѣе проникался обязательностью и неизбѣжностью того, что дѣлалъ, и это облегчало ему жизнь, избавляя отъ всякихъ сомнѣній.

Это былъ только жизненный наркозъ, пріемъ болеутоляющихъ средствъ, не больше. Временно улыбнулось было ему счастье, въ видѣ любви богато-одаренной женщины, но, очевидно, это не могло долго продолжаться около ведра съ краской, и разсказъ заканчивается словами: „я постарѣлъ, сталъ молчаливъ, суровъ, строгъ, рѣдко смѣюсь... Въ будни я бываю занятъ съ ранняго утра до вечера, а по праздникамъ, въ хорошую погоду, я беру на руки свою крошечную племянницу и иду, не спѣша, на кладбище. Тамъ я стою или сижу, и подолгу смотрю на дорогую мнѣ могилу *) и говорю дѣвочкѣ, что тутъ лежитъ ея мама“...

„Очевидно, счастье и правда существуютъ гдѣ-то внѣ жизни“— говоритъ въ другомъ мѣстѣ Чеховъ. („Въ родномъ углу“).

---

*) Маляры.

**) Сестры разсказчика.

Такъ отражается русская жизнь въ творчествѣ Чехова.

И вотъ эта эволюція настроенія задушевнаго писателя совпала какъ разъ съ открытіемъ новой эры общественности на стихійныхъ основахъ. Кто же правъ? Вѣдь если писатель находитъ себѣ сочувственную аудиторію, — значитъ, онъ касается близкихъ струнъ въ душѣ читателя, а эти струны тяжелыя, наболѣвшія струны...

Правда, нѣкоторые находятъ новую струйку въ творчествѣ Чехова: въ „Трехъ сестрахъ", въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ. Нѣтъ, говорятъ они, удовлетворенія настоящимъ, но есть за то вѣра въ будущее, вѣра въ то, что оно не будетъ похоже на ужасное настоящее. Не мало ли это? Для того, чтобы видѣть въ настоящемъ колыбель свѣтлаго будущаго, нужна сознаваемая связь между ними, нужно знать, какъ или изъ чего можетъ вырости это будущее. А этого у Чехова пока нѣтъ. Ибо вѣрить въ будущее можно и съ отчаянія въ настоящемъ. Вѣдь вѣрить необходимо, ибо иначе нельзя жить. „Всякому человѣку нужно, чтобы вдали свѣтился огонекъ", говоритъ Астровъ въ „Дядѣ Ванѣ". А кто его зажжетъ, и какъ онъ зажжется—Богъ его знаетъ. Чудомъ быть можетъ, тѣмъ самымъ чудомъ, въ которое вѣритъ Нора, потому что оно ей нужно. Нужно оно и измученной душѣ отрицателя русской дѣйствительности. Есть Богъ русской земли и должно оно быть, это чудо. Подобно библейскому сказанію: ничего не было и только духъ Божій носился надъ бездной. А по слову: „да будетъ свѣтъ", явился свѣтъ и создался міръ... Но вѣдь это претвореніе хаоса въ желанное будущее, только желанное чудо, въ которое вѣрятъ, и вѣра въ него не примиряетъ съ дѣйствительностью, въ которую не вѣрятъ.

II.

Довольно долго представлялъ исключеніе въ нашей литературѣ Максимъ Горькій со своими босяками. Своимъ современникамъ, не умѣвшимъ ни мочь, ни хотѣть, Лермонтовъ бросилъ когда то упрекъ въ формѣ „Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ", который умѣлъ и хотѣть, и мочь. Но для такого упрека Лермонтовъ долженъ былъ отправиться на поиски въ очень далекія времена. Максимъ Горькій, черезъ три четверти столѣтія повторившій тотъ же упрекъ современной ему интеллигенціи, нашелъ живыя формы его непосредственно подъ ногами этой интеллигенціи. Это—люди, выброшенные изъ нашей внѣшней культуры со всѣмъ ея относительнымъ счастьемъ и относительными благами, такъ высоко цѣнимыми и такъ немногимъ дающимися.

Впечатлѣніе, произведенное босяками г. Максима Горькаго, хорошо памятно. На ихъ долю достался одновременно и успѣхъ

„купца Калашникова“, и успѣхъ первыхъ мужицкихъ произведеній Григоровича и Тургенева. Конечно, первая причина успѣха была наболѣе существенною. Если бы Максимъ Горькій только предъявилъ читателю новый, до того неизвѣстный, міръ, въ которомъ люди, не считающіеся людьми, думаютъ, любятъ, страдаютъ, живутъ и умираютъ по тѣмъ же самымъ правиламъ, какъ и всѣ; еслибы М. Горькій трактовалъ этотъ міръ „униженныхъ и оскорбленныхъ“ въ такомъ тонѣ, который, по словамъ иностранцевъ, составляетъ особенность русскихъ писателей: въ тонѣ „жалости“ къ этимъ униженнымъ и оскорбленнымъ, въ тонѣ душевной боли за нихъ, за ту изломанную жизнь, голодъ и безчисленныя оскорбленія, которыя имъ „удѣломъ заданы“; еслибы М. Горькій относительно своихъ босяковъ и проституток держался той же точки зрѣнія, которая заставляетъ рыдать одного героя Чехова, приведеннаго въ домъ терпимости: вѣдь если вещь разобьется, намъ жалко ея, а вѣдь тутъ разбиваютъ и такъ попросту разбиваютъ высшее, что есть въ мірѣ — жизнь человѣческую; — еслибы М. Горькій трактовалъ свои художественныя темы въ этомъ смыслѣ, онъ не имѣлъ бы, конечно, и половины успѣха. Ново было въ этихъ разсказахъ — и это было общимъ фокусомъ впечатлѣній — какъ реагируютъ эти оскорбленные „бывшіе люди“ на удары мачихи культуры. Доброе старое время, такъ неутѣшно оплакиваемое любителями, очень заботилось объ общей гармоніи жизни, не исключая некрасовскаго мотива:

И непремѣнно кого-нибудь бьютъ...

Въ силу этой предустановленной, по мнѣнію обывателя, гармоніи, у него за представленіемъ старшаго „брата во Христѣ“ всегда слѣдовалъ образъ съежившейся фигурки младшаго брата съ вытянутыми руками, только вздрагивающаго при ударѣ и только этимъ реагирущаго на нихъ. Существовала даже рабская формула о благодарности за „науку“. Такъ все это было просто и понятно— по человѣчеству понятно. Вопросъ былъ только въ томъ, кто бьетъ и по чину ли бьетъ. Въ одномъ изъ разсказовъ Лѣскова есть вводная сцена: бьютъ станціоннаго смотрителя, обладающаго 14-мъ классомъ и по закону свободнаго отъ тѣлеснаго наказанія. И бьетъ—за отказъ въ лошадяхъ—властная особа (смотритель не справился предварительно въ подорожной „кому“ онъ отказываетъ) именно, чтобы смотритель не очень на „законъ надѣялся“. Разсказчикъ отмѣчаетъ необыкновенное искусство въ нанесеніи побоевъ: не успѣвалъ смотритель встать, какъ уже снова летѣлъ на полъ, а въ концѣ концовъ его заталкиваютъ ногами подъ столъ. *По уходѣ* (характерная подробность) особы присутствовавшіе—все культурные люди—адресовались къ избитому съ соотвѣтствующими заявленіями, но тотъ возразилъ, что это еще

ничего, а вотъ плохо, когда какой-нибудь прапорщикъ, а тоже лѣзетъ въ рыло. Вотъ это уже „противно“, резюмировалъ свои впечатлѣнія лѣсковскій смотритель.

Эта предустановленная гармонія между субъектомъ и объектомъ побоевъ отнюдь не исчезла вмѣстѣ съ почтовыми станціями и лѣсковскими смотрителями. По закону инерціи она продолжала быть ключемъ къ пониманію живой дѣйствительности и для внуковъ смотрителя. Они только подвергли тщательнѣйшему обсужденію на печатныхъ столбцахъ вопросъ, когда и при какихъ условіяхъ „противно“ и „непротивно“, въ какой степени побои — элементъ нашей самобытной культуры, и почему даже

Имъ дорожить какъ кладомъ мы должны.

Даже и тѣ изъ внуковъ, которымъ все это не казалось признакомъ русскаго соціальнаго здоровья, даже и тѣ не видѣли никакого конца этой предустановленной гармоніи. Надежда была только философскаго свойства относительно конечности всего сущаго, а стало быть и той ночи человѣческихъ отношеній, которая „черезчуръ ужъ темна“!

Въ силу житейскаго a priori не было никакого сомнѣнія, что та оскорбленная масса „бывшихъ людей“, съ которою сроднилъ русскую литературу М. Горькій, не можетъ реагировать на оскорбленія жизни иначе, какъ въ тонѣ гармоніи. Между тѣмъ оказалось, что не только бывшій офицеръ Кувалда—тотъ по своему первоначальному обиходу жизни могъ не привыкнуть къ гармоніи,—но и пекарь Коноваловъ, наборщикъ Гвоздевъ, контрабандистъ Челкашъ, всѣ они сполна отрицаютъ эту гармонію.

И отрицаютъ они не только право заушать ихъ; они отрицаютъ самую жизнь, гдѣ непремѣнно кого-нибудь бьютъ, отрицаютъ всѣ искусственныя (по ихъ мнѣнію) созданныя ею клѣточки, изъ которыхъ человѣку, ищущему простора, выйти такъ же легко, какъ перескочить черезъ собственную свою голову. Николка Гвоздевъ такъ именно и формулируетъ свое озорство. Когда-то нелѣпость общественнаго механизма была хоть цѣлостна и логична. Николкамъ Гвоздевымъ жилось, конечно, не лучше, но былъ порядокъ: Николка рождался Николкой и умиралъ Николкой. Никакихъ отклоненій отъ нормы не могло быть и не было, и Николкѣ кажется, что такая устойчивость въ распредѣленіи ролей среди созданныхъ по образу и по подобію Божію все же лучше, чѣмъ та нелѣпость въ распредѣленіи ихъ, которая создается, какъ нынѣ, „грамматикой“, по его недоумѣвающе-презрительному опредѣленію. Товарищи его дѣтскихъ игръ, по первоначальному соціальному матеріалу — были несомнѣнными Николками, но они выучились „грамматикѣ“, и одинъ изъ нихъ— редакторъ газеты, а другой—судебный слѣдователь. Былъ Мишка, а теперь (говоритъ Николка) Михаилъ Ефимовичъ. А онъ Ни-

колка, къ грамматикѣ доступа не имѣлъ и потому онъ—Николка, все тотъ же Николка, что и былъ; только въ роли наборщика провинціальной газеты. Ни понять, ни признать законности такой метаморфозы Николка не можетъ и не хочетъ.

И что особенно его возмущаетъ, — это, что бывшіе Николки становятся совершенно чужими интересамъ теперешняго Николки, точно ихъ не грамматика сдѣлала Михаилами Ефимовичами, а старинный рокъ судьбы и рожденія.

Правда, въ газетѣ, редактируемой товарищемъ его дѣтскихъ игръ, говорятся время отъ времени хорошія слова о Николкахъ, но все это только слова, которыя издатель одобряетъ или не одобряетъ съ точки зрѣнія успѣшной подписки и розничной продажи... У поэта такъ красиво звучатъ слова:

Арміи свинцовой суровый командиръ...

Въ глазахъ Николки его положеніе не только не красиво, но прямо оскорбительно. Какая тамъ „армія свинцовая“! Онъ „суровый командиръ“ надъ предметами печатнаго жонглированія и торгашескаго лицедѣйства. И у него складывается такое острое чувство озлобленія къ своей роли „суроваго командира“, что онъ въ набираемую имъ статью съ хорошими словами вставляетъ отъ себя ѣдкую выходку противъ этихъ хорошихъ словъ.. Потомъ онъ пробуетъ объясниться съ оскорбленнымъ имъ редакторомъ, но объясненіе приводитъ только къ новому взрыву озлобленнаго чувства противъ грамматики, которая навсегда отдѣлила его, теперешняго Николку, отъ счастливыхъ „бывшихъ Николокъ“.

И Горькій развертываетъ цѣлый рядъ такихъ погибшихъ жизней, погибшихъ для русской дѣйствительности. А вѣдь могли бы пригодиться на нѣчто большее, чѣмъ жизнь въ ночлежкахъ. Таковъ Коноваловъ, который тоску своей женственно хорошей души заливаетъ водкой, который не знаетъ, отчего ему некуда дѣть себя, который всю жизнь ищетъ своей „точки жизни“,—точки, на которую онъ могъ бы „опереться“, и который въ противность сказанному: „ищите и обрящете“, не находитъ этой точки и обрываетъ самъ свою жизнь, когда она стала черезчуръ ужъ надоѣдной, въ вѣчныхъ переходахъ отъ дикой работы къ дикому разгулу и пересылкѣ по тюремнымъ этапамъ за „безписьменность“.

Таковъ Челкашъ. Дерзкій, остроумный контрабандистъ, онъ способенъ отдать добытые смѣлой авантюрой 500 рублей парню,—изъ тѣхъ, которыхъ въ городахъ насмѣшливо зовутъ „деревней“, котораго онъ презираетъ за способность жить въ деревнѣ, за способность выносить мужицкую неволю, въ которой нужно „всю жизнь изъ кожи лѣзть“, а „кормовъ (всетаки) не будетъ хватать“, презираетъ за то, что этотъ „деревня“ „не знаетъ цѣны свободѣ“. Презираетъ, но при воспоминаніи о далекой деревнѣ раз-

рывъ съ нею отзывается спазматической болью. Когда память, которая по выраженію Горькаго, „оживляетъ даже камни прошлаго", „въ выпитый нѣкогда ядъ подливаетъ капли меда",—когда память уноситъ Челкаша въ далекую пору дѣтства, онъ любовно отдается воспоминаніямъ, забываетъ о тяжелыхъ сторонахъ крестьянской жизни и помнитъ только о томъ, чѣмъ хороша (могла бы быть) жизнь крестьянина: „Главное, говоритъ онъ, въ крестьянской жизни — это, братъ, свобода! Хозяинъ ты есть самъ себѣ. У тебя твой домъ — грошъ ему цѣна — да онъ твой. У тебя земля своя — всего итого горсть — да она твоя... Король ты на своей землѣ!" И онъ чувствуетъ себя „сбитымъ, упавшимъ, жалкимъ и одинокимъ и выброшеннымъ изъ порядка жизни", чувствуетъ—до эпизода съ Гаврилой. Только когда этотъ мужикъ, задавленный нуждой, не выдерживаетъ мысли, что цѣлое богатство, которое сдѣлало бы Гаврилу „человѣкомъ", не только въ глазахъ другихъ, но и въ глазахъ самого себя, будетъ Челкашемъ пропито, — не выдерживаетъ, бросается Челкашу въ ноги, презирая его, обнимаетъ его колѣни, чтобы только вымолить эти 500 руб., Челкашъ поднимается въ своихъ глазахъ. Онъ чувствуетъ себя выше этого „жаднаго раба". Онъ „воръ, гуляка, оторванный ото всего родного—никогда не будетъ такимъ жаднымъ, низкимъ, непомнящимъ себя. Никогда не станетъ такимъ!.." И эта мысль и ощущеніе, наполняютъ его „сознаніемъ своей свободы и удали"...

Этотъ мотивъ о не использованной жизни въ низахъ общества яснѣе всего, быть можетъ, звучитъ въ „Супругахъ Орловыхъ". Кто этотъ Орловъ? Звѣрь, для котораго у культурнаго общества достаточно

Бичей, темницъ и топоровъ

или только несчастный человѣкъ среди несчастныхъ людей? Для Горькаго сомнѣнія нѣтъ. Для него Орловъ — не нашедшій себя человѣкъ. Что-то нужно, нужно до смертельной тоски. Нуженъ подвигъ, но какой—Богъ его знаетъ.

Ежедневная жизнь идетъ потихоньку и полегоньку вкругъ старенькихъ безобразій и съ подвигомъ, который сполна захватилъ бы душу Орлова, ничего общаго не имѣетъ... Съ вопросомъ этимъ не справиться и людямъ, осчастливленнымъ доступомъ къ грамматикѣ; еще меньше можетъ удасться это Орлову. Онъ дошелъ своимъ умомъ только до двухъ равноцѣнныхъ подвиговъ: или принести себя въ жертву и избавить людей — всѣхъ разомъ — отъ ужасовъ холернаго мора или... пойти бить евреевъ. На этомъ сошелся клиномъ весь міръ грезъ сапожника Орлова. Не виноватъ, конечно, сапожникъ Орловъ въ томъ, что его грезы о подвигѣ не выше практическихъ идеаловъ среди извѣстной части, осчастливленныхъ грамматикой. Во всякомъ случаѣ, Орловъ не-

счастенъ и искрененъ. И когда ему представляется въ первый разъ въ жизни нѣчто въ родѣ подвига, нѣчто такое, на что нужна героическая рѣшимость (не только для среды сапожника Орлова), на что онъ—именно онъ, Орловъ—нуженъ, онъ совершенно преображается

„Горитъ у меня душа... Хочется ей простора, чтобы могъ я развернуться во всю мою силу... Эхма! силу я въ себѣ чувствую—необоримую! То есть, если бы эта, напримѣръ, холера да преобразилась въ человѣка... въ богатыря... хоть въ самаго Илью Муромца — сцѣпился бы я съ ней! Иди на смертный бой! Ты сила и я, Гришка Орловъ, сила, — ну, кто кого? И придушилъ бы я ее и самъ бы легъ... Крестъ надо мной въ полѣ и надпись: „Григорій Андреевъ Орловъ... Освободилъ Россію отъ холеры“. Больше ничего не надо. „Понимаешь... на сто ножей бросился бы я... но чтобы съ пользой! Чтобы отъ этого облегченіе вышло жизни“.

Но преподнятый душевный тонъ не выдерживается. Для тенденціознаго идеализатора босячества, какимъ считаютъ Горькаго, этотъ моментъ одинъ изъ самыхъ рискованныхъ. Не было ничего легче, какъ закончить картину этимъ перерожденіемъ пьянаго буяна Орлова въ брата милосердія, выражаясь спеціальнымъ терминомъ. Но Горькій заканчиваетъ разсказъ возвращеніемъ Орлова въ первобытное состояніе... И оно понятно. Сначала можно было всѣ силы отдать только потому, что именно всѣ силы и требуется отдать. Но дальше нужно что-нибудь получать, чтобы отдавать дальше? Но вѣдь не значитъ же получать—служить въ холерномъ баракѣ, таскать мертвыхъ и выхаживать тѣхъ, у которыхъ „жизнь будетъ хуже холерной судороги“, какъ говоритъ Орловъ. Развѣ что-нибудь на іоту измѣнится вокругъ Орлова? Развѣ что-нибудь выростетъ *нужное*, что сдѣлалъ онъ, Орловъ? Развѣ не все будетъ то же, что и раньше, какъ только онъ выйдетъ изъ барака? Дѣятельности Орлова достаточно для тѣхъ, кто самъ для себя человѣкъ и кому жаль другихъ. Орловъ самъ для себя не человѣкъ, а только сапожникъ Орловъ, и ему жаль не другихъ, а самого себя... Орловъ остываетъ, и первое столкновеніе съ докторомъ возвращаетъ его къ старымъ „основамъ жизни“. И вѣроятно уже навсегда.

Таковъ этотъ варіантъ повѣсти о человѣкѣ, не взятомъ жизнью на потребу жизни.

Но она—эта потребность быть взятымъ жизнью—есть въ низахъ общественной жизни, есть тамъ и оскорбленное чувство человѣческаго достоинства... Когда казалось, что

Ночь черезчуръ ужъ темна

въ этомъ должно было быть много ободряющихъ звуковъ... Поднять человѣка, который не хочетъ подняться, не только трудно, но и невозможно, пожалуй... И вдругъ въ самыхъ далекихъ уголкахъ, о которыхъ грамотный обыватель зналъ только, какъ о ма-

теріалѣ для тюрьмы, горятъ тѣ самые огни, которые, казалось, вездѣ догорѣли.

Для поколѣнія, поэтомъ котораго былъ Надсонъ, герои М. Горькаго были тѣмъ же, что первыя капли дождя послѣ продолжительной засухи... Сколько счастья приносятъ онѣ, эти первыя капли. Сколько надеждъ! Такъ вѣрится, что все пережитое уже позади. И трещины на груди полей, которыя еще вчера такъ сжимали тоской сердце, сегодня уже не пугаютъ. Вѣдь завтра онѣ навѣрное уже закроются!.. Не хочется думать, что первыя капли могутъ такъ и остаться первыми каплями, которыя ничего не измѣнятъ.

На выручку пришелъ слѣдующій силлогизмъ: — Если люди, обиженные грамматикой, могутъ остаться самими собой въ своей индивидуальной жизни, то осчастливленные грамматикой могутъ и должны остаться самими собой и въ индивидуальной жизни и въ своей соціальной работѣ. Силлогизмъ, конечно, не изъ строгихъ въ смыслѣ своего построенія, но за то изъ тѣхъ, которымъ на роду написано счастье. Онъ сотворилъ чудо: подвигъ очеловѣченія человѣческихъ отношеній, этотъ тяжелый крестъ для цѣлаго поколѣнія лучшихъ русскихъ людей, превратился почти въ шуточную задачу. Въ самомъ дѣлѣ, въ чемъ можетъ заключаться трудность задачи, если „*униженныхъ* и оскорбленныхъ“ нѣтъ, а есть только „оскорбленные“ и если стать самими собой въ соціальной работѣ не только должно, но и легко возможно?

Пріемлемость чудодѣйственнаго силлогизма, съ одной стороны, обезпечивалась естественной гордостью человѣка, который побѣдилъ внѣшнія условія своей жизни, и какъ побѣдилъ! Изъ невѣдомой единицы того міра, который обреченъ условіями на чтеніе повѣстей объ англійскомъ милордѣ и о прекрасной кабардинкѣ, выросъ вдругъ, какъ въ сказкахъ, писатель, владѣющій міровымъ успѣхомъ, границы котораго опредѣляются уже не берегами Бѣлаго и Чернаго морей, какъ объ этомъ мечталъ для себя Пушкинъ, а берегами Великаго и Атлантическаго океановъ! Какъ тутъ не вѣрить по-наполеоновски, что „судьба — это глупое слово“ и что для того, кто хочетъ, все возможно!

И если не все оказалось возможно для цѣлаго поколѣнія, въ которомъ слабѣйшіе по духу жертвы скорбно молились о томъ, чтобы они смогли уйти

...въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви...

то естественно предположить, что они были жалчайшими людьми, не умѣвшими по настоящему ни хотѣть, ни мочь... Отсюда то глубокое презрѣніе къ русской интеллигенціи, котораго не скрываетъ Горькій *); отсюда то преклоненіе передъ лич-

*) Эта нота въ творчествѣ М. Горькаго рѣзко измѣняется въ его по-

ной мощью, которое такъ красиво и такъ убѣжденно проповѣдуется старухой Изергиль и которое доходитъ до художественной апологіи человѣческихъ отношеній по образу и по подобію звѣриному въ разсказѣ „Ханъ и его сынъ". Совсѣмъ: „заповѣдь новую вамъ даю: если не можешь сохранить себѣ человѣка, который тебѣ нуженъ, и не хочешь отдать его другому, то можешь бросить его въ море!"

Отсюда и тѣ коренныя ошибки и невыдержанность тона, которыя обнаружились въ позднѣйшихъ произведеніяхъ М. Горькаго.

Если это преуменьшеніе соціальныхъ преградъ, стоящихъ на пути человѣка, понятно въ писателѣ, такъ блестяще одержавшемъ побѣду надъ своей жизнью, то не менѣе понятенъ и тотъ восторженный пріемъ, который былъ оказанъ этому художественному преуменьшенію со стороны читателей. Было сказано какъ разъ то, что было нужно услышать: подоспѣла смѣна общественнаго настроенія.

Когда на дальнемъ сѣверѣ среди долгой полярной зимы загорится огонь сѣвернаго сіянія, онъ никого не вводитъ въ заблужденіе. Это не конецъ ночи, не приближеніе весны. Это только сѣверное сіяніе. Не такъ просто въ полярныя ночи нашихъ общественныхъ отношеній. Простая игра сіянія или близость утра весны? Этотъ вопросъ сопровождается всегда жгучею болью и рѣшается по большинству голосовъ въ пользу весны. И, пожалуй, если это не вѣрно оказывается съ астрономической точки зрѣнія, за то это справедливо съ психологической. Вѣдь иначе, пожалуй, и не пережить этой безконечной ночи безъ солнца... Такъ или иначе, но вопросъ разрѣшается всегда въ пользу весны. На этотъ разъ весна, а то, что раньше принималось за приближеніе весны, это, дѣйствительно, только полохи играли... Это символъ вѣры каждаго нашего десятилѣтія, не исключая даже убогихъ душою восьмидесятниковъ. Даже они, въ

слѣдней вещи (Человѣкъ), появившейся въ печати уже послѣ того, какъ были написаны эти строки... Это торжественный гимнъ Человѣку (не человѣку), образъ котораго „силою воображенія своего" вызываетъ передъ собою писатель „въ часы усталости духа"... Въ мечтѣ писателя Человѣкъ призванъ, чтобъ „освѣтить весь міръ, расплавить тьму его загадокъ тайныхъ, найти гармонію между собой и міромъ, въ себѣ самомъ гармонію создать и, *озаривъ весь мрачный хаосъ жизни на этой изстрадавшейся землѣ*, покрытой... корой несчастій, скорби, горя, злобы,—*всю злую грязь съ нея смести въ могилу прошлаго*"... Но не побѣда ждетъ его, и не побѣдой мѣрится значеніе его. „Спокойно сознаю... что побѣждаютъ не тѣ, которые берутъ плоды побѣды, а *только* тѣ, что остаются на полѣ битвы... И гибель для меня (Человѣка)—моя награда"... Но если немедленная побѣда не аттрибутъ „Человѣка", вызваннаго къ жизни „силою воображенія" писателя, очевидно, она перестаетъ быть мѣриломъ и для „тѣней прошлаго", для тѣхъ, которые на самомъ дѣлѣ шли „одни—среди загадокъ бытія" и тягчайшихъ противорѣчій жизни.

своихъ поискахъ примиренія съ сѣренькой, скверненькой дѣйствительностью, кричали: „шире дорогу“!.. За то какой красотой вѣры звучали иногда эти слова въ иныхъ устахъ! Какіе цѣнные образцы того, чѣмъ можетъ быть человѣкъ, когда онъ думаетъ, что онъ можетъ и долженъ быть человѣкомъ, — давало такое время!.. Но, увы! весна оказывалась не весной: полыхали только огни сѣвернаго сіянія, ночь продолжалась. А въ результатѣ:

Нѣтъ великаго Патрокла,
Живъ презрительный Терситъ...

Затѣмъ все начиналось съизнова. Оказывалось только, по новымъ справкамъ, что никакихъ Патрокловъ въ предыдущемъ періодѣ и не было, было только сплошное недоразумѣніе. Эта особенность—отсутствіе преемственности въ нашихъ общественныхъ настроеніяхъ,—какъ извѣстно, характерная особенность всѣхъ смѣнъ нашихъ умственныхъ настроеній. Предыдущій періодъ зачеркивается, на немъ ставится крестъ, и самая исторія Россіи начинается съ перваго января текущаго, года, или даже съ перваго числа текущаго мѣсяца! Но за то (предполагается) уже ближайшія пять лѣтъ дадутъ матеріалу на двѣнадцать томовъ исторіи нашего культурнаго развитія...

Подоспѣла какъ разъ такая смѣна настроеній... Это обстоятельство поставило литературную дѣятельность М. Горькаго въ совершенно особыя условія. Само собой разумѣется, что писатель, который чувствуетъ радость жизни и умѣетъ ее передать читателю въ такихъ яркихъ художественныхъ формахъ, какъ это дѣлаетъ М. Горькій,—такой писатель долженъ былъ „съ невѣдомою силой ударить по сердцамъ“, независимо отъ направленія общественной мысли, которое характеризовало данный моментъ... Эта естественная связь между читателемъ и писателемъ пріобрѣла еще особый оттѣнокъ. Въ озлобленныхъ людяхъ, которыхъ изображалъ писатель, читатель усмотрѣлъ художественное оправданіе своихъ теоретическихъ предположеній относительно наступленія той комбинаціи общественныхъ условій, которая должна вынести его ладью „на берегъ радостный“. Писатель оказался, если не пророкомъ, то во всякомъ случаѣ провозвѣстникомъ болѣе или менѣе близкаго счастливаго будущаго *). И по тону, какимъ онъ говорилъ, и по тѣмъ образамъ, которые давалъ,—онъ въ точности отвѣчалъ настроенію читателя.

И русская интеллигенція отвѣтила восторженной любовью писателю, который презиралъ русскую интеллигенцію за неумѣніе

*) Вольно или невольно М. Горькій употребляетъ въ одномъ мѣстѣ, говоря о своихъ герояхъ-босякахъ терминъ „классъ“ („Коноваловъ“). Разсказчикъ замѣчаетъ, что Коноваловъ нарушалъ „представленіе о людяхъ, которыхъ давно пора считать за *классъ* и которые вполнѣ достойны вниманія какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые“.

побѣдить. Новое поколѣніе этой интеллигенціи относило презрительныя слова писателя цѣликомъ къ предшествующему поколѣнію.

Но побѣдить жизнь лично и побѣдить ее въ цѣломъ—„двѣ большія разницы". Писателю пришлось въ этомъ убѣдиться, какъ только онъ попытался доказать, что самимъ собой, не поступаясь своей цѣльностью, можно быть и въ культурной жизни цѣлаго.

Такова ужъ магическая сила русской дѣйствительности. Какъ только сталъ онъ искать бодрыхъ людей, которыхъ онъ могъ бы противопоставить унылымъ представителямъ интеллигенціи, такъ сказать, доисторическаго періода, явились первыя неудачныя страницы, подписанныя Максимомъ Горькимъ. Вспомните „Мужика", котораго авторъ заставилъ говорить такія ѣдкія и остроумныя рѣчи противъ безсчастной доисторической интеллигенціи. „Мужикъ" долженъ былъ оттѣнить своимъ мужицкимъ здоровьемъ эту злополучную неудачницу, замученную больной совѣстью и словомъ „невозможно." Авторъ началъ свою импровизацію (повидимому, „Мужикъ" не былъ законченъ и въ рукописи), но не въ состояніи былъ выдержать ее. У него, какъ у пѣвцовъ, не хватило голоса. Онъ сорвался, какъ выражаются о нихъ. И впечатлѣніе отъ этого было далеко не злорадное, какъ утверждали иные. Нѣтъ, это было именно то же, что бываетъ, когда слушаешь: пѣвецъ умѣлъ захватить васъ, но вы не вѣрите, что онъ можетъ выдержать тонъ, въ которомъ онъ началъ... И, къ вашему сожалѣнію, вы оказались правы: вамъ не слыхать того, что вамъ обѣщали. Но стократъ вы были бы счастливѣе, если бы *вы* ошиблись.

Затѣмъ послѣдовали „Мѣщане". Ничтожный представитель „мѣщанской" интеллигенціи, не смѣющій жить, какъ ему хочется—въ свою волюшку, и какъ противовѣсъ ему—самородокъ изъ трудовой массы, желѣзнодорожный машинистъ Нилъ. О немъ говорятъ въ пьесѣ, что „дурнымъ людямъ.... злымъ и жаднымъ—плохо будетъ отъ него!" Самъ онъ говоритъ о себѣ, что „тому помѣшать, этому — помочь... вотъ въ чемъ радость жизни..." О томъ, поскольку эти слова переходятъ у Нила въ дѣло, читателю приходится судить по тому, что онъ однажды „отчиталъ" „дубиноголоваго" начальника депо. Разсказавши и затѣмъ снова вспомнивъ о своей „побѣдѣ", Нилъ „мечтательно улыбается" и говоритъ: „Интересная штука—жизнь!"—Нужно удивляться, какъ такой художникъ, какъ М. Горькій, не почувствовалъ всей комичности этого упоенія побѣдой своего героя! *).

Нилъ во весь свой ростъ рисуется въ той похвалѣ, которую

*) Нужно замѣтить, что и отчиталъ онъ дубиноголоваго, очевидно, не очень сильно, ибо его не уволили отъ службы, судя по его разсказу.

онъ провозглашаетъ Шишкину: „Онъ славный парень! Не только не позволитъ наступить себѣ на ногу, *самъ первый всякому наступитъ*". По существу онъ только это и дѣлаетъ на протяженіи всей пьесы: наступаетъ окружающимъ на ноги и констатируетъ, что отъ этого ему нисколько не больно. Все, что онъ дѣлаетъ, отзывается необыкновенною грубостью и жестокостью. Онъ живетъ въ домѣ своего воспитателя, ненавидитъ его, считаетъ себя въ правѣ покинуть этотъ домъ, но не покидаетъ, а только „протестуетъ", т. е. бранится. Онъ живетъ бокъ о бокъ съ товарищемъ своего дѣтства—дѣвушкой, въ него влюбленной, самъ ея не любитъ, но изъ дома опять-таки не уѣзжаетъ. Напротивъ, здѣсь же въ этомъ домѣ онъ ухаживаетъ за другой дѣвушкой, добиваясь ея любви. Когда ему это удается, а Татьяна пробуетъ отравиться, онъ чувствуетъ себя какъ ни въ чемъ не бывало, съ глазъ злополучной дѣвушки не уѣзжаетъ, наоборотъ, именно около нея, больной, онъ и „улыбается мечтательно" по поводу сраженія съ дубиноголовымъ начальникомъ. Именно около нея, изнывающей и больной, онъ и развиваетъ свою философію: „тому помѣшать, этому—помочь... вотъ въ чемъ радость жизни!" Во всей пьесѣ онъ самый несомнѣнный „мѣщанинъ" духа и самое несомнѣнное опроверженіе всѣхъ тенденцій своего автора относительно бодрыхъ людей въ жизни. Бодрость Нила не бодрость лучшихъ людей, это бодрость мелочного, черстваго и жестокаго человѣка, какъ правильно характеризуетъ Нила злополучная Татьяна. И вопросъ о „гущѣ жизни" остался открытымъ, какъ былъ.

Впрочемъ, чудо въ литературной дѣятельности Максима Горькаго впереди. Оно—„На днѣ". На этотъ разъ авторъ вопросу: „что дѣлать" участникамъ комедійнаго дѣйства въ жизни?—далъ совершенно неожиданное освѣщеніе,—вольно или невольно. Въ гущу жизни никто не рвется, хотя въ этой жизни горя рѣченька бездонная. Вопросъ идетъ уже не о томъ, какъ вычерпать эту рѣку, а какъ выдержать ее, какъ жить около нея? Оказалось, увы! что въ жизни есть не только оскорбленные, но и униженные, которые не въ состояніи реагировать на оскорбленіе именно потому, что они унижены. И авторъ изъ всей многообразности жизни рѣшилъ вопросъ объ одной этой группѣ. Нужно жалѣть ихъ. Нужно защитить въ нихъ человѣка. Нужно лгать, но заставить ихъ вѣрить въ то, что они не унижены. Ибо иначе нельзя будетъ имъ жить. Это та ложь, которая спасла душу солгавшаго, какъ разсказывается въ житіи св. Варвары. Это та ложь, которую считаетъ обязательной для себя врачъ у постели умирающаго. Но развѣ это рѣшеніе задачи: что дѣлать? Развѣ это побѣда надъ жизнью, а не пораженіе?

Гдѣ же причины для ѣдкихъ словъ по адресу доисторической интеллигенціи, когда во всей пьесѣ нѣтъ ничего, кромѣ

„жалѣнія“ человѣка, т. е. тѣхъ самыхъ мотивовъ, которые были такъ свойственны отрицаемому времени—до начала настоящей русской исторіи. „Человѣкъ — это гордо звучитъ“, — вѣдь это только въ принципѣ, въ разсужденіяхъ Сатина. Ужъ какая тутъ гордость, когда нужно лгать, чтобы человѣкъ могъ выносить свое человѣческое существованіе!

Жаль, страшно жаль, Яго!

вотъ все, что выноситъ зритель изъ театральной залы, послѣ „На днѣ“.

Таковъ неожиданный финалъ гордыхъ словъ о человѣкѣ, разбросанныхъ въ шести томикахъ сочиненій Максима Горькаго... То, что есть, — какъ оно не похоже на то, что нужно и что должно бы быть, чтобы слова „человѣкъ—это гордо звучитъ“ не звучали горькой ироніей.

III.

Но ничто, быть можетъ, не подчеркиваетъ своеобразной двойственности настроеній русскаго общества, какъ успѣхъ Леонида Андреева наряду съ успѣхомъ Максима Горькаго. Если у одного такъ красиво прозвучала нота „бодрости духа“ и „сильныхъ людей“, то у другого излюбленные мотивы: человѣкъ всегда одинъ, человѣкъ всегда безсиленъ. И это — характерныя особенности творчества Леонида Андреева, а не случайные мотивы въ его произведеніяхъ. А жизнь—что такое жизнь въ глазахъ Леонида Андреева? Развѣ можно придумать что-нибудь болѣе мрачное, чѣмъ его разсказъ „Стѣна“? Въ этомъ разсказѣ, какъ, впрочемъ, и во всѣхъ почти вещахъ Леонида Андреева, не хватаетъ простоты; лѣпка разсказа въ значительной степени страдаетъ вычурностью, авторъ подбираетъ изысканно-отталкивающія (если можно такъ выразиться) выраженія, чтобы передать вамъ ужасъ ночи, которая „никогда не уходитъ“, и стѣны, отдѣляющей міръ „прокаженныхъ“, голосъ которыхъ гнусавъ и дыханіе смрадно, отъ свѣтлаго міра, гдѣ нѣтъ безумныхъ, убивающихъ другъ друга. Дѣйствительно ли существуетъ этотъ желанный міръ,— никому изъ прокаженныхъ неизвѣстно. Можетъ быть, только „дураки думаютъ, что тамъ свѣтло. А тамъ тоже темно, и тоже ползаютъ прокаженные и просятъ: убейте насъ“. Тѣмъ не менѣе, прокаженнымъ за эту стѣну „нужно“ проникнуть. Нужно. Кровавая пѣна на стѣнѣ—слѣды сдѣланныхъ попытокъ. Иногда, *въ ослѣпленіи вѣры*, прокаженнымъ кажется, что стѣна начинаетъ дрожать. Но только въ ослѣпленіи вѣры. „На самомъ дѣлѣ, неподвижна и высока была стѣна, и равнодушно отражала она вой прокаженныхъ), пластами рѣзавшій и пронизывающій густой

зловонный воздухъ". Только въ ослѣпленіи. „Быть можетъ, то слезы дрожали въ нашихъ глазахъ, а мы думали, что сама стѣна"... Но вѣдь нужно же что-нибудь дѣлать? Эту задачу взяли на себя два „дурака". Одинъ черезъ извѣстные промежутки времени ударялъ объ стѣну лбомъ и падалъ, потерявъ сознаніе, а другой серьезно смотрѣлъ на него, щупалъ рукой его голову, а потомъ стѣну и, когда тотъ приходилъ въ сознаніе, говорилъ:

— Нужно еще; теперь немного осталось.

Такова сущность жизни въ символическомъ изображеніи Л. Андреева.

Можетъ ли быть что-нибудь страшнѣе по замыслу? Вѣдь это въ буквальномъ смыслѣ отчаяніе человѣка за человѣка, отчаяніе за жизнь, гдѣ „нельзя понять, какъ это случалось, но радостно оскаленные зубы начинали щелкать, поцѣлуи становились укусами и съ визгомъ, въ которомъ еще не исчезла радость, мы начинаемъ грызть другъ друга и убивать".

Впечатлѣніе ужаса отъ „Стѣны" смягчается только преувеличенными выраженіями. Возьмемъ хотя бы изображеніе ночи. Вмѣсто унылой ночи у Надсона, которая „черезчуръ ужъ темна", у Леонида Андреева ночь усталая, задыхающаяся и угрюмая, которая глухо и тяжко стонетъ и съ каждымъ вздохомъ „выплевываетъ изъ нѣдръ своихъ острый и жгучій песокъ, отъ котораго мучительно горятъ раны и язвы". Глаголъ „плюнуть" ему кажется особенно стильнымъ по отношенію къ этой вѣчной ночи, и онъ трижды употребляетъ этотъ эпитетъ, говоря о ночи... Потомъ ночь у Л. Андреева начинаетъ „грозно хохотать, покачивая своимъ сѣрымъ пятнистымъ брюхомъ, старыя лысыя горы подхватываютъ этотъ сатанинскій (какъ это мелодраматично звучитъ!) хохотъ, а мрачно развеселившаяся стѣна начинаетъ *шаловливо* ронять камни, которые дробятъ головы и расплющиваютъ тѣла". Не будь этой вычурности въ стилѣ разсказовъ Л. Андреева, они производили бы болѣе цѣльное и сильное впечатлѣніе. А теперь нехудожественность многихъ деталей ослабляетъ (къ счастью для читателя) это впечатлѣніе.

Тѣмъ не менѣе, впечатлѣніе достаточно мрачно. И оно, по нашему мнѣнію, ставитъ вопросъ о тенденціи въ разсказахъ „Въ туманѣ" и „Бездна" на вполнѣ опредѣленную почву. Всѣмъ памятенъ тотъ горячій бой, который завязался между „друзьями" и „врагами" Л. Андреева по поводу разсказа „Въ Туманѣ". Чего-чего только не было сказано въ пользу и въ поношеніе автора этого разсказа. Одни видѣли въ немъ обличеніе родительскаго недосмотра и родительскаго отдаленія отъ дѣтей. По ихъ словамъ, Павелъ Рыбаковъ „вполнѣ типичный, нормальный юноша, какихъ по меньшей мѣрѣ 99 на 100"... Онъ встрѣтилъ на улицѣ большого города то, „что послужило началомъ его паденія и что *неизбѣжно* должно было довершить его гибель".

Отвѣтственность за это всецѣло ложится на родителей, которые боятся грязи, боятся правды и предпочитаютъ вѣрить, что все обстоитъ благополучно, хотя и знаютъ, что это ложь. Въ результатѣ между ними и дѣтьми въ трудныя минуты ихъ жизни та пропасть, которая отдѣляла Павла Рыбакова отъ его отца и которая создала благопріятныя условія для ужаснаго конца злополучнаго юноши, представителя „огромнаго большинства“ нашихъ дѣтей.

Другіе видѣли въ Леонидѣ Андреевѣ только циника, который смакуетъ, именно смакуетъ, нѣкоторыя подробности своего разсказа.

Ярче всего это отношеніе къ автору выразилось въ одномъ четверостишіи, найденномъ нами на библіотечномъ экземплярѣ журнала „Для всѣхъ“ съ разсказомъ Л. Андреева.

Баркова тѣнь меня усыновила
И геніемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня журналы возмутила
И въ жертву мнѣ разсудокъ обрекла!..

Это, конечно, преувеличеніе! Смакованія со стороны Л. Андреева въ разсказѣ нѣтъ. Но неправильно приписывать ему и гигіенически-педагогическія тенденціи. Не странно ли, что въ большинствѣ случаевъ этотъ разсказъ разбирали безъ связи съ „Бездной“? Ну, въ одномъ случаѣ плохой примѣръ, нездоровыя условія, настоятельныя требованія организма, дурно направленныя. А въ другомъ случаѣ—въ „Безднѣ“? Вѣдь тамъ аналогичныхъ причинъ нѣтъ или онѣ не при чемъ!.. Вспомните.—Шли двое. „Уже кончался день, а они двое все шли, все говорили и не замѣчали ни времени, ни дороги... Разговоръ ясный, задушевный и тихій лился спокойнымъ потокомъ и былъ все объ одномъ: о силѣ, красотѣ и безсмертіи любви... И, какъ и рѣчь, все у нихъ было молодое, красивое и чистое... Даже въ простыхъ словахъ у нихъ (прибавляетъ авторъ) звучала задумчивая нѣжность, какъ звенитъ ручей въ тихую весеннюю ночь, когда не весь еще снѣгъ сошелъ съ зеленыхъ полей“.

Все это такъ не похоже на Павла Рыбакова въ „Туманѣ“, у котораго слово „женщина“ выжжено огненными буквами въ мозгу. Тѣмъ не менѣе, результатъ одинъ и тотъ же. Стоило нѣсколькимъ негодямъ напасть на этихъ чистыхъ людей, напоминавшихъ автору ручей въ весеннюю ночь, стоило имъ свершить самое гнусное, что доступно звѣрю въ человѣкѣ,—какъ этотъ юноша, только что разговаривавшій о безсмертной любви и красотѣ, только что цитировавшій слова:

„И со мною снова та, кого люблю, отъ которой скрылъ я, не сказавъ ни слова, всю тоску, всю нѣжность, всю любовь мою“...

пользуется плодами совершеннаго преступленія и идетъ по слѣдамъ совершившихъ его. „Черная бездна поглотила его“...

Чѣмъ собственно отличается отъ первоначальныхъ преступниковъ Нѣмовецкій? Только тѣмъ, что звѣрь у него въ душѣ сначала спалъ, убаюканный разговорами о безконечности, красотѣ и безсмертіи, а у нихъ совсѣмъ не спалъ, и они повиновались ему. И, быть можетъ, герои эти въ стилѣ сахалинскихъ разсказовъ г. Дорошевича даже выше Нѣмовецкаго въ моральномъ отношеніи. Они были пьяны, когда совершали гнусность. У Нѣмовецкаго этого оправданія нѣтъ.

Разгадка вся въ томъ, что рѣчь идетъ все о томъ же мірѣ „прокаженныхъ, у которыхъ нельзя понять, какъ поцѣлуи смѣняются укусомъ и какъ они начинаютъ грызть другъ друга и убивать". Авторъ вѣритъ только въ „стѣну", которая окружаетъ прокаженныхъ „несокрушимой громадой".

Такъ или иначе, но едва ли въ русской художественной литературѣ существуетъ что-либо болѣе мрачное. Вѣчная борьба духа и плоти въ цитированныхъ разсказахъ пріобрѣтаетъ характеръ вѣчнаго торжества плоти надъ духомъ! И вѣдь какая плоть: безъ малѣйшей красоты, безъ малѣйшей привлекательности, безъ малѣйшаго оправданія своей власти и торжества. Тѣмъ не менѣе, исходъ борьбы съ ней заранѣе предопредѣленъ, не смотря на то, что духъ вооруженъ всѣмъ, чѣмъ можетъ быть силенъ человѣкъ. Тутъ и молодость, для которой такъ близки интересы духа, тутъ и юношеская любовь къ чистой дѣвушкѣ... И все это ничто въ сравненіи съ велѣніями зоологической плоти. Злополучный герой „Въ туманѣ" будетъ повторять имя любимой дѣвушки и въ то же самое время „впиваться" губами въ грязное, несчастное, продажное тѣло, разящее запахомъ только что выпитой водки...

При такихъ условіяхъ легко можетъ придти въ голову, что

Тьмы низкихъ истинъ намъ дороже
Насъ возвышающій обманъ.

Къ счастью, здѣсь низка не истина, здѣсь низокъ „обманъ". Неужели, въ самомъ дѣлѣ, у „99 изъ 100" нашихъ юношей слово „женщина" вырѣзано въ мозгу такими же огненными буквами, какъ у Павла Рыбакова? Другими словами: неужели „99 изъ 100" похожи на героя „Бездны"?...

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что такія вещи, какъ „Бездна" и „Въ туманѣ", не имѣютъ правъ на существованіе въ литературѣ. Отрицать право автора говорить то, что онъ думаетъ о человѣкѣ только потому, что это оскорбительно для человѣка,—конечно, странно... Разъ онъ искрененъ, вопроса о правѣ не можетъ быть. Вѣдь онъ и самъ именуетъ „стѣну" — *подлою*. Гдѣ же взять для нея краски, которыя дѣлали бы картину не подлою?

Съ точки зрѣнія „отдѣльныхъ нотъ", различаемыхъ въ жи-

вомъ шумѣ русской жизни, эти вещи г. Л. Андреева представляютъ особый интересъ. Именно потому, что онѣ написаны въ „подлыхъ“ краскахъ и все же не оказались чуждыми настроенію читателя... Оказался какой-то скрытый уголокъ въ его душѣ, и г. Л. Андреевъ нашелъ доступъ именно въ этотъ скрытый уголокъ. Какъ бы ни велика была роль внѣшнихъ причинъ въ успѣхѣ г. Л. Андреева, исключительно этими внѣшними причинами объяснить интересъ къ его мрачному творчеству вообще и этимъ „подлымъ“ изображеніемъ человѣка въ частности, очевидно, нельзя. Порукой въ этомъ служатъ хотя бы тѣ благодарственныя письма—въ томъ числѣ отъ молодежи—которыя печатались въ свое время, въ которыхъ автору выражалась горячая признательность за правдивыя слова, за смѣлую готовность не скрывать правды, какъ бы ни была она горька... Но тогда какую же цѣну имѣетъ въ глазахъ этихъ читателей человѣкъ, какъ матеріалъ для осуществленія царства человѣчности на землѣ?

. . . .

Чеховъ со своимъ горькимъ невѣріемъ въ жизнь... Его антиподъ — Горькій, поэтъ радости бытія и вѣры въ силу человѣка измѣнить жизнь, и, наконецъ, Л. Андреевъ, оцѣнивающій моральную силу человѣческой личности величиной, которая немногимъ больше нуля, — всѣ они любимые писатели! Всѣ владѣютъ вниманіемъ аудиторіи! Естественнымъ является вопросъ: кто же изъ этихъ разныхъ писателей *ближе* отвѣчаетъ читательскому настроенію? И что же въ концѣ концовъ „будутъ играть музыканты“?

А. Е. Рѣдько.

Изъ Англіи.

„Nous sommes entourés d'hommes plus fort que nous: ils peuvent nous nuire de mille manières différentes; les trois quarts du temps ils peuvent l faire impunément“.
Montesquieu. Lettres Persanes *).

I.

Старинная поговорка гласитъ „Summum jus, summa injuria“. Опытъ, накопленный всѣмъ человѣчествомъ, свидѣтельствуетъ, что „безусловно осуществленное право“ суда дѣйствительно приводило къ „высшему безправію“. Устная и письменная литература всѣхъ народовъ говоритъ о судебныхъ ошибкахъ. На этомъ

*) „Мы окружены людьми, которые сильнѣе насъ. Они имѣютъ тысячи различныхъ способовъ вредить намъ и въ большинствѣ случаевъ могутъ сдѣлать это безнаказанно“.

построенъ рядъ сказокъ, средневѣковыхъ легендъ и пр. Въ дѣтствѣ еще мы оплакивали судьбу Гассана-Аль-Бассри, бальсорскаго купца, заключеннаго въ Багдадѣ въ тюрьму за преступленіе, котораго не свершалъ. Взглядъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, причитаній и сказокъ на возможность судебныхъ ошибокъ извѣстенъ: крестьянскому міровоззрѣнію всякое судебное производство кажется одною сплошною неправдою. „Не къ лицу тебѣ родитель,—говоритъ вопельница въ „Причитаніяхъ сѣвернаго края", собранныхъ Е. В. Барсовымъ, — што таскаться по избамъ тебѣ по земскінмъ, у стола стоять, родитель, у судебнаго, супротивъ стоять *судей неправосудныхъ*". Производящій слѣдствіе рисуется такъ въ тѣхъ же причитаньяхъ. „Исусовой молитовки не творитъ да тутъ, не кладетъ да онъ креста по писанному... Во потай у недоростковъ онъ вывѣдываетъ, ужъ нѣтъ-ли гдѣ корыстнаго дѣлишечка. Да онъ такъ же надъ крестьянствомъ надругается, быдто въ родѣ человѣкъ, какъ некрещеной. Онъ затопае ногами во дубовой полъ, онъ захлопае руками о кленовой стулъ, онъ въ походню по покоямъ запохаживае, точно вихорь во чистомъ полѣ полетывае, быдто звѣрь да во темномъ лѣсу покрикивае". Только при наличности „Summa injuria" могли сложиться такія классическія сказки, какъ про Ерша Щетинникова или про Шемякинъ судъ.

„Въ великой Россіи,—говоритъ хронографъ,—на *всякаго судію* и восхитника въ укоризнахъ прозвася Шемякинъ судъ". Послѣдствіемъ глубокаго недовѣрія къ правящимъ судъ явилось воззрѣніе на всѣхъ пострадавшихъ отъ него, какъ на несчастныхъ. Что такое воззрѣніе обусловливается только недовѣріемъ къ командующимъ классамъ, а не особенной жалостливостью, мнѣ кажется, подтверждается слѣдующимъ фактомъ. Сибирскіе крестьяне охотно подавали шаньги и хлѣбъ бродягамъ, которыхъ называли несчастными. Но стоило только кому-нибудь изъ „летучей команды" учинить какое-нибудь „качество" въ деревнѣ, напримѣръ, украсть, какъ все населеніе устраивало облаву, ловило бродягу и зачастую тутъ же въ тайгѣ предавало жестокой смерти. Въ 1887 г., по старому этапному пути изъ Томска въ Иркутскъ, я слышалъ отъ бывалыхъ бродягъ не мало страшныхъ разсказовъ подобнаго рода...

Не только народная устная литература богата разсказами про судебныя ошибки. Вспомнимъ, напр., „Богъ правду видитъ да не скоро скажетъ", которую Л. Н. Толстой въ статьѣ „Что такое искусство" признаетъ своимъ лучшимъ произведеніемъ. Митя Карамазовъ—тоже жертва судебной ошибки. Но еще больше примѣровъ доставляетъ намъ живая жизнь. Нѣкоторыя судебныя ошибки стали историческими событіями. Таково, напримѣръ, дѣло несчастнаго Жозефа Лезюрка, осужденнаго и казненнаго въ концѣ XVIII вѣка. Черезъ два года былъ арестованъ и казненъ настоящій виновникъ преступленія. Таково дѣло Жана Каласа, колесо-

ваннаго въ 1762 г. по приговору тулузскаго парламента. Вдова Каласа перебралась черезъ Юрскія горы и явилась къ Вольтеру молить о защитѣ. Участіе Вольтера въ реабилитаціи памяти казненнаго смываетъ совершенно всѣ пятна съ репутаціи знаменитаго писателя. Переписка его за 1762—1765 гг.. поражаетъ насъ тою энергіею, которую затратилъ Вольтеръ тогда. Гельвеція, Дамилявиля, всѣхъ убѣждаетъ онъ „вопить и бить въ набатъ по поводу дѣла Каласа“. Вольтеру говорили, что казнь невиннаго Каласа, конечно, ужасна; но стоитъ ли поднимать по этому поводу всю Францію, весь образованный міръ, когда мы привыкли на еще болѣе страшныя вещи смотрѣть, какъ на вполнѣ нормальное явленіе. Въ самомъ дѣлѣ,—говорили Вольтеру,—что такое юридическое убійство одного человѣка, когда существуютъ войны, во время которыхъ гибнутъ десятки тысячъ людей. На это Вольтеръ отвѣтилъ:

„Юридическое убійство Каласа, свершенное 9 марта 1762 г., представляетъ одно изъ самыхъ поразительныхъ преступленій и достойно вниманія какъ современниковъ, такъ и потомковъ. Люди быстро забываютъ полки солдатъ, погибшихъ на полѣ битвы, не только потому, что такое убійство фатально неизбѣжно на войнѣ, но и потому, что они имѣли оружіе въ рукахъ. Погибая отъ руки непріятеля, они могли защищаться и въ свою очередь причинить смерть. Тамъ, гдѣ шансы равны и гдѣ опасность одинакова съ выгодой, даже сама жалость нѣсколько смягчается. Но если отецъ семейства становится жертвой страшной ошибки, предубѣжденія или фанатизма; если отнимающіе у него жизнь рѣшительно ничѣмъ не рискуютъ; если они судебнымъ приговоромъ безжалостно могутъ отнять у невинно-осужденнаго жизнь, — тогда раздается вопль общественнаго негодованія. Каждый тогда страшится за свою собственную участь. Каждый убѣждается, что его жизнь не гарантирована, что ее можетъ по ошибкѣ отнять трибуналъ, обязанность котораго именно охранять гражданъ. И тогда всѣ голоса сливаются въ одинъ вопль о мщеніи“ *).

Въ наше время весь громадный міръ волновался по поводу судебной ошибки, которая свѣжа еще въ памяти. Все это—„историческія“ судебныя ошибки. Каждый юристъ, каждый сталкивавшійся съ тюремнымъ міромъ знаетъ, что невинно осужденные представляютъ совсѣмъ не исключительное явленіе. Только изрѣдка, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, напр., какъ въ дѣлѣ Дрейфуса, публика узнаетъ про такія ошибки.

Анализируя извѣстные факты судебныхъ ошибокъ послѣдняго времени, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Старинное положеніе, что отъ тюрьмы не слѣдуетъ зарекаться, еще не утратило значенія даже въ культурныхъ государствахъ. Въ каждомъ

*) *Vortaire*, „Traité sur la Tolérance“, Chapitre I.

обществѣ существуютъ внѣ прямого контроля гражданъ институты, спеціальность которыхъ раскрывать преступленія. Члены этихъ институтовъ никогда не сознаются въ сдѣланной ошибкѣ. Изъ чувства корпоративнаго самолюбія они скорѣе будутъ содѣйствовать тому, чтобы въ тюрьмѣ сидѣлъ невинно осужденный, чѣмъ скомпрометировать собственную проницательность. И это возможно при самой совершенной системѣ суда, разъ корпорація, производящая предварительное слѣдствіе, стоитъ внѣ прямого общественнаго контроля.

II.

Апрѣль 1903 г. Тѣсная, темная и грязная зала, которая кажется заплеваннной, какъ бы ее ни чистили, мрачна, не смотря на погожій день. Въ каминѣ, противоположномъ входу, нѣсколько подмостокъ. Это—Old Bailey, знаменитая палата лондонскаго уголовнаго суда, находившаяся до начала этого года рядомъ съ ньюгэтской тюрьмой, въ которой казнено нѣсколько сотенъ людей. Когда-то, въ ночь передъ казнями, передъ воротами тюрьмы, гдѣ сооружалась висѣлица, собиралась громадная толпа бродягъ, проститутокъ, воровъ и блазированныхъ богачей. Они пьянствовали, пѣли, плясали и ругались до разсвѣта, покуда съ колокольни противъ тюрьмы раздавался погребальный звонъ по человѣку, который въ этотъ моментъ былъ еще живъ. Когда открывалась калитка въ *debtor's gate* и показывался связанный по рукамъ и ногамъ осужденный,—пьяная толпа встрѣчала его криками, свистками, циничными ругательствами, смѣшивавшимися съ звуками похороннаго колокола. Иногда осужденный падалъ въ обморокъ. Толпа тогда не только свистѣла, но принималась швырять комки грязи. Иногда то былъ мужественный человѣкъ, владѣвшій своими нервами. Въ такомъ случаѣ, поднимаясь на эшафотъ, онъ бросалъ толпѣ мрачную шутку или грубое ругательство. Тогда толпа апплодировала и кричала „ура“. Страшную картину толпы, дожидающейся казни, дали намъ Смолетъ (*Родерикъ Рэндолъ*), Фильдингъ (*Джонатанъ Уайльдъ*), затѣмъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ—Диккенсъ (*Оливеръ Твистъ*). Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ блестящій французскій публицистъ и историкъ писалъ: „Огромная толпа, возбужденная до чрезвычайной степени и распаленная любопытствомъ, еще задолго до совершенія казни, наводняла площадь передъ воротами тюрьмы. Все это вѣдь такъ просто: при входѣ у кассы театра всегда стоитъ рядъ зрителей, когда назначена хорошая пьеса; но какъ провести время до появленія палача, что соотвѣтствуетъ поднятію занавѣса на сценѣ? Спать? Нельзя. Не потому, что приходится спать подъ открытымъ небомъ, а потому, что ожиданіе большаго удовольствія прогоняетъ сонъ. Поэтому время проводилось въ

питьѣ, въ пѣніи, въ перебранкахъ и шуткахъ... Вѣшанье, имѣющее цѣлью устрашать преступниковъ примѣромъ, сдѣлалось спектаклемъ, который какъ будто нарочно назначенъ для практики всѣхъ воровъ, мошенниковъ и плутовъ столицы: они это знаютъ и потому спѣшатъ почтить это мѣсто своимъ присутствіемъ. Огромное скопленіе народа и давка, происходящая при этомъ, доставляютъ ворамъ, кромѣ назидательнаго примѣра, еще прекрасный случай собрать порядочную добычу кошельковъ, часовъ и платковъ" *).

Затѣмъ казни перенесли въ стѣны тюрьмы, въ особый амбаръ, *shed*, куда не допускали даже представителей печати. Тѣмъ не менѣе, въ утро казни за стѣнами ньюгэтской тюрьмы всегда дожидалась толпа, чтобы послушать погребальный звонъ по живому еще человѣку и посмотрѣть на черный флагъ, который поднимутъ надъ крышой, когда врачъ констатируетъ смерть осужденнаго. Въ этомъ году старинная ньюгэтская тюрьма, стоявшая въ сердцѣ Сити, разрушена. Казни перенесены въ другую тюрьму, но судъ, *Old Bailey*, такой же страшный и мрачный, какъ и сто лѣтъ тому назадъ, остался.

Мы въ залѣ суда. Засѣданіе еще не начиналось. Въ загородкѣ для печати идутъ спѣшныя приготовленія. Три-четыре десятка старыхъ и совсѣмъ молодыхъ репортеровъ спѣшно чинятъ карандаши. Процессъ, который долженъ закончиться сегодня, волнуетъ лондонцевъ. Вечернія изданія газетъ берутся съ боя. Залъ суда покуда еще пустъ. Суетливо пробѣгаютъ порой молодые люди въ черныхъ мантіяхъ и въ сѣдыхъ парикахъ съ косичками. Это—начинающіе адвокаты, изучающіе „прецеденты". Въ Англіи юриспруденція изучается не въ университетахъ, а въ канцеляріяхъ адвокатовъ и въ судебныхъ палатахъ. Искусство заключается въ томъ, чтобы постичь возможно больше „прецедентовъ". Адвокатская этика здѣсь крайне растяжима и не особенно далеко ушла отъ той, которую описываетъ Свифтъ. Въ залахъ суда начинающіе адвокаты выискиваютъ иногда „briefs"—т. е. практику. Обильную жатву доставляютъ имъ процессы, порожденные нарушеніемъ обѣщанія жениться. Молодые адвокаты выискиваютъ такіе процессы и берутъ ихъ „исполу". Залъ сталъ наполняться публикой. Указываютъ на видныхъ генераловъ, литераторовъ, художниковъ и общественныхъ дѣятелей. Процессъ—громкій и породилъ безчисленные толки. Скамьи для присяжныхъ заняты уже. Тамъ, большею частью, ничего не выражающія лица, совершенно бритыя или усатыя. Или, вѣрнѣе сказать, на этихъ лицахъ застыло одно выраженіе: „скорѣе бы отдѣлаться и за работу въ контору или въ лавку". Преобладающее большинство присяжныхъ клэрки или лавочники. Вотъ въ залѣ все затихло.

*) *Louis Blanc*, „Lettres sur l'Angleterre".

Судебный приставъ,—*Usher*—широко распахнулъ двери и отскочилъ въ сторону. Вошелъ, медленно ступая, главный судья, lord chief justice, въ сѣдомъ парикѣ и въ длинной мантіи, обшитой горностаемъ. Судъ—въ Сити, поэтому впереди судьи выступаютъ лордъ мэръ и два ольдэрмэна, тоже въ средневѣковыхъ малиновыхъ мантіяхъ, опушенныхъ мѣхомъ. Это не судьи-совѣтники, а только почетная свита. Въ Англіи дѣла разбираетъ одинъ судья. Лицо судьи какъ будто вырублено изъ камня. Никакого движенія нельзя уловить въ немъ. Глаза подъ густыми бровями тоже какъ бы каменные. Для человѣка съ такимъ лицомъ нѣтъ живыхъ людей, которыхъ волнуютъ радость или горе, а есть только болѣе или менѣе запутанные „прецеденты“. Англійскіе судьи, какъ извѣстно, выбираются изъ наиболѣе талантливыхъ и знающихъ адвокатовъ. Чтобы сдѣлать ихъ вполнѣ независимыми, судей окружаютъ такимъ почетомъ, какъ нигдѣ на континентѣ. Они смѣнялись только за преступленіе. Колоссальное вознагражденіе должно сдѣлать подкупъ совершенно невозможнымъ. Теоретически, судья внѣ партій, хотя фактически, невольно, быть можетъ, для самого себя, онъ иногда отражаетъ взглядъ класса, къ которому принадлежитъ. Въ общемъ англійскіе судьи внушаютъ наблюдателямъ-иностранцамъ глубокое уваженіе своею безпристрастностью. Въ особенности это относится къ тѣмъ, которые ведутъ уголовныя дѣла, хотя, конечно, возможны исключенія.

Главный судья опустился въ старинное черное кресло. Черезъ минуту, по данному знаку, ввели подсудимаго. Личность его—загадка для всѣхъ. Это—мужчина лѣтъ 38, съ энергичнымъ, сильнымъ, красивымъ лицомъ. Зовутъ его Чэпмэнъ. Онъ былъ хозяиномъ гостиницы. Одна изъ служившихъ у него подносчицъ, съ которой Чэпмэнъ былъ близокъ, умерла при обстоятельствахъ, заставившихъ заподозрить отравленіе. Вскрытіе показало присутствіе сурьмы. Чэпмэнъ былъ очень нѣженъ къ Модъ Маршъ (такъ звали умершую), на которой собирался жениться. Когда дѣвушка была больна, Чэпмэнъ ухаживалъ за ней и цѣлыя ночи просиживалъ у постели и самъ подносилъ лѣкарства. Чэпмэна арестовали, хотя онъ все время увѣрялъ, что ничего не знаетъ. Вспомнили затѣмъ, что онъ былъ женатъ дважды на подносчицахъ, тоже служившихъ у него. Обѣ жены умерли, поживъ съ мужемъ не болѣе года. Вырыли трупы, и вскрытіе обнаружило въ нихъ присутствіе сурьмы. Чэпмэна предали суду по обвиненію въ отравленіи трехъ женщинъ. Предварительное дознаніе въ Англіи производитъ Scotland Yard, т. е. слѣдственная полиція, которая собираетъ факты для суда. Чиновники Scotland Yard нашли у Чэпмэна нѣсколько медицинскихъ книгъ, между прочимъ, фармакопею, заложенную бумажкой на страницѣ, гдѣ говорится о дѣйствіяхъ сурьмы. Бумажка эта оказалась аптечной сигнатуркой, по которой выдана сурьма. На предварительномъ

допросѣ, который въ Англіи производится гласно, въ присутствіи присяжныхъ, защитника и публики, Чэпмэнъ отрицалъ свою вину. Онъ утверждалъ, что никогда не покупалъ сурьмы и никогда не закладывалъ страницы въ фармакопеѣ. Все это сдѣлали другіе, быть можетъ, полицейскіе изъ Scotland Yard.

Одинъ фактъ отравленія трехъ женъ сдѣлалъ бы процессъ громкимъ; но у сыщиковъ изъ Scotland Yard имѣлся въ запасѣ для публики еще болѣе сенсаціонный фактъ. Джорджъ Чэпмэнъ,—заявили сыщики,— не тотъ, за кого онъ себя выдаетъ. Онъ совсѣмъ не американецъ, а полякъ Северинъ Клоссовскій, который былъ сперва фельдшеромъ въ Калишѣ, а затѣмъ, въ восьмидесятыхъ годахъ, переселился въ Лондонъ. Полиція выставила двухъ свидѣтелей—цирульника, у котораго служилъ Клоссовскій, когда прибылъ въ Лондонъ, и полячку, на которой онъ былъ женатъ въ Россіи. Свидѣтели признали Чэпмэна, какъ Клоссовскаго (жена при этомъ ошиблась вначалѣ), хотя подсудимый категорически отрицалъ это тождество и упорно стоялъ на томъ, что онъ природный американецъ, отъ родителей ирландцевъ. Любопытно слѣдующее обстоятельство. Иностранцу возможно изучить въ совершенствѣ любой континентальный языкъ и говорить на немъ безъ малѣйшаго акцента. Не трудно также выучиться говорить по-англійски литературнѣе и правильнѣе, чѣмъ говорятъ многіе англичане; но крайне трудно отдѣлаться отъ всякаго акцента. Это обусловливается особенностью англійскихъ дифтонговъ, уловить тонкости которыхъ очень трудно и еще труднѣе передать. Англичанинъ, привыкшій къ своимъ дифтонгамъ, съ большимъ трудомъ отстаетъ отъ нихъ, когда учится иностранному языку. Англичанину такъ же трудно отдѣлаться отъ своего акцента, когда онъ говоритъ, напр., по-французски, какъ трудно русскому пріобрѣсти совершенно англійскій выговоръ. Чэпмэнъ, или Клоссовскій, говорилъ по-англійски абсолютно безъ всякаго иностраннаго акцента, если не считать американскаго „twang“ (скороговорка въ носъ). Магистратъ предалъ Чэпмэна-Клоссовскаго суду. И вотъ семь дней уже разбиралось его дѣло. Семь дней подсудимый держался удивительно стойко и категорически отрицалъ все. Въ тотъ день, когда я былъ въ судѣ, начались, наконецъ, пренія.

Представитель обвиненія (*совѣтникъ короля*,—какъ его называютъ) съ замѣчательной убѣдительностью принялся подбирать факты, говорящіе противъ подсудимаго. Каждый фактъ представлялъ своего рода гвоздь, которымъ совѣтникъ короля заколачивалъ въ гробъ живого еще человѣка. Газетные репортеры, передавая потомъ рѣчь, писали: „обвинитель снова соткалъ все обвиненіе и свилъ изъ отдѣльныхъ фактовъ петлю на шею Клоссовскому“. Иногда подсудимые не выдерживаютъ процесса „свиванія петли“ и падаютъ въ обморокъ, поэтому за спиной ихъ во

время рѣчи обвинителя стоятъ два дюжихъ ключника. Стояли они и за Чэпмэномъ-Клоссовскимъ, готовые подхватить его въ случаѣ обморока. Но подсудимый былъ, повидимому, человѣкъ твердый. Нѣсколько разъ лицо его блѣднѣло. Раза два волосатыя, широкія руки нервно дрожали; но затѣмъ лицо опять принимало спокойное, увѣренное выраженіе.

Обвинитель кончилъ. Въ залѣ многимъ въ этотъ моментъ припомнился стихъ изъ баллады Оскара Уайльда:

„That fellow's got to swing".

(Этотъ человѣкъ будетъ повѣшенъ). Но вотъ заговорилъ адвокатъ. Никакими сентиментальными мотивами средняго англійскаго присяжнаго пронять нельзя. Онъ желаетъ только знать: свершилъ ли такой-то преступленіе, или нѣтъ. Если свершилъ, то виновенъ, потому что мотивы совершенно не важны для зауряднаго англійскаго клэрка. Онъ одинаково скажетъ: „виновенъ" и отправитъ на висѣлицу человѣка, какія бы побужденія ни довели его до убійства. Адвокаты знаютъ это, конечно, и система защиты у нихъ только одна—отрицаніе. Рѣчь адвоката—мастерская. Онъ пытается оборвать каждую нить, сотканную обвинителемъ. Но, въ сущности, въ англійскихъ судахъ роль защитника кончается послѣ допроса свидѣтелей. Искусный адвокатъ ловкимъ перекрестнымъ допросомъ можетъ сбить опаснаго свидѣтеля, скомпрометировать его въ глазахъ присяжныхъ или умѣетъ вытянуть важное показаніе даже у опытныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Во время пренія сторонъ, какъ я лично убѣдился, рядовые присяжные *никогда* не слушаютъ защитника.

Не трудно было убѣдиться, что адвоката съ напряженнымъ вниманіемъ слушалъ одинъ человѣкъ—Чэпмэнъ. По всей вѣроятности, доводы, приводимые защитникомъ, казались подсудимому неопровержимыми. Кровь опять прилила ему къ щекамъ. Повидимому, рѣчь пробудила въ немъ надежду. Но вотъ защитникъ окончилъ. Опять поднялся совѣтникъ короля и въ нѣсколько минутъ отъ всей защиты не осталось и слѣда. Чэпмэнъ опять поблѣднѣлъ. Судья съ каменнымъ лицомъ, холоднымъ, спокойнымъ тономъ сталъ резюмировать присяжнымъ все дѣло. Затѣмъ присяжныхъ увели въ совѣщательную комнату. Стемнѣло. Зажгли газъ. Взволнованные процессомъ зрители сбились въ кучки, предугадывая приговоръ. Многихъ волновалъ не исходъ,—они знали, что обвиненіе неминуемо,—а то, когда возвратятся присяжные. Есть ли время, чтобы побѣжать черезъ дорогу въ трактиръ обѣдать? По англійскимъ законамъ приговоръ присяжныхъ долженъ быть единогласный. Если хотя одинъ присяжный упорно стоитъ на своемъ, то остальные должны переубѣдить его, что можетъ затянуться на долго. Если присяжные не убѣдятъ товарища, то предстоитъ вторичный разборъ дѣла при новомъ составѣ суда.

Кто-то изъ журналистовъ предсказываетъ, что присяжные навѣрное будутъ долго совѣщаться, такъ какъ одинъ изъ нихъ—принципіально противъ смертной казни. Но вотъ черезъ двадцать минутъ раздается звонокъ изъ совѣщательной комнаты. Еще черезъ двѣ минуты судья, защитникъ, совѣтникъ короля и подсудимый на своихъ мѣстахъ. Рядомъ съ судьей стоитъ теперь новое лицо— тюремный капеланъ въ черной рясѣ, съ висящими рукавами,— гладкій, откормленный мужчина въ очкахъ, съ заботливо подстриженной бородой. За подсудимыхъ—два дюжихъ ключника, готовыхъ подхватить его въ любой моментъ.

— Gentlemen of the jury (господа присяжные), — раздается среди скованной тишины холодный голосъ главнаго судьи,—вынесли ли вы единодушный приговоръ?

— Да, — лаконически отвѣтилъ старшина, клэркъ какого-то большого банка.

— Признаете ли вы заключеннаго, стоящаго на подмосткахъ, виновнымъ или нѣтъ?

— Guilty! (виновенъ), — съ легкой дрожью въ голосѣ говоритъ старшина. Онъ знаетъ, что это слово означаетъ смерть. Я могу видѣть, что въ залѣ многіе поблѣднѣли. Чэпмэнъ пошатнулся слегка и конвульсивно ухватился за рѣшотку. Ключники бросились поддерживать его, но подсудимый оправился уже и смѣло взглянулъ на судью, когда тотъ спросилъ:

— Знаете ли вы причину, почему приговоръ надъ вами не долженъ быть произнесенъ?

— Только одну: я не виновенъ,—почти крикнулъ Чэпмэнъ.

По данному знаку подошелъ клэркъ и положилъ судьѣ на парикъ кусокъ чернаго сукна съ носовой платокъ, знаменитый *black cap*, т. е. черный колпакъ, означающій смертный приговоръ.

— Северинъ Клоссовскій,—началъ судья,—Господь надѣлилъ васъ недюжиннымъ умомъ и большою энергіею. Вы учились, читали. Но всѣ ваши таланты вы употребили на свершеніе подлаго, предательскаго, гнуснаго, жестокаго преступленія, въ которомъ вы теперь изобличены. За это я приговариваю васъ къ тому, чтобы васъ повѣсили и не снимали петли до тѣхъ поръ, покуда не наступитъ смерть. And my the Lord have mercy on your soul (И пусть Господь помилуетъ вашу душу).

— Аминь!—произнесъ черный капеланъ, сложивъ свои жирныя, пухлыя руки. Чэпмэнъ, или Клоссовскій, успѣлъ крикнуть только: „Я не виновенъ!“ Его подхватили ключники и поволокли ко входу, гдѣ дожидалась уже тюремная карета, или *Черная Марія*, какъ ее зовутъ. На улицѣ раздались свистки и улюлюканье толпы. Прежде, чѣмъ Чэпмэнъ доѣхалъ до тюрьмы, онъ могъ слышать уже, какъ мальчишки выкликали „экстра-спеціальныя изданія“ вечернихъ газетъ со смертнымъ приговоромъ.

Дѣло Чэпмэна произвело на меня страшное впечатлѣніе. Я

вышелъ изъ суда разбитый, подавленный. Я и теперь не знаю, что подумать объ этомъ дѣлѣ. Съ одной стороны—рядъ категорическихъ свидѣтельскихъ показаній, съ другой—категорическое отрицаніе до послѣдняго момента. Чэпмэнъ заявлялъ, что не причастенъ преступленію не только на судѣ, когда была надежда на оправданіе, но и потомъ, въ ожиданіи казни, когда приговоренный сидитъ

..... with silent men
Who watch him night and day;
Who watch him when he tries to weep,
And when he tries to pray;
Who watch him lest himself should rob
The prison of ist prey *).

Чэпмэнъ, или Клоссовскій, былъ вѣрующій католикъ и предъ смертью долго молился со своимъ духовникомъ. Между тѣмъ, стоя уже на эшафотѣ, Клоссовскій въ послѣдній разъ заявилъ то же самое, что и на судѣ.

„Все, что произойдетъ,—говоритъ онъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ, наканунѣ казни,—я приму, какъ наказаніе за мои грѣхи, но не за преступленіе, котораго не совершалъ... Вы слышали, что русская женщина, найденная полиціей, клялась на судѣ, что я—ея мужъ, Клоссовскій. Клянусь вамъ, я ее никогда не видалъ въ глаза".

Казнь Чэпмэна сопровождалась однимъ эпизодомъ, который подалъ поводъ къ запросу въ парламентѣ. Когда осужденный, въ капюшонѣ и съ петлей на шеѣ, стоялъ на эшафотѣ, а палачъ готовился опустить подъемную дверь,—духовникъ крикнулъ:

— Северинъ Клоссовскій, на порогѣ вѣчности скажите, признаете ли вы свою вину или нѣтъ.

— Нѣтъ!—послышался хриплый голосъ.

Черезъ секунду трапъ подъ ногами осужденнаго былъ опущенъ. До послѣдняго времени многіе, которыхъ описаніе этой ужасной сцены выбило изъ равновѣсія, успокаивали себя тѣмъ, что показанія свидѣтелей установили виновность Клоссовскаго. Показанія эти были очень точны. Каждое изъ нихъ составляло отдѣльно звено въ длинной цѣпи. Теперь, когда дѣло Адольфа Бэка выплыло на свѣтъ и взволновало всю Англію, увѣренность публики не въ свидѣтельскія показанія, а въ безпристрастность тѣхъ, кто предварительно подбираетъ факты для обвиненія, сильно поколебалась. Прежде, чѣмъ изложить дѣло Бэка, посмотримъ, какъ подготовляется предварительное слѣдствіе въ Англіи. Судопроизводство здѣсь почти идеальное. Личность подсудимаго, по-

*) „Съ молчаливыми людьми, которые стерегутъ его днемъ и ночью. Они стерегутъ его, когда онъ пробуетъ плакать или пытается молиться. Они сторожатъ, чтобы осужденный самъ не отнялъ у тюрьмы ея добычу". („The Ballad of Reading Gaol", *Оскаръ Уайльдъ*).

видимому, гарантирована самой широкой гласностью, какъ на предварительномъ слѣдствіи (у магистрата), такъ и въ судѣ. Можно ли, однако, сказать, что собирающіе факты для обвиненія такъ же безпристрастны, какъ англійскіе судьи или магистраты?

III.

Предположимъ, свершено убійство и личность убійцы неизвѣстна. Дознаніе производится слѣдственной полиціей, чиновниками Scotland Yard. Полиція въ Англіи находится подъ непосредственнымъ общественнымъ контролемъ, т. е. прямо зависитъ отъ муниципалитетовъ; но Scotland Yard со своими инспекторами и *detectives*, т. е. сыщиками, представляетъ исключеніе, такъ какъ находится въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ. Scotland Yard— единственная замкнутая корпорація въ Англіи, о дѣятельности которой общество знаетъ очень мало. Не разъ въ Англіи раздавались голоса, доказывавшіе, что всякая полиція, въ томъ числѣ Scotland Yard, разъ она не находится подъ прямымъ общественнымъ контролемъ, неизбѣжно превращается изъ слуги общества во врага его. Такъ говорила, между прочимъ, Джозефина Батлеръ, о которой я писалъ уже какъ то.

Scotland Yard поручаетъ разслѣдовать преступленіе какому нибудь „инспектору", служащему въ развѣдочномъ департаментѣ (Criminal Investigation Department или, для сокращенія, „C. I. D."). Инспекторъ приступаетъ къ дѣлу съ двумя или тремя подчиненными сыщиками. Эти желаютъ выслужиться предъ начальствомъ. Инспекторъ тоже хочетъ отличиться предъ начальникомъ Scotland Yard. Если преступленіе остается не раскрытымъ, это объясняютъ глупостью полиціи. Scotland Yard очень щекотливъ въ вопросахъ корпоративной чести, для защиты которой онъ, какъ мы увидимъ въ дѣлѣ Бэка, не останавливается предъ преступленіемъ.

Преступника нужно найти во чтобы то ни стало. Переодѣтые сыщики поселяются по сосѣдству и прислушиваются къ тому, что говорятъ различные Томсоны, Джонсоны и Смиты. Но въ Англіи каждый обыватель можетъ быть арестованъ только на основаніи судебнаго постановленія (warrant). Не позже, чѣмъ черезъ двадцать четыре часа послѣ ареста, обвиняемый приводится къ магистрату, т. е. на гласное слѣдствіе въ присутствіи публики и печати. Вотъ почему полиція прежде, чѣмъ произвести арестъ, должна имѣть какія-нибудь вѣскія улики. Если полиція задержитъ человѣка на основаніи слабыхъ уликъ, то магистратъ не только немедленно освободитъ заключеннаго, но обзоветъ еще полицію „глупой" или „идіотской". И это, конечно, сейчасъ же появится въ вечернихъ газетахъ. А Scotland Yard самолюбивъ. Вотъ почему инспекторъ, намѣтивъ предполагаемаго

преступника, старается предварительно собрать противъ него обвиненія, которыя удовлетворили бы магистрата. Разъ человѣкъ арестованъ, Scotland Yard, изъ чувства самолюбія, употребляетъ всѣ усилія, чтобы его не оправдали. „Если невиновный не будетъ освобожденъ послѣ перваго допроса,—читаемъ мы въ статьѣ свѣдущаго человѣка,—то съ каждымъ новымъ допросомъ шансы его на свободу уменьшаются, вслѣдствіе бдительности и усердія Scotland Yard. Разъ человѣкъ, обвиняемый въ серьезномъ преступленіи, сидитъ въ тюрьмѣ, полиція употребляетъ всѣ усилія, чтобы найти противъ него доказательства. Scotland Yard радъ показаніямъ противъ обвиняемаго, изъ какого бы источника они не исходили. Внѣ сомнѣнія фактъ, что полиція иногда „внушаетъ“ свидѣтелю планъ показаній. Это обнаружилось, между прочимъ, во время суда надъ Кэнхэмомъ Ридомъ, обвинявшимся въ убійствѣ. Подсудимый, желая отдѣлаться отъ своей возлюбленной, вызвалъ ее телеграммой въ Саузсэндъ, застрѣлилъ ее въ глухомъ мѣстѣ, а тѣло спряталъ въ канаву. На разсвѣтѣ Кэнхэмъ Ридъ возвратился въ Лондонъ. Полиція, стремясь собрать факты противъ обвиняемаго, желала доказать, что онъ былъ въ извѣстный часъ дня на мѣстѣ преступленія. Съ этой цѣлью Scotland Yard выставилъ рядъ свидѣтелей, подобранныхъ съ замѣчательнымъ искусствомъ. Показанія этихъ свидѣтелей составили цѣлую цѣпь. Каждый изъ нихъ видѣлъ обвиняемаго въ разное время въ разныхъ пунктахъ той дороги, по которой, по предположенію полиціи, прошелъ Кэнхэмъ Ридъ. Между прочими свидѣтелями была старая женщина, которая подъ присягой показала, что видѣла подсудимаго, когда онъ проходилъ мимо ея коттеджа. Это показаніе должно было связать всѣ остальныя показанія и установить, что Ридъ былъ тамъ, гдѣ произошло убійство. Но на перекрестномъ допросѣ защитникъ установилъ, что показанія внушены старухѣ полицейскимъ инспекторомъ. Ридъ дѣйствительно убилъ дѣвушку, но прошелъ совсѣмъ другой дорогой, чѣмъ предположила полиція. Инспекторы, производя слѣдствіе, предлагаютъ свидѣтелямъ „наводящіе вопросы“, вмѣсто того, чтобы безпристрастно выслушивать одну правду“ *). Слова эти можно иллюстрировать такимъ примѣромъ. У инспектора, собирающаго факты относительно преступленія, есть теорія. Чтобы подтвердить ее, онъ не просто допрашиваетъ свидѣтеля, а задаетъ ему вопросъ: „Не видѣли ли вы такого то дня, въ такомъ-то часу человѣка съ такою наружностью? Подумайте. Вы, навѣрное, видѣли“. Этотъ вопросъ задается тамъ, гдѣ всѣ сосѣди толкуютъ про преступленіе. Задавать такіе „наводящіе вопросы“ свидѣтелямъ въ камерѣ магистрата или на судѣ строго воспрещено; но Scotland Yard, работающій внѣ общественнаго контроля, широко пользуется системой. Путемъ

*) «The Detective at work», *Daily Express*, September 2, 1904.

такихъ допросовъ полиція „препарируетъ“ свидѣтелей для магистратовъ и судовъ. Самый ловкій и опытный адвокатъ не всегда собьетъ потомъ на перекрестномъ допросѣ такого свидѣтеля. Онъ съ глубокимъ убѣжденіемъ повторяетъ показаніе, на которое его навелъ опытный полицейскій чиновникъ.

Инспекторъ, производящій предварительное дознаніе, нашелъ предполагаемаго преступника. Англійскій законъ, охраняя интересы личности, требуетъ, чтобы свидѣтели узнали подсудимаго. Теоретически это должно произойти такъ. Приглашаютъ двѣнадцать прохожихъ, похожихъ другъ на друга, которыхъ вмѣстѣ съ обвиняемымъ посылаютъ гулять по тюремному двору. Свидѣтель долженъ указать въ толпѣ того, кого онъ оговорилъ. Практически это дѣлается не совсѣмъ такъ. Во-первыхъ, крайне трудно найти даже въ такомъ громадномъ городѣ, какъ Лондонъ, не то что двѣнадцать, а пять человѣкъ, вполнѣ похожихъ другъ на друга. Затѣмъ, нужно помнить, что за свидѣтелемъ отправляется полицейскій инспекторъ. „Иногда имъ приходится идти вмѣстѣ очень долго,—говоритъ авторъ цитируемой статьи.—Кто знаетъ, о чемъ говорятъ они по дорогѣ! Во всякомъ случаѣ, инспекторъ не молчитъ. Покуда свидѣтель прибываетъ въ тюрьму, онъ имѣетъ достаточно вѣрное представленіе о примѣтахъ человѣка, на котораго ему слѣдуетъ указать“. Иногда инспекторъ, какъ это было въ дѣлѣ Бэка, показываетъ свидѣтелю обвиняемаго, когда онъ еще на свободѣ. Итакъ, обвиняемый узнанъ, о чемъ составляется протоколъ. Scotland Yard передаетъ собранные факты магистрату, который, въ свою очередь, послѣ слѣдствія, передаетъ дѣло суду. У магистрата и въ судѣ полицейскіе чиновники являются часто свидѣтелями и приводятъ мелкую прессу въ восторгъ точностью и обстоятельностью своихъ показаній. Разъ дѣло дошло до суда, Scotland Yard считаетъ вопросомъ корпоративной чести, чтобы присяжные вынесли тому человѣку, на котораго полиція указала,—обвинительный приговоръ. Предо мною только что вышедшая брошюра Джемса Таймуэлля „Police Work“, о которой много говоритъ теперь печать. Возьму оттуда нѣсколько фактовъ. Въ Лондонѣ магистраты разсматриваютъ ежегодно около 200,000 дѣлъ,—говоритъ авторъ. Полиція подготовляетъ все такъ заботливо, что судъ работаетъ съ правильностью часового механизма. Опытный адвокатъ всегда можетъ точно опредѣлить, въ какомъ часу будетъ разбирательство такого-то дѣла въ камерѣ магистрата. Нѣкоторые магистраты разбираютъ дѣла съ поразительной быстротой: въ округѣ Marylebone (сѣв. Лондона) въ девяносто минутъ разобрано семьдесятъ пять дѣлъ. Стремительность эта объясняется довѣріемъ магистратовъ къ полицейскимъ дознаніямъ. Авторъ категорически заявляетъ, что Scotland Yard руководствуется соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ раскрытіемъ истины. Послѣдствіемъ является осужденіе не винов-

ныхъ. „Въ небольшихъ проступкахъ или преступленіяхъ,—говоритъ Таймуэлль,—нѣкоторые обвиняемые предпочитаютъ у магистратовъ признавать себя виновными, хотя ничего не сдѣлали. Въ такомъ случаѣ, они разсчитываютъ отдѣлаться маленькимъ штрафомъ шиллинговъ въ пять. Если бы они стали отрицать вину, возводимую на нихъ полиціей, послѣдняя стала бы подготовлять свидѣтельскія показанія. Въ такомъ случаѣ, штрафъ возросъ бы до пяти фунтовъ. Чиновники Scotland Yard никогда не остановятся предъ ложной присягой, когда нужно поддержать корпоративную честь". По словамъ Таймуэлля, Scotland Yard очень мстителенъ. Онъ всегда постарается крупно насолить тому, кто выступитъ на судѣ съ разоблаченіями дѣятельности инспекторовъ. Выводъ, къ которому приходитъ авторъ, таковъ. Scotland Yard долженъ быть подчиненъ, какъ полиція всѣхъ провинціальныхъ городовъ, непосредственному общественному контролю. Всякая замкнутая административная корпорація, дѣятельность которой не гласна, а полномочія не указаны точно, превращается неминуемо, въ концѣ концовъ, въ врага общества.

IV.

Вѣроятно, о дѣятельности Scotland Yard не говорили бы такъ много, какъ теперь; вѣроятно, не возникли бы лиги, поставившія цѣлью „mend or end" (измѣнить или покончить) съ сыскной полиціей, если бы не дѣло Адольфа Бэка. Заключается оно вотъ въ чемъ.

Въ 1877 г. нѣкто Джонъ Смитъ былъ осужденъ въ Old Bailey за то, что выманилъ у нѣсколькихъ уличныхъ женщинъ цѣнныя вещи. Приведу два показанія, данныхъ свидѣтелями во время процесса. „Я встрѣтила подсудимаго на улицѣ,—показала Луиза Леонардъ.—Онъ сказалъ, что напишетъ мнѣ. На другой день я дѣйствительно получила письмо. Затѣмъ ко мнѣ явился подсудимый и сказалъ, что онъ *лордъ Уилоби*, и что у него прекрасный *домъ* въ *St. John's Wood* (сѣв. Лондона)".—Дальше мы увидимъ значеніе подчеркнутыхъ словъ. Джонъ Смитъ сказалъ, что ищетъ экономку для себя. Его прежняя только что ушла, проживъ у него 15 лѣтъ. Онъ далъ ей пять тысячъ фун. стерл. Джонъ Смитъ составилъ списокъ вещей, которыя должна купить себѣ Луиза Леонардъ, и далъ ей *чекъ на Union Bank*. Онъ забралъ у Леонардъ нѣсколько колецъ, чтобы *по образцу ихъ заказать лучшія*. Когда Леонардъ явилась съ чекомъ въ Union Bank, ей сказали тамъ, что не знаютъ лорда Уилоби. Полицейскій инспекторъ Элисъ Сперрей показалъ, что арестовалъ подсудимаго на улицѣ по указанію обобранныхъ женщинъ (всѣхъ

ихъ было семнадцать) *). Представителемъ обвиненія былъ Фультонъ. Присяжные признали Джона Смита виновнымъ, и судья его приговорилъ къ пяти годамъ каторжныхъ работъ.

Въ началѣ 1896 г. поступилъ цѣлый рядъ заявленій отъ уличныхъ женщинъ, что ихъ обобралъ нѣкто, назвавшій себя *лордомъ Уилоби*. Онъ заводилъ съ женщинами знакомство подъ предлогомъ, что ищетъ экономку для своего *дома въ St. John's Wood*. Лордъ Уилоби составлялъ списокъ вещей, которыя нужны женщинамъ, и выдавалъ имъ *чеки на Union Bank*. Затѣмъ забиралъ кольца и браслеты, *чтобы по образцу ихъ сдѣлать лучшія*. Вотъ показаніе одной свидѣтельницы.

„Я вдова,—показала Фанни Нетъ. Мой мужъ умеръ годъ тому назадъ. Около шести часовъ вечера въ декабрѣ я проходила по улицѣ, когда ко мнѣ подошелъ назвавшійся лордомъ Уилоби.— Вы такъ молоды, а уже вдова, — сказалъ онъ. — Да, отвѣтила я, — мнѣ только двадцать одинъ годъ. — Разскажите мнѣ все про вашего мужа, и при какихъ обстоятельствахъ онъ умеръ? — Я разсказала, а лордъ Уилоби спросилъ потомъ, не можетъ ли онъ навѣстить меня? — Я дала свой адресъ. Лордъ Уилоби сказалъ, что въ этотъ вечеръ не можетъ зайти, такъ какъ долженъ быть на парадномъ обѣдѣ. Черезъ день лордъ Уилоби прислалъ мнѣ письмо, а еще черезъ день—пріѣхалъ въ кэбѣ самъ. Онъ сказалъ мнѣ, что имѣетъ прекрасный домъ въ *St. John's Wood* и спросилъ, хочу ли я быть его экономкой? Свою прежнюю экономку онъ только что разсчиталъ; она увезла съ собою гостинцевъ, деньгами и брилліантами, на 18 тысячъ фунт. стерл. Лордъ Уилоби предложилъ 5 фун. въ недѣлю. Онъ сказалъ, что скоро отплываетъ на своей яхтѣ на югъ Франціи... Лордъ Уилоби выглядывалъ настоящимъ джентельмэномъ. Одѣтъ онъ былъ отлично... Онъ сказалъ, что желаетъ составить списокъ вещей для меня и, дѣйствительно, записалъ платья, бѣлье, драгоцѣнныя вещи и часы, указавъ, въ какихъ магазинахъ мнѣ слѣдуетъ пріобрѣсти все. Затѣмъ онъ далъ мнѣ чекъ на пятнадцать гиней на Union Bank. Лордъ Уилоби спросилъ, имѣю ли я какія-нибудь цѣнныя вещи.

— Не особенно много,—отвѣтила я.—У меня только кольца.

— Дайте ихъ, мнѣ нужна мѣрка, чтобы заказать у ювелира лучшія.

Лордъ Уилоби сказалъ, что возвратитъ мнѣ кольца въ тотъ же день съ посыльнымъ, а самъ заглянетъ черезъ два дня. Когда онъ ушелъ, я не досчиталась еще брошки. Я поѣхала въ банкъ, но тамъ мнѣ сказали, что такого вкладчика у нихъ нѣтъ" **).

---

*) Central Criminal Court Session Paper, vol. LXXXVI, Part 511.

**) Central Griminal C. S. P. vol. CXXIII, Part 737.

Подробности дѣла должны были породить у инспекторовъ Scotland Yard предположеніе, что женщинъ въ 1896 г. обирало то же лицо, которое было осуждено въ 1877 г. Экспертъ, сличавшій почерки, показалъ, что счеты и чеки, выданные въ 1877 и въ 1896 г. г., написаны однимъ и тѣмъ же лицомъ. И вотъ полиція стала разыскивать Джона Смита.

Въ февралѣ 1896 г. инспекторъ изъ Scotland Yard, производившій предварительное дознаніе, арестовалъ инженера Адольфа Бэка, норвежца по происхожденію, прибывшаго въ Лондонъ изъ Южной Америки. Бэкъ протестовалъ. Онъ увѣрялъ, что ничего не знаетъ, ни въ чемъ не виновенъ, но у магистрата свидѣтелемъ противъ него выступилъ, между прочимъ, отставной полицейскій инспекторъ Элисъ Сперрей.

— Въ маѣ 1877 г., — показалъ онъ, — я находился въ судѣ, когда подсудимый, стоящій теперь здѣсь, былъ осужденъ въ каторжныя работы на пять лѣтъ за выманиваніе денегъ и вещей у различныхъ женщинъ.

— Обстоятельства дѣла были тогда такія, какъ и теперь?— спросилъ представитель обвиненія.

— Совершенно такія же во всѣхъ мелочахъ. Тогда противъ подсудимаго выступили семнадцать женщинъ съ одинаковыми жалобами. Въ 1877 г. подсудимый называлъ себя лордомъ Уилоби. То же имя онъ взялъ себѣ и теперь, въ 1896 г.

— Узнаете ли въ подсудимомъ Джона Смита?—спросилъ обвинитель.

— Да, я категорически заявляю, что Адольфъ Бэкъ и Джонъ Смитъ одно и то же лицо,—отвѣтилъ свидѣтель.

— Вы теперь въ отставкѣ,—началъ защитникъ,—и, вѣроятно, желаете мирно, съ спокойной совѣстью дожить свой вѣкъ. Готовы ли вы, поэтому, поклясться, что узнаете въ подсудимомъ Джона Смита?

— Да, я готовъ. Сомнѣнія быть не можетъ. Я самъ арестовалъ его.

Экспертъ высказалъ увѣренность, что письма, отобранныя у Бэка, написаны тѣмъ же почеркомъ, „хотя умышленно измѣненнымъ", что и чеки, выданные Джономъ Смитомъ *). Экспертъ подробно объяснилъ свою теорію „норвежскихъ" и „саксонскихъ" волосныхъ буквъ. Вышло непонятно, но за то „учено". Магистратъ нашелъ, что улики, собранныя полиціей противъ Бэка, достаточны, и предалъ его суду.

Адольфъ Бэкъ все время категорически отрицалъ свою вину. Scotland Yard, между тѣмъ, убѣдился, что гипотеза, будто Бэкъ и Смитъ одно и то же лицо — не можетъ быть доказана. Смитъ отбывалъ въ 1877—82 гг. срокъ въ каторжной тюрьмѣ, между

*) Sessions Paper. Vol. CXXIII, Part. 737.

тѣмъ Бэкъ готовъ былъ представить свидѣтелей (двухъ консуловъ и одного англійскаго офицера), которые видѣли его въ это время въ Перу, въ Южной Америкѣ. Смитъ — англичанинъ по рожденію и еврей по религіи. Между тѣмъ Бэкъ —христіанинъ, а по-англійски говоритъ очень плохо, съ невозможнымъ акцентомъ. Свидѣтельницы всѣ показывали, что приняли человѣка, обобравшаго ихъ, за англійскаго аристократа. Бэку стоило бы сказать два слова, чтобы въ немъ узнали иностранца. Но Scotland Yard именно потому и арестовалъ Бэка, что предположилъ въ немъ Смита, виновника преступленій 1877 г. Если бы на судѣ было доказано, что Бэкъ не Смитъ, то обвиненіе пало бы, и инспекторамъ Scotland Yard нужно было бы допустить, что они сдѣлали большую ошибку. Но Scotland Yard дорожитъ своимъ принципомъ необыкновенной проницательности. И вотъ составляется настоящій заговоръ, чтобы добиться осужденія Бэка. Судьей, по странной случайности, явился Фультонъ, тотъ самый, который обвинялъ Смита въ 1877 г. Онъ не дозволилъ касаться прецедентовъ. Бэку, поэтому, не дали возможности доказать, что онъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ былъ въ Перу. Вызваны были только свидѣтельницы, которыя показали, что узнаютъ въ подсудимомъ человѣка, обобравшаго ихъ. Теперь, когда дѣло вполнѣ выяснилось, когда король особой грамотой призналъ невиновность Бэка,— приходится только поражаться, перечитывая въ сборникѣ судебныхъ рѣшеній эти категорическія и совершенно лживыя показанія. Теперь за спиной этихъ уличныхъ женщинъ, дававшихъ подъ присягой такія точныя показанія, мы видимъ опытныхъ режиссеровъ. Невольно зарождается вопросъ: если въ странѣ съ такимъ совершеннымъ гласнымъ судомъ, какъ Англія, слѣдственная полиція можетъ выставить свидѣтелей, чтобы добиться осужденія невиновнаго, то что же можетъ случиться въ судахъ на континентѣ?

Приведу изъ „Sessions Papers" показанія нѣкоторыхъ свидѣтельницъ.

— Въ мартѣ 1895 г.,—показала Джульета Клутъ,—я была съ маленькой сестрой въ Олимпіи (лондонскій циркъ). Подсудимый подошелъ и заговорилъ со мною. Я дала ему адресъ, и на другой день этотъ человѣкъ заѣхалъ ко мнѣ. Онъ сказалъ, что имѣетъ большой домъ въ St. John's Wood и просилъ придти къ нему когда-нибудь, чтобы поиграть на піанино его гостямъ. Я согласилась. Тогда онъ сказалъ, что я не достаточно хорошо одѣта, и составилъ списокъ вещей, которыя я должна купить. Я замѣтила, что у меня нѣтъ денегъ. „Ничего,—отвѣтилъ онъ,—вотъ вамъ чекъ на двадцать фунтовъ". Мой гость положилъ чекъ въ конвертъ, запечаталъ и велѣлъ снести въ Union Bank. Затѣмъ лордъ Уилоби,—какъ назвался гость,—сказалъ, что подаритъ мнѣ нѣсколько цѣнныхъ вещей, если я ему дамъ кольцо для мѣрки.

Я дала колечко съ тремя небольшими алмазами, которое онъ обѣщалъ возвратить въ тотъ же день съ „однорукимъ посыльнымъ“. Больше лорда Уилоби я не видала. На другой день я пошла въ банкъ, но тамъ по чеку ничего не выдали. Затѣмъ я изъ газетъ узнала, что другихъ женщинъ тоже обманули. Я снеслась съ Scotland Yard и сообщила примѣты человѣка, который былъ у меня. Черезъ три мѣсяца меня вызвали въ полицію, и тамъ я узнала подсудимаго“. Свидѣтельница дальше показала, что узнала подсудимаго, такъ какъ онъ одинъ былъ сѣдой человѣкъ съ усами, въ числѣ выведенныхъ предъ нею. Прежде, чѣмъ свидѣтельница увидала въ полиціи подсудимаго, она „бесѣдовала немного объ этомъ дѣлѣ съ тремя господами, которые были тамъ“.

Свидѣтельница Кэтъ Брэкфилдъ показала, что ее обобралъ неизвѣстный господинъ аристократической наружности, назвавшій себя лордомъ Уилоби. Она заявила полиціи и потомъ узнала подсудимаго въ полиціи. До этого свидѣтельница видѣла портретъ арестованнаго въ еженедѣльной газетѣ. Брэкфилдъ, по ея словамъ, „много говорила о своемъ дѣлѣ съ чиновникомъ изъ Scotland Yard“.

— Въ ноябрѣ я проходила по улицѣ Викторіи,—показала свидѣтельница Оталія Мейсонье.—Вдругъ меня остановилъ подсудимый. Онъ приподнялъ свою круглую шляпу и спросилъ, не зовутъ ли меня лэди Ивертонъ? На мой отвѣтъ онъ сказалъ, что я очень похожа на лэди Ивертонъ. Мы разговорились и пошли вмѣстѣ. Я дала свой адресъ. На другой день господинъ пріѣхалъ ко мнѣ. Онъ назвался лордомъ Уилоби, двоюроднымъ братомъ лорда Солсбри, и сказалъ, что имѣетъ большой домъ въ Лондонѣ и 180 тысячъ ф. ст. годового дохода. Лордъ Уилоби дальше замѣтилъ, что собирается съ шестью друзьями въ своей яхтѣ на южный берегъ Франціи, и предложилъ мнѣ присоединиться, такъ какъ знаніемъ языковъ и музыки я могу быть полезна и пріятна“. Дальше повторяется стеоретипный разсказъ о составленіи списка вещей, о выданномъ чекѣ и о взятыхъ кольцахъ, чтобы по ихъ мѣркѣ прислать лучшія. Лордъ Уилоби забралъ еще часы, чтобы дать ихъ оправить въ алмазы. Затѣмъ онъ исчезъ. Свидѣтельница увидала черезъ мѣсяцъ на улицѣ человѣка, въ которомъ она узнала Уилоби, и остановила его.

— Что вы отъ меня хотите?—спросилъ онъ ломаннымъ англійскимъ языкомъ.

— Я хочу мои часы и кольца.—Неизвѣстный,—показала дальше свидѣтельница,—побѣжалъ, но я за нимъ, покуда встрѣтила полисмэна. Неизвѣстный обругалъ меня и сказалъ полисмэну, что я пристаю къ нему; но я, тѣмъ не менѣе, отвѣтила, что обвиняю этого человѣка въ кражѣ и въ поддѣлкѣ чека на сорокъ фунтовъ ст. Полисмэнъ, по моимъ указаніямъ, арестовалъ „лорда

Уилоби". Свидѣтельница дальше заявила, что узнаетъ въ подсудимомъ человѣка, обобравшаго ее.

И такъ выступали одна свидѣтельница за другой. Каждая показывала точно и ясно. Каждое новое показаніе являлось отдѣльнымъ звеномъ. Адольфъ Бэкъ горячо протестовалъ. Онъ заявлялъ, что никогда не видалъ свидѣтельницъ въ глаза. При обыскѣ у него не нашли ничего подозрительнаго. Представитель обвиненія не могъ выяснить причину, почему образованный, матеріально обезпеченный человѣкъ сталъ бы выманивать, рискуя каторгой, жалкія кольца у уличныхъ женщинъ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи точныхъ показаній свидѣтельницъ, присяжные вынесли Адольфу Бэку обвинительный приговоръ, а судья (Фультонъ, обвинявшій въ 1877 г. Смита) присудилъ его къ семи годамъ каторжныхъ работъ. Подсудимый такъ энергично протестовалъ, что это произвело нѣкоторое впечатлѣніе на газетныхъ репортеровъ. И вотъ въ воскресныхъ газетахъ появились инспирированныя замѣтки. На судѣ не упоминалось совершенно про Джона Смита, но въ замѣткахъ положительно устанавливалось тожество Бэка съ Смитомъ. „Полиція имѣетъ точныя основанія предполагать,—говорится въ одной замѣткѣ,—что осужденный Бэкъ то же лицо, которое обвинялось въ 1877 г. подъ именемъ Джона Смита. Способъ выманиванія вещей въ обоихъ случаяхъ рѣшительно одинъ и тотъ же... Бэкъ, или Смитъ, безъ сомнѣнія, очень ловкій преступникъ. Онъ успѣлъ завоевать извѣстное мѣсто въ дѣловомъ мірѣ, гдѣ значился директоромъ одного рудника въ Норвегіи. Scotland Yard заслуживаетъ величайшей признательности со стороны публики за ту проницательность, которую онъ проявилъ въ этомъ дѣзѣ. Инспекторы Scotland Yard изъяли теперь изъ обращенія одного изъ самыхъ ловкихъ мошенниковъ".

„Нашъ сотрудникъ только что бесѣдовалъ съ инспекторами Scotland Yard, Рэдстономъ и Сперрелемъ, — говорится въ другой замѣткѣ.—Они категорически заявляютъ, что осужденный Адольфъ Бэкъ и Джонъ Смитъ,—одно и то же лицо. Объ этомъ свидѣтельствуетъ также карточка, снятая въ 1877 г. въ тюрьмѣ съ Смита".

Адольфа Бэка отвезли въ каторжную тюрьму, гдѣ помѣстили его въ спискахъ подъ номеромъ „D. W. 523". Буква D. обозначала, что онъ былъ уже осужденъ въ 1877 г. Буква W. означала второй приговоръ 1896 г. Итакъ, на судѣ не дозволено было коснуться „прецедента", т. е. Бэку не разрѣшили доказывать, что онъ—не Смитъ. Обстоятельство это было не трудно доказать, такъ какъ Бэкъ могъ показать *alibi*. Когда же его осудили, Scotland Yard уже помимо суда установилъ тождество Бэка и Смита. Такимъ образомъ, престижъ слѣдственной полиціи былъ спасенъ. И въ каторгѣ Бэкъ не переставалъ протестовать противъ приговора. Онъ подавалъ прошенія министру, приглашалъ адвокатовъ, но все напрасно. Но вотъ случайно онъ узнаетъ, что Смитъ,

за котораго его считаютъ,—былъ еврей. Бэкъ проситъ, чтобы его освидѣтельствовали и установили, что онъ не еврей. Наконецъ, слѣдствіе было назначено. Осмотръ констатировалъ, что нѣтъ возможности предполагать тождественность Смита и Бэка. Повидимому, обвиненіе противъ Бэка пало, такъ какъ всѣмъ было ясно, что женщинъ въ 1877 и 1896 г. г. обирало одно и то же лицо. Но Бэкъ добился только того, что ему дали другой номеръ, безъ буквы D. Затѣмъ онъ отбылъ полный срокъ наказанія и въ концѣ 1902 г. вышелъ на свободу. У него остались еще коекакія средства, и всѣ ихъ онъ пустилъ въ ходъ, чтобы реабилитировать себя. Онъ обращался къ адвокатамъ и къ частнымъ сыщикамъ, которымъ поручилъ разыскать свидѣтельницъ, показывавшихъ противъ него въ 1896 г. Наконецъ, Бэку удалось познакомиться съ виднымъ публицистомъ Джорджемъ Симсомъ и убѣдить его въ своей невиновности. Предстояло страшно трудное дѣло. „Великая хартія" гласитъ, что никто не можетъ быть дважды осужденъ за одно и то же преступленіе. Результатомъ явилось, что въ Англіи приговоръ присяжныхъ—навсегда рѣшаетъ дѣло. Апелляціи на приговоръ не существуетъ. Если впослѣдствіи и выяснится, что произошла судебная ошибка, то снять пятно приговора съ невинно пострадавшаго можетъ только „полное королевское прощеніе" (The King's Free Pardon), которое выражается особой грамотой. И вотъ Бэку предстояло добиться такого прощенія. Необходимо имѣть въ виду, что иностранцу еще труднѣе реабилитировать себя, чѣмъ англичанину.

V.

Повидимому, за попытками Бэка реабилитировать себя внимательно слѣдили. Каждый успѣшный шагъ его въ этомъ отношеніи тщательно отмѣчался. Въ маѣ 1904 г. инспекторъ изъ Scotland Yard вторично арестовалъ Бэка. Съ марта мѣсяца этого года опять стали поступать жалобы отъ уличныхъ женщинъ на человѣка, называвшаго себя лордомъ Уилоби и подыскивавшаго себѣ экономку для своего дома въ St. John's Wood. Изъ показаній пострадавшихъ женщинъ видно, что инспекторы Scotland Yard показывали имъ Бэка и спрашивали, не этотъ ли человѣкъ обобралъ ихъ? Вотъ, напримѣръ, показанія Паулины Скоттъ.

„Я получила извѣщеніе изъ Scotland Yard и отправилась, по указанію инспектора, въ ресторанъ на Оксфордской улицѣ. Сперва я не узнала подсудимаго, который сидѣлъ тамъ. Я чувствовала себя въ такомъ нервномъ состояніи, что если бы даже узнала его, то не могла бы заговорить съ нимъ. Видѣла я, однако, что человѣкъ, сидѣвшій въ ресторанѣ, очень похожъ на „лорда Уилоби", приходившаго ко мнѣ. Впослѣдствіи, когда подсудимый находился

уже въ полиціи, я его очень хорошо узнала. Черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ инспекторъ Уордъ указалъ мнѣ подсудимаго въ ресторанѣ, я дожидалась на углу Tottenham Court Road (улица въ центральномъ Лондонѣ). Тутъ же былъ и сыщикъ изъ Scotland Yard. Я увидала подсудимаго, подошла къ нему и спросила, что онъ сдѣлалъ съ цѣнными вещами, которыя выманилъ у меня. Вы—тотъ самый, который взялъ у меня кольца и соверэнъ,—сказала я.

— Я васъ не знаю,—отвѣтилъ онъ,—и васъ никогда не видалъ въ глаза.

— Вы украли у меня вещи,—продолжала я.

— Кто васъ научилъ такъ поступать?—сказалъ подсудимый.— Я васъ поведу къ моему адвокату.

— У меня тутъ человѣкъ, который желаетъ васъ видѣть,— отвѣтила я и подала знакъ сыщику изъ Scotland Yard, который сейчасъ же явился и арестовалъ подсудимаго". На перекрестномъ допросѣ свидѣтельница показала, что подсудимый все время утверждалъ, что видитъ ее въ первый разъ. Она, Паулина Скоттъ, отправилась въ ресторанъ и на уголъ Tottenham Court Road, *зная, что встрѣтитъ тамъ человѣка, обобравшаго ее.* Въ ресторанѣ она пробыла около двухъ часовъ и все смотрѣла на подсудимаго. Она его не узнала сперва, но въ душѣ все время была убѣждена, что это тотъ самый человѣкъ, который обобралъ ее. Въ тюрьмѣ, куда ее привели, чтобы опознать подсудимаго, свидѣтельница выбрала его изъ десяти человѣкъ. Все это были люди гораздо моложе подсудимаго. Въ такомъ же духѣ показывала свидѣтельница Лили Кингъ *). Адольфъ Бэкъ, не смотря на свои протесты, что всѣ показанія вымышлены, былъ преданъ суду, который состоялся 27 іюня этого года. Опять продефелировалъ рядъ свидѣтельницъ. Всѣ онѣ подъ присягой, съ замѣчательной точностью и опредѣленностью, показывали, что Бэкъ тотъ самый человѣкъ, который, подъ именемъ лорда Уилоби, обиралъ ихъ въ февралѣ и въ мартѣ 1904 г. Какъ въ 1877 и въ 1896 гг., „лордъ Уилоби" и теперь выдалъ нѣсколько подложныхъ чековъ на свой любимый Union Bank. Для сличенія почерковъ вызванъ былъ правительственный экспертъ Гэрринъ, тотъ самый, который фигурировалъ и въ 1896 г. Я приведу изъ стенографическаго отчета его показанія. По нимъ видно, какъ осторожно должны относиться присяжные къ заключеніямъ экспертовъ по изученію почерковъ, тѣмъ болѣе, что такими спеціалистами зачастую являются простые учителя чистописанія.

„Я—правительственный экспертъ и нахожусь на службѣ около двадцати лѣтъ. За это время мнѣ приходилось давать по-

*) *Daily Mail*, june 28, 1904, судебн. отчетъ. См. также брошюру „The Martyrdom of Adolf Beck", by G. Sims, London, 1904, p. p. 15—41.

казанія сотни разъ. Я внимательно изучилъ и сличилъ почеркъ подсудимаго съ почеркомъ чековъ и списковъ, составленныхъ лордомъ Уилоби. Я глубоко убѣжденъ, что всѣ эти документы писаны однимъ и тѣмъ же лицомъ, т. е. подсудимымъ. Письма, отобранныя у подсудимаго, писаны его нормальнымъ почеркомъ, а чеки и списки платьевъ—умышленно измѣненнымъ. Сотни данныхъ подтверждаютъ это. По моему мнѣнію, характеръ поддѣлки принадлежитъ къ тому, что мы, эксперты, называемъ „скандинавской группой". Я изучалъ рукописи иностранцевъ и замѣтилъ особенности въ буквахъ *t* и *f*. Всѣ эти особенности я нашелъ въ почеркѣ, которымъ написаны чеки". Дальше слѣдуютъ глубокомысленныя соображенія о черточкахъ и волосныхъ линіяхъ, которыя привели бы на память слова Сганареля „Nous autres grands médecins",—если бы дѣло не шло о человѣческой свободѣ. Присяжные вынесли Бэку во второй разъ обвинительный приговоръ.

Подсудимый пришелъ въ отчаянье.

— Клянусь Господомъ Богомъ,—воскликнулъ онъ,—я совершенно не виновенъ въ томъ преступленіи, которое взваливаютъ на меня. Я никогда не видалъ этихъ женщинъ. Ихъ научили показывать противъ меня полицейскіе сыщики. Я умоляю представителей печати, чтобы они узнали всѣ факты, касающіеся меня у моего адвоката.

Присяжные вынесли обвинительный приговоръ; судья сказалъ, что согласенъ съ присяжными, но отложилъ на четыре дня опредѣленіе наказанія. Размѣръ его, однако, не подлежалъ сомнѣнію: Бэка ждала каторга лѣтъ на семь. Но процессъ и поведеніе подсудимаго произвели глубокое впечатлѣніе на многихъ. Они были убѣждены, что произошла судебная ошибка. Въ одинъ день составился комитетъ, который послалъ судьѣ петицію съ просьбой просмотрѣть снова дѣло. Перваго іюля 1904 г. судья отвѣтилъ предсѣдателю комитета: „я уже сдѣлалъ добавочныя разслѣдованія по этому дѣлу. Теперь для меня внѣ сомнѣнія какъ вина осужденнаго, такъ и справедливость вередикта. Въ силу этого никакихъ дальнѣйшихъ разслѣдованій я дѣлать не намѣренъ".

„Добавочныя свѣдѣнія", о которыхъ говоритъ судья, получены были имъ изъ Scotland Yard. Судья обратился къ инспекторамъ полиціи съ вопросомъ, считаютъ ли они, что Бэкъ и лордъ Уилоби—одно и тоже лицо. Казалось, теперь для Бэка все кончено. Врядъ ли бы онъ выдержалъ семилѣтнюю каторгу, если имѣть въ виду, что Бэку теперь подъ шестьдесятъ. Но вотъ съ поразительной быстротой дѣла принимаютъ неожиданный и совершенно мелодраматическій характеръ. Въ Лондонѣ на мѣстѣ преступленія задержанъ человѣкъ „лордъ Уилоби" при попыткѣ выманить вещи у женщины. Въ арестованномъ узнаютъ Джона Смита, осужденнаго въ 1877 г. Третьяго іюля, т. е. черезъ два дня послѣ того, какъ судья отвѣтилъ предсѣдателю комитета,

мальчишки, продававшіе въ Лондонѣ вечернія газеты, выкликали на улицахъ: „Terrible miscarriage of justice“! (Ужасная судебная ошибка). Въ тотъ же день Бэкъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы, а еще черезъ нѣсколько дней — получилъ двѣ королевскія грамоты съ полнымъ прощеніемъ, т. е. съ полной реабилитаціей. Джонъ Смитъ, или лордъ Уилоби сознался, и теперь посланъ въ каторжныя работы. Это—не совсѣмъ заурядный преступникъ. Онъ получилъ порядочное образованіе и докторскій дипломъ въ вѣнскомъ университетѣ. Въ 1866 г. онъ былъ врачемъ, участвовалъ въ австро-прусской войнѣ. Затѣмъ уѣхалъ на Сандвичевы острова, откуда попалъ въ Лондонъ, гдѣ въ 1877 г. былъ осужденъ въ каторжныя работы. Въ 1882 г. опять уѣхалъ въ Австралію, гдѣ провелъ нѣсколько лѣтъ, практикуя иногда, какъ врачъ, а иногда занимаясь преступленіями.

VI.

Дѣло Адольфа Бэка произвело страшно сильное впечатлѣніе въ Англіи. Нѣкоторыя газеты назвали невинно осужденнаго „англійскимъ Дрейфусомъ“, но только далеко не точно. Во Франціи дѣло Дрейфуса раздѣлило все населеніе на два враждебныхъ лагеря. Многіе были тамъ глубоко убѣждены, что для спасенія престижа корпораціи можно пожертвовать иногда единичнымъ лицомъ. Въ Англіи, какъ только раскрылось дѣло, *вся* печать, безъ всякаго исключенія, сейчасъ же забила тревогу и потребовала, чтобы найдены были виновные. Печать поставила дѣло на принципіальную почву и доказывала, что теперь рѣчь идетъ не объ индивидуумѣ, а о правахъ каждаго. „Если Scotland Yard вчера для спасенія своего престижа могъ содѣйствовать осужденію не виновнаго, то гдѣ же гарантія, что такая же опасность не угрожаетъ сегодня любому мирному гражданину, моему сосѣду, или мнѣ самому?“—задавали себѣ вопросъ англичане. Я приведу выдержки изъ консервативныхъ газетъ.

„Мы, англичане, любимъ во всемъ законность и справедливость, fair play; теперь мы убѣдились, что какіе-то злоумышленники ткутъ сѣть противъ мирныхъ обывателей“,—писала *St. James's Gazette*. „Бэкъ сдѣлался жертвой страшной несправедливости,—говоритъ *Daily Telegraph*.—Правительство обязано немедленно дать отвѣтъ, какъ это могло случиться. Общество не успокоится до тѣхъ поръ, покуда безпристрастное слѣдствіе не выяснитъ всего“. „То, что случилось съ Бэкомъ, можетъ во всякое время приключиться съ любымъ ни въ чемъ не повиннымъ гражданиномъ,—доказывали джингоистическія *Evening News*. — Каждый изъ насъ, поэтому, заинтересованъ въ томъ, чтобы слѣдствіе нашло виновныхъ, кто бы они ни были“.

„Такіе случаи, какъ дѣло Бэка,—писалъ *Times*,—къ счастью, у насъ очень рѣдки; но мы обязаны добиться того, чтобы они стали невозможны. Необходимо самое тщательное слѣдствіе, произведенное уполномоченными общества". Всѣ газеты, кромѣ того, доказывали, что корпорація, облеченная широкими полномочіями, какъ Scotland Yard, должна находиться, какъ вся англійская полиція, подъ прямымъ общественнымъ контролемъ. Отсутствіе прямого контроля имѣетъ послѣдствіемъ то, что Scotland Yard начинаетъ получать совершенно не желательное значеніе и можетъ превратиться прямо во врага общества. Scotland Yard, чего добраго, скоро пожелаетъ взять подъ контроль своихъ агентовъ мирныхъ обывателей. Этого нельзя терпѣть.

Заинтересованныя лица пожелали по возможности замять дѣло. Адольфу Бэку предложили 20,000 руб. вознагражденія, предупредивъ, однако, что если онъ будетъ „шумѣть", то потомъ ничего не получитъ. Бэкъ разоренъ совершенно двумя процессами и, вѣроятно, согласился бы взять деньги; но англійское общество не допустило, чтобы виновные отдѣлались такъ легко. Немедленно составилась лига, которая убѣдила Бэка, въ интересахъ всѣхъ гражданъ, настаивать на полномъ разслѣдованіи дѣла. Лига эта гарантировала Бэку полученіе 20,000 руб. И вотъ теперь тщательное слѣдствіе наряжено. Засѣданіе слѣдственной коммиссіи будетъ гласное. Внимательное изученіе дѣла Бэка зарождаетъ въ каждомъ вопросъ: если подобные случаи возможны въ Англіи, то что же бываетъ на континентѣ, гдѣ оперируютъ организаціи съ неизмѣримо болѣе широкими полномочіями, чѣмъ Scotland Yard? Что происходитъ тамъ, гдѣ дѣятельность организацій покрыта гораздо большею тайною, чѣмъ операціи инспекторовъ изъ Scotland Yard?

Діонео.

Кроличье право.

(Письмо изъ Германіи).

I.

Всѣ русскіе, которые этимъ лѣтомъ посѣтили Берлинъ и Германію, чувствовали себя, несомнѣнно, совершенно спокойными и на берлинскихъ улицахъ, и въ вагонѣ желѣзной дороги, пересѣкающей такія мѣста, какъ Познань, Бромбергъ, Торнъ и т. п. Даже болѣе того, многіе изъ странствующихъ россіянъ, навѣрное, любовались прусской мощью и силой, воплощенной въ видѣ браваго прусскаго жандарма съ блестящимъ шишакомъ на головѣ;

многіе въ глубинѣ души позавидовали дисциплинѣ, выдержкѣ и служебному рвенію по-прусски закаленныхъ, прусскимъ духомъ одушевленныхъ, исполненныхъ гордой самоувѣренности и удивительной вышколенности многочисленныхъ прусскихъ стражей тишины и порядка. И если бы истинно-русскому патріоту удалось заглянуть въ тайники прусской бюрократіи, онъ остановился бы съ благоговѣйнымъ удивленіемъ передъ прусской государственной машиной: во главѣ пирамиды прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ— неукоснительный и твердый, проникнутый съ головы до пятъ духомъ бисмарковскаго броненоснаго кулака, относящійся съ величайшимъ презрѣніемъ ко всякой оппозиціи и не только не знающій, но и не желающій ничего знать о какихъ-то нелѣпыхъ „соціальныхъ законахъ", о какой-то „исторіи", которая осмѣливается развиваться помимо прусско-королевской канцелярской указки—таковъ идеальный типъ. Г. фонъ-Гаммерштейнъ, правда, нѣсколько къ нему не подходитъ. Г. фонъ-Гаммерштейнъ бываетъ иногда слабъ, неловокъ и дѣлаетъ промахи. Г. фонъ-Гаммерштейнъ попался вмѣстѣ съ пресловутымъ барономъ фонъ-Мирбахомъ въ продажѣ монаршихъ милостей своего короля за церковные дары еврейскихъ банкировъ и фабрикантовъ и долженъ, по всей вѣроятности, пасть. Но на мѣсто одного г. фонъ-Гаммерштейна будетъ найденъ другой, еще лучшій фонъ-Гаммерштейнъ, и этотъ послѣдній опять будетъ стремиться съ неуклонной постепенностью къ выше нарисованному идеалу до тѣхъ поръ, конечно, пока не протянется рука съ „высшей инстанціи" и не ссадитъ его съ мѣста за какія нибудь неловкости и ошибки. Но идеалъ спасительной незыблемости и непримиримой твердости останется и тогда все тотъ же. Подобно статуѣ „Побѣды" въ Tiergarten'ѣ, является прусскій министръ воплощеніемъ прусской побѣдоносной исторіи, основою ея неукоснительнаго хода. Достойными соратниками его служатъ архи-консервативные оберъ-президенты и премудрые регирунгсъ-президенты; ихъ дополняютъ собою бравые ландраты и исполнительные амтсфорштейеры, а у подножія красуются полки извѣстныхъ всему міру прусскихъ полицейскихъ коммиссаровъ и агентовъ, тайныхъ и явныхъ уголовныхъ полицейскихъ, жандармовъ и простыхъ городовыхъ — „шуцмановъ". Какая мощная и прекрасно организованная армія, съ какой быстротою и точностью работаетъ она, проникая своими вѣчно зрячими очами сквозь крыши и стѣны публичныхъ мѣстъ и частныхъ домовъ и раскрывая повсюду анти-государственныя козни, преслѣдуя „вредныхъ" иностранцевъ, защищая интересы промышленности и торговли отъ злоумышленій, „лишенныхъ отечества парней". И въ особенности въ послѣднее время проявила прусская полиція свои усмирительные таланты по отношенію къ славянской опасности: въ каждомъ русскомъ студентѣ въ Берлинѣ усмотрѣла она преступную политическую заразу, въ каждомъ

русскомъ эмигрантѣ видитъ она гибель Германской имперіи и мощной рукой однихъ выселяетъ изъ Пруссіи, а другихъ отдаетъ въ крѣпость, какъ безсловесную скотину, мѣстнымъ пароходнымъ обществамъ, занимающимся транспортомъ живой клади въ Америку.

И, тѣмъ не менѣе, „Пруссія наканунѣ своей гибели"—такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ патріотическіе листки и газеты, и если эта гибель отсрочена, то только вслѣдствіе чрезвычайныхъ мѣропріятій, принятыхъ въ послѣднюю сессію прусскимъ ландтагомъ и извѣстныхъ отнынѣ подъ названіемъ закона 10 августа 1904 г.

Все дѣло въ томъ, что въ Пруссіи развились кролики. Тѣ самые кролики, которые, будучи способны къ чрезвычайному размноженію, съ одной стороны, опустошаютъ, благодаря своей прожорливости, цѣлыя мѣстности, засаженныя огурцами и капустой, съ другой же—являются благодарнымъ матеріаломъ для опытовъ прививки различныхъ ядовъ, для медицинскихъ экспериментовъ, вивисекцій и т. п. мѣропріятій на живомъ тѣлѣ. Только въ данномъ случаѣ кроликами въ рукахъ пруссаковъ оказываются не четвероногіе обитатели приморскихъ дюнъ, а двуногіе представители человѣческой породы, тѣ славяне польской національности, которые волею судебъ получили прусское правительство въ качествѣ своихъ отцовъ и командировъ.

И поляки-кролики являются, по утвержденію нѣмцевъ, невѣроятно опаснымъ элементомъ для великой и славной Германіи. По утвержденіямъ націоналистической прессы, эти кролики обладаютъ слѣдующими зловредными свойствами: 1) принадлежа къ низшей польской расѣ, не желаютъ причислиться къ высшей нѣмецкой породѣ людей. 2) Чрезмѣрно размножаются и тѣмъ препятствуютъ скорѣйшему искорененію славянскаго духа. 3) Упорно признаютъ свое польское отечество отечествомъ, хотя оно въ канцелярскомъ порядкѣ уже давно переименовано въ Пруссію. 4) Довольствуются малымъ, а потому препятствуютъ переселенію въ ихъ страну болѣе притязательныхъ тевтоновъ. 5) Вѣруютъ въ непогрѣшимость католическаго папы. И, наконецъ, 6) желаютъ ниспровергнуть всѣ установленныя правительства и подчинить вселенную польскому государству. Въ этомъ же родѣ можно еще насчитать въ 7-хъ, въ 8-хъ, въ 9-хъ и т. д. Мы пока отъ этого воздержимся и перейдемъ къ разсмотрѣнію всѣхъ названныхъ польскихъ грѣховъ и преступленій.

Прежде всего, поляки не хотятъ отказаться отъ своей національности. И этому нѣкоторые нѣмецкіе писатели совершенно искренно удивляются; вѣдь, какъ говоритъ одинъ изъ важнѣйшихъ истребителей поляковъ, г. Ф. Массовъ *): „не имѣется вовсе ни

*) W. v. Massow. Die Polen-Not im deutschen Osten, Berlin, 1903.

польской культуры, ни науки, ни искусства, ни литературы, которой могли бы поучиться мы, нѣмцы"; напротивъ того, все, что имѣютъ поляки, все это получили они отъ своихъ нѣмецкихъ благодѣтелей; вѣдь именно Пруссія „выполнила серьезную работу для того, чтобы излѣчить польскій народъ отъ его политическихъ болѣзней"; Пруссія не только „менѣе другихъ виновата въ уничтоженіи государственной самостоятельности Польши", но и „предоставила своимъ польскимъ подданнымъ полныя политическія права", чѣмъ пріобрѣла себѣ „величайшую заслугу дѣломъ возрожденія польскаго народа"... И вдругъ такая черная неблагодарность: поляки ни за что не хотятъ сдѣлаться нѣмцами. Требованія поляковъ къ ихъ сородичамъ могутъ быть выражены словами: „Вы — поляки, и у васъ есть обязанности по отношенію къ вашему народу. Не забывайте объ этомъ на чужбинѣ и докажите это на дѣлѣ! Пользуйтесь вашимъ роднымъ языкомъ, берегите его, старайтесь, чтобы ваши дѣти его не забыли! И, если даже вамъ хорошо живется на чужбинѣ, помните, что вы не ей принадлежите, а своей родинѣ". Мало этого, какъ утверждаетъ—на основаніи одного польскаго летучаго листка—другой новѣйшій пожиратель поляковъ, г. Максъ Бутларъ *): поляки осмѣливаются провозглашать, что, дескать, „единая нація—единая мысль", что „поляки имѣютъ свои собственные идеалы и свои собственныя цѣли"; что, наконецъ, „поляки вѣрятъ въ политическое возрожденіе своего народа"—и все это, не смотря, на то, что, съ одной стороны, какъ мы видѣли выше, польскій народъ уже въ достаточной степени „возрожденъ" Пруссіей, съ другой же, подобно другимъ „низшимъ" расамъ,—по утвержденію г. Герра **),—не обладаетъ ни „собственной культурой", ни „достойной упоминанія литературой". Таковы вредныя и опасныя стремленія поляковъ. И, какъ сообщилъ одинъ нѣмецкій учитель на съѣздѣ въ Глейвицѣ осенью 1897 г., этотъ „ядъ вліяетъ, къ сожалѣнію, не только на взрослыхъ. Если нѣмецко-патріотическій образъ мыслей систематически попирается въ родителяхъ, то это должно дѣйствовать и на дѣтей. Такъ,—разсказываетъ онъ,—случилось со мною въ школѣ прошлой весной; во время урока исторіи одинъ изъ учениковъ сказалъ: „по словамъ моего отца, наши короли жили прежде въ Краковѣ; правда ли это, г. учитель?" Къ этому сообщенію г. учитель прибавилъ: „какіе разговоры должны были вестись въ этой семьѣ, если такой вопросъ сталъ возможенъ въ школѣ!"

„Надежды" поляковъ—это первое и величайшее ихъ преступленіе. Этимъ надеждамъ г. Ф. Массовъ посвящаетъ цѣлую главу

---

*) Max Buttlar. Die polnische Frage, Frankfurt a. M. 1904.

**) D-r jur. E. Herr, Regierungs-Assessor, Neue Bahnen der Polenpolitik. Berlin. 1903.

своей объемистой книги; но такъ какъ надежды сами по себѣ даже при крайнемъ напряженіи патріотической подозрительности ничего непосредственно опаснаго для Пруссіи собою не обнаруживаютъ, то подъ нихъ подставляются длинныя разсужденія о томъ, что всякое стремленіе къ національной самобытности должно непремѣнно носить политически опасный характеръ, что если у поляковъ такія опасныя надежды мало высказываются, то они тѣмъ, не менѣе, непремѣнно должны существовать и должны привести Пруссію къ гибели и т. п. Присмотримся ближе къ той философіи, которая „кроликовъ“ Пруссіи подводитъ неминуемо подъ ножъ живосѣченія.

Для этого кроликамъ прежде всего выдается льстивый аттестатъ. Оказывается, что „черная неблагодарность“ поляковъ не можетъ быть имъ поставлена въ вину. „Что доказываетъ эта неблагодарность?“—вопрошаетъ г. Ф. Массовъ: „она доказываетъ, что они еще и теперь представляютъ собою не отдѣльныхъ по-польски говорящихъ индивидовъ, а народъ. Неблагодарность отвратительна со стороны отдѣльнаго лица, но для народа она является политической добродѣтелью. Народъ, который за оказанныя благодѣянія доказалъ бы другому тѣмъ свою благодарность, что вручилъ бы свои судьбы въ руки благодѣтеля, пересталъ бы быть народомъ. Народъ, какъ цѣлое, долженъ видѣть свой высшій моральный законъ въ долгѣ самосохраненія. И это даже можетъ служить признакомъ жизненной силы народа, если среди его членовъ настолько велико чувство, направленное на сохраненіе народности, что оно совершенно преодолѣваетъ не только ближайшія моральныя соображенія, но даже стремленіе къ матеріальному благосостоянію“. И дальше: „для народа, который сохраняетъ съ полнымъ сознаніемъ и силой свой бытъ и языкъ, точно такъ же, какъ полную вѣру въ самого себя, который создалъ и развиваетъ свою самостоятельную литературу и искусство, а въ соціальномъ отношеніи принялъ структуру великихъ культурныхъ народовъ Западной Европы, который неустанно прогрессируетъ совершенно самостоятельно и при томъ на національной основѣ въ области промышленной жизни, для народа, который постоянно возрастаетъ въ числѣ и очень мало или почти ничего не отдаетъ изъ своего прироста чуждымъ національностямъ,—для такого народа совершенно невозможно взирать на себя, только какъ на часть различныхъ чужихъ государствъ“. Все это г. Массовъ примѣняетъ и къ полякамъ. Но нашъ философъ націонализма не даромъ выдаетъ „кроликамъ“ Пруссіи такой хорошій аттестатъ: онъ неминуемо приходитъ затѣмъ къ результату, что „поляки, какъ живой народъ, вступившій въ новую фазу развитія... съ математической необходимостью и при всякихъ условіяхъ обладаетъ одною только цѣлью, а именно: создать себѣ такую форму, безъ которой не можетъ долго существовать ни одна живая нація, т. е. форму

какого-бы то ни было самостоятельнаго государственнаго представительства“. Польскій народъ, такимъ образомъ,—повторяетъ нашъ авторъ, — „живетъ и стремится со всею мощью къ единственному, чего ему еще не хватаетъ по сравненію съ другими народами, а именно: самостоятельному государственному представительству“. Что и требовалось доказать! Далѣе уже не трудно, путемъ легонькой подстановочки, перейти къ государственной „измѣнѣ“ зловредныхъ кроликовъ, неустанно роющихъ ходы въ дюнахъ прусской государственности.

Сказано „какому-нибудь національному представительству“. И это вполнѣ понятно: такое представительство, въ большемъ или меньшемъ объемѣ, безусловно необходимо для духовнаго здоровья живой и прогрессирующей націи, но это, однако, далеко не значитъ еще, чтобы во имя такого представительства необходимо было нарушить добрыя сосѣдскія отношенія съ другими культурными націями, посягать на ихъ самобытность и самостоятельность, провозглашать свою гегемонію надъ всей вселенной. И прусскіе поляки, въ этомъ отношеніи, не составляютъ исключенія: стремясь „къ какому бы то ни было“ національному представительству, они въ то же время честно и самоотверженно исполняютъ свой долгъ по отношенію къ тѣмъ чуждымъ для нихъ правительствамъ, подъ властью которыхъ они сейчасъ находятся. Во время прусско-французской войны 1870 г. поляки дрались въ первыхъ рядахъ прусскаго войска и своею кровью запечатлѣли свою вѣрность закону и прусскому государству,—это признаетъ самъ г. Массовъ и другіе противъ поляковъ враждебно-настроенные писатели. Какъ говоритъ г. Буттларъ: „въ великихъ войнахъ 1866—1870—1871 гг. польскіе солдаты заслужили себѣ великую честь и по полному праву гордились этимъ“. „Они дрались и побѣждали плечо къ плечу съ нѣмцами“. И не даромъ характеризуетъ г. Массовъ польскаго солдата слѣдующими чертами: „съ геройскимъ мужествомъ идетъ онъ на смерть за своего офицера или чтобы вынести раненаго изъ подъ ужаснаго дождя пуль, и никакіе чуждые уговоры не отвлекутъ его отъ исполненія его долга“. И все это нисколько не мѣшаетъ прусскимъ патріотамъ утверждать, что польскія надежды непосредственно грозятъ прусскому государству, такъ какъ подъ понятіе „какого нибудь“ національнаго представительства они подставляютъ прямыя стремленія къ ниспроверженію прусскаго владычества, и ихъ воспаленному воображенію уже рисуются страшныя картины раздѣла поляками Пруссіи, ополяченія нѣмцевъ, уничтоженія германской культуры и т. п. Такъ дѣйствуютъ несомнѣнно отклики стараго прусскаго историческаго грѣха и сознаніе невозможнаго положенія, въ которое, благодаря ему, поставлены добрые пруссаки. „По отношенію къ полякамъ мы должны сдѣлать употребленіе изъ нашего права хозяина въ своей

странѣ", возглашаютъ тевтоны, и сами чувствуютъ, что въ этой фразѣ что-то не ладно. „Поляки дѣлаютъ слишкомъ дурное употребленіе изъ нашего гостепріимства",—оправдываютъ они свои мѣропріятія, и тутъ уже почва подъ ними совсѣмъ колеблется. Спрашивается, въ самомъ дѣлѣ, кто „хозяинъ", и кто „гость" въ Великой Польшѣ, въ Восточной Пруссіи, а частью и въ Бранденбургѣ и Силезіи? Кто пришелъ туда незванный и непрошенный и усѣлся за хозяйскій столъ? Какъ можно вообще говорить о правахъ „хозяина" и „гостепріимствѣ" тамъ, гдѣ незначительное нѣмецкое меньшинство захватываетъ власть надъ исконнымъ славянскимъ населеніемъ и на правахъ „хозяина" требуетъ, чтобы польскіе „гости" стали и думать, и чувствовать, какъ ихъ новый, пришедшій къ нимъ съ запада, „хозяинъ". И несомнѣнно, именно чувства такого забравшагося въ чужой домъ хозяина заставляютъ г. Массова и ему подобныхъ видѣть повреждение хозяйскихъ правъ тамъ, гдѣ на самомъ дѣлѣ просятъ поляки своего непрошеннаго гостя снять ноги съ ихъ стола и дать имъ возможность пообѣдать безъ этой культурной приправы. Только такимъ путемъ мы можемъ объяснить себѣ то стремленіе сокрушить, разбить и изничтожить, которое овладѣваетъ прусскими ненавистниками поляковъ. Только угрызеніями національной совѣсти можно оправдать тѣ призраки, которые рисуютъ себѣ нѣмцы. Вѣдь умудрился же г. Максъ Буттларъ (въ изданіи свободомыслящаго „Свободнаго Слова") узрѣть поляковъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ на Балканахъ въ Турціи, въ Италіи и въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ они куютъ ковы противъ бѣдной Пруссіи и ея восточныхъ сосѣдей, при чемъ даже бракъ князя Радзивилла съ графинею Хотекъ (свояченицей австрійскаго наслѣдника престола) получаетъ архи-страшное и таинственное значеніе. Въ качествѣ польскаго Піемонта рисуется этому писателю католическая Австрія, „тамъ грохочетъ,—возглашаетъ онъ, подобно Пифіи,—чреватая бѣдствіями европейская гроза и грозитъ соединиться съ азіатской бурей, готовя для поляковъ тотъ давно желанный моментъ, когда они могутъ начать великое возстаніе!" Немудрено, что послѣ всѣхъ такихъ ужасовъ г. губернскій ассесоръ и докторъ права г. Герръ, въ своемъ служебномъ рвеніи, восклицаетъ: „требовать отъ поляковъ, чтобы они стали лояльными гражданами, это не значитъ ничего другого, какъ требовать у нихъ отреченія отъ ихъ народности"; „но чѣмъ меньше мы требуемъ отъ поляковъ невозможнаго, а именно, чтобы они отказались отъ мечты своего народа относительно мощи и величія польской земли, — тѣмъ болѣе мы считаемъ нашей священной обязанностью въ качествѣ нѣмцевъ крушить эти стремленія панцырнымъ кулакомъ, а эти обломки чуждой народности въ нашемъ новомъ національномъ государствѣ или всосать (онѣмечить), или выбросить вонъ изъ страны!"

Эта формула вполнѣ гармонируетъ съ знаменитымъ изреченіемъ о томъ, что мы, де, нѣмцы никого не боимся, кромѣ Бога, и прекрасно приспособлена къ тому, чтобы въ худшемъ случаѣ пугать политическихъ младенцевъ. Къ сожалѣнію, однако, польская политика Пруссіи въ послѣднее время придаетъ этой формулѣ оттѣнокъ политической серьезности, и въ виду этого мы попробуемъ повторить ея основную схему. Положеніе I. Поляки не хотятъ быть нѣмцами. Ergo—они мечтаютъ о польскомъ единствѣ. Положеніе II. Поляки—сильная и способная къ развитію нація. Отсюда слѣдствіе — они должны желать возстановленія польскаго государства. Положеніе III. Поляки—„гости“ прусскаго государства и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ своего „дома“ не имѣютъ. Слѣдовательно,—они хотятъ прогнать своего гостепріимнаго хозяина и изъ его дома построить себѣ хатку. Положеніе IV и послѣднее. Поляки это—зловредные кролики, которые подкапываютъ Европу и на Балканахъ, и въ Америкѣ, и отсюда—сокрушительный выводъ: „кроликовъ надо душить панцырнымъ кулакомъ.“

Таковы философскія основы новой государственной мудрости прусскаго „гакатизма“.

II.

Спрашивается теперь, гдѣ тѣ гигантскія силы, при помощи которыхъ должна быть ниспровергнута германская имперія, съ тѣмъ, чтобы на ея развалинахъ учредить новое славянское царство?—На этотъ вопросъ передовые бойцы прусской германизаціи не замедляютъ отвѣтомъ. Силъ у поляковъ оказывается много, слишкомъ много, и первая изъ нихъ — низкій уровень культурнаго развитія.

Въ борьбѣ низшей расы съ высшею, какъ разсуждаетъ членъ пангерманскаго союза г. Рейсманъ-Гронэ *), побѣждаетъ несомнѣнно низшая. Благодаря своей непритязательности, славянскіе дешевые рабочіе неизбѣжно вытѣсняютъ дорогихъ нѣмецкихъ, подобно тому, какъ въ Америкѣ китайцы вытѣсняютъ туземныхъ рабочихъ, а въ Африкѣ негры—англичанъ и голландцевъ. Въ виду этого страшныя массы славянскаго пролетаріата не только вливаются цѣлымъ потокомъ въ Познань изъ Галиціи и русской Польши, но тому же движенію на западъ слѣдуютъ и прусскіе поляки, и въ свою очередь вытѣсняютъ культурныхъ нѣмцевъ изъ горной Силезіи, изъ промышленныхъ областей Вестфаліи и прирейнской области. И нѣмцы ничего противъ этого не могутъ подѣлать. Правда, можно бы совсѣмъ закрыть границу для

*) Dr. Reismann-Grone. Die slawische Gefahr in der Ostmark. Muenchen, 1899.

иностранныхъ рабочихъ, выселить ихъ изъ Пруссіи на манеръ Бисмарка и тѣмъ дать возможность гг. аграріямъ пригласить болѣе дорогихъ нѣмецкихъ рабочихъ въ цѣляхъ охраненія великихъ національныхъ благъ. Этимъ, несомнѣнно, для нѣмецкихъ промышленниковъ открылась бы завидная доля: они пожертвовали бы своей предпринимательской прибылью во имя высокой національной идеи, доказали бы не на словахъ, а своими карманами степень своего патріотическаго одушевленія. Но... такъ далеко прусскій патріотизмъ не идетъ, и прусскіе юнкеры вкупѣ съ силезскими горнопромышленниками предпочитаютъ „прибавочную стоимость" интересамъ пангерманизма и тысячами выписываютъ къ себѣ польскихъ „кули" на мѣсто нѣмецкихъ рабочихъ. Такъ польская некультурность, соединяясь съ интересами высоко культурныхъ нѣмецкихъ кармановъ, оказывается первымъ орудіемъ въ рукахъ велико-польскаго „Zukunft-Staat'a".

У мѣста будетъ замѣтить, что новый русско-германскій торговый договоръ можетъ до извѣстной степени облегчить положеніе національно-прусскихъ предпринимателей: ихъ доходы, въ особенности доходы крупныхъ аграріевъ, увеличатся до чрезвычайности; этимъ, конечно, откроется возможность перехода отъ дешевыхъ польскихъ къ дорогимъ нѣмецкимъ рабочимъ; спрашивается только, пожелаютъ ли нѣмецкіе патріоты дѣлиться своими возросшими барышами съ нѣмецкимъ рабочимъ? Мы думаемъ, что по прежнимъ примѣрамъ всѣ новые барыши они направятъ исключительно въ свои собственные карманы.

Но и въ другомъ отношеніи польская „дикость" оказывается роковою для нѣмцевъ. Согласно утвержденію г. Массова, нѣмцы въ качествѣ высоко развитой націи представляютъ собою чрезвычайныхъ „индивидуалистовъ". Каждый изъ нихъ дѣйствуетъ самъ за себя и до всего хочетъ дойти собственнымъ умомъ. Онъ желаетъ себѣ составить обо всемъ свое собственное мнѣніе и регулируетъ свою дѣятельность на основаніи чисто индивидуальныхъ нормъ. Поэтому среди нѣмцевъ есть очень много такихъ, которые относятся къ польскому вопросу болѣе чѣмъ индиферентно; процентъ нѣмцевъ-„ренегатовъ" очень великъ, и весь процессъ германизаціи получаетъ поэтому характеръ раздробленности и неорганизованности. Не то съ польской стороны. Въ качествѣ „низшей расы" славяне вообще, а поляки въ частности, оказываются сильно подверженными „стаднымъ инстинктамъ", тому, что называетъ нашъ авторъ ученымъ терминомъ „массового внушенія". Слѣдующими чертами рисуетъ онъ польскій народный характеръ: у поляковъ, „благодаря взаимному внушенію, настолько господствуетъ массовое восприятіе, что оно совершенно подчиняетъ себѣ отдѣльную личность". Отдѣльный полякъ думаетъ и чувствуетъ не какъ личность, а какъ частица стада. Всюду и вездѣ тянетъ его къ его сородичамъ, вездѣ онъ создаетъ особыя поль-

скія ячейки, среди которыхъ онъ находитъ нужную ему среду; онъ держится за эту среду, ею живетъ и дышетъ; отсюда то удивительное „стадное“ единство поляковъ, которые всегда на своей спинѣ носятъ свою родину. „Единство воспріятія... у поляковъ покоится въ такой степени на естественной способности, что внѣшнія воздѣйствія играютъ относительно незначительную роль. Полякъ по всей своей природѣ чувствуетъ себя только тогда хорошо, когда онъ находится въ обществѣ своихъ земляковъ; все чисто-человѣческое, индивидуалистическое стоитъ у него на второмъ планѣ... Гдѣ собрались два поляка, тамъ, если они даже будутъ смертельными врагами, они будутъ чувствовать себя солидарными противъ не поляка и при томъ не на основаніи сознательной рефлексіи, а прямо въ силу естественнаго влеченія“. И польская среда дѣйствуетъ крайне развращающе на отдѣльнаго поляка: „сильное массовое воспріятіе въ такой степени подавляетъ моральное поведеніе отдѣльныхъ лицъ, что легко увлекаетъ ихъ даже въ такомъ направленіи, которое должно имъ быть совершенно чуждо по ихъ нравственнымъ понятіямъ. Изъ вѣрноподданнаго прусскаго солдата она дѣлаетъ отчаяннаго повстанца и врага всѣхъ нѣмцевъ. Изъ польскихъ гимназистовъ она создаетъ заговорщиковъ, которые основываютъ тайныя общества для изученія польскаго языка и исторіи. Могучая, всепоглощающая среда, исполненная стаднаго единства и слѣпого повиновенія массѣ,— такова, основанная на славянской дикости, сила, разбивающая натискъ нѣмецкихъ „индивидуалистовъ“. Бѣдные пруссаки! Какъ тяжело должны они платиться за свою цивилизацію. Какъ грустно видѣть себя и свое отечество поглощеннымъ славянскими ордами, забивающими съ дьявольской ловкостью клинъ въ среду самодовлѣющей нѣмецкой „личности“. И въ то же время какой переворотъ: славяне, исторически прославившіеся своей рознью и неумѣніемъ дѣйствовать вмѣстѣ, превратились въ одинаково думающихъ и чувствующихъ, единымъ духомъ охваченныхъ поборниковъ національной идеи. Впрочемъ, въ этомъ превращеніи оказывается виновной не только одна свойственная имъ „дикость“. Къ величайшему нашему удивленію, оказывается, что „культурность“, и при томъ на нѣмецкій фасонъ, сослужила имъ громадную службу.

Все дѣло въ томъ, что нѣмцы отогрѣли на своей груди змѣю. Они, и никто другой, содѣйствовали появленію на исторической сценѣ новагофактора польской исторіи, а именно—польской буржуазіи. По словамъ Массова, „она уже теперь сдѣлалась носительницей польскаго національнаго духа и становится ею все больше и больше. Къ ней присоединилась значительная часть привилегированной прежде „шляхты“, т. е. многочисленнаго мелкаго дворянства. Духовенство рекрутируется по большей части изъ средняго сословія и примыкаетъ уже къ нему, а не исключительно къ помѣстному дворянству. Такъ, на мѣсто безпокой-

наго, властолюбиваго и легкомысленнаго шляхтича стараго типа, выступилъ теперь цѣлесознающій, ловкій, настойчивый и энергичный, — и еще болѣе, чѣмъ старый шляхтичъ, фанатичный дѣлецъ, фабрикантъ, адвокатъ, докторъ, аптекарь, учитель и т. п.“. Вмѣстѣ съ тѣмъ поляки подверглись еще одному „замѣчательному моральному и духовному подъему и извнутри, при помощи собственной силы“. „Все, что только было въ польскомъ народѣ исполнено благородства и рыцарскаго образа мыслей, все это національнымъ несчастіемъ было поднято на поверхность и приведено къ серьезной работѣ... Такъ быстро пробудился польскій національный духъ съ неожиданной силой. Опять были найдены идеалы, для которыхъ готовы были на всевозможныя жертвы, а отсюда родилось мощное стремленіе впередъ, какое только могло быть въ развитіи національной жизни, сопровождаемое эпохой расцвѣта національной литературы“. И слѣдомъ за поэтами и романтиками возрожденія пошло именно то „новѣйшее поколѣніе“, которое „уже безъ мечтаній и вѣрующихъ надеждъ, трезво и радикально и въ высшей степени поспѣшно, стремилось собирать плоды тамъ, гдѣ едва только кончилось цвѣтеніе“. И имъ удалось это: съ одной стороны, они „усвоили себѣ драгоцѣнное искусство пользоваться ошибками противника“, вмѣсто того, чтобы истощать свои силы въ безполезныхъ повстаніяхъ; съ другой же—они сохранили всѣ свои духовныя пріобрѣтенія въ искусствѣ и литературѣ. Свое просвѣщеніе основали они на чисто-національной основѣ: „все, что объединяетъ у нихъ семьи образованнаго круга, и все, что подымается надъ повседневной обыденностью, носитъ у нихъ національную оболочку“. Такъ „на протяженіи нѣсколькихъ поколѣній въ руководящихъ кругахъ польской націи возникла новая духовная жизнь, которая, не будучи нисколько остановлена въ своемъ теченіи нѣмецкой школой, скорѣе воспользовалась даннымъ этою послѣдней духовнымъ толчкомъ и нашла высочайшій пунктъ своего подъема именно въ національной идеѣ“.

И польская культурность оказывается еще болѣе опасною для нѣмцевъ, чѣмъ польская некультурность. Сами нѣмцы поддаются ей и становятся „ренегатами“. Все дѣло въ томъ, что нѣмцы въ восточныхъ мѣстностяхъ Пруссіи, являясь „піонерами нѣмецкой народности, подобно нѣмцамъ за границей, не чувствуютъ себя, однако, таковыми... Все, что нѣмецъ за границей долженъ создать своей собственной энергіей, все это желаетъ онъ получить здѣсь изъ рукъ правительства“. А между тѣмъ, „нѣмцы не имѣютъ здѣсь никакого національнаго представительства и въ то же время находятся между чужаками... Такъ развивается здѣсь у нихъ отъ сожительства съ чужеземцами притупляющая ихъ привычка къ чужому и, даже сказать, вѣрнѣе рутина, имѣющая результатомъ извѣстную національную безчувственность. Разъ,

однако, притуплена національная энергія, то выступаетъ тогда самымъ печальнымъ образомъ одна изъ опаснѣйшихъ сторонъ нѣмецкаго характера, а именно, стремленіе къ компромиссу и подражательности... Очень многіе нѣмцы находятъ къ тому же польскій бытъ „интереснымъ" и сознательно или безсознательно многое заимствуютъ изъ него. Естественно, что это больше всего внѣшность и пороки, которые такъ заразительно дѣйствуютъ; все, однако, что смягчаетъ эти пороки и придаетъ смыслъ этимъ внѣшностямъ, остается не воспринятымъ". Результатомъ этого является ослабленіе хозяйственныхъ добродѣтелей: „духа предпріимчивости и стремленія къ развитію, и вмѣсто нихъ наблюдается полное непониманіе новыхъ потребностей и новой творческой дѣятельности". Стремясь къ тишинѣ и спокойствію, эти бѣдные нѣмцы, охваченные польской заразой, взираютъ на вождей національной нѣмецкой борьбы, какъ на „нарушителей покоя", и скорѣе довѣряютъ „польской тенденціозной лжи", чѣмъ своимъ кровнымъ соотечественникамъ. Такую податливость по отношенію къ польской культурѣ подкрѣпляютъ также и серьезные матеріальные интересы. Не одна „національная тупость" или „филистерскій духъ", не одна „безсмысленность и привычка" дѣлаютъ изъ нѣмецкихъ „трусовъ и безхарактерныхъ" сначала полуполяковъ, а затѣмъ и настоящихъ „въ высшей степени фанатичныхъ и сознательныхъ поляковъ": самые простые и естественные интересы требуютъ отъ нѣмецкаго купца, фабриканта и помѣщика, чтобы онъ поддерживалъ добрыя отношенія съ польскимъ населеніемъ. Самъ г. Массовъ признаетъ, что не легко противостоять противъ польскаго бойкота ремесленнику, мелкому торговцу и мелкому помѣщику. Однако, по свидѣтельству того же автора, „не матеріальная нужда, а торговая безсовѣстность толкаетъ многихъ нѣмцевъ со стороны соотечественниковъ во враждебный лагерь". Такъ, владѣніе акціями польскихъ предпріятій въ Познани весьма много содѣйствовало возрожденію польскихъ симпатій среди тамошнихъ нѣмцевъ. „Трусами и боязливыми служителями матеріальныхъ интересовъ" титулуетъ г. Массовъ этихъ измѣнниковъ, но фактъ остается фактомъ, а къ этому еще присоединяется убійственное вліяніе польской женщины. Не могутъ устоять нѣмцы передъ ея очарованіемъ и энергіей, передъ ея изяществомъ и силою національной вѣры и падаютъ жертвой своего чувствительнаго сердца. Въ смѣшанныхъ бракахъ съ польками нѣмцы, по свидѣтельству прусскихъ патріотовъ, неизбѣжно ополячиваются. Нѣмецкая женщина во всемъ привыкла подчиняться своему мужу. Полька, наоборотъ, властвуетъ надъ нимъ; она дѣлаетъ польскій языкъ — языкомъ семьи, она воспитываетъ дѣтей въ католичествѣ и польскомъ національномъ духѣ, она ополячиваетъ постепенно своего мужа, и во второмъ поколѣніи совершается уже полная метаморфоза: бывшій нѣмецъ

„Schultz" начинаетъ писать свое имя по польски „Szulc", господинъ „Schumann" превращается въ „Szuman'a, а какой-нибудь „Sperling" становится прямо-таки господиномъ Врублевскимъ. Такъ, „смѣшанные браки являются предметомъ особеннаго вниманія національно-польскихъ агитаторовъ, а это заставляетъ заключать, что поляки никогда не лишатся проистекающей отсюда выгоды, основанной на различіи народныхъ характеровъ".

Не менѣе польской культурности врагомъ нѣмцевъ оказывается польская религіозность. Благодаря ей, къ польскому національному движенію присоединилось движеніе польской пропаганды, и слово „полякъ" стало равнозначно слову „католикъ". Съ великимъ сокрушеніемъ отрицаютъ прусскіе германизаторы такую, на ихъ взглядъ, противоестественную связь и всѣми силами стараются доказать, что католичество въ польскихъ областяхъ эксплуатируется польскимъ духовенствомъ для чуждыхъ религіи политическихъ цѣлей, для того, чтобы подъ кровомъ религіознаго фанатизма обрушиться на бѣдныхъ нѣмцевъ и полонизировать ихъ. Католическую іерархію Германіи и партію центра обвиняютъ прусскіе патріоты въ измѣнѣ германскому отечеству и въ предательствѣ по отношенію къ нѣмецкимъ католикамъ. И дѣйствительно, и центръ, и католическое духовенство Германіи совершаютъ тяжелыя преступленія. Ихъ пресса стоитъ на сторонѣ поляковъ; при выборахъ партія центра поддерживаетъ ихъ, насколько можетъ. „Въ нѣмецкой народности видитъ ультрамонтанство своего заклятаго врага, такъ какъ съ его точки зрѣнія каждый нѣмецъ въ извѣстной степени еретикъ... Это вѣдь, во всякомъ случаѣ, удобнѣе и спокойнѣе"—инсинуируетъ г. Массовъ—„имѣть дѣло съ народомъ, котораго благочестіе покоится на слѣпомъ, ничего не различающемъ послушаніи, который все принимаетъ, что ему будетъ приказано во имя церкви. Нѣмецкая народность никогда для ультрамонтановъ не можетъ быть удобна, напротивъ того, польская національность изо всѣхъ другихъ представляется самой удобной". Такъ, съ одной стороны, поляки эксплуатируютъ католическое духовенство въ своихъ цѣляхъ; центръ и католическая церковь эксплуатируютъ поляковъ—въ своихъ, и вмѣстѣ они набрасываются на бѣдныхъ нѣмцевъ „съ чрезвычайной жестокостью" и побиваютъ ихъ при помощи всѣхъ средствъ, находящихся въ рукахъ духовенства. Они исповѣдуютъ поляковъ на польскомъ языкѣ, они стремятся преподавать религію польскимъ дѣтямъ по-польски, они говорятъ проповѣди передъ польскимъ населеніемъ по-польски и пользуются родною рѣчью поляковъ для ихъ катехизаціи. Мало того, на польскомъ языкѣ печатаются для поляковъ ихъ молитвенники, катехизисы и другія священныя книги; въ храмахъ позволяютъ пѣть польскія молитвы, а одинъ польскій архіепископъ осмѣлился заявить, что его „imprimatur" на нѣмецкомъ катехизисѣ совершенно не обозначаетъ

необходимости преподавать всѣмъ польскимъ дѣтямъ законъ Божій на нѣмецкомъ языкѣ. Еще болѣе ужасно,—католическое духовенство считаетъ возможнымъ учреждать польское богослуженіе для тѣхъ рабочихъ поляковъ, которые идутъ массами на Западъ и тамъ осѣдаютъ среди нѣмецкаго населенія!

Не менѣе предательски, чѣмъ польское духовенство, поступаютъ польскіе дворяне и помѣщики. Они обольщаютъ нѣмцевъ своей чрезвычайной любезностью и гостепріимствомъ, они плѣняютъ ихъ чистотой своихъ консервативныхъ воззрѣній и чисто феодальнымъ отношеніемъ къ низшимъ классамъ населенія. Принадлежа по своему происхожденію къ лучшей европейской знати, обладая прекраснымъ воспитаніемъ и широкими придворными связями не только въ Пруссіи, но и въ другихъ сосѣднихъ государствахъ, они совершенно естественно импонируютъ явившемуся на службу въ восточныя провинціи административному чину. Казенный нѣмецъ, а въ особенности пруссакъ чрезвычайно чувствителенъ къ титуламъ и сословнымъ различіямъ. Онъ совершенно естественно дѣлитъ весь міръ на прирожденныхъ господъ и обязанныхъ повиновеніемъ подданныхъ и вездѣ ищетъ связи въ высоко-дворянской лояльной и консервативной средѣ. Съ тѣми же чувствами является онъ и на востокъ. Здѣсь его принимаютъ радушно, и привычная угодливость передъ господами немедленно же дѣлаетъ изъ него измѣнника своему отечеству. Господа оказываются не настоящими. Они вѣрноподданны, но не до лакейства. Они преданы прусскому монарху, но не боятся оппозиціи. Они въ прусскомъ государствѣ желаютъ сохранить національность своихъ предковъ и за правительственныя милости не продаютъ своего народа. Мало того, когда былъ учрежденъ въ 1886 году особый фондъ для скупки польскихъ земель и для устройства нѣмецкихъ поселеній въ польскихъ мѣстностяхъ, польскіе магнаты не только отказались отъ участія въ этомъ высоко-патріотическомъ дѣлѣ, не только съ презрѣніемъ отвергли предложенныя имъ 30 сребренниковъ, но стали еще при помощи многочисленныхъ польскихъ банковъ усиливать въ своей странѣ польскія поселенія, поддерживать польскихъ крестьянъ!

Послѣ того, какъ мы познакомились съ основными проявленіями вредной дѣятельности поляковъ-кроликовъ, не мѣшаетъ еще упомянуть, что эти зловредные элементы пользуются слѣдующими средствами для борьбы за свою національность. Пользуясь конституціонными правами прусскихъ гражданъ, они создали національно-польскія политическія партіи, при чемъ на своихъ собраніяхъ осмѣливаются произносить рѣчи на своемъ родномъ языкѣ. Всѣ эти партіи, начиная съ аристократической группы придворной партіи и кончая народной, всѣ сходятся въ своей „ненависти“ къ нѣмцамъ; и если придворно-дворянская партія

въ свое время, подъ предводительствомъ Косцѣльскаго, оказала чрезвычайныя услуги германскому правительству, въ особенности своею поддержкой морскихъ плановъ императора Вильгельма, то опять-таки она это сдѣлала только въ своихъ національныхъ видахъ, чтобы добиться обученія въ школахъ на польскомъ языкѣ. Послѣ крушенія этой партіи, такъ называемая національная партія (народовцы) выступила уже съ ясной національной программой. Еще болѣе радикальное правленіе приняла народная польская партія (людовцы) и этимъ обнаружила совершенно всѣ „адскіе“ замыслы поляковъ. И не только эти партіи, но даже и польскіе соціалисты выставили на своемъ знамени извѣстныя національныя требованія. А на помощь полякамъ пришла еще польская пресса. Въ большихъ газетахъ, въ родѣ „Dziennik Poznanski“, „Kuryer Poznanski“, „Orendownik“, національное направленіе производится при помощи „относительно умѣреннаго“ и „осторожнаго языка“: онѣ обращаются къ „уже вышколенной публикѣ“, этимъ газетамъ дорого поддержать извѣстную „журнальную и литературную репутацію“. Гораздо ядовитѣе съ нѣмецкой точки зрѣнія оказываются мѣстные листки, изъ которыхъ нѣкоторые пріобрѣли „извѣстное значеніе“. Таковы, напримѣръ: „Gazeta Gdanska“, „Gazeta Grudziadzka“, „Gazeta Torunska“, и болѣе всего—силезскій „Górnoszlazak“. Во всѣхъ этихъ газетахъ поляки пишутъ по-польски, и во всѣхъ ихъ проводится мысль, что польская національность имѣетъ право не только на существованіе, но и на нѣкоторое политическое представительство. Цѣлый рядъ общественныхъ учрежденій поляковъ представляется, далѣе, нѣмцамъ прямымъ государственнымъ преступленіемъ. Общество имени доктора Марцинковскаго осмѣливается доставлять средства тѣмъ недостаточнымъ молодымъ людямъ польской національности, которые желаютъ посвятить себя наукѣ, литературѣ, искусству. Общество народныхъ читаленъ въ Познани устраиваетъ безплатныя библіотеки съ книгами на польскомъ языкѣ, даже въ гимнастическихъ обществахъ „Соколовъ“ говорятъ по-польски, танцуютъ польскіе танцы, носятъ національные костюмы, играютъ краковякъ и мазурку и тѣмъ несомнѣнно потрясаютъ самыя прочныя основы прусскаго „гостепріимства“. Но и этимъ поляки не удовлетворяются, они идутъ еще дальше въ своихъ противогосударственныхъ стремленіяхъ: они предпочитаютъ покупать нужныя имъ вещи у польскихъ торговцевъ, заказывать сапоги, бѣлье и платье у польскихъ ремесленниковъ, предпочитаютъ служить въ польскихъ заведеніяхъ и учрежденіяхъ, покупать хлѣбъ и сельскіе продукты у польскихъ крестьянъ. Эти преступленія поляковъ носятъ характерное названіе „бойкота нѣмецкой промышленности“ и вызываютъ наибольшую злобу среди прусскихъ германизаторовъ. Являясь въ польскія провинціи съ высокою цѣлью просвѣщенія славянскихъ варваровъ, нѣ-

мецкіе предприниматели, торговцы и ремесленники считаютъ себя при этомъ, конечно, вполнѣ вправѣ получать за это съ поляковъ соотвѣтственную прибыль, какъ мзду за высоко-патріотическое дѣло. Неблагодарные поляки не хотятъ этого, и бѣдные нѣмцы возвращаются вспять, не солоно хлебавши—ужасное положеніе! Но самое главное преступленіе поляковъ мы оставили на конецъ; пора, однако, и его вывести на свѣжую воду: поляки-учителя говорятъ по-польски въ своей семьѣ! Поляки-торговцы свои имена пишутъ на вывѣскахъ по-польски! Поляки обыватели имѣютъ дерзость писать адреса на своихъ письмахъ не по англійски, не по-французски, не по-нѣмецки или итальянски, а пишутъ ихъ прямо таки польскими буквами, употребляя при этомъ и польскія имена! Всѣ эти случаи настолько важны и серьезны, что мы не можемъ идти дальше, не подкрѣпивъ ихъ примѣрами. Къ счастью, депутатъ центра Германъ Ререн *) приводитъ ихъ въ достаточномъ количествѣ. Итакъ, примѣръ къ первому пункту: достовѣрными свидѣтелями было установлено, что учитель Еркевичъ въ Салоковѣ говорилъ по-польски съ лицами, которыя могутъ понимать по-нѣмецки — этотъ преступникъ былъ лишенъ мѣста и не получилъ больше его въ предѣлахъ прусской монархіи. Примѣры ко второму пункту: а) содержатель омнибуса г. Пейзеръ написалъ на одной сторонѣ своего омнибуса по-нѣмецки „Peisers Omnibus“, а на другой по-польски „Omnibus Peisera“; подъ угрозой потери своей концессіи этотъ преступникъ стеръ послѣднее „a“ на государственно-опасной надписи. b) Г-жа Болеслава Плавинская написала на вывѣскѣ свое имя съ польскимъ „ł“ это ł властями было стерто и замѣнено чисто нѣмецкимъ благонадежнымъ „l“ безъ черточки. Одинъ купецъ, по имени Антоній, напечаталъ на своихъ конвертахъ не нѣмецкаго „Anton“, а польскаго „Antoni“; этотъ потрясатель основъ былъ немедленно подвергнутъ репрессіямъ и удалилъ возмутительное „i“ со своихъ конвертовъ. Примѣры къ пункту третьему безчисленны. Письма съ какими бы то ни было польскими буквами не доставляются адресатамъ. Характеренъ одинъ случай: одинъ господинъ на конвертѣ своего письма „его высокоблагородію“ написалъ не по-нѣмецки „seiner Hochwohlgeboren“, а по-польски „Wielmożny“—письмо не было доставлено, въ силу того, что адресъ оказался непонятнымъ для почтовыхъ властей. Тогда отправитель письма написалъ буквально тотъ же самый адресъ, но на верху, вмѣсто Wielmożny, написалъ по англійски „Right Honourable“, и письмо было торжественно доставлено адресату. Для оправданія подобной практики высоко-патріотическіе нѣмцы пишутъ цѣлыя юридическія диссертаціи въ родѣ автора сочиненія Пале-

*) Herm. Roeren, Zur Polenfrage (Frankfurter Zeitgemässe Broschüren, Oktober 1902) Hamm i. W. 1902.

цова *), который, изслѣдуя вопросъ о польскомъ языкѣ на публичныхъ собраніяхъ и въ почтовыхъ адресахъ, приходитъ къ слѣдующему результату: „польскіе почтовые адреса обозначаютъ собою провокацію нѣмецкихъ почтовыхъ учрежденій, и если почта относится къ этому вопросу безразлично, то это не соотвѣтствуетъ національному достоинству, которое должно быть соблюдаемо почтой, какъ отраслью имперскаго управленія“. На этомъ кончаемъ перечисленіе смертныхъ грѣховъ нашихъ славянскихъ братьевъ въ Пруссіи. Перейдемъ теперь къ юридической основѣ этихъ преступленій.

III.

Въ 1815 г., при присоединеніи великаго герцогства Познанскаго къ Пруссіи, въ договорѣ 3 мая было постановлено: „польскіе подданные должны получить учрежденія, которыя обезпечиваютъ сохраненіе ихъ народности, въ сообразности съ тѣмъ образомъ правленія, который каждая изъ участвующихъ державъ найдетъ за благо имъ предоставить“. Эту же точку зрѣнія поддерживалъ въ своей прокламаціи прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ III, когда сказалъ полякамъ: „и вы имѣете отечество и вмѣстѣ съ нимъ примите отъ меня доказательство моего уваженія къ вашей привязанности къ нему. Вы присоединяетесь къ моей монархіи безъ того, чтобъ вы должны были отказаться отъ вашей національности. Вашъ языкъ на ряду съ нѣмецкимъ долженъ примѣняться во всякомъ публичномъ производствѣ“. Первый намѣстникъ великаго герцогства, князь Радзивиллъ, представляя особу прусскаго короля, обратился, въ полномъ согласіи съ этимъ принципомъ, съ слѣдующими словами къ населенію области: „ваши національныя особенности состоятъ въ вашемъ языкѣ, въ вашихъ нравахъ и обычаяхъ. Эти дорогія вамъ черты вы должны сохранить, такъ какъ вы унаслѣдовали ихъ отъ вашихъ отцовъ. Новая семья, которая васъ принимаетъ, оставитъ ихъ неприкосновенными“. Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ Рененъ, прусская конституція 1850 г. вполнѣ осуществила эти обѣщанія. Согласно § 4 тамъ провозглашено, что всѣ прусскіе подданные „равны передъ закономъ“. Этимъ прямо уничтожена всякая возможность ограниченія въ правахъ прусскихъ подданныхъ въ силу различія исповѣданія или національностей. „Такъ“, говоритъ Рененъ, „поляки не образуютъ особой части населенія внѣ прусскаго государства и не обладаютъ никакими особыми правами и обязанностями. Напротивъ того, изъ нихъ вмѣстѣ съ согражданами нѣмецкой національности, создано прусское государ-

---

*) Hans Paalzow. Zur Polenfrage. Der Gebrauch der polnischen Sprache in politischen Versammlungen. Die polnischen Postadressen. Berlin. 1902.

ство". Подобное уравненіе поляковъ въ государственномъ отношеніи находитъ полную аналогію и подтвержденіе и въ имперской конституціи. Ея § 3, опредѣляющій права индигената имперіи, гласитъ: „для всей Германіи существуетъ общій индигенатъ (право гражданства) съ тѣмъ дѣйствіемъ, что каждый членъ (подданный, гражданинъ) каждаго отдѣльнаго союзнаго государства подлежитъ такому же обращенію со стороны всякаго другого союзнаго государства, какъ туземецъ, а въ силу этого... долженъ быть допущенъ къ пріобрѣтенію недвижимыхъ имуществъ... и къ пользованію всѣми прочими гражданскими правами на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и туземцы"... Совершенно на тѣхъ же основаніяхъ полнаго уравненія поляковъ съ нѣмцами изданъ также имперскій законъ о свободѣ передвиженія. Въ его § 1 значится: „каждый, принадлежащій къ имперіи, имѣетъ право въ предѣлахъ имперіи: во 1-хъ, останавливаться и селиться въ каждомъ мѣстѣ, гдѣ только онъ въ состояніи обосновать свое собственное жилище или средства къ пропитанію; во 2-хъ, на каждомъ мѣстѣ пріобрѣтать недвижимую собственность"... §§ 873 и 925 новаго гражданскаго уложенія не предусматриваютъ также никакихъ національныхъ различій въ дѣлѣ пріобрѣтенія и укрѣпленія недвижимыхъ имуществъ. Точно также нѣмецкое законодательство о прессѣ и публичныхъ собраніяхъ не знаетъ никакихъ предписаній, которыя запрещали бы употребленіе польскаго языка на собраніяхъ или въ печати. Какъ ясно сказано въ § 1 имперскаго закона о прессѣ 1874 г., „свобода прессы не подлежитъ никакимъ другимъ ограниченіямъ, кромѣ тѣхъ, которыя предписаны или допущены настоящимъ закономъ". Для появленія повременнаго изданія на польскомъ языкѣ не требуется въ силу этого закона никакихъ предварительныхъ разрѣшеній. Мало этого, этотъ законъ положительно запрещаетъ (§ 3) лишеніе почтоваго кредита какого бы то ни было выходящаго въ Германіи политическаго повременнаго изданія. Что же касается постановленій прусской конституціи о правѣ сходокъ и соединеній, въ силу которыхъ изданъ законъ 11 марта 1850 г., то на основаніи этихъ постановленій ни одно польское публичное собраніе политическаго характера не можетъ быть распущено только въ силу того, что въ его средѣ говорятъ по-польски; и эти предписанія § 5 закона о сходкахъ неоднократно были подтверждены рѣшеніями высшаго суда административной юстиціи. Совершенно въ согласіи съ этими положеніями стоитъ не только § 17 закона 1869 г. о выборахъ въ германскій рейхстагъ, но и § 21 указаннаго выше прусскаго закона, касающагося союзовъ и соединеній. Въ виду этого не можетъ быть ни малѣйшаго юридическаго основанія для запрещенія польскаго языка въ прессѣ и политической жизни страны. Точно также лишена юридическаго основанія и практика почтовыхъ имперскихъ учрежденій, отказывающая адре-

сатамъ въ полученіи писемъ съ польскими адресами. На основаніи § 50 закона объ имперской почтѣ имперскимъ канцлеромъ въ 1900 г. было издано распоряженіе, которое требуетъ, чтобы „на адресахъ писемъ получатель письма и мѣсто назначенія были обозначены настолько ясно и точно, чтобы была предупреждена этимъ всякая неизвѣстность“. Какъ очевидно, о польскомъ языкѣ здѣсь не говорится ни слова, и для него не дѣлается никакихъ исключеній. И если по-польски „ясно и точно“ написанъ адресъ, то само собою слѣдуетъ, что письмо должно быть доставлено.

Итакъ, казалось бы, всѣ перечисленныя нами „преступленія“ поляковъ оказываются вовсе не преступленіями, а просто осуществленіемъ правъ, обезпеченныхъ имъ прусской конституціей и законами въ качествѣ гражданъ прусской монархіи. Въ правовомъ государствѣ, впрочемъ, и не можетъ быть иначе. Обезпечивая своимъ гражданамъ равныя права и ставя ихъ подъ общую сѣнь закона, государство этого типа не вмѣшивается непосредственно въ общественную борьбу, а устанавливаетъ только общія рамки, среди которыхъ она происходитъ. Въ основу всего строя здѣсь положена мысль, что общество не можетъ жить и развиваться безъ противоположности интересовъ, безъ экономическихъ, культурныхъ и національныхъ партій, которыя преслѣдуютъ часто противоположныя цѣли и вступаютъ въ ожесточенную борьбу другъ съ другомъ. И правовое государство не боится этихъ противоположностей, напротивъ того, оно основывается на томъ опытѣ, что свободная борьба равносильныхъ общественныхъ движеній неминуемо приводитъ къ ихъ взаимному смягченію и необходимой гармоніи различныхъ интересовъ. Только въ томъ развѣ случаѣ современное государство оставляетъ свою пассивную и регулирующую роль въ общественной борьбѣ, когда на чьей-нибудь одной сторонѣ образовывается чрезмѣрный перевѣсъ силы, которая давитъ противную партію, соціальный классъ или сословіе и тѣмъ наноситъ непоправимый вредъ всему цѣлому. Такъ, современное государство становится по принципу на защиту рабочихъ противъ класса капиталистовъ, охраняетъ отъ фанатичныхъ преслѣдованій со стороны большихъ религіозныхъ обществъ небольшія секты, защищаетъ интересы какой-нибудь слабой національности, хотя бы даже некультурной и вымирающей, противъ насильственнаго истребленія со стороны могучаго и далеко превосходящаго знаніями и энергіей противника. Въ этихъ случаяхъ правовое государство уже не ограничивается ролью простого регулятора процесса, оно прямо приходитъ на помощь слабымъ, угнетеннымъ, эксплуатируемымъ, а этимъ самымъ отъ юридической буквы и политическаго шаблона переходитъ къ воплощенію самой идеи новаго государства, какъ гуманной и справедливой общественной организаціи. Правда, бываютъ случаи, когда государство обязано прибѣгнуть къ болѣе рѣшительнымъ, порою даже

насильственнымъ и грубымъ мѣрамъ, когда оно прибѣгаетъ къ послѣднему своему аргументу—къ элементарной силѣ и давитъ тѣ или другія соціальныя движенія вооруженной и тяжкой рукой; но такіе случаи примѣненія государственной силы въ правовомъ государствѣ являются рѣдкимъ исключеніемъ и то только тогда, когда политическому организму страны грозитъ внезапная и чрезвычайная опасность, которая несетъ съ собою разореніе страны, гибель ея населенія, анархію или чужеземное нашествіе. Эти и тому подобные случаи чрезвычайной опасности предусмотрѣны въ конституціонномъ правѣ европейскихъ державъ со всей возможной точностью и опредѣленностью, и только для этихъ случаевъ конституціи открываютъ возможность чрезвычайныхъ полномочій исполнительной власти, только ими обусловливаютъ появленіе чрезвычайнаго законодательства и связанныхъ съ нимъ чрезвычайныхъ мѣръ.

Взятыя съ этой точки зрѣнія перечисленныя нами проявленія польской національной жизни не представляютъ собою никакихъ признаковъ, которые могли бы оправдывать здѣсь какъ вмѣшательство государства вообще, такъ и принятіе чрезвычайныхъ мѣръ въ частности. Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ однажды польскій журналъ „Orendownik“: „поляки исполняютъ всѣ, именно всѣ свои обязанности по отношенію къ престолу, правительству и государству. Строгое исполненіе ими долга обусловлено уже тѣмъ, что они должны его исполнить, и при томъ не смотря на то, справедливо или нѣтъ приказанное имъ. Съ какимъ чувствомъ они это дѣлаютъ, это безразлично; здѣсь достаточенъ тотъ фактъ, что императору мы воздаемъ то, что надлежитъ императору, а государству то, что принадлежитъ ему. Это должно вполнѣ удовлетворять какъ правительство, такъ и нѣмцевъ. И если польское населеніе пользуется всѣми благодѣяніями законодательства и государственныхъ учрежденій, направленными къ его моральному и матеріальному развитію, то оно отнюдь не видитъ въ этомъ акта милости, которую бы оказывало здѣсь прусское правительство, такъ какъ оно съ своей стороны за все получаемое даетъ правительству полное вознагражденіе. Польское населеніе снабжаетъ прусскую армію способными солдатами, которые сражаются во всѣхъ ея военныхъ походахъ, оно платитъ подати и доставляетъ многочисленный контингентъ низшихъ служащихъ для самыхъ различныхъ отраслей управленія; кромѣ того, какъ подданные, поляки ведутъ себя образцово. Гдѣ же теперь находятся тѣ признаки, которые могли бы оправдать высказанное утвержденіе... что польскій элементъ на востокѣ враждебенъ правительству и государству?“ И въ самомъ дѣлѣ, всѣ свои обязанности въ качествѣ подданныхъ поляки исполняютъ точно такъ же, какъ нѣмцы, а если и стремятся къ сохраненію своей народности, то въ этомъ опять таки работаютъ и борются только въ тѣхъ предѣлахъ, которые установ-

лены для общественной борьбы во всякомъ правовомъ государствѣ, основанномъ на свободномъ и автономномъ развитіи національныхъ и экономическихъ силъ. Они борются за свою національность—но они имѣютъ на это полное право и въ силу исторической своей судьбы, и въ силу тѣхъ естественныхъ правъ человѣка, которыя признаны прусской конституціей въ ея широковѣщательномъ введеніи. Они борются за свой языкъ, свои обычаи, свою культуру, за польскую самобытность и поэзію, за польское политическое сознаніе, за свои соціальные и государственые идеалы — но при этой борьбѣ они не представляютъ собою ни подавляющаго большинства всего населенія Пруссіи, ни даже исключительнаго населенія какой-либо части монархіи; они отстаиваютъ себя и родной имъ бытъ со всѣмъ упорствомъ горячихъ патріотовъ, ихъ дѣти готовы идти въ прусскія тюрьмы за право читать Мицкевича и Крашевскаго, за любовь къ своей несчастной и вмѣстѣ съ тѣмъ родной и любимой странѣ — но они при этомъ пользуются только средствами мирной пропаганды, которая въ одинаковой степени доступна всякому пруссаку, будь онъ датскаго, нѣмецкаго или французскаго происхожденія. И менѣе всего могутъ быть оправданы противъ поляковъ мѣры насильственныя и чрезвычайныя вродѣ государственной колонизаціи польскихъ областей, ограниченія правъ польскаго землевладѣнія или стѣсненія поляковъ въ ихъ духовной и промышленной жизни. Какъ прекрасно сказалъ по поводу нѣмецкой колонизаціи польскихъ провинцій покойный Вирховъ: „это насиліе и это насиліе тѣмъ болѣе въ тотъ моментъ, когда открыто объявляютъ части прусскихъ и общенѣмецкихъ подданныхъ, что будутъ примѣнены средства закона для того, чтобы выгнать ихъ съ части той земли, гдѣ сидѣли ихъ предки и гдѣ родились они сами. И, на самомъ дѣлѣ, одна изъ величайшихъ жестокостей, которыя можно примѣнить къ человѣку, это—сдѣлать опытъ прямо вышвырнуть его отъ его родного очага. Вправду, я не знаю ничего, что можно себѣ представить болѣе жестокимъ! И происходитъ ли это при помощи тѣхъ средствъ, которыя такъ любезны канцлеру, а именно, при помощи денегъ и судебной процедуры, или производятъ это при помощи силы оружія или какимъ-нибудь другимъ способомъ, это вѣдь только модификація, созданная прогрессомъ эпохи, отнюдь не уменьшающая хоть сколько-нибудь насильственность мѣропріятія“. И это насиліе въ дѣйствительности не имѣетъ за собою никакихъ оправдывающихъ его основаній. Послушаемъ, что говорятъ по этому поводу сами пожиратели поляковъ, проповѣдники ихъ полной германизаціи или даже изгнанія изъ предѣловъ Пруссіи.

Тутъ мы встрѣчаемся съ удивительнѣйшими видами. Эти господа, подъ вліяніемъ своей ненависти къ славянству, отказываются отъ благодѣяній правового строя, извращаютъ законъ и

конституцію, прибѣгаютъ къ самымъ невѣроятнымъ софизмамъ для того, чтобы придать хоть тѣнь правовой возможности своимъ стремленіямъ къ насилію и гнету, своимъ проектамъ безразборчивой германизаціи славянъ. Г. ассессоръ Герръ, получившій, кстати сказать, за свои писанія теплое мѣстечко при нѣмецкой колонизаціонной коммиссіи въ Познани, — этотъ успѣшно дѣлающій свою карьеру, чинъ, ставящій въ ироническія кавычки самое слово правовое государство, — говоритъ „ясными словами“ то, что, по его мнѣнію, многіе втихомолку думаютъ про себя: „не всѣ такъ называемыя гарантіи личной свободы и выведенныя изъ наивнаго понятія естественной свободы человѣка права пруссаковъ и не всякую правовую защиту противъ публичнаго управленія, которыми конституціонизмъ XIX вѣка наградилъ въ равной степени вмѣстѣ съ нѣмцами и чужаковъ, — не всѣхъ ихъ можно сегодня хранить безъ всякихъ сокращеній въ виду славянской опасности безъ того, чтобы не измѣнить высшему принципу отдѣльнаго лица и публичнаго общежитія, а именно самосохраненію. Ибо возвышенное правоположеніе, что только соотечественникъ является полноправнымъ — положеніе, которое составляло основной столбъ правовой системы какъ германцевъ, такъ и римскаго народа — коренится безконечно глубоко въ народной душѣ“. „Тѣ чрезвычайныя мѣры, въ которыхъ мы нуждаемся, мы можемъ найти въ измѣненіи нашего законодательства. Сама собою остается при этомъ необходимость, чтобы это измѣненное законодательство было приведено въ полное дѣйствіе при строгомъ и неколебимомъ направленіи администраціи, а исполненіе этихъ законовъ обусловливается наличностью вышколеннаго въ національной борьбѣ, безусловно благонадежнаго высшаго и низшаго чиновничества“. И бравый ассессоръ Герръ не стѣсняется ни передъ германской, ни передъ прусской конституціей. Не безъ легкомысленнаго ухарства вспоминаетъ онъ при этомъ какъ исключительное законодательство Kulturkampf'a, такъ и блаженной памяти законъ о соціалистахъ. „И послѣ такихъ опытовъ мы, которые всетаки могли немножко выучиться реальной политикѣ въ бисмарковской школѣ, мы будемъ стѣсняться обнажить отточенныя орудія противъ чужеродныхъ, противодѣйствующихъ государственной идеѣ членовъ нашего государственнаго тѣла, когда мы уже обнажали ихъ противъ нашихъ собственныхъ соотечественниковъ!“ Правильно: въ логикѣ административнаго восторга нельзя отказать лихому ассесору, тѣмъ болѣе, что эта логика получила уже свое надлежащее вознагражденіе. Однако, и на самомъ ассесорѣ чувствуется давленіе „проклятаго“ правового строя и зависимость его проектовъ отъ народнаго представительства. Рекомендуя самыя сокрушительныя мѣры по отношенію къ полякамъ, онъ внезапно ощущаетъ стыдъ передъ наивнымъ поня-

тіемъ естественной свободы и свое оружіе предпочитаетъ вонзить врагу не въ грудь спереди, какъ подобало бы ученому Бисмарку, а воткнуть его втихомолку сзади, прикрывъ свой маневръ мантіей не исключительнаго законодательства, а „строгаго“ осуществленія существующихъ нормъ правового государства. „Рекомендуется“,—говоритъ нашъ дипломатъ,—„по возможности избѣгнуть собственно исключительнаго законодательства, скорѣе представлялось бы политичнымъ установить путемъ законодательства только извѣстные необходимо нужные основные принципы въ разныхъ областяхъ управленія, предоставивъ уже администраціи дальнѣйшую постройку зданія на этой основѣ“. Другими словами: не путемъ открытаго всѣмъ возвѣщеннаго закона, а путемъ административнаго произвола, окутаннаго канцелярской тайной, рекомендуетъ этотъ авторъ провести мѣры германизаціи поляковъ. И на Бисмарка походить хочется, да и стыдно немножко! Бисмаркъ, однако, никогда не стыдился.

Другую теорію для оправданія мѣръ насилія и произвола противъ поляковъ строитъ солидный и нравственно мыслящій Массовъ. Онъ становится совершенно на иную почву. Онъ не наскакиваетъ на конституцію, какъ г. Герръ, а дѣлаетъ подъ нее благонамѣренный подвохъ. И прежде всего онъ высмѣиваетъ съ чрезвычайной ядовитостью тѣхъ „доктринеровъ“ въ области политики, которые придерживаются въ пониманіи закона „юридическаго формализма“, требуютъ у нѣмцевъ сочувствія къ народу, такъ много страдавшему и лишенному навѣки отечества, и во имя „христіанской любви и гуманности“ желаютъ примиренія съ поляками. Самъ г. Массовъ разсуждаетъ не такъ, какъ осмѣянный имъ „Herr Doctrinarius“. Онъ пускается въ область политической благонадежности и оттуда извлекаетъ то оружіе, которымъ онъ рѣжетъ затѣмъ ловко и изящно какъ прусскую конституцію, такъ и польскія права. Г. Массовъ становится на точку зрѣнія „чувствъ“. Онъ считаетъ, что всѣ блага современнаго государства дарованы его гражданамъ подъ тѣмъ подразумѣваемымъ условіемъ, что они исполняютъ не только свои обязанности, но и чувствуютъ всегда именно такъ, какъ приказываетъ начальство въ виду такъ называемаго общаго блага. „Если конституція даетъ извѣстное число правъ“, говоритъ этотъ авторъ, „которыя предполагаютъ въ своей основѣ непосредственный интересъ гражданъ, направленный къ цѣлости государства и общему благу, то не существуетъ никакихъ точныхъ признаковъ, въ силу которыхъ можно было бы отличить гражданина, удовлетворяющаго этому предложенію, отъ всякаго иного. Исполненіе нѣкоторыхъ государственныхъ обязанностей можетъ быть обезпечено уголовнымъ закономъ. Однако, таковыми могутъ быть только обязанности, которыя признаны необходимыми въ силу личнаго интереса гражданъ или общепризнанныхъ требованій нравственнаго закона. Съ другой

же стороны, именно обязанности, предположеніемъ которыхъ является интересъ въ существованіи государства и развитіи цѣлаго, именно онѣ требуютъ извѣстнаго простора для личности, и именно потому современное конституціонное государство обезпечиваетъ необходимую въ интересѣ цѣлаго свободу при помощи избирательнаго права и свободы прессы, собраній и сходокъ, что оно стремится къ содѣйствію отдѣльной личности и къ общей ея отвѣтственности за благо общее. Въ силу этого государство должно дать возможность пользованія различными средствами и путями, при помощи которыхъ граждане, сообразно своему міросозерцанію и партійной принадлежности, желаютъ содѣйствовать общему благу; должно прислушиваться къ нимъ и должно даже терпѣть оппозицію, которая ему, во всѣхъ отношеніяхъ, неудобна. При этихъ условіяхъ всегда, конечно, возможно, что кто-нибудь держится во всѣхъ законно-осязаемыхъ отношеніяхъ вполнѣ безупречно и вмѣстѣ съ тѣмъ работаетъ ко вреду государства, отъ котораго онъ пользуется конституціонными правами, не признавая для себя обязательнымъ или, по крайней мѣрѣ, на долго связывающимъ тотъ нравственный долгъ по отношенію къ отечеству, который подразумѣвается само-собою, какъ предположеніе указанныхъ правъ". И поляки, какъ оказывается, „великолѣпно" сумѣли утилизировать такое положеніе: „среди широкихъ границъ, которыя опредѣлены очень предусмотрительно и точно, и найти которыя этой націи, въ особенности одаренной хитростью и лукавствомъ, не было большого труда, они успѣваютъ довольно-таки открыто и свободно дѣйствовать въ своихъ національныхъ цѣляхъ и хранить свою обособленность: вѣдь они исполняютъ всѣ законы и пользуются только конституціоннымъ правомъ свободнаго выраженія своихъ мнѣній". Мало того: „ловкость въ пользованіи конституціонными правами для цѣлей агитаціи противъ государственной неприкосновенности достигла у поляковъ настоящей виртуозности, такъ что всякое энергическое мѣропріятіе властей противъ явныхъ злоупотребленій поляковъ ими немедленно можетъ быть запятнано, какъ преступленіе противъ конституціонной свободы, а при этомъ, по общему правилу, и нѣмецкія оппозиціонныя партіи становятся ихъ союзникомъ".

Нельзя не отдать Массову справедливости, онъ не безъ остроумія пришелъ къ необходимости лишить поляковъ всѣхъ конституціонныхъ политическихъ правъ, и хотя трудно ему было отличить лицъ, обладающихъ нравственной приверженностью къ Пруссіи, отъ лицъ, оною не обладающихъ, онъ, однако, съ неукоснительностью прозрѣлъ „враговъ отечества" и лишеніемъ гражданъ конституціонныхъ правъ спасъ нравственную сущность самой конституціи. Въ одномъ только ошибается г. Массовъ: правовое государство не есть режимъ, построенный на гибкихъ и весьма измѣнчивыхъ „нравственныхъ предположеніяхъ",—какъ

это бываетъ при патріархальномъ строѣ. Дѣйствительно, въ государствахъ послѣдняго типа все держится на нравственныхъ предположеніяхъ, здѣсь нужны не столько дѣйствія, сколько чувства. Чувствами опредѣляются здѣсь и мѣропріятія, направленныя къ блаженству обывателя, чувствами созидаются самыя различныя перемѣны курса, чувства подсказываютъ тамъ назначеніе на должности, раздачу почестей и украшеній отличившимся. Съ другой же стороны, тамъ существуетъ и строгая обязанность для обывателя чувствовать именно такъ, какъ это въ данное время указано свыше начальственными распоряженіями и проявлять эти чувства въ такой формѣ и въ такомъ объемѣ, какъ это въ данный моментъ должно содѣйствовать осуществленіямъ предписаннаго въ надлежащемъ порядкѣ общаго блага; и вполнѣ понятно, что въ такой странѣ чувствамъ ведется строгая регистрація, и блюдетъ за ними морально-полицейскій сыскъ, а недостаточныя чувства или неукоснительно караются при помощи приставленныхъ къ чувствамъ чиновниковъ, или же получаютъ надлежащее дополненіе, развитіе и направленіе... Г. Массовъ забылъ, что правовое государство именно потому и называется правовымъ, что оно не въ чувствахъ, а въ строго-юридическихъ обязанностяхъ находитъ свою исключительную опору, въ незыблемомъ и неизмѣнчивомъ законѣ права создаетъ свой государственный скелетъ и самое существованіе государства, безопасность его обитателей и развитіе цѣлаго ставитъ внѣ всякой непосредственной зависимости отъ политики и этики чувства. Политическая и соціальная борьба свободныхъ общественныхъ силъ замѣняетъ собою въ новомъ государствѣ политику чувствъ патріархальнаго строя. Въ широкихъ слояхъ политически управомоченнаго народа находятъ свое рѣшеніе тяжелые, а подчасъ и больные, вопросы текущей современности. Снабженная политическими правами личность въ окончательномъ исходѣ является факторомъ этой борьбы, и безъ свободы гражданина немыслимо такое разрѣшеніе этихъ вопросовъ, которое бы удовлетворило общественное сознаніе націи. И только тѣ элементы, которые чувствуютъ себя слабыми въ культурной и экономической борьбѣ, только тѣ, кто не надѣются на побѣду въ порядкѣ мирнаго состязанія политическихъ мнѣній и силъ, — только тѣ, подобно Массову, начинаютъ заниматься при представительномъ режимѣ розыскомъ чувствъ и прибѣгаютъ къ мѣрамъ трусливаго и лицемѣрнаго терроризма.

Предлагая прусскому государству приступить къ „прямой работѣ“, направленной къ распространенію германизма на востокѣ, и не останавливаясь вмѣстѣ съ тѣмъ даже ни передъ какими рѣшительными средствами, такъ какъ „наличность прусскихъ государственныхъ правъ обусловливаетъ собою государственную обязанность стоять за длительные интересы прусскаго государства“, Массовъ не останавливается, далѣе, передъ естественнымъ

вопросомъ: что же будутъ дѣлать поляки, когда ихъ раздавитъ такая „превосходная активная сила“? Этимъ вопросомъ нашъ авторъ не интересуется вовсе, онъ говоритъ совершенно откровенно: „какія послѣдствія выведутъ изъ этихъ мѣръ поляки, объ этомъ, конечно, ничего нельзя сказать. Подчинятся ли они молча и безъ сопротивленія силѣ вещей, выселятся ли они изъ области, которая опять никогда не можетъ быть ихъ отечествомъ въ смыслѣ ихъ желанія, или они присоединятся по принужденію къ нѣмцамъ и постепенно отрекутся отъ своей національности, этого мы не можемъ знать, да и не желаемъ ломать себѣ надъ этимъ голову. Мы видимъ только одно,—а именно, что существуетъ полная возможность безъ поврежденія конституціи и нарушенія права (?) достичь того, чтобы поляки стали безвреднымъ элементомъ нашей государственной жизни...“ И, дѣйствительно, понимая такъ право и конституцію, какъ это указано выше, г. Массовъ имѣлъ уже полную возможность разработать ту рафированную систему заплечныхъ дѣлъ мастерства, которую онъ даетъ намъ въ своей книгѣ. Съ знаніемъ дѣла и съ удивительной послѣдовательностью даетъ онъ рецепты для умерщвленія всякихъ признаковъ польской національности въ прусскихъ полякахъ, для водворенія полицейскаго насилія, шпіонства и преслѣдованій въ странѣ, которая имѣла несчастіе попасть подъ владычество прусскаго одноглаваго орла.

Упомянемъ, полноты ради, еще объ одной игривой юридической конструкціи, которая изобрѣтена съ той невинной цѣлью, чтобы, не устраняя формально конституціи и оффиціальныхъ правъ гражданъ, тѣмъ не менѣе, поставить поляковъ совершенно внѣ того и другого. Эту заслугу мы можемъ въ полной мѣрѣ приписать профессору Цорну, который для своей теоріи прибѣгъ къ нѣсколько другимъ „предположеніямъ“ конституціи и закона, чѣмъ Массовъ. Этотъ представитель ученой „лейбъ-гвардіи“ прусскаго министерства народнаго просвѣщенія рѣшилъ, что всѣ акты нѣмецкаго законодательства уже тѣмъ самымъ требуютъ изгнанія всего польскаго изъ общественной жизни, что они написаны на нѣмецкомъ языкѣ, для нѣмецкихъ гражданъ и изданы національной нѣмецкой властью. Такимъ образомъ, выходитъ, что нѣмцы писали законы только для нѣмцевъ, а въ силу этого, если поляки не хотятъ остаться внѣ закона, они должны непремѣнно стать нѣмцами. Блестящимъ подтвержденіемъ этой теоріи является тотъ пунктъ имперской конституціи, который говоритъ, что она издается для „блага нѣмецкаго народа“. Подобные выводы простительны, конечно, только одному Цорну, ему одному позволительно не знать, что въ составѣ законодательныхъ камеръ Пруссіи и Германіи засѣдаютъ національныя польскія фракціи, а слѣдовательно, вырабатываютъ законы вмѣстѣ съ нѣмцами, что понятіе народа употреблено въ конституціи въ госу-

дарственномъ, а не національномъ смыслѣ, наконецъ, что тамъ, гдѣ общій законъ не дѣлаетъ никакихъ положительныхъ изъятій, никакое, даже самое патріотическое толкованіе не можетъ создать ихъ вопреки закону...

Признаться тяжело было писать эти строки, тяжело приводить софизмы и злобныя извращенія правовыхъ нормъ, которыя продиктованы гражданамъ конституціоннаго государства національной враждой и расовой ненавистью. Одно дѣлаетъ честь всѣмъ этимъ авторамъ: даже въ своей слѣпой враждѣ они не могутъ не признать, что изданіе въ настоящее время исключительныхъ законовъ съ полной отмѣной конституціи для поляковъ вещь совершенно невозможная, и они довольствуются только ея частичнымъ упраздненіемъ.

IV.

Какъ извѣстно, еще при князѣ Бисмаркѣ и по его совѣту образовался „Союзъ для поощренія нѣмецкаго элемента въ Восточной Маркѣ“. Во главѣ стали знаменитые отнынѣ мужи: Кеннеманъ изъ Кленки, Тидеманъ изъ Зеегейма и Ганземанъ изъ Пемпова—всѣ трое мужи „чистаго воодушевленія въ пользу нѣмецкаго дѣла, полные благороднаго стремленія и свѣжей энергіи“. Этотъ союзъ уже въ самомъ началѣ не былъ оцѣненъ и понятъ по достоинству ни поляками, ни массой „индифферентныхъ“ нѣмцевъ. По именамъ указанныхъ трехъ мужей назвали поляки союзъ „Towarzystwo H-K-T“ или обществомъ Га-Ка-Тэ, окрестили самое дѣло поощренія „гакатизмомъ“, а чиновъ союза „гакатистами“, и подъ этимъ саркастическимъ наименованіемъ пошло гулять дѣло германизаціи поляковъ и въ польской, и нѣмецкой прессѣ, и сразу стало соединяться съ понятіемъ національной нетерпимости, дикой расовой вражды и грубаго шовинизма. Скомпрометированное съ самаго начала, общество гакатистовъ очень туго развивалось и вслѣдствіе полной своей неудачи преобразовалось въ 1900 г. въ „Новый нѣмецкій союзъ Восточной Марки“. Только въ послѣднее время, подъ вліяніемъ враждебной полякамъ прусской политики, обновленный союзъ нѣсколько ожилъ, однако, и до сихъ поръ, по признанію самихъ гакатистовъ, воззванія союза встрѣчаются со стороны нѣмецкаго населенія съ „нескрываемымъ недовѣріемъ“. Гакатистамъ не помогаютъ въ ихъ дѣлѣ даже тѣ „теплыя симпатіи“, которыя къ нимъ питаютъ различныя протестантскія соединенія, въ родѣ евангелическаго союза или общества Густава Адольфа. За то союзъ Восточной Марки возмѣщаетъ чрезвычайной яростью тона и рѣшительностью своихъ мѣропріятій малую успѣшность своихъ дѣйствій. И въ этомъ

отношеніи его успѣшно поддерживаетъ пангерманскій союзъ, который задается еще болѣе широкими планами и изъ Австріи и Германіи думаетъ создать всенѣмецкое царство и поработить ему всѣ низшія славянскія расы.

Этимъ, въ сущности, и ограничивается общественная и соціальная борьба нѣмцевъ съ поляками на востокѣ Пруссіи. Все остальное, что сдѣлано для германизаціи края, предпринимается прусскимъ правительствомъ, опирающимся, въ свою очередь, на консервативно-юнкерское большинство прусскаго классового представительства.

Уже въ 1886 г. было приступлено къ созданію того „фонда для подкупа" (Korruptionsfond), по выраженію покойнаго Виндгорста,—который долженъ былъ соблазнить польскихъ помѣщиковъ къ отчужденію ихъ имѣній въ нѣмецкія руки и явиться, такимъ образомъ, платою полякамъ за измѣну ихъ народности. Предполагалось, что поляки, хозяйство которыхъ исторически славилось своей запущенностью, съ радостью ухватятся за предлогъ поправить свои разстроенныя дѣла и продадутъ польскую идею за полновѣсную нѣмецкую монету. Закономъ 26 апрѣля 1886 г. было ассигновано 100.000.000 марокъ „въ видахъ усиленія германскаго элемента въ провинціяхъ западной Пруссіи и Познани поселеніемъ нѣмецкихъ крестьянъ и рабочихъ, для противодѣйствія стремленіямъ къ ополячиванію". Эти деньги должны были расходоваться: „на предметъ: 1) пріобрѣтенія покупкою земель; 2) покрытія, въ мѣрѣ необходимости, расходовъ: а) по первоначальному устройству; б) по удовлетворенію потребностей церковныхъ, школьныхъ и сельскаго управленія лицъ, поселенныхъ на новыхъ участкахъ средняго и мелкаго размѣра, а равно цѣлыхъ сельскихъ обществъ, устроенныхъ, какъ на спеціально для того пріобрѣтенныхъ (§ I), такъ и на иныхъ, принадлежащихъ казнѣ, земляхъ". Характерно то обстоятельство, что при самомъ проведеніи этого закона — какъ это видно изъ протоколовъ ландтага—правительство, принимая такую крупную мѣру для германизаціи провинцій, въ то же самое время отрицало самымъ положительнымъ образомъ германизаціонныя цѣли своего проекта. Самое дѣло колонизаціи было поручено особой поселенческой коммиссіи, которая немедленно и приступила къ выполненію своей задачи *).

Въ 1898 г. въ распоряженіе коммиссіи было предоставлено еще 100.000.000 марокъ, въ 1902 г. новыя 150.000.000 марокъ, а въ 1903 г. еще 100.000.000 мар. На эти громадныя суммы было всего

*) Германская колонизація польскихъ провинцій Пруссіи по закону 26 апрѣля 1886 г. Изданіе канцеляріи комитета министровъ. С.-Петербургъ, 1894 г.

пріобрѣтено до 1903 г. помѣщичьихъ земель 219,948 гектаровъ за общую сумму 166.426.263 марокъ и крестьянскихъ участковъ 8,605 гектаровъ цѣнностью въ 8.927.362 марокъ, итого 228.553 гектаровъ цѣною въ 175.353.630 марокъ. Въ одномъ 1903 г, было пріобрѣтено 42,052 гектаровъ, цѣною въ 42.344.114 марокъ. Однако, разсчеты на продажность польскихъ помѣщиковъ-кроликовъ рушились самымъ невѣроятнымъ образомъ: польское хозяйство давно уже отжило времена шляхетской неурядицы и въ послѣднее время замѣчательно окрѣпло во всѣхъ отношеніяхъ подъ вліяніемъ новаго капиталистическаго развитія; съ другой стороны, сыграло здѣсь не маловажную роль и чувство чести польскаго дворянства, которое считало позоромъ для себя предложенный нѣмцами гешефтъ за счетъ національной идеи.

Окрѣпшая польская буржуазія пришла на помощь польскому крестьянину и помѣщику; былъ организованъ самымъ широкимъ образомъ сельско-хозяйственный кредитъ, и въ нѣмецкія руки изъ польскихъ земель стали попадать только весьма ничтожныя части. Такъ, изъ всѣхъ пріобрѣтенныхъ поселенческой коммиссіей земель изъ польскихъ рукъ было куплено 140 отдѣльныхъ имѣній, 20 имѣній безъ вотчинной самостоятельности и 123 крестьянскихъ двора. Площадь этихъ пріобрѣтеній охватываетъ собою 95,713 гектаровъ, цѣнностью въ 70.027.430 марокъ, всю же остальную массу земель нѣмцамъ пришлось покупать уже изъ нѣмецкихъ рукъ, или, другими словами, на мѣсто прусскихъ помѣщиковъ-юнкеровъ пришлось сажать нѣмецкихъ крестьянъ и батраковъ; всего изъ нѣмецкихъ рукъ было пріобрѣтено 195 самостоятельныхъ и 50 не самостоятельныхъ имѣній и 103 крестьянскихъ двора. Общая площадь этихъ земель охватываетъ собою 132,840 гектаровъ, цѣною въ 105.326.200 марокъ, эта площадь составляетъ 58% всей пріобрѣтенной земли. Въ 1903 г. было пріобрѣтено польскихъ земель 3,067 гект. или, другими словами, всего только 7,3% всего приращенія этого года. Самый составъ нѣмецкихъ поселенцевъ такъ же не долженъ быть признанъ особенно пріятнымъ для дѣлъ колонизаціи: изъ всей массы колонистовъ, поселенныхъ съ 1886—1902 гг., 33% приходится на нѣмецкихъ уроженцевъ колонизируемыхъ областей, или, иначе говоря, на тѣхъ самыхъ испорченныхъ польскою пропагандою нѣмцевъ, которые оказались столь слабыми передъ напоромъ поляковъ. Въ одномъ только отношеніи коммиссія вполнѣ оправдала свою задачу: она тщательно избѣгала нѣмецкихъ поселенцевъ католическаго исповѣданія: въ 1903 г. изъ 2.000 заключенныхъ контрактовъ на нѣмецкихъ католиковъ приходится только 12. Всего до конца 1903 года коммиссія поселила 7,539 семействъ, при чемъ общее число поселенцевъ можно считать отъ 48 до 50 тысячъ. Таковы результаты гран-

діознаго ассигнованія 350.000.000 марокъ народныхъ денегъ, къ которымъ въ прошломъ году присоединена еще добрая сотня милліоновъ, при чемъ, по подсчету самихъ гакатистовъ въ родѣ Массова, Пруссія ежегодно безвозвратно теряетъ (до 1903 г.) не менѣе $3^1/_2$ милліоновъ марокъ, или $^1/_2{}^0/_0$ ассигнованныхъ за это время суммъ *). Спрашивается теперь, каковы общіе результаты этихъ громадныхъ народныхъ жертвъ, въ несеніи которыхъ, кстати сказать, въ такой же степени участвуютъ пруссаки польской національности, какъ и нѣмецкой? Результаты эти до крайности плачевны для германизаторовъ.

Прежде всего, благодаря повышенію спроса на польскія земли, чрезвычайно поднялись цѣны на землю вообще, и польскіе помѣщики получили своего рода премію за свою національность, въ видѣ возросшихъ ипотечныхъ оцѣнокъ и общаго расширенія поземельнаго кредита. Но и польскій крестьянинъ не проигралъ на этомъ: напротивъ того, онъ получилъ возможность вытѣснить нѣмецкаго земледѣльца изъ тѣхъ мѣстностей, которыя естественно были открыты для новыхъ поселеній и парцелляцій крупныхъ участковъ. Полякъ могъ довольствоваться небольшимъ, а слѣдовательно, и болѣе дешевымъ кускомъ земли, такъ какъ на заработки онъ уходилъ на западъ и на родину приносилъ съ собою вполнѣ достаточный оборотный капиталъ. Нѣмецъ же оказался цѣликомъ предоставленнымъ землѣ, долженъ былъ получать все изъ земли, а слѣдовательно, принужденъ былъ покупать и болѣе крупные, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дорогіе участки. Въ результатѣ нѣмцы были оттѣснены на болѣе плохія земли. Нечего и говорить, далѣе, что цѣлый рядъ кредитныхъ учрежденій, земскихъ банковъ, сельско-хозяйственныхъ товариществъ, вспомогательныхъ кассъ и товариществъ пришли на помощь польскому земледѣльцу и уравновѣсили хоть отчасти дѣятельность колонизаціонной коммиссіи. Какъ мы видѣли уже выше, менѣе всего нѣмецкіе землевладѣльцы могли обойтись безъ дешевыхъ польскихъ рабочихъ, а слѣдовательно, по необходимости противодѣйствовали германизаціи областей. Приведемъ теперь нѣкоторыя данныя, которыя, съ одной стороны, показываютъ ростъ польскаго населенія провинціи, съ другой же—характеризуютъ дѣятельность польскихъ кредитныхъ учрежденій. По вычисленіямъ г. Вегенера, обработавшаго матеріалы прусской оффиціальной статистики, за періодъ съ 1871—1895 г. число нѣмцевъ уменьшилось на $3^0/_0$, а число поляковъ за то же время возросло на $14^0/_0$, при чемъ съ 1897—1899 г. $60^0/_0$ нѣмецкой убыли было порождено парцелляціей крупныхъ имѣній между поляками. Въ помѣстьяхъ

*) Haus der Abgeordneten. Drucksache № 80. 20 Legislaturperiode. I Session. 1904 г. Denkschrift über die Ausführung des Gesetzes vom 26 April 1886.

дѣло шло еще благопріятнѣе для поляковъ: здѣсь, за тотъ же самый срокъ, у нѣмцевъ оказалась убыль въ 9,77%, а у поляковъ приростъ въ 14,52%. Промышленная борьба между поляками и нѣмцами въ городахъ шла не менѣе благопріятно: въ то время, какъ здѣсь за указанный періодъ времени протестанты и евреи уменьшились въ числѣ на $^1/_{10}$%, городское польское населеніе возросло не болѣе не менѣе какъ на 30,1%! Цифры весьма многознаменательныя, онѣ доказываютъ съ полной очевидностью, что соціальные законы не могутъ быть перекрещены односторонними полицейскими распоряженіями, что живыя силы народа сильнѣе всякихъ мѣръ политическаго давленія и стѣсненія, что, наконецъ, національная борьба не есть дѣло произвола отдѣльныхъ государственно-опасныхъ или бунтарскихъ элементовъ. И если нѣмцы, со своей стороны, при поддержкѣ государства, выставили цѣлый рядъ грозныхъ форпостовъ германизма, то и поляки не были бездѣятельны въ промышленной и культурной борьбѣ.

Общество Марцинковскаго слѣдующимъ образомъ увеличило свой капиталъ: въ 1876 г. его основной фондъ составлялъ 101,165 марокъ, въ 1889 г. онъ возросъ до 422,922, а въ 1900 г. равнялся уже 781.056.30 марокъ; такимъ образомъ, въ послѣднія 11 лѣтъ этотъ фондъ удвоился. Балансъ 1900 г. былъ заключенъ въ суммѣ 1.021.881.07 марокъ. Изъ этого фонда была оказана значительная помощь учащейся молодежи, не исключая учительскихъ семинарій. Общество для поддержанія учащихся польскихъ дѣвушекъ не менѣе значительно увеличило свой капиталъ. Въ 1894 г. оно обладало 39,109 мар., а въ 1900 году довело объемъ своего капитала до 69.459 мар. Образованные по образцу шульце-деличевскаго союза, товарищества только съ 1890 г. по 1901 г. увеличили свое число съ 90 до 134, а число своихъ членовъ съ 30,090 до 57,260. Членскіе паи съ 62,300 м. въ 1873 г. возросли до 8.275.000 м. въ 1901 г. Число депозитовъ возросло только за 5 лѣтъ, съ 1894—1899 г., съ 18,292 до 27,380, при чемъ цѣнность депозитовъ увеличилась за то же время съ 1.497.000 до 32.462.000 марокъ; въ 1901 г. цѣнность депозитовъ возросла на сумму около 10 милліоновъ, т. е. равнялась 42.248.000 марокъ. Нѣкоторые изъ кредитныхъ польскихъ союзовъ развились въ цѣлые банки, какъ это случилось, напримѣръ, съ народнымъ банкомъ въ Шриммѣ и съ банкомъ промышленниковъ въ Познани. Появленіе особаго банка, служащаго только кредитнымъ товариществамъ и союзамъ, было вопросомъ не долгаго времени: этотъ банкъ „Związku spolek zarobkowych“ работаетъ въ настоящее время въ размѣрахъ общаго оборота до 100.000.000 марокъ! За этими банками слѣдуетъ цѣлый рядъ всевозможныхъ земскихъ и ипотечныхъ банковъ, изъ которыхъ отмѣтимъ крестьянскій банкъ, съ оборотомъ (въ 1900 г.) въ

68.219.178 марокъ, банкъ земскій, созданный въ противовѣсъ прусскому колонизаціонному закону, и цѣлый рядъ другихъ учрежденій, товариществъ и союзовъ, которые примкнули къ этой могучей организаціи. Изъ этихъ послѣднихъ замѣчательна Spólka Ziemska, которая приняла на себя трудное дѣло парцелляціи крупныхъ имѣній для увеличенія польскаго крестьянства въ странѣ. Оборотъ 1900 г. у этого учрежденія достигалъ 12.150,658 марокъ. Рядомъ съ этимъ банкомъ образовалось другое товарищество для парцелляціи земель, которое въ 1897 г. имѣло въ общемъ оборотѣ 523,339 марокъ и обладало 264 членами съ 459 паями. Въ 1896 году возникъ новый банкъ съ тою же цѣлью, который до 1900 г. раздѣлилъ 25 имѣній, размѣромъ въ 6,656 моргеновъ, цѣною въ 1.300.000 м.; годовой оборотъ этого банка достигалъ 9.348.967 марокъ. Къ этимъ сельско-хозяйственнымъ учрежденіямъ можно причислить еще различныя общества, которыя основаны на принципѣ взаимной помощи, въ родѣ центральнаго товарищества хозяевъ въ Познани, которое насчитывало въ 1900 г. 610 членовъ, и общество самопомощи сельскихъ хозяевъ, которое черезъ годъ существованія насчитывало 203 члена и въ теченіе первой же четверти года спасло 5 имѣній отъ перехода въ нѣмецкія руки. Мы не будемъ останавливаться на другихъ культурно - просвѣтительныхъ, промышленныхъ, увеселительныхъ и спортивныхъ обществахъ, которыя съ величайшей энергіей и единодушіемъ стремятся отстоять польскую національность отъ насильственнаго онѣмеченія. Достаточно сказать, что союзъ „Соколовъ“ насчитывалъ въ 1900 г. 40 гимнастическихъ обществъ съ 2,111 членами, а союзъ народныхъ библіотекъ въ теченіе 9 лѣтъ основалъ 1,590 читаленъ и распредѣлилъ 18,214 книгъ. Такіе успѣхи польскаго дѣла привели также къ увеличенію членовъ свободныхъ профессій польской національности. Въ 1899 г. въ округѣ Познани 32% всѣхъ аптекарей были поляки, въ Бромбергѣ 23% и въ провинціи вообще 29%. Изъ числа присяжныхъ повѣренныхъ провинціи 26% принадлежало полякамъ, а изъ 517 врачей было 32% поляковъ. Характернымъ является также возрастаніе польскихъ промышленныхъ предпріятій въ самомъ городѣ Познани. Въ то время, какъ съ 1894—1897 г. число нѣмецко-христіанскихъ учрежденій осталось однимъ и тѣмъ же 155,— число еврейскихъ уменьшилось съ 490 до 483, число польскихъ возросло съ 115 на 125 *).

Такова удивительная живучесть прусскихъ „кроликовъ“. Ничто на нихъ не дѣйствуетъ: ни стомилліонные фонды пруссаковъ, ни почтовыя мѣропріятія, ни даже такіе факты, какъ сохраненіе у нихъ устарѣлыхъ формъ мѣстнаго самоуправленія по фасонамъ

*) Leo Wegener. Der wirtschaftliche Kampf der Deutschen mit den Polen um die Provinz Posen, Posen 1903.

1828 г., ни замѣчательная система городского представительства, при чемъ польское большинство населенія получаетъ непонятнымъ образомъ польское меньшинство въ городскомъ магистратѣ; даже право оберъ-президента назначать членовъ уѣздныхъ управъ не помогаетъ дѣлу. Исключительное законодательство оказалось до сихъ поръ безсильнымъ передъ живою силой воскресшей націи.

И въ текущемъ году приступлено уже къ экстреннымъ, особымъ мѣрамъ. Послѣ горячихъ дебатовъ въ прусскомъ ландтагѣ прошелъ въ законодательномъ порядкѣ, а 10 августа 1904 г. обнародованъ уставъ объ основаніи новыхъ поселеній въ провинціяхъ Восточной и Западной Пруссіи, Бранденбурга, Помераніи, Познани, Силезіи, Саксоніи и Вестфаліи—законъ, который является новымъ рѣзкимъ поворотомъ въ сторону нарушенія конституціи и насильственной германизаціи поляковъ *). Существенное содержаніе этого закона состоитъ въ слѣдующемъ: законами 1876 г., 1887 г., 1888 г., 1890 г. и 1899 г. были установлены уже различныя требованія по отношенію къ новымъ поселеніямъ и парцеллированнымъ участкамъ; всѣ эти требованія обусловливались необходимостью, съ одной стороны, доставить поселенцамъ необходимое благоустройство, а съ другой—облегчить имъ распредѣленіе общественныхъ тягостей. Въ силу этого было введено, какъ общее требованіе для устройства новыхъ участковъ, чтобы къ нимъ вели доступныя и открытыя дороги, чтобы они не нарушали законныхъ интересовъ сосѣднихъ владѣльцевъ въ ихъ хозяйствѣ, охотѣ и рыболовствѣ, наконецъ, спеціально относительно мѣстъ въ горныхъ областяхъ было установлено требованіе, чтобы новые участки не вредили горному производству на сосѣднихъ участкахъ. Въ виду этого для каждаго новаго поселенія или парцеллы этими законами была установлена необходимость особаго административнаго разрѣшенія для основанія новыхъ поселковъ, безъ наличности котораго устройство новыхъ поселковъ воспрещается. И вотъ въ настоящее время правительство рѣшило воспользоваться этимъ закономъ для того, чтобы лишить поляковъ всякой возможности устраивать новыя крестьянскія поселенія, парцеллировать большія имѣнія и тѣмъ создавать новыя польскія деревни. Правда, такое новое содержаніе указанныхъ выше законовъ прежде всего совершенно противорѣчило ихъ цѣли и юридическому основанію. Эти законы преслѣдовали цѣли сельско-хозяйственной культурной политики или полиціи благосостоянія. Они были изданы въ интересахъ всего населенія прусской монархіи и были равнымъ закономъ для равныхъ гражданъ страны; административное разрѣшеніе, вдобавокъ строго

---

*) Gesetzsammlung für die Königlichen Preussischen Staaten № 29. Gesetz vom 10 August 1904 (№ 10541).

обусловленное наличностью точно опредѣленныхъ фактовъ, не нарушало ничьихъ правъ, а примѣненіе его не могло вызвать никакихъ затрудненій на практикѣ. Законъ 1904 г. рѣшилъ сдѣлать это распоряженіе орудіемъ германизаціи края и къ § 13 закона 1876 г. прибавилъ еще § 13в, въ первой части котораго значится слѣдующее положеніе: „разрѣшеніе на устройство новыхъ поселеній въ провинціяхъ Западной Пруссіи и Познани, гдѣ примѣняется законъ 26 апрѣля 1886 г. (о германской колонизаціи), не можетъ быть выдано, если не представлено удостовѣреніе президента окружнаго правленія, что данное поселеніе не стоитъ въ противорѣчіи съ цѣлями вышеозначеннаго закона. Въ провинціяхъ Восточной Пруссіи, Силезіи и правительственныхъ округахъ Франкфурта, Штетина и Кеслина это предписаніе закона получаетъ также соотвѣтственное направленіе“.

Этотъ законъ, дѣлая зависящимъ отъ административнаго распоряженія самое осуществленіе правъ собственности для пруссаковъ польской національности, является, съ одной стороны, полнымъ извращеніемъ прежняго законодательства по данному вопросу, такъ какъ національно-политическую тенденцію и цѣли подставляетъ подъ нормы полиціи благосостоянія. Противорѣчіе между § 13-b и всѣми остальными параграфами закона прямо бросается въ глаза; но этотъ новый законъ является не только внесеніемъ административнаго произвола въ область гражданскихъ правоотношеній, онъ прямо нарушаетъ собою конституцію Пруссіи и отмѣняетъ нормы имперскаго права, установленныя общимъ гражданскимъ кодексомъ. Если даже не останавливаться на нарушеніи § 4 прусской конституціи, которая требуетъ равенства всѣхъ пруссаковъ передъ закономъ, то и тогда нельзя не признать, что здѣсь прямо нарушенъ § 9 конституціи, который гласитъ: „собственность неприкосновенна, она можетъ быть ограничена или отчуждена только на основаніи требованій публичнаго блага за предварительное, а въ особо неотложныхъ случаяхъ, по крайней мѣрѣ, предварительно установленное, вознагражденіе, въ согласіи съ требованіями закона“. Поляки новымъ закономъ лишены своего конституціоннаго права свободнаго пріобрѣтенія собственности, и при томъ, даже не въ силу конституціонной поправки, которая должна на основаніи § 107 конституціи подвергнуться двумъ голосованіямъ съ промежуткомъ между ними не менѣе 21 дня, а на основаніи простого закона, который безъ соблюденія формальностей конституціоннаго пересмотра отмѣнилъ конституцію для польскихъ гражданъ, низвелъ ихъ на степень неполноправныхъ гражданъ второго разряда, устранилъ для нихъ возможность закономѣрной соціальной борьбы противъ германизаціи, сдѣлалъ ихъ искусственно беззащитными передъ натискомъ воинственнаго гакатизма.

Совершенно правильно сказалъ при второмъ чтеніи этого за-

кона 27 іюня 1904 г. депутатъ Рёренъ: „этимъ путемъ дѣлаютъ невозможнымъ для польскаго населенія селиться въ его собственномъ отечествѣ, а этимъ обезцѣниваютъ и землю, и почву... Поляки чувствуютъ теперь совершенно ясно: если политика хватается за такія средства, какъ настоящій законъ, то она стоитъ близко къ своему крушенію. Теперь уже положеніе тамъ невыносимо, оно станетъ совершенно невозможнымъ... И на нѣмцахъ отразится вредъ закона, такъ какъ поляки будутъ сдѣланы такимъ путемъ ихъ непримиримыми врагами... Законъ противорѣчитъ праву и справедливости и является неслыханной жестокостью по отношенію къ польскому населенію. Это несправедливая жестокость—запрещать полякамъ строить тамъ жилище, гдѣ они уже прошли со своимъ плугомъ, это двойная несправедливость, такъ какъ законъ направленъ противъ самаго бѣднаго и мало интеллигентнаго слоя населенія, противъ мелкихъ крестьянъ и неминуемо вытѣсняетъ ихъ въ ряды городского пролетаріата". Не менѣе рѣзко выразился представитель свободомыслящихъ депутатъ Трегеръ: „законъ 1886 г. оставилъ, по крайней мѣрѣ, за полякомъ свободное рѣшеніе того, уйти ли ему отъ своего плуга или устоять передъ предложеннымъ ему подкупомъ. При помощи настоящаго закона хотятъ уже насильственно вытѣснить и выгнать поляковъ... Со мной, навѣрно, согласятся, что это насильственное изгнаніе поляковъ является ихъ угнетеніемъ въ самой дурной формѣ. У поляковъ отнимаютъ право на поселеніе въ ихъ собственной странѣ, человѣческое, основное право, которое такъ же старо, какъ право на родной языкъ, которое такъ же отнимаютъ у поляковъ самымъ несправедливымъ образомъ... Нельзя оказать худшей услуги нѣмецкому дѣлу на востокѣ, какъ путемъ принятія этого закона, который является издѣвательствомъ надъ всякимъ правомъ и всякой справедливостью!"

Съ поляками вожди и носители гакатизма поступаютъ точно такъ же, какъ жители дюнъ съ кроликами: они заливаютъ ихъ норы водою и вытѣсняютъ изъ занятой ими мѣстности; только прусскіе гакатисты забываютъ одно — не поляки пришли къ нимъ хищною стаей въ Пруссію, а исторія отдала польскія области нѣмецкому гнету, не безсмысленныхъ животныхъ душатъ они среди ихъ норъ, а примѣняютъ голое государственное насиліе къ живой и сознательной націи, на ея вѣками освященной и любимой родинѣ. И не безмолвіе могилы будетъ результатомъ этого попранія человѣческихъ правъ, а серьезныя историческія событія, которыя бросятъ на вѣсы справедливости судьбу культурнаго и мощнаго народа.

Реусъ.

Изъ замѣтокъ школьнаго учителя.

Воспитаніе учителей.

I.

Въ 1893 г. начавъ службу въ к—омъ уѣздномъ училищѣ, я счелъ болѣе удобнымъ говорить ученикамъ „вы“. Мой ближайшій начальникъ — штатный смотритель — видимо встревожился. Полушутя, полусерьезно, онъ нѣсколько разъ намекалъ, что „выканья“ ни въ коемъ случаѣ одобрить не можетъ. А потомъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать мнѣ надлежащее внушеніе:

— Знаете, что, — заговорилъ онъ, — вашъ предшественникъ, правда, тоже обращался на „вы“, но у него это выходило энергично, строго. Онъ, бывало, кричалъ: „вы—идіотъ, вы—болванъ, вы — дуракъ...“ У васъ же выходитъ слишкомъ деликатно и мягко...

— Значитъ, я долженъ тоже ругаться?

— Зачѣмъ же ругаться? -- возразилъ смотритель. — Но ваша деликатность не соотвѣтствуетъ тому, какъ я обращаюсь съ учениками. И другіе преподаватели иначе обращаются... Вы вносите диссонансъ... И вообще какъ бы подчеркиваете... Этого я не могу допустить...

— А если я всетаки буду „выкать“?

— Тогда я попрошу содѣйствія у директора народныхъ училищъ,—оффиціальнымъ тономъ предупредилъ смотритель.

Прошло нѣсколько дней. По обыкновенію, какъ и всѣ другіе учителя, я пришелъ на уроки къ концу утренней общей молитвы. Когда молитва кончилась, смотритель, нимало не стѣсняясь присутствіемъ учениковъ, заявилъ мнѣ:

— Вы опоздали. Я васъ прошу впредь этого не дѣлать... И потомъ это „вы“,—когда же оно прекратится?

Еще черезъ нѣсколько дней я выслушалъ другое замѣчаніе:

— Я васъ попрошу, — обратился ко мнѣ смотритель въ учительской,—не кричать такъ въ классѣ.

— Не кричать?

— Вы мѣшаете другимъ преподавателямъ...

„Другіе преподаватели“ находились тутъ же, на лицо, а между ними и законоучитель, который занимался рядомъ со мною, въ сосѣднемъ классѣ.

— О. Алексѣй, — спросилъ я у него, — мой голосъ вамъ мѣшаетъ?

— Вашего голоса я и не слышалъ вовсе,—мужественно засвидѣтельствовалъ о. Алексѣй.

— И потомъ—это „вы",—объяснилъ свое поведеніе смотритель,—когда же ему будетъ конецъ?

Повидимому, къ содѣйствію директора онъ не счелъ удобнымъ обращаться. Но замѣчанія и выговоры я получалъ каждый день, и почти каждое замѣчаніе неизмѣнно заканчивалось словами:

— И потомъ—это „вы"...

Даже, при выдачѣ жалованья, смотритель сумѣлъ показать мнѣ, до какой степени неудобно обращаться съ учениками „слишкомъ деликатно": выждавъ, когда я протяну руку за деньгами, онъ быстро прикрылъ ихъ и началъ внимательно разсматривать мою подпись въ „требовательной вѣдомости"; и, лишь потративъ на это занятіе не меньше минуты, сказалъ:

— Вѣрно-съ... Можете получить ваше жалованье...

Любопытное совпаденіе. Года черезъ два судьба забросила меня въ другой округъ. Я попалъ учителемъ въ д—ое городское училище. „Начальство" встрѣтило меня довольно любезно, но сразу же предупредило:

— Только, пожалуйста, не „выкайте..." И вообще постарайтесь безъ этихъ, знаете ли, разныхъ деликатностей и прочихъ суперфлю... У насъ тутъ всѣ попросту. Такъ ужъ вы общей музыки не разстраивайте...

„Война", которую мнѣ пришлось выдержать изъ-за „вы", сама по себѣ эпизодъ второстепенный. Но она показываетъ, что начальство вооружено достаточными средствами, чтобы вліять на учителей и воспитывать ихъ въ томъ или другомъ направленіи.

Дѣло не въ однѣхъ личныхъ непріятностяхъ, которымъ можетъ быть подвергнутъ въ любую минуту строптивый и не поддающійся воспитательному вліянію учитель. Къ непокорному учителю начальство то и дѣло приходитъ на урокъ, вмѣшивается въ преподаваніе, строго слѣдитъ за малѣйшими отступленіями отъ министерской программы, и вообще на каждомъ шагу „убѣждается", что NN не только упрямый человѣкъ, но и плохой преподаватель. Истощивъ всѣ способы отучить меня отъ „вы", штатный смотритель (говорю все о томъ же к—омъ училищѣ), не обинуясь и не смущаясь, предложилъ мнѣ:

— Желаете заключить миръ? Выкайте въ старшемъ классѣ. А въ младшихъ дѣлайте по моему. Не то — даю вамъ честное слово, на экзаменѣ по вашимъ предметамъ буду ставить ученикамъ единицы и двойки. Найду вашу успѣшность ужасной и тогда извольте объясняться съ директоромъ.

— Знаете что,—по товарищески убѣждали меня сослуживцы,— уступите ему. Хоть учениковъ пожалѣйте. Не хорошо вѣдь выходитъ: паны дерутся, а у хлопцевъ чубы болятъ. Плюньте на это окаянное „вы".

Совѣтъ резонный: воля начальства неотразима, и разъ чело-

вѣкъ не догадался или не имѣлъ возможности бросить учительскую службу, для него самое правильное, дѣйствительно, „плюнуть“ не только на „вы“, но и на многое другое, начиная съ собственной внѣшности.

II.

И. Деркачевъ, вспоминая симферопольскій учительскій съѣздъ 1870 г., отмѣчаетъ, между прочимъ, любопытную ошибку тогдашняго попечителя одесскаго учебнаго округа С. П. Голубцова. Попечителю съѣздъ не понравился; онъ остался недоволенъ „и бойкостью учениковъ, и тою свободою, съ какою держали себя учителя“. Особенное же недовольство высказалъ Голубцовъ по поводу учительницъ, такъ какъ онѣ держали въ рукахъ „букеты“. „Мнѣ пришлось — говоритъ Деркачевъ — объясняться. Оказалось, что попечитель принялъ деревянные шарики и кубики, окрашенные въ разные цвѣта, за букеты натуральныхъ цвѣтовъ“ *).

По близорукости или по другой причинѣ, попечитель округа смѣшалъ классныя пособія съ букетами — допытываться не будемъ. Гораздо интереснѣе руководящій взглядъ, что учительницѣ предосудительно держать въ рукахъ „цвѣты“. Это мнѣніе довольно распространено и принадлежитъ оно далеко не одному Голубцову. Вообще считается неудобнымъ, если учительница имѣетъ „легкомысленный, свѣтскій“ видъ. Даже въ парадныхъ случаяхъ жизни она должна „надѣвать платье изъ матеріи гладкой, безъ рисунковъ“ **), по возможности, темной окраски, и отнюдь не модныхъ покроевъ. Ленты и другія украшенія могутъ быть допущены лишь въ очень ограниченномъ количествѣ. Прическа должна быть гладкой; очень нехорошо, если учительница позволяетъ себѣ „завиваться“. Одна изъ моихъ знакомыхъ, сельская учительница, осмѣлилась на святкахъ появиться въ клубѣ на балу „въ декольтированномъ—какъ выразился возмущенный инспекторъ—видѣ“. Декольте, правда, было довольно робкое, но, конечно, инспекторъ немедленно „далъ ей почувствовать все неприличіе такого поступка“ и посовѣтовалъ „поскорѣе ѣхать домой и переодѣться“. Интересно, что дочь того же инспектора была на томъ же балу и тоже „въ декольтированномъ видѣ“.

Словомъ, лишь спеціально для учительницъ признается предосудительнымъ имѣть внѣшность, „привлекательную для молодого человѣка“,—послѣдствіемъ чего можетъ быть замужество. Принято даже думать, что вступленіе въ бракъ совершенно несовмѣстимо съ званіемъ учительницы, и весьма во многихъ мѣ-

*) „Русск. Шк.“ 1897 г., кн. V.

**) См. „Совѣтникъ народнаго учителя, руководство для лицъ, служащихъ въ народн. училищахъ“, стр. 65.

стахъ учительницамъ „разрѣшено" выходить замужъ только за учителей: въ печати достаточно выяснено, что это почти равносильно полному запрещенію замужества. Запрещалось замужество и циркулярами начальства (какъ, напр., было въ 1899 г. въ Яранскомъ уѣздѣ), и простымъ увольненіемъ „провинившихся",— какъ, напр., въ 1902 году поступили въ Верхнеднѣпровскомъ уѣздѣ съ учительницей за то, что на ней женился фельдшеръ.

Вопросъ, почему именно учительницу, вышедшую замужъ за учителя, терпѣть можно, а вышедшую за „посторонняго" терпѣть нельзя—до сихъ поръ не рѣшенъ. По крайней мѣрѣ, печатно на него никто удовлетворительно не отвѣтилъ, не берусь и я на него отвѣчать. Приведу лишь мнѣніе нѣкоего М—ва, инспектора народныхъ училищъ О—ой губ. Нѣсколько лѣтъ назадъ этотъ М—въ, въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, заговорилъ о только что вышедшей тогда книгѣ директора народныхъ училищъ Тульской губ. г. Яблочкова. Разговоръ, между прочимъ, коснулся и взгляда, что учительница совершенно неблагонадежна, если является въ классъ беременной.

— Ну, конечно!—сталъ доказывать М—въ.—Дѣти народъ догадливый. Фантазія у нихъ живая... И вдругъ — какая-нибудь Марья Ивановна — извините за выраженіе — брюхатая ходитъ! Судите сами,—что могутъ подумать ученики?.. Эге, молъ, Марья-то Ивановна наша того... Разумѣется, каждый этакій мальчишка сейчасъ же представитъ со всѣми онерами, какъ это дѣлается... Богъ знаетъ что! Послѣ этого что̀ жъ остается: развратныя картинки развѣ въ классѣ развѣшивать?..

М—ву напомнили, что „Марьѣ Ивановнѣ" всетаки не запрещено выйти замужъ за учителя и стать матерью.

— Да, конечно,—согласился М—въ,—такіе браки уже уступка съ нашей стороны... Но, во-первыхъ, они большая рѣдкость. А во-вторыхъ, тутъ другая психологія. Вы понимаете: учитель— тотъ же отецъ; учительница—та же мать. Въ такихъ случаяхъ святыня семейныхъ отношеній отъ соблазнительныхъ мыслей охраняетъ. Семейственное начало много значитъ...

Присутствовавшій при разговорѣ учитель П. скромно предложилъ мысль:

— Не слѣдуетъ ли,—сказалъ онъ,—ходатайствовать объ установленіи закона, чтобъ беременныя женщины на улицу не выходили и вообще ученикамъ показываться не смѣли?.. Дабы юношество не развращалось...

Всѣ засмѣялись, кромѣ М—ва, который вполнѣ серьезно, какъ бы не допуская мысли, что въ словахъ подчиненнаго смѣетъ заключаться иронія, отвѣтилъ:

— Къ сожалѣнію, такое ходатайство не будетъ уважено. Это было бы слишкомъ большимъ стѣсненіемъ для обывателей.

Знаете ли, въ бѣдной семьѣ... Вотъ потому-то закрытыя учебныя заведенія и предпочтительнѣе открытыхъ...

Замѣчу кстати, что взгляды инспектора М—ва имѣютъ немало аналогій.

Въ 1892 г. въ станицѣ Константиновской, Области Войска Донского, штатный смотритель Сидоровъ заставилъ учительницу Т. лишиться мѣста. Вина Т. заключалась въ томъ, что она „незаконнорожденная".

— Неудобно такихъ держать, — объяснялъ г. Сидоровъ. — Ученицы узнали, какого она происхожденія... Соблазнъ!..

— Но вѣдь она хорошая учительница,—возражали ему.

— Это правда,—соглашался онъ,—хорошая. Но въ томъ-то и горе. Если бы плохая—было бы терпимо. У дѣвочекъ, такъ сказать, живой примѣръ передъ глазами: вотъ, дескать, какъ Богъ шельму мѣтитъ. А если она хорошая—сами посудите, что подумаютъ ученицы? Значитъ, скажутъ, это ничего, что она незаконнорожденная. Значитъ, можно...

Повидимому, благодаря той же точкѣ зрѣнія, возникъ вопросъ, на который въ 1894 году отвѣчалъ „Церковный Вѣстникъ": „слѣдуетъ ли принимать въ духовныя училища незаконнорожденныхъ?" То есть,—переводя на языкъ практической педагогики:

Не побудитъ ли учениковъ присутствіе незаконнорожденнаго, особенно если онъ окажется хорошимъ мальчикомъ, вольно мыслить о таинствѣ брака?

Извѣстны, наконецъ, случаи, когда изъ гимназіи „выгоняли" ученика за то, что его отецъ застрѣлился *).

— Что подумаютъ ученики, если рядомъ съ ними сидитъ сынъ тяжкаго грѣшника, не подлежащаго даже церковному погребенію?

И еще одно замѣчаніе: взгляды инспектора М—ва нельзя разсматривать, какъ нѣчто крайнее. М—въ человѣкъ терпимый: онъ всетаки дѣлаетъ „уступку" въ пользу брака между учителемъ и учительницей. Бываютъ мнѣнія, болѣе рѣзкія.

Укажу для примѣра на случай, бывшій въ Брянскѣ, Орловской губ. Учительницѣ женской прогимназіи, Аѳанасьевой, не запретили выйти замужъ за учителя городского училища, Гаврилова. Но когда она забеременѣла, начальство „посовѣтовало" „не смущать этакой фигурой ученицъ", т. е. подать просьбу объ увольненіи отъ службы, разумѣется, навсегда.

III.

Требованія, предъявляемыя къ учителю, не такъ строги. „Для учительницъ обязательно,—сурово гласитъ „Совѣтникъ народ-

*) См. „Русск. шк.", 1900 г. кн. VII- VIII, стр. 111.

наго учителя"—или въ занятіяхъ своихъ куреніемъ табаку тщательно скрываться отъ учениковъ, учениць, ихъ родствениковъ и знакомыхъ и служителей въ училищѣ, или навсегда оставить это вредное и непристойное для женщины занятіе". Учителю же лишь „неудобно курить при учащихся; законоучителю нельзя курить въ училищномъ домѣ иначе, какъ въ квартирѣ учителя, при закрытыхъ дверяхъ".

Жениться учителю тоже не запрещается. Однако, внѣшній видъ его „упорядоченъ" и обычаемъ, и прямымъ требованіемъ начальства. Не хорошо, если учительская (неформенная) одежда свѣтлыхъ тоновъ; всего лучше, если она темная, темно-сѣрая, и въ крайнихъ случаяхъ съ легкой искрой. Галстухъ предпочтительнѣе черный; допустимъ и бѣлый. Пестрые и въ особенности яркіе—начальство очень не любитъ и сардонически называетъ „бабьими подвязками". Для учителей, состоящихъ въ классныхъ чинахъ, форменная одежда обязательна. Ревизующіе строго слѣдятъ, чтобъ установленная форма соблюдалась. Одинъ изъ окружныхъ инспекторовъ Б—овъ, авторъ довольно распространенныхъ учебниковъ, немедленно уходилъ изъ училища, считая невозможнымъ производить ревизію, если замѣчалъ, что учителя одѣты „какъ зря". Конечно, одѣтые „какъ зря" получали строгій выговоръ.

Наиболѣе трудно ввести „извѣстное однообразіе" среди народныхъ учителей, для которыхъ формы нѣтъ. Инспектора стараются не одобрять „слишкомъ франтоватаго вида", яркихъ цвѣтовъ. Кое-гдѣ воздвигалось гоненіе на „народническіе костюмы"; въ другихъ мѣстахъ (напр., въ Тульской губ.) возбуждали неудовольствіе „пиджаки и манишки". Иногда мѣстныя власти пытались даже установить нѣчто вродѣ формы.

Такой опытъ, между прочимъ, въ началѣ 90-хъ годовъ былъ сдѣланъ однимъ изъ инспекторовъ народныхъ училищъ Донской области. Здѣсь, по станицамъ распространены приходскія училища, которыя даютъ учителю права государственной службы Этимъ и воспользовалась инспекція и предписала учителямъ „являться на службу" въ вицмундирахъ или фракахъ, установленнаго для чиновъ министерства народнаго просвѣщенія образца.

Опытъ, однако, не удался, по винѣ нѣкоего Ивана Андреевича, учителя весьма находчиваго и остроумнаго.

— Получилъ я эту бумажку,—разсказывалъ Иванъ Андреевичъ,—зло меня взяло. Ну, думаю, погоди жъ, два цѣлковыхъ не пожалѣю, а штуку выкину... Купилъ я коленкору синяго. Старыхъ пуговицъ, спасибо, окружные учителя дали... Давай, говорю, женка, фракъ шить. Смѣется.—„Что жъ,—говоритъ,—давай". Вечеровъ пять мы надъ этимъ дѣломъ сидѣли. Однако, сшили. Сталъ я примѣрять. Жена въ хохотъ.—„Молчи,—говорю,—теперь намъ какъ бы только начальство не прозѣвать".—„Небось,

говоритъ, не прозѣваемъ". И точно, не прозѣвали... Инспекторъ на тройкѣ къ школѣ, я фракъ на плечи и выбѣгаю встрѣчать. Онъ ажъ попятился.—„Что это, говоритъ, на васъ?"—„Фракъ-съ, говорю, ваше высокородіе! Матеріалъ, говорю, дорогой—по пятнадцати копѣекъ аршинъ. Есть еще лучше по семнадцати, да денегъ у меня, ваше высокородіе, не хватило"... Молчитъ его высокородіе... Ладно. Пошли мы на урокъ. Увидѣвши меня, ребятишки мои подняли хохотъ...—„Извините, говорю, ваше высокородіе,—съ ними это каждый разъ бываетъ, когда я фракъ одѣваю... Они сейчасъ успокоятся..." Посмотрѣлъ онъ, знаете ли, на меня и отвернулся.—„Идите,—говоритъ,—что-нибудь другое одѣньте..."

Послѣ этого случая „его высокородіе" на распоряженіи своемъ о фракахъ не настаивало. Было бы, однако, большою ошибкою думать, будто такого сорта распоряженія ничѣмъ не обоснованы и никакой резонной цѣли не имѣютъ. У нихъ безусловно есть и свое основаніе, и своя цѣль.

Извѣстный поклонникъ толстовской школы, С. А. Рачинскій пытался дать ей любопытное оправданіе. Воспользовавшись примѣромъ парижской школьной анкеты, онъ заставилъ своихъ учениковъ письменно отвѣтить на вопросъ: „Какъ бы я желалъ прожить?" „Идеаломъ" парижскихъ дѣтей, отвѣчавшихъ на такой же вопросъ, оказался, въ большинствѣ, трудъ и достатокъ. Ученики г. Рачинскаго, по его словамъ, обнаружили совершенно иной образъ мыслей. „Большинство мальчиковъ,—говоритъ онъ въ „Замѣткѣ о сельскихъ школахъ",—внимательно (?) относящихся къ заданной темѣ, нарисовавъ себѣ жизнь, соотвѣтствующую ихъ вкусамъ и наклонностямъ, заключаютъ ее отреченіемъ отъ всего мірского, раздачею имущества бѣднымъ, поступленіемъ въ монастырь.."

Выводъ г. Рачинскаго подозрителенъ, во-первыхъ, по источнику: надо знать, свободно ли отвѣчали ученики, и не было ли имъ заранѣе извѣстно, какого отвѣта отъ нихъ добиваются? Во-вторыхъ, подозрителенъ методъ обработки: вмѣсто простого большинства, взято „большинство внимательно относящихся". Въ-третьихъ, выводъ г. Рачинскаго врядъ ли имѣетъ общее значеніе. По крайней мѣрѣ, такая же анкета, устроенная народнымъ учителемъ Петровымъ въ Богородскомъ уѣздѣ, дала результаты почти тѣ же, что и въ Парижѣ: ученики выразили желаніе учиться, имѣть работу и достатокъ; ни одинъ отвѣтъ съ нравоучительными примѣчаніями къ былинѣ о Васькѣ Буслаевѣ не сообразовался *).

И всетаки мнѣніе г. Рачинскаго имѣетъ серьезное симптоматическое значеніе. Прежде всего въ немъ не трудно видѣть

*) См. „Вѣст. Восп.", 1897 г., кн. 1.

черты того ученія, которое А. М. Пыпинъ назвалъ „оффиціальною народностью".

Идеалы русскихъ дѣтей, а стало быть, и всего народа русскаго, суровые, строгіе, подвижническіе.

Не къ мірской прелести русская душа лежитъ, и не о матеріальномъ достаткѣ печется. Злымъ дыханіемъ матеріализма отравленъ погибшій и гніющій Западъ. У насъ же народъ къ божественному и вѣчному прилѣпляется. Вотъ почему земская школа, какъ преслѣдующая задачи свѣтскія, не соотвѣтствуетъ духу русскаго народа... Она, по выраженію члена брянскаго училищнаго совѣта, г. Невіянта, уже оттого вредна, что организована по системѣ барона Корфа *). И вотъ почему церковная школа, которую очень любилъ г. Рачинскій, „есть, дѣйствительно, неоцѣнимый даръ Провидѣнія для православной Руси". По той же причинѣ, чтобы стремленіе къ „матеріализму" не возникало, а „подвижническіе идеалы вѣчно горѣли", необходимо, какъ проектировалъ въ 1897 г. гласный брянскаго земства г. Лагода, учредить за счетъ казны, при земскомъ участіи, особыхъ проповѣдниковъ для нравственной опеки населенія.

Разъ народъ полонъ идеаловъ подвижническихъ, а школа должна этому идеалу соотвѣтствовать и укрѣплять его, учителю воистину подобаетъ—говоря словами „Домостроя" — „безстрастіе тѣлесное, ступаніе кротко, гласъ умѣренъ **), слово благочинно, пища и питіе не мятежно ***), при старѣйшихъ молчаніе, премудрѣйшихъ послушаніе, преимящнымъ повиновеніе, мало вѣщати, множае разумѣвати, не продерзовати словомъ ****), не избыточествовати бесѣдою, не дерзку быти на смѣхъ, стыдѣніемъ украшатися, долу зрѣніе имѣти, горѣ же душу". Тѣмъ паче учительницѣ не подобаетъ „нагота срамная" *****), „волосы, какъ у блудницы ******), „украшеніе плетеніями" *******) и т. д. „Слишкомъ свѣтская", суетная, „франтоватая" внѣшность учащаго мѣшаетъ школьнику возноситься мыслями „въ горняя", противорѣчитъ исконному стремленію русскаго народа — „отречься отъ всего мірского, раздать имущество бѣднымъ, поступить въ монастырь".

Такова философія вопроса объ учительской внѣшности. Сталкиваясь съ мѣстными особенностями и личными склонностями „ближайшаго начальства", она обусловливаетъ мѣры, не вездѣ оди

*) „Русс. Шк.", 1895 г., ноябрь.

**) Сравните требованіе директора Яблочкова: учитель долженъ имѣть голосъ „мягкій, пріятный, нѣжный, гармоническій".

***) Ср. требованіе костромскихъ правилъ надзора за учителями: „тѣмъ болѣе нетерпимо въ учителѣ нарушеніе постовъ".

****) Ср. правило Яблочкова: „учитель долженъ не дозволять себѣ обсуждать указанія и дѣйствія начальниковъ, а также обсуждать ихъ дѣятельность".

*****) Декольте.

******) Пышная прическа.

*******) Платье должно быть изъ матеріи гладкой, безъ узоровъ.

наковыя, но неизмѣнно налагающія особый отпечатокъ, по которому даже не совсѣмъ опытные люди почти безошибочно опредѣляютъ:

— Вотъ идетъ учитель.

IV.

Въ 1894 г. нѣсколькимъ моимъ знакомымъ захотѣлось устроить воскресную школу. Меня, какъ учителя, попросили переговорить объ этомъ съ начальствомъ, отъ котораго прежде всего зависѣла судьба ходатайства. Начальство — штатный смотритель Лукьянъ Иларіоновичъ—выслушало меня довольно благосклонно, но освѣдомилось:

— А кто предполагается въ числѣ учредителей?

Я назвалъ фамиліи: X. У. Z...

— И вы съ ними будете принимать участіе? — спросилъ Лукьянъ Иларіоновичъ.

— И я буду принимать участіе...

— Ну, знаете ли, не совѣтую...

— Почему?

— А хотя бы потому, — отвѣтилъ онъ, — что вашъ предшественникъ Юшкинъ за якшанье съ этими господами съ мѣста слетѣлъ.

Юшкинъ, дѣйствительно, „слетѣлъ", или, вѣрнѣе, получилъ отъ директора оскорбленіе, послѣ котораго ничего другого не оставалось, какъ оставить службу.

— И вы увѣрены, что онъ изъ-за этихъ господъ „слетѣлъ"?— спросилъ я.

— Конечно, изъ-за нихъ... Директоръ на вашихъ X, У, Z... очень золъ... Да и вообще это непріятные люди... Очень ужъ они, знаете ли, критику любятъ наводить. Я бы вамъ совѣтовалъ подальше отъ нихъ держаться...

Вскорѣ послѣ этого разговора намъ, учителямъ к—аго уѣзднаго училища, пришлось „подальше держаться" и отъ клуба, единственнаго общественнаго учрежденія, куда мы входили, не опасаясь подвергнуться непріятностямъ въ классахъ. Клубъ „вообще мѣсто безопасное", но на нашу бѣду тамъ образовалось двѣ „партіи". Одна доказывала, что наличный фондъ 1000 руб. надо употребить на покупку новой мебели; по мнѣнію другой, мебель и старая хороша, а 1000 руб. слѣдуетъ употребить на библіотеку. Въ главѣ первой партіи сталъ предводитель дворянства, онъ же и предсѣдатель училищнаго совѣта. Къ предводителю примкнулъ и штатный смотритель, какъ членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія въ томъ же совѣтѣ.

Положеніе учителей оказалось довольно затруднительнымъ.

Возражать начальству опасно, ибо непріятности клубныя легко могутъ быть перенесены въ классы. А надъ педагогами, которые подадутъ голосъ противъ библіотеки, „куры“ и тѣ смѣяться станутъ.

Кстати, точь въ точь такое же затрудненіе я наблюдалъ въ 1902 г. въ губернскомъ городѣ Е. На мой вопросъ:

— Отчего вы въ коммиссіи народныхъ чтеній не участвуете?—одинъ изъ учителей отвѣтилъ:

— Нельзя мнѣ.

— Почему?

— Жена директора оппозицію противъ правленія составляетъ. Не могу же я возражать ей...

Также, приблизительно, разсуждая, что возражать начальству опасно, мы уклонялись даже отъ участія въ любительскихъ общедоступныхъ спектакляхъ. Впрочемъ, одно время театральныя зрѣлища принципіально не одобрялись. Напримѣръ, „Отчетъ о состояніи школъ Тверской эпархіи за 1898—1899 г.“ кратко упоминаетъ, что „за участіе въ любительскомъ спектаклѣ учителя г. Бѣжецка Румянцевъ, Забѣлинъ, Антоновъ удалены“. Нѣсколько раньше, въ февралѣ 1897 г. высказалось министерство народнаго просвѣщенія. Измаильскій уѣздный комитетъ попечительства о народной трезвости ходатайствовалъ о разрѣшенія устроить въ зданіи чичманманскаго начальнаго училища спектакль. Министръ въ предложеніи попечителю одесскаго учебнаго округа указалъ, что это ходатайство „правильнѣе было бы отклонить, въ виду несоотвѣтствія такого развлеченія религіозно-нравственному строю народной школы“.

Такое же принципіально неодобрительное отношеніе замѣчалось и къ учителямъ, которые пытались помогать голодающему населенію. Напомню хотя бы циркуляръ инспектора народныхъ училищъ 3-го раіона Елисаветградскаго уѣзда, г. Боголюбова:

„Въ газетахъ стали появляться—писалъ г. Боголюбовъ въ 1901 г.—корреспонденціи за подписью учащихъ ввѣреннаго мнѣ раіона о случаяхъ недостаточнаго домашняго питанія учащихся, по случаю недорода, сопровождаемыя воззваніями о помощи... Предлагаю всѣмъ учащимъ прекратить корреспондированіе въ газеты, а, вмѣсто того, о такихъ случаяхъ доносить мнѣ“.

Еще болѣе выразительный эпизодъ обсуждался на II съѣздѣ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. Одинъ изъ докладчиковъ, пріѣхавъ въ 1891 г. съ отрядомъ въ голодающее село, нашелъ тамъ учителя, который уже 12 мѣсяцевъ не получалъ отъ управы жалованья и, вмѣстѣ съ крестьянами, голодалъ. Голодали и его трое дѣтей. А жена только что умерла отъ тифа. Въ этомъ учителѣ приняли участіе. Накормили его и дѣтей, и онъ горячо принялся помогать отряду, за что и былъ уволенъ отъ службы. Увольненіе сопровождалось, повиди-

мому, приказомъ немедленно выдворить изъ квартиры: пожитки учителя и дѣти его были выброшены на улицу. Собрались крестьяне.

— За что? За что это? — жалобно приставали старики,—кажись, того... Человѣкъ ты смирный.

Учитель мялъ фуражку, глоталъ слезы и бормоталъ:

— Не знаю, братцы!.. Я человѣкъ покорный... Видно, ужъ такая моя судьба...

Итакъ,—заключалъ докладчикъ,—учитель имѣетъ право голодать, но не имѣетъ права спасать голодающихъ отъ голода".

Несомнѣнно, вопросъ слѣдуетъ поставить шире: позволена ли учителю общественная внѣшкольная дѣятельность? и если позволена, то въ какой мѣрѣ и въ какихъ областяхъ? Безспорно, есть роды общественной дѣятельности, прикосновенность къ которымъ для учителя вообще не одобряется. Въ другихъ случаяхъ неодобреніе вытекаетъ изъ чисто мѣстныхъ и трудно понимаемыхъ соображеній. Такъ было, между прочимъ, по словамъ покойной „Недѣли", въ Корочанскомъ уѣздѣ, гдѣ инспекторъ народныхъ училищъ запретилъ учителямъ завѣдывать народными библіотеками. А такъ какъ губернаторъ требовалъ, чтобы завѣдываніе находилось именно въ рукахъ учителей, то уѣздъ оставался вовсе безъ библіотекъ, хотя къ открытію ихъ земствомъ все было приготовлено. Не менѣе „странное дѣло" возникало въ Брянскѣ. Здѣсь учитель низшаго техническаго училища П. обратилъ вниманіе на какого-то бѣднаго ученика, которому грозило увольненіе за невзносъ платы. Мальчикъ сильно бѣдствовалъ—ему не на что было даже купить бумаги. П. разсказалъ объ этомъ въ клубѣ и собралъ среди знакомыхъ нѣсколько десятковъ руб., т. е., на взглядъ начальства, позволилъ себѣ устроить денежную подписку, никѣмъ не разрѣшенную, а слѣдовательно, и противозаконную. У П. строго потребовали объясненій; онъ поспѣшилъ перевестись.

Но и помимо запрета или разрѣшенія со стороны начальства, общественная дѣятельность опасна для учителя. Она складывается изъ ряда постоянныхъ столкновеній и борьбы. А учителю, даже въ городѣ живущему, опасно участвовать въ столкновеніяхъ, которыя хоть отдаленно задѣваютъ начальство. Въ деревнѣ же... пусть кто-нибудь попробуетъ въ нашей деревнѣ задѣть интересы старшины, писаря, урядника! Со строптивымъ учителемъ деревенскія начальства не церемонятся и, въ случаѣ надобности, безъ стѣсненія, сажаютъ въ „клоповникъ" (такъ, напр., поступили въ концѣ 1903 г. съ учителемъ Мироненкомъ, въ с. Субботцахъ, Александрійскаго уѣзда Херсонской губ.); строптивому учителю не выдаютъ зимою дровъ (т. е. морозятъ), задерживаютъ его жалованье (т. е. заставляютъ голодать); въ рѣшительныхъ случаяхъ его порютъ розгами.

„Саратовскій Дневникъ" разсказывалъ о такомъ случаѣ. Въ

1893 г. учитель с. Никольскаго, Кузнецкаго уѣзда, Быстрицкій, отдавшій школѣ 20 лѣтъ своей жизни, „задѣлъ“ урядника. Урядникъ разсердился и сталъ „внушать“ учителю уваженіе къ начальству. Быстрицкій бросился жаловаться. Ему посовѣтовали „сидѣть спокойно“ и, въ видѣ утѣшенія, сказали буквально слѣдующее:

— Урядника не смѣняютъ и на десять учителей.

Впрочемъ, Быстрицкому недолго пришлось „сидѣть спокойно“: вскорѣ онъ сошелъ съ ума, и этотъ его поступокъ саратовская газета ставила въ причинную связь съ дѣйствіями раздраженнаго урядника.

Вотъ почему, мнѣ кажется, не слѣдуетъ строго винить учителя, что онъ плохо интересуется общественными дѣлами и мало ихъ знаетъ. Отъ него требуется иная добродѣтель, имя которой— послушаніе. А до чего порою учителя послушны, напомню еще одинъ фактъ, удостовѣренный „Сибирскимъ Вѣстникомъ“. Въ 1900 г. волостной старшина явился въ школу с. Костинъ-Логъ и сталъ „производить ревизію“. Онъ велѣлъ ученикамъ рѣшать задачу изъ учебника Гольденберга. Ученики не рѣшили, и „ревизоръ“ приказалъ имъ стать на колѣнки, а учителю рѣшать ту же задачу. Запутался ли учитель, или просто не потрафилъ на ревизоровъ вкусъ, только старшина приказалъ и ему стать на колѣнки рядомъ съ учениками. И учитель покорно сталъ на колѣнки.

V.

Есть, однако, общества, куда учитель привлекается, и притомъ порою даже рѣшительно. Такъ было, между прочимъ, со мною въ к—омъ уѣздномъ училищѣ. Въ одно изъ двадцатыхъ чиселъ, при выдачѣ жалованья, штатный смотритель заявилъ мнѣ, какъ бы продолжая начатый разговоръ:

— Значитъ, я шесть руб. вычту...

— Какіе шесть рублей?—удивился я.

— Членскій взносъ...

— Взносъ?.. Куда?..

— Въ наше общество...

— Какое общество?..

— А директоръ общество взаимопомощи устраиваетъ...

— Въ первой слышу.

— Какъ же, какъ же... Всѣ учителя будутъ участвовать.

Я сказалъ, что шести рублей не дамъ.

— Ну, что-жъ, можно и въ разсрочку, — спокойно отвѣтилъ смотритель.

— Не надо мнѣ разсрочки... Я вовсе не хочу быть членомъ.

— Позвольте,—возразилъ смотритель, — вѣдь, директоръ же предложилъ...

Послѣ долгихъ препирательствъ я рѣшительно объявилъ, что обращусь въ судъ, если, помимо моего желанія, съ меня будутъ взимать членскіе взносы. Сослуживцы мои, не прибѣгнувшіе къ столь рѣшительному средству, по шести рублей заплатили; правда, въ разсрочку. За то и бранились же они.

— Ловко,— говорили,—придумано! Начальство будетъ дѣлами заправлять, мы платить, а любимчики и прихвостни получать пособія... Спеціально для укрощенія строптивыхъ и поощренія послушныхъ устроено. За наши же кровныя деньги учреждается Reptilienfond...

„Reptilienfond"—реченіе рѣзкое. Но, вообще говоря, провинціальныя учительскія общества взаимопомощи въ большинствѣ всецѣло руководятся начальствомъ. Если они устроены для народныхъ учителей, то дѣла вершаются по волѣ директора или инспекторовъ. Прошеніе учителя о помощи кое-гдѣ передается участковому инспектору народныхъ училищъ, который и опредѣляетъ, дѣйствительно ли проситель нуждается, въ какой мѣрѣ, и заслуживаетъ ли пособія. Судьба прошенія зависитъ вполнѣ отъ инспекторскаго отзыва. Если инспекторъ ангельски справедливый человѣкъ, онъ обращаетъ вниманіе только на нужду просителя, забывая о служебныхъ и личныхъ отношеніяхъ. Однако было бы рискованно утверждать, что всѣ инспектора ангелы. Впрочемъ, даже при ангельски добродѣтельномъ начальствѣ такая система „взаимопомощи" врядъ ли укрѣпляетъ въ учителѣ чувство человѣческаго достоинства.

Конечно, теоретически направленіе дѣлъ въ учительскихъ обществахъ должно бы зависѣть отъ общаго собранія, т. е. отъ самихъ же учителей. Но, при столкновеніи съ жизнью, теорія эта оказывается совершенно несостоятельной. И вотъ одно изъ многихъ тому доказательствъ.

До 1900 г. въ Борисоглѣбскѣ существовала „ссудосберегательная касса учителей мужской и женской гимназій и городскихъ начальныхъ школъ". Предсѣдателемъ былъ директоръ гимназіи. Въ число должниковъ кассы попалъ „директорскій — какъ его называли—любимчикъ". Платить „любимчикъ" не захотѣлъ, и деньги съ него пришлось взыскивать по исполнительному листу. Однако предсѣдатель распорядился взысканіе прекратить. Распоряженіе это горячо обсуждалось на общемъ собраніи и большинствомъ голосовъ было отмѣнено. Тогда предсѣдатель заявилъ (цитирую дословно по „Сѣверному Курьеру"):

— Я остаюсь при особомъ мнѣніи... Да вы не думайте, что мое особое мнѣніе такъ и останется при протоколѣ. Я его представлю...

Послѣ минутнаго общаго молчанія директоръ продолжалъ:

— Такъ какъ большинство собранія со мною не согласно, то я считаю себя обиженнымъ, а потому отказываюсь отъ долж-

ности предсѣдателя. Постановленіе о взысканіи долга не будетъ исполнено, потому что я не согласенъ съ нимъ.

Вслѣдъ затѣмъ онъ созвалъ новое экстренное собраніе и предложилъ кассу закрыть. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній большинство согласилось желаніе предсѣдателя исполнить.

И покорности этой не надо удивляться. Великую силу имѣетъ человѣкъ, если ему дано право дѣлать „представленія", т. е. въ оффиціальной бумагѣ за номеромъ, по своему вкусу и не подвергаясь отвѣтственности, аттестовать своихъ ближнихъ съ какой угодно точки зрѣнія. Сила эта неотвратима, какъ судьба. Защищаться противъ нея нечѣмъ. Единственное средство—умилостивить ее, хотя бы и цѣною крайнихъ пожертвованій. Не анекдотъ вѣдь, что учителя бакинской гимназіи покорно соглашались получать жалованье, вмѣсто кредитной и звонкой монеты, личными векселями директора Побѣдоносцева. Рискуя серьезною отвѣтственностью, хозяйственный комитетъ покорно глядѣлъ, какъ г. Побѣдоносцевъ своею властью тратилъ средства гимназіи на школьную колонію и на кое-какія побочныя предпріятія. Объ этихъ предпріятіяхъ разсказываетъ весьма откровенно самъ г. Побѣдоносцевъ, въ оффиціальномъ „Ежегодникѣ": „Рѣшившись — говоритъ онъ—поскорѣе закончить устройство колоніи, я искалъ сказочнаго источника для обогащенія колоніи. Случай, дѣйствительно, представлялся мнѣ. Знающіе Баку люди хорошо знаютъ, что такое демоническая скачка на заявкахъ по отысканію нефти на Апшеронскомъ полуостровѣ внѣ меридіана завѣдомо нефтеносныхъ земель. Были случаи продажи такихъ заявокъ за 10—15 тысячъ рублей, смотря по мѣстности. Эта нефтеносная земля продавалась въ Англію, и, если бы не внезапно наступившій нефтяной кризисъ въ Баку, дѣло было бы окончено, и колонія была бы обезпечена. Но Богу было угодно продлить намъ испытанія" *).

Проще говоря: директоръ игралъ на нефтяныхъ заявкахъ и проигрался, потерявъ довольно крупную сумму. Долги наличными деньгами платила гимназія, учителя же, естественно, получали векселя, а, сверхъ того, со стороны мѣстнаго общества подвергались обвиненіямъ въ растратѣ 800 руб., собранныхъ по подписнымъ листамъ, на стипендію. И лишь въ октябрѣ 1902 г., когда стало извѣстно, что г. Побѣдоносцевъ „уходитъ", учителя, собиравшіе деньги, рѣшились объявить въ газетѣ „Бакинскія Извѣстія", что все, пожертвованное на стипендію, 2 года 10 мѣсяцевъ назадъ передано на храненіе г. директору гимназіи.

Правовая обстановка, въ которой возможны такіе случаи, едва ли способствуетъ процвѣтанію учительскихъ обществъ взаимопомощи. И только нѣкоторыя изъ нихъ (таково, напр., Славяно-

---

*) „Ежегодникъ сельскохозяйственной колоніи при Бакинской мужской гимназіи". № 2, стр. 163.

сербское) стараются жить по собственному усмотрѣнію, хотя бы и вопреки взглядамъ ближайшаго учебнаго начальства. Но какъ разъ именно въ связи съ самостоятельностью, какую проявляли члены Славяносербскаго общества, газета „Баку" приводила два циркуляра раіоннаго инспектора народныхъ училищъ, г. Сребницкаго.

„Наблюдая—писалъ г. Сребницкій въ первомъ циркулярѣ—за ходомъ учебно-воспитательнаго дѣла въ училищахъ ввѣреннаго мнѣ раіона, я не могъ не обратить вниманія на существованіе нежелательнаго направленія въ нихъ. Въ виду этого я вынужденъ призвать учителей къ порядку и вмѣнить въ обязанность каждаго сообразовать дѣятельность, подъ наблюденіемъ училищнаго совѣта и моимъ руководствомъ, съ духомъ правительства и законности".

Видя, что самостоятельность истолкована въ смыслѣ политической неблагонадежности, лица, причастныя къ обществу, взволновались. У г. Сребницкаго стали просить объясненій. Онъ отвѣтилъ вторымъ циркуляромъ:

„Пусть тѣ изъ учителей и учительницъ, которые намѣрены продолжать службу въ Славяносербскомъ уѣздѣ, подадутъ мнѣ не позднѣе 1-го іюня о томъ заявленіе, которое и будетъ служить обязательствомъ. Тѣ же изъ учителей, которые къ 1 іюня такихъ заявленій не подадутъ, будутъ причислены мною къ категоріи лицъ, не желающихъ продолжать службу во ввѣренномъ мнѣ раіонѣ, и учительскія мѣста, занимаемыя ими, будутъ считаться вакантными".

VI.

На третій или на четвертый день моей учительской службы штатный смотритель позвалъ меня къ себѣ на квартиру и предложилъ переговорить „по душамъ".

— Человѣкъ вы молодой, неопытный,—доброжелательно началъ онъ,—позвольте дать вамъ нѣсколько дружескихъ совѣтовъ.

— Пожалуйста...

— Я не буду говорить о преподаваніи въ училищѣ—съ этимъ еще успѣется... А вотъ... скажите, вы уже дѣлали кому-нибудь визиты?

— Пока нѣтъ...

— Ну, вотъ и хорошо... Видите ли—у насъ тутъ клика есть. Да, да,—можете себѣ представить!.. Всякія гадости устраивать горазды... Во-первыхъ, нотаріусъ Харитоновъ—главный въ городѣ смутьянъ. Всѣмъ онъ надоѣлъ, и никто его не любитъ. Потомъ товарищъ прокурора Ганъ—говорятъ, будто изъ красныхъ, а по моему, просто дуракъ. А еще городской судья Поповъ и судебный слѣдователь Воскресенскій... Эти господа стараются каждаго новаго человѣка къ себѣ привлекать. Вы ихъ остерегитесь. Пре-

дупреждаю васъ—директоръ терпѣть ихъ не можетъ. Инспекторъ тоже. И про меня они сплетни распускаютъ. Изъ нашихъ учителей съ ними только Ширмовскій водится. Это интриганъ. Онъ подъ меня подкопы дѣлаетъ. Мнѣ-то на него въ высокой степени наплевать. А вамъ... Вы отъ него еще никакой гнусности обо мнѣ не слыхали?.. Я, конечно, понимаю ваше молчаніе. Все-таки коллега, неловко переносить. Но вы Ширмовскаго остерегитесь, это—опасный человѣкъ... Тутъ есть хорошіе люди: Бирюковы, напр., Чеботаревы... Мадамъ Бирюкова ужъ справлялась объ васъ. Интересно бы, говоритъ, новаго учителя посмотрѣть. Если хотите, мы бы сегодня вечеромъ и пошли къ нимъ...

И видимо обидившись, что я молчу, смотритель сухо закончилъ:

— Ну, я, что надо было, сказалъ, а остальное — дѣло ваше.

Позже я имѣлъ возможность убѣдиться, что непосредственное начальство имѣетъ таки привычку слѣдить, съ кѣмъ учитель водитъ знакомство, у кого бываетъ. И если въ числѣ знакомыхъ оказываются лица „запрещенныя", т. е. по какимъ-либо причинамъ начальству непріятныя, учитель рискуетъ лишиться награды или пособія, получить десятка два-три служебныхъ замѣчаній. Учителей народныхъ, менѣе устойчивыхъ въ правовомъ смыслѣ, просто увольняютъ. Такъ было, напр., въ Аткарскомъ уѣздѣ, гдѣ инспекторъ народныхъ училищъ г. К. сразу удалилъ трехъ учительницъ за то, что онѣ „ведутъ знакомство со студентами" (причина эта была объявлена оффиціально).

Безспорно, учитель, какъ и всѣ прочіе люди, „животное общественное". Какъ и всѣмъ прочимъ людямъ, ему хочется и необходимо бывать въ обществѣ себѣ подобныхъ. Распредѣленіе знакомствъ на „допущенныя" и „недопущенныя" ставитъ его въ фальшивое положеніе, лишаетъ основныхъ гражданскихъ правъ. Но для большинства это вопросъ чисто академическій. Сплошь и рядомъ у учителя, какъ общественнаго животнаго, оказывается болѣе серьезный врагъ, который вообще не допускаетъ знакомствъ—ни разрѣшенныхъ, ни дозволенныхъ. Вотъ что говоритъ объ этомъ врагѣ одинъ учитель въ своемъ дневникѣ (запись сдѣлана 10 мая 1897 г.):

„Ужъ третій день у насъ нѣтъ хлѣба. Положеніе нѣсколько комическое: всѣ продукты и все вообще необходимое мы можемъ брать въ кредитъ по такъ называемымъ „заборнымъ книжкамъ". Но печеный хлѣбъ покупается у бабъ-„перепечекъ" за наличныя, а послѣднія четыре копѣйки наличности истрачены третьяго дня на два фунта хлѣба. Вчера и сегодня мы доѣдали сбереженныя женою хлѣбныя корки и доѣли...

Сейчасъ за обѣдомъ произошла тяжелая сцена. Витя сталъ просить хлѣба. Жена молчала. Ребенокъ сталъ хныкать. Чтобъ утѣшить его, я сказалъ:

— Не плачь, Витя,—завтра мама испечетъ „адя".

Витя хорошо знаетъ, что „адя" это—пироги и очень любитъ ихъ. Но, повидимому, въ самомъ тонѣ моего отвѣта онъ угадалъ нашъ коварный замыселъ — замѣнить до двадцатаго покупной ржаной хлѣбъ домашними пшеничными пирогами—и заревѣлъ:

— Не хочу адя, хлѣба хочу...

И онъ правъ — мы всѣ предпочитаемъ имѣть за обѣдомъ хлѣбъ, а не пироги.

Вслѣдъ за сыномъ заплакала жена. Я смотрѣлъ на нихъ и никакъ не могъ рѣшить, что дѣлать—плакать или смѣяться?

Къ общему удовольствію, я поперхнулся крошками плохо прожеваннаго сухаря и закашлялся. Жена испугалась и начала меня легонько бить по „горбушкѣ": она увѣрена, что это средство помогаетъ застрявшей въ горлѣ пищѣ пройти, куда слѣдуетъ. Въ это время она держала ребенка на рукахъ. Бить папу Витѣ очень понравилось, и онъ, хлопая ручонками по моей спинѣ, весело засмѣялся. Его смѣющееся и покрытое слезами личико было преуморительно. Жена поглядѣла на него и улыбнулась сквозь слезы. Тутъ я окончательно рѣшилъ, что мнѣ надо смѣяться, и засмѣялся. Семейное счастье водворилось, но поперхнуться не всегда удается такъ удачно и такъ во время. На такую удачу трудно разсчитывать сегодня за ужиномъ, завтра за обѣдомъ и т. д., и т. д. Впереди еще цѣлыхъ десять дней безъ хлѣба!

Я подалъ было мысль: взять что либо въ бакалейной лавкѣ на книжку, продать и выручку употребить на покупку хлѣба. Но это такъ неловко и стыдно, что лучше сидѣть безъ хлѣба. Занять не у кого. Сегодня я выходилъ изъ училища вмѣстѣ съ Машатинымъ и чуть было не попросилъ у него:

— Миша, нѣтъ ли у васъ рубля взаймы?

У него богатые родители, и онъ славный мальчикъ. Онъ, конечно, далъ бы, но у меня языкъ не повернулся сказать такія слова ученику.

Вообще нужда въ самомъ необходимомъ—наша постоянная гостья, но чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и острѣе она чувствуется. Зимой у насъ оказалась недостача бѣлья; сверхъ того, пришлось выдумывать, какъ замѣнить прошлогодніе заношенные до тла лѣтніе костюмы новыми. Къ Пасхѣ выдали жалованье почти за полмѣсяца впередъ—вопросъ о бѣльѣ и костюмахъ былъ кое-какъ рѣшенъ, за то теперь нѣтъ хлѣба.

Два года назадъ мы получали „Русскія Вѣдомости", потомъ съѣхали на четырехрублевые „Биржевики". Въ нынѣшнемъ году и четыре рубля оказалось невозможно выкроить изъ бюджета. Я читаю въ училищѣ „Московскія Вѣдомости" и изрѣдка приношу старые прочитанные всѣми номера женѣ. Этими старыми номерами, да не менѣе старыми книжками „Русскаго Вѣстника",

да „Журналомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ ограничивается наше общеніе съ текущей литературой.

Раньше мы любили слѣдить за книжными новинками и говорили о нихъ другъ другу. Теперь мнѣ слышать о нихъ обидно и больно, а говорить, если узнаю откуда либо, женѣ—стыдно. Повидимому, также и то же чувствуетъ и она. Книжныя новости для насъ обоихъ стали предметомъ столь деликатнымъ, что мы избѣгаемъ его касаться.

Мы оба очень любимъ театръ, но вотъ уже два года, какъ не были даже въ здѣшнемъ клубѣ, единственномъ у насъ мѣстѣ, гдѣ даются любительскія представленія. Временами, когда любители объявляютъ что-либо ужъ очень заманчивое, Надя проситъ принести изъ училищной библіотеки „какой-нибудь томъ Островскаго“. Я приношу, мы читаемъ вслухъ. Это замѣняетъ намъ театръ.

Я люблю скрипку, но избѣгаю играть, чтобъ не напоминать женѣ, что у насъ нѣтъ рояля: она любитъ этотъ инструментъ и когда-то хорошо на немъ играла. Впрочемъ, иногда она сама проситъ сыграть. Я беру скрипку, но сразу чувствую, что пальцы потеряли былую гибкость и бѣглость. И мнѣ становится обидно, а жена скорбно задумывается.

Основной мотивъ нашей интимной жизни—напряженная и жалкая боязнь имѣть дѣтей. По безмолвному межъ нами соглашенію, Витя — единственная роскошь, какую мы могли себѣ въ этомъ отношеніи позволить. Въ одномъ католическомъ богословскомъ трактатѣ я разъ случайно нашелъ рубрику: „Semen extra vos femineum fundere...“ Какъ мужъ и жена, мы живемъ именно такимъ образомъ, чтобы быть зарегистрованными въ этой самой графѣ. Правда, мы еще близки другъ къ другу, но это—близость заговорщиковъ, одинаково заинтересованныхъ въ одномъ и томъ же нехорошемъ дѣлѣ.

Въ обществѣ мы почти не бываемъ: она - потому, что нѣтъ „выходныхъ костюмовъ“, я—потому, что здѣсь безъ жены бывать не принято. Да и бывать—значитъ приглашать къ себѣ, а такой роскоши мы позволить не можемъ.

Наши расходы распадаются на двѣ, приблизительно равныя половины. Одна идетъ на удовлетвореніе нашихъ личныхъ потребностей—въ этой области мы готовы отказаться отъ самаго необходимаго. Другая половина уходитъ на то, что называется поддержаніемъ престижа.

Я долженъ быть на службѣ въ чистомъ крахмальномъ бѣльѣ, въ форменномъ костюмѣ извѣстнаго достоинства, имѣть обувь и верхнее платье не ниже опредѣленной свѣжести. И мы покорно тратимъ на прачку, на форму и на все прочее почти пятую часть заработка.

Бывая въ церкви, я не могу положить въ тарелку менѣе

гривенника; говѣя, я не могу дать священнику за исповѣдь меньше рубля; сторожу, когда онъ меня поздравляетъ, я долженъ дать, по крайней мѣрѣ, полтинникъ и проч., и проч... И по обязанностямъ службы, я бываю, говѣю, принимаю поздравленія. И по долгу положенія, даю, даю, даю... Этимъ я покупаю то внѣшнее и условное уваженіе къ моей особѣ, отсутствіе котораго дѣлало бы мнѣ еще больнѣе, чѣмъ теперь.

Положеніе же обязываетъ меня держать прислугу, хоть мнѣ и женѣ неловко этого невольнаго свидѣтеля прорѣхъ въ нашемъ житьѣ-бытьѣ. И намъ обидно, что мы должны скрывать эти прорѣхи и въ то же время многое безсильны скрыть, что приходится учитывать каждую копѣйку, которая идетъ на содержаніе прислуги. Быть можетъ, въ силу этого затаеннаго чувства обиды и неловкости, прислуга у насъ часто мѣняется, и мы, обыкновенно, не торопимся ее нанимать.

Когда ея нѣтъ, какъ напримѣръ, теперь, намъ живется покойнѣе, лучше, почти счастливѣе.

Два года назадъ я еще жилъ высшимъ кругомъ идей и понятій. Каждое явленіе интересовало меня не столько само по себѣ, сколько по отраженію въ немъ вопросовъ общаго характера. И эти общіе вопросы волновали меня, я улавливалъ въ нихъ малѣйшіе оттѣнки, болѣлъ и страдалъ ими; болѣлъ тою особенною болью, которая повышаетъ человѣка и даетъ ему полноту человѣческаго, а не животнаго существованія. Теперь иначе. Крылья крѣпко завязли въ сѣти соображеній, ужъ слишкомъ конкретныхъ, слишкомъ конечныхъ и узкихъ. То высшее, чѣмъ недавно такъ сладко дышалось, уходитъ куда-то прочь. Да и жизнь вся, съ ея вихремъ разнообразныхъ запросовъ, съ ея красками, блескомъ, сочностью, уплываетъ также прочь. И что ни часъ, то дальше. И я чувствую себя, какъ пассажиръ, выкинутый за бортъ на пустынный берегъ. По всей вѣроятности, то же чувствуетъ и Надя.

Въ послѣднее время я часто ловлю себя на мысляхъ, совершенно не позволительныхъ. Это случается, обыкновенно, въ классѣ и преимущественно на урокахъ литературы, наиболѣе любимыхъ учениками. Ученикъ читаетъ какой-либо отрывокъ, а я начинаю соображать, насколько хватитъ тѣхъ дровъ, которыя вчера куплены, или какъ нужно распредѣлить жалованье, чтобъ осталось на башмаки женѣ. Если такія мысли упорно лѣзутъ въ голову, я становлюсь золъ. На завтра ученики говорятъ мнѣ:

— Вы, Василій Николаичъ, вчера не въ духѣ были.

Я краснѣю и отвѣчаю:

— Съ вами развѣ можно всегда въ духѣ быть...

И отъ этой лжи еще болѣе краснѣю.

Пока межъ мною и учениками отношенія добрыя и сердечныя. Ребята откровенны со мною, не стѣсняясь разсказываютъ

про столкновенія съ другими учителями, вѣрятъ моей порядочности, убѣждены, что не донесу, не передамъ начальству, не обижу. Но я ужъ началъ лгать, и, стало быть, черезъ 2—3 года будетъ совсѣмъ не то.

Порою я чувствую себя, какъ человѣкъ, который тонетъ и уже послѣдними, слабѣющими усиліями держится на водѣ. И хочется крикнуть:

— Братцы, тону вѣдь я—спасите!

Но кому крикнуть? Кто услышитъ?...

Мои записки прервала жена. Она вошла ко мнѣ съ Витей на рукахъ.

— Вася,—говоритъ,—я нашла выходъ. Сейчасъ послала хозяйскую дѣвочку за ржаной мукой. Хозяйка закваски даетъ. Завтра попробую испечь. Заранѣе прошу, сударь,—попыталась она шутить,—имѣть въ виду, что это мой первый опытъ.

Всѣ геніальныя открытія просты, какъ яйцо Колумба. Тѣмъ не менѣе, перспектива перваго опыта меня нѣсколько смутила.

— Знаешь что, Надя,—робко посовѣтовалъ я,—ты бы лучше сначала испробовала свои силы на лепешкахъ. Чухонки, напримѣръ, превкусныя лепешки дѣлаютъ. И представь, какъ просто...

— Убирайся ты со своими чухонками. Умѣю же я пироги печь. А теперь поучусь ржаной хлѣбъ. Не велика премудрость.

Да, премудрость не велика. Но въ нашей берлогѣ „дама изъ общества", собственноручно пекущая пшеничные пироги, считается просто хозяйственной дамой, а собственноручно мѣсящая въ дежкѣ ржаное тѣсто,—женщиной дурного тона... И, слѣдовательно, черезъ три дня о томъ, что жена учителя Гаврилова пекла хлѣбъ, будутъ знать всѣ педагогическія дамы, и не преминутъ при случаѣ уколоть:

— Говорятъ, у васъ, Василій Николаичъ, необыкновенно вкусный хлѣбъ...

А что эти уколы будутъ, Надя знаетъ такъ же хорошо, какъ и я. И думаетъ она объ этомъ то же, что и я:

— Оно и глупо, и пошло, но жить мѣшаетъ, ставитъ въ фальшивое положеніе.

И намъ ничего другого не оставалось, какъ, опустивъ глаза внизъ, молчать.

— Ты четырнадцатаго въ церковь пойдешь?—спросила, наконецъ, она.

— Нельзя не пойти—царскій день.

— А въ тарелку что положишь?

— Ничего не положу. Среди обѣдни курить выйду.

— Вотъ и мораль,—грустно замѣтила Надя,—не женись на безприданницѣ. Нашелъ бы себѣ жену побогаче, никогда такой нужды не видѣлъ бы.

О себѣ ни слова—будто въ святыя записалась. Впрочемъ, я

тоже святѣю, и скоро, надо полагать, совсѣмъ буду святъ,—какъ пробка“ *).

VII.

Въ 1893 г. насъ, учителей к—аго уѣзднаго училища, постигла крупная неожиданность.

Изъ губернскаго города явился нѣкто Босовъ держать экзаменъ на званіе сельскаго учителя. Видъ онъ имѣлъ весьма независимый и все время до экзаменовъ почему-то иронически улыбался, чѣмъ законоучитель былъ даже нѣсколько обиженъ:

— Нельзя сказать,—замѣтилъ онъ,—что сей оболтусъ къ старшимъ почтителенъ.

— Должно быть, увѣренъ въ себѣ,—возразили ему.

Къ общему удивленію, работа по русскому языку оказалась совершенно безграмотной. Учителя поставили 2, батюшка единицу, промолвивъ:

— Пусть дуракъ не зазнается.

Отмѣточный листъ перешелъ къ предсѣдательствующему штатному смотрителю. Тотъ молча подвелъ черту, написалъ: „общій выводъ—два“, потомъ свою отмѣтку—„пять“, а подъ нею: „общій выводъ—четыре“.

Батюшка отъ неожиданности даже вскочилъ.

— Позвольте, Лукьянъ Иларіоновичъ,—вмѣшались учителя,— вы ошиблись. Подъ работой три двойки, единица и ваше пять. Сумма балловъ двѣнадцать. Въ общемъ выводѣ меньше $2^1/_2$.

— Въ общемъ выводѣ $3^1/_2$,—отвѣтилъ Лукьянъ Иларіоновичъ,—ваша преподавательская двойка и моя предсѣдательская пятерка... Потрудитесь раздѣлить семь на два.

— Но вы неправильно комбинируете.

— Прошу меня не учить,—прекратилъ разговоры смотритель.

За письменную работу по ариѳметикѣ мы, трое учителей, поставили по единицѣ; законоучитель, нѣсколько подумавъ и даже покраснѣвъ,—два. Лукьянъ Иларіоновичъ вывелъ: „два“, написалъ свою отмѣтку—„пять“, въ среднемъ, по его разсчетамъ, снова получился требуемый правилами баллъ—4. Это ужъ значило, что Босовъ свидѣтельства удостоивается, такъ какъ остальное, что требуется для экзамена (colloquium по поводу письменныхъ работъ и пробные уроки), всецѣло зависѣли отъ смотрителя.

Впослѣдствіи оказалось, что Лукьянъ Иларіоновичъ имѣлъ нѣкоторое основаніе содѣйствовать благополучному исходу экзаменовъ: у Босова была родственница, которая нравилась кому-то изъ начальствующихъ лицъ. Свидѣтельство Босову, желавшему

*) Отрывокъ этотъ привожу съ разрѣшенія автора. Собственныя имена, по весьма понятной причинѣ, мною измѣнены.

освободиться отъ воинской повинности, и было выдано. Тѣмъ не менѣе, директоръ, утверждающій экзаменаціонное производство, сдѣлалъ строгій выговоръ всему педагогическому совѣту за неправильный выводъ балловъ. А штатный смотритель, ни мало не смущаясь, выговоръ этотъ намъ объявилъ.

Учителя заволновались и рѣшили немедленно же собраться и обсудить „положеніе вещей". Сборнымъ пунктомъ назначена была почему-то моя квартира. Изъ „положенія вещей", однако, вытекало, что обсуждать, собственно, нечего, такъ какъ:

— Сами же мы во всемъ виноваты.

Надо было сговориться, сообща дѣйствовать. Останься мы всѣ при особомъ мнѣніи, да будь это мнѣніе къ протоколу приложено, на нашей сторонѣ было бы большинство. Директоръ поневолѣ къ нашему мнѣнію присоединился бы...

Отсюда слѣдовало, что горе наше въ томъ, что мы врозь живемъ. А потому слѣдуетъ хотя бы разъ въ недѣлю собираться вмѣстѣ по-товарищески, попить чайку, поговорить. На томъ и порѣшили.

Собираться мы стали по субботамъ, когда вечера наиболѣе свободны. „Сборища" происходили у меня, и на нихъ быстро обратилъ вниманіе штатный смотритель. Онъ вдругъ сдѣлался очень любезенъ и какъ бы вскользь замѣтилъ мнѣ:

— А у васъ, оказывается, журфиксы устроены...

— Журфиксовъ нѣтъ,—а такъ заходятъ коллеги...

— Слышалъ, слышалъ! Какой вы, однако! Все молчкомъ дѣлаете... Отчего бы и мнѣ не сказать?

— Да о чемъ же сказать?

— Ну, какъ о чемъ!—возразилъ смотритель.—Вѣдь въ одномъ училищѣ служимъ. На одного Бога молимся... Я знаете, самъ это люблю,—когда по просту, по студенчески... И весело у васъ?

— Право, не знаю...

— Ну, ну, не скромничайте!.. Хорошо бы вотъ такъ собираться всей компаніей...

Видя, что я плохо догадываюсь пригласить его, Лукьянъ Иларіоновичъ пошелъ прямѣе:

— Отчего бы намъ всѣмъ у меня не собираться?—предложилъ онъ.—Человѣкъ я холостой. Квартира всегда свободна, помѣшать некому. Да и на счетъ полиціи безопаснѣе...

— При чемъ тутъ полиція?—удивился я.

— Ну, знаете ли, она тоже наблюдаетъ, — загадочно отвѣтилъ онъ и прекратилъ разговоръ.

Разумѣется, смотритель безпокоился не зря. И не зря называлъ впослѣдствіи наши мирныя „субботки" „нелегальными сборищами" и „комплотомъ противъ начальства". Онѣ и, дѣйствительно, были „комплотомъ", т. е., по каждому вопросу, какой возникалъ въ совѣтѣ, смотритель наталкивался на вполнѣ опре-

дѣленное и твердо обоснованное мнѣніе большинства. И измѣнить это мнѣніе онъ былъ не въ силахъ, такъ какъ даже въ наиболѣе благопріятныхъ для себя случаяхъ располагалъ лишь двумя голосами—собственнымъ и законоучителя.

Немудрено, что Лукьянъ Иларіонычъ противъ „субботокъ“ сталъ принимать мѣры. Вначалѣ онъ предложилъ постановить, чтобы учителя каждую субботу обходили всѣ ученическія квартиры. По его словамъ, это необходимо, такъ какъ директоромъ народныхъ училищъ „сдѣлано соотвѣтствующее распоряженіе“. Ссылки на „соотвѣтствующее распоряженіе“ нерѣдко практикуются, когда предсѣдатель желаетъ доказать, что вопросъ можетъ быть только такъ рѣшенъ, какъ онъ говоритъ. Спорить противъ нихъ довольно трудно. На „субботкахъ“ нашихъ мы тоже рѣшили не спорить, но каждую такую ссылку обязательно заносить въ протоколъ.

— Зачѣмъ же въ протоколъ?—возразилъ смотритель.—Нельзя же все, что говорится, въ протоколѣ записывать.

— Не все, что говорится,—настаивали учителя,—а распоряженіе директора. Это разница...

— Что значитъ распоряженіе?—сталъ объяснять смотритель.—Директоръ собственно упомянулъ къ разговору, вродѣ какъ бы намека...

— А вы думали, что вездѣ по нашему формы!—лукаво попрекнулъ насъ законоучитель, видимо, съ большимъ интересомъ слѣдившій за споромъ. Съ той поры долго учителя называли „соотвѣтствующія распоряженія“ смотрительскими огурцами (то же, что римскій огурецъ). Но „субботки“ наши въ концѣ концовъ прекратились. Произошло-ли это по причинѣ установленныхъ смотрителемъ ежесубботнихъ всенощныхъ, гдѣ присутствіе учителей было обязательно, или просто надоѣло „составлять комплотъ“ и подвергаться непріятностямъ—сказать не умѣю.

Такого же рода „субботки“ устраивались одно время учителями н—скаго городскаго училища. О нихъ я знаю, по разсказамъ моего бывшаго сослуживца С—ва.

— Мѣсяца полтора это у насъ велось,—говорилъ С—въ. Народъ, какъ на подборъ, собрался молодой, горячій. Водку мы понимали, какъ послѣднюю гибель души человѣческой. А карты были для насъ все равно, что для вѣрующаго попа оскверненіе храма Божія. Городишко же, надо вамъ сказать, дикій, захудалый. Дѣлать-то въ немъ, помимо картъ и водки, нечего. Развлеченіе одно только и есть, да и то сонъ... Ну, и рѣшили мы собираться. А инспекторъ у насъ дока былъ. Прожженый. Изъ штатныхъ смотрителей. Ну, такъ же, какъ и вашъ Лукьянъ Иларіонычъ, коситься началъ:

— Зачѣмъ, говоритъ, собираетесь?

— Да просто такъ—въ гости.

— А дѣлаете что?

— Читаемъ...

— Этого, говорить, нельзя.

Мы, разумѣется, по молодости лѣтъ, на смѣхъ его подняли.

— Ну, вотъ, молъ, еще глупости!

— Погодите, говоритъ,—вы еще увидите, какія это глупости.

И точно, дня черезъ три является онъ въ учительскую, и бумага у него въ рукахъ.

— Что, говоритъ,—дождались!.. Полюбуйтесь!..

— Въ чемъ, спрашиваемъ, дѣло?

— А въ томъ, говоритъ, что отношеніе отъ исправника.

Кинулись мы читать. Дѣйствительно, бумага отъ исправника, съ числомъ и за номеромъ—все, какъ слѣдуетъ быть, по формѣ. Ну, сами знаете, какъ въ такихъ случаяхъ канцеляріи пишутъ: сначала „до свѣдѣнія моего дошло“, а потомъ: „покорнѣйше прошу поставить господъ преподавателей въ извѣстность, что таковыя собранія могутъ происходить не иначе, какъ съ моего каждый разъ разрѣшенія и лишь по представленіи мнѣ подробной программы, въ противномъ случаѣ съ ними поступлено будетъ по всей строгости законовъ“.

— Не можетъ быть!—удивился я.

— Э-э-э,—протянулъ С—въ.—А вы, батюшка, посмотрите на мой носъ и разсудите, по какой причинѣ онъ, принадлежа отставному алкоголененавистнику, краснымъ сталъ? Да по какой причинѣ я въ прошломъ мѣсяцѣ, изъ присвоеннаго мнѣ по штату содержанія 50 руб. 35 коп., женѣ 35 коп. принесъ, а рубли всѣ до единаго проремизилъ?.. Знаете, тамъ въ Ч—ки, до исправницкой бумаги, вотъ въ эту голову—С—въ стукнулъ себя по лбу—по разнымъ обстоятельствамъ, Аркашки Счастливцева мысль лѣзла: „А не удавиться ли, молъ, мнѣ?“ И если бы мнѣ тогда сказали: прежде чѣмъ десять зимъ минетъ, будетъ у тебя, рабъ Божій Павелъ, носъ красный, и будешь ты ночи на пролетъ за стуколкой сидѣть, — я бы, ни на минуту не задумываясь, веревку на гвоздь, да и того... А вы говорите: „не можетъ быть!“

— Но на какомъ основаніи?—спросилъ я.

— Чортъ ихъ знаетъ!—пожалъ плечами С—въ,—догадывались тогда, что это инспекторовы штуки.

— Такъ ваши чтенія и прекратились?

— Не сразу... Сначала мы для потѣхи исправнику „программу“ послали. Потѣшная была штука. Въ первомъ отдѣленіи значилось: „Ода Богъ“, „Телемакида“ и мелодекламація: „Коль славенъ“... Второе отдѣленіе: „Россіяда“, „О любви къ отечеству“ и живая картина—переходъ Суворова черезъ Чортовъ мостъ при пѣніи всѣхъ присутствующихъ: „Громъ побѣды раздавайся“. Еще что-то въ томъ же родѣ понаписали—теперь ужъ не припомню. Думали, что взбѣленится исправникъ. А онъ самымъ серьезнымъ образомъ

написалъ: „разрѣшаю"... Ну, собрались коллеги ко мнѣ—у насъ это тоже по субботамъ дѣлалось... О чемъ говорить? Дѣло ясное...

— А что, спрашиваю, братцы, не сыграть ли намъ въ дурачка?

— Давай, говорятъ, хоть въ дурачка...

Вотъ и пошелъ я карты купить. Да ужъ и вина кстати. А погода была мерзѣйшая—и снѣгъ, и дождь, и вѣтеръ. Темь, хоть глаза коли. Возвращаюсь назадъ. Глядь около сѣней фигура какая-то торчитъ.

— Что за человѣкъ?—спрашиваю.

— Я—говоритъ

— А зовутъ какъ?

— Околоточный.

— Что вы тутъ дѣлаете?

— Въ нарядѣ, говоритъ, стою...

— Въ какомъ нарядѣ?

— Собраніе, говоритъ, тутъ. Такъ вотъ меня въ нарядъ и поставили.

— Да вѣдь холодно?

— Что-жъ, говоритъ, дѣлать?—служба.

Жалко мнѣ его стало.

Пригласилъ я его въ комнату. Веселый малый оказался. Анекдоты похабные разсказывалъ. Въ преферансъ училъ насъ играть. И даже поблагодарить за гостепріимство не забылъ. А на прощанье совѣтъ далъ:

— Бросьте, говоритъ, господа, эти штуки. Вамъ только одна непріятность будетъ. Да и нашему брату, вы думаете, сладко!.. Трясись, слѣди, отписывайся... Ей Богу,—плюньте!..

— Плюнули, разумѣется. Ничего не подѣлаешь!—закончилъ С—въ.

Впрочемъ, собранія учителей вообще дѣло громоздкое. Даже просто зайти въ гости къ товарищу по службѣ не всегда удобно. Со мною былъ такой случай.

Учитель Г., тотъ самый, который „Новое Время" жидовской газетой называлъ, по какому-то поводу крупно повздорилъ съ инспекторомъ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого мнѣ вечеромъ понадобилось быть въ училищѣ. По пути я завернулъ къ Г. Это растрогало его почти до слезъ.

— Цѣню!—говорилъ онъ, крѣпко пожимая мнѣ руку.—Очень цѣню! Вотъ это благородно!

— Богъ съ вами, Семенъ Ивановичъ!—возразилъ я.—При чемъ тутъ благородство?

— Зайти къ опальному товарищу!.. Нѣтъ, на такой шагъ не всякій рѣшится.. А вѣдь мы до сихъ поръ,—добавилъ онъ,—и близки не были.

Въ тотъ же вечеръ въ училищную библіотеку, гдѣ я работалъ, зашелъ инспекторъ.

— Пойдемте ко мнѣ чай пить,—предложилъ онъ.

— Спасибо, — отвѣтилъ я, — чаемъ меня Семенъ Иванычъ угостилъ.

А на другой день тотъ же Семенъ Иванычъ при томъ же инспекторѣ говорилъ мнѣ:

— Знаемъ мы вашего брата, либераловъ! Жди отъ васъ помощи въ случаѣ нужды—какъ же! Пока я не удостоился, чтобъ ваша милость хоть поглядѣть изволили, гдѣ моя квартира стоитъ...

Исподтишка онъ хитро подмигнулъ мнѣ: „небось, молъ, я тебя не выдамъ“.

Инспекторъ имѣлъ жестокость не сказать даже фамусовскаго: „хоть подеритесь, не повѣрю“.

Вопросъ о правѣ учителей бывать, безъ вѣдома начальства, въ гостяхъ другъ у друга ставился кое-гдѣ принципіально. Такъ было, между прочимъ, въ 1899 г. въ Тверскомъ уѣздѣ, гдѣ народные учителя нѣсколькихъ сосѣднихъ селъ условились въ свободное отъ занятій время, когда случится нѣсколько праздниковъ подъ рядъ, устраивать совмѣстныя скромныя пирушки. Одинъ разъ имъ безпрепятственно удалось собраться къ учителю ильинской школы. Затѣмъ товарищей пригласилъ къ себѣ на ближайшіе праздники Измайловскій учитель. Но къ нему вмѣстѣ съ гостями прибыла оффиціальная бумага отъ инспектора народныхъ училищъ. Инспекторъ строго предписывалъ угощеніе немедленно прекратить, такъ какъ „всякія собранія учителей, безъ разрѣшенія начальства, терпимы быть не могутъ“.

Тотъ же инспекторъ предложилъ уѣздному училищному совѣту: учителя измайловской школы уволить, а собравшихся было къ нему гостей перевести на худшія мѣста. Совѣтъ принялъ во вниманіе, что циркуляръ инспектора не былъ извѣстенъ учителямъ въ моментъ совершенія вины, т. е. когда они съѣзжались въ гости. А потому было рѣшено наказать лишь измайловскаго учителя (его перевели на плохое мѣсто), всѣхъ же остальныхъ простить *).

Приказъ инспекціи, если стать на ея точку зрѣнія, вполнѣ понятенъ. „Собранія“ учителей, хотя бы и для совмѣстнаго лишь угощенія, всетаки напоминаютъ долгое время безусловно запрещенные учительскіе съѣзды. Это во-первыхъ. А, во-вторыхъ, благодаря пирушкамъ, на которыхъ начальство не присутствуетъ, учителя, дѣйствительно, могутъ сговориться и единодушно дѣйствовать вопреки желанію и вкусамъ инспектора.

---

*) „Русск. Шк.“, 1900 г., кн. X—XI.

VIII.

Лѣтомъ 1903 г. ко мнѣ, въ редакцію одной южной газеты, зашелъ знакомый инспекторъ народныхъ училищъ, человѣкъ очень добродушный.

— У васъ,—заговорилъ онъ,—статья вотъ напечатана объ участіи великаго князя въ учительскихъ курсахъ, за подписью Сеничевъ.

— Да...

— Прекрасная статья. И взгляды у автора прекрасные. Но видите ли... у насъ учитель есть Сеничевъ. Такъ вотъ—если это онъ, посовѣтуйте ему подъ какимъ-нибудь псевдонимомъ писать. А то... вы сами были учителемъ... Порядки наши вамъ извѣстны. Сеничеву-то я всетаки замѣчаніе сдѣлаю, а вы съ нимъ тоже поговорите.

— Позвольте,—замѣтилъ я,—какъ же вы сдѣлаете замѣчаніе, не зная, онъ ли авторъ?..

— Ну, если не онъ, такъ пусть ему напредки это урокомъ послужитъ.

— Да и сами вы, насколько помнится пишете,—возразилъ я

— Пишу,—отвѣтилъ инспекторъ,—но нужно знать, о чемъ? Вотъ, напр., наблюденія надъ погодой, сельскохозяйственныя или естественно-историческія свѣдѣнія, или методическое указаніе въ предѣлахъ существующихъ программъ, или вообще что-нибудь этакое безобидное, безъ намековъ на политику. А въ этой статьѣ авторъ какъ-будто великаго-то князя хвалитъ, а между строкъ недовольство министерскими распоряженіями видно... Нельзя этого дозволить, никакъ нельзя...

Въ 1893 г., когда я начивалъ учительскую службу, мнѣ тоже было заявлено, послѣ того какъ въ „Орловскомъ Вѣстникѣ“ появилась статья за полною моею подписью:

— Въ газетахъ ничего не пишите, потому что это закономъ запрещено.

Въ подтвержденіе мнѣ указали на ст. 727 третьяго тома. Статья эта, дѣйствительно, гласитъ:

„Служащимъ чиновникамъ запрещается издавать въ свѣтъ сочиненія, заключающія въ себѣ что-либо, касающееся до внутреннихъ и внѣшнихъ отношеній Россійскаго государства, безъ дозволенія своихъ начальствъ“.

Безъ сомнѣнія, статья эта продиктована благоразумною осторожностью. Чиновникамъ порою ввѣряются вещи секретныя, опубликованіе которыхъ, разъ рѣчь идетъ „о внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ Россійскаго государства“, не всегда удобно. Но, во-первыхъ, Сеничевъ, о которомъ говорилъ инспекторъ, на-

родный учитель. А стало быть, не чиновникъ, ибо никакихъ правъ государственной службы должность его не даетъ. Значитъ, дѣйствію 727 ст. онъ не подлежитъ, а равносильной статьи, которая относилась бы къ народнымъ учителямъ, сводъ законовъ не содержитъ. Во-вторыхъ, законъ говоритъ о „сочиненіяхъ, касающихся „внѣшнихъ и внутреннихъ отношеній", къ разряду каковыхъ трудно отнести мелкія газетныя замѣтки и корреспонденціи. Въ дѣйствительности же „безобидныя сочиненія" учителями пишутся и печатаются довольно свободно. Примѣненіе 727 ст. къ директору народныхъ училищъ Яблочкову, которому предложили „не издавать болѣе ничего безъ предварительнаго согласія начальства" *)—случай, довольно исключительный. Да и обусловливается онъ тѣмъ скандаломъ, какое произвели писательскіе труды г. Яблочкова. За то газетныя замѣтки, особенно если онѣ касаются вопросовъ общественныхъ, навлекаютъ на учителя-автора большія или меньшія непріятности. Значитъ, 727 ст. истолковывается не по явному ея смыслу, а примѣнительно къ соображеніямъ, внѣ закона лежащимъ.

Объ этихъ внезапныхъ соображеніяхъ откровенно высказался мой сослуживецъ Д—въ, учитель б—скаго городского училища, и вотъ по какому поводу. Нѣкоему малограмотному дворянину захотѣлось баллотироваться въ губернскіе земскіе гласные. Онъ рѣшилъ поэтому держать экзаменъ на первый классный чинъ, и, конечно, провалился. Мѣсяцевъ черезъ 8, малограмотный дворянинъ опять пріѣхалъ въ б—ское училище, для вторичнаго экзамена, и на этотъ разъ привезъ рекомендательное письмо. Прочитавъ рекомендацію и особенно подпись, инспекторъ училища переполошился и объявилъ учителямъ еще до экзамена, что свидѣтельство надо непремѣнно выдать. Однако, часть учителей осталась „при особомъ мнѣніи". Мнѣніе это было оставлено дирекціей „безъ послѣдствій". Малограмотный дворянинъ свидѣтельство на классный чинъ получилъ, и, стало быть, пріобрѣлъ право попасть въ губернскіе гласные, въ члены управы и т. д. „Строптивцы" же были наказаны: одинъ лишился обѣщаннаго пособія, другому отказали въ переводѣ на лучшее мѣсто. Д—въ, тоже наказанный, возмутился... и написалъ мнѣ (уже оставившему учительскую службу), „по старой памяти", но за тысячу верстъ:

„Нельзя ли — заканчиваетъ онъ свой разсказъ о малограмотномъ дворянинѣ — все это огласить. Я бы и самъ взялся, да руки связаны. Иначе бы они, конечно, никогда не позволили бы себѣ такъ откровенно орудовать".

Т. е., другими словами, будь у него „руки развязаны", онъ каждое неправильное дѣйствіе начальства передавалъ бы на судъ общественнаго мнѣнія. Такого рода апелляціи, если бы за нихъ

*) См. „Вѣстн. Восп.", 1897 г., кн. II, стр. 154.

учитель отвѣчалъ лишь передъ судомъ, давали бы подчиненному крупный „козырь“. Но для начальства онѣ, конечно, неудобны. И, оберегая свой престижъ, оно приказываетъ:

— Въ газетахъ ничего не пишите.

Такъ объясняютъ запрещеніе сами учителя. И другое объясненіе, признаться, трудно придумать. Правда, чтобъ „обличить“ начальника въ корреспонденціи, нужна большая отчаянность и даже самоотверженіе. Но вѣдь лиха бѣда дозволить подчиненному вступить въ сношенія съ редакціею, завязать связи съ литературнымъ міромъ, а тамъ ужъ онъ сумѣетъ обличительную замѣтку тиснуть и анонимно. Поди тогда, угадывай, кто написалъ; ищи виновнаго.

Разумѣется, учителя пишутъ и корреспондируютъ, вопреки запрещеніямъ. Умоляя „уважаемаго редактора сохранить тайну“, скрываясь подъ самыми разнообразными псевдонимами, учитель упрямо продолжаетъ „обличать“. Достается отъ него на орѣхи и начальству. Правда, на такое дѣло способенъ далеко не всякій; для него, помимо мужества, нуженъ врожденный темпераментъ общественнаго дѣятеля, который органически не способенъ „не лѣзть въ самую гущу жизни“ и такъ же органически не можетъ понять, почему его хата должна быть съ краю. Такихъ учителей въ общей массѣ немного, да и живется имъ не сладко.

Напомню хотя бы, какъ хоронили „писаку“, учителя Бѣлова въ 1902 г. въ г. Юрьевѣ Польскомъ, Владимірской губ. (нѣсколько статей Бѣлова было, между прочимъ, напечатано въ „Русс. Шк.“). Служилъ онъ въ городскомъ училищѣ. „Сослуживецъ покойнаго—привожу дословно корреспонденцію „Сѣвернаго Края“—протоіерей Знаменскій, приглашенный отслужить панихиду, сдѣлалъ замѣчаніе вдовѣ покойнаго, почему она не сшила мужу савана, давъ при этомъ всѣмъ присутствовавшимъ на панихидѣ такое разъясненіе:

— Если бы вы, скажемъ, положили его въ мундирѣ съ галунами, или тамъ съ нашивками какими на рукахъ и воротѣ, съ ясными пуговицами—тогда другое дѣло, можно бы и безъ савана. А то онъ у васъ въ штатскомъ сюртукѣ, безъ всякаго ордена и знака отличія. Какъ же онъ явится на тотъ свѣтъ? Кѣмъ онъ предстанетъ—не то чиновникъ, не то еще кто?

Требованіе было исполнено—покойнаго одѣли въ саванъ. Затѣмъ о. протоіерей перешелъ къ обуви, найдя, что въ штиблетахъ, при томъ надѣванныхъ, неловко являться на тотъ свѣтъ, а надо надѣть туфли, и при томъ новыя Затѣмъ послѣдовали замѣчанія относительно свѣчъ, креста, чернаго и бѣлаго крепа. Въ заключеніе о. Знаменскій (въ присутствіи, конечно, бывшихъ на похоронахъ учениковъ) произнесъ надгробную рѣчь, которая закончилась словами:

— Смерть, братіе, большею частію бываетъ несвоевременна;

и въ данномъ случаѣ, беря во вниманіе молодые годы раба Божія Павла, можно подумать, что кончина была ранняя. Но это будетъ невѣрно. Мы можемъ сказать: „Хорошо, что рабъ Божій Павелъ умеръ, ибо только смерть отвлекла его отъ дальнѣйшихъ заблужденій и окончательной духовной гибели и не дала окончательно укрѣпиться въ зловредныхъ идеяхъ. Неизвѣстно, до чего бы дошелъ онъ въ своихъ заблужденіяхъ, если бы смерть не пришла во время. Итакъ, братіе, кончина раба Божія Павла своевременна. Помолимся же о его грѣшной душѣ“.

IX.

Объясню причину, почему мнѣ казалось необходимымъ сказать нѣсколько словъ о правѣ учителей писать въ газетахъ. Какъ бы ни разсматривать участіе въ періодической печати, хотя бы въ видѣ простого корреспондированія, занятіе это несомнѣнно пробуждаетъ и питаетъ интересъ къ общественной жизни и ея отраженію — литературѣ. Представьте положеніе человѣка, для котораго пути къ общественной дѣятельности отрѣзаны, у котораго нѣтъ или почти нѣтъ знакомствъ, который не имѣетъ даже идейныхъ связей съ товарищами по профессіи. Представьте, словомъ, жизнь, протекающую внѣ какого бы то ни было обмѣна мыслей. Человѣкъ, поставленный въ столь противоестественныя условія, не напоминаетъ ли тѣ бузиновые шарики, которые укрѣпляются на стеклянныхъ подставкахъ? Этотъ общераспространенный въ физическихъ кабинетахъ приборъ очень удобенъ для экспериментатора, потому что изолированный шарикъ можно по желанію зарядить какимъ угодно электричествомъ. Но человѣкъ немножко больше, нежели простой физическій приборъ. И судьба его, если онъ изолированъ отъ органическихъ и стихійныхъ вліяній жизни, нѣсколько сложнѣе.

Прежде всего—чѣмъ онъ „электризуется“? Какая мысль получаетъ въ немъ преобладаніе? Сохраняется ли и возбуждается ли у него интересъ къ литературѣ, какъ первостепенному источнику мысли и знанія?

Однажды возлѣ церкви мнѣ пришлось услышать наивный разговоръ. Ребенокъ лѣтъ пяти, указывая на колокольню, спрашивалъ у отца:

— Папа, вонъ тамъ колокола?

— Да, милый, колокола.

— А отчего жъ они не звонятъ?

— Оттого, — отвѣтилъ отецъ, — что за веревку никто не дергаетъ.

Чтобъ колоколъ зазвучалъ, надо всетаки дернуть за веревку. Неужели же резонно ждать, что будетъ неугасимо горѣть ин-

тересъ къ литературѣ въ человѣкѣ, который изолированъ? Вѣдь и человѣка, чтобъ мысль въ немъ не засыпала, чтобъ жажда знаній съ годами не гасла, тоже надо, хоть время-отъ-времени, „дергать за веревку“.

Пожалуй, возразятъ мнѣ:

— Плохъ тотъ человѣкъ, который нуждается во внѣшнихъ побужденіяхъ, а безъ нихъ перестаетъ жаждать знанія. Литературу надо любить ради нея самой.

Дѣйствительно, литература, въ лицѣ лучшихъ и плодоносящихъ ея представителей, была и, конечно, будетъ выразителемъ мысли честной и неподкупной. И въ этой святой, кристальной ея чистотѣ заключается глубокая притягательная сила. Но, если позволено идти путемъ сравненій, мнѣ бы хотѣлось напомнить одну притчу, принадлежащую индійскому пророку—Рамакришнѣ.

Два человѣка—разсказываетъ Рамакришна—шли по лѣсу. На встрѣчу имъ тигръ. Одинъ путникъ сказалъ:

— Стой—бѣжать не нужно. Богъ видитъ наше затруднительное положеніе. Онъ всемогущъ и, конечно, защититъ насъ.

— Нѣтъ, братъ,—отвѣтилъ другой—давай лучше побѣжимъ. Что намъ безпокоить Господа Бога, когда мы сами можемъ справиться съ этимъ дѣломъ.

Второго путника, который „самимъ управиться“ посовѣтовалъ, Рамакришна называетъ истинно любящимъ Бога.

И мнѣ кажется,—люби мы литературу больше, а на всемогущество ея полагайся меньше, не такъ бы часто обвинялись учителя, что интеллектуальный уровень ихъ быстро понижается, умственный кругозоръ суживается, интересъ къ книгѣ падаетъ и умираетъ. То правда — интеллигентность учителя скоро изнашивается; встрѣтить педагога, котораго пытливость не идетъ дальше учебника и министерскихъ циркуляровъ,—трудъ небольшой. Однако, не надо забывать, что изъ всѣхъ изолированныхъ отъ жизни людей учителя врядъ ли не самые изолированные.

Но пусть Рамокришна не правъ, и притча его не доказательство. И всетаки, прежде чѣмъ требовать, чтобы учитель интересовался литературой, надо спросить его—имѣетъ ли онъ къ тому фактическую возможность.

X.

Въ правѣ ли учитель читать книги, не допущенныя ученымъ комитетомъ?—вопросъ этотъ долгое время оставался открытымъ и спорнымъ. Первыя земскія учительскія библіотеки вначалѣ встрѣтили препятствіе. Воронежскому, напр., земству, чтобъ выхлопотать учителямъ право пользоваться библіотекой, подчиненной общему уставу о цензурѣ и печати, пришлось обратиться въ сенатъ. Сенатъ нашелъ, что земство имѣетъ законныя основанія

учреждать для своихъ служащихъ библіотеки; такимъ образомъ, учителя могутъ пользоваться земской библіотекою не какъ учителя, а какъ лица, состоящія на земской службѣ.

Относительно же частныхъ библіотекъ компетентное мнѣніе высказано, между прочимъ, попечителемъ кіевскаго учебнаго округа. Въ началѣ девяностыхъ годовъ въ г. Чудновѣ, Волынской губерніи, нѣкая г-жа Тычино пожелала устроить библіотеку для народныхъ учителей, живущихъ въ городѣ и ближайшихъ селахъ. Отвѣтъ попечителя на просьбу разрѣшить это былъ полученъ черезъ два года. Принципіально округъ „не встрѣтилъ препятствій" къ открытію въ г. Чудновѣ библіотеки. „Что же касается до учащихъ въ народныхъ училищахъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ, то къ полученію ими книгъ изъ новооткрываемой библіотеки г. попечитель *не видитъ достаточныхъ законныхъ основаній*" *).

Учительскихъ правъ выписывать книги на собственныя средства коснулся циркуляръ министра народнаго просвѣщенія гр. Делянова 29 февраля 1896 г. Гр. Деляновъ, указывая директорамъ народныхъ училищъ „на всю неловкость распоряженій, которыя какъ бы обязываютъ учителей къ выпискѣ для нихъ самихъ и для учебныхъ заведеній разныхъ изданій", замѣтилъ, что учителя „собственно для себя могутъ выбирать *изъ числа одобренныхъ книгъ* какія угодно, и для нихъ нельзя установить какой бы то нибыло обязательной выписки изданій" *). Подчеркнутыя мною слова показываютъ, что графъ Деляновъ имѣлъ въ виду „какія угодно книги" изъ упомянутыхъ въ каталогахъ ученаго комитета, такъ какъ общая цензура „разрѣшаетъ", а не „одобряетъ". Такъ, по крайней мѣрѣ, истолковывали циркуляръ 1896 г. нѣкоторые директора народныхъ училищъ. Такъ поняли и учителя. Въ мѣстностяхъ, гдѣ есть земскія библіотеки, я замѣтилъ даже довольно любопытное явленіе.

Народные учителя берутъ книги, конечно, не справляясь съ „одобреніемъ" ученаго комитета. Но такихъ авторовъ, какъ Н. К. Михайловскій, Л. Н. Толстой, Н. В. Шелгуновъ и т. д., благоразумно прячутъ куда либо въ уголъ, подальше — на тотъ случай, чтобы начальство, если оно внезапно пріѣдетъ ревизовать, не замѣтило ихъ.

Въ 1893 г.. я, „собственно для себя" вздумалъ выписать нѣсколько книгъ не „изъ числа одобренныхъ"; коллеги посовѣтовали мнѣ, какъ человѣку неопытному, сдѣлать это черезъ аптекаря, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, „выбранные" мною авторы (Ушинскій, Льюисъ, Милль и др.) могутъ вызвать у начальства „сомнѣніе".

Опасливость моихъ сослуживцевъ оказалась не лишенною ос-

---

*) „Русск. Вѣд.".
**) „Цирк. по Кавк. учебн. окр.", 1896 г. № 4.

нованій. Когда почтальонъ сталъ приносить въ училище адресованные на мое имя журналы и газеты „сомнительнаго направленія“, штатный смотритель встревожился.

— Однако, даже „Недѣля!“ — сказалъ онъ, покачивая головою.

— Да, „Недѣля...“

— И „Русская Школа!..“

— И „Русская Школа...“

— Небось, жалѣете, что „Колоколъ“ теперь не издается?

— Жалѣю, какъ не жалѣть!..

— Однако, шутки въ сторону, — сердито заключилъ смотритель. — Предупреждаю васъ, директоръ нашъ такихъ штукъ терпѣть не можетъ.

И это была правда: впослѣдствіи я убѣдился, что директоръ, дѣйствительно, „такихъ штукъ“ не долюбливалъ. Пріѣхавъ на ревизію, онъ довольно-таки серьезно „переговорилъ“ со мною о „либерализмѣ“.

По его словамъ, „либеральное направленіе“ у меня обнаруживалось „даже въ мелочахъ“.

— Вотъ вы, напримѣръ, — упомянулъ онъ объ одномъ изъ моихъ ходатайствъ,—подымаете вопросъ, чтобъ въ ученическихъ аттестатахъ писать: „обучался бухгалтеріи“. Въ принципѣ я съ вами согласенъ. Разъ бухгалтерія введена, какъ добавочный предметъ, конечно, о ней надо сказать и въ аттестатѣ. Но „бухгалтерія“,—что значитъ „бухгалтерія?“ Изъ за вашего либерализма вы непремѣнно хотите плодить иностранщину. Ради Бога безъ этихъ иностранныхъ словъ! У насъ есть прекрасныя русскія... Ходатайство ваше я удовлетворилъ. Но писать вы будете не по либеральному: „бухгалтерія“, а по-русски: „практическое счетоводство“.

Распоряженіе директора исполнялось, конечно, въ точности, но, признаться, я до сихъ поръ не понимаю, почему „практическій“ болѣе русское слово, нежели „бухгалтерія“, и почему „бухгалтерія“ слово либеральное, а такія же иностранныя слова: „исторія“, „ариѳметика“, „геометрія“, „географія“ — не либеральныя.

Впрочемъ, выговоръ мнѣ за либерализмъ кончился вообще очень странно. Собираясь уѣзжать, директоръ обратился ко мнѣ съ просьбой:

— Вотъ что, г библіотекарь... Въ дорогѣ-то мнѣ, чай, скучно будетъ... Дайте-ка послѣднюю книжку какого-нибудь журнала.

— Не угодно ли „Паломника?“—предложилъ я.

— Гм... А еще что есть?

— „Воскресеніе...“

— Гм... А еще?

— „Журналъ Министерства...“

Директоръ засмѣялся.

— Въ библіотекѣ больше ничего нѣтъ,—сказалъ я. — Не желаете ли изъ моихъ? Могу дать послѣднюю книжку „Русской Мысли". Если хотите, пошлю сторожа къ себѣ на квартиру.

— Ну, что жъ,—нерѣшительно отвѣтилъ онъ,—пожалуй, пошлите... Пусть онъ принесетъ... двѣ послѣднихъ.

Замѣчу кстати, „Русская Мысль" въ тѣ годы считалась журналомъ страшнымъ и завѣдомо зловреднымъ. Ея побаивались даже „либерально" настроенные педагоги. Для примѣра разскажу характерный эпизодъ. Въ О—ой губ. нѣкоторое время служилъ директоромъ народныхъ училищъ С. А. Б—кій, человѣкъ пожилой, не безъ странностей и не безъ грѣховъ, но школу онъ любилъ и при разговорѣ съ учителями часто вспоминалъ Пирогова:

— Вотъ кому надо подражать!—убѣждалъ Б—кій.

Учителя пользовались этимъ и ежегодно просили для фундаментальной библіотеки „Русскую Мысль". Б—кій, вопреки совершенно ясному указанію министерства и не взирая на свою многочисленную семью, имѣлъ мужество „разрѣшать".

Въ 1896 г. пріѣхалъ онъ ревизовать б—ское городское училище, вошелъ въ учительскую, гдѣ стояли библіотечные шкафы, и ахнулъ: за стекломъ, на самомъ видномъ мѣстѣ, красовалась цѣлая полка, заставленная новыми корешками съ четкою надписью „Русская Мысль".

— Ай-ай-ай!—неодобрительно проговорилъ Б—кій,—зачѣмъ вы ее на показъ!.. Ну пріѣдетъ кто изъ округа — сейчасъ она въ глаза бросается...

Учителя оправдывались тѣмъ, что „Русская Мысль" заняла свое мѣсто по праву, такъ какъ по библіотечной номераціи ей именно здѣсь нужно быть.

Посовѣтовавшись, рѣшили заново распредѣлить книги по шкафамъ, такъ чтобы корешки съ „страшною" надписью попали на такую полку, гдѣ ихъ трудно замѣтить.

На слѣдующій годъ Б—кій уже не разрѣшилъ пріобрѣсти „опасный" журналъ, который и былъ замѣненъ „Русскимъ Вѣстникомъ".

Благополучный и даже нѣсколько комическій конецъ выговора, какому я подвергся за выписку „неодобренныхъ" изданій, разумѣется, не доказываетъ, что учителю „свободно" за собственныя деньги имѣть какую угодно книгу. Далеко не у всѣхъ и не всегда „собственныя деньги" есть. Это, во-первыхъ, а во-вторыхъ, надѣюсь, никто не потребуетъ, чтобъ у учителя было желаніе постоянно подвергаться выговорамъ. Выговоры вѣдь не зря дѣлаются, они влекутъ за собою служебныя неудобства и болѣе или менѣе серьезныя лишенія.

XI.

Пока культурный человѣкъ въ учителѣ живъ, онъ всемѣрно борется за свое существованіе и жадно ищетъ книгу. А что находитъ? „Старые журналы,—разсказываетъ одинъ изъ народныхъ учителей г. Барсовъ въ своихъ воспоминаніяхъ — извлеченные мною изъ помѣщичьей библіотеки, были манной небесной. Мы *перечитывали* (т. е. читали по нѣсколько разъ) авторовъ, имена которыхъ можно встрѣтить только въ подробномъ курсѣ литературы. Порою радъ былъ бы прочитать и „англійскаго милорда“. И повѣрьте — про „милорда“ не для краснаго словца сказано. Я разъ зашелъ къ одному учителю и засталъ его за Еруслановъ Лазаревичемъ, котораго онъ читалъ съ видимымъ увлеченіемъ. Бѣдняга, замѣтивъ меня, покраснѣлъ, смѣшался и сталъ прятать книжку. Минута была не изъ пріятныхъ. Промолчать, сдѣлать видъ, будто не замѣтилъ, было бы жестоко. А сказать,—что скажешь? У меня, по крайней мѣрѣ, ничего не вышло, кромѣ мало утѣшительной фразы:

— Глушь тутъ у васъ... хорошую книгу гдѣ достать...

— Э!—отвѣтилъ онъ.—Хорошую! И за такую спасибо, которую пополамъ со стыдомъ читаешь.

А вѣдь отъ этого человѣка, который говоритъ спасибо за Еруслана Лазаревича, мы требуемъ звукового метода, нагляднаго способа обученія и вообще пріемовъ, основанныхъ на весьма тонкихъ выводахъ опытной психологіи.

Такъ поддерживается существованіе культурнаго человѣка въ начальной школѣ. Не лучше это дѣло шло (во время моей службы) въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Мы даже за педагогической литературой лишены были возможности слѣдить. Правда, для каждаго училища обязательно выписывать „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“. Но это очень солидное изданіе для учителя-практика слишкомъ академично. А главное, это общенаучный органъ, а не педагогическій. Настоящихъ же педагогическихъ журналовъ намъ, обыкновенно, не разрѣшали, и мы ихъ могли читать не раньше, чѣмъ они „просмотрѣны“ и „допущены“ ученымъ комитетомъ, т. е. въ 1897 г. за 1895-й, въ 99 мъ за 97-й и т. д.

Что же касается литературы не спеціальной, то обобщать свои наблюденія я не стану и врядъ ли имѣю право. Но видѣлъ я вотъ что.

Учителя пожилые книгой интересовались плохо и мало. Брали читать лишь то, что представляло нѣкоторый интересъ новизны, т. е., главнымъ образомъ, дѣтскіе журналы: „Родникъ“, „Дѣтскій Отдыхъ“, „Читальню Народной Школы“ и т. д. Читали они дѣт-

скую литературу такъ же, какъ обыкновенные смертные свѣжій номеръ „Русскаго Богатства“, или послѣднее произведеніе Чехова, Короленко, Горькаго. Иные даже ребусы рѣшали и шарады отгадывали. Это, очевидно, значило, что культурный человѣкъ впалъ въ дѣтство и доживаетъ послѣдніе дни.

Молодые учителя также обращались къ тому отдѣлу библіотеки, который представлялъ для нихъ интересъ новизны, т. е. къ старымъ журналамъ. Изъ таковыхъ въ школахъ сохранился лишь „Русскій Вѣстникъ“—его преимущественно и читали. Разумѣется, ничего зазорнаго въ такомъ чтеніи нѣтъ. Но старый номеръ стараго журнала въ рукахъ учителя, которому къ другимъ книгамъ доступа нѣтъ, обозначаетъ вынужденное и полное удаленіе отъ вопросовъ современности.

Пульсъ умственной жизни, какою полна страна, перестаетъ биться для учителя. Съ человѣкомъ сдѣлано тоже, что съ пальцемъ, который туго на туго стянутъ бичевкой: къ нему прекракращенъ доступъ живительныхъ и освѣжающихъ соковъ.

А. Петрищевъ

Новыя книги.

Стихотворенія **Н. П. Огарева**. Подъ редакціей М. О. Гершензона. Т. I. М. 1904.

Среди русскихъ поэтовъ, быть можетъ, немногіе такъ бѣдны протестующими нотами, какъ извѣстный политическій эмигрантъ Огаревъ, имя котораго, наравнѣ съ Герценомъ, цѣлые десятки лѣтъ было у насъ своего рода жупеломъ.

Къ чему упрекъ?

писалъ поэтъ еще въ юности:

Смиренье въ душу вложимъ
И въ ней затворимся—безъ желчи, если можемъ!

Такова и вся поэзія Огарева, за самыми малыми исключеніями,—поэзія кроткаго раздумья, тихой меланхоліи, грустныхъ воспоминаній о невозвратномъ свѣтломъ прошломъ. Но, не смотря на это, сорокъ слишкомъ лѣтъ (съ 1863 г.) находилась она подъ запретомъ!.. Лишь теперь уничтожается, наконецъ, печальнѣйшій и безсмысленнѣйшій анахронизмъ, и мы можемъ привѣтствовать появленіе на свѣтъ полнаго собранія стихотвореній Огарева. По словамъ г Гершензона, редактора новаго изданія, всего лишь

семь пьесъ остаются не подлежащими еще обнародованію,—какъ немного для поэта, который былъ однимъ изъ главныхъ руководителей „Колокола!“

Издателю и редактору, поработавшему надъ тѣмъ или другимъ писателемъ, не мудрено въ концѣ концовъ преувеличить его значеніе, но г. Гершензонъ сумѣлъ счастливо избѣжать этой крайности. Сознавая, что „Огаревъ не принадлежитъ къ числу поэтовъ, чья каждая строка драгоцѣнна“, и вполнѣ резонно опасаясь оказать „плохую услугу“ памяти поэта, онъ счелъ необходимымъ изъ массы стихотвореній, печатавшихся послѣ смерти Огарева въ „Русской Старинѣ“ и въ другихъ журналахъ, исключить цѣлыхъ 55 пьесъ. Этого нельзя не одобрить: извѣстно, что и въ лучшихъ, еще при жизни напечатанныхъ произведеніяхъ, Огаревъ далеко не былъ виртуозомъ формы,—тѣмъ болѣе въ черновыхъ набросках, которые никогда не предназначались для печати.

Въ „Предисловіи“ г. Гершензонъ задается вполнѣ естественнымъ вопросомъ: сохранила ли еще поэзія Огарева способность жизни, найдетъ ли она отзвукъ въ душѣ современнаго человѣка? Отвѣтъ, къ сожалѣнію, неясенъ и полонъ противорѣчій.

„Субъективное лирическое чувство,—читаемъ въ „Предисловіи“,—быстро старѣетъ... потому что у каждой эпохи свой особенный темпъ чувства“; „изъ всѣхъ видовъ литературы лирика наименѣе долговѣчна... едва ли кто изъ современной молодежи читалъ какое-нибудь лирическое стихотвореніе хотя бы близкаго къ намъ XVIII столѣтія“ (и Шиллера, и Гете?!); „полвѣка для лирическаго поэта не первой величины—большой срокъ“... „Поэзія Огарева очень субъективна“...

Казалось бы, выводъ отсюда для Огарева убійственный, тѣмъ болѣе, что „какое дѣло дѣвушкѣ или студенту, которые возьмутъ въ руки эти два томика, до историческаго значенія Огарева? Они будутъ искать въ немъ себя, свои думы и чувства, и это — ихъ законное право“. Какимъ-то непостижимымъ скачкомъ логики, г. Гершензонъ, однако, рѣшаетъ далѣе, что „въ чувствахъ Огарева и въ его поэзіи есть вѣчное ядро, которое еще долго будетъ сообщать живую силу его стихамъ, даже когда ихъ форма устарѣетъ“.

Какъ видитъ читатель, очень многое здѣсь можно оспаривать. Почему, прежде всего, лирика есть наименѣе долговѣчный родъ поэзіи? Элегіи Тибулла, второстепеннаго поэта древности, искреннія и безыскусственныя, способны еще и теперь трогать и волновать читателя, тогда какъ многія эпическія поэмы знаменитыхъ и даже великихъ поэтовъ позднѣйшихъ временъ читаются прямо со скукой... Въ тискахъ условной риторики и искусственности, и великій талантъ, сравнительно, безсиленъ,—только въ этомъ, а отнюдь не въ „родѣ“ поэзіи причина того, что любовная ли-

рика Петрарки оставляетъ,—по свидѣтельству г. Гершензона,—холоднымъ современнаго юношу...

Крайне спорно и другое положеніе, будто мы ищемъ у поэтовъ только „самихъ себя“. Несомнѣнно, что поэтъ, обладающій сильной и оригинальной индивидуальностью, увлечетъ насъ въ міръ своихъ собственныхъ думъ и чувствъ, заставитъ пережить вмѣстѣ съ нимъ то, чего лично мы, можетъ быть, и не переживали.

Переходя, собственно, къ Огареву, еще разъ констатируемъ, что въ своей поэзіи онъ до удивительнаго мало отразилъ эпоху и почти не использовалъ своей позиціи политическаго изгнанника. Вспомнимъ, напр., очень характерное для него стихотвореніе „Дорога“, написанное въ 1842 году, передъ вторымъ отъѣздомъ за границу.

Туско мѣсяцъ дальній
    Свѣтитъ сквозь туманы,
И лежатъ печально
    Снѣжныя поляны.
Бѣлыя съ морозу,
    Вдоль пути, рядами,
Тянутся березы
    Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
    Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
    Мой ямщикъ съ просонокъ.
Я въ кибиткѣ валкой
    Ѣду да тоскую.
Скучно мнѣ да жалко
    Сторону родную!

Ни одной черты, которая напоминала бы, что это Россія 40-хъ годовъ, „страна рабовъ, страна господъ“!.. Секретъ обаянія лучшихъ огаревскихъ стихотвореній надо искать не въ гражданскихъ чувствахъ поэта-эмигранта. Мотивы его поэзіи—исключительно мотивы личныхъ настроеній, мотивы психологическіе и философскіе, и потому—то, что казалось сильнымъ во времена Чернышевскаго (давшаго, какъ извѣстно, высокую оцѣнку поэзіи Огарева), сохраняетъ свою силу и въ наше время.

Чего хочу? Всего со всею полнотою,
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А въ тайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ;
Мои стремленія замолкнутъ, безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ!
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ глупцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...

Духъ вѣчности обнять не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ...

Поэтъ имѣетъ въ виду въ этихъ знаменитыхъ стихахъ не тотъ или иной строй общественной жизни, не то или другое поколѣніе (какъ, напр., Лермонтовъ въ „Думѣ"), и еще менѣе—несчастно сложившуюся долю отдѣльной личности: тутъ — неизбѣжный законъ человѣческой природы, противъ котораго не пойдешь, хотя, облеченное въ красивый поэтическій образъ, страданіе этого рода всегда можетъ найти отзвукъ въ душѣ вѣчнаго Фауста—человѣка.

Къ сожалѣнію, поэтическія средства Огарева слѣдуетъ признать ограниченными: художественная палитра его не богата красками, которыя при этомъ блѣдны и однотонны, самый стихъ рѣдко окрыляется страстью и силой... Число вполнѣ удавшихся стихотвореній у него, сравнительно, очень невелико...

Во второй (пока еще не вышедшій) томъ настоящаго изданія, согласно обѣщанію редактора, войдутъ всѣ поэмы, напечатанныя какъ при жизни, такъ и послѣ смерти поэта, а равно и не бывшія еще въ печати. Первый томъ распадается, въ свою очередь, на двѣ части, посвященныя мелкой лирикѣ. Въ первую вошелъ цѣликомъ матеріалъ лондонскаго изданія 1858 года, т. е. послѣдняго, напечатаннаго подъ наблюденіемъ самого Огарева, а затѣмъ все, опубликованное имъ позже. Во второй части помѣщены лучшія изъ посмертныхъ стихотвореній,—изъ нихъ многія впервые появляются въ свѣтъ. Естественно, что это наиболѣе слабый отдѣлъ, хотя и въ немъ встрѣчаются пьесы, достойныя стать рядомъ съ лучшими огаревскими вещами. Такова, напр., извѣстная „Серенада" (изъ Шуберта), принадлежность которой Огареву была до сихъ поръ лишь немногимъ извѣстна („Пѣснь моя летитъ съ мольбою"). Прелестны также два слѣдующихъ стихотворенія:

I.

Какъ звукъ, замолкнувшій безслѣдно,
Какъ пробѣжавшая струя,
Огонь, потухшій, вспыхнувъ блѣдно,
Исчезнетъ жизнь моя.
Но звукъ исполненъ былъ стремленья,
Кипѣла волею струя,
Въ огнѣ мелькнуло вдохновенье,
И вотъ что жизнь моя!..

II.

Ночь и буря съ черной мглою,
Море страшно и темно,
Только пѣною сѣдою
Чуть бѣлѣется оно.
Кто-жъ тамъ плачетъ, кто тамъ стонетъ,
Рвется, мечется, зоветъ,
Воплемъ жалобнымъ поетъ,
Точно гибнетъ иль хоронитъ,
Но глухой судьбы не тронетъ
И покоя не найдетъ?..
Буря волны гонитъ, гонитъ,
Море темное реветъ,—
Сердце ноетъ, сердце стонетъ,
Сердце гибнетъ и хоронитъ
И нигдѣ не отдохнетъ.

Василій Ив. Ивановъ. На память о русско-японской войнѣ. Стихотворенія. Харьковъ. 1904.

При распространенности стихотворной формы въ современной русской литературѣ, обращаетъ на себя вниманіе фактъ отсутствія сколько-нибудь художественныхъ—посвященныхъ войнѣ—произведеній, способныхъ дѣйствительно затронуть читателя своей искренностью и по-настоящему взволновать. Тѣ же, которыя появились въ печати и даже въ музыкѣ, и искусственны, и слишкомъ патетичны. Между тѣмъ излишній пафосъ—одна изъ самыхъ рискованныхъ вещей, когда обращаются къ чувству сѣверянина. Это должны бы имѣть въ виду тѣ „дѣти мирнаго труда", которыя берутъ на себя воодушевлять русскихъ людей идти и умереть... Скорѣе *жить* мы не умѣемъ—это искусство для насъ, въ массѣ, дѣйствительно незнакомое. А умирать—всегда умѣли и въ массѣ, и въ одиночку: было бы за что... *Этому* искусству учить—едва ли стоющее дѣло... Во всякомъ случаѣ для этого нуженъ огромный талантъ и нужна особая искренность, чтобы человѣкъ, остающійся въ рядахъ „дѣтей мирнаго труда", отважился крикнуть обреченнымъ на „ужасы войны": впередъ, впередъ! безъ страха и сомнѣнья!.. При неудачѣ, даже при несомнѣнной искренности авторскаго настроенія, читателю легко можетъ придти въ голову совсѣмъ не то, чего хочетъ для себя авторъ: читателю волей-неволей припомнятся „Сорокъ разбойниковъ" и турецкій полицеймейстеръ въ этой оперетѣ: полицеймейстеръ приводитъ дюжину солдатъ для ареста 40 разбойниковъ, командуетъ солдатамъ: „всѣ впередъ!" и прибавляетъ въ публику: „а я—назадъ!"

Создать для читателя настроеніе безыскусственности г. В. Иванову не удалось. Только смерть адмирала Макарова вызвала у него нѣсколько простыхъ, искренно сказанныхъ словъ, не чуждыхъ поэзіи. Все остальное—простая версификація, мотивъ для которой: куй, пока горячо. Вездѣ шаблонъ. Русскіе солдаты сражаются у автора „солдата русскаго мечемъ"; сражаются, между прочимъ, „за вѣру"... Естественно, что эта ходульность и неискренность отражаются на читателѣ... И чѣмъ больнѣе для него переживаемые „ужасы войны", тѣмъ оскорбительнѣе для него эти „мечи" и сраженія съ японцами за „вѣру"... Для кого и для чего нужны эти сочиненныя слова?

Версификація въ общемъ искусная *), хотя и то не всегда. Рифма иногда оказывается коварнымъ врагомъ не хуже японцевъ, и авторъ оказывается у нея въ самомъ безславномъ плѣненіи: онъ говоритъ не то, что хочетъ, а то, что ему диктуетъ необходимость въ рифмѣ. Такъ, война во всѣхъ стихотвореніяхъ автора является безпричинной, навязанной намъ коварствомъ

*) Отчасти въ этомъ виноваты позаимствованія у Пушкина, у Некрасова и др.

. . . языческаго края,
Гдѣ злобой правда и любовь сокрушена (ы),

пока въ стихотвореніи „18 апрѣля 1904 года“ (бой при Тюренченѣ) поэту не приходится подобрать рифму къ „русской чести“. Никакой другой рифмы, кромѣ „мести“, подъ рукой, очевидно, не оказалось, и потому въ этомъ стихотвореніи японцы горятъ не коварствомъ, а „огнемъ безумной мести“.

Pour la bonhe bouche авторъ помѣстилъ въ полномъ смыслѣ слова „бранное“ стихотвореніе: „Шпіонія“ (Японія):

Шпіонъ!.. Какъ много это слово
Душѣ японской говоритъ!
. . . .
„Шпіонъ“ синонимомъ героя
Японцамъ служитъ съ давнихъ лѣтъ;
Въ немъ все великое, святое
. . . .
Онъ выше правды и закона,
Онъ презираетъ Божій судъ,
И званье славное „шпіона“
Японцы съ гордостью несутъ...

Авторъ, повидимому, припомнилъ, что наши предки—лѣтъ тысячу тому назадъ—имѣли обыкновеніе переругиваться передъ боемъ съ врагами; припомнилъ и рѣшилъ угодить, не забывъ проставить на обложкѣ: Цѣна 40 коп.

Вильгельмъ фонъ-Поленцъ. Деревенскій священникъ. Романъ. Пер. съ нѣм. В. М. Величкиной. Изд. „Посредника“. Спб. 1903.

Изъ трехъ нѣмецкихъ отзывовъ о Вильгельмѣ фонъ-Поленцѣ въ двухъ непремѣнно говорится о „запахѣ земли“, который чуютъ нѣмцы въ его произведеніяхъ, и объ „областномъ искусствѣ“ (Heimatkunst), къ лучшимъ представителямъ котораго относятъ Поленца. Все это довольно вѣрно опредѣляетъ не только его художественную индивидуальность, но и размѣры значенія, которое слѣдовало бы ему имѣть, и которые почему-то стараются раздвинуть. Хорошій наблюдатель деревенской жизни въ ея этнографическихъ чертахъ, правдивый ея изобразитель, непосредственный, но не сильный, Поленцъ умѣлъ только перенести въ особую обстановку своей маленькой родины общіе образы и общія положенія, какими литература была богата до него. Въ колоритномъ языкѣ, который умѣетъ цѣнить богатая діалектами Германія, въ хорошо подмѣченныхъ мелочахъ своеобразнаго быта находили выраженіе особенности общихъ темъ, за предѣлы которыхъ не умѣлъ выйти и, кажется, не порывался выйти Поленцъ. Русскій читатель не въ силахъ оцѣнить эти прелести художественнаго провинціализма, и предъ нимъ остается лишь остовъ

романовъ Поленца, ясный, простой, сильный, но, надо правду сказать, достаточно банальный.

Старое произведеніе нѣмецкаго романиста, нынѣ переведенное и изданное „Посредникомъ“ для русскихъ „интеллигентныхъ читателей“, служитъ столь же убѣдительнымъ подтвержденіемъ этой характеристики, какъ и „Крестьянинъ“, не въ мѣру захваленный у насъ. Образы и положенія „Деревенскаго священника“ не новы и не сложны. Сдѣлавшись по призванію деревенскимъ пасторомъ, герой романа не находитъ ни надлежащей почвы для посѣва, ни сочувствія въ товарищахъ по священному призванію. Внизу — механическое, обрядовое благочестіе, вверху — протестантское лицемѣріе, которое душитъ истинную религіозность, дѣлая ее орудіемъ государственности. Два событія рѣшаютъ тяжелое положеніе брейтендорфскаго пастора: его новый другъ, товарищъ по призванію, потерявъ вѣру и не найдя въ себѣ силы обманывать долѣе себя и другихъ, добровольно разстается съ жизнью. Самъ онъ встрѣчается съ глубоко невѣрующимъ человѣкомъ, которому это невѣріе не мѣшаетъ сохранить достоинства, по общему мнѣнію, необходимо связанныя съ вѣрой. Онъ не теряетъ этой вѣры; но считаетъ своимъ долгомъ порвать съ протестантской церковью, которой по существу нѣтъ дѣла до религіи. Окрестивъ воспитанную въ безбожіи дочь стараго атеиста, онъ женится на ней и уходитъ изъ своей общины, чтобы стать школьнымъ учителемъ и учить дѣтей новому свободному, не церковному христіанству.

Эта канва заткана многочисленными, но мало значительными и мало оригинальными образами. Все это задумано и выполнено, какъ слѣдуетъ, все искренно и самостоятельно, но не глубоко. Намъ представляется, что у Поленца было все,—кромѣ ярко выраженной индивидуальности—и эта слабость личности окургузила его талантъ. Одно недоумѣніе вызываетъ предсмертный отзывъ покойнаго Чехова о „Крестьянинѣ“, недавно переданный намъ Вл. Г. Короленко: „Вотъ если бы мнѣ еще написать одну такую книгу... Я считалъ бы, что этого довольно. Можно умереть“.

Въ любомъ изъ большихъ разсказовъ Чехова больше художественной силы и хорошаго содержанія, чѣмъ въ обстоятельныхъ романахъ Поленца.

Избранныя мысли Шиллера и Лессинга. Выпускъ первый. Изданіе „Посредника“ (Замѣчательные мыслители древняго и новаго міра). М. 1904.

Если „избранныя мысли“ должны играть роль витрины въ окнахъ ювелира, въ которой гармонично подобраны шедевры творческой мысли Шиллера и Лессинга, роль литературной витрины, которая должна остановить глазъ случайнаго читателя и сдѣлать его данникомъ обоихъ поэтовъ,—въ такомъ случаѣ

избранныя „Посредникомъ" мысли цѣли не достигнутъ. Скорѣй обратное. Если случайный читатель пробѣжитъ эти „избранныя мысли", онъ получитъ совершенно странное представленіе о Шиллерѣ и Лессингѣ: не то добрые пасторы, не то составители нравоучительныхъ прописей. Во всякомъ случаѣ—не „замѣчательные мыслители". Помимо особенностей подбора, этому впечатлѣнію поможетъ отсутствіе стихотворной формы, которая для мысли, облеченной въ слово, то же, что гранильная работа для сырого алмаза: до отдѣлки онъ сверкать не будетъ. Между тѣмъ всѣ „мысли", изданныя „Посредникомъ", переведены исключительно прозой и тусклой прозой. Напримѣръ, общеизвѣстные стихи:

Страшись раба, когда онъ цѣпи сброситъ,
Людей свободныхъ не страшись!

въ сборникѣ „Посредника" отсутствуютъ, и соотвѣтствующая „мысль" переведена такою блѣдной строчкой: „Бойтесь раба, разбившаго свои цѣпи, не бойтесь свободнаго человѣка!"

Въ результатѣ Шиллеръ оказывается первовиновникомъ такихъ „избранныхъ" мыслей:

„Будьте единодушны, единодушны, единодушны!" „Ты говоришь хорошо. Если бы можно было то же сказать и о твоихъ дѣлахъ!" „Праздный покой--смерть для мужества." „Благородный человѣкъ думаетъ о себѣ послѣ всего остального." „Они идутъ съ распятіемъ въ рукахъ, но съ надменностью и жаждою мірскихъ наслажденій въ сердцѣ."

Въ томъ же родѣ „избранныя мысли", характеризующія Лессинга, какъ „замѣчательнаго мыслителя":

„Пусть каждый подражаетъ неподкупной, свободной отъ пристрастій, любви Божіей." „Тотъ, кто ищетъ себѣ друзей, достоинъ того, чтобы найти ихъ; тотъ, у кого нѣтъ ни одного друга, никогда не желалъ ихъ имѣть." „Равнодушіе вмѣсто любви! Это значитъ ничего, вмѣсто всего." „Мы должны уподобляться небу".

Пожелаемъ большей удачи слѣдующимъ выпускамъ „избранныхъ мыслей".

Академикъ А. Н. Веселовскій. В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и „сердечнаго воображенія". Спб. 1904.

Уткинскій сборникъ. Письма В. А. Жуковскаго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой. Москва 1904.

Литературная судьба Жуковскаго можетъ считаться завидной для другихъ поэтовъ. Вниманіе къ нему не выше его значенія, но онъ изъ тѣхъ немногихъ, кого читатели и наука цѣнятъ въ полной мѣрѣ. Старѣйшій изъ русскихъ поэтовъ, до сихъ поръ остающихся въ живомъ общеніи съ читателемъ, онъ нашелъ біографовъ, сохранившихъ въ любовномъ воспоминаніи подробности

его жизни, и изслѣдователей, зачерпнувшихъ полной рукой въ богатомъ собраніи матеріаловъ для характеристики его жизни и поэзіи. Два близкихъ человѣка съ разныхъ точекъ зрѣнія изобразили его жизнь; литература русскихъ мемуаровъ прошлаго вѣка полна впечатлѣній, оставленныхъ его мягкимъ, но замѣтнымъ обликомъ. Собственно критика, какъ бы сознавъ, что къ нему непримѣнима ея статическая точка зрѣнія, нашла болѣе злободневные предметы для сужденія; но исторія литературы давно занимается имъ съ особымъ интересомъ. Даже переводамъ его посвященъ особый трактатъ; даже не вполнѣ удачная работа-книга Поливанова была поводомъ къ обширному возраженію Тихонравова, разросшемуся въ цѣлое изслѣдованіе и показавшему, какъ далеко идетъ интересъ къ Жуковскому въ широкомъ спеціалистѣ по русской литературѣ. Наконецъ, пятидесятилѣтіе его смерти вызвало лежащую предъ нами книгу, которая представляетъ собою значительнѣйшее явленіе въ изученіи его личности и творчества и которой суждено долго быть настольнымъ руководствомъ для всѣхъ, обращающихся къ литературной дѣятельности Жуковскаго.

Авторъ „не рѣшился назвать свою книгу біографіей“, быть можетъ, потому, что въ ней, дѣйствительно, мало движенія: она ближе къ характеристикѣ. Но вина не въ изслѣдователѣ, а въ предметѣ изображенія; думается, что когда будетъ закончено накопленіе матеріаловъ для біографіи Жуковскаго и возможна будетъ книга, которой авторъ предсказываетъ заглавіе „Жуковскій и его друзья“,—развитіе поэта будетъ въ ней намѣчено въ чертахъ столь же мало устойчивыхъ и рѣзкихъ. Было бы ошибочно, однако, считать характеристику, представленную авторомъ, какъ бы внѣ-исторической. Наоборотъ, если нужна настоящая антитеза тѣмъ моднымъ литературнымъ портретамъ, гдѣ все значеніе и весь смыслъ изображаемаго полагается въ томъ отраженіи, которое оно получило въ личности изобразителя, то мы имѣемъ такую антитезу въ новой книгѣ А. Н. Веселовскаго.

Индивидуальный портретъ не былъ въ намѣреніяхъ автора, и онъ не далъ его. „Я старался—заканчиваетъ онъ предисловіе—направить анализъ не столько на личность, сколько на общественно-психологическій типъ, къ которому можно отнестись отвлеченнѣе, внѣ сочувствій или отверженій, которыя такъ легко заподозрить въ лицепріятіи“. Думается, на такое рѣшеніе автора повліяла опредѣляющимъ образомъ самая индивидуальность чувствительнаго поэта. Жуковскій изъ тѣхъ, кто ускользаетъ отъ опредѣленности портрета и сливается съ фономъ, по крайней мѣрѣ, ближайшихъ современниковъ. Скажутъ: дѣло въ изобразителѣ, который сумѣетъ найти и выдѣлить отличительныя черты; нѣтъ—дѣло также въ изображаемомъ: эта обобщенность есть его индивидуальная отмѣтка. Вотъ, напримѣръ, въ Герценѣ, какъ ни много

было въ немъ типичнаго, скорѣе заинтересуетъ, конечно, личность, чѣмъ „общественно-психологическій типъ“. Однако, автору удалось подняться надъ холодными чертами абстракціи именно потому, что онъ явился историкомъ по преимуществу. Здоровое и теплое дыханіе исторіи проникаетъ страницы книги; автору дорогъ и интересенъ тотъ Жуковскій, который былъ на самомъ дѣлѣ, а не тотъ, который съ большей или меньшей оригинальностью гипотезъ и натяжекъ можетъ быть созданъ критическимъ импрессіонизмомъ. Не стараясь и не умѣя отожествлять себя съ другимъ, А. Н. Веселовскій далъ не лирическій перепѣвъ настроеній Жуковскаго, а ихъ эпическое изображеніе, широкое и спокойное, убѣдительное своей правдивостью, субъективное въ тонѣ, объективное въ безконечномъ уваженіи къ истинѣ.

Его изслѣдованіе сближаетъ насъ не только съ эпохой и личностью Жуковскаго, но и съ его поэзіей. Время стерло тотъ смыслъ, который первоначально имѣла лирика Жуковскаго. Мало индивидуальныя въ выраженіи, его стихотворенія сдѣлались отвлеченными изображеніями общихъ чувствъ, хотя на самомъ дѣлѣ имѣли глубоко личное значеніе и происхожденіе. А. Н. Веселовскій замѣчаетъ, что лучшее въ лирикѣ Жуковскаго, Gelegenheitsdichtung: небольшія стихотворенія, вызванныя опредѣленнымъ переживаніемъ и полныя искренняго чувства. Эту искренность, непосредственность и жизненность, утерянныя для насъ въ стихотвореніяхъ Жуковскаго, превосходно воскрешаетъ новый опытъ изученія его творчества. Возвращенныя къ первоисточнику, оправленныя соотвѣтственными впечатлѣніями и событіями въ жизни поэта, его стихотворенія вдругъ получаютъ ту значительность, которую имѣли для него. Мы начинаемъ чувствовать личную жизнь тамъ, гдѣ видѣли только поэзію; мы находимъ творчество тамъ, гдѣ видѣли клише. Одинъ примѣръ изъ многихъ. Всякій знаетъ, какъ повторяется въ стихахъ Жуковскаго мотивъ воспоминанія. Давно звучатъ для насъ лирическимъ шаблономъ всѣ эти порыванія къ прошлому, „привѣты былому“ и „вѣрность минувшему“. А между тѣмъ, какъ полны содержанія были эти сентиментальныя схемы для самого поэта и его окружающихъ; не то, что у него не было ничего, кромѣ прошлаго; но въ пережитомъ онъ черпалъ оболочку для новыхъ настроеній, и даже „упованія“ его звучали не призывомъ грядущаго, а скорѣе откликомъ прошлаго. Мудрено ли, что современность оставалась неизмѣнно чуждой и подчасъ тягостной для поэта, навсегда ушедшаго въ исключительно личный міръ отъ всякой общественности.

Такъ оживляетъ для насъ увядающія страницы Жуковскаго сближеніе съ его личностью, погруженіе въ обстановку и атмосферу его творчества. Но это уже искусственное оживленіе. Поэтъ живетъ, пока смѣняющіяся поколѣнія его читателей на-

полняютъ его образы новымъ содержаніемъ. Продолжаетъ ли въ этомъ смыслѣ обновляться поэзія Жуковскаго? Новый изслѣдователь его творчества даетъ сложный отвѣтъ. Пушкинъ пророчилъ, что стихъ Жуковскаго пройдетъ „вѣковъ завистливую даль"; мы же присутствуемъ какъ бы при постепенномъ угасаніи этого стиха въ живомъ сознаніи современниковъ. „Уже молодость, окружавшая „лебединаго пращура", стала отказываться отъ порывовъ въ область „неизреченнаго", стала искать поэзіи въ дѣйствительности, и не въ уединенной личности, а въ широкихъ движеніяхъ общественнаго организма. Осталась *правда настроенія:* завѣтъ Жуковскаго; это стало требованіемъ, и эта правда пройдетъ „вѣковъ завистливую даль".

Лишь по окончаніи своего труда А. Н. Веселовскій получилъ возможность познакомиться съ частью цѣнныхъ матеріаловъ, нынѣ изданныхъ подъ редакціей А. Е. Грузинскаго въ „Уткинскомъ сборникѣ". Этотъ пробѣлъ не оказалъ замѣтнаго вліянія на результаты изслѣдованія. Но читатели, которые захотятъ восполнить впечатлѣнія, почерпнутыя ими въ книгѣ А. Н. Веселовскаго, самостоятельнымъ знакомствомъ съ жизненной обстановкой Жуковскаго, найдутъ для этого полную возможность въ сборникѣ писемъ поэта и его близкихъ.

Въ началѣ прошлаго вѣка было въ цвѣту забываемое нынѣ умѣніе писать письма, и отъ безыскусственной переписки милыхъ женщинъ, давшихъ столько счастья и столько горя поэту, отдѣляется благородный ароматъ жизненной правды, подчасъ болѣе чувствуемый въ этой интимной литературѣ, чѣмъ въ поэзіи и прозѣ того времени.

Карѣевъ, Н. Монархіи древняго востока и греко-римскаго міра. Очеркъ политической, экономической и культурной эволюціи древняго міра подъ господствомъ универсальныхъ монархій. Спб. 1904.

Новая книга проф. Карѣева, изданная въ форматѣ „Государства города античнаго міра" (вышедшаго въ 1903 г.), и по своему содержанію примыкаетъ непосредственно къ этому послѣднему сочиненію. Она точно такъ же, какъ и послѣднее, посвящена „типологическому" изученію древняго міра, только въ болѣе широкомъ масштабѣ (со включеніемъ востока) и съ иной стороны. Тамъ „типомъ", подлежащимъ историческому изученію, является „государство-городъ", здѣсь—„универсальная монархія". Первая глава („великія монархіи и государства-города древняго міра") выясняетъ болѣе обстоятельно отношеніе, въ какомъ стоитъ эта новая книга къ своей предшественницѣ. За этой главой, имѣющей характеръ введенія, слѣдуютъ три главы общаго характера, посвященныя послѣдовательно историко-географическому обзору древняго міра, образованію первыхъ государствъ древности и характеристикѣ историческаго значенія древней торговли. Даль-

нѣйшія главы посвящены характеристикѣ отдѣльныхъ монархій: египетской (гл. пятая), ассиро-вавилонской (гл. шестая), затѣмъ послѣ двухъ главъ, трактующихъ о международныхъ отношеніяхъ древняго востока и культурныхъ взаимодѣйствіяхъ, слѣдуетъ характеристика персидской монархіи (гл. девятая); завоеваніе востока греками (гл. десятая) служитъ переходомъ къ монархіи Александра Македонскаго (гл. одиннадцатая), а эллинистическія царства (гл. двѣнадцатая) — къ римской имперіи, которой посвящены слѣдующія десять главъ (съ тринадцатой до 22-й включительно), занимающихъ около половины всей книги. Это исключительное вниманіе, удѣленное римской имперіи, мотивируется авторомъ (стр. 383), во-первыхъ, значительной продолжительностью ея историческаго существованія, во-вторыхъ, сравнительною сложностью ея историческаго развитія, въ-третьихъ, ея сравнительною близостью къ нашему времени и большей доступностью для историческаго познанія, и, наконецъ (было бы лучше сказать „во первыхъ“), „особенною ея важностью со всемірно-исторической точки зрѣнія вообще и съ точки зрѣнія европейской исторіи въ частности“. Дѣйствительно, какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ авторъ, „европейская исторія въ средніе вѣка есть не что иное, какъ непосредственное продолженіе исторіи римской имперіи“, а черезъ средніе вѣка съ послѣднею связано и новѣйшее историческое развитіе. Общіе выводы и заключеніе изложены авторомъ въ послѣдней (23-й) главѣ. Въ концѣ приложены двѣ наглядныя схематическія карты, представляющія послѣдовательное расширеніе исторической сцены въ древности и территоріальное взаимоотношеніе между монархіей Александра Македонскаго и римскою имперіей. Число этихъ наглядныхъ картъ могло бы быть увеличено съ пользой для книги и удобствомъ для читателя нѣкоторыми изъ подобныхъ же картъ, приложенныхъ къ „Учебной книгѣ древней исторіи“ того же автора.

Новая книга плодовитаго ученаго историка и талантливаго популяризатора является желаннымъ гостемъ въ среду той части русской читающей публики, которая въ чтеніи ищетъ средства пополнить свое образованіе. „Если мнѣ удастся — заканчиваетъ авторъ свое предисловіе,—издать и задуманный мною типологическій очеркъ средневѣковой феодальной и сословной монархіи, то онъ примкнетъ своими первыми главами къ послѣдней (предпослѣдней?) главѣ настоящей книги, посвященной эпохѣ упадка римской имперіи“. Намъ остается лишь пожелать, чтобы это предположеніе стало поскорѣе дѣйствительностью.

Бондаренко, И. М. Англійскій городъ въ средніе вѣка. Критическая оцѣнка главнѣйшихъ теорій происхожденія городской организаціи на основаніи данныхъ по исторіи возникновенія городовъ въ Англіи. Одесса 1904 г.

Какъ видно изъ предисловія, книга эта представляетъ собою переработку студенческаго сочиненія автора. Впрочемъ, и безъ этого предупрежденія было бы не трудно угадать въ авторѣ начинающаго ученаго, хотя бы уже по его пристрастію къ нарочито „ученымъ“ словечкамъ и выраженіямъ, отъ наличности которыхъ сочиненіе рѣшительно ничего не выигрываетъ въ научности, тогда какъ отъ ихъ отсутствія оно много выиграло бы въ литературности. Авторъ не просто составляетъ себѣ понятіе, но глубокомысленно „строитъ концепцію“ относительно различныхъ „кардинальныхъ пунктовъ“ занимающаго его вопроса. Къ сожалѣнію, „доминирующее“ у автора (выражаясь его архи-ученымъ стилемъ) стремленіе выражаться какъ можно „ученѣе“ не всегда уживается въ ладахъ не только съ литературностью, но также съ логикой и исторической правдой. Чтобы не быть голословными, остановимся на первыхъ строкахъ введенія. „Выдающаяся во всѣхъ отношеніяхъ роль городовъ въ настоящее время, переживаемое нами, является продуктомъ долгаго историческаго развитія, въ которомъ можно подмѣтить нѣсколько этаповъ. Одинъ изъ таковыхъ составляютъ средневѣковые города“. Какимъ образомъ города, хотя бы и средневѣковые, могутъ „составлять этапъ“ „историческаго развитія городовъ“, то-есть своего же собственнаго развитія? Можетъ ли г. Бондаренко, студентъ новороссійскаго университета, „составлять“ какой-либо „этапъ“ въ своей собственной жизни? Далѣе. „Послѣдніе (т. е. города), хотя и не играли въ эпоху средневѣковья той видной политической роли, какую играетъ теперешнее населеніе городовъ, были, однако, важнымъ элементомъ средневѣковаго строя, подкапывая нѣкоторыми своими сторонами его основы и разрушая постепенно тѣ устои, въ нѣдрахъ которыхъ возникли сами. Окончательная ломка всего, что такъ или иначе связано со старымъ порядкомъ, выпала на долю населенія новѣйшихъ городовъ съ ихъ буржуазіей (въ широкомъ смыслѣ tiers état XVIII вѣка), преемницей средневѣковыхъ burgenses“. Ученая внѣшность этой тирады не мѣшаетъ, однако, ей заключать въ себѣ почти столько же историческихъ неточностей, сколько въ ней строкъ. Повѣрить автору, такъ вся „политическая роль“ (почему же только *политическая*?) средневѣковыхъ городовъ сводилась къ „окончательной ломкѣ всего, что такъ или иначе связано съ старымъ порядкомъ“, то есть, говоря другими словами, города играли лишь роль чисто отрицательнаго фактора въ политическомъ развитіи Европы. Непонятенъ, далѣе, этотъ скачекъ отъ средневѣковыхъ городовъ къ tiers état XVIII вѣка. Говоря о буржуазіи, какъ „tiers état въ

широкомъ смыслѣ“, авторъ какъ будто считаетъ понятіе буржуазіи болѣе широкимъ, чѣмъ понятіе tiers état, а между тѣмъ самъ же въ примѣчаніи поясняетъ, что „третье сословіе (le tiers état) объединяло всѣхъ, кто не принадлежалъ къ духовенству и дворянству“, слѣдовательно, — не только буржуазію, но и все крестьянство и городской рабочій классъ. Выходитъ, стало быть, что понятіе „третьяго сословія“ шире понятія буржуазіи. Какъ примирить это новое противорѣчіе на пространствѣ полудюжины строкъ, остается секретомъ автора.

Впрочемъ, было бы несправедливо предъявлять къ начинающему изслѣдователю такія же требованія, какъ и къ записному ученому. Какъ отмѣченные выше недостатки, такъ и нѣкоторые другіе (недостаточная стройность изложенія и неравномѣрность въ распредѣленіи матеріала, недостаточная ясность и законченность мысли), въ общемъ, не таковы, чтобы при нѣкоторой настойчивости въ работѣ надъ самимъ собой не могли со временемъ сгладиться и даже совсѣмъ исчезнуть, тѣмъ болѣе, что начинающій ученый успѣлъ обнаружить въ своей работѣ серьезныя положительныя данныя: интересъ къ научной работѣ, изрядную начитанность и нѣкоторое умѣнье обращаться со сложнымъ фактическимъ и идейнымъ историческимъ матеріаломъ.

Что касается самого содержанія книги, то, хотя авторъ и говоритъ о ней (стр. 230), какъ объ „очеркѣ исторіи англійскаго города и городскихъ учрежденій“, но въ сущности она представляетъ собою лишь изложеніе и (какъ гласитъ подзаголовокъ книги) „критическую оцѣнку главнѣйшихъ теорій происхожденія городской организаціи на основаніи данныхъ по исторіи возникновенія городовъ въ Англіи“. Для лицъ, уже знакомыхъ въ общихъ чертахъ съ исторіей средневѣковыхъ городовъ по вышедшей въ 1902 году популярной книгѣ г. Дживилегова, сочиненіе г. Бондаренко можетъ служить полезнымъ дополненіемъ, а отчасти и коррективомъ.

В. Бузескулъ. Введеніе въ исторію Греціи. Изданіе второе. Харьковъ, 1904 г.

Второе изданіе книги проф. Бузескула, вышедшей первымъ изданіемъ лишь въ прошломъ году, лучшее доказательство того, что появленіе ея вполнѣ отвѣчаетъ существующей живой потребности въ подобномъ пособіи для изученія исторіи древней Греціи. При вторичномъ изданіи книги авторомъ были приняты во вниманіе указанія, сдѣланныя критикою по поводу ея перваго изданія, а также внесены различныя поправки и дополненія (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, и сокращенія) по собственному почину автора. Въ общемъ всѣ внесенныя въ текстъ измѣненія дѣлаютъ изъ новаго изданія книги изданіе „улучшенное“. Въ

остальномъ намъ нечего прибавить къ тому, что было въ свое время нами сказано по поводу перваго изданія этой полезной книги. Намъ остается только пожелать, чтобы авторъ довелъ до конца начатое и вслѣдъ за введеніемъ далъ бы и курсъ исторіи Греціи...

П. фонъ-Герихъ. Очерки политической исторіи. Европа XIX столѣтія (1815—1870). Спб. 1904 г.

„Едва успѣлъ расцвѣсти изумительный цвѣтокъ идеи, какъ демонъ бѣшеннаго разрушенія раздробилъ чудное созданіе мысли и на мѣсто его ввелъ кровавую анархію и хаосъ, пока, наконецъ, спокойная сила—человѣческая склонность къ порядку—не водворила порядокъ“. Такъ, вдохновляясь образцами краснорѣчія гимназическихъ сочиненій, характеризуетъ г. фонъ-Герихъ на первой же страницѣ своихъ „Очерковъ“ (по номераціи стр. 3) французскую революцію, чтобы тутъ же, нѣсколькими строками ниже объявить, что „представителемъ этой силы сдѣлался сынъ корсиканскаго адвоката, невзрачный поручикъ артиллеріи Наполеонъ Бонапартъ“. Не объясняя, почему „человѣческая склонность къ порядку“ воплощалась въ Наполеонѣ, когда онъ былъ невзрачнымъ поручикомъ, а не представительнымъ императоромъ французовъ, авторъ заявляетъ, что Наполеонъ „былъ какъ бы созданъ для того, чтобы возстановить разрушенное дикими страстями и неумѣренностями революціи и реформировать гнилой общественный строй Европы“. На стр. 4 мы узнаемъ, что въ немъ „Бурбоны Испаніи видѣли своего покровителя“ (хорошъ покровитель!), и что противъ него „націи возстали съ Испаніей во главѣ“. Не менѣе курьезно на стр. 5 утвержденіе, что „изъ этихъ переговоровъ (какихъ—раньше не сказано, но рѣчь, видимо, идетъ о вѣнскомъ конгрессѣ) родился тотъ государственный строй, который, за небольшими измѣненіями, просуществовалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ“: г. фонъ-Герихъ не особенно силенъ въ политической терминологіи и подъ государственнымъ строемъ разумѣетъ здѣсь международный порядокъ. На этой же страницѣ читаемъ еще такія строки: „наконецъ насталъ ожидаемый одними, опасаемый (sic!) другими 1848 годъ. Народы Европы испытывали душное безвѣтріе, предшествовавшее бурѣ. Какъ быстро падающая ртуть предсказываетъ непогоду, пока насъ еще окружаетъ спокойный воздухъ, такъ палъ барометръ общественной безопасности: среди глубокаго мира пали бумаги на биржѣ и понизились курсы, какъ передъ войною. Звонкая монета исчезла изъ оборота, промышленность и спекуляція затихли“. Дѣйствительно, видно, что годъ былъ заранѣе „опасаемъ“. Нѣсколькими строками ниже мелькаютъ передъ глазами „деморализація, пропасть которой иногда страшно освѣщалась отдѣльными молніями“, какая-то „бюрократія, поддѣлывающая хартіи“ (?), „Венгрія, Штирія и Бо-

гемія, возстающія противъ заправилы вѣнскаго конгресса и карлсбадскихъ постановленій", и разныя иныя непонятности. Къ числу таковыхъ относится и слѣдующая фраза на стр. 6: „хотя реакція и отняла многія изъ достигнутыхъ правъ, во всѣхъ государствахъ оставалось, тѣмъ не менѣе, еще достаточно правъ, что совершенно отстраняло всякое сравненіе съ до-мартовскимъ временемъ". Дѣлая далѣе общую оцѣнку XIX в., авторъ, между прочимъ, находитъ, что „на соціальной почвѣ XIX столѣтіе сумѣло осуществить идеи, доставшіяся ему отъ французской революціи" (вотъ какъ!), хотя тутъ же замѣчаетъ, что „человѣкъ все еще стоитъ въ виду жестокаго опыта, подтверждающаго, что онъ, наравнѣ съ прочими органическими существами, подчиненъ жизнеразрушительному закону о прилаживаніи" (стр. 8). Какой это такой „жизнеразрушительный законъ о прилаживаніи", такъ и остается секретомъ автора. Впрочемъ, XIX вѣкомъ въ общемъ онъ доволенъ, хотя и находитъ въ немъ многія несимпатичныя явленія, каковы, напр., „наглыя притязанія въ области финансовъ и промышленности въ соединеніи съ истинно разбойничьею нравственностью и монополистическими насиліями надъ сословіями (?), разрастающійся милитаризмъ, какой-то наполеонизмъ безъ Наполеона, наконецъ, наглый тонъ, звучащій въ соціализмѣ", и т. п. (стр. 9—10).

Пусть читатель не думаетъ, что мы станемъ такъ же подробно говорить о другихъ отдѣлахъ книги, какъ это сдѣлали по отношенію къ первымъ неполнымъ восьми страницамъ, составляющимъ „введеніе". Отдѣльныхъ мѣстъ, болѣе или менѣе характерныхъ для того, какъ авторъ понимаетъ то, о чемъ говоритъ, и какъ выражаетъ иногда свои мысли, можно было бы привести еще немало. То у него проводятся „законы отъ отмѣнѣ личной безопасности" (стр. 59), то „цензура замѣняется денежной порукой" (стр. 60), то Полиньякъ „отказывается подписать (sic) хартію" (стр. 64), то палата распускается до новаго созыва (стр. 66), когда рѣчь должна была бы идти о назначеніи новыхъ выборовъ и т. п. Образцами неумѣнія г. фонъ-Гериха выражать свои мысли могутъ служить и слѣдующія еще мѣста: „благодаря долгому періоду мира (въ книгѣ поставлено міра) послѣ наполеоновскихъ войнъ промышленность и умственная дѣятельность начали процвѣтать, что вызвало нежелательныя явленія въ области экономической жизни народовъ" (стр. 78). „На банкетѣ въ Лиллѣ Ледрю Ролленъ велѣлъ отставить чару за короля, примѣру котораго (короля?) послѣдовали и другіе банкеты" (стр. 89). „Парижъ въ описываемое время имѣлъ около милліона жителей, среди которыхъ 39% принадлежали къ числу внѣбрачныхъ" (эти „внѣбрачные жители" тоже на стр. 89).

Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ говорить подробно ни объ общемъ построеніи книги, ни о выборѣ матеріала, ни о по-

слѣдовательности изложенія, ни объ идейномъ освѣщеніи событій, но и во всемъ этомъ проглядываетъ та же неумѣлость автора. Онъ говоритъ, напр., о конституціонныхъ законахъ разныхъ странъ, но можно биться объ закладъ, что ни къ одному изъ нихъ онъ не обращался, а въ изложеніе ихъ другими историками и не вдумывался, нисколько не позаботившись и о томъ, чтобы читатели вынесли сколько-нибудь отчетливое пониманіе этихъ законовъ. То же самое приходится сказать и объ изложеніи г. фонъ-Герихомъ политическихъ и соціальныхъ ученій, гдѣ зачастую все спутано и смѣшано. Возьмемъ, напр., чтобы не оставить безъ вниманія и конецъ книги, параграфъ о возникновеніи радикализма въ Англіи въ первые годы царствованія королевы Викторіи (стр. 319). Уже самое вступленіе курьезно по внутреннему своему противорѣчію. „Основой движенія, говоритъ авторъ, было *нежеланіе отдѣльныхъ лицъ подчиниться установившемуся, путемъ преданія, порядку.* Движеніе это имѣло практическія цѣли, *не отвергая національныхъ преданій* и основъ христіанства, что отличало англійскій радикализмъ отъ французскаго якобинства". По мнѣнію г. фонъ-Гериха, „настоящимъ творцомъ новаго движенія былъ экономистъ Адамъ Смитъ", и, не говоря ни слова, кто когда жилъ, онъ называетъ еще Бентама, Пристлея, Годвина, Пэна и др. представителей разныхъ эпохъ и, передавъ кое-какъ ихъ взгляды, заявляетъ, что послѣдніе „не преминули вызвать броженіе въ умахъ простого народа", большинство котораго, „ознакомившись со взглядами радикаловъ", стало стремиться къ „возстановленію (такъ и сказано: возстановленію) демократіи" (стр. 320). Это и былъ чартизмъ! О томъ, какъ понимаются у автора междуклассовыя отношенія, пусть судитъ читатель, напр., по слѣдующимъ строкамъ: „раньше (до Наполеона III) богатые и бѣдные жили на одной улицѣ, въ одномъ и томъ же домѣ, что безспорно сближало ихъ; теперь же рабочія казармы помѣстились на окраинахъ, и рабочіе начали жить своею собственною жизнью, интересы которой не всегда сливались съ интересами буржуазіи. Это отчужденіе рабочаго класса сдѣлало его воспріимчивымъ для ученій всякихъ агитаторовъ и современемъ сулило большія бѣдствія" (стр. 106). Можно послѣ этого и безъ длинныхъ выписокъ судить о томъ, какъ въ книгѣ г. фонъ-Гериха освѣщены „іюньскіе дни" 1848 г. „Толпа, говоритъ онъ, истребившая все (!), начала голодать и требовать хлѣба отъ правительства" (стр. 94). О самомъ возстаніи сказано только, что рабочіе съ оружіемъ въ рукахъ рѣшили отстоять „свои права" (ироническія кавычки у автора), но Кавеньякъ „быстро (съ 23 по 26 іюня) подавилъ возстаніе" (стр. 97). Впрочемъ, тутъ авторъ еще объективенъ, но упоминая о неудачѣ извѣстнаго баденскаго возстанія, онъ высказываетъ сожалѣніе („къ сожалѣнію"), что главнымъ его зачинщикамъ удалось бѣжать за границу.

Исторія XIX в. пользуется популярностью въ русской читающей публики, и эту публику нужно предостерегать отъ недоброкачественныхъ издѣлій въ этой области: только по этой причинѣ мы такъ и распространились объ издѣліи г. фонъ-Гериха.

А. Н. Куломзинъ. Доступность начальной школы въ Россіи. Спб. 1904.

„Настаивать на осуществленіи чего либо матеріально и нравственно невозможнаго, значило бы искусственно разрушать то, что требуется создавать органически, въ примѣненіи къ условіямъ и потребностямъ природы. А такова именно задача, которую нынѣ ставятъ передъ собой и усиленно разрабатываютъ многія земства — задача осуществить идею всеобщаго обученія во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи. Осуществленіе ея, — возможное по особливымъ условіямъ, развѣ въ Ярославской губ.,—въ примѣненіи ко всей Россіи является идеальнымъ мечтаніемъ, лишеннымъ реальной почвы и потому осужденнымъ на гибель и на безплодныя усилія устроить невозможное“ — такъ написано въ одномъ изъ отзывовъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода въ 1898 г. Съ тѣхъ поръ прошло всего пять-шесть лѣтъ, и вотъ „идеальныя мечтанія, лишенныя реальной почвы“ (о какихъ только „мечтаніяхъ“ за послѣднее десятилѣтіе не пришлось наслушаться русскому обществу!), злокозненно выдуманныя непрактичными земцами, сумѣли пробить себѣ путь въ правительственныя сферы. Въ прошломъ году съ проектомъ всеобщаго обученія для Россіи на страницахъ оффиціальнаго „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ выступилъ г. Фармаковскій. Въ нынѣшнемъ году проектъ на ту же тему разработанъ г. Куломзинымъ, однимъ изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей.

Проектъ г. Куломзина шире и глубже проекта г. Фармаковскаго. Достаточно указать, что по плану г. Куломзина всеобщее обученіе должно быть реализовано въ гораздо меньшій срокъ, чѣмъ по плану г. Фармаковскаго; что первый удѣляетъ въ своемъ проектѣ вниманіе и общественнымъ силамъ, тогда какъ второй думаетъ исполнить все дѣло исключительно при помощи бюрократіи.

Всѣ разсчеты г. Куломзина сдѣланы на одноклассную начальную школу съ трехлѣтнимъ курсомъ, при одномъ учителѣ на 50 чел. дѣтей. При этомъ авторъ считаетъ нормальнымъ не трехлѣтнее пребываніе въ школѣ, а четырехлѣтнее и требуетъ, чтобы доступность начальнаго обученія была обезпечена возможно большему числу дѣтей четырехъ возрастовъ: 8, 9, 10 и 11 лѣтъ. Это требованіе будетъ исполнено, если сразу будетъ открыто 129,711 школъ (всѣ данныя отнесены къ 1898 г.) и затѣмъ ежегодно будетъ добавляться по 2,860 школъ, соотвѣтственно ежегодному уве-

личенію числа дѣтей школьнаго возраста. Весь проектъ долженъ быть проведенъ въ жизнь въ теченіе 15 лѣтъ. Принимая въ основу нормы, выработанныя въ настоящее время для правильной постановки школы, авторъ высчитываетъ, что исполненіе его проекта потребуетъ слѣдующихъ расходовъ: 78.899,542 руб. на содержаніе дополнительной сѣти школъ, 26.607,540 р. на школы, ежегодно открываемыя для прироста дѣтей школьнаго возраста въ теченіе того пятнадцатилѣтняго періода, который назначается для исполненія этого проекта, и 4.984,231 р. на увеличеніе инспекціи и числа учащихъ, — а всего 110.491,313 р. Эти затраты, по разсчету г. Куломзина, распредѣлятся слѣдующимъ образомъ: изъ государственнаго казначейства 37,2%, отъ земствъ 34 губерній — 18,4%, изъ земскихъ сборовъ въ прочихъ губерніяхъ—10,7%, отъ сельскихъ обществъ—17,0%, частныхъ пожертвованій—8,3%, отъ городскихъ обществъ—8,4% (распредѣленіе это сдѣлано согласно существующимъ нынѣ долямъ участія въ дѣлѣ народнаго образованія указанныхъ категорій). При этомъ въ первый годъ дѣйствія плана всѣмъ указаннымъ участникамъ пришлось бы увеличить свои расходы на 5.547,289 руб., а затѣмъ ежегодно прибавлять еще 230,660 руб. къ каждому предыдущему ассигнованію впредь до заполненія всей школьной сѣти. Какъ видимъ, цифры эти уже не поражаютъ насъ своими фантастическими огромными размѣрами,—такое увеличеніе расходовъ на народное образованіе надо признать вполнѣ посильнымъ для нашей родины. Съ этой стороны проектъ г. Куломзина производитъ самое благопріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что, вопреки г. Фармаковскому, онъ не предполагаетъ необходимымъ для достиженія всеобщности обученія понижать степень подготовки учительскаго персонала или обстановку школьныхъ знаній, или размѣры программъ.

Если что и можно поставить въ упрекъ г. Куломзину, такъ это чрезмѣрно мягкое отношеніе къ церковно-приходскимъ школамъ, недостатки которыхъ все же слишкомъ велики для того, чтобы имъ можно было отводить въ данной области такую роль, какъ это дѣлаетъ авторъ. Затѣмъ едва ли можно считать цѣлесообразнымъ то, что больше трети школъ всей сѣти, намѣченной для удовлетворенія нуждъ всеобщаго обученія, по проекту, остаются въ распоряженіи бюрократіи: исторія русскаго просвѣщенія показала, что только въ рукахъ общественныхъ организацій можетъ народная школа идти съ успѣхомъ.

Заусайловъ М. А. Помощь пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ и травматическія поврежденія на Екатерининской желѣзной дорогѣ за 20-ть лѣтъ ея существованія (1884—1904 гг.). Диссертація на степень доктора медицины. Екатеринославъ, 1903.

Диссертація д-ра Заусайлова представляетъ собой подробный обзоръ исторіи, статистики и организаціи медицинскаго дѣла на Екатерининской желѣзной дорогѣ. Значительное мѣсто удѣлено также и спеціальнымъ вопросамъ желѣзнодорожной медицины вообще: устройству санитарныхъ вагоновъ, пріемныхъ покоевъ, лѣченію ранъ и проч. Въ общемъ заглавіе диссертаціи не вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію: послѣднее шире.

Общій интересъ въ этой диссертаціи имѣетъ богатая статистика несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ вообще и на Екатерининской дорогѣ въ частности. Эти несчастные желѣзнодорожные случаи заслуживаютъ самаго серьезнаго изученія. Если и можно согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что случаи эти представляютъ собой нѣчто неизбѣжное, какъ это часто повторяетъ д-ръ Заусайловъ, то интересы общественнаго здравоохраненія во всякомъ случаѣ требуютъ, чтобы количество этихъ случаевъ было сведено до minimum'а. По даннымъ за 18 лѣтъ (1884—1901), на русскихъ желѣзныхъ дорогахъ пострадало всего 43,303 человѣка, изъ нихъ ранено 29,232 и убито 14.071 (32,49%).

Пассажировъ	убито	955,	ранено	4,203,	всего	5,168
Служащихъ	„	4,919	„	15,824	„	20,629
Постороннихъ	„	8,194	„	9,234	„	17,428

Процентъ убитыхъ пассажировъ — 18,47, служащихъ — 23,96 и постороннихъ—47,01. Съ увеличеніемъ протяженія дорогъ увеличивается и количество пострадавшихъ, но не пропорціонально: увеличеніе числа пострадавшихъ идетъ гораздо быстрѣй. Число несчастныхъ случаевъ прямо пропорціонально такъ называемой „густотѣ движенія", измѣряемой числомъ поѣздо-верстъ. Такъ на Екатерининской желѣзной дорогѣ число пострадавшихъ въ послѣдніе годы эксплуатаціи дороги увеличилось въ 40 разъ, т. е. ровно во столько, во сколько увеличилась за эти годы густота движенія. По сравненію съ заграничными желѣзными дорогами русскія желѣзныя дороги стоятъ всетаки не на первомъ мѣстѣ по числу несчастныхъ случаевъ. Въ Германіи и во Франціи на 1 милліонъ поѣздо-верстъ за послѣдніе годы приходилось всѣхъ пострадавшихъ отъ 5 до 7 человѣкъ, въ Австро-Венгріи отъ 10 до 13, въ Россіи отъ 10 до 15, а въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки отъ 37 до 45 человѣкъ. Число пострадавшихъ *пассажировъ* на западно-европейскихъ и на нашихъ дорогахъ приблизительно одинаково отъ 0,7 до 1,5 человѣкъ на 1 милліонъ поѣздоверстъ, а увеличеніе общаго числа несчастныхъ случаевъ на

нашихъ дорогахъ обусловливается главнымъ образомъ значительностью числа пострадавшихъ изъ среды *постороннихъ* лицъ.

Всѣ эти разсчеты, однако, далеко не точны. Настоящее число несчастныхъ случаевъ на рускихъ (а, можетъ быть, также и на иностранныхъ) желѣзныхъ дорогахъ—величина, далеко не вполнѣ опредѣленная. Собирая свѣдѣнія о несчастныхъ случаяхъ на Екатерининской желѣзной дорогѣ, д-ръ Заусайловъ нашелъ, что въ „Статистическомъ сборникѣ министерства путей сообщенія" число несчастныхъ случаевъ показано меньше, чѣмъ въ сдѣланной имъ выборкѣ изъ актовъ о происшествіяхъ. Акты же эти онъ могъ добыть не всѣ, да и акты-то составляются лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда поврежденіе отличается значительной тяжестью и можетъ впослѣдствіи имѣть вліяніе на трудоспособность пострадавшаго.

Такимъ образомъ, весьма значительная часть несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ вовсе не подвергается регистраціи. Можно ли послѣ этого надѣяться на вѣрность вышеприведенныхъ статистическихъ выводовъ и слѣдуетъ ли изъ нихъ, что у насъ дѣйствительно по части желѣзно-дорожныхъ несчастій дѣло обстоитъ не хуже, чѣмъ за границей?

Авторъ диссертаціи совсѣмъ почти не касается вопросовъ, выясняющихъ причины желѣзно-дорожныхъ несчастныхъ случаевъ. Межъ тѣмъ, если бы можно было выяснить эти причины хоть отчасти, то тѣмъ самымъ создавалась бы возможностъ предупреждать въ извѣстной мѣрѣ и самое возникновеніе этихъ несчастій. Можетъ быть, у д-ра Заусайлова было на этотъ счетъ мало данныхъ, но во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть, что, изучивъ несчастные случаи съ разнообразныхъ точекъ зрѣнія, онъ не обратилъ надлежащаго вниманія на ихъ этіологію (ученіе о происхожденіи).

Народная литература. Сборникъ отзывовъ библіотечной коммиссіи Кіевскаго общества грамотности о книгахъ для народнаго чтенія. Выпускъ второй. Кіевъ. 1904.

Въ декабрьской книжкѣ „Р. Б." за прошлый годъ мы давали отзывъ о первомъ выпускѣ этого сборника. Отзывъ этотъ, какъ видно изъ предисловія къ настоящему выпуску, не остался безызвѣстнымъ гг. составителямъ. Они признаютъ, что „всѣ указанія критики на недостатки перваго выпуска представляются настолько серьезными, что ихъ нельзя оставить безъ разъясненій". Не смотря на такое заявленіе, мы не нашли всетаки разъясненія всѣхъ тѣхъ недоумѣній, которая вызывалъ первый выпускъ сборника. Остается неизвѣстнымъ, почему библіотечная коммиссія кіевскаго общества грамотности совершенно игнорируетъ разборъ книгъ духовно-нравственнаго содержанія, почему на ряду съ изданіями преимущественно послѣднихъ лѣтъ встрѣчаются вдругъ

отзывы о книгахъ, напечатанныхъ болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ (книга П. Петрова „Петръ Великій, послѣдній царь московскій и первый императоръ русскій.“ Изд. Гоппе 1872 г.); почему изъ „біографической библіотеки“ Павленкова въ сборникѣ упоминаются только жизнеописанія Григорія VII, Сервантеса, Диккенса и Савонароллы (въ первомъ выпускѣ была только одна біографія гр. Канкрина). Относительно замѣченнаго нами ранѣе отсутствія отзывовъ о произведеніяхъ нашихъ классиковъ въ предисловіи объясняется, что коммиссія „исходила изъ того соображенія, что указывать достоинства и недостатки произведеній этихъ писателей едва ли есть какая-нибудь надобность: они извѣстны тѣмъ, для кого предназначено изданіе общества грамотности. Говорить о пригодности произведеній знаменитыхъ русскихъ писателей для народа коммиссія находила тоже излишнимъ: по ея мнѣнію, каждый русскій человѣкъ долженъ быть съ ними знакомъ.“ Вмѣстѣ съ тѣмъ коммиссія въ отдѣльномъ приложеніи помѣщаетъ указатель нѣкоторыхъ дешевыхъ изданій русскихъ классиковъ. Указатель этотъ, однако, мало даетъ для желающаго имъ воспользоваться. Отдѣльныя произведенія и цѣна ихъ не перечислены, а изъ того, что г. Марксомъ, напр., издано 15 книжекъ отдѣльныхъ произведеній Гоголя отъ 5 до 20 коп. каждая, справляющійся въ указателѣ не узнаетъ въ сущности ничего. Было бы полезно перечислить всѣ отдѣльныя изданія, указать ихъ цѣну, качество бумаги, печати и пр. Въ числѣ классиковъ нѣтъ, между прочимъ, Л. Н. Толстого. Отмѣтки нѣкоторыхъ изданій звѣздочками, что означаетъ допущеніе ихъ въ безплатныя читальни, въ настоящее время потеряли силу, такъ какъ по разъясненію ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія „всякое новое изданіе книги, разъ допущенной ученымъ комитетомъ къ обращенію въ безплатныхъ читальняхъ, допускается въ нихъ независимо отъ того, выпущено ли оно новымъ издателемъ, или старымъ, есть ли на новомъ изданіи помѣтка о томъ, что оно перепечатывается безъ измѣненій съ изданія, допущеннаго въ читальни, или нѣтъ“ *). Въ прошломъ отзывѣ мы говорили, что полезно было бы прилагать въ сборникахъ рецензій о народныхъ книгахъ, кромѣ алфавита авторовъ, алфавитъ личныхъ именъ по отдѣлу исторіи и географіи и алфавитъ предметовъ по отдѣламъ естественныхъ наукъ, медицины, техники и пр. Въ настоящемъ выпускѣ „Народной Литературы“ приложенъ „Систематическій указатель книгъ и брошюръ по исторіи“. Указатель этотъ составленъ не вполнѣ удовлетвори-

*) См. „Русскія Вѣдомости“ № 75 отъ 16 марта 1904 г. корреспонденція изъ Владиміра и второй выпускъ „Для народнаго учителя“ Тулупова и Шестакова, стр. 21.

тельно: алфавитъ именъ перемѣшанъ съ алфавитомъ эпохъ и не вполнѣ удобенъ для справокъ.

Что касается самыхъ отзывовъ, то они сохраняютъ тотъ характеръ, что и въ первомъ выпускѣ: отзывы чисто теоретическіе и не преломленные, такъ сказать, черезъ призму народнаго книгопониманія. Руководствомъ для лицъ, вѣдающихъ внѣшкольное образованіе народа, они всетаки въ извѣстной степени быть могутъ. Въ этомъ выпускѣ рецензируются преимущественно книги, напечатанныя въ послѣдніе 3—4 года; есть отзывы объ изданіяхъ недавно возникшихъ фирмъ „Донская Рѣчь" и „Вятское Товарищество". Число книгъ, *не* рекомендуемыхъ для чтенія народу, сравнительно больше, чѣмъ въ первомъ выпускѣ. Такъ, напр., по отдѣлу беллетристики изъ 213 разобранныхъ книгъ не рекомендуется 34 (болѣе 12%). При всемъ томъ рекомендаціи отличаются большой снисходительностью. Въ разсказѣ Воронова „Магнитъ"—„ни причина ссоры, ни побужденія, приведшія къ примиренію, *не обрисованы настолько ясно, чтобы заинтересовать маленькаго читателя*". И разсказъ этотъ рекомендуется именно „для дѣтей"... О разсказахъ Э. Демольдера „Сердце бѣдныхъ" говорится такъ: „вслѣдствіе *полнаго отсутствія художественности*, разсказы не могутъ произвести на маленькаго читателя надлежащаго впечатлѣнія, *не могутъ вызвать у него интереса* и сочувствія къ бѣднымъ". И всетаки эти разсказы рекомендуются „для дѣтей и подростковъ"... Біографія Гладстона, принадлежащая перу Брайса, по мнѣнію рецензента, „совершенно недоступна для читателя изъ народа, даже обладающаго подготовкой". И опять таки книга рекомендуется „для взрослыхъ". Вообще въ сборникъ попало, хотя и немного, такихъ книгъ, которыя врядъ ли можно причислить къ „народной" литературѣ. Таковы „Чукотскіе разсказы" Тана, очеркъ Лясковскаго „Братья Кирѣевскіе, жизнь и труды ихъ", „Культурно-историческія картины изъ жизни Западной Европы" Тарасова и Моравскаго и нѣк. др.

Не смотря на всѣ отмѣченные недостатки, слѣдуетъ сказать, что и второй выпускъ трудовъ кіевской коммиссіи является всетаки полезнымъ вкладомъ въ небогатую пока литературу отзывовъ о книгахъ, пригодныхъ для народнаго чтенія.

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Полное собраніе сочиненій ***А. Н. Островскаго***, подъ редакціей М. И. Писарева. Т. пятый. Спб. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Ц. за 10 томовъ 16 р.

Сочиненія ***А. А. Потѣхина***. Т. 7-й. Изд. т-ва „Просвѣщеніе". Спб. Ц. за 12 том. 12 р.

Ѳедоръ Смородскій. Пѣсни человѣка. Спб. Ц. 50 к.

Александръ Рокотовъ. Смерть Бетховена. Москва. 1904. Ц. 25 к.

Стих. ***П. В. Борисенка***. Знамя вѣка. Вып. I и II. М. 1904. Ц. 20 и 50 коп.

Чиветтандо. Стихотворенія. Изд. М. Сѣрякова. Спб. 1904.

К. К. Случевскій. Новыя повѣсти. Изд. П. П. Сойкина. Спб.

М. Грушевській. Оповидання. Выдавныцтво „Викъ", у Кыиви, 1904. Ц. 35 к.

И. Буханцевъ. Въ глуши. Харьковъ. 1904.

Н. Шинскій. Разсказы. М. 1903. Ц. 1 р. кн. I и II.

Цезарь Остроменцкій. Госпожа инженерша. Одесса. 1904. Ц. 20 к.

А. И. Знаменскій. Записки туриста. Минскъ. 1904.

Д. И. Подшиваловъ. Воспоминанія кавалергарда. Тверь. 1904.

Робертъ Борнсъ въ переводѣ русскихъ писателей, подъ ред. И. А. Бѣлоусова. Изд. А. С. Суворина. Спб. Ц. 20 к.

Эмерихъ Мадачъ. Трагедія человѣчества. Перев. Н. А. Холодковскаго. Изд. А. С. Суворина. Спб. Ц. 25 к.

Е. Львовъ. Жалкое счастье. Перев. съ франц. Спб. 1904. Ц. 50 к.

О. Шрейнеръ. Грезы и сновидѣнія. Перев. съ англійскаго Ц. В. Изд. 2-е, С. Дороватовскаго и А. Чарушникова. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Адамъ Эленшлэгеръ. Ярлъ Гаконъ. Траг. въ 5 д., перев. съ датскаго Анны Ганзенъ. Изд. С. Скирмунта. М. 1904. Ц. 60 к.

А. Тепловъ. „Въ погоню за Горькимъ", ком. въ 3 д. Тверь. 1904. Ц. 75 к.

С. Разумовскій. Пульчинело, драмат. фантазія въ 3-хъ карт. Изд. журнала „Правда". М. 1905.

Гегель. Основы философіи права, въ изложеніи ***Аркадія Пресса***. Изд. П. П. Сойкина. Спб. Ц. 40 к.

Проф. ***Л. I. Петражицкій***. О мотивахъ человѣческихъ поступковъ, въ особенности объ этическихъ мотивахъ и ихъ разновидностяхъ. Спб. 1904. Ц. 75 к.

Бугле. Эгалитаризмъ. Соціологич. этюдъ. Перев. съ франц. подъ ред. И. К. Брусиловскаго. Изд. Е. П. Распопова. Одесса. 1904. Ц. 50 к.

Кортней Ильбертъ. Монтескье. Перев. съ англ. подъ ред. проф. ***В. Ѳ. Дерюжинскаго***. Спб. 1904.

Государственный строй и политическія партіи въ Зап. Европѣ и Сѣв. Амер. Соед. Штатахъ. Сборникъ статей, подъ ред. ***Е. Смирнова***. Изд. Н. Глаголева. Спб. 1904.

В. Ф. Арнольдъ. Политико-экономическіе этюды. Одесса. Изд. Е. П. Распопова. Ц. 50 к.

Эмиль Вандервельде. Деревенскій отходъ и возвращеніе на лоно природы. Перев. съ франц. Ю. Стеклова. Вмѣсто предисловія „Массовыя перемѣщенія жителей, приливъ ихъ въ города и отливъ въ села". ***М. М. Ковалевскаго*** Одесса. Изд. Вл. Распопова. 1904. Ц. 80 к.

Вернеръ Зомбартъ. Современный капитализмъ. Т. I. Перев. съ нѣм. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова. Изд. С. Скирмунта М. Ц. 2 р. 50 к.

Карлъ Гарейсъ. Германское торговое право. Перев. съ нѣм. Н. И. Ржондковскаго подъ ред. А. Г. Гусакова. Вып. III. М. 1904. Ц. 1 р.

Основные вопросы ученія о наказаніи ***С. В. Позднышева***. М. 1904.

Л. С. Личковъ. Очерки изъ прошлаго и настоящаго черноморскаго побережья Кавказа. Кіевъ. 1904. Ц. 1 р. 25 коп.

А. Никитинъ. Задачи Петербурга. Спб. 1904. Ц. 1 р.

Л. А. Купернинъ. Еврейское цар-

ство. Изд. Ѳ. А. Русанова и Ф. Липмана. Кіевъ. Ц. 20 к.

Ю. И. Гессенъ. Изъ исторіи ритуальныхъ процессовъ. Велижская драма. Спб. 1905. Ц. 1 р.

А. Г. Наши задачи на востокѣ. Спб. Ц. 60 к.

Д-ръ Е. Дюковъ. О необходимости измѣненія принятой системы образованія и воспитанія медиковъ. Харьковъ. 1904. Ц. 60 к.

Н. Новомбергскій. Черты врачебной практики въ Московской Руси. Спб. 1904. Ц. 40 к.

Житіе протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ. Изд. ***А. Е. Бѣляева.*** Изд. 2-е. Спб. 1904.

Научно-историческая библіотека. I. ***Фюстель де-Куланжъ.*** Исторія общественнаго строя древней Франціи. Переводъ подъ ред. проф. ***И. М. Гревса.*** Т. 2-й. Спб. 1904. Ц. 4 р. 50 коп.

А. Быкова. Разсказы изъ исторіи Франціи XVII и XVIII вѣка. Изд. А. Чарушникова и С. Дороватовскаго. Спб. 1905. Ц. 1 р.

Н. Рожковъ. Учебникъ всеобщей исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія (Книгоиздательство М. В. Пирожкова). Спб. 1904. Ц. 1 р. 10 к.

Проф. Р. Випперъ. Учебникъ древней исторіи. Третье, дополненное изданіе. М. 1904. Ц. 1 р.

Ангъюсъ Гамильтонъ. Корея. Перев. съ англійскаго. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Джонъ Моррисъ. Молодая Японія. Пер. съ англійскаго Л. Чудновской. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 75 к.

Японія. Очерки японской культуры. Причина войны. Составилъ ***М. Коваленскій.*** Изд. журнала „Правда". М. 1904, Ц. 20 к.

Наши морскія силы на Дальнемъ Востокѣ и японскій флотъ. Составилъ ***Л. Керберъ.*** Спб. 1904. Ц. 1 р.

S. A. Arrhenius. Физика неба. Перев. съ нѣмецкаго А. Р. Орбинскаго. Одесса. 1905. Ц. 2 р.

Видимыя и невидимыя движенія. Лекціи ***Г. А. Лоренца.*** Перев. подъ ред. Б. П. Вейнберга. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Ф. Рихардъ. Новѣйшіе успѣхи въ области электричества. Перев. подъ ред. Б. П. Вейнберга. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1905. Ц. 50 к.

Краткія свѣдѣнія по электротехникѣ. Составилъ ***I. А. Хатавнеръ.*** Спб. 1904. Ц. 75 к.

H. Abraham. Сборникъ элементарныхъ опытовъ по физикѣ. Ч. 1-я. Пер. подъ ред. Б. П. Вейнберга. Одесса. 1905. Ц. 1 р. 50 к.

Эльпе. Радій и его спутники. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1904. Ц. 1 р.

М. Складовская-Кюри. Радій и радіактивность. Перев. съ франц. А. I. Бачинскаго. Книгоиздательство „Творческая Мысль". М. 1905. Ц. 1 р.

В. Оствальдъ. Школа химіи. I. Общая часть. Переводъ съ нѣмецк. подъ ред. Л. В. Писаржевскаго. Изд. Вл. Распопова. Одесса. 1904 Ц. 60 к.

Проф. В. Оствальдъ. Школа химіи. Переводъ съ нѣмецкаго подъ ред. А. Титова. (Международная библіотека, изд. I. Юровскаго, № 51). Спб. 1904. Ц. 15 к.

В. Кюненталь. Руководство къ практической зоологіи. Перев. съ нѣм. Съ предисловіемъ В. М. Шимкевича. Изд. П. П. Сойкина. Спб. Ц. 2 р. 50 к.

Книгоиздательское т-во „Просвѣщеніе". Вселенная и человѣчество. Т. 1-й. Вып. 12—14, 15—17, 18—20. Спб. Ц. 40 к. (за каждый выпускъ).

Метисы Закавказья. Антропологическій этюдъ врача ***П. Г. Мацонина.*** („Записки И. Академіи Наукъ". VIII серія, кн. XVI, № 1). Спб. 1904. Ц. 2 р. 10 к.

Stanley Waterloo. Жизнь пещернаго человѣка. Съ американскаго перевелъ Н. С. Курловъ. Изд. книжнаго магазина „С. Н. Курнинъ и К°". М.

Научная дешевая библіотека, изд. А. С. Суворина. — Исторія первобытнаго человѣка ***Э. Клодда.*** Перев. съ англійскаго. Спб.—Невидимые богатыри. Очеркъ жизни и дѣятельности бактерій. ***Г. Ц. Ковна.*** Перев. съ англ. Я. Л. Спб.

Артуръ Феддерсенъ. Сто растеній (Краткій учебникъ ботаники) Перев. съ датскаго Елены Зографъ. Изд. К. И Тихомірова. М. 1904. Ц. 30 к.

Педагогическое общество, состоящее при И. Московск. Универс.—Сборникъ чтеній съ волшебнымъ фонаремъ въ школѣ и дома. I. М. 1904. Ц. 1 р. 50 к.

Простое ученіе о воздушномъ кораблѣ и его построеніи. ***К. Ціолковскаго.*** 2-е изд. Калуга. 1904. Ц. 50 к.

В. И. Васильевъ. Классное пособіе при прохожденіи тригонометріи. Таблица натуральныхъ тригонометрическихъ величинъ. М. 1904. Ц. 20 к.

Ѳ. Борисовъ. „Родное". Книга для чтенія въ начальныхъ училищахъ

Изд. К. И. Тихомірова. М. 1904. Ц. 65 к.

А. Тороповъ. Книга для обученія церковно-славянскому чтенію въ начальныхъ училищахъ. Годъ I и II. Изд. К. И. Тихомірова. М. 1904. Ц. 25 к.

П. Сакулинъ. Сборникъ для статей для упражненія въ знакахъ препинанія и для синтаксическаго разбора. 2-е изд. К. И. Тихомірова. М. 1904. Ц. 25 к.

В. О. Крижъ. Первое домашнее чтеніе сельскаго школьника. Вып. I и II. Изд. И. Ѳ. Жиркова. М. 1904. Ц. 30 к. (каждый выпускъ).

Изданія „Посредника": LXXIV. О довѣріи къ себѣ, *Ральфа Эмерсона*, съ англійскаго. Изд. 2-е. Ц. 10 к.—CXI. *С. Т. Семеновъ* I. Въ родной деревнѣ. Очеркъ. II. Гаврила Скворцова. Повѣсть. Ц. 1 р.—CXII. Избранныя мысли *Джона Рескина* Перев. Л. Н. Никифорова. Выпускъ 3-й. Ц. 20 к.—XCIV. Земледѣліе, промышленность и ремесла. Съ англійскаго перевелъ А. Н. Коншинъ. Изд. 2-е. Ц. 80 к.—CXV. На новомъ мѣстѣ. Разсказъ *П. Хотымскаго*. Ц 25 к. — CXIX. *Робертъ Шарардъ*. Бѣлые рабы Англіи. Съ англ. перев. *А. Н. Коншинъ*. Ц. 50 к.—CXVIII. *Л. Николаева*. Сто вегетаріанскихъ блюдъ. Ц. 25 к. — LXXII. Хлѣбный огородъ или ручное земледѣліе. Составилъ *Е. П. Поповъ*. Ц. 60 к.—№ 460. Пьянство горе наше. Составила *В. Лукьянская*. Ц. 5 к. № 480. Родныя души. Повѣсть *С. Т. Семенова*. Ц. 10 к. № 481. Загубленная жизнь. Разсказъ *Пiэтари Пэйервинта*. Пер. съ финскаго. Ц. $2^1/_2$ к. № 483. Передникъ. Разсказъ крест. *С. Ф. Егорова*. Ц. 1 к. № 484. Отказались. Разсказъ крестьянина *Алексѣя Волкова*. Ц. 1 к. № 485. Бѣлая одежда. Сказка. Ц. 1 к. № 486. I. Подъ выстрѣломъ. Съ нѣм. пер. А. Веселовской. II. Калѣка. Разсказъ *Гюи де-Мопассана*. Пер. Л. П. Никифорова. Ц. 1 к. № 497. Бабушка. Разсказъ *П. Наживина*. Ц. 1 к. № 500. Ассирійскій царь Ассархадонъ и три вопроса. Двѣ сказки *Л. Н. Толстого*. Ц. 1 к. № 511. Голосъ совѣсти. Разсказъ. Ц, 1 к. № 512. Черный быкъ. Разсказъ. Ц. 1 к. № Ремонтный рабочій. Разсказъ *С. Васюкова*. Ц. 1 к. М. 1904.

Выдавныцтво „Викъ", № 37. *Марко Вовчокъ*. Карменокъ.—Невольничка. Ц. 10 к. № 38. *Марко Вовчокъ*. Сестра. Ц. 10 к. № 39. Трыста найкращыхъ украинськыхъ писень. Ц. 20 к, № 40. *Панасъ Мырный*. Морозенко. Ц. 10 к. У Кыиви. 1904.

Музей приклалныхъ знаній въ Москвѣ. *Н. Рихтеръ*. Вулканы. Ц. 5 к. *Н. Дубницкій*. Чѣмъ предметы похожи другъ на друга. Ц. 6 к. *С. К.* Начало разсказа. Ц. 6 к. М. 1904.

Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и юношества.—Павлиный глазъ. Разсказъ. *Сергѣя Орловскаго*. Ц. 15 к.—Въ деревнѣ. Четыре разсказа для дѣтей *С. Т. Семенова*. Изд. 2-е. Ц. 30 к.—Наши звѣрки. Разсказы для младшаго возраста. *Е. Горбуновой*. М. 1904.

Русскій деревенскій календарь на 1905 г. *И. Горбунова-Посадова*. Ц. 6 к. М. 1904.

Русскій сельскій календарь на 1905 г. Составилъ *И. Горбуновъ-Посадовъ*. М. 1904. Ц. 20 к.

Сельскохозяйственная библіотека. Изд. К. И. Тихомірова. *И. П Петровъ*. О зимнемъ кормленіи коровъ. Ц. 10 к.—*В. Н. Спасскій*. Кормовые корнеплоды. Ц. 8 к.—*И. П. Петровъ* О скотскомъ дворѣ. Ц. 4 к.—*И. П. Петровъ* Пастбище для молочныхъ коровъ. Ц. 4 к. М. 1904.

Списокъ изданій книгоиздательства „Посредникъ" (1885—1904). Библіотека Горбунова-Посадова для дѣтей и для юношества и серіи книгъ. Деревенское хозяйство и деревянская жизнь подъ редакціей И. Горбунова-Посадова. М. 1904.

Новости богословской литературы. Библіографическій журналъ издаваемый *К. М. Поповымъ*. 1904. Сергіевъ посадъ.

Систематическая роспись книгамъ, вышедшимъ въ Россіи за 1899 г. Подъ общей ред. М. Я Виллие и Э. А. Вольтера. Т. I вып. II. Изд. Статистико-библіографической коммиссіи при Р. О. Д. П. Д. Спб. 1903.

Матеріалы для исторіи Рязанскаго губ. земства. Часть I. Изд. Рязанской ученой архивной комиссіи. Рязань. 1903. Ч. II. 1904. Ч. II. Вып. II. 1904.

Историческій очеркъ дѣятельности Херсонскаго губ. земства за 1865—99 гг. Вып. I. Изд Херсонской губ. земской управы. Херсонъ. 1904.

Пермская губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. Вып. 4. Пермь. 1904.

Комитетъ для помощи поморамъ Русскаго Сѣвера.—Систематическія изслѣдованія Мурмана. Т. I, вып. II. Колонизація —Т. IV. Тресковый промыселъ. Спб. 1904.

Статистическое бюро Совѣта съѣзда горнопромышленниковъ Юга Россіи:

№ 178. Марганцовая промышленность Южной Россіи въ 1902 г.—№ 179. Желѣзнодорожная промышленность Южной Россіи въ 1902 г.—№ 181. Каменноугольная промышленность Россіи въ 1902 г. Вып. I. Каменноугольная промышленность Южной Россіи.— № 182—83. Желѣзная промышленность Россіи въ 1902 г. Вып. 1 и 2-ой № 184. Каменноугольная промышленность Россіи въ 1902 г. Вып. II.—Подъ редакціей Н. Ф. фонъ-Дитмара. Харьковъ. 1903.

Отчетъ о дѣятельности Харьковской комиссіи народныхъ чтеній за 1903 г. Харьковъ. 1904.

Отчетъ Ярославской городской Пушкинской библіотеки за 1903 г. Ярославль. 1904.

Гибнущія силы.

Наша общественная и, главнымъ образомъ, земская статистика выполнила уже огромную работу по освѣщенію самыхъ сложныхъ вопросовъ экономическаго и санитарнаго характера. Неизмѣримо менѣе сдѣлано ею до сихъ поръ для изученія вопросовъ, касающихся духовной жизни массы населенія. Отчасти это объясняется сравнительной трудностью самой задачи, но только отчасти. Лишь со второй половины девяностыхъ годовъ одновременно замѣчается, съ одной стороны, значительный ростъ числа разнаго рода статистическихъ изданій, посвященныхъ вопросамъ народнаго образованія, съ другой—расширеніе круга явленій, подвергаемыхъ изученію и освѣщенію. И чѣмъ больше развивается это движеніе, тѣмъ очевиднѣе становится все его общественное значеніе. Уже теперь можно назвать рядъ работъ, вскрывающихъ такіе уголки духовной жизни народа, которые требуютъ самаго усиленнаго вниманія общественныхъ дѣятелей. Передъ нами одна изъ такихъ работъ, и чуть не каждая страница ея заставляетъ глубоко волноваться каждаго, кто только способенъ задумываться надъ общественными вопросами. Мы имѣемъ въ виду недавно только опубликованные результаты изслѣдованія о даровитыхъ питомцахъ народной школы, произведеннаго курскимъ земскимъ справочно-педагогическимъ бюро *). Изслѣдованіе это было выполнено въ формѣ опроса всѣхъ учителей земскихъ школъ губерніи, и вотъ какіе результаты оно дало.

Учителямъ были поставлены три слѣдующіе вопроса: 1) нѣтъ ли среди учениковъ или учеництъ вашей школы дѣтей, выдающихся своей талантливостью; 2) если есть, то назовите ихъ и сообщите, въ чемъ, главнымъ образомъ, проявляются ихъ выдающіяся способности, и 3) если въ вашей учительской практикѣ

*) См. изданіе „Текущая школьная статистика курскаго губернскаго земства". Годъ седьмой. Курскъ. 1903 г. Глава VI. Даровитые питомцы Курской народной школы. Е. А. Звягинцева.

за прежніе годы приходилось имѣть дѣло съ выдающимися талантливыми дѣтьми, то сообщите свѣдѣнія о склонностяхъ, способностяхъ, стремленіяхъ и дальнѣйшей судьбѣ каждаго изъ нихъ; если можно, то пришлите какія-либо ихъ письменныя работы, рисунки и т. д. Не смотря на нѣкоторую неопредѣленность и условность поставленныхъ вопросовъ и на краткость даннаго учителямъ срока для отвѣта, учителя доставили бюро десятки сообщеній о настоящихъ и бывшихъ своихъ ученикахъ, обращавшихъ на себя вниманіе по даровитости. Кромѣ того, было доставлено много рисунковъ, исполненныхъ дѣтьми-самоучками, письменныя работы, характеризующія исключительныя способности дѣтей, стихотворенія, написанныя бывшими учениками народной школы, и даже незатѣйливыя модели машинъ механиковъ-самоучекъ. Вотъ наиболѣе характерныя изъ этихъ учительскихъ сообщеній. Обратимся сначала къ поэтамъ.

Учителями были доставлены образчики поэтическаго творчества нѣсколькихъ подростковъ и юношей, а отъ двухъ цѣлыя тетрадки стихотвореній. Авторъ изслѣдованія характеризуетъ ихъ слѣдующими словами: „далеко не вездѣ въ этихъ стихотвореніяхъ видно знакомство авторовъ съ пріемами и правилами стихосложенія; не вездѣ соблюдены элементарныя грамматическія правила; еще менѣе замѣтны слѣды начитанности или чьего-либо руководства. И тѣмъ пріятнѣе поражаешься изяществомъ, силой или оригинальностью нѣкоторыхъ стиховъ“. Чтобы дать о нихъ понятіе, ограничимся хотя бы двумя слѣдующими:

Одинокая жизнь.

Скучно-грустно жить съ тоскою
Мнѣ на свѣтѣ одному:
Съ кѣмъ что сдумаю-сгадаю,
Слово ласково скажу?
    Скажу вѣтру,—не привѣтитъ,
    Не согрѣетъ мнѣ души;
    Скажу звѣздамъ,—не услышатъ
    Ночью темною въ тиши.
Солнце свѣтитъ, грѣетъ жарко
Только днемъ, а ночью нѣтъ,
Съ горькимъ сномъ не прилетаетъ
Благодатный его свѣтъ.
    Не замѣнитъ радость горе.
    Въ Божьемъ мірѣ нѣтъ любви.
    Стану жить одинъ, доколѣ
    Не придетъ мой даръ судьбы.
Стану жить одинъ съ тоскою,
Ночи темныя не спать,
Стану въ гости рокъ съ судьбою
Съ часу на часъ ожидать.

Стихи принадлежатъ одному подростку, написавшему также горячее прочувствованное стихотвореніе, посвященное геройской борьбѣ буровъ за правду.

А вотъ одно изъ стихотвореній г. И. Е. Ларченко, крестьянина Новооскольскаго уѣзда, 31 года.

Памяти друга.

Покрыта могила травою высокой;
Спитъ сномъ непробуднымъ въ могилѣ глубокой
Мой другъ одиноко!..
Въ печальномъ раздумьи стою надъ тобой,
Мой другъ незабвенный, мой другъ дорогой,
Я здѣсь, недалеко...
Давно ли, бывало, мы вмѣстѣ съ тобой
Дѣлили и радость, и горе порой!
И вотъ я одинъ...
Стою утомленный житейской борьбою,
Надъ свѣжей могилой, покрытой травою.
Ты жъ спишь недвижимъ.
Не хочешь сказать мнѣ ни слова въ отраду,
Не хочешь мнѣ бросить любовнаго взгляда,
На вѣкъ позабылъ.
Забылъ, видно, какъ мы съ тобою дружили,
Забылъ, какъ, бывало, мечты мы дѣлили,
Что другомъ мнѣ былъ!
Я-жъ, памяти вѣренъ, тебя посѣщаю;
И часто надъ хладной могилой рыдаю
О счастьи быломъ.
И крестъ намогильный, таинственно черный,
Мнѣ внемлетъ въ молчаньи, какъ сторожъ безмолвный
На холмѣ крутомъ...

Г. Ларченко написалъ рядъ хорошихъ стихотвореній и разсказовъ на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Перу другого автора, 12-ти лѣтняго г. Постникова, принадлежитъ около 270 стихотвореній, о которыхъ онъ пишетъ слѣдующее: „стихотворенія мои преимущественно все лирическія, попадаются элегіи, посланія, пѣсни; эпиграммъ еще не писалъ; есть нѣсколько сказокъ, но онѣ подлежатъ большому исправленію и передѣлкѣ съ начала до конца; теперь онѣ лежатъ подъ спудомъ до времени; надѣюсь, что когда-нибудь исправятся“. Вспоминая о его пребываніи въ школѣ, бывшій учитель г. Постникова пишетъ: „въ школѣ Постниковъ отличался живымъ, наблюдательнымъ умомъ, пылкимъ воображеніемъ и горячимъ, любящимъ сердцемъ. Стихи сталъ писать лѣтъ съ 10, учась въ третьей группѣ, а въ четвертой, познакомясь съ правилами стихосложеніями, уже описывалъ картины и явленіе природы стихами свободнѣе, чѣмъ прозой. Какъ теперь помню этого малыша въ классѣ во время грозы: онъ весь впился въ грозную картину, забылъ все окружающее, и тутъ же ярко описалъ видѣнную грозу“. А вотъ сообщеніе одной изъ уѣздныхъ воскресныхъ школъ объ авторѣ многочисленныхъ лирическихъ стихотвореній и одной драмы: онъ усердный посѣтитель читальни, „каждую выдачу можно видѣть этого блѣднаго, худого юношу со скорбнымъ выраженіемъ темныхъ

глазъ, какъ онъ пробирается къ столу въ читальнѣ, за которымъ и проводитъ не менѣе двухъ часовъ. Книгъ читаетъ много. Романовъ не любитъ, увлекается Островскимъ". Авторъ изслѣдованія замѣчаетъ, что въ народной средѣ Курской губерніи найдется еще не мало лицъ съ поэтическимъ даромъ, о которыхъ по разнымъ причинамъ свѣдѣній вовсе нельзя было получить: иные изъ нихъ не дѣлились своими попытками творчества съ учителями; иные учителя сами не интересовались подобными проявленіями дѣтской натуры; далѣе, значительный процентъ народныхъ учителей и особенно учительницъ сравнительно недолго учительствуетъ, такъ что имѣетъ слишкомъ небольшой опытъ; наконецъ, нѣкоторые учителя стѣснялись дѣлать сообщенія о талантливыхъ дѣтяхъ, не имѣя подъ рукой ихъ произведеній.

Нѣтъ недостатка въ выдающихся питомцахъ земской школы съ наклонностью къ живописи и рисованію. Учителя сообщили о восемнадцати мальчикахъ, выдѣляющихся своею любовью и умѣніемъ рисовать, и о двухъ мальчикахъ-скульпторахъ: „предъ ними нѣтъ образцовъ живописи", говорится по этому поводу въ изслѣдованіи, „ихъ никто не обучалъ пріемамъ рисованія, у нихъ нѣтъ ни красокъ, ни даже хорошаго карандаша; у нихъ часто не хватаетъ клочка бумаги, на чемъ рисовать. И всетаки природная страсть ищетъ исхода, сказывается въ маніи рисовать рѣшительно чѣмъ угодно, гдѣ угодно, лишь бы рисовать". Учителями доставленъ цѣлый рядъ попытокъ въ этомъ направленіи, „попытокъ самыхъ примитивныхъ и неудачныхъ, но обнаруживающихъ упорство труда и художественное дарованіе въ той или иной степени".

Сообщеній о выдающихся дарованіяхъ музыкальныхъ гораздо меньше; ихъ получено всего три. Немного указаній также на проявленіе артистическихъ и декламаторскихъ дарованій, но нельзя забывать, что современная народная школа имѣетъ очень мало возможности обнаруживать ихъ въ своихъ питомцахъ. Тѣмъ не менѣе, вотъ, напримѣръ, что читаемъ въ сообщеніи учителя о 12-лѣтнемъ ученикѣ Портненко по поводу прочтенія имъ на елкѣ Некрасовскаго „Дядюшки Якова": Портненко „своей декламаціей привелъ въ изумленіе и товарищей, и учителя, и постороннихъ лицъ—старшихъ, бывшихъ на школьномъ праздникѣ. Мальчикъ имѣетъ весьма выразительное лицо, и игра мускуловъ лица у него до такой степени поразительно развита, что публика видѣла передъ собою то удивленнаго автора передъ телѣжкой Якова, то самого строгого дядюшку Якова, клятвой увѣряющаго, что уступить ничего не можетъ, то деревенскихъ бабъ, клянчащихъ, ласкающихся, чтобы склонить неуступчиваго Якова на скидку цѣны, то вдругъ представлялся уличный торговецъ, который бойко зазываетъ къ себѣ покупателей, перечисляетъ и расхваливаетъ свой товаръ. Такой выразительности способствовалъ и довольно сильный, но

мягкій голосъ. Необыкновенно трудолюбивый, этотъ мальчикъ мало играетъ съ товарищами, дома много помогаетъ родителямъ въ домашнихъ работахъ и оттого отчасти менѣе, чѣмъ другіе, занимается чтеніемъ книгъ, хотя любовь къ книгѣ у него не меньше, чѣмъ у другихъ".

Несравненно многочисленнѣе учительскія сообщенія, показывающія, что въ деревнѣ нерѣдки проявленія выдающихся способностей и страсти къ строительству. Курскіе учителя имѣли случай наблюдать у крестьянскихъ дѣтей также и совершенно спеціальныя склонности, которыя, казалось бы, вовсе не могли обнаружиться въ дѣтскомъ возрастѣ. Такъ, одна учительница сообщаетъ о дѣвочкѣ, которая, будучи вообще очень способнымъ ребенкомъ, выдѣлялась необыкновеннымъ стремленіемъ къ учительской дѣятельности: будучи 11—12 лѣтъ, она уже прекрасно вела занятіе съ учениками, при чемъ даже объясняла имъ что-либо новое; ея объясненія вполнѣ понимались учащимися, и она была ими „страшно любима".

Чрезвычайно цѣнны и особенно многочисленны сообщенія о выдающихся общихъ умственныхъ способностяхъ крестьянскихъ дѣтей. Для изслѣдованія доставлено „болѣе 80 учительскихъ указаній на высокія дарованія дѣтей—учащихся или бывшихъ учениковъ. Указанія эти, въ большей своей части, понятно, очень кратки и неопредѣленны, но многія изъ нихъ глубоко интересны и довольно хорошо знакомятъ насъ съ тѣмъ запасомъ духовныхъ силъ, какой таится въ нашей деревнѣ, вскрывается нашей школой и, однако, остается безъ употребленія или, во всякомъ случаѣ, безъ надлежащаго употребленія". Изъ ряда подобныхъ сообщеній приведемъ хотя бы слѣдующее объ одномъ мальчикѣ Старооскольскаго уѣзда: „его любовь къ чтенію книгъ и пытливость ума были таковы, что, казалось, онъ рожденъ для книгъ и послѣднія впереди должны сдѣлаться его единственными друзьями. Держался онъ въ школѣ не особенно обычно. Въ то время, какъ другіе на перемѣнѣ бѣгали на школьномъ дворѣ, улицѣ, играли, ссорились и дрались, онъ рѣдко принималъ участіе въ играхъ, сидѣлъ или находился въ классѣ, проводя время или въ чтеніи, или въ разговорѣ. Поведеніе его было поведеніемъ основательнаго взрослаго человѣка. Онъ никогда не дрался, въ обхожденіи съ товарищами былъ привѣтливъ. Отецъ его также незаурядный человѣкъ въ деревнѣ... По бѣдности своей отецъ не могъ пустить мальчика дальше учиться".

Все приведенное вполнѣ оправдываетъ общій выводъ, сдѣланный изъ матеріаловъ изслѣдованія, что наша „народная школа работаетъ надъ богатымъ матеріаломъ, что, не смотря на всѣ неблагопріятныя внѣшнія условія, народъ нашъ не перестанетъ быть высоко-даровитымъ". Что же дѣлаетъ жизнь съ такими выдѣленными школой изъ общей массы ея питомцевъ

біографіи. Она разсказываетъ здѣсь о своемъ горѣ, когда она ребенкомъ 11 лѣтъ узнала, что родители рѣшали взять ее изъ сельской школы ранѣе окончанія курса; это рѣшеніе сложилось у нихъ и въ виду ихъ бѣдности, и подъ вліяніемъ того, что она, по ихъ мнѣнію, черезчуръ ужъ увлекалась чтеніемъ книгъ; они боялись, какъ бы ихъ дочка, „какъ великограмотная", не сошла съ ума. „Когда мать, передъ третьимъ учебнымъ годомъ, вдругъ объявила мнѣ, что я не буду больше учиться", пишетъ она, „это для меня было такъ неожиданно, такъ внезапно, что я нѣсколько минутъ стояла, какъ пришибленная. Мои горькія слезы, просьбы не поколебали воли родительской; мать то и дѣло твердила, что я большая и надо учиться работать. Видя тщетность моихъ просьбъ, я сдѣлалась грубой и непочтительной. На ласки родителей я отвѣчала упреками, на брань ихъ—дикими угрозами. Объ этомъ узнала наша молодая учительница; та пожалѣла меня, пришла, упросила родителей, нарисовала мою блестящую будущность, и они, къ моему восторгу, хотя и неохотно, но всетаки согласились отпустить меня въ школу еще на одинъ годъ. Если бы съ неба сошелъ ангелъ, то онъ не казался бы мнѣ прекраснѣе учительницы въ эту минуту; мое дѣтское сердце съ довѣрчивостью потянулось къ ней и съ безконечною привязанностью искало въ ней поддержки и опоры. Я благополучно окончила сельскую школу и, благодаря стараніямъ моего неизмѣннаго друга (учительницы), поступила въ гимназію".

А вотъ подобная же автобіографія двадцатилѣтняго юноши Н. того же Суджанскаго уѣзда. „Окончивши начальную школу, мнѣ страшно хотѣлось поступить въ уѣздное училище, но, сколько я ни просилъ, родители не отдали меня туда, и, руководясь личными взглядами на жизнь, они отдали меня въ сапожники, самое противное мнѣ ремесло. Мнѣ, напримѣръ, если не учиться, то хотѣлось въ слесаря, а не въ сапожники. Я заявилъ родителямъ, что сапожника изъ меня не выйдетъ. Такъ и вышло: проучившись зиму, я рѣшительно ничего не понялъ. Весной отдали меня учиться совсѣмъ другому—въ печники къ мѣстному подрядчику. Съ этимъ я кое-какъ примирился: всетаки лучше, чѣмъ сапожникъ. А на зиму меня снова отдали въ сапожники. И такъ я боролся между жизнью и смертью три года (потому что сапожное ремесло для меня хуже смерти), пока не умеръ мой хозяинъ". Далѣе Н. разсказываетъ, что онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ ѣздилъ лѣтомъ на заработки на югъ Россіи и на Кавказъ, а зимой учился въ воскресной школѣ въ Суджѣ. Горячее желаніе продолжать свое образованіе не покидало его, но только въ прошломъ году, живя въ Кіевѣ, продолжаетъ онъ, „нечаянно я узналъ, что въ Суджѣ открылось новое училище. На мой запросъ мои знакомые подробно описали новооткрытую торговую школу. Оказывается, что для поступленія туда нужно имѣть по-

рядочныя средства, которыхъ у меня, къ сожалѣнію, не было. Всетаки, я пріѣхалъ въ Суджу узнать подробно, въ чемъ состоитъ препятствіе. И вотъ, въ теченіе зимы невозможное сдѣлалось возможнымъ... нашлись хорошіе люди, которые помогли мнѣ быть принятымъ въ торговую школу, не смотря даже на то, что возрастъ для поступленія опредѣленъ не старше 15 лѣтъ, а мнѣ уже 20 лѣтъ. Только одно меня безпокоитъ: родные не хотятъ, чтобы я учился, и всѣми силами стараются помѣшать мнѣ". Рѣшившись „стараться всѣми зависящими средствами, чтобы окончить начатое ученіе", юноша кончаетъ: „наконецъ-то, исполнилось мое желаніе, моя завѣтная мечта, которая въ продолженіи восьми лѣтъ не покидала меня, а напротивъ того, съ каждымъ годомъ все настойчивѣе и настойчивѣе разжигала во мнѣ желаніе учиться; я съ гордостью могу назвать себя теперь ученикомъ торговой школы".

Въ третьемъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто въ Обоянскомъ уѣздѣ, одинъ ученикъ съ выдающимися способностями былъ помѣщенъ мѣстной учительницей на ея средства (получаетъ всего около 250 р.) въ духовное училище, а по окончаніи послѣдняго—въ духовную семинарію; это стоитъ учительницѣ „огромныхъ, почти подвижническихъ лишеній"; въ настоящее время онъ вышелъ изъ пятаго класса семинаріи и готовится на средства той же учительницы къ экзамену на аттестатъ зрѣлости для поступленія въ университетъ.

„Разсуждая теоретически", замѣчаетъ авторъ изслѣдованія, „намъ, послѣ Ломоносова, Кольцова, Шевченко, Никитина и другихъ поэтовъ изъ народа, собственно и не слѣдовало бы удивляться, что въ народной средѣ таится цѣлый родникъ поэзіи, ума и творчества". Удивляться этому, конечно, нечего, но давно уже настала пора ужаснуться, въ какомъ пренебреженіи находится до сихъ поръ этотъ родникъ, какъ жестоко и близоруко коверкается и заглушается его теченіе. До сихъ поръ еще у насъ не достигнуто даже самаго элементарнаго условія здороваго общежитія, обезпечивающаго каждому простую возможность попробовать и проявить свои умственныя способности—общедоступности образованія. Для этого у насъ все еще „нѣтъ средствъ". Тамъ же, гдѣ населеніе уже имѣетъ возможность давать своимъ дѣтямъ элементарное образованіе, это образованіе, собственно говоря, ограничивается почти одной грамотой и не способно въ сколько-нибудь значительной степени удовлетворить пробужденную въ ребенкѣ умственную пытливость. Очень долго, цѣлыя десятилѣтія, учебная администрація систематически стремилась къ тому, чтобы народная школа не выходила изъ рамокъ простой грамотности даже и тамъ, гдѣ и требованія жизни, и матеріальныя условія позволяли значительно раздвинуть эти рамки. От-

части подъ мертвящимъ давленіемъ этой внѣшней тенденціи, отчасти въ виду огромности все еще не осуществленной задачи общедоступности хотя бы элементарной школы, наши общественныя учрежденія не сдѣлали еще почти ничего для созданія высшей народной школы, въ которой могли бы получать дальнѣйшее общее образованіе окончившіе элементарную школу. Только въ самые послѣдніе годы вопросъ о созданіи такой высшей школы сдѣлался очереднымъ, и надъ практическимъ его разрѣшеніемъ работаютъ уже нѣсколько земствъ. Трудно пока сказать, когда эта работа приведетъ къ сколько-нибудь осязательнымъ для массы населенія результатамъ, на пути ея все еще стоитъ множество внѣшнихъ препятствій.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время питомцы современной народной школы не имѣютъ передъ собой никакого учебнаго заведенія, въ которомъ они могли бы получать дальнѣйшее общее образованіе. Единичные случаи, когда тому или другому изъ нихъ удается пробиться въ среднее учебное заведеніе, разумѣется, не въ состояніи измѣнить общей картины. Правда, не въ одной только школѣ возможно получить образованіе — для этого существуютъ еще разнообразные способы внѣшкольнаго образованія: книги, курсы, лекціи. Дѣйствительно, начиная со второй половины девяностыхъ годовъ, земства и отчасти города успѣли создать цѣлую систему внѣшкольныхъ образовательныхъ учрежденій для народныхъ массъ. Съ каждымъ годомъ быстро ростетъ счетъ безплатныхъ народныхъ библіотекъ и читаленъ. Въ цѣломъ рядѣ мѣстностей болѣе или менѣе широко поставлены народныя чтенія. Появились уже, единичныя пока, попытки общественной организаціи систематическихъ курсовъ и лекцій при посредствѣ спеціально приглашенныхъ для этого лицъ. Въ нѣсколькихъ земствахъ поставленъ также на очередь вопросъ объ обезпеченіи дальнѣйшаго образованія даровитѣйшихъ учениковъ народныхъ школъ посредствомъ соотвѣтствующей организаціи системы выдачи земскихъ стипендій учащимся, отчасти носившей до сихъ поръ совершенно случайный характеръ, отчасти служившей какъ бы формой дополнительнаго вознагражденія земскихъ служащихъ. Но все это движеніе, таящее въ себѣ въ высшей степени здоровые зародыши будущаго широкаго развитія, происходитъ теперь въ крайне неблагопріятной внѣшней обстановкѣ: на каждомъ шагу наталкивается оно на рядъ препятствій, подчасъ почти неодолимыхъ. Замѣчательнѣе всего то, что коренныя основанія этихъ препятствій являются продуктомъ новѣйшаго времени и не существовали въ 60-хъ и 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Въ то время, напримѣръ, терминъ „народная библіотека", въ смыслѣ библіотеки съ спеціальнымъ, ограниченнымъ каталогомъ, былъ неизвѣстенъ,—какъ онъ и до сихъ поръ неизвѣстенъ дѣйствующему основному закону о цензурѣ и печати. Этотъ тер-

минъ появился лишь вмѣстѣ съ пресловутыми правилами 1890 г., не имѣющими никакого юридическаго основанія въ законѣ, но, тѣмъ не менѣе, цѣлый рядъ лѣтъ продолжающими регулировать обширную область общественнаго хозяйства. Характерной чертой какъ этихъ правилъ, такъ и вообще всѣхъ другихъ административныхъ распоряженій, нормирующихъ способы удовлетворенія умственныхъ запросовъ всего трудящагося населенія, является признаніе умственной неправоспособности этого населенія. Оно все еще считается незрѣлымъ для того, чтобы незвозбранно и по собственному усмотрѣнію пользоваться тѣми литературными и научными источниками, которыми можетъ, съ точки зрѣнія цензуры, пользоваться такъ называемое образованное общество или, лучше сказать, состоятельная часть этого общества. Судьей того, что можно „обществу“, но нельзя „простому народу“, является ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія— органъ, достаточно извѣстный по той атмосферѣ, которая виситъ надъ всѣмъ нашимъ школьнымъ дѣломъ. „Общество“ избавлено отъ этой атмосферы, по крайней мѣрѣ, за порогомъ школы, „народъ“ признается нужнымъ держать въ ней всю жизнь.

До паденія крѣпостного права такой порядокъ былъ бы, конечно, какъ нельзя болѣе послѣдовательнымъ. Но теперь онъ давно уже является вопіющимъ анахронизмомъ. Давно пора уже открыть общественнымъ учрежденіямъ возможность развивать свою просвѣтительную дѣятельность безъ какихъ бы то ни было подраздѣленій на „общество“ и „народъ“, давно пора признать, какой неисчислимый для государства вредъ проистекаетъ отъ того, что лучшія умственныя силы народа гибнутъ, не имѣя почти никакой возможности свободнаго, широкаго развитія. Курское изслѣдованіе приподняло передъ нами только маленькій уголокъ этой мрачной картины, но такая же растрата народныхъ силъ, такія же душевныя драмы рвущихся къ свѣту и въ безсиліи склоняющихся передъ жизнью молодыхъ душъ происходятъ по всему обширному лицу нашей родины. Сдача этого порядка въ историческій архивъ диктуется самыми настоятельными государственными и общественными интересами. Что эта сдача теперь уже дѣло близкаго будущаго, лучшей порукой въ томъ служитъ несомнѣнный ростъ самосознанія, происходящій въ средѣ самого деревенскаго населенія.

Правда, по внѣшности здѣсь все еще кажется по старому, картинно выраженному въ слѣдующемъ отрывкѣ изъ стихотворенія уже цитированнаго нами, г. Постникова:

Моя же родина въ глуши,
Полна безмолвья и тиши;
Лишь праздникомъ, на общей сходкѣ,
Напившись въ волю хмѣльной водки,
Шумитъ народъ ея, какъ рой
Голодныхъ пчелъ въ саду весной...

Подъ этотъ внѣшній, привычный шумъ, въ глубинѣ народной идетъ уже и другой шумъ, идетъ трудная, упорная умственная работа, и на фонѣ деревенской жизни все чаще и чаще появляются тѣ передовые представители и бойцы ея свѣтлаго будущаго, наличность и судьбу которыхъ раскрыло передъ нами курское изслѣдованіе. Изъ ихъ среды раздаются уже и другія пѣсни; они поютъ, что

.....Геройская месть
Передъ правдой святой—
Одно средство лишь есть.

В. Ивановичъ.

Страничка изъ одной продовольственной кампаніи.

(Письмо изъ Минусинскаго уѣзда).

Въ 1901—1902 хозяйственномъ году Минусинскій уѣздъ Енисейской губерніи впервые увидѣлъ въ своемъ раіонѣ совершенно новую для него хозяйственную операцію—продовольственную кампанію. Двумя послѣдовавшими другъ за другомъ недородами (1900 и 1901 гг.) экономическое положеніе многихъ селеній этого сравнительно зажиточнаго края было потрясено до того, что они уже не могли справиться собственными силами. Понадобилась помощь извнѣ.

Нельзя сказать, чтобы бѣдствіе застигло мѣстную администрацію врасплохъ. Напротивъ, она, повидимому, внимательно слѣдила за состояніемъ посѣвовъ и встревожилась при первыхъ же неблагопріятныхъ извѣстіяхъ. Уже въ іюлѣ 1901 г. въ Минусинскѣ состоялось подъ непосредственнымъ руководствомъ бывшаго начальника губерніи г. Плецъ особое совѣщаніе о состояніи урожая хлѣбовъ и травъ въ уѣздѣ. Данныя, надъ которыми оперировало это совѣщаніе, конечно, не отличались и не могли отличаться особенной полнотой, но все же были достаточны для нѣкоторыхъ общихъ выводовъ. Совѣщаніе признало урожай хлѣбовъ и травъ по уѣзду неудовлетворительнымъ, подсчитало приблизительно наличность хлѣба въ хлѣбозапасныхъ магазинахъ и даже въ рукахъ частныхъ лицъ и признало это количество достаточнымъ для уѣзда, а пострадавшія мѣстности—нуждающимися въ продовольственной помощи. Были намѣчены и нѣкоторыя мѣры борьбы съ бѣдствіемъ: для крестьянъ предположено было исходатайствовать ссуду (натурой или деньгами) въ размѣрѣ 244.000 р., для мѣстныхъ инородцевъ, занимающихся скотовод-

ствомъ, испросить право пасти скотъ на покосахъ сосѣдняго Кузнецкаго уѣзда Томской губерніи.

Казалось бы, такое своевременное констатированіе нужды и принятіе мѣръ должно было привести къ лучшему исходу кампаніи. Задача облегчалась наличностью мѣстныхъ средствъ: хлѣбозапасные магазины далеко не представляли такой картины опустошенія, какъ въ подвергающихся періодическимъ недородамъ губерніяхъ Европейской Россіи; кромѣ того, въ уѣздахъ и въ губерніи имѣлись спеціальные капиталы, такъ наз. „капиталы общественной запашки", и фондъ вспомоществованія Сибирской ж. д. Можно было ожидать, что продовольственная кампанія пройдетъ безъ замѣшательства и затрудненія. Но оказываемое пособіе приходилось не только доставлять населенію, но и оформливать на бумагѣ, и это обстоятельство въ значительной степени парализовало безусловно благія намѣренія администраціи.

Чернильная волна сразу пошла по двумъ направленіямъ—вверхъ и внизъ—и совершила нѣсколько оборотовъ по плохимъ сибирскимъ дорогамъ. Съ одной стороны, рѣшенія минусинскаго особаго совѣщенія должны были подвергнуться пересмотру въ губернскомъ управленіи, а затѣмъ, дополненныя выработанными мѣрами, направиться въ канцелярію иркутскаго генералъ-губернатора. Съ другой стороны, отъ крестьянскихъ начальниковъ были затребованы болѣе подробныя „свѣдѣнія" о пострадавшихъ селеніяхъ: о числѣ душъ въ каждомъ, ихъ имущественномъ положеніи, наличномъ количествѣ хлѣба, ближайшихъ къ пострадавшимъ мѣстностямъ хлѣбныхъ пунктахъ и т. п. Какой либо опредѣленной программы для этого статистическаго изслѣдованія, которое предложено было произвести въ возможно скорое время, дано не было. Не была опредѣлена и норма для исчисленія требуемаго количества хлѣба. Крестьянскіе начальники—каждый по своему участку—переложили работу собиранія свѣдѣній на волостныя правленія. Волостнымъ писарямъ переложить дѣло было не на кого, они вдохновились и сфабриковали требуемыя начальствомъ „свѣдѣнія". Получилось то, что должно было получиться—разнообразіе, путаница и критическія замѣчанія со стороны губернскаго управленія вродѣ слѣдующихъ:

„Списки крестьянъ, нуждающихся въ ссудѣ, составлены крайне небрежно. Такъ, въ 6 случаяхъ общее число душъ въ селеніи съ малолѣтними показано менѣе числа рабочихъ душъ; въ большинствѣ ссуды испрашиваются по 1 ч. на душу, въ одномъ случаѣ испрашивается на 1 душу 3 четверти, и чѣмъ вызвано такое увеличеніе – неизвѣстно... Въ списки с. Т. внесены крестьяне, имѣющіе отъ 30 до 180 головъ крупнаго и мелкаго скота"... и т. п.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою, были затребованы новые списки, составленные уже по выработанной общимъ присутствіемъ гу-

бернскаго управленія программѣ. Эти списки пришли уже въ декабрѣ.

Между тѣмъ, пока администрація занималась этими упражненіями, отъ крестьянъ начали поступать приговоры съ ходатайствами о выдачѣ хлѣба изъ магазиновъ. Приговоры сперва поступали въ одиночку,—для крестьянъ дѣло было тоже новое,—потомъ начали поступать все въ большемъ количествѣ и, наконецъ, посыпались, какъ дождь. Съѣздъ, частныя квартиры, даже карманы крестьянскихъ начальниковъ переполнились такими приговорами.

Мелкія ссуды крестьянскіе начальники выдавали сами и затѣмъ спрашивали утвержденія съѣзда. Ходатайства о болѣе крупныхъ ссудахъ удовлетворялись послѣ сложной процедуры, требовавшей мѣсяцевъ времени.

Губернское управленіе разрѣшило выдачу не болѣе 30 ф. въ мѣсяцъ на душу старожила (т. е. живущаго въ краѣ болѣе 5 лѣтъ; переселенцамъ ссуда выдавалась почему-то въ уменьшенномъ размѣрѣ, считалось ли, что крестьянскій желудокъ, недавно только явившійся изъ Европейской Россіи, болѣе привыкъ къ сокращенной діэтѣ?), при томъ съ условіемъ, чтобы испрашиваемая ссуда въ общей суммѣ не превышала $^2/_3$ наличнаго запаса въ магазинѣ; такое количество могло быть выдаваемо съ разрѣшенія губернскаго управленія. Такъ какъ недородъ былъ солидный и требованія хлѣба значительныя, а магазинный запасъ не сообразовался съ этими обстоятельствами, то въ большинствѣ случаевъ испрашиваемое количество превышало компетенцію мѣстныхъ властей, и ходатайство о ссудѣ обыкновенно должно было пройти слѣдующія инстанціи: 1) сельскій сходъ, 2) утвержденіе крестьянскаго начальника, 3) съѣздъ крестьянскихъ начальниковъ и 4) губернское управленіе. Прибавьте къ этому, что съѣздъ крестьянскихъ начальниковъ собирается разъ въ мѣсяцъ, а почта отъ Минусинска до Красноярска идетъ 5 дней и въ описываемое время отправлялась только два раза въ недѣлю, и вы поймете, сколько времени требовалось для удовлетворенія ходатайства о крупной ссудѣ, т. е. продиктованнаго большей нуждою. Можно положительно сказать, что скорость удовлетворенія была обратно пропорціональна нуждѣ.

Въ январѣ общее присутствіе губернскаго управленія снова рѣшило изслѣдовать положеніе на мѣстѣ, и для этой цѣли былъ командированъ непремѣнный членъ г. Коломинскій. Онъ лично отправился по уѣзду, забирался въ самыя отдаленныя мѣста, вообще много изъѣздилъ... но дѣло снабженія населенія хлѣбомъ отъ этого не особенно подвинулось впередъ. Вынесенныя на состоявшемся подъ его предсѣдательствомъ особомъ совѣщаніи рѣшенія дали матеріалъ для новой переписки. На этомъ совѣщаніи, между прочимъ, было предложено заимствовать для особо пострадавшихъ

мѣстностей хлѣбъ изъ стороннихъ магазиновъ. Противъ этого предложенія, особенно соблазнительнаго своей простотой, высказалось большинство крестьянскихъ начальниковъ. Во-первыхъ, для приведенія его въ исполненіе не находили соотвѣтствующихъ указаній въ законѣ, во-вторыхъ, опасались какой-нибудь реакціи со стороны тѣхъ крестьянскихъ обществъ, у которыхъ придется заимствовать хлѣбъ, расхищенія ими своихъ магазиновъ. На томъ же совѣщаніи выяснилась нужда въ 190,000 пудахъ сѣменнаго хлѣба.

На эти заключенія минусинскаго совѣщанія послѣдовали возраженія со стороны губернатора. Магазинный хлѣбъ — не общественная, а государственная собственость, и на распоряженіе ею въ смыслѣ заимствованія уже испрошено высочайшее разрѣшеніе. Самое заимствованіе при достаточномъ тактѣ можетъ быть исполнено, не вызывая осложненій. Что касается 190,000 пудовъ сѣменного хлѣба, то губернаторъ считаетъ цифру преувеличенной и предлагаетъ испытать всхожесть всего наличнаго магазиннаго хлѣба и выдавать на продовольствіе только невсхожій хлѣбъ, а всхожій хранить на обсѣмененіе; привозить же хлѣбъ онъ считаетъ возможнымъ только изъ ближайшаго Ачинскаго уѣзда— и то, если крестьяне подвезутъ его на своихъ подводахъ.

Хлѣбъ былъ заимствованъ изъ не пострадавшихъ участковъ уѣзда. Операція не вездѣ сошла гладко, и въ одномъ случаѣ цѣлая деревня не очутилась на скамьѣ подсудимыхъ только потому, что изъ перваго же умолота новаго урожая пополнила расхищенный изъ магазина хлѣбъ,—но въ общемъ опасенія крестьянскихъ начальниковъ, къ счастью, не оправдались. Но магазинный хлѣбъ могъ идти только на продовольствіе, а на посѣвъ, какъ показали пробы всхожести, онъ не годился. А моментъ былъ уже такой, что вопросъ о посѣвѣ становился самымъ жгучимъ. Приближалась весна съ порчей дорогъ и усиленнымъ спросомъ на сѣменной хлѣбъ, котораго въ иныхъ мѣстахъ ни за какія деньги нельзя было достать. Отъ подвоза ссужаемаго зерна на своихъ подводахъ изъ Ачинска (на разстояніи 380 верстъ) крестьяне отказались: хлѣбъ вышелъ бы слишкомъ ужъ дорогъ. Возможность организовать доставку хлѣба, повидимому, еще не была утеряна. По крайней мѣрѣ, отъ губернатора послѣдовало предложеніе: предоставить крестьянамъ на выборъ—получать ссуду сѣменного хлѣба натурою по цѣнѣ 2 р. за пудъ или деньгами—по 1 р. на каждый требуемый пудъ. Крестьяне, какъ и слѣдовало ожидать (а можетъ быть и, дѣйствительно, ожидалось), выбрали послѣднее.

Такъ былъ рѣшенъ вопросъ о формѣ посѣвной ссуды. По вопросу о размѣрѣ ея тоже возникли переговоры между губерніей и уѣздомъ. Губернія оспаривала правильность расчета уѣзднаго совѣщанія. Только когда стало поздно и очевидно было

что утроба земли не человѣческая и ждать насыщенія долго не можетъ, рамки формализма треснули, заработалъ телеграфъ, инстанція „съѣзда“ была исключена, и отъ большой или меньшей настойчивости каждаго отдѣльнаго крестьянскаго начальника зависѣло получить для своего участка большую или меньшую ссуду. Былъ даже такой случай, что ссуда была разрѣшена помимо крестьянскаго начальника, даже вопреки его мнѣнію, по телеграфной просьбѣ самихъ крестьянъ.

Но эта запоздалая отзывчивость на крестьянскую нужду не могла уже спасти уѣздъ отъ огромнаго недосѣва. Ссуды выдавались цѣлымъ деревнямъ гуртомъ, передъ самымъ посѣвомъ, и всѣ эти деньги направились на поиски сѣменного хлѣба, цѣна котораго вскочила на небывалую въ Минусинскомъ уѣздѣ высоту $1^1/_2$ р. за пудъ (а ссуда выдавалась въ размѣрѣ 1 р. на каждый пудъ посѣва), да и за эти деньги не вездѣ его можно было достать. Въ результатѣ — недосѣвъ, оффиціально исчисляемый въ 28% посѣвной площади. Это—*по уѣзду*, а пострадалъ отъ предшествовавшаго недорода не весь уѣздъ, такъ что въ наиболѣе пострадавшихъ мѣстностяхъ недосѣвъ достигъ мѣстами $^1/_2$ и даже $^2/_3$ обычнаго размѣра посѣва. И это при общей тенденіи уѣзда къ расширенію запашки.

Такой крупный недосѣвъ совершенно исказилъ результаты хорошаго урожая слѣдующаго года. Обычный барометръ экономическаго состоянія деревни—базарныя цѣны въ городѣ—показывалъ „высокое давленіе“. Цѣны мало понижались. При отсутствіи какого-либо регулятора цѣнъ, вродѣ крупнаго внѣшняго рынка, высокія цѣны хлѣба при обильномъ урожаѣ и накопленной нуждѣ въ деньгахъ могутъ имѣть одно объясненіе: крестьянство въ цѣломъ мало отчуждало хлѣба, потому что не имѣло избытковъ. Поле щедро вознаградило сѣятеля за трудъ, но посѣяно было мало, и это-то чувствовалъ минусинскій городской базаръ, но чувствовалъ, конечно, послѣдній. Раньше его это ощутили сами крестьяне, только теперь оцѣнившіе значеніе недосѣва. „Собралъ 200 пудовъ съ десятины, да что толку, когда только одну десятину и сѣялъ“, приходилось слышать осенью 1902 г.—и въ этихъ словахъ слышался упрекъ и внѣшнимъ условіямъ, и самому себѣ за недостатокъ энергіи въ отыскиваніи сѣменного хлѣба.

Съ далеко не обильнымъ запасомъ хлѣба, но довольно круглой суммой долговъ всякаго рода — отъ недоимокъ, продовольственной и сѣменной ссуды натурой и деньгами, очередныхъ повинностей, а, вѣроятно, и по займамъ у частныхъ лицъ—вступила значительная часть минусинскаго крестьянства въ новый экономическій годъ. Такое положеніе отразилось на второмъ актѣ продовольственной кампаніи—взысканіи ссудъ. Съ конца 1902 г. начинается взысканіе продовольственной и сѣменной ссуды—на-

турой и деньгами. Платежи поступали туго. Стали принимать „мѣры“: сельскіе старосты подвергались аресту за недостаточно-энергичное взысканіе ссудъ. Мѣры произвели свое дѣйствіе, взысканіе стало энергичнѣе, кой-гдѣ дошло до описи имущества. Со стороны крестьянъ пошли жалобы въ губернію, и оттуда, для изслѣдованія вопроса на мѣстѣ, снова былъ командированъ непремѣнный членъ губернскаго правленія. Состоялось совѣщаніе, на которомъ взялъ перевѣсъ тотъ взглядъ, что натуральную ссуду слѣдуетъ взыскать немедленно. Противъ доводовъ меньшинства, что неукоснительное взысканіе ссуды обостритъ нужду, большинство высказалось, что это опасно: пусть уплатятъ, а въ случаѣ нужды снова обращаются за ссудой. Принятое рѣшеніе грозило серьезнымъ потрясеніемъ многихъ хозяйствъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣло дошло и до продажи описаннаго имущества. Къ счастью, такіе случаи представляли результатъ исключительной ретивости, и въ общемъ административный механизмъ такъ же туго поворачивалъ свои колеса при взысканіи ссуды, какъ прежде при выдачѣ ея. Подоспѣлъ новый обильный урожай 1903 г., и положеніе поправилось. Цѣны на хлѣбъ стали понижаться и хозяйственная жизнь начала входить въ свою обычную колею.

А. Л.

Новыя данныя о русской промышленности.

Статистическая литература по русской промышленности такъ скудна количественно и качественно, что всякій новый трудъ, освѣщающій положеніе этой стороны народнаго хозяйства, заслуживаетъ особаго вниманія. Большой сборникъ, изданный отдѣломъ промышленности министерства финансовъ подъ названіемъ „Статистическія свѣдѣнія о фабрикахъ и заводахъ по производствамъ необложеннымъ акцизомъ за 1900 г.“ въ этомъ отношеніи представляетъ явленіе исключительное, будучи первой серьезной попыткой статистическаго изслѣдованія русской фабрично-заводской промышленности по широкой программѣ, выработанной при содѣйствіи значительнаго числа спеціалистовъ экспертовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и по способу полученія статистическихъ данныхъ новый трудъ представляетъ нѣкоторый шагъ впередъ въ сферѣ нашей промышленной статистики.

Вопросные бланки при посредствѣ фабричныхъ инспекторовъ вручались владѣльцамъ фабрикъ и заводовъ, по заполненіи ихъ

требуемыми отвѣтами провѣрялись на мѣстахъ фабричными инспекторами и отсылались въ отдѣлъ промышленности для дальнѣйшей обработки. Вѣдомости до разработки просматривались редакторами, при чемъ провѣрка свѣдѣній по перекрестнымъ и контрольнымъ вопросамъ давала возможность судить, въ извѣстной мѣрѣ, о достовѣрности полученныхъ свѣдѣній. Въ случаяхъ явной несообразности требовались разъясненія и дополнительныя свѣдѣнія отъ мѣстныхъ фабричныхъ инспекторовъ.

Къ сожалѣнію, собранныя такимъ образомъ данныя относятся далеко не ко всѣмъ заведеніямъ обработывающей промышленности. Изслѣдованіемъ не захвачены:

а) производства, обложенныя акцизомъ;

б) заведенія, находящіяся въ вѣдѣніи министерства госуд. имуществъ и земледѣлія;

в) заводы военнаго и морского вѣдомства;

г) заведенія, принадлежащія казнѣ, и

д) заводы и мастерскія, находящіяся въ вѣдѣніи министерства путей сообщенія.

Отъ регистраціи ускользнули также всѣ мелкія, не носящія характера фабрикъ, заведенія, имѣвшія менѣе 10 человѣкъ рабочихъ, не имѣвшія механическихъ двигателей, носившія ярко выраженный цеховой ремесленный характеръ или характеръ мелкихъ сельскохозяйственныхъ и кустарныхъ заведеній, — однимъ словомъ, всѣ тѣ заведенія, которыя находятся внѣ надзора фабричной инспекціи.

О нѣкоторыхъ изъ названныхъ отраслей крупной промышленности данныя могутъ быть отчасти пополнены по другимъ источникамъ.

Статистическій сборникъ отдѣла промышленности зарегистрировалъ въ 1900 году 12,702 заведенія по производствамъ необложеннымъ акцизомъ; заведенія эти занимали 1.343,279 человѣкъ рабочихъ обоего пола и „произвели", какъ значится въ сборникѣ, различнаго рода издѣлій на сумму 2.048.416,000 руб. На послѣдней цифрѣ необходимо остановиться.

Подъ суммой производства, т. е. оцѣнкой производительности фабрикъ и заводовъ, въ сборникѣ обычнымъ образомъ разумѣлась вся масса и стоимость продуктовъ, выбрасываемыхъ промышленными заведеніями на рынокъ, т. е. на продажу. Это количество и стоимость продуктовъ, какъ реальный фактъ, и подверглись наблюденію и учету. Между тѣмъ ясно, что при такомъ способѣ многократно засчитывалась цѣна матеріаловъ въ стоимости полуфабрикатовъ и полупродуктовъ: напримѣръ, сортовое, листовое, фасонное желѣзо, желѣзныя трубы, винты, гвозди— вошли составною частью въ паровозы, вагоны, машины, аппараты, земледѣльческія и иныя орудія и инструменты, и были, такимъ образомъ, засчитаны болѣе одного раза; полуфабрикаты

и полуиздѣлія, какъ, напримѣръ, пряжа, суровая ткань—отчуждались, какъ матеріалъ для дальнѣйшей обработки въ другихъ заведеніяхъ, и также засчитывались нѣсколько разъ, и т. д.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что приводимая въ сборникѣ „сумма производства" зарегистрированныхъ имъ фабрикъ и заводовъ въ 2.048.416,000 руб. значительно превышаетъ *дѣйствительную* производительность, если подъ послѣдней разумѣть ту *стоимость*, какую пріобрѣли тѣ или иные предметы во время процесса обработки ихъ на фабрикахъ или заводахъ.

Но какъ опредѣлить *дѣйствительную производительность* промышленности? Вѣдь часто одни и тѣ же полуфабрикаты и издѣлія, какъ, напримѣръ, пряжа, ткань, сортовое желѣзо, балки, гвозди, доски, мука и т. п., являются то предметами непосредственнаго потребленія, то матеріаломъ для другихъ издѣлій.

Интересный вопросъ этотъ можно разрѣшить съ большимъ приближеніемъ *), совершенно при этомъ не вторгаясь въ область потребленія, слѣдующимъ образомъ:

Если A есть полная стоимость товара, выпущеннаго данной фабрикой, а A^1 есть стоимость сырого матеріала и топлива, употребленныхъ на этотъ товаръ, то $A-A^1$ и есть *дѣйствительная производительность*, т. е. та стоимость, которая была создана на фабрикѣ (сырой матеріалъ и топливо свою стоимость A^1 перенесъ на новый продуктъ безъ измѣненія). Этотъ товаръ полною (рыночною) стоимостью въ A рублей можетъ, въ свою очередь, поступить въ дальнѣйшую переработку и явиться на другой фабрикѣ въ роли сырого матеріала.

Для оцѣнки производительности этой другой фабрики пришлось бы, очевидно, сдѣлать тоже самое. Безъ сомнѣнія, для оцѣнки *дѣйствительной производительности* всей обработывающей промышленности должно употребить тотъ же пріемъ: изъ общей рыночной стоимости всѣхъ товаровъ обрабатывающей промышленности вычесть общую стоимость сырья и топлива.

Примѣняя этотъ способъ исчисленія къ 1900 году, мы получимъ, что дѣйствительная производительность фабрикъ и заводовъ по производствамъ, не обложеннымъ акцизомъ, въ Европейской Россіи и на Кавказѣ, была равна:

2.048.416,000 р. — (1.353.110,000 + 101.726,000) **) р. = 593.580,000 руб., т. е. въ 3 слишкомъ раза менѣе указанной въ сборникѣ.

---

*) Точнымъ предлагаемый нами способъ нельзя считать уже потому, что, какъ видно будетъ изъ дальнѣйшаго, въ составѣ «дѣйствительной производительности» приходится оставлять, между прочимъ, расходы на освѣщеніе, ремонтъ зданій и инвентаря, каковые расходы увеличиваютъ стоимость производимыхъ издѣлій за счетъ ранѣе созданныхъ, а не вновь создаваемыхъ цѣнностей.

**) Числа, стоящія въ скобкахъ означаютъ стоимости сырого матеріала и топлива.

Для правильной оцѣнки производительности фабрикъ и заводовъ, не вошедшихъ въ сборникъ отдѣла промышленности, какъ, напр., производствъ, обложенныхъ акцизомъ, приходится пользоваться, за отсутствіемъ для этихъ заведеній полныхъ свѣдѣній о сырьѣ и топливѣ, сравнительными данными упомянутаго сборника для подобныхъ же производствъ. Путемъ сравненія возможно, напримѣръ, достаточно точно установить расходъ топлива въ производствахъ, обложенныхъ акцизомъ, а на основаніи данныхъ о сырьѣ и среднихъ цѣнахъ, приводимыхъ въ сборникѣ главнаго управленія неокладныхъ сборовъ за 1900 годъ, опредѣлить стоимость сырыхъ матеріаловъ, употребленныхъ въ этихъ производствахъ. Вся валовая стоимость продуктовъ, облагаемыхъ акцизомъ, оцѣнивается „Статистикой производствъ, обложенныхъ акцизными сборами" (Изд. Гл. упр. неокл. сборовъ) за 1900 годъ въ 411.075,000 руб. Сырые матеріалы и топливо при этомъ составляютъ сумму въ 309.000.000 руб. *); такимъ образомъ, дѣйствительная производительность названныхъ заведеній будетъ: 411.075.000 руб.—309.000,000 руб.=*102.075,000 руб.*

Наконецъ, для оцѣнки дѣйствительной производительности горно-заводскихъ предпріятій, не учтенныхъ упомянутыми выше сборниками, вполнѣ возможно принять разсчетъ, предложенный В. Е. Варзаромъ (см. „Статистическія таблицы 1892—1900 гг."), а именно, оцѣнивать производные продукты чугуна по разницѣ средней цѣны желѣза и чугуна, согласно цѣнамъ 1900 года, единообразно въ 80 к. пудъ (1 пудъ чугуна въ среднемъ стоитъ 60 к., пудъ же желѣза 1 р. 40 к.,—слѣдовательно, пріобрѣтенная стоимость на 1 пудъ издѣлія въ желѣзодѣлательныхъ производствахъ=1 р. 40 к.—60 к.=80 к.). Если примѣнить этотъ разсчетъ къ даннымъ „Сборника статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности Россіи за 1900 годъ", изд. горнымъ ученымъ комитетомъ, то получимъ, что дѣйствительная цѣнность всѣхъ ископаемыхъ (металлы, уголь и проч., за исключеніемъ рудъ), чугуна и производныхъ чугуна составляла *483.874.000 р.*

Такимъ образомъ, дѣйствительная производительность крупной русской промышленности, за исключеніемъ казенныхъ предпріятій, въ 1900 году равнялась:

1) По производствамъ, не обложеннымъ акцизомъ.	593.580,000 руб.
2) По производствамъ, обложеннымъ акцизными сборами	102.075,000**) „
и 3) По горнымъ и горнозаводскимъ предпріятіямъ	483.874,000 „
Всего	1.179.529,000 руб.

*) Сумма исчислена указаннымъ выше способомъ.

**) Акцизъ исключенъ.

Между тѣмъ, цитированные оффиціальные сборники исчисляли эту производительность въ 2.943.365.000 руб., т. е. въ $2^1/_2$ раза больше *дѣйствительной*.

Понятно, что приведенная мною цифра 1.179,529 тысячъ рублей не можетъ претендовать на совершенную точность, что явствуетъ изъ самаго способа полученія результата; на нее слѣдуетъ смотрѣть скорѣе, какъ на первое приближеніе, и лишь постольку она и должна быть отмѣчена. Говоря о дѣйствительной цѣнности продуктовъ русской промышленности, необходимо, кромѣ того, помнить, что русскія цѣны, благодаря высокимъ таможеннымъ ставкамъ, значительно преувеличены съ цѣнами міровогo рынка.

Заключающіяся въ новомъ сборникѣ отдѣла промышленности подробныя данныя объ издержкахъ производства позволяютъ не только выдѣлить для каждой вошедшей въ него группы производствъ дѣйствительную производительность изъ общей суммы производства, но и, что очень важно, прослѣдить до извѣстной степени распредѣленіе создаваемаго въ этихъ производствахъ національнаго дохода между отдѣльными классами.

Сырые матеріалы и топливо являются главнѣйшими статьями расхода. Лишь въ одной группѣ производствъ—по обработкѣ минеральныхъ веществъ,—они составляютъ 42,7% всей суммы производства; во всѣхъ же остальныхъ—бо̀льшую половину валовой стоимости издѣлій, достигая въ производствахъ по обработкѣ питательныхъ веществъ 85,6%, животныхъ продуктовъ 81,0% и въ текстильной промышленности 71,6%. Такимъ образомъ, въ громадной части производствъ на долю „дѣйствительной“ производительности приходится меньшая половина суммы, исчисляемой оффиціальною статистикою; въ нѣкоторыхъ случаяхъ доля эта составляетъ всего 14% этой суммы.

Другія „издержки производства“, между которыми сборникъ распредѣляетъ дѣйствительную производительность, таковы:

1) заработная плата,

2) администрація и служащіе,

3) освѣщеніе, содержаніе и ремонтъ зданій и инвентаря,

4) страхованіе имущества, налоги,

5) расходы въ пользу рабочихъ, какъ, напр., училища, врачебная помощь, страхованіе

и 6) разные расходы: торговые, коммиссіонные, непредвидѣнные и прибыль.

Заработная плата рабочихъ въ бо̀льшей части производствъ составляетъ примѣрно $^1/_2$ „дѣйствительной“ производительности; такъ, въ производствахъ по обработкѣ металла она равна 58,7%, минеральныхъ веществъ 56,5%, дерева 47,4%, волокнистыхъ и животныхъ веществъ—45,6—45,8%. Наинизшая доля рабочихъ—

въ производствахъ по обработкѣ питательныхъ веществъ (24,3°/o) и въ химическихъ производствахъ (28,4).

Доля администраціи и служащихъ колеблется отъ 8,8% (текстильная промышленность) до 13,7% (химическая промышленность). Расходы на освѣщеніе, содержаніе зданій и инвентаря приблизительно одинаковы и въ среднемъ составляютъ 7%. Страхованіе имущества и налоги также отличаются мало, составляя отъ 3,5% до 7,6%.

Крупная доля „дѣйствительной" стоимости произведенныхъ издѣлій приходится на нераспредѣленную часть расходовъ, каковыми являются расходы торговые, непредвидѣнные и прибыль. Часть эта тѣмъ больше, чѣмъ меньше доля рабочихъ, и наоборотъ. Такъ, въ обработкѣ металла она составляетъ 15,8°/o всей „дѣйствительной" стоимости, а въ производствахъ по обработкѣ питательныхъ веществъ — 45,8%. Для наглядности ниже приводится таблица % отношеній составныхъ частей „дѣйствительной производительности", при чемъ ради простоты заработная плата, расходы на администрацію и служащихъ, а также расходы въ пользу рабочихъ (училища, врачебная помощь, страхованіе) сведены въ одинъ столбецъ; точно также соединены вмѣстѣ смѣшанные расходы: освѣщеніе, содержаніе зданій и инвентаря, страхованіе имущества и налоги. Производства расположены въ порядкѣ уменьшенія доли рабочихъ и служащихъ и, наоборотъ, увеличенія торговыхъ расходовъ и прибыли.

Названія производствъ.	Заработная плата рабочихъ, содержаніе администраціи и служащихъ, расходы въ пользу рабочихъ.	Освѣщеніе, содержаніе зданій и инвентаря, страхованіе имущества и налоги.	Торговые, непредвидѣнные расходы, прибыль.
Обработка металла	73,7°/o	10,5%	15,8%
„ минеральн. веществъ.	69,6	13,2	17,2
„ дерева	58,6	12,3	29,1
„ волокн. веществъ . .	57,2	13,7	29,1
„ животн. „ . .	56,3	12,6	31,8
Производство бумаги	52,6	12,4	35,0
„ химическое . . .	44,1	16,0	39,9
Обработка питательныхъ продуктовъ.	36,8	17,4	45,8

Не малый интересъ представляютъ содержащіяся въ сборникѣ данныя о стоимости рабочей силы, производительности труда, стоимости оборудованія и двигателей. Предварительно необходимо сказать нѣсколько словъ о способахъ оцѣнки рабочей силы. Обыкновенно стоимость послѣдней выражаютъ въ заработной платѣ за годъ, мѣсяцъ или день. Средняя заработная плата за

годъ въ данномъ производствѣ получилась бы путемъ дѣленія всей заработной платы на все количество рабочихъ въ этомъ производствѣ. Легко замѣтить, что полученные такимъ образомъ результаты несравнимы: рабочій періодъ производства не вездѣ одинаковъ: въ однихъ производствахъ онъ захватываетъ круглый годъ, въ другихъ только часть года, даже въ различныхъ заведеніяхъ одного и того же производства этотъ періодъ не одинаковъ; такимъ образомъ, средняя заработная плата, явившаяся результатомъ дѣленія всей заработной платы на среднее за рабочій періодъ количество рабочихъ, въ одномъ случаѣ относилась бы ко времени въ годъ, въ другихъ—ко времени въ нѣсколько мѣсяцевъ. Наконецъ, и рабочій день въ разныхъ производствахъ различенъ. Совсѣмъ другое дѣло, если мы вычислимъ все *дѣйствительное количество труда*, потраченное на производство продуктовъ даннаго производства, какъ *произведеніе средняго числа часовъ за весь рабочій періодъ въ году на среднее количество рабочихъ за тотъ же промежутокъ времени.* Такой пріемъ даетъ возможность опредѣлить среднюю стоимость 1 часа труда одного рабочаго. Понятно, было бы еще правильнѣй сдѣлать среднюю оцѣнку часового труда отдѣльно мужского, женскаго и дѣтскаго. Но, къ сожалѣнію, въ сборникѣ заработная плата не расчленена.

Наивысшая средняя заработная плата приходится на обработку металла — 12,8 коп. за 1 часъ работы; въ обработкѣ дерева заработная плата равна 11,5 коп., въ химическихъ производствахъ 10,2 коп. въ часъ, въ производствѣ по обработкѣ животныхъ продуктовъ часъ труда стоитъ 9,4 коп., питательныхъ веществъ 9,0 коп. Низшій уровень заработной платы въ текстильной промышленности—7,2 коп. въ часъ. Сравненіе производительности труда, выраженной въ цѣнности созданныхъ имъ издѣлій, съ часовой оплатой того же труда приводитъ къ установленію прямой зависимости высоты заработной платы отъ производительности труда: въ тѣхъ производствахъ, въ которыхъ заработная плата наивысшая, напр., въ обработкѣ металла, дерева химическихъ и животныхъ продуктовъ, въ которыхъ она въ среднемъ составляетъ 11 коп. въ часъ, дѣйствительная цѣнность часовой производительности одного рабочаго также наивысшая въ среднемъ 25,5 коп.; наоборотъ, въ текстильной промышленности, обработкѣ минеральныхъ и бумажныхъ продуктовъ при низшей средней заработной платѣ въ 7,9 коп. въ часъ и производительность меньше—16,6 коп. Любопытно, что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ производствахъ доля рабочаго составляетъ примѣрно половину „дѣйствительно" произведенной имъ въ теченіе часа цѣнности. Отступленіе отъ этой вполнѣ понятной зависимости, представляетъ лишь обработка питательныхъ продуктовъ: въ 1 часъ труда производится здѣсь наивысшая, сравнительно съ

другими производствами, „дѣйствительная" цѣнность въ 70,1 коп., между тѣмъ стоимость труда въ этомъ производствѣ не наивысшая—всего лишь 9 коп. часъ; доля труда, такимъ образомъ, здѣсь наинизшая, равная $^1/_4$ произведенной цѣнности. Объясняется это, во первыхъ, тѣмъ, что при обработкѣ питательныхъ продуктовъ (главнымъ образомъ мукомольное производство) въ созданіи „дѣйствительной" цѣнности очень большое участіе принимаетъ двигательная сила механизмовъ, и, во-вторыхъ, еще тѣмъ, что въ этомъ производствѣ очень велики (что видно изъ приведенной выше таблицы) торговые расходы и предпринимательская прибыль.

Представлялось бы крайне интереснымъ установить ту или иную зависимость между производительностью человѣческаго труда, съ одной стороны, и богатствомъ оборудованія и размѣрами примѣненія механической двигательной силы—съ другой. Имѣющіяся въ сборникѣ данныя не позволяютъ, однако, сдѣлать на этотъ счетъ какія либо опредѣленныя заключенія. Въ нижеслѣдующей таблицѣ приведены данныя о числѣ часовъ труда, количествѣ рублей оборудованія и числѣ тысячныхъ долей лошадиныхъ силъ двигателей, приходящихся на 1 рубль „дѣйствительно" произведенной цѣнности. Производства расположены въ порядкѣ уменьшенія производительности труда.

Названіе производствъ.	Число часовъ труда.	Количество рублей оборудованія.	Число лошад. силъ двигателей въ $^1/_{1000}$ доляхъ.
1) Обработка питательныхъ веществъ	2,7	1,3	2,3
2) Химическое производство.	2,8	1,4	0,9
3) Обработка дерева	4,1	0,7	1,4
4) „ металла	4,6	0,9	1,2
5) „ животныхъ продуктовъ	4.9	0,6	0,4
6) Производство бумаги	5,2	1,6	1,8
7) Обработка волокнистыхъ веществъ	6,4	1,5	1,6
8) „ минеральныхъ производствъ	6.7	0,7	0,8

Какъ видно изъ таблицы, наиболѣе производителенъ трудъ въ производствахъ питательныхъ веществъ и химическихъ продуктовъ. При сравненіи этихъ производствъ съ обработкой дерева и металла, замѣчается прямая зависимость между оборудованіемъ и производительностью труда: чѣмъ богаче оборудованіе, тѣмъ производительнѣй трудъ рабочаго. Нельзя того же сказать относительно двигательной силы: въ химическомъ производствѣ двигательная сила примѣняется въ меньшихъ размѣрахъ, нежели при обработѣ дерева и металла, между тѣмъ по производительности труда послѣднія производства ниже. Явленіе это должно быть объяснено неодинаковостью техническихъ условій

производства. Вообще сравненіе между собою производствъ, часто весьма разнородныхъ, должно дѣлаться съ большею осторожностью, въ особенности когда рѣчь идетъ о производительности труда. Непосредственное сравненіе можетъ привести часто къ явно несообразному выводу. Такъ, при сравненіи первыхъ двухъ производствъ (питательные и химическіе продукты) съ 6-мъ и 7-мъ (бумага и волокнистыя вещества) оказывается, что производительность труда въ послѣднихъ, богаче оборудованныхъ производствахъ, вдвое меньше, нежели въ первыхъ, т. е. какъ будто бы наблюдается и обратная зависимость между производительностью труда и оборудованіемъ. Въ данномъ случаѣ сравненіе производствъ затрудняется не только различіемъ техническихъ условій производства, но и неодинаковостью состава рабочихъ: въ то время, какъ въ первыхъ двухъ производствахъ женскій и дѣтскій трудъ примѣняется весьма мало, въ текстильной промышленности процентъ женскаго и дѣтскаго труда очень высокъ—48%, и въ бумажномъ производствѣ—36%. Припомнимъ, что въ послѣднихъ производствахъ и заработная плата наинизшая. Такимъ образомъ, сравненіе упомянутыхъ производствъ скорѣе можетъ привести къ слѣдующему выводу: не смотря на богатство оборудованія и значительность примѣненія двигательной силы, производительность труда въ текстильной и бумажной промышленности значительно ниже, чѣмъ въ другихъ производствахъ, что должно быть, главнымъ образомъ, объясняемо большимъ сравнительно съ другими производствами примѣненіемъ женскаго и дѣтскаго труда, плохо оплачиваемаго и мало производительнаго.

Николай Саввинъ.

Мечтанія.

Ни для кого не тайна, что надежды на всеобщій передѣлъ и „равненіе“ земли давно уже зародились въ нашей деревнѣ. Надежды эти, не смотря на несомнѣнные, убѣдительнѣйше охлаждающіе факты дѣйствительности, продолжаютъ до сихъ поръ съ удивительной живучестью держаться въ народѣ, поддерживаясь, Богъ вѣсть, какими и, Богъ вѣсть, откуда выходящими слухами. Если вы разговоритесь въ вагонѣ желѣзной дороги, на пароходѣ, у монастырской ограды съ мужикомъ, разговоритесь въ такое время, когда у него есть досугъ, когда онъ не „бьется“, не „умираетъ“ на работѣ, и разговоритесь не какъ „баринъ“, не тономъ снисходительнаго превосходства, не съ скучающимъ видомъ, показывающимъ, что вы затѣяли разговоръ „такъ“, „отъ

нечего дѣлать", а съ капелькой вниманія къ собесѣднику, интереса къ его выводамъ, положеніямъ, наблюденіямъ, къ его нуждамъ, то вы непремѣнно услышите среди разговора слухи о „нарѣзкѣ", о „равненіи" земли.

— Теперя вотъ слыхали,— наклоняясь въ вашу сторону и понизивъ голосъ, конфиденціально сообщить вамъ собесѣдникъ:— въ Самарѣ, баютъ, вышло равненіе. Наши пришли по осени съ Волги, сказывали,— бумага пришла объ этомъ... чтобъ нарѣзывать землю...

И вамъ невозможно будетъ разубѣдить его, доказать, что слухи эти ложны, что имъ не слѣдуетъ придавать никакого значенія. Вашъ собесѣдникъ приведетъ вамъ столько соображеній въ пользу *необходимости* нарѣзки, выкажетъ передъ вами, особенно, если онъ довѣряетъ вамъ, „какъ своему брату", такую твердую, непоколебимую увѣренность въ неизбѣжности этой „нарѣзки" и „равненія", что вы сами въ концѣ концовъ начнете, если не вѣрить, то соглашаться съ его вѣрою. „Нарѣзка" и „равненіе" при теперешнемъ все прогрессирующемъ безземельѣ мужика дороги ему, хотя бы какъ мечта о будущемъ золотомъ вѣкѣ, когда ему можно будетъ „передохнуть", „поправиться", мечта, на которой можно время отъ времени отдохнуть душою.

И эти мечты о землѣ, о „нарѣзкѣ" вы встрѣтите не только у мужика, этого прирожденнаго поклонника земли, „ржаного поля", но и у мѣщанина, ремесленника, мелкаго торговца и прочаго безземельнаго, кое-какъ перебивающагося люда, давно уже порвавшаго непосредственную связь съ землею и, казалось бы, ничего общаго не имѣющаго съ „нарѣзкой". Мечты о нарѣзкѣ о „своей землѣ", у этого люда сильны и ярки не менѣе, чѣмъ у мужика. И чѣмъ тяжелѣе живется человѣку, чѣмъ больше ему приходится „биться" изъ за куска хлѣба, тѣмъ сильнѣе мечтаетъ онъ о землѣ, тѣмъ съ большимъ нетерпѣніемъ ждетъ „нарѣзки", какъ избавленія отъ „каторжной жизни", тѣмъ съ большимъ вниманіемъ прислушивается онъ ко всякимъ слухамъ и толкамъ объ этой нарѣзкѣ. Мнѣ однажды пришлось сильно удивиться, натолкнувшись въ одномъ глухомъ степномъ хуторѣ Донской области на такое страстное ожиданіе земли торговымъ мѣщанскимъ людомъ.

На Дону, въ каждомъ, даже самомъ маленькомъ глухомъ хуторишкѣ непремѣнно встрѣтится человѣкъ, именующій себя при сношеніяхъ съ предержащими властями прежде всего „иногороднимъ", и потомъ уже выясняющій болѣе подробно свое настоящее званіе: такой-то губерніи, уѣзда, города мѣщанинъ или крестьянинъ... Такой „иногородній" человѣкъ въ большинствѣ случаевъ лицо торговое: лавочникъ, дегтярь, шерстепикъ, хлѣбникъ, вообще „масъ", — лицо, кормящееся около казака земледѣльца, удовлетворяющее его хозяйственнымъ нуждамъ. Этотъ торговый людъ, за немногими исключеніями, выходцы изъ сѣверныхъ и,

преимущественно, среднихъ губерній. Безземелье, нужда, безхлѣбье, отсутствіе дѣлъ выгоняютъ его изъ „Расеи", изъ дому и послѣ долгихъ мытарствъ загоняютъ на Донъ.

Особенно большой наплывъ „иногороднихъ" сталъ замѣчаться на Дону въ послѣднія десять—пятнадцать лѣтъ, вмѣстѣ съ расширеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ въ средней полосѣ Россіи. Каждая новая желѣзнодорожная вѣтка, образовавъ новые пункты торговли, новые рынки сбыта, оставляла въ сторонѣ не у дѣлъ, много старыхъ торговыхъ мѣстъ, стянувшихъ уже около себя массу торговаго и промышленнаго люда, „обсидѣвшагося", „пустившаго корни" на этихъ старыхъ мѣстахъ. Весь этотъ людъ, оставшись въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, поставленный въ невозможность конкуррировать съ новыми мѣстами, вмѣстѣ съ упадкомъ торговли, съ переводомъ покупателя, скоро очутился въ положеніи, характеризуемомъ словами: „хоть ложись и помирай".

Однако, „умирать" было какъ-то неловко, „неподручно" и непривычно для этого люда, привыкшаго къ бойкой торговой базарной сутолокѣ. И онъ не умеръ, не перевелся. Пообглядѣвшись и „привѣсившись" къ „новымъ временамъ", онъ и самъ началъ пробовать пристраиваться къ новымъ дѣламъ, потянулся на „новыя мѣста". А такъ какъ всѣ, болѣе или менѣе „хлѣбныя" мѣста были уже заняты, и такъ какъ онъ уже стронулся съ насиженнаго мѣста, возвращаться на которое не было ни возможности, ни смысла, то онъ, попытавъ счастья въ нѣсколькихъ мѣстахъ „по близости, въ своей округѣ", скоро предавалъ свою судьбу всецѣло „въ руки Божіи" и шелъ дальше, „не глядя", не выбирая, руководствуясь единственной цѣлью „приткнуться" и единственнымъ соображеніемъ „куда вынесетъ". Нужда, отсутствіе заработка, „дѣла", тоска, своего рода „зудъ" по этому дѣлу, невозможность не только сколько нибудь прочно основаться на новыхъ мѣстахъ, но и приткнуться „мало-мало сносно,"—перегоняли его съ мѣста на мѣсто и послѣ долгихъ, иногда очень долгихъ мытарствъ загоняли на Донъ, гдѣ по расказамъ, разукрашеннымъ его досужей и голодной фантазіей, чуть ли не молочныя рѣки, берега кисельные, а земли—„завались", „по самое горло". Онъ помнилъ, что еще въ то время, какъ „подъ турку ходили", сватовъ своякъ присылалъ письмо съ Дону, въ которомъ рисовалъ все житье на Дону словами „благодать Божія".

„А житье у насъ на Дону къ любопытству вашему,—сообщалъ своякъ послѣ поклоновъ:—ничего, слава Богу. Занимаемся теперь краснымъ товаромъ и по бакалейной части. А сейчасъ овца подошла, беремъ. А ситецъ у насъ кубовый морозовскій, двугривенный торгуемъ. Цѣна стоитъ крѣпкая... Вотъ бы вамъ, братецъ, Иванъ Петровичъ, тоже переѣхать, въ компаніи торговать бы стали. Потомъ китайка да кумачъ больше идетъ. Бязь тож въ цѣнѣ теперь..."

Припоминался ему также и самъ свякъ, и его разсказы про Донъ, когда онъ пріѣзжалъ послѣдній разъ „въ Расею“ провѣдать своихъ. Свякъ выглядѣлъ купцомъ, собирался въ Нижегородскую, сорилъ деньгами и, говорили, живетъ теперь хорошо. Самъ свякъ хвастался тогда житьемъ, разсказывалъ о баснословной дешевизнѣ шкуръ, хлѣба, пера, пуха, овецъ, и о еще болѣе басословной дороговизнѣ аршина китайки.

Вся эта „благодать“, сообщенная тогда свякомъ „къ любопытству“ и принятая именно, какъ интересная подробность—„чего не бываетъ на бѣломъ свѣтѣ!“—теперь припоминалась ему, разжигала его воображеніе и рисовала самыя свѣтлыя перспективы въ будущемъ,—возможность „отдышаться“, „поправиться“, „передохнуть“.

И вотъ онъ шелъ на Донъ съ самыми розовыми надеждами и широчайшими ожиданіями и шелъ, большею частью, съ однимъ кнутомъ въ рукахъ.

На первыхъ порахъ такой людъ обыкновенно начиналъ свое житье-бытье въ большихъ придонскихъ торговыхъ станицахъ. Нѣкоторымъ удавалось пристроиться въ молодцы къ какому нибудь изъ мѣстныхъ торговцевъ, большинство же, поставленное въ невозможность конкуррировать съ мѣстными, твердо усѣвшимися и „пріучившими“ уже покупателя торговцами и руководимое страстнымъ нетерпѣливымъ желаніемъ урвать поскорѣе, „сразу“, „отчаливало“ изъ станицы въ какой нибудь глухой хуторъ, гдѣ можно было бы вести торговлю одному безъ конкуррентовъ и гдѣ, самое главное, можно было бы „на грошъ пятаковъ намѣнять“.

Но такихъ счастливыхъ „удачливыхъ“ мѣстъ въ послѣднее время становилось все меньше и меньше. И въ самыхъ глухихъ углахъ начала появляться конкурренція, и „благодать“, обрисованная свякомъ, перестала быть тою благодатью, при которой отъ чистаго сердца можно было сказать: „жизнь—умирать не надо!“... Казакъ уже былъ немного „обученъ“ предшественниками, во времена свяка поживившимися тутъ вволю. Онъ уже началъ привыкать „жить съ оглядкой“, пріучился считать на сотни, отвѣшивать пудами и фунтами, а не горстью; у него уже завелись и вѣсы, и пружинный „кентарь“—безмѣнъ, и казенная, вывѣренная мѣра; по пути „опаски и оглядки“ онъ дошелъ до сознанія необходимости „съ нынѣшнимъ народомъ“ писать росписки и свидѣтельствовать ихъ въ правленіи у атамана. Аршинъ ситцу не былъ уже такою рѣдкостью въ хуторѣ, чтобы можно было за этотъ аршинъ вымѣнять мѣшки хлѣба и потомъ „еще нажить“ и на этихъ мѣшкахъ. Хлѣбъ, шерсть, перо, пухъ уже нельзя стало купить „чохомъ“, „на глазокъ“... Прежній престижъ „торговаго“ упалъ. Появленіе торговаго на хуторѣ уже не производитъ сенсацію, перестало быть для хутора событіемъ, собиравшимъ около него все населеніе; ночлегъ торговаго во дворѣ не-

ресталъ уже считаться честью для хозяевъ двора; съ торговаго стали брать за ночлегъ, за сѣно, овесъ, самоваръ; „торговымъ“ перестали уже пугать разбаловавшихся ребятишекъ.

— Ужъ и ребятишки не боятся!—говорилъ мнѣ съ огорченіемъ одинъ такой „торговый“, жалуясь на новыя времена и характеризуя этимъ „нонѣшній, поумнѣвшій народъ“.

Урвать „сразу“ по „теперешнимъ временамъ“ стало невозможнымъ. Пришлось сжиматься, перебиваться съ хлѣба на воду, сколачивать по копѣйкѣ, работая, не покладая рукъ, и плутуя по мелочамъ, а мечты и ожиданія „поправиться“ отложить на неопредѣленное время въ дальній уголъ.

Нѣкоторые, незначительное меньшинство,„ выбиваются въ люди“, большинство же остается тѣмъ же, чѣмъ и было, продолжаетъ кое какъ „сводить концы съ концами“, чуть не голодаетъ, завидуетъ немногимъ сумѣвшимъ выбиться счастливцамъ, иногда негодуетъ, клевещетъ и объясняетъ свою неудачу и чужой „успѣхъ какимъ-то фаталистическимъ „повезло“, „полоса“, „въ полосу попалъ“.

Мнѣ приходилось встрѣчать такого „торговаго“, завѣтною и, судя по сокрушенному тону, трудно достижимою цѣлью котораго было—„зашибить десятку“.

— Мнѣ бы только десяточку, кадила раздуть! — говорилъ онъ:—А тамъ бы я пошелъ...

И онъ строилъ широчайшіе и удивительно стройные планы дальнѣйшаго благополучія. Весь его товаръ помѣщался на маленькихъ ручныхъ салазкахъ, вродѣ тѣхъ, что служатъ ребятамъ для катанія съ горъ Казалось бы, положеніе купца, весь наличный товаръ котораго не превышалъ стоимостью „трешницы“, не должно бы было возбуждать иного чувства, кромѣ жалости и состраданія къ такой „оплаканной“ торговлѣ, однако находились другіе „торговые“, которые съ завистью смотрѣли на Андреяна.

— Вишь ты,—Андреянъ то: семь цалковыхъ, говоритъ, выручилъ за недѣлю, и половина товару цѣла!—указывалъ на него другой купецъ, размечтавшійся о возможности „зашибить деньгу“, и указывалъ не съ ироніей, а съ самымъ серьезнымъ, почтительно-завистливымъ видомъ, съ мыслью, что Андреяну „везетъ“.

Это „везетъ“, „полоса“ являясь перефразировкой „случая“, „судьбы“, даетъ всетаки тѣмъ, кому „не повезло“, возможность реабилитировать себя, хотя бы въ своихъ собственныхъ глазахъ, легче смотрѣть на свѣтъ Божій и мечтать о праздникѣ на своей улицѣ, все о томъ же „передохнуть“.

Мечты эти, задавленныя суровой дѣйствительностью, вспугнутыя рѣзкимъ контрастомъ настоящаго Дона съ воображаемыми кисельными берегами, отложенныя въ дальній уголъ, время отъ времени всплываютъ наружу, всплываютъ какъ-то періодически,

сразу у всѣхъ и порождаютъ въ средѣ этого пришлаго, „иногороднаго“, безземельнаго и безденежнаго люда горячіе толки, новыя надежды на близкое болѣе свѣтлое будущее.

На одну изъ такихъ вспышекъ надежды на перемѣну обстоятельствъ и пришлось мнѣ натолкнуться въ глухомъ степномъ хуторѣ Донской области.

II.

Заѣхалъ я какъ-то зимой по дѣлу въ хуторъ Базной. Вмѣсто того, чтобы кончить всѣ дѣла въ два дня и уѣхать обратно, мнѣ пришлось проторчать въ хуторѣ недѣли полторы. То то, то другое... То пріятелю моему нельзя отлучиться со мной, а безъ него я, какъ безъ рукъ, то мятель поднялась—„носа высунуть нельзя“, то помѣщикъ, съ которымъ я имѣлъ дѣло, выѣхалъ экстренно въ окружную станицу и просилъ подождать его денька два, растянувшіеся въ цѣлыхъ пять.

Если вы жили зимою въ деревнѣ, то вы поймете ту скуку, тоску, которая охватила меня въ концѣ концовъ. Ни книгъ, ни газетъ, ни сколько-нибудь сноснаго общества. Съ пріятелемъ мы другъ другу на третій уже день надоѣли до смерти. Одно и то же, тѣ же разговоры, что я слышалъ мѣсяца два тому назадъ, тѣ же остроты, тѣ же прибаутки за третьей рюмкой, которыя я знаю наизусть,—новости вродѣ того, что Арина вышла замужъ, а Иванъ Евтѣичъ умеръ, быстро исчерпались,—и на третій уже день по пріѣздѣ меня охватила тоска, та безпредметная, тупая тоска, при которой вы не можете ни работать, ни думать, ни гулять, при которой все вамъ кажется такимъ ненужнымъ, лишнимъ и которая все сильнѣе и сильнѣе разгорается отъ окружающей васъ тишины и безлюдья...

Тоска, невыносимая тишина въ этомъ маленькомъ, такомъ уютномъ, жарко натопленномъ домикѣ выгнали меня какъ-то вевечеромъ изъ дому. Захотѣлось „на люди“, захотѣлось непринужденнаго бойкаго разговора, шума, смѣха, оживленія, и я пошелъ къ знакомому торговому, Петру Ивановичу Козлову, зная, что, если онъ дома, непремѣнно застану у него кого нибудь изъ иногородныхъ.

Петръ Ивановичъ сидѣлъ за столомъ и пилъ чай. Вмѣстѣ съ нимъ „чайничали“ еще двое иногородныхъ—его сосѣди: Василій Ѳедосьевичъ, старикъ лѣтъ 80, извѣстный болѣе подъ кличкой дѣда Василія, старый „вѣковой“ торговый, лѣсъ сорокъ ходившій съ коробкой по Дону и знавшій „свои мѣста“, какъ пять пальцевъ, и Прокунинъ „дегтярь“, крѣпкій, сильный и угрюмый человѣкъ, настойчиво, по щепочкѣ сколачивавшій свое благосостояніе. Я хорошо зналъ ихъ всѣхъ, такъ какъ, случалось, по-

долгу живалъ въ этомъ хуторѣ, и они знали меня и смотрѣли на меня, какъ на „своего человѣка“.

Когда послѣ обычныхъ разспросовъ про здоровье, дѣла, житье и отвѣтовъ, вродѣ „ничего, слава Богу.. живемъ, хлѣбъ жуемъ“, я усѣлся къ столу и мнѣ налили стаканъ крѣпкаго, какъ кофе, чаю, дѣдъ Василій обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Ну, ты тамъ въ городахъ живешь—ближе нашего слышишь, что о землѣ чево говорятъ?

— О какой землѣ?

— А что нарѣзка будетъ?

Вопросъ удивилъ меня. Если я прежде встрѣчался съ толками о землѣ, о нарѣзкѣ, то встрѣчался съ ними у мужиковъ, для которыхъ земля была непосредственной „поилицей—кормилицей“, теперь же меня поразило больше всего то обстоятельство, что о „нарѣзкѣ“ заговорилъ дѣдъ Василій, котораго я зналъ, какъ именно „вѣкового“ торговаго, всѣ разговоры котораго вертѣлись прежде исключительно на торговлѣ, на дѣлахъ, на способѣ „заработать“.

— Ничего не знаю. А развѣ вы ждете земли?

— Ка-акъ же! Землю, матушка моя, нарѣзывать безпремѣнно будутъ... равненіе, стало быть, выйдетъ всѣмъ.

— Какую же землю?

— Такую. Панскую. Ай не слыхалъ вовсе? Давно ужъ баютъ про это... отъ пановъ отберутъ землю, а потомъ и раздѣлятъ поровну.

— Болтаютъ по двадцати десятинъ?..—полувопросительно вставилъ Петръ Иванычъ.

Прокунинъ засмѣялся.

— Ты чего?—ревниво уставился на него дѣдъ Василій.

— Да какъ же!? по двадцати десятинъ!

— Ну?

— Дожидайся!

Прокунинъ хлебнулъ изъ блюдечка, фыркнулъ еще разъ и закашлялся. Кашляя, онъ порывался сказать еще что-то и только махалъ рукой по направленію дѣда Василія, останавливая готовое у того сорваться возраженіе.

Прокунинъ, какъ видно, плохо вѣрилъ въ нарѣзку, хотя и не разъ слыхалъ о ней. Это былъ человѣкъ, много видавшій, много извѣдавшій „своей шкурой“, какъ онъ выражался, съ недовѣріемъ относившійся ко всему, что носило характеръ оффиціальной мѣры или распоряженія, хотя бы это распоряженіе было направлено всецѣло на улучшеніе участи его, Прокунина. Во всемъ онъ видѣлъ, если не прямо налогъ, бьющій его по карману, то, во всякомъ случаѣ, новое средство для выбиранія у него денегъ засѣдателемъ или атаманомъ и съ этой точки зрѣнія оцѣнивалъ всякія касавшіяся его реформы и мѣропріятія.

— Попомните мое слово, даромъ это вамъ не пройдетъ! — угрожалъ онъ собесѣдникамъ по поводу новаго устава о паспортахъ:—Какъ бы хуже не вышло! То въ волости тебя водили, а теперь и засѣдатель поводитъ.

— Да пойми ты, дурья голова, что отсрочка,—разъясняли ему собесѣдники:—Марку на шесть мѣсяцевъ!

— Знаемъ! Марку!!. то-то оно и есть. Поди-ка ты за маркой, сунься-ка! Что онъ тебѣ запоетъ? А—а! Тутъ-то онъ тебя досыта поводитъ...

Понятно, что при такомъ взглядѣ на все, исходящее сверху, ему плохо вѣрилось въ возможность передѣла, въ возможность имѣть когда-нибудь „свой" надѣлъ, „свою" землю, хотя бы и хотѣлось вѣрить.

— Какъ же ты отберешь у пановъ землю, когда она ихняя?— спросилъ онъ, откашлявшись.

— Какъ отнять? Вона! крестьянъ отняли же, не поглядѣли?! А то...

— Откуда вы все это взяли?—спросилъ я.

— Сорока на хвостѣ принесла,—иронически вставилъ Прокунинъ и снова засмѣялся:—И выдумаютъ же люди... землю!

— Нѣтъ, ты миленькій, не говори такъ,—съ ажитаціей заговорилъ дѣдъ Василій:—не сорока, а люди говорятъ... Вѣрно это... гласъ народа... Вонъ я молодымъ еще былъ, съ коробкой хаживалъ, такъ старикъ одинъ говорилъ мнѣ.. древній такой старикъ былъ,—книжки все читалъ... Зашелъ я къ нему, сижу вотъ такъ, какъ съ тобой бы теперь. Онъ читалъ, читалъ и говоритъ:—Вотъ, говоритъ, Василій, придетъ время огненные жеребцы будутъ бѣгать, да, говоритъ, весь свѣтъ веревкой опутаютъ. — Я и засмѣялся:—какъ же такъ, говорю, дѣдушка, такая-то чушь и писана въ книгахъ?—Писана, мой сударикъ, писана...—Какъ же, спрашиваю, они будутъ бѣгать, а балки, теперь, рѣки?—Ну, ужъ не знаю, говоритъ, а только будутъ бѣгать.. Мнѣ не доведется увидать, не доживу може, а ты увидишь... Оно и правда, такъ и вышло...

Внушительно звучало въ устахъ дѣда Василія это подтвержденіе положенія „гласъ народа"; отъ его внушительной сѣдобородой фигуры, отъ его спокойной увѣренности, отъ этихъ образовъ „огненныхъ жеребцовъ", подсказанныхъ какой-то невѣдомой книгой, вѣяло чѣмъ-то мистическимъ, непонятнымъ, вселяло немного жуткое, робко-почтительное чувство предъ той таинственной лабораторіей, въ которой отлились и созрѣли и эти образы, и эта увѣренность... Даже Прокунинъ не нашелъ что возразить противъ очевиднаго исполненія пророчества.

— Да вотъ теперь, говорятъ, всѣхъ казаковъ въ мужики повернутъ,—вмѣшался Петръ Иванычъ:—Мнѣ Мартынъ съ Гнилой рѣчки разсказывалъ. Перво на перво казаки, говоритъ, на майскую

не пойдутъ, а потомъ у нихъ и лаппасы сымутъ... Такъ оно и есть: нынѣшній годъ очередные не ходили въ лагери, а потомъ и лаппасы... дойдетъ!

— Погляжу я на васъ — и умный вы народъ собралися! — вмѣшалась жена Петра Иваныча, молча доселѣ перетиравшая чашки: — право! то есть умникъ на умникѣ...

— А что?

— Ничего, такъ я... сидимъ, сложа руки, да хочемъ, чтобы само въ ротъ валилось.

— Ты къ чему это?

— Да вотъ все къ тому же... объ землѣ объ этой. Замѣсто того, чтобы дѣло дѣлать, они лясы точутъ, земли дожидаются. На кой рожонъ земля-то вамъ?! Вы и съ своимъ дѣломъ управится не умѣете, а туда же... Ты, вонъ, сколько за мѣсяцъ-то заработалъ?—неожиданно перевела она разговоръ изъ области предположеній на фактическую почву.

Петръ Иванычъ заерзалъ на стулѣ:—Сколько бы не заработалъ, не объ томъ рѣчь у насъ.

— То-то вотъ оно и есть, такъ вотъ и всегда. Люди дѣло дѣлаютъ, копѣйку наживаютъ, а мы сидимъ... Сидите, батюшка, сидите, авось досидитесь до сумы.

— Да ты что, въ самомъ-то дѣлѣ, — запротестовалъ Петръ Иванычъ:—сыта вѣдь?!

— Что жъ что сыта?! Не ты вѣдь накормилъ? Кабы не работала сама, тоже насидѣлась бы голодная... И что за народъ, братцы мои!?—начала она уже тономъ причитанья, ни къ кому изъ насъ не обращаясь:—лежебокъ на лежебокѣ; хоть травушки не рости,—имъ все одно... Мой, вонъ, цѣлый мѣсяцъ на хутора и не заглядывалъ...

— Да чего ты на хуторахъ не видала? Какой дуракъ тебѣ теперь поѣдетъ?—тономъ отчаянія уже выкрикнулъ Петръ Иванычъ.

— Сидѣть лучше, оно конечно...

— Нѣтъ вотъ, пойду по первому сну, авось пошлетъ Господь..

— Голоштанники! Кругомъ ничего. Приходъ-то полтора, а расходу три... Колотилась вѣкъ...

— Ну, слова сказать нельзя—поѣхала!.. Работнику лучше.

— Туда же землю имъ дадутъ! Какой дуракъ, прости Господи, землю то вамъ дастъ.

— Найдутся, мамушка моя, дадутъ,—сдержанно, ласково отвѣтилъ Василій Ѳетисьевичъ.

— Поглядѣла бы я...

— Въ самомъ дѣлѣ, Василій Ѳетисьевичъ,—спросилъ я:—кто же задумалъ отобрать землю?

— Видишь ты,—началъ онъ:—въ шестомъ году еще ждали мы землю-то, да не вышло тогда... списковъ, вишь, не было...

А потомъ и списки составлять почали: перепись, знаешь, была... Тоже вѣдь надо понимать это — что къ чему: и младенцевъ, и всѣхъ...

Народная мысль, хотя ощупью, но всетаки разбиралась я очевидно, въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ, по своему осмысливая ихъ, освѣщая съ своей точки зрѣнія и группируя около „своей" желанной цѣли.

— Силой что-ль, по твоему, отберутъ землю-то?—спросилъ Прокунинъ:—Поди ка, вонъ, тронь у казака,—какъ онъ тебѣ фыркнетъ?!

— Нѣ-е. Какъ можно, моя мамушка, силой?! Силой ничего не возьмешь. Сами отдадутъ землю... Вотъ кабы, къ примѣру, всѣхъ раздѣться заставили,—всѣ бы раздѣлись, а ты нѣтъ. Тебѣ и скажутъ: что же ты, молъ, батюшка, Яковъ Семеновичъ, не раздѣваешься? Видишь вѣдь—всѣ раздѣвши? Ну, покрутишься, покрутишься—раздѣнешься! Нельзя иначе будетъ, коли всѣ раздѣвши... Такъ-то... сами, а силой—нельзя...

— Вѣдь панамъ—имъ на 49 годовъ земля то дана,—продолжалъ дѣдъ Василій:—какъ 49 годовъ пройдетъ, такъ и отберутъ землю всю въ козну, а потомъ и нарѣзка всѣмъ выйдетъ. Оно это давно ужъ идетъ, все такъ и подстроено.... Потому иначе и нельзя.

— Д-да-а, — протянулъ задумчиво Прокунинъ: — Хитро... А можетъ и правда оно такъ будетъ?! Давай-то, Богъ!..

И на него, видно, подѣйствовала наивная, но глубокая и страстная вѣра дѣда Василія и Петра Иваныча въ „нарѣзку". Только онъ уже до самаго ухода не фыркалъ, не возражалъ, а сидѣлъ, насупившись, ушелъ въ себя...

Поздно ночью мы съ Прокунинымъ вмѣстѣ вышли отъ Петра Иваныча. Идти намъ было по дорогѣ. Прокунинъ молча, сердито-задумчиво шагалъ размѣренными шагами, словно отмѣривалъ пройденное разстояніе. Я тоже молчалъ.

— Да-а...—сказалъ вдругъ Прокунинъ, какъ будто заканчивая какую то мысль, и, помолчавъ, добавилъ со вздохомъ:—А завтра на хутора собираться надо... щетина пойдетъ теперь... Прощайте, С. Я. Бывайте здоровы.

— Прощайте, Прокунинъ.

Прокунинъ свернулъ въ переулокъ, и скоро его фигура затерялась во мракѣ...

С. Арефинъ.

Хроника внутренней жизни.

I. Заявленія новаго министра внутреннихъ дѣлъ.—Отклики, вызванные этими заявленіями въ общественныхъ учрежденіяхъ и въ печати.—Программа, создаваемая принципомъ довѣрія къ населенію.— Перемѣны въ составѣ и организаціи центральныхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ.—Сообщенія министерства внутреннихъ дѣлъ.—II. Рѣчь министра народнаго просвѣщенія и новый приступъ къ школьной реформѣ.—III. Извѣстія изъ неурожайныхъ мѣстностей.—IV. Правительственныя распоряженія и сообщенія.—Правительственныя сообщенія относительно Финляндіи.—Административныя распоряженія по дѣламъ печати.

I

Должность министра внутреннихъ дѣлъ, остававшаяся вакантною въ теченіе шести недѣль послѣ смерти статсъ-секретаря Плеве, съ конца августа вновь замѣщена. Высочайшимъ указомъ 26 августа на эту должность назначенъ кн. Святополкъ-Мирскій, бывшій уже при покойномъ министрѣ Сипягинѣ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и командиромъ корпуса жандармовъ, а въ послѣдніе годы занимавшій мѣсто виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генералъ-губернатора. Среди различныхъ вѣдомствъ и учрежденій, составляющихъ русскій государственный механизмъ, министерство внутреннихъ дѣлъ съ давнихъ поръ играетъ наиболѣе видную роль, за послѣднее же время эта роль еще болѣе обострилась. Неудивительно поэтому, что назначеніе новаго руководителя названнаго министерства, въ переживаемый страною критическій моментъ, вызвало въ обществѣ и въ печати многочисленные комментаріи, принявшіе особенно оживленный характеръ послѣ того, какъ вновь назначеннымъ министромъ было сдѣлано нѣсколько заявленій, болѣе или менѣе выясняющихъ предположенную имъ программу дѣйствій.

Нельзя не признать характернымъ то обстоятельство, что первыя заявленія такого рода были сдѣланы новымъ министромъ представителямъ иностранной прессы. Въ петербургскихъ газетахъ была, между прочимъ, перепечатана любопытная бесѣда, веденная кн. Святополкъ Мирскимъ непосредственно послѣ его назначенія на постъ министра съ однимъ изъ такихъ представителей, петербургскимъ корреспондентомъ „Echo de Paris". „Большихъ перемѣнъ во внутренней политики Россіи—заявилъ въ этой бесѣдѣ министръ, отвѣчая на вопросъ корреспондента,—не будетъ; но я намѣренъ слѣдовать программѣ, намѣченной въ манифестѣ имп. Николая II, обнародованномъ въ февралѣ 1903 года. Опираясь на основныя начала, указанныя моимъ государемъ, я постараюсь проявить въ моихъ дѣйствіяхъ истинный и широкій

либерализмъ, поскольку этотъ послѣдній не противорѣчитъ установленному порядку правленія. Какъ провинціалъ, любящій провинцію, я рѣшительный сторонникъ децентрализаціи. Я полагаю, что не всѣ вопросы должны рѣшаться въ Петербургѣ. Я выполню намѣренія государя, давъ провинціальнымъ общественнымъ собраніямъ, земствамъ, возможно болѣе полномочій для рѣшенія, согласно съ желаніями населенія, всѣхъ вопросовъ, касающихся школъ, продовольствія, устройства путей сообщенія и т. п. Мы дадимъ земствамъ самую широкую свободу, какую только возможно предоставить этимъ собраніямъ, представляющимся столь схожими съ вашими conseils généraux. Наше внутреннее положеніе не критическое, но запутанное. Къ чему это отрицать? Но хорошей организаціей земства и городского управленія можно достигнуть многаго". На замѣчаніе корреспондента, что онъ слышалъ, будто Россіи нужны отвѣтственные министры, кн. Святополкъ Мирскій отвѣтилъ вопросомъ: „Отвѣтственные передъ кѣмъ? Они зависятъ исключительно отъ императора, который царствуетъ милостію Божіей. Нужно оставить министрамъ ихъ настоящую роль, которая состоитъ въ исполненіи воли государя. Всякая другая отвѣтственность была бы искусственной и номинальной. Я—продолжалъ министръ въ отвѣтъ на дальнѣйшіе вопросы корреспондента—врагъ религіозныхъ преслѣдованій и сторонникъ возможно большей свободы совѣсти съ нѣкоторыми ограниченіями. Впрочемъ, уже много сдѣлано въ этомъ направленіи въ послѣдніе годы въ Россіи. Я буду продолжать осуществленіе этой задачи, которая имѣетъ цѣлью возможность мирнаго сосуществованія различныхъ вѣроисповѣданій въ обширной имперіи... Я не врагъ евреевъ, но, если-бы дать имъ полную свободу, они могли бы вскорѣ сдѣлаться слишкомъ преобладающими. Я намѣренъ относиться къ нимъ очень благосклонно и улучшить бытъ бѣдныхъ еврейскихъ классовъ. Добротой можно добиться счастливыхъ результатовъ... Мы должны бороться съ террористами, но лично я намѣренъ не проявлять чрезмѣрной строгости въ отношеніи къ молодежи, заблужденія которой часто сопровождаются раскаяніемъ" *).

Немного погодя въ русскихъ газетахъ были напечатаны извлеченія изъ бесѣдъ кн. Святополкъ - Мирскаго съ петербургскимъ корреспондентомъ „Berliner Local - Anzeiger" и съ представителемъ американской „Associated Press". Въ первой изъ этихъ бесѣдъ министръ, по поводу затронутаго корреспондентомъ вопроса о національностяхъ въ Россіи, замѣтилъ: „Приходится ли теперь еще говорить о различіи національностей, когда всѣ, безъ исключенія и не взирая на вѣроисповѣданіе, готовы положить свою жизнь за честь и славу нашей

*) „Н. Время", 1 сентября; „Русь", 2 сентября 1904 г.

общей родины? Всѣ они русскіе безъ исключенія". По поводу поднятаго въ той же бесѣдѣ вопроса о положеніи русской печати министръ заявилъ, что, „хотя у насъ и не можетъ быть рѣчи о неограниченной свободѣ печати, но тѣмъ не менѣе чувствуется необходимость въ большей свободѣ и свѣжей струѣ воздуха, и въ этомъ направленіи многое уже сдѣлано" *). Въ бесѣдѣ же съ съ представителемъ „Associated Press" министръ, между прочимъ, сказалъ, что „его сильно интересуетъ положеніе евреевъ, что онъ внимательно изучилъ серьезный характеръ этого вопроса и знаетъ, какъ трудно разрѣшить его. Недавній указъ расширилъ права евреевъ относительно черты осѣдлости и выбора занятій. Однако положеніе бѣднѣйшихъ классовъ еврейскаго населенія еще очень тяжелое; они ограничены правомъ пребыванія въ городахъ и мѣстечкахъ въ предѣлахъ черты осѣдлости. Лучшее, что можно для нихъ серьезно желать, это—дать имъ широкій выборъ существованія и работы" **).

Нельзя сказать, чтобы приведенныя сообщенія грѣшили чрезмѣрной опредѣленностью и ясностью. Тѣмъ не менѣе они, повидимому, были признаны недостаточно удовлетворительными именно въ этомъ послѣднемъ смыслѣ. По крайней мѣрѣ, вслѣдъ за появленіемъ этихъ сообщеній въ русской печати и, какъ бы въ противовѣсъ имъ, на страницахъ газеты „Русь" былъ помѣщенъ отчетъ о любопытной бесѣдѣ репортера названной газеты съ кн. Святополкъ-Мирскимъ, бесѣдѣ, начатой косвеннымъ опроверженіемъ приведенныхъ выше сообщеній. „Въ иностранныхъ газетахъ—заявилъ репортеру „Руси" министръ—появилось нѣсколько бесѣдъ корреспондентовъ этихъ газетъ со мной. Эти бесѣды вызвали много толковъ, пожалуй, даже слишкомъ много. Долженъ признаться, что меня эти бесѣды не удовлетворили, такъ какъ онѣ не совсѣмъ точно передали мои взгляды. Я не думаю упрекать корреспондентовъ, ибо ихъ личной вины тутъ мало. Иностранцы вообще насъ не совсѣмъ понимаютъ, какъ не понимаютъ они нашихъ нуждъ. Да и не могутъ они понять этого, такъ какъ весь строй ихъ государственной жизни иной: у нихъ даже нѣтъ такихъ органовъ самоуправленія, какъ у насъ, и они обо всемъ судятъ съ своей точки зрѣнія: американецъ передалъ мои мысли по-американски, французъ—по французски; я разумѣю здѣсь не лингвистическую передачу, а моральную... Затѣмъ они категорически излагали мои отвѣты. Но я долженъ признаться, что я лично на многое въ настоящее время не имѣю возможности категорически отвѣтить. Я до сихъ поръ стоялъ въ сторонѣ отъ многихъ вопросовъ и есть не мало серьезныхъ дѣлъ, съ которыми я теперь только близко знакомлюсь. Возьмемъ, напримѣръ,

*) „Русь", 19 сентября 1904 г.

**) „Книжки Восхода", 1904 г., № 9, с. 138.

вопросъ о крестьянской реформѣ, по поводу котораго у насъ собранъ громадный матеріалъ. Я его знаю большей частью лишь изъ газетъ. Съ деталями знакомлюсь теперь и, разумѣется, не могу еще высказаться опредѣленно именно потому, что теперь мой взглядъ на этотъ весьма важный вопросъ пріобрѣтаетъ весьма важное значеніе. Во всякомъ случаѣ говорить о томъ, что мы предполагаемъ дѣлать, преждевременно. Я могу только высказать свои личные взгляды по нѣкоторымъ вопросамъ".

Эти „личные взгляды" министра бесѣдовавшій съ нимъ репортеръ „Руси" передаетъ въ слѣдующихъ словахъ. „По вопросу о пересмотрѣ продовольственнаго устава министръ думаетъ, что земство должно быть привлечено къ этому дѣлу. Министръ вообще придаетъ земству большое значеніе и оживленіе дѣятельности земства, на его взглядъ, благотворно отразится на благосостояніи нашего отечества. Въ частности, по отношенію къ затронутому вопросу, министръ полагаетъ, что съ изъятіемъ продовольственнаго вопроса изъ сферы дѣятельности земства послѣднее было лишено не только своего права, но и своей обязанности. Министръ считаетъ желательнымъ распространеніе общеземскихъ учрежденій въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта форма самоуправленія еще не организована, напримѣръ, въ Астраханской, Архангельской, Оренбургской и Ставропольской губерніяхъ. По вопросу о сохраненіи за губернскимъ земствомъ значенія руководящаго органа, министръ высказался въ положительномъ смыслѣ. Онъ придаетъ большое значеніе губернскому земству. Одно время у насъ даже былъ вопросъ, существовать ли губернскому земству вообще. Министръ считаетъ это недоразумѣніемъ. По вопросу о центральной власти министръ, будучи хорошо знакомъ съ нуждами нашихъ окраинъ, гдѣ онъ провелъ значительную часть своей дѣятельности, стоитъ за децентрализацію. Онъ видитъ много полезнаго въ предоставленіи окраинамъ рѣшать нѣкоторые вопросы самостоятельно, такъ какъ центральная власть не всегда можетъ быть знакома съ деталями окраинныхъ дѣлъ и не всегда можетъ вполнѣ компетентно судить какъ объ истинныхъ нуждахъ, такъ и о мѣрахъ, которыя могутъ быть проведены тамъ съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ. По вопросу о печати министръ сказалъ, что всегда придавалъ большое значеніе ей, и высказалъ намѣреніе заняться серьезно этимъ вопросомъ въ близкомъ будущемъ. По вопросу о національностяхъ—въ иностранныхъ газетахъ было много сказано со ссылкой на министра, но, къ сожалѣнію, его слова были переданы неточно. Это вопросъ больной, острый, къ которому надо подходить съ большой осторожностью. Вотъ основной взглядъ министра на этотъ вопросъ: если даже смотрѣть на дѣло такъ, что необходимо ограждать интересы русскаго населенія, то должно соблюдать извѣстную мѣру и во всякомъ случаѣ надо имѣть въ виду не наносить чувствительнаго ущерба лю-

дямъ; а то вѣдь у насъ не мало мѣръ, которыя, не принося никакой существенной пользы тѣмъ, ради кого это дѣлается, вмѣстѣ съ тѣмъ наносятъ огромныя лишенія людямъ, къ которымъ онѣ примѣняются. Въ заключеніе министръ подчеркнулъ, что все, высказанное имъ, представляетъ его глубокія убѣжденія, которыя онъ будетъ по мѣрѣ силъ и возможности проводить въ жизнь. Во всей своей дѣятельности министръ будетъ главнымъ образомъ основываться на принципѣ довѣрія. Онъ находитъ, что примѣненіе этого принципа есть первое условіе для достиженія благихъ результатовъ" *).

Послѣднія строки приведеннаго репортерскаго отчета находятъ себѣ объясненіе въ опубликованномъ еще раньше оффиціальномъ заявленіи кн. Святополкъ-Мирскаго, сдѣланномъ имъ 16-го сентября въ формѣ рѣчи къ чинамъ министерства внутреннихъ дѣлъ. „Приступая сегодня — заявилъ министръ въ этой рѣчи—къ выполненію возложенныхъ на меня обязанностей, я считаю своимъ долгомъ заявить, что въ основу направленія ввѣреннаго мнѣ министерства мною будутъ положены начала, провозглашенныя съ высоты престола всемилостивѣйшимъ манифестомъ 26-го февраля 1903 г. Приглашаю васъ къ дѣятельному, самоотверженному сотрудничеству именно въ этомъ направленіи. Административный опытъ привелъ меня къ глубокому убѣжденію, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно благожелательномъ и искренно довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще. Лишь при этихъ условіяхъ работы можно получить взаимное довѣріе, безъ котораго невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства".

Таковы были первыя заявленія новаго министра внутреннихъ дѣлъ и эти заявленія немедленно породили характерные отклики. Многія городскія думы и земскія собранія поспѣшили отозваться сочувственными привѣтствіями на слова министра о необходимости „искренно благожелательнаго и искренно довѣрчиваго отношенія къ общественнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще". Мотивировка такого рода привѣтствій почти вездѣ была одна и та же, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ она являлась особенно яркой и любопытной. „Въ рѣчи министра внутреннихъ дѣлъ—говорилъ московскій городской голова кн. Голицынъ въ засѣданіи московской думы —общественныя учрежденія не могутъ не усмотрѣть знаменательнаго обѣщанія признать за ними тотъ характеръ, тотъ смыслъ, которые были положены въ ихъ основу,—характеръ и смыслъ органовъ всей мѣстной жизни, мѣстнаго труда. Слова эти

*) „Русь", 28 сентября 1904 г.

знаменательны по существу своему, знаменательны по времени, когда они были сказаны. Еще недавно насъ всѣхъ смущало явное недовѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ, нарушавшее правильность, спокойствіе ихъ дѣятельности, даже заставившее ихъ опасаться за свою судьбу. И вотъ государственный дѣятель, призванный руководить внутренними интересами имперіи, ставитъ довѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ, единеніе ихъ дѣятельности съ дѣятельностью правительства непремѣннымъ условіемъ къ выполненію имъ возложеннаго на него долга. Надлежитъ русскому обществу устами своихъ избранниковъ отозваться на этотъ призывъ, внушающій увѣренность, что это довѣріе, это единеніе будутъ отнынѣ одушевлять дѣятельность нашего высшаго правительственнаго органа" *). „Еще такъ недавно—говорилъ въ курской думѣ одинъ изъ ея гласныхъ, г. Долженковъ—суровое и недовѣрчивое отношеніе власти къ нашему городскому управленію поставило думу въ положеніе, при которомъ между гласными возникла мысль о выходѣ въ отставку. Для насъ поэтому является особо цѣннымъ оффиціальное, программное заявленіе новаго министра внутреннихъ дѣлъ, что плодотворность правительственнаго труда основана на искренно-довѣрчивомъ отношеніи къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще" **). „Слова новаго министра — заявилъ въ черниговскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи гласный Шрагъ—особенно цѣнны потому, что сказаны въ моментъ тяжелаго недовѣрія къ земству, въ моментъ, когда земству грозило полное уничтоженіе. На это указывали, напримѣръ, такіе факты, какъ мѣры, принятыя въ отношеніи тверского земства, исключительныя мѣры противъ отдѣльныхъ земскихъ гласныхъ, ревизія московскаго земства т. с. Зиновьевымъ и т. д. Но теперь опасенія за будущность земства, повидимому, миновали. Послѣ словъ министра внутреннихъ дѣлъ можно ожидать, вмѣсто ограниченія, расширенія правъ земства. Если эти слова войдутъ въ жизнь, земство получитъ необходимую для своей дѣятельности самостоятельность. Слова министра обѣщаютъ разсѣять тяжелую атмосферу недовѣрія къ земству и народу и потому вызываютъ чувство глубокаго нравственнаго удовлетворенія; выразить это чувство необходимо" ***). Еще болѣе опредѣленно и рѣшительно высказалось въ томъ же смыслѣ балашевское уѣздное земское собраніе. „Вновь назначенный министръ внутреннихъ дѣлъ—заявилъ, между прочимъ, въ этомъ собраніи мѣстный предводитель дворянства, г. Унковскій—въ своей рѣчи къ чинамъ министерства сказалъ знаменательныя слова о довѣріи къ общественнымъ учрежденіямъ. Эти первыя его слова и первыя его довѣрія вселяютъ въ насъ надежду, что недавніе

*) „Русь", 22 сентября 1904 г.

**) „Русь", 2 октября 1904 г.

***) „Кіевскіе Отклики", 1 октября 1904 г.

тяжелые и мрачные дни, которые приходилось переживать земству, когда чуть ли не каждый земскій дѣятель считался человѣкомъ опаснымъ, достойнымъ нести всякія кары, когда каждое свободное слово преслѣдовалось и администрація считала одною изъ своихъ главныхъ задачъ тормозить всякое проявленіе общественной самодѣятельности, что эти недоброй памяти дни миновали и миновали навсегда“ *).

Заявленія новаго министра нашли себѣ откликъ и въ другой сферѣ. Большая часть органовъ нашей періодической печати въ свою очередь поспѣшила восторженно привѣтствовать эти заявленія, при чемъ въ такого рода привѣтствіяхъ страннымъ образомъ сошлись представители совершенно различныхъ литературныхъ людей. Издатель „Гражданина“ торжественно объявилъ, что ему „очень симпатична эта психическая минута, въ теченіе которой министръ, коего жизнь дала цѣну довѣрію его къ людямъ, говоритъ о своемъ довѣріи къ обществу, а органы печати выражаютъ радость объ этомъ довѣріи“. **) Г. Суворинъ въ „Новомъ Времени“ въ третій разъ заговорилъ о „веснѣ“ и попутно, не желая, должно быть, уступать кн. Мещерскому въ искусствѣ краснорѣчія, далъ для русской жизни такой рецептъ: „надо создать для правильнаго и быстраго теченія жизни такую гармонію, по крайней мѣрѣ, заложить ее такъ глубоко и искренно, съ такой вѣрой въ народъ русскій и въ его образованную часть, чтобы это созданіе служило и воспитательнымъ средствомъ для грядущихъ поколѣній“. ***) Органъ другого г. Суворина, „Русь“, усмотрѣлъ въ заявленіяхъ министра „ясную зарю грядущей новой, молодой Россіи“. ****) Съ другой стороны „Русскія Вѣдомости“ также находятъ, что въ русской жизни „повѣяло весной“, *****) и этотъ взглядъ раздѣляетъ съ ними не малое количество серьезныхъ провинціальныхъ газетъ.

Эти единодушныя привѣтствія, съ разныхъ сторонъ направляемыя по адресу новой эры, невольно приводятъ на память недалекое прошлое. Такое же кажущееся единодушіе наблюдалось въ большинствѣ органовъ нашей прессы три года тому назадъ, когда провозглашена была необходимость „сердечнаго попеченія“ въ русской школѣ. И подобно тому, какъ тогда за мнимымъ единодушіемъ прессы скрывалось совершенно различное пониманіе самой сущности „сердечнаго попеченія“, теперь разные органы печати также находятъ возможнымъ далеко не одинаково толковать слова призыва къ „взаимному довѣрію“. „Московскія Вѣдомости“, которыя также сочли нужнымъ привѣтствовать всту-

*) „Спб. Вѣдомости“, 5 октября 1904 г.

**) „Гражданинъ“, 1904 г., № 76.

***) „Н. Время“, 21 сентября 1904 г.

****) „Русь“, 17 сентября 1904 г.

*****) „Р. Рѣдомости“, 24 сентября 1904 г.

пительную рѣчь новаго министра, рѣшительно утверждаютъ, что эта рѣчь разсѣяла „легенду о какомъ-то враждебномъ будто бы отношеніи правительства къ нашему общественному самоуправленію“. „И дѣйствительно—увѣряетъ газета г. Грингмута—правительство всегда относилось съ благожелательнымъ довѣріемъ къ нашимъ земскимъ и городскимъ учрежденіямъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы не было этого довѣрія со стороны правительства, то не могло бы быть и того злоупотребленія этимъ довѣріемъ со стороны нашихъ общественныхъ учрежденій, которое, къ сожалѣнію, съ такою неопровержимостью было констатировано въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи правительственною ревизіею“ *). „Гражданинъ“ нѣсколько иначе отзывается о прошломъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ увѣряетъ, что настоящій моментъ является „пробнымъ камнемъ для русскаго общества“, которое должно отказаться отъ всякихъ требованій, имѣющихъ связь съ „безпочвеннымъ либерализмомъ“. Сотрудники „Гражданина“ слыхали о какомъ-то земскомъ начальникѣ, который усмирялъ выходившихъ изъ повиновенія крестьянъ словами: „я васъ брошу и уѣду въ Парижъ“, и заранѣе спѣшатъ рекомендовать такой же способъ дѣйствій новому министру. „Если мы —говоритъ органъ кн. Мещерскаго — неделикатность и непорядочность доведемъ до того, что исполненіемъ нашихъ требованій обусловимъ наше довѣріе къ благородному человѣку, давшему намъ свое довѣріе безъ условій, то, ни малѣйшаго въ томъ нѣтъ сомнѣнія, результатомъ этого будетъ только то, что условія, при которыхъ новому министру можетъ быть дорого его мѣсто, исчезнутъ и онъ, подобно земскому начальнику, броситъ свое мѣсто и уйдетъ“ **). Въ свою очередь „Новое Время“, ведя разговоры о „веснѣ“ и „гармоніи“, на ряду съ этимъ старательно доказываетъ, что для Россіи не нужны ни свобода совѣсти, ни равноправность національностей и что первая изъ нихъ у насъ съ успѣхомъ можетъ быть замѣнена вѣротерпимостью по отношенію къ русскимъ раскольникамъ, тогда какъ всевозможныя ограниченія для лицъ другихъ вѣроисповѣданій и національностей должны и на будущее время остаться въ полной силѣ ***).

Такимъ образомъ реакціонная пресса осталась вѣрна себѣ и, примкнувъ къ хору сочувственныхъ откликовъ, вызванныхъ заявленіями министра внутреннихъ дѣлъ, обнаружила полную готовность восторженно привѣтствовать новую политику, лишь бы эта новая политика ни въ чемъ существенномъ не отличалась отъ старой. Такого рода привѣтствія мы опять-таки слышали уже въ недавнемъ прошломъ. Три съ половиною года тому назадъ, когда

*) „М. Вѣдомости“, 18 сентября 1904 г.

**) „Гражданинъ“, 1904 г., № 77.

***) „Н. Время“, 26 и 30 сентября 1904 г.

властью признана была необходимость „коренного исправленія учебнаго строя“ нашихъ школъ, органы реакціонной прессы столь же восторженно привѣтствовали это признаніе и столь же настойчиво доказывали, что желаемое „коренное исправленіе“ можетъ быть достигнуто путемъ частныхъ поправокъ въ существующемъ порядкѣ, безъ всякихъ перемѣнъ въ общихъ условіяхъ гражданской жизни страны. Результаты, какіе дала попытка школьной реформы, поставленная на этотъ путь и осуществлявшаяся въ рамкахъ бюрократическаго строя, хорошо извѣстны и являются достаточно краснорѣчивымъ предупрежденіемъ. Врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что иного рода результатовъ не сможетъ дать и болѣе широкій опытъ, поведенный въ томъ же самомъ направленіи, и въ виду этого вопросъ о тѣхъ пріемахъ, при помощи которыхъ предполагается проводить новую политику, пріобрѣтаетъ крайне важное значеніе.

Странно было бы, конечно, оспаривать то положеніе, что „безъ взаимнаго довѣрія“ между властью и населеніемъ „невозможно ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства“, и можно только привѣтствовать тотъ моментъ, когда сознаніе этой простой истины проникло въ высшія бюрократическія сферы. Но теоретическое признаніе этой истины дается легче, чѣмъ практическое воплощеніе ея въ жизни, и во всякомъ случаѣ далеко не равносильно послѣднему. Можно безусловно согласиться съ тѣмъ, что „искренно благожелательное и искренно довѣрчивое отношеніе къ общественнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще“ является единственнымъ условіемъ, способнымъ породить то „взаимное довѣріе“, о которомъ идетъ рѣчь, но надо прибавить, что это условіе можетъ проявить свою силу лишь съ той минуты, когда изъ области благожелательныхъ словъ оно перейдетъ въ сферу конкретныхъ дѣйствій.

Выше мы уже видѣли отчасти, какого рода мѣры предположены для осуществленія такого перехода, и теперь намъ остается только оцѣнить то значеніе, какое онѣ могутъ получить въ условіяхъ окружающей насъ дѣйствительности. Въ программѣ новаго министра внутреннихъ дѣлъ, поскольку она обрисовалась изъ его сообщеній, главное вниманіе, повидимому, обращено на земскія и городскія учрежденія, которымъ проектируется предоставить „возможно болѣе полномочій для рѣшенія, согласно съ желаніями населенія, вопросовъ, касающихся школъ, продовольствія, путей сообщенія и т. п.“ Сообразно этому за губернскими земствами предполагается сохранить ихъ роль руководящаго органа въ земскомъ дѣлѣ, а тотъ проектъ упраздненія губернскаго земства, который составлялся въ послѣднее время министерской дѣятельности Плеве и къ которому были пріурочены производившіяся т. с. Зиновьевымъ ревизіи нѣкоторыхъ земствъ, сдается въ архивъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается вновь возвратить

земству продольственное дѣло, недавно изъятое изъ вѣдѣнія земскихъ учрежденій и переданное въ руки администраціи. Обѣ эти мѣры, несомнѣнно, гармонировали бы съ политикой „довѣрія къ общественнымъ учрежденіямъ“, но, сами по себѣ взятыя, онѣ, конечно, не могутъ еще составить сколько-нибудь серьезнаго шага въ сторону такой политики. То недовѣріе къ общественнымъ учрежденіямъ, которое породило проектъ упраздненія губернскихъ земствъ и передачу продовольственнаго дѣла отъ земства къ администраціи, нашло себѣ не менѣе яркое возраженіе въ цѣломъ рядѣ законодательныхъ актовъ послѣдняго времени, направленныхъ къ ограниченію земской дѣятельности. Эту цѣль въ одинаковой мѣрѣ преслѣдовали и законъ о предѣльности земскаго обложенія, и уставъ о лѣчебныхъ заведеніяхъ, и ветеринарный законъ. Въ свою очередь самая организація, приданная земству положеніемъ 1890 г. и городскому управленію положеніемъ 1892 г., явилась плодомъ глубокаго недовѣрія къ общественнымъ учрежденіямъ, недовѣрія, въ силу котораго земскія и городскія учрежденія признано было необходимымъ возможно болѣе отдалить отъ типа мѣстнаго самоуправленія и поставить подъ строгую опеку администраціи. Въ еще большемъ размѣрѣ та же административная опека съ давняго времени примѣняется къ массѣ крестьянскаго населенія, въ значительной мѣрѣ изъятаго отъ дѣйствія общихъ законовъ, подчиненнаго дискреціонной власти земскихъ начальниковъ и старательно отгораживаемаго отъ культурной жизни страны.

Послѣдовательное проведеніе принципа довѣрія къ населенію, очевидно, предполагаетъ полное устраненіе этой системы административной опеки, но такое устраненіе, конечно, немыслимо безъ радикальнаго преобразованія мѣстныхъ и центральныхъ бюрократическихъ органовъ, въ настоящемъ своемъ видѣ совершенно несогласованныхъ съ существованіемъ органовъ самоуправленія. Съ другой стороны, дѣйствительное осуществленіе принципа довѣрія къ населенію неразрывно связано съ признаніемъ за послѣднимъ права выражать свои нужды путемъ печати, избавленной отъ всякаго рода стѣстеній и путъ и постановленой подъ охрану закона. Это послѣднее обстоятельство до нѣкоторой степени предусмотрѣно и въ планахъ министра, который въ бесѣдѣ съ однимъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ, отрицая возможность существованія въ Россіи „неограниченной свободы“ печати, вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ „безусловно необходимымъ“ дать русской прессы „нѣкоторыя облегченія“. Въ дѣйствительности, однако-же, частичныя облегченія врядъ ли могутъ сколько-нибудь существенно измѣнить положеніе русской печати. „Напрасно было бы—говорила еще въ 1862 г. одна изъ правительственныхъ коммиссій—мечтать о возможности оградить цензуру отъ произвола, т. е. лишить ее того характера произвола, кото-

рый составляетъ всю ея сущность и безъ котораго цензура перестала бы быть цензурой. Можно спорить о томъ, нужна ли, полезна ли, удобна ли она въ извѣстное время; но пытаться поставить сущность ея въ какіе-либо ярко очерченные предѣлы нѣтъ никакой возможности". Эти слова, сказанныя сорокъ два года тому назадъ, остаются безусловно справедливыми и въ настоящее время. Для печати не существуетъ никакого средняго положенія между свободою отъ цензуры и подчиненіемъ ей и, если послѣднее сохранитъ свою силу, всѣ частичныя его облегченія по необходимости явятся не только крайне мелкими, но и весьма непрочными, а при такихъ условіяхъ дѣйствительное ихъ значеніе будетъ въ высшей степени проблематичнымъ.

Къ сказанному необходимо прибавить и еще одно замѣчаніе. Ни правильное функціонированіе общественныхъ учрежденій, ни пользованіе правомъ выражать свои мнѣнія въ печати, если бы даже то и другое было ограждено спеціальнымъ закономъ, немыслимо безъ признанія неприкосновенности личности. До тѣхъ же поръ, пока такого признанія не существуетъ, пока въ арсеналѣ уголовныхъ каръ, на ряду съ отвѣтственностью передъ судомъ, сохраняется и возможность административной расправы, нельзя, очевидно, разсчитывать ни на свободу дѣйствій, хотя бы въ самой ограниченной сферѣ, ни на откровенное выраженіе мнѣній, хотя бы въ наиболѣе сдержанной формѣ. При наличности указанныхъ условій всякое дѣйствіе, не выходящее изъ предѣловъ закона, но почему либо нежелательное съ точки зрѣнія тѣхъ или иныхъ бюрократическихъ органовъ, можетъ повлечь за собою болѣе или менѣе жестокую кару, всякое мнѣніе, хотя бы оно было высказано даже въ отвѣтъ на прямой запросъ правительственныхъ органовъ, можетъ вызвать тяжелыя послѣдствія для своего автора. Окружающая насъ дѣйствительность переполнена случаями такого рода и нѣкоторые изъ нихъ успѣли даже привлечь къ себѣ вниманіе новаго министра. Какъ сообщаютъ газеты, вскорѣ послѣ назначенія князя Святополкъ-Мирскаго на должность министра внутреннихъ дѣлъ возвращены были въ Петербургъ писатели Н. Ѳ. Анненскій—изъ Ревеля и В. И. Чарнолускій — изъ Архангельска; высланнымъ изъ предѣловъ Тверской губ. бывшему предсѣдателю тверской губернской земской управы В. Д. фонъ-Дервизу и бывшему члену той же управы Н. К. Милюкову, разрѣшено было возвратиться въ ихъ имѣнія въ Тверской губерніи, впредь до пересмотра дѣла о тверскомъ земствѣ; вслѣдъ затѣмъ разрѣшено было вернуться въ Воронежъ членамъ бывшаго воронежскаго уѣзднаго комитета о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности д-ру Мартынову — изъ Архангельска и г. Бунакову — изъ Новгородской губерніи; наконецъ, освобождены изъ-подъ надзора полиціи и получили разрѣшеніе вернуться въ Петербургъ писатель Ю. Н. Лавриновичъ и зем-

скій статистикъ Н. И. Воробьевъ, высланные въ Архангельскую губернію за участіе въ послѣднемъ съѣздѣ дѣятелей по техническому образованію *). Перечисленныя мѣры, несомнѣнно, разсчитаны и на нѣкоторую общую цѣль, но эта благая цѣль едва ли можетъ быть достигнута путемъ частныхъ распоряженій, касающихся отдѣльныхъ личностей. Подобныя распоряженія бывали и раньше,—между прочимъ, и при вступленіи въ должность предъидущаго министра, — но сами по себѣ они нисколько не колебали и не колеблютъ того общаго порядка, въ основѣ котораго заложено глубокое недовѣріе къ обществу, нашедшее себѣ выраженіе въ такихъ экстраординарныхъ мѣропріятіяхъ, какъ положеніе объ усиленной охранѣ, распространенное на значительную часть страны. Соотвѣтственно этому лишь полное устраненіе такихъ мѣропріятій и сопутствующее ему коренное измѣненіе самого понятія о правахъ личности могли бы открыть дорогу дѣйствительному проведенію въ жизнь государства принципа довѣрія къ населенію, при чемъ осуществленіе этого принципа, естественно, должно было бы повести къ полной ликвидаціи всѣхъ репрессивныхъ мѣръ, принятыхъ во имя старой системы.

Болѣе или менѣе то же самое приходится сказать и о той спеціальной области личныхъ правъ, которая образуетъ собою вѣроисповѣдный и національный вопросы. Новый министръ, согласно его заявленію, является „сторонникомъ возможно большей свободы совѣсти съ нѣкоторыми ограниченіями“ и, находя, что „въ этомъ направленіи уже много сдѣлано въ послѣдніе годы въ Россіи“, намѣренъ „продолжать осуществленіе этой задачи, которая имѣетъ возможность мирнаго сосуществованія разныхъ вѣроисповѣданій въ имперіи“. Въ частности по отношенію къ евреямъ онъ находитъ, что, „если дать имъ полную свободу, они могли бы вскорѣ сдѣлаться слишкомъ преобладающими“, и потому предполагаетъ только „относиться къ нимъ очень благосклонно и улучшить бытъ бѣдныхъ классовъ“. Такъ выразился министръ въ бесѣдѣ съ корреспондентомъ „Echo de Paris“. Бесѣдуя о томъ же предметѣ съ корреспондентомъ „Berliner Local-Anzeiger“, министръ замѣтилъ, что едва ли приходится „говорить теперь о религіи національностей, когда всѣ безъ исключенія и не взирая на вѣроисповѣданіе готовы положить свою жизнь за честь и славу нашей общей родины“. На поляхъ битвъ, дѣйствительно, нѣтъ различія между русскими гражданами разныхъ національностей и вѣроисповѣданій, но отсюда еще далеко до полнаго отсутствія такого различія. И если умирать за государство всѣмъ русскимъ гражданамъ предоставляется одинаково, то условія жизни, предоставляемыя тѣмъ же государствомъ лицамъ разныхъ вѣроисповѣданій и національностей, со-

*) „Право“, 1904 г. № 39; „Р. Вѣд.“, 5 и 8 октября 1904 г.

вершенно различны. Эта аномалія, рѣзко выступившая во время войны, поразила даже сотрудниковъ „Гражданина". „Мы присутствуемъ,—писалъ не такъ давно одинъ изъ нихъ, — при весьма рѣдкомъ явленіи: газеты и телеграфъ ежедневно приносятъ намъ подробности сраженій, рекогносцировокъ, геройскихъ подвиговъ, среди которыхъ то и дѣло мелькаютъ имена нашихъ иновѣрцевъ и инородцевъ, погибающихъ съ нами въ томъ же бою, съ такой же храбростью, для той же цѣли. И это тѣ же самые люди, которыхъ посылать въ огонь мы посылаемъ, сравнять же съ нами въ каждодневной жизни нашей не хотимъ; умирать на ряду съ нами они должны; дѣлить наши трудности, опасности, неизмѣримые лишенія и ужасы, переживаемые въ эту минуту, они должны, пользоваться же наравнѣ съ нами правами и привилегіями общей отчизны, за которую рядомъ съ нами геройски погибаютъ,— нѣтъ!, Этого нельзя; законъ другой для нихъ написанъ: умирай, какъ я умираю, а живи, какъ я хочу, а не такъ, какъ твоя религія, твоя народность, твоя душа и твои привязанности этого требуютъ!" *). Такимъ образомъ, даже въ лагерь крайнихъ реакціонеровъ проникло сознаніе той истины, что несеніе равныхъ обязанностей предполагаетъ пользованіе равными правами. Надо ли говорить, что практическое примѣненіе этой истины въ жизни государства не допускаетъ никакихъ ограниченій и оговорокъ? Свобода совѣсти, сопровождаемая ограниченіями, не будетъ уже свободою совѣсти. Неполное равноправіе національностей будетъ равносильно полному отсутствію равноправія между ними. Въ обоихъ этихъ случаяхъ нѣтъ въ сущности мѣста ни для какого средняго положенія, и одно только признаніе за каждымъ гражданиномъ всѣхъ государственныхъ правъ, внѣ всякой зависимости отъ его религіи и національности, явится со стороны государства дѣйствительнымъ осуществленіемъ принципа довѣрія къ населенію.

Послѣдовательное проведеніе этого принципа не можетъ, однако же, быть ограничено примѣненіемъ его лишь въ сферѣ мѣстнаго самоуправленія и въ области личныхъ правъ и, если бы даже такое ограниченное примѣненіе какимъ-либо путемъ было осуществлено на практикѣ, оно очень скоро оказалось бы крайне непрочнымъ. Довѣріе къ населенію, поскольку оно не остается въ области теоріи, не совмѣстимо съ бюрократическимъ строемъ, старательно отгораживающимъ это населеніе отъ всякаго активнаго участія въ государственной жизни, участія, на почвѣ котораго только и могутъ быть санкціонированы и закрѣплены всѣ личныя права гражданъ и которое одно лишь способно обезпечить государству возможность правильнаго развитія. Если бы для этого положенія нужны были еще спеціальныя доказательства, ихъ

*) „Гражданинъ", 1904 г., № 69.

можно было бы въ изобиліи найти въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ, какъ нельзя болѣе наглядно выяснившихъ, что всѣ важнѣйшія задачи государственной жизни совершенно не поддаются сколько-нибудь удовлетворительному разрѣшенію въ рамкахъ бюрократическаго строя, лишеннаго всякой связи съ живыми силами страны. Съ своей стороны общество усвоило себѣ эту точку зрѣнія и въ послѣднее время многочисленныя ходатайства земскихъ собраній и постановленія комитетовъ о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности вновь показали, что широкіе слои русскаго общества ожидаютъ проявленія довѣрія къ нимъ именно въ указанной области, выдвигая въ той или иной формѣ вопросъ о привлеченіи населенія къ дѣлу устроенія государства. Очевидно, только съ полнымъ разрѣшеніемъ этого вопроса можно будетъ считать завершившимся осуществленіе въ жизни страны принципа довѣрія.

Такова въ общихъ чертахъ программа, логически вытекающая изъ провозглашенія принципа довѣрія къ населенію. Отдѣльныя части этой программы прочно связаны между собою, образуя одно неразрывное цѣлое, и ослабленіе или разобщеніе этихъ частей немыслимо безъ отказа отъ того общаго принципа, какой положенъ въ ихъ основу. Сопоставляя съ этой программой цитированные выше планы новаго министра внутреннихъ дѣлъ, нетрудно видѣть, что послѣдніе далеко не совпадаютъ съ нею, являясь не столько попыткою проведенія въ жизнь новаго начала, сколько рядомъ смягченій начала стараго, не переходящихъ, однако же, въ рѣшительное его отрицаніе. При такихъ условіяхъ успѣхъ этихъ проектовъ всецѣло зависитъ отъ того, будутъ ли они доразвиты въ цѣльную и стройную систему, приближающуюся къ указанной программѣ, или же останутся случайными и разрозненными палліативами, не имѣющими возможности претендовать ни на серьезное значеніе, ни на долговременное существованіе. Ближайшее будущее должно дать рѣшительный отвѣтъ на этотъ вопросъ, пока же характеръ такого отвѣта можно предугадывать, руководясь лишь указанными выше соображеніями и состоявшимися уже частными мѣропріятіями.

Вслѣдъ за назначеніемъ кн. Святополкъ-Мирскаго на должность министра, въ составѣ и организаціи центральныхъ учрежденій министерства внутреннихъ дѣлъ произошли нѣкоторыя перемѣны. 14 сентября двое изъ наиболѣе дѣятельныхъ помощниковъ предыдущаго министра, товарищъ министра т. с. Зиновьевъ, завѣдывавшій дѣлами, относящимися къ земскому и городскому самоуправленію, и товарищъ министра т. с. Стишинскій, вѣдавшій крестьянское дѣло, выбыли изъ состава министерства, получивъ назначеніе въ члены Государственнаго Совѣта. Одно-

временно съ этимъ такое же назначеніе досталось на долю директора департамента общихъ дѣлъ, гофмейстера Штюрмера, имя котораго тѣсно связано съ произведенной въ прошломъ году ревизіей тверского губернскаго земства.

22 сентября состоялся именной высочайшій указъ правительствующему сенату слѣдующаго содержанія: „Указомъ Нашимъ, правительствующему сенату 1 февраля 1901 года даннымъ, одному изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ ввѣряется командованіе отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ, съ званіемъ командира сего корпуса. Нынѣ, признавъ необходимымъ возложить на означеннаго товарища министра общее завѣдываніе полиціей, повелѣваемъ: I. товарищу министра внутреннихъ дѣлъ, состоящему командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, присвоить званіе товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго полиціею; II. права и обязанности товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающаго полиціею, опредѣлить особою инструкціею, Нами утвержденною“.

Согласно упомянутой въ этомъ указѣ инструкціи, на товарища министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующаго полиціей и вмѣстѣ съ тѣмъ состоящаго командиромъ отдѣльнаго корпуса жандармовъ, возлагается общее завѣдываніе, подъ высшимъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, производящимися въ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденіяхъ вѣдомства министерства дѣлами по предупрежденію и пресѣченію преступленій, а равно по охраненію общественной безопасности и порядка. Названный товарищъ министра даетъ по этимъ предметамъ въ подлежащихъ случаяхъ указанія и разъясненія губернаторамъ, градоначальникамъ и оберъ-полицеймейстерамъ. По дѣламъ, производящимся въ департаментѣ полиціи, товарищъ министра, завѣдующій полиціей, разрѣшаетъ всѣ вопросы, разрѣшаемые по учрежденіямъ министерствъ властью министра. Изъ этого порядка исключаются, однако, предметы, подлежащіе направленію въ законодательномъ порядкѣ; дѣла, требующія разъясненія дѣйствующихъ законовъ или изданія общихъ инструкцій, правилъ и положеній, вопросы личнаго состава и всѣ другія дѣла, которыя министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ подчинить своему непосредственному вѣдѣнію. Вмѣстѣ съ тѣмъ товарищъ министра, завѣдующій полиціей, является распорядителемъ всѣхъ кредитовъ, ассигнуемыхъ министерству внутреннихъ дѣлъ по управленію полиціею. Онъ, далѣе, предсѣдательствуетъ въ особомъ совѣщаніи, образованномъ при министрѣ внутреннихъ дѣлъ изъ представителей министерствъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи на основаніи положенія 14 августа 1881 года о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія, и разрѣшаетъ всѣ вопросы, возникающіе по примѣненію положенія о гласномъ полицейскомъ надзорѣ. Онъ даетъ заключенія по дѣламъ о госу-

дарственныхъ преступленіяхъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ это право дѣйствующими узаконеніями предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ. Ему же, наконецъ, передается и высшій надзоръ за всѣми состоящими въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ мѣстами заключенія, предназначенными для содержанія подъ стражею лицъ, обвиняемыхъ въ государственныхъ преступленіяхъ.

Вслѣдъ затѣмъ 28 сентября состоялся именной высочайшій указъ правительствующему сенату такого содержанія: „исправляющему должность управляющаго Кабинетомъ Нашимъ, свиты Нашей генералъ-маіору Рыдзевскому — всемилостивѣйше повелѣваемъ быть товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающимъ полиціей и командующимъ отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ, съ оставленіемъ въ свитѣ Нашей“.

Одна изъ провинціальныхъ газетъ усмотрѣла въ указѣ 22 сентября и сопровождающей его инструкціи „весьма симптоматическое преобразованіе“. Результатомъ этого преобразованія, по мнѣнію упомянутой газеты, „будетъ то, что у министра внутреннихъ дѣлъ сократится исполнительная работа и сократится весьма чувствительно, такъ какъ до сихъ поръ государственная полиція отнимала у него главное вниманіе. Освободившись же отъ заботы о государственной полиціи, министръ внутреннихъ дѣлъ получитъ возможность сосредоточить свои силы на другихъ функціяхъ своего вѣдомства, которыя до сихъ поръ стояли поневолѣ на второмъ планѣ, хотя ихъ значеніе для страны и населенія громадно“. Ожиданія газеты въ этомъ отношеніи идутъ очень далеко. „Выдѣленіе государственной полиціи въ самостоятельное вѣдомство, хотя морально и связанное съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ,—по ея словамъ—даетъ возможность послѣднему высоко поставить свою дѣятельность по улучшенію народной жизни, такъ какъ это дѣло становится для него самодовлѣющей задачей, рѣшеніе которой диктуется однѣми только нуждами и потребностями народа, какъ народъ ихъ самъ понимаетъ“ *).

Въ дѣйствительности указъ 22 сентября и соединенная съ нихъ инструкція не даютъ никакихъ основаній для подобныхъ ожиданій и надеждъ. Прежде всего самый порядокъ, устанавливаемый этими актами, вовсе не является чѣмъ-либо совершенно новымъ въ практикѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Еще въ 1882 г. непосредственное управленіе государственной полиціей было возложено на одного изъ товарищей министра внутреннихъ дѣлъ, при чемъ этому же лицу поручено было и командованіе корпусомъ жандармовъ, тогда какъ за министромъ былъ оставленъ высшій надзоръ за точнымъ исполненіемъ чинами корпуса жандармовъ своихъ обязанностей и высшее руководство дѣятель-

---

*) „Одесскія Новости“, 30 сентября 1904 г.

ностью жандармскихъ чиновъ по обнаруженію и изслѣдованію преступленій. Этотъ порядокъ существовалъ до 1896 года, когда права министра по управленію личнымъ составомъ жандармскаго корпуса были расширены, а для командованія послѣднимъ была создана новая должность помощника шефа жандармовъ. Въ 1901 г. въ этомъ порядкѣ произошло новое измѣненіе: командованіе корпусомъ жандармовъ вновь перешло къ одному изъ товарищей министра и ему же было поручено завѣдываніе всей полиціей на общихъ для товарища министра основаніяхъ. Указъ 22 сентября, такимъ образомъ, лишь возстанавливаетъ порядокъ, дѣйствовавшій уже съ 1882 г. по 1896 г., съ тою только разницей, что теперь товарищу министра, завѣдующему полиціей, передается управленіе не одной государственной, но и общей полиціей.

Не создавая какой-либо совершенно новой организаціи, указъ 22 сентября и сопутствующая ему инструкція вмѣстѣ съ тѣмъ и не освобождаютъ министра внутреннихъ дѣлъ отъ заботъ о государственной полиціи, возлагая на товарища министра въ сущности лишь тѣ изъ этихъ заботъ, которыя лежали на немъ и при дѣйствіи прежняго порядка. За министромъ внутреннихъ дѣлъ и впредь остаются не только высшее руководство государственной полиціей, опредѣленіе ея личнаго состава и разрѣшеніе всѣхъ общихъ вопросовъ, вызываемыхъ ея дѣятельностью, но и всѣ другія, относящіяся къ этой области дѣла, которыя онъ признаетъ нужнымъ подчинить своему непосредственному вѣдѣнію. Сохраняя за собою такія права, министръ внутреннихъ дѣлъ и на будущее время останется истиннымъ руководителемъ дѣятельности государственной полиціи. Дѣйствительная важность вопроса заключается, однако, не въ томъ, министръ или товарищъ министра управляетъ государственной полиціей, а въ томъ, какого рода функціи исполняетъ эта послѣдняя и какими нормами регулируется ея дѣятельность. Но какъ разъ этой стороны вопроса указъ 22 сентября и сопровождающая его инструкція совершенно не касается, оставляя здѣсь все на своемъ мѣстѣ, и въ виду этого нѣтъ никакихъ основаній ожидать, что существовавшая до сихъ поръ въ названной области практика министерства внутреннихъ дѣлъ съ изданіемъ упомянутаго указа подвергнется какимъ-либо измѣненіямъ. Тѣмъ болѣе странно, конечно, было бы разсчитывать на полное преобразованіе дѣятельности министерства внутреннихъ дѣлъ въ результатѣ мелкихъ перемѣнъ, внесенныхъ въ его организацію указомъ 22 сентября.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатаны слѣдующія оффиціальныя сообщенія министерства внутреннихъ дѣлъ:

„По Высочайшему повелѣнію на обсужденіе губернскихъ совѣщаній, образованныхъ для предварительнаго разсмотрѣнія тру-

и въ редакціонной коммиссіи по пересмотру законоположеній о крестьянахъ, переданы внесенные въ Государственный Совѣтъ министромъ юстиціи проекты устава опекунскаго учрежденія и опекунскихъ установленій въ частяхъ, касающихся крестьянскихъ лицъ. Пересмотръ законоположеній о крестьянахъ предполагается энергично продолжать".

„Министръ внутреннихъ дѣлъ, по соглашенію съ военнымъ министромъ, призналъ соотвѣтственнымъ, для обезпеченія порядка при призывѣ новобранцевъ, предоставить уѣзднымъ (окружнымъ) и городскимъ воинскимъ присутствіямъ лишать домашняго отпуска и немедленно передавать воинскимъ начальникамъ новобранцевъ, въ нетрезвомъ видѣ явившихся въ эти присутствія или нарушавшихъ порядокъ въ мѣстахъ призыва".

II.

Почти одновременно съ заявленіями новаго министра внутреннихъ дѣлъ русское общество услышало своего рода программное заявленіе и отъ руководителя другого крупнаго вѣдомства, новаго министра народнаго просвѣщенія, генерала Глазова. Принимая 19 сентября директоровъ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, генералъ Глазовъ обратился къ присутствовавшимъ на пріемѣ лицамъ съ рѣчью, въ которой отмѣтилъ, что въ настоящее время со стороны общества предъявляются серьезные запросы и требованія къ школѣ, сопровождаемыя нареканіями на послѣднюю. Въ прессѣ нерѣдки нападки на школу и, хотя часто онѣ несправедливы, но среди нихъ встрѣчаются и взгляды, заслуживающіе сочувствія. Съ другой стороны, нерѣдки и нареканія родителей на учителей. Въ этихъ нареканіяхъ сказывается отчужденіе семьи отъ школы и по существу они не всегда правильны, являясь иногда результатомъ незнакомства съ условіями внутренней жизни школы. Учителей упрекаютъ, напримѣръ, въ неровности характера, недостаткѣ сердечности, любви къ дѣлу и т. п., не зная, въ какомъ тяжеломъ матеріальномъ, а подчасъ и нравственномъ положеніи находятся преподаватели. Какъ бы то ни было, между родителями и школой все же чувствуется нежелательная рознь, своего рода стѣна, въ которой нужно пробить брешь. Въ виду этого министръ предложилъ образовать подъ руководствомъ попечителя петербургскаго учебнаго округа, г. Извольскаго, особое совѣщаніе изъ среды директоровъ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, которое поставило бы своей цѣлью „изыскать мѣры для устраненія такого ненормальнаго средостѣнія для сближенія школы съ родителями и съ требованіями жизни". При этомъ министръ указалъ, что нѣкоторый матеріалъ въ этомъ отношеніи могли бы дать школы вѣдомства

министерства финансовъ, пользующіяся въ обществѣ хорошей репутаціей, и въ заключеніе выразилъ надежду, что будущее совѣщаніе удачно и умѣло выполнитъ свою нелегкую задачу.

Появленіе оффиціальныхъ заявленій министерства народнаго просвѣщенія обыкновенно приводитъ одну изъ петербургскихъ газетъ въ состояніе крайняго восторга. Такъ случилось и на этотъ разъ. „Рѣчь министра народнаго просвѣщенія къ директорамъ среднихъ учебныхъ заведеній — писало „Новое Время“ черезъ нѣсколько дней послѣ появленія отчета объ этой рѣчи — является однимъ изъ тѣхъ мѣрныхъ, чрезъ извѣстные промежутки времени повторяющихся ударовъ благовѣста, какіе при-призываютъ горожанъ къ бодрствованію и молитвѣ“. По словамъ восторженной газеты, министерство народнаго просвѣщенія „даетъ примѣръ чуткости всѣмъ другимъ нашимъ вѣдомствамъ“. Оно сдѣлалось или дѣлается самымъ впечатлительнымъ, хочетъ быть самымъ гуманнымъ и не только допускаетъ критику себя, но и признаетъ ея основательность во многомъ, а, наконецъ, и выражаетъ готовность соображаться съ этою критикою“. Самая рѣчь министра „производитъ крайне отрадное впечатлѣніе готовностью его работать на пользу отчизны не отвлеченно, а въ жизненной атмосферѣ, такъ сказать, взаимно связанныхъ дыханій, гдѣ чиновники черпаютъ всю свою силу и одушевленіе изъ земли, отъ стоящихъ на землѣ людей, хотя и не принимающихъ участіе въ этой работѣ, но, однако, далеко къ ней не безучастныхъ и даже далеко къ ней не безправныхъ“. Въ виду этого, по мнѣнію газеты, „общество, въ лицѣ главнымъ образомъ родителей учениковъ, должно напрячь всѣ усилія, чтобы помочь этимъ чиновникамъ совершить плодотворно ихъ работу“.

Въ противоположность восторженнымъ рѣчамъ газеты г. Суворина, раздающимся „въ атмосферѣ взаимно связанныхъ дыханій“, большинство органовъ нашей прессы отнеслось къ заявленіямъ руководителя министерства народнаго просвѣщенія съ большою сдержанностью и даже съ нѣкоторымъ скептицизмомъ. Такой скептицизмъ нельзя не признать совершенно законнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, призывъ къ сближенію семьи и школы самъ по себѣ не составляетъ уже новости для русскаго общества. За послѣдніе годы, оффиціальные руководители нашей школы не разъ уже повторяли подобные призывы и тѣмъ не менѣе послѣдніе не повели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Новая попытка въ этомъ направленіи, очевидно, могла бы разсчитывать на успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если бы она была поставлена на совершенно иную почву и не рисковала встрѣтиться съ тѣми препятствіями, о которыя разбились предшествовавшіе ей неудачные опыты. Но именно этого и нельзя сказать о той новой попыткѣ школьной реформы, какая предпринята въ настоящее время министерствомъ народнаго просвѣщенія. По крайней мѣрѣ,

само учебное вѣдомство, приступая къ этой попыткѣ, намѣрено, повидимому, всецѣло сохранить не только прежнюю свою программу, но и прежніе способы проведенія ея въ жизнь.

До извѣстной степени позволяетъ такъ думать уже приведенная выше рѣчь министра народнаго просвѣщенія, и особенно та ея часть, въ которой дается объясненіе розни, существующей между школой и семьей. Въ глазахъ представителя учебнаго вѣдомства виновницею такой розни является по преимуществу семья. Въ тѣхъ нареканіяхъ, какія раздаются съ ея стороны по адресу школы, признается, правда, извѣстная доля справедливости, но главная масса этихъ нареканій приписывается лишь незнакомству родителей съ „условіями внутренней жизни школы". Такимъ образомъ, въ цѣляхъ сближенія семьи со школой предстоитъ, повидимому, лишь озаботиться ознакомленіемъ первой съ условіями и требованіями послѣдней. Такая постановка дѣла сближенія семьи и школы далеко не нова. Оффиціальная школа давно уже предлагаетъ русскому обществу ознакомиться съ ея требованіями и принять ихъ къ руководству и упорно не замѣчаетъ того, что значительная часть этихъ требованій рѣшительно отвергается обществомъ, имѣющимъ свои собственные взгляды на задачи школы. Но въ этомъ отношеніи школы къ семьѣ и заключается источникъ розни между ними и, конечно, эта рознь не можетъ быть уничтожена дальнѣйшимъ слѣдованіемъ по тому же самому пути, который привелъ къ ней. Дѣйствительное общеніе между семьей и школой возникаетъ только при такихъ условіяхъ, когда между требованіями той и другой стороны устанавливается извѣстная гармонія, когда семья располагаетъ возможностью высказывать свое мнѣніе о школьныхъ порядкахъ и это мнѣніе принимается въ разсчетъ руководителями школы.

Такія условія едва-ли возможно, однако, считать обезпеченными и въ дальнѣйшихъ стадіяхъ предпринятой министерствомъ народнаго просвѣщенія попытки разработать вопросъ объ отношеніяхъ семьи и школы. Образованное для этой цѣли совѣщаніе педагоговъ, надо думать, сможетъ формулировать взгляды, существующіе по названному вопросу въ средѣ дѣятелей самой школы, но задача выясненія тѣхъ требованій, какія предъявляются къ школѣ обществомъ, подобному совѣщанію, очевидно, будетъ не по силамъ. Въ газетахъ промелькнуло, правда, извѣстіе, что для лучшаго исполненія такой задачи, къ работамъ совѣщанія предполагается привлечь родителей учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Но этотъ пріемъ былъ уже использованъ въ министерство ген.-ад. Ванновскаго и тогда же проявилъ свои неудобства: съ одной стороны, подборъ родителей, получившихъ приглашенія на совѣщанія педагоговъ, по необходимости являлся совершенно случайнымъ, съ другой — родителямъ, предполагавшимъ высказать школѣ свои пожеланія, въ большинствѣ случаевъ

приходилось лишь выслушивать наставленія школьныхъ дѣятелей. Если даже эта послѣдняя сторона совмѣстныхъ совѣщаній въ настоящее время и будетъ измѣнена, чего, однако-же, нельзя ожидать съ полной увѣренностью, то все же случайные отзывы нѣсколькихъ родителей, конечно, не восполнятъ собою отсутствія такой организаціи, которая дала бы возможность общественному мнѣнію высказаться въ школьномъ вопросѣ съ достаточной полнотою и опредѣленностью. Въ виду этого едва ли можно разсчитывать, что вновь предпринятая попытка сближенія школы съ семьею окажется удачнѣе предыдущихъ и дастъ значительные результаты въ видѣ серьезной реформы всей постановки учебнаго дѣла.

Между тѣмъ, необходимость въ такой реформѣ съ каждымъ годомъ сказывается все настоятельнѣе. Нѣтъ недостатка и въ фактахъ, наглядно доказывающихъ эту необходимость. Въ началѣ осени въ петербургскихъ газетахъ были приведены нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся условій поступленія въ высшія техническія школы Петербурга. Согласно этимъ свѣдѣніямъ, въ горный институтъ на 60 вакансій было подано 700 прошеній, въ институтъ гражданскихъ инженеровъ—на 101 вакансію 545 прошеній, въ технологическій институтъ—на 249 вакансій 1,389 прошеній. Немногимъ лучше дѣло обстояло и на высшихъ женскихъ курсахъ, гдѣ на 550 вакансій было подано 1,200 прошеній *). Эти цифры достаточно ярко обрисовываютъ ту разницу, какая существуетъ между спросомъ, предъявляемымъ страной на высшее образованіе, и средствами, имѣющимися въ распоряженіи учебной системы для удовлетворенія такого спроса. Но среди населенія Россіи есть и такая группа, по отношенію къ которой эта разница пріобрѣтаетъ еще болѣе печальный характеръ. Такою группою являются евреи, для которыхъ поступленіе въ школу затрудняется, помимо общихъ препятствій, еще правиломъ о сохраненіи опредѣленнаго процентнаго отношенія между учащимися евреями и христіанами. Такъ, въ настоящемъ году въ петербургскій политехническій институтъ евреями было подано около 100 прошеній, принять же въ институтъ оказалось возможнымъ лишь 11 евреевъ. Въ петербургскій университетъ отъ евреевъ поступило 125 прошеній, но изъ нихъ могло быть удовлетворено только 25. Въ кіевскій политехническій институтъ изъ 170 подавшихъ прошенія евреевъ было принято лишь около 40 человѣкъ. Въ новороссійскій университетъ евреями было подано 260 прошеній, а принято въ него могло быть, при установленной для него десятипроцентной нормѣ, только 40 евреевъ **).

Такія условія доступа въ школу, при которыхъ сотни и ты-

*) „Русь“, 26 августа 1904 г.

**) „Книжки Восхода“, 1904 г., № 9, стр. 139.

сячи ищущихъ образованія напрасно стучатся въ ея двери, трудно, конечно, назвать нормальными. Но не менѣе ненормальныя явленія наблюдаются и внутри стѣнъ нашей школы. Въ печать проникаетъ сравнительно мало свѣдѣній объ этой сторонѣ учебнаго дѣла, но и тѣ свѣдѣнія, какія имѣются на лицо, ясно показываютъ, что въ названной области далеко не все обстоитъ благополучно. Въ началѣ текущаго года, какъ сообщали газеты, петербургскій горный институтъ лишился значительной части своихъ профессоровъ, не нашедшихъ возможнымъ занимать въ немъ каѳедры при современныхъ условіяхъ академической жизни. Съ началомъ новаго учебнаго года нѣчто подобное произошло въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ, гдѣ частью были уволены, частью подали въ отставку 22 профессора и лектора, въ томъ числѣ нѣсколько лицъ, пользующихся большою извѣстностью въ ученомъ мірѣ. „Нѣкоторые изъ этихъ бывшихъ преподавателей технологическаго института—прибавляетъ одна изъ газетъ, сообщившихъ это извѣстіе,—были тотчасъ же приглашены на соотвѣтствующія каѳедры въ другія высшія учебныя заведенія: такъ, профессоръ Красускій, уволенный изъ харьковскаго института, занялъ каѳедру въ варшавскомъ политехникумѣ. Иные, преимущественно спеціалисты технической химіи, получили мѣста на заводахъ; иные же, наконецъ, принуждены были совершенно измѣнить свою профессію и спеціальность, что, конечно, не легко было для нихъ. Между прочимъ, одинъ изъ профессоровъ математики получилъ мѣсто преподавателя въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, который поспѣшилъ воспользоваться институтскимъ разгромомъ и прислалъ приглашеніе на имѣвшуюся у него вакансію. Надо думать, что успѣхи кадетовъ въ математикѣ будутъ отъ этого не безъ выигрыша *). Кадетскій корпусъ, быть можетъ, и дѣйствительно останется въ выигрышѣ благодаря „институтскому разгрому“, но общіе интересы просвѣщенія страны едва ли что-либо выигрываютъ отъ такихъ разгромовъ, и періодическое ихъ повтореніе врядъ ли можетъ считаться нормальнымъ явленіемъ.

Между тѣмъ явленія такого рода свойственны не только высшей нашей школѣ. Время отъ времени въ печати появляются извѣстія о подобныхъ же происшествіяхъ въ жизни средней школы. Такова, напримѣръ, исторія, разсказанная въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Гражданина“, къ сожалѣнію, не нашедшаго возможнымъ назвать имена дѣйствовавшихъ въ ней лицъ. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ неполномъ своемъ видѣ разсказъ газеты, до сихъ поръ не вызвавшій никакого опроверженія, остается чрезвычайно характернымъ.

„Въ гимназіи одного губернскаго города—разсказываетъ кн.

*) „Русь“, 20 сентября 1904 г.

Мещерскій—текла жизнь безъ какихъ бы то ни было острыхъ политическихъ инцидентовъ. Назначили туда, одному Богу извѣстно—почему, въ директоры бывшаго учителя, и въ этой должности имѣвшаго некрасивую въ нравственномъ отношеніи исторію, замятую по ходатайству мѣстнаго учебнаго начальства. Назначили, и вотъ что затѣмъ произошло. Былъ въ городѣ катокъ, на которомъ сходились въ числѣ публики гимназисты. Въ одинъ прекрасный день устроился второй катокъ. Но на этотъ второй катокъ извѣстная часть публики не ѣздила, оставшись на старомъ каткѣ, а такъ какъ въ этой публикѣ большинство составляли поляки, то кто-то пустилъ по городу слухъ, что старый катокъ—польскій, а новый—русско-еврейскій. Но въ числѣ оставшихся на старомъ каткѣ были гимназисты, и вотъ это обстоятельство послужило предлогомъ цѣлой политической драмы. Казалось бы, какое дѣло директору гимназіи вмѣшиваться въ городскія сплетни о двухъ каткахъ и, тѣмъ паче, искать въ нихъ политической подкладки, и если дѣйствительно кто-нибудь хотѣлъ эту подкладку дать, то, разумѣется, тактъ обязывалъ начальство гимназіи не обращать на эти сплетни никакого вниманія и предоставлять каждому ходить на катокъ, который ему больше нравится, и этимъ уничтожить въ зародышѣ дѣйствіе сплетенъ о политическомъ значеніи двухъ катковъ. Это тѣмъ болѣе легко было сдѣлать, что ни на одномъ изъ двухъ катковъ ни разу никто не позволилъ себѣ ни малѣйшихъ политическихъ или антинаціональныхъ демонстрацій.

„Не тутъ-то было. Директоръ гимназіи объявляетъ ученикамъ строжайшее запрещеніе ходить на старый катокъ. Разумѣется, какъ и слѣдовало ожидать, послѣдствіемъ такого превращенія стараго катка въ запрещенный плодъ явилось, какъ это всегда бываетъ въ средѣ не только молодежи, но и взрослыхъ, искушеніе для извѣстнаго процента учениковъ бравировать это запрещеніе, и немедленно вслѣдъ за этимъ началась педагогическая расправа. Сразу проступкамъ учениковъ дана была политическая окраска и наказанія за посѣщеніе стараго катка, усиливаясь crescendo, стали доходить до изгнанія изъ гимназіи. Тогда въ стѣнахъ гимназіи зажглась уже дурного свойства неурядица, гдѣ заговорили страсти, а заговорили онѣ по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что въ гимназіи между молодежью зажглась ненависть къ директору, а во-вторыхъ, все общество приняло участіе въ этомъ разгорѣвшемся эпизодѣ и большая часть семействъ, какъ польскихъ, такъ и русскихъ, открыто высказалась противъ гимназическаго начальства. Тогда это встревоженное состояніе молодыхъ умовъ, искусственно созданное, перешло на почву уже прямо политическихъ демонстрацій, гдѣ опять же вмѣсто того, чтобы обратиться къ сердцу и къ совѣсти расходившихся мальчиковъ и вмѣстѣ съ этимъ проявить твердость прав-

ственнаго авторитета, начальство прямо перешло отъ некрасивой роли агентовъ-провокаторовъ къ роли безпощаднаго палача, и болѣе ста молодыхъ людей было выброшено на улицу изъ гимназіи.

„Но въ чемъ заключалась политическая окраска безпорядка? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ обнаруживается нѣчто совсѣмъ невѣроятное, какъ проявленіе педагогической безтактности и даже педагогическаго неразумія, о которомъ, какъ я узналъ, даже нѣкоторыя мѣстныя правительственныя лица не имѣли понятія. Оказывается, что въ каждомъ учебномъ заведеніи Привислинскаго края, подъ предлогомъ, если не обрусенія, то все же успокоенія умовъ, создано было нѣчто, получившее назначеніе во всякое время служить поводомъ и искрою къ зажиганію безпорядка на почвѣ національной и религіозной. И въ это „нѣчто" превращена была молитва передъ ученіемъ. Оказывается, что эти молитвы передъ ученіемъ и послѣ ученія, которыя мы всѣ повторяли на училищныхъ скамьяхъ, были въ четырехъ текстахъ напечатаны на одномъ листкѣ—для школъ Привислинскаго края: два текста были безъ измѣненія напечатаны для русскихъ и для протестантовъ, одинъ текстъ для реформатовъ съ маленькимъ измѣненіемъ и, наконецъ, четвертый былъ для поляковъ-католиковъ съ серьезнымъ измѣненіемъ. Вотъ объ этомъ серьезномъ и въ то же время нелѣпомъ фактѣ, въ духѣ исключительно провокаторскомъ, никто почти не подозрѣвалъ въ Привислинскомъ краѣ и узнали только теперь, вслѣдствіе вспыхнувшаго въ одной изъ гимназій демонстративнаго недоразумѣнія. Въ трехъ текстахъ одна изъ молитвъ оканчивается словами: „*на утѣшеніе церкви и родителямъ и отечеству на пользу*". Въ четвертомъ хитроумные политики-педагоги придумали слѣдующее измѣненіе для католиковъ-поляковъ: „*въ утѣшеніе монарху и родителямъ, и всему краю на пользу*". Такимъ образомъ, для католиковъ-поляковъ вычеркнуты, какъ несуществующія, церковь и отечество, а взамѣнъ вставлено слово *монархъ*, котораго въ молитвѣ для русскихъ, протестантовъ и реформатовъ не имѣется. Значитъ, если полякъ-католикъ захочетъ изъ четырехъ текстовъ той же молитвы предпочесть русскій, онъ, очевидно, становится политическимъ преступникомъ, ибо онъ не произноситъ слова: монархъ, а произноситъ слова: отечество и церковь. И эту возможность сдѣлаться политическимъ преступникомъ ежедневно въ теченіе 8-ми лѣтъ въ видѣ ловушки каждому мальчику въ Привислинскомъ краѣ подставляютъ во всѣхъ училищахъ,—ужасно сказать, въ молитвѣ!.. И вотъ на почвѣ этой молитвы разыгралась драма въ гимназіи, погубившая болѣе ста молодыхъ жизней" *).

Возможность подобныхъ фактовъ сама по себѣ уже является

*) „Гражданинъ", 1904 г., № 79.

какъ нельзя болѣе краснорѣчивымъ доказательствомъ необходимости коренной реформы всего учебнаго дѣла. Но эта давно назрѣвшая реформа, въ свою очередь, не можетъ быть осуществлена внѣ связи съ другими, болѣе общими условіями общественной жизни, и тотъ новый приступъ къ школьной реформѣ, о которомъ у насъ шла рѣчь выше, только ярче освѣщаетъ такое положеніе вещей.

III.

Минувшее лѣто оказалось крайне неблагопріятнымъ для земледѣльческаго населенія нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи. Во многихъ мѣстахъ Сибири, въ нѣсколькихъ центральныхъ, сѣверныхъ, западныхъ и южныхъ губерніяхъ Европейской Россіи крестьянскому населенію грозитъ новое и тяжелое бѣдствіе, благодаря серьезному неурожаю. Въ Сибири особенно печальнымъ представляется положеніе Забайкальской области, перенесшей уже тяжелую голодовку въ прошломъ году и въ настоящее время вновь вынужденной считаться съ тѣмъ же бѣдствіемъ. „Въ Нерчинскомъ уѣздѣ—писалъ еще въ маѣ одинъ изъ корреспондентовъ „Восточнаго Обозрѣнія“—вполнѣ возможна голодовка. Большая часть молодого казачьяго населенія ушла на войну; послѣдніе запасы уходятъ на-дняхъ; остается дома только старъ да малъ. Изъ крестьянъ запасные тоже давно ушли. Вездѣ горе, нищета, жалуются на недостаточность отпускаемаго изъ казны пособія или на трудность полученія его. Жители города Нерчинска и селеній не знаютъ, гдѣ достать хлѣба, мяса“ *). Около того же времени „Забайкальскія Областныя Вѣдомости“ указывали, что населеніе области и въ прошлые годы не могло обойтись безъ правительственныхъ ссудъ, а въ настоящемъ году до 1 іюня въ ссуду было уже выдано 400 тысячъ пудовъ хлѣба, и тѣмъ не менѣе новыя ходатайства о ссудахъ поступаютъ со всѣхъ сторонъ. „На благопріятный исходъ этого года—прибавляла газета — разсчитывать трудно, во-первыхъ, въ виду безусловнаго сокращенія запашекъ на половину, а во-вторыхъ, вслѣдствіе полнаго отсутствія рабочихъ рукъ, ибо все крестьянское и казачье хозяйство осталось пока на попеченіи стариковъ, бабъ и дѣтей. Такимъ образомъ, передъ нами картина безпросвѣтной нужды, и если нужда эта сильна во всей области, то особенно тяжелые симптомы ея видны въ Селенгинскомъ уѣздѣ въ мѣстности по р. Джидѣ или въ такъ называемой Торейской волости. Здѣсь уже настоящая голодовка съ цынгой, тифомъ и прочими послѣдствіями“ **). Въ концѣ лѣта „Амурскому Краю“ сообщали изъ

*) „В. Об.“, 15 іюня 1904 г.

**) Цитирую по „Вост. Обозрѣнію“, 8 іюля 1904 г.

Читы, что въ ней „уже около мѣсяца замѣчаются случаи заболѣванія цынгой". „Болѣзнь эта,—прибавлялъ корреспондентъ—по слухамъ, приняла большіе размѣры и въ г. Верхнеудинскѣ" *). Немногимъ лучше обстояло дѣло и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Якутской области. Такъ, изъ Чекурской волости Олекминскаго округа „Вост. Обозрѣнію" писали, что небывалый разгонъ лошадей подъ ссыльныхъ и запасныхъ совершенно истощилъ и безъ того недостаточные запасы корма. Во многихъ селеніяхъ крестьяне разобрали до-тла общественные запасы сѣна, но ихъ оказалось мало и пришлось прикупать сѣно на сторонѣ по дорогой цѣнѣ. Недородъ прошлаго года вынудилъ крестьянъ прикупать и хлѣбъ, цѣна на который значительно поднялась съ открытіемъ военныхъ дѣйствій. Между прочимъ, въ прошломъ году крестьяне покупали муку изъ олекминскаго казеннаго хлѣбо-запаснаго магазина по 1 р. 5 к. за пудъ. Мука эта лежала тамъ нѣсколько десятковъ лѣтъ и никуда не годится; даже казаки олекминской команды отказались брать ее въ качествѣ пайковаго довольствія. Въ нынѣшнемъ году та же мука отпускалась крестьянамъ по 1 р. 50 к. Это обстоятельство тѣмъ болѣе смутило обывателей, что незадолго передъ тѣмъ объявлено было обязательное постановленіе генералъ губернатора, воспрещавшее соглашенія торговцевъ съ цѣлью повышенія цѣнъ на предметы первой необходимости **). Общее тяжелое положеніе Восточной Сибири еще болѣе осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что желѣзная дорога, занятая всецѣло перевозкой воинскихъ грузовъ, почти совершенно не доставляетъ товаровъ съ запада. Иркутская городская дума, указывая на переживаемый населеніемъ продовольственный кризисъ, дважды уже ходатайствовала о предоставленіи Иркутску ежедневно не менѣе 26 вагоновъ, но эти ходатайства остаются пока безъ удовлетворенія, и не трудно представить себѣ, какъ долженъ отразиться такой порядокъ на ростущей среди населенія нуждѣ.

Изъ центральныхъ губерній Европейской Россіи въ нынѣшнемъ году особенно сильно пострадала Нижегородская губернія, которую и въ прошломъ году посѣтилъ настолько сильный неурожай, что во многихъ ея мѣстахъ крестьяне оказались совершенно не въ состояніи платить ни казенныхъ, ни земскихъ, ни мірскихъ сборовъ. Въ настоящемъ году урожай самъ по себѣ обѣщалъ быть обильнымъ, но дожди совершенно не дали хлѣбу созрѣть. Въ однихъ мѣстахъ колосья ржи проросли, въ другихъ ее пришлось косить совсѣмъ еще зеленой, и въ общемъ крестьянское населеніе почти всей губерніи опять очутилось въ крайне печальномъ положеніи, не имѣя ни запасовъ продовольствія, ни

---

*) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ", 2 августа 1904 г.
**) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ", 5 іюля 1904 г.

зерна для обсѣмененія озимыхъ полей *). Между тѣмъ управляющій губерніей, какъ сообщаютъ мѣстныя газеты, особымъ циркуляромъ предложилъ земскимъ начальникамъ принять всѣ мѣры къ своевременной уплатѣ крестьянскимъ населеніемъ окладныхъ сборовъ текущаго года, въ виду того, что военныя событія на Дальнемъ Востокѣ указываютъ на особенную необходимость своевременнаго поступленія этихъ сборовъ **).

Не менѣе печальными оказались результаты минувшаго лѣта и въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ, гдѣ оно также было необыкновенно дождливымъ. Въ Петрозаводскомъ и Повѣнецкомъ уѣздахъ Олонецкой губерніи, по словамъ корреспондента „Нов. Времени", урожай получился „гораздо ниже средняго". Рожь косили еще совсѣмъ зеленую, потому что „нечего стало ѣсть". Результаты молотьбы оказались таковы: съ 10 бабокъ, съ которыхъ въ урожайные годы намолачивалось до 10 пудовъ, нынче въ хорошихъ мѣстахъ намолачивали 3 пуда, а въ плохихъ—30 фунтовъ. Въ итогѣ—„зима впроголодь вырисовалась уже вполнѣ". Отсутствіе пригодныхъ для посѣва сѣмянъ вынудило крестьянъ прибѣгнуть къ распродажѣ имущества и скота. „Продаютъ, конечно, въ три раза дешевле обыкновенной стоимости, да еще благодаря покупщиковъ, что выручили". Вдобавокъ, въ новомъ хлѣбѣ „очень много спорыньи, производящей, если она смолота вмѣстѣ съ мукой, при употребленіи такого хлѣба заболѣванія, такъ наз. „злую корчу", страшную, выражающуюся судорогами, болѣзнь, часто со смертельнымъ исходомъ" ***). Приблизительно таково же положеніе крестьянскаго населенія и въ значительной части Новгородской губерніи. Въ Валдайскомъ, Кирилловскомъ, Тихвинскомъ, Череповецкомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ рожь на крестьянскихъ поляхъ по большей части совершенно не вызрѣла. Убирали ее съ большимъ опозданіемъ противъ обыкновеннаго срока и тѣмъ не менѣе сняли совсѣмъ зеленой. Урожай получился по количеству гораздо ниже средняго, а по качеству—совсѣмъ плохой. Отчасти благодаря примѣси спорыньи, отчасти вслѣдствіе спиртового броженія, развившагося въ размокшемъ отъ непрестанныхъ дождей зернѣ, хлѣбъ новаго урожая обладаетъ особыми свойствами, которыя заставили крестьянъ прозвать его „пьянымъ хлѣбомъ": употребленіе этого хлѣба въ пищу вызываетъ головокруженіе, тошноту и жестокія желудочныя боли. Благодаря этому среди крестьянъ появляются массовыя заболѣванія. Для посѣва этотъ хлѣбъ совершенно непригоденъ, и въ виду этого нѣкоторыя сельскія общества просили ссудъ на обсѣмененіе полей. Но такія просьбы встрѣтили со стороны администраціи рѣшительный отказъ

---

*) „Нижег. Листокъ", 11 августа 1904 г.

**) „Нижег. Листокъ" Цитирую по СПБ. Вѣдомостямъ", 9 окт. 1904 г.

***) „Н. Время", 1 сент. 1904 г.

и большинство крестьянъ, не имѣя никакихъ средствъ на покупку сѣмянъ, вынуждено было или засѣять озимыя поля завѣдомо негоднымъ зерномъ, или же оставить ихъ совсѣмъ безъ посѣва. Такимъ образомъ, неурожай обезпеченъ и на будущій годъ. Яровые хлѣба въ свою очередь не выручили населенія. Они, какъ и картофель, сильно пострадали отъ морозовъ и въ общемъ сборъ ихъ явился крайне неудовлетворительнымъ. Эти печальные результаты сельскохозяйственнаго года грозятъ тѣмъ тяжелѣе отозваться на населеніи Новгородской губерніи, что въ ней, какъ и въ Олонецкой, неурожай повторяется уже третій годъ подърядъ и средства мѣстнаго крестьянства представляются совершенно истощенными *).

Аналогичныя извѣстія сообщаются и изъ нѣкоторыхъ западныхъ губерній. Въ Полоцкомъ уѣздѣ Витебской губерніи, крестьянское населеніе котораго также уже третій годъ испытываетъ послѣдствія неурожая и пришло, благодаря этому, въ состояніе крайняго упадка, нынѣшній годъ опять принесъ съ собою неурожай хлѣбовъ и травъ **). Въ Варшавской, Петроковской, Плоцкой и Калишской губерніяхъ, согласно отвѣтамъ мѣстныхъ лѣсничихъ на запросъ варшавскаго управленія государственныхъ имуществъ, яровые хлѣба повсюду плохи, картофель еще хуже, травы также плохи, а второго покоса травы и совсѣмъ не производилось. Удовлетворительнымъ оказался урожай озимой ржи, но этого зерна не хватитъ на продовольствіе сельскаго населенія. Въ Варшавской губерніи крестьяне уже ощущаютъ недостатокъ корма для скота, благодаря чему цѣна на скотъ упала здѣсь на 30%. Изъ жителей названныхъ губерній, по мнѣнію лѣсничихъ, пограничные крестьяне сравнительно легче выдержатъ бѣдствіе неурожая, такъ какъ они лѣтомъ имѣли недурной заработокъ въ Пруссіи, а зимой занимаются вывозомъ лѣса и другихъ сырыхъ продуктовъ за границу. Сельское же населеніе удаленныхъ отъ границы мѣстностей совершенно безпомощно и до сихъ поръ не принято никакихъ мѣръ для оказанія ему помощи ***).

Еще хуже обстоитъ дѣло на крайнемъ юго-востокѣ и югѣ Европейской Россіи. Какъ сообщаютъ изъ Астраханской губерніи, калмыцкую степь въ этомъ году постигъ полный неурожай травъ. Такой же неурожай былъ въ ней и въ прошломъ году, но тогда калмыкамъ-скотоводамъ помогла справиться съ бѣдствіемъ правительственная ссуда. Въ нынѣшнемъ же году астраханскій губернаторъ предложилъ попечителямъ и завѣдующимъ отдѣльными частями улусовъ объявить калмыкамъ, что они не должны разсчитывать въ этомъ году на ссуды, и рекомендовать имъ продать

*) „Р. Вѣдомости“, 8 и 30 сентября; „Русь“, 7 сентября; „Н. Время“ 15 сент. 1904 г.

**) „Спб. Вѣдомости“, 28 сент. 1904 г.

***) „Р. Вѣдомости“, 30 сент. 1904 г.

часть своего скота, чтобы имѣть больше шансовъ на сохраненіе остальнаго скота въ случаѣ суровой зимы и отсутствія подножныхъ кормовъ. Во многихъ мѣстахъ Полтавской губерніи также обнаружился неурожай травъ и яровыхъ хлѣбовъ, вызванный отсутствіемъ дождей *). Но особенно грозные размѣры бѣдствіе неурожая приняло въ Бессарабской, Херсонской и Таврической губерніяхъ. Въ Аккерманскомъ, Измаильскомъ, Бендерскомъ и отчасти въ Орловскомъ уѣздахъ Бесссарабской губерніи, во всей Херсонской губерніи, за исключеніемъ лишь Херсонскаго уѣзда, и почти во всей Таврической губерніи жестокая засуха совершенно погубила на крестьянскихъ земляхъ и хлѣба, и травы. Въ пострадавшей части Бессарабіи, какъ сообщалъ въ началѣ осени корреспондентъ „Од. Новостей", „полное отсутствіе въ продолженіе всего лѣта травъ на пастбищахъ и малые запасы корма для скота привели къ тому, что въ теченіе іюня, іюля и августа населеніе лишилось десятковъ и даже сотенъ тысячъ головъ скота. Всѣ базары въ эти мѣсяцы въ южной Бессарабіи были почти исключительно „скотскими". Черезъ Маяки, а также и другіе пункты безпрерывно перегонялись и продолжаютъ перегоняться гурты скота для отправки въ Крымъ и урожайныя мѣстности. Скотъ продолжаетъ продаваться необычайно дешево. Такъ, корова съ теленкомъ продается за 5—6 р., пара лошадей — за 15—20 р., пара хорошихъ, сильныхъ воловъ—за 40—50 р., плоховатыхъ же— за 12—18 р., и, не смотря на такую цѣну, продавцовъ много, а покупателей мало, такъ какъ каждый житель старается сбыть послѣднюю телушку, чтобы не издохла она съ голода. Падежъ на скотъ тоже порядочный и особенно сильный на овецъ, которыя дохли отъ голода и отъ оспы сотнями" **). То же самое происходило и въ другихъ двухъ пострадавшихъ губерніяхъ.

Для борьбы съ бѣдствіемъ, принявшимъ такіе громадные размѣры, требуются весьма значительныя средства. По разсчету аккерманской уѣздной управы, для обезпеченія населенію сохраненія рабочаго скота въ одномъ Аккерманскомъ уѣздѣ потребуется 385,000 р. ***). Но въ помощи нуждается не только крестьянскій скотъ, а и сами крестьяне, не имѣющіе почти никакихъ запасовъ продовольствія. Эта помощь и оказывается населенію, но въ крайне недостаточномъ размѣрѣ. Между прочимъ, бессарабское земство при первыхъ извѣстіяхъ о неурожаѣ было извѣщено, что изъ общеимперскаго продовольственнаго капитала оно можетъ получить лишь „весьма ограниченную ссуду" и при томъ только „въ крайнемъ случаѣ". При этомъ земству ставилось на видъ, что помощь населенію въ продовольствіи рабочаго скота лежитъ

*) „Р. Вѣд." 23 авг. 1904 г.
**) Цитирую по „Р. Вѣдомостямъ", 10 сент. 1904 г.
***) „Р. Вѣдомости", 9 авг. 1904 г.

на обязанности земства *). Но у земства нѣтъ средствъ, которыя позволили бы ему выполнить эту обязанность, и въ виду этого оно вынуждено прибѣгать къ займамъ и ходатайствамъ о ссудахъ, по необходимости сокращая ихъ размѣры сравнительно съ дѣйствительной нуждой. Съ другой стороны, тяжелое бѣдствіе, лишившее крестьянское населеніе всякихъ средствъ, нисколько не повліяло, повидимому, на облегченіе обязанностей этого населенія передъ государствомъ. Въ газетахъ приводилось любопытное прошеніе, поданное бессарабскому губернатору жителями коммуны Баурчи молдаванъ Измаильскаго уѣзда. „Наше горе — писали авторы этого прошенія, указывая па бѣдственное положеніе, созданное для нихъ неурожаемъ, — усугубляется еще нашимъ коммунальнымъ управленіемъ, которое совершенно не обращаетъ вниманія на постигшій нашу мѣстность полнѣйшій неурожай и на всѣ послѣдствія его и дѣятельно взыскиваетъ съ насъ недоимки за прошлые годы, а также подати за текущій годъ, для чего и отбираетъ и продаетъ съ публичныхъ торговъ послѣднее наше имущество и скотъ. Вслѣдствіе сего многіе хозяева-хлѣбопашцы превратились теперь почти въ нищихъ и просятъ общественной помощи“ **). Едва ли можно думать, что названная коммуна составляла въ этомъ отношеніи рѣзкое исключеніе изъ общаго порядка.

Дѣйствительность продовольственной помощи, оказываемой населенію неурожайныхъ мѣстностей, не мало затрудняется самой организаціей этого дѣла, находящейся въ рукахъ земскихъ начальниковъ и въ короткій срокъ своего существованія успѣвшей уже выказать всю свою несостоятельность. Недостатки этой организаціи успѣли заявить себя и въ нынѣшнюю продовольственную кампанію. Въ Одесскомъ уѣздѣ мѣстный предводитель дворянства, г. Якунинъ, нашелъ необходимымъ сообщить губернатору, что уѣздному съѣзду очень трудно вести продовольственную кампанію, такъ какъ земскіе начальники не имѣютъ физической возможности одновременно и исполнять свои обычныя занятія, и отдавать много времени продовольственному дѣлу ***). Въ Оргѣевскомъ уѣздѣ сами земскіе начальники сочли болѣе удобнымъ передать свои обязанности въ продовольственномъ дѣлѣ мѣстному земству. Оргѣевскій продовольственный комитетъ ассигновалъ именно 100,000 р. на закупку хлѣба для продажи его населенію по заготовительной цѣнѣ, а фактическое веденіе этого дѣла поручилъ предсѣдателю и членамъ земской управы, какъ лицамъ, входящимъ въ ихъ составъ ****). Но такой способъ рѣшенія вопроса,

*) „Р. Вѣдомости“, 18 іюля 1904 г.
**) „Н. Время“, 15 іюня 1904 г.
***) „Од. Новости“, 26 авг. 1904 г.
****) „Биржевыя Вѣдомости“, № 418.

конечно, не можетъ быть примѣненъ вездѣ и самъ по себѣ еще не обезпечиваетъ правильной постановки продовольственнаго дѣла. Въ виду этого земскимъ учрежденіямъ, въ интересахъ населенія, слѣдовало бы предпринять возможно скорѣе новыя и болѣе энергичныя попытки къ возвращенію всей продовольственной организаціи въ вѣдѣніе земства. Не менѣе необходимой является и другая мѣра въ видѣ уничтоженія тѣхъ заставъ, которыя въ послѣдніе годы закрыли для частной благотворительности дорогу къ голодающей деревнѣ. Въ виду выяснившагося уже небольшого размѣра средствъ, удѣляемыхъ государственнымъ казначействомъ на помощь пострадавшему отъ неурожая населенію, эта мѣра представляется особенно желательной и съ заботами объ ея осуществленіи необходимо торопиться, такъ какъ бѣдствіе не ждетъ и въ пораженныхъ неурожаемъ мѣстностяхъ быстро развивается голодовка.

IV.

За послѣдній мѣсяцъ опубликованъ рядъ правительственныхъ распоряженій и сообщеній, касающихся охраны порядка. Приводимъ здѣсь важнѣйшія изъ нихъ.

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано слѣдующее мнѣніе Государственнаго Совѣта, состоявшееся по представленію министерства внутреннихъ дѣлъ и 23 февраля 1904 г. получившее Высочайшее утвержденіе: „I. Въ измѣненіе Высочайше утвержденной 15 августа 1901 г. вѣдомости окладамъ содержанія и прочихъ видовъ довольствія чиновъ отдѣльного корпуса жандармовъ, присвоить начальству полтавскаго губернскаго жандармскаго управленія столовыя деньги въ размѣрѣ 2,700 руб. и на секретные расходы по 750 р. II. Вызываемый указанною въ отдѣлѣ I мѣрою новый расходъ, въ количествѣ 901 руб. 34 к. въ годъ, относить на смѣтныя назначенія военнаго министерства порядкомъ, указаннымъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о предѣльномъ бюджетѣ сего вѣдомства для покрытія расходовъ по содержанію отдѣльнаго корпуса жандармовъ“.

Въ той же газетѣ напечатано слѣдующее мнѣніе Государственнаго Совѣта, состоявшееся также по представленію министра внутреннихъ дѣлъ и получившее Высочайшее утвержденіе 7 іюня 1904 г.: „I. Учредить въ составѣ кіевскаго губернскаго жандармскаго управленія одну должность помощника начальника управленія въ чинѣ полковника (можетъ быть, подполковника), съ производствомъ ему жалованья по чину, столовыхъ денегъ изъ годового оклада 1,560 р. за узаконенными вычетами и денегъ на прислугу и квартирныхъ по положенію. II. Добавить къ дополнительному штату губернскихъ жандармскихъ управленій 16 помощ-

никовъ начальниковъ управленій, 9 вахмистровъ и 99 унтеръ-офицеровъ (изъ нихъ по 25 высшаго и средняго окладовъ и 49 низшаго оклада) съ присвоеніемъ симъ чинамъ служебныхъ преимуществъ и содержанія, установленныхъ для таковыхъ чиновъ упомянутымъ штатомъ, назначивъ единовременно на вооруженіе нижнихъ чиновъ 3,142 руб. III. Вызываемый мѣрами, предусмотрѣнными въ отдѣлахъ I и II, расходъ: въ 1904 году — сколько по разсчету времени причитаться будетъ, а начиная съ 1905 года—по 93,188 руб. ежегодно, отнести на смѣтныя назначенія военнаго министерства порядкомъ, указаннымъ въ дѣйствующихъ постановленіяхъ о предѣльномъ бюджетѣ сего вѣдомства для покрытія расходовъ по содержанію отдѣльнаго корпуса жандармовъ".

Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" напечатаны слѣдующія Высочайшія повелѣнія, объявленныя министромъ внутреннихъ дѣлъ:

„Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра внутреннихъ дѣлъ, въ 19 день іюля 1904 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) предоставить командующему войсками сибирскаго военнаго округа—права генералъ-губернатора во всей полосѣ отчужденія Сибирской, Забайкальской и Кругобайкальской желѣзныхъ дорогъ въ предѣлахъ сибирскаго военнаго округа, на ледокольной переправѣ черезъ озеро Байкалъ и на кругобайкальскомъ грунтовомъ трактѣ Иркутскъ - Култукъ, съ временнымъ изъятіемъ изъ вѣдѣнія иркутскаго военнаго генералъ-губернатора и губернаторовъ томскаго и тобольскаго тѣхъ частей названной полосы, ледокольной переправы и грунтового тракта, которыя находятся въ предѣлахъ указанныхъ генералъ-губернаторства и губерній, а также право уполномочивать начальниковъ жандармскихъ полицейскихъ управленій Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ въ раіонѣ ввѣреннаго каждому изъ нихъ управленія—разрѣшать въ административномъ порядкѣ дѣла по нарушенію изданныхъ высшею властью обязательныхъ постановленій и подвергать виновныхъ въ нарушеніи сихъ постановленій аресту до двухъ недѣль или штрафу до 300 рублей безъ распространенія сего права на дѣла о поступкахъ, подлежащихъ въ общемъ порядкѣ вѣдѣнію суда, но обращенныхъ къ административному разрѣшенію согласно пп. 3 и 4 ст. 19 правилъ о мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи, 2) предоставить начальникамъ жандармскихъ полицейскихъ управленій Сибирской и Забайкальской желѣзныхъ дорогъ—права начальника этаповъ арміи, указанныя въ 605, 609, 610 и 611 ст. ст. Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время, при пользованіи сими правами въ качествѣ начальниковъ охраны дорогъ, въ раіонѣ ввѣреннаго каждому изъ нихъ управленія".

„Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу иркут-

скаго военнаго генералъ-губернатора, въ 21 день іюля 1904 г., Высочайше повелѣть соизволилъ предоставить иркутскому военному генералъ-губернатору на время военныхъ дѣйствій на Дальнемъ Востокѣ право налагать въ административномъ порядкѣ на ссыльныхъ, находящихся въ предѣлахъ ввѣреннаго ему края подъ надзоромъ полиціи, за самовольныя отлучки ихъ изъ мѣстъ, назначенныхъ для жительства, взысканія, не превышающія трехмѣсячнаго ареста или штрафа въ пятьсотъ рублей, съ присвоеніемъ названному генералъ-губернатору права уполномочивать подчиненныхъ ему начальниковъ губерній и области на наложеніе этихъ взысканій".

Сверхъ того, въ той же газетѣ опубликовано Высочайшее повелѣніе о предоставленіи минскому губернатору особыхъ полномочій по изданію обязательныхъ постановленій для городовъ Бобруйска и Пинска по предметамъ, относящимся къ предупрежденію нарушенія государственнаго порядка и общественной безопасности.

Въ „Харбинскомъ Вѣстникѣ" напечатанъ слѣдующій приказъ намѣстника Дальняго Востока отъ 26 іюля сего года: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго дѣлами особаго комитета Дальняго Востока, 23 сего іюля Высочайше соизволилъ на прекращеніе, согласно моему ходатайству, судебнаго преслѣдованія, возбужденнаго противъ инородцевъ Забайкальской области, оказавшихъ противодѣйствіе введенію въ области реформы общественнаго управленія и суда" *).

Въ „Варшавскомъ Дневникѣ" напечатано слѣдующее сообщеніе: „Какъ ивѣстно, въ нынѣшнемъ году произошли недоразумѣнія между рабочими и подрядчиками во время строительныхъ работъ, вслѣдствіе чего постройка многихъ домовъ въ Варшавѣ запоздала и не была кончена къ сроку. Во избѣжаніе подобнаго рода случаевъ на будущее время, на послѣднемъ засѣданіи мастеровъ каменьщичьяго цеха постановлено: 1) норму рабочаго дня опредѣлить въ 10 часовъ; 2) недѣльный разсчетъ заканчивать въ пятницу, а выплату заработной платы производить въ субботу не позже 6 час. вечера.; 3) насколько позволяетъ мѣсто, завести на работахъ особыя помѣщенія для храненія вещей и платья рабочихъ; 4) завести для каменьщиковъ особыя книжки, по образцу ремесленныхъ, въ которыхъ мастера отмѣчали бы, гдѣ и у кого данный рабочій работалъ и по какой цѣнѣ. Постановленія эти, надлежащимъ образомъ мотивированныя, будутъ представлены на утвержденіе подлежащихъ властей" **).

---

*) Цитирую по „Кіевск. Откликамъ", 14 сентября 1904 г.

**) Цитирую по „Кіевск. Откликамъ", 14 сентября 1904 г.

Въ той же газетѣ напечатанъ слѣдующій приказъ командующаго войсками варшавскаго военнаго округа ген.-ад. Черткова, отданный по войскамъ этого округа 18 сентября 1904 г.: „6-го сего мѣсяца нѣсколько рабочихъ напали на трехъ нижнихъ чиновъ 182 пѣхотнаго резервнаго гроховскаго полка вблизи караульнаго дома при Повонзковскомъ элеваторѣ. Начальникъ этого унтеръ-офицерскаго караула, извѣщенный о безпорядкѣ, выслалъ на мѣсто происшествія трехъ вооруженныхъ ружьями рядовыхъ при ефрейторѣ. Съ приближеніемъ команды, увеличившаяся толпа рабочихъ стала бросать въ нее камнями, при чемъ одному нижнему чину причинена незначительная рана. Команда затѣмъ стала отходить къ караульному помѣщенію, рабочіе же двинулись за нею, продолжая бросать камни. Тогда ефрейторъ приказалъ, въ видѣ угрозы, дать выстрѣлъ вверхъ, послѣ чего рабочіе прекратили преслѣдованіе нижнихъ чиновъ. Признавая, что полное самообладаніе и осмотрительность въ употребленіи оружія въ дѣло при уличныхъ безпорядкахъ должны всегда руководить начальникомъ воинской части, дабы избѣжать напраснаго кровопролитія, я нахожу, однако, что въ данномъ случаѣ, когда толпа осыпаетъ воинскую команду камнями, отступленіе отъ нападающихъ и выстрѣлъ на воздухъ неумѣстны и недостойны вооруженныхъ воинскихъ чиновъ. Въ подобномъ случаѣ ничего не остается, какъ прибѣгнуть къ оружію, и надо имѣть рѣшимость это сдѣлать, чтобы не подать и мысли толпѣ, что она можетъ безнаказанно наносить оскорбленія и увѣчья воинской командѣ. Вообще, излишняя боязнь отвѣтственности при употребленіи въ подобныхъ случаяхъ оружія, къ прискорбію, неоднократно замѣчается въ послѣднее время, между тѣмъ, поощряя съ одной стороны нарушителей порядка, эта нерѣшительность можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ поколебать въ ихъ мнѣніи высокое значеніе воинскаго чина при исполненіи имъ служебнаго дѣла. Предлагаю ближайшимъ войсковымъ начальникамъ дать должное разъясненіе и внушить подчиненнымъ имъ чинамъ, въ какихъ случаяхъ употребленіе оружія, на точномъ основаніи приказа по округу сего года № 12 и объявленной при немъ инструкціи, неизбѣжно, а потому и не можетъ вызвать отвѣтственности со стороны лица, вынужденнаго къ крайней мѣрѣ *).

Какъ сообщаютъ газеты, группою варшавскихъ присяжныхъ повѣренныхъ, заключающею въ себѣ болѣе ста человѣкъ, подано на имя общаго собранія отдѣленій варшавскаго окружнаго суда заявленіе слѣдующаго содержанія: „Вслѣдствіе распоряженія г. товарища предсѣдателя варшавскаго окружнаго суда Г. Г. Рождественскаго, судебныя засѣданія въ III гражданскомъ отдѣленіи происходятъ, вопреки 153 ст. учр. суд. уст. и 324 и слѣд. ст.

*) Цитирую по „Руси", 24 сентября 1904 г.

уст. гражд. судопр., при закрытыхъ дверяхъ. Это несогласное съ закономъ распоряженіе вызвало общеизвѣстное крайне прискорбное событіе, небывалое въ сношеніяхъ суда съ адвокатурой *). Принимая во вниманіе, что это происшествіе задѣло въ высшей степени честь и достоинство присяжныхъ повѣренныхъ, что возможность повторенія подобныхъ, хотя бы и менѣе рѣзкихъ фактовъ, сдѣлала бы почти неисполнимымъ осуществленіе присяжными повѣренными возложенныхъ на нихъ по закону обязанностей, что случившееся, по нашему мнѣнію, не должно остаться безъ распоряженій со стороны общаго собранія, направленныхъ къ возстановленію нарушеннаго порядка и огражденію правъ присяжной адвокатуры, въ силу 250 и 272 ст. учр. суд. уст. имѣемъ честь просить окружный судъ: распоряженіе товарища предсѣдателя Рождественскаго о закрытіи дверей во время судебныхъ засѣданій—отмѣнить" **).

Въ кіевскихъ газетахъ приведены слѣдующія постановленія мѣстнаго губернатора:

Постановленіями отъ 6 сентября, за нарушеніе обязательнаго постановленія кіевскаго генералъ-губернатора отъ 16 апрѣля настоящаго года, подвергнуты аресту при полиціи: почетный гражданинъ А. Карповичъ и мѣщанинъ Г. П. Ждановъ—на три мѣсяца каждый, считая срокъ со дня ихъ задержанія, крестьянинъ П. Е. Свиридовъ, казакъ А. Гладченко и мѣщанинъ Гр. Феоклистовъ—на два мѣсяца каждый и мѣщанинъ Гр. М. Захаровъ — на одинъ мѣсяцъ; за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г. подвергнуты аресту при полиціи: казакъ П. Сябера и крестьянинъ Еф. Чумаченко—на три мѣсяца каждый и крестьянинъ Ѳ. А. Бѣляковъ—на одинъ мѣсяцъ, считая всѣмъ имъ срокъ со дня ихъ задержанія ***).

Постановленіями отъ 24 сентября подвергнуты аресту при полиціи: за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 16 апрѣля сего года о воспрещеніи носить оружіе: крестьянинъ И. И. Ладанъ — на три мѣсяца, крестьянинъ Кс. Вл. Кузьменковъ—на два мѣсяца и мѣщанинъ П. А. Шульцъ—на два мѣсяца; за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1904 г.: мѣщанинъ О. Пр. Дереберъ — на два мѣсяца, считая срокъ со дня его задержанія, и

*) Двери суда были открыты только во время перерывовъ судебнаго засѣданія, устраиваемыхъ по выслушаніи одного или нѣсколькихъ подъ рядъ дѣлъ. Вошедшій въ залъ во время слушанія дѣла присяжный повѣренный Лабенцкій былъ выведенъ разсыльнымъ.

**) Цитирую по „Руси", 7 октября 1904 г.

***) „Кіевск. Отклики", 10 сентября 1904 г.

мѣщане М. А. Каропецъ, Г. И. Ерченко, Гр. Е. Федоровъ и Д. Е. Голубенко—на одинъ мѣсяцъ каждый *).

Постановленіемъ отъ 26 сентября, за нарушеніе обязательныхъ постановленій генералъ-губернатора отъ 9 апрѣля 1901 г. и 16 апрѣля сего года, подвергнуты аресту при полиціи: крестьянинъ С. М. Поздняковъ—на три мѣсяца, крестьянинъ Ѳ. П. Гончаровъ и мѣщанинъ В. А. Ансонскій—на два мѣсяца каждый **).

Постановленіемъ отъ 26 сентября, за нарушеніе обязательнаго постановленія генералъ-губернатора отъ 24 іюня 1896 г. о домовыхъ дворникахъ и ночныхъ сторожахъ, подвергнуты аресту при полиціи: дворники С. Колесниковъ и Ѳ. Кирильченко — на сутки каждый и ночные сторожа А. Черкасовъ и Тр. Авдѣевъ—на двое сутокъ каждый ***).

Сверхъ того, постановленіями 26 и 27 сентября, за нарушеніе обязательнаго постановленія отъ 15 іюня сего года о пропискѣ видовъ на жительство, подвергнуты: одинъ домовладѣлецъ—штрафу въ 300 р., одинъ квартиронаниматель—штрафу въ 100 р., два домовладѣльца — каждый штрафу въ 100 р. или аресту на одинъ мѣсяцъ, одинъ домовладѣлецъ — штрафу въ 25 р., одинъ домовладѣлецъ—штрафу въ 15 р., пять домовладѣльцевъ—каждый штрафу въ 10 р., три домовладѣльца — каждый штрафу въ 5 р., два домовладѣльца—каждый штрафу въ 3 р. и одинъ дворникъ—аресту на 5 дней ****).

Въ свою очередь одесскія газеты приводятъ слѣдующія постановленія мѣстнаго градоначальника:

На основаніи ст. 15 положенія объ усиленной охранѣ, одесскимъ градоначальникомъ 5 сентября постановлено за нарушеніе дѣйствующаго въ градоначальствѣ обязательнаго постановленія о воспрещеніи сходбищъ, мѣщанина Ст. Стеценко и крестьянина С. Козаченко подвергнуть аресту на три мѣсяца, мѣщанина Л. Понякевича, мѣщанина И. Вубермана, лишеннаго правъ Ѳ. Грищенко, мѣщанъ М. Чимченко, В. Ильина и Ф. Штрахера—на два мѣсяца, мѣщанъ Я. Ройза, А. Регирера и Б. Бондаревскаго — на двѣ недѣли, считая арестъ со дня заключенія подъ стражу,—за то, что они своимъ вызывающимъ поведеніемъ собрали толпу и при возстановленіи полиціей порядка позволили себѣ нанести городовому оскорбленіе дѣйствіемъ *****).

10 сентября одесскимъ градоначальникомъ постановлено:

---

*) „Кіевск. Отклики“, 28 сентября 1904 г.

**) „Кіевск. Отклики“, 2 октября 1904 г.

***) „Кіевск. Отклики“, 1 октября 1904 г.

****) „Кіевск. Отклики“, 1 и 2 октября 1904 г.

*****) „Южное Обозрѣніе“. Цитирую по „Русск. Вѣдомостямъ“, 12 сентября 1904 г.

1) за нарушеніе обязательнаго постановленія о воспрещеніи сходбищъ австрійскаго подданнаго Л. Гопера и крестьянина З. Цихмейстера за то, что они своимъ вызывающимъ поведеніемъ собрали толпу, подвергнуть аресту на двѣ недѣли каждаго; 2) И. Шашницана за то же нарушеніе также подвергнуть аресту на двѣ недѣли *).

Въ г. Екатеринославѣ задержанныя чинами полиціи на улицахъ города 4 и 5 сентября лица за участіе въ толпѣ, намѣревавшейся произвести насильственныя дѣйствія противъ личности и имущества евреевъ, подвергнуты губернаторомъ за нарушеніе изданныхъ имъ 20 января сего года обязательныхъ постановленій въ административномъ порядкѣ аресту при полиціи: 6 человѣкъ—на два мѣсяца, 1—на одинъ мѣсяцъ, 7—на три недѣли и 2—на двѣ недѣли **).

Въ г. Бѣлостокѣ, какъ сообщаютъ газеты, имѣло мѣсто слѣдующее происшествіе: 6 октября, около 7 ч. вечера, въ канцелярію пристава 1-й части вошелъ, повидимому, рабочій, лѣтъ 20-ти, и бросилъ снарядъ; послѣдовалъ сильный взрывъ, которымъ былъ убитъ самъ бросившій снарядъ и ранены: письмоводитель въ ногу и его помощникъ—тяжело, околоточный надзиратель, городовой и два частныхъ лица, находившихся въ помѣщеніи участка,—легко; сильно пострадала квартира; мебель вся исщеплена осколками; стекла выбиты даже въ сосѣднихъ домахъ; слѣдствіе производится ***).

По словамъ газетъ, человѣкъ, убившій министра Плеве, опознанъ. Онъ оказался сыномъ уфимскаго купца Сазоновымъ. Онъ слушалъ лекціи въ московскомъ университетѣ, но былъ высланъ въ Томскую губернію; оттуда онъ самовольно возвратился на югъ Россіи, гдѣ работалъ въ газетахъ и служилъ на желѣзной дорогѣ. „Здоровье его — прибавляетъ газетное сообщеніе — настолько удовлетворительно, что онъ скоро будетъ перемѣщенъ изъ тюремной больницы въ камеру“ ****).

Въ теченіе минувшаго мѣсяца были опубликованы также свѣдѣнія о нѣкоторыхъ судебныхъ процессахъ, имѣющихъ отношеніе къ охранѣ порядка.

Правительствующимъ сенатомъ, какъ сообщаютъ петербургскія газеты, постановлено всѣ тѣ дѣла по политическимъ преступле-

---

*) „Од. Новости“, 12 сентября 1904 г.

**) „Приднѣпровскій Край“. Цитирую по „Кіевск. Откликамъ“, 16 сентября 1904 г.

***) „Русь“, 11 октября 1904 г.

****) „Нов. Время“, 17 сентября 1904 г.

ніямъ, которыя по новому разсматриваются въ общихъ судебныхъ учрежденіяхъ, въ случаѣ принесенія кассаціонной жалобы разрѣшать не въ отдѣленіяхъ сената, а въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ съ тѣмъ, чтобы давать руководящія указанія для разсмотрѣнія такихъ дѣлъ.

Въ скоромъ времени, по сообщеніямъ тѣхъ же газетъ, въ сенатѣ будетъ разсмотрѣна кассаціонная жалоба бывшаго члена саратовской городской управы, г. Милашевскаго, приговореннаго особымъ присутствіемъ саратовской судебной палаты къ каторжнымъ работамъ за храненіе запрещенныхъ изданій *).

Въ г. Омскѣ, по словамъ „Степного Края“, въ военно-окружномъ судѣ было назначено къ разсмотрѣнію на 16 іюля дѣло о призванныхъ на дѣйствительную службу изъ запаса арміи рядовыхъ: Г. Воровиковѣ, Х. Заострожномъ, В. Чембулашкинѣ, С. Уньжаковѣ, Пр. Гобановѣ, Дм. Малетинѣ, Ис. Осиповѣ, И. Ладкинѣ, Тр. Куксинѣ, Е. Душкинѣ, И. Машаринѣ, П. Терляхинѣ, Ф. Зыряновѣ, Гр. Казанцевѣ и Ф. Шадринѣ, обвиняемыхъ въ возстаніи съ намѣреніемъ воспротивиться начальству **).

Въ г. Минскѣ 7 и 8 сентября въ засѣданіяхъ временного военнаго суда слушалось дѣло о пинскихъ жителяхъ М. Цитринѣ, Х. Дворкиндѣ и Н. Цалингольдѣ, обвиняемыхъ въ убійствѣ агента виленскаго охраннаго отдѣленія А. Н. Арнацкаго (Ферколя). По ходатайству помощника прокурора и защиты, дѣло передано прокурору виленскаго военно-окружнаго суда для дослѣдованія ***).

Въ тифлисской судебной палатѣ по первому уголовному департаменту 2 сентября разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію жителей г. Александрополя, Перча, Амазуни и Алексана Теръ-Минасова въ покушеніи на убійство городового Дардыманова. Дѣло это уже слушалось въ эриванскомъ окружномъ судѣ и тамъ подсудимые были оправданы, но по протесту прокурора эриванскаго окружнаго суда оно перешло въ судебную палату. Резолюціей палаты, объявленной при открытыхъ дверяхъ, былъ утвержденъ приговоръ эриванскаго окружнаго суда ****).

Въ той же палатѣ 21 и 22 сентября разсматривалось при закрытыхъ дверяхъ въ апеляціонномъ порядкѣ дѣло по обвиненію священниковъ Теръ-Аракелянца и Теръ-Минасянца вмѣстѣ съ 28-ю жителями гор. Карса по 268 ст. уложенія о наказаніяхъ. Эриванскимъ окружнымъ судомъ изъ нихъ лишь 24 обвиняемыхъ были признаны виновными и приговорены: 12 — къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преи-

*) „Русь“, 4 октября 1904 г.

**) Цитирую по „Нижег. Листку“, 24 іюля 1904 г.

***) „Сѣв.-Зап. Край“. Цитирую по „Кіевск. Откликамъ“, 16 сентября 1904 г.

****) „Н. Обозрѣніе“. Цитирую по „К. Откликамъ“. 11 сент. 1904 г.

муществъ и отдачѣ въ арестантскія отдѣленія, при чемъ священники Теръ-Аракелянцъ и Теръ-Минасянцъ срокомъ на $2^1/_2$ года и 10 обвиняемыхъ—на 2 года; трое обвиняемыхъ—къ тюремному заключенію на 1 годъ и 3 мѣсяца каждый; 17 подсудимыхъ — къ 3-мѣсячному, безъ лишенія правъ, и 2 — къ 2-мѣсячному заключенію также безъ лишенія правъ. Судебная палата, съ примѣненіемъ Высочайшаго манифеста, приговорила священниковъ Теръ-Аракелянца и Теръ-Минасянца къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на 1 годъ каждаго, 10 подсудимыхъ — къ отдачѣ въ арестантскія отдѣленія на 8 мѣсяцевъ каждаго, трехъ— къ тюремному заключенію на 3 мѣс., а остальныхъ признала невиновными *).

Во владикавказскомъ окружномъ судѣ разбиралось при открытыхъ дверяхъ дѣло по обвиненію жителей сел. Экажева, Сунженскаго отдѣла, Бексултана, Мудара, Идриса, Мусы, Кортоевыхъ, Косума и Саита Базіевыхъ въ вооруженномъ сопротивленіи властямъ. Суть дѣла по обвинительному акту представляется въ слѣдующемъ видѣ. 15 августа 1903 года, чины полиціи, подъ начальствомъ атамана Сунженскаго отдѣла, ген.-м. Суровецкаго, въ составѣ офицеровъ и нижнихъ чиновъ 2-го сунженско-владикавк. казачьяго полка, атамановъ, казаковъ и старшинъ ближайшихъ станицъ и селеній и при участіи начальника участка кап. Добровольскаго, производили обыскъ въ сел. Экажево съ цѣлью отобранія у жителей оружія, ношеніе котораго имъ было воспрещено. Бексултанъ Кортоевъ по уговору съ бѣглымъ каторжникомъ Исламомъ Санталіевымъ, нынѣ умершимъ, съ цѣлью воспрепятствовать производству обыска, засѣвъ въ бурьянѣ, произвели нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ въ обыскивавшихъ, при чемъ убили урядника станицы Карабулакской Ив. Жежелова, казака той же станицы Максима Митрофанова и случайно стоявшаго за цѣпью нижнихъ чиновъ и не принимавшаго участія въ обыскѣ мѣстнаго жителя Исмаила Гуліева. Когда нижніе чины открыли стрѣльбу по бурьяну, то Санталіевъ былъ убитъ, а Кортоевъ спасся бѣгствомъ и спрятался въ домѣ Идриса и Мусы Кортоевыхъ, которые, вмѣстѣ съ Мударомъ Кортоевымъ и К. и С. Базіевыми, открыли ружейную стрѣльбу по цѣпи обыскивавшихъ, но вреда никому не причинили. Въ судебномъ засѣданіи подсудимые не признали себя виновными. Судъ нашелъ, что судебное слѣдствіе не выработало болѣе или менѣе положительныхъ данныхъ, изобличающихъ подсудимыхъ въ приписываемыхъ имъ преступныхъ дѣяніяхъ, а потому и оправдалъ ихъ всѣхъ **).

Въ г. Красноярскѣ, въ выѣздной сессіи иркутской судебной палаты, 18 сентября должно было начаться разсмотрѣніе дѣла

---

*) „Н. Обозрѣніе". Цитирую по „К. Откликамъ", 29 сент. 1904 г.
**) „К. Отклики" 14 сент. 1904 г.

объ И. И. Бойцовѣ, Е. Н. Бражниковой, П. Е. Миловидовѣ, М. Ш. Келлерманъ, Н. И. Семененко и женѣ его С. Н. Семененко по обвиненію ихъ въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 2-ю частью 250 ст. уложенія о наказаніяхъ (бунтъ противъ верховной власти и государственная измѣна). Всѣ эти лица преданы суду иркутской судебной палаты на основаніи воспослѣдовавшаго 12 мая 1904 г. особаго по настоящему дѣлу Высочайшаго повелѣнія *).

Приведемъ еще опубликованныя за послѣдній мѣсяцъ сообщенія, касающіяся Финляндіи.

По словамъ газетъ, высланные изъ Финляндіи въ предѣлы Имперіи подъ особый надзоръ полиціи финляндскіе агитаторы Юхо, Вайніо и Эмилій Шюбергсонъ ходатайствовали о разрѣшеніи имъ выѣхать за границу. Финляндскій генералъ-губернаторъ, руководствуясь § 8 XXXII ст. Высочайшаго манифеста 11 августа, находя возможнымъ удовлетворить означенное ходатайство, сообщилъ объ этомъ на распоряженіе министра внутреннихъ дѣлъ **).

Въ послѣднее время финляндское главное управленіе по дѣламъ печати отмѣнило прежнее свое распоряженіе, запрещавшее пропускъ въ Финляндію девяти стокгольмскихъ газетъ, и вновь разрѣшило свободный ихъ доступъ въ Финляндію ***).

„Финляндская Газета“ приводитъ текстъ ст. 4-й гл. 11-й уголовнаго уложенія Великаго Княжества Финляндскаго, по которой обвиняется бывшій сенаторъ Императорскаго финляндскаго сената и генеральнаго штаба генералъ-лейтенантъ, отставной тайный совѣтникъ Шауманъ. Статья эта гласитъ: „кто, съ намѣреніемъ содѣять преступленіе противъ Верховной Власти, войдетъ въ сношенія съ иностраннымъ правительствомъ или злоупотребитъ ввѣренною ему по должности властью, или заготовитъ оружіе, или людей, или совершитъ другое подобнаго свойства приготовительное дѣйствіе, тотъ подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ или тюрьмѣ на время отъ одного года до восьми полныхъ лѣтъ. Кто съ подобнымъ же намѣреніемъ присоединится къ такимъ людямъ, тотъ подвергается заключенію въ смирительномъ домѣ или тюрьмѣ срокомъ не свыше двухъ лѣтъ“.

---

18 сентября состоялось слѣдующее распоряженіе по дѣламъ печати: „министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: вновь разрѣшить выпускъ въ свѣтъ газеты „Восходъ“, пріостановленной распоряженіемъ отъ 24 апрѣля 1904 г.“

---

*) „Н. Время“, 27 сент. 1904 г.
**) „Русь“, 4 октября 1904 г.
***) „К. Отклики“, 27 сентября 1904 г.

Какъ сообщаютъ изъ Орла, цензоромъ „Орловскаго Вѣстника“, не смотря на точный смыслъ ст. 15-й устава о цензурѣ, назначенъ секретарь губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія Поповъ. Въ г. Болховѣ мѣстная полиція воспретила розничную продажу нумеровъ „Орловскаго Вѣстника“. Обращеніе редакціи по этому поводу къ губернской администраціи ни къ чему не привело, такъ какъ губернская администрація оказалась солидарной съ уѣздной полиціей *). Вслѣдъ затѣмъ, вслѣдствіе отношенія епископа орловскаго и сѣвскаго преосвященнаго Куріона, и. д. орловскаго губернатора предложилъ редакціи „Орловскаго Вѣстника“ не печатать подъ корреспонденціями псевдонимовъ „Херувимъ“ и „Серафимчикъ“ **).

В. Мякотинъ.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала „Русское Богатство“.

На сооруженіе памятника на могилѣ **Николая Константиновича Михайловскаго** поступило:

Отъ В. Николенко, изъ Варшавы—10 р.; А. С. Шабельской, изъ Гостомля—50 р.

Итого . . 60 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 2.273 р. 04 к.***)

На стипендію имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ В. Николенко, изъ Варшавы—10 р.

Итого . . . 10 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 871 р. 65 к.

На устройство народной школы имени **Николая Константиновича Михайловскаго:**

Отъ педагогическаго персонала Якутской женской гимназіи—37 р.; псаломщика Федора Зелетугина, изъ Николаева—1 р.

Итого . . . 38 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 118 р. 50 к.

---

*) „Русск. Вѣдомости“, 21 сентября 1904 г.

**) „Русь“, 2 октября 1904 г.

***) Къ сооруженію памятника уже приступлено. 26 іюля были произведены расходы: церковному причту на Волковомъ кладбищѣ за право открытія могилы уплачено—14 р. 70 к. и по счету мастерской М. Ф. Крутикова за устройство склепа и фундамента—400 р. Итого 414 р. 70 к.

На изданіе сборника, посвященнаго памяти **Николая Константиновича Михайловскаго:**

От В. В. Буйницкаго, изъ Екатеринбурга—„памяти незабвеннаго вождя, учителя и человѣка"—1 р. 50 к.

Итого . . . 1 р. 50 к.

А всего съ прежде поступившими 2 р. 50 к.

На пріобрѣтеніе въ общественную собственность части усадьбы Некрасовыхъ въ Грешневѣ, Ярославскаго уѣзда, для устройства тамъ школы и библіотеки въ память 25-лѣтія со дня смерти **Н. А. Некрасова:**

Отъ псаломщика Федора Залетугина, изъ Николаева—1 р.

Итого . . . 1 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 404 р. 35 к.

На развитіе библіотеки имени **Вл. Г. Короленко** въ г. Лукояновѣ, Нижегородской губ.:

Отъ С. Чернобаевой—1 р.; черезъ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей"—3 р.

Итого . . . 4 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 1.380 р. — к. *)

На образованіе стипендіи имени **Вл. Г. Короленко:**

Отъ группы учительницъ народн. училищъ, изъ Одессы—13 р.; Петропавловской воскресной школы—17 р.

Итого . . . 30 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 107 р. 50 к.

На учрежденіе высшей народной школы имени гр. **Л. Н. Толстого:**

Отъ псаломщика Федора Залетугина, изъ Николаева—1 р.; С. Чернобаевой—1 р.

Итого . . . 2 р. — к.

А всего съ прежде поступившими 158 р. 50 к.

*) Изъ этой суммы 1.275 р. отправлены 20 февраля 1904 г. предсѣдателю общества распространенія начальнаго образованія въ Нижегородской губ., А. И. Ланину.

Редакторъ-Издатель: *Вл. Г. Короленко.*

Дозв. ценз. Спб., 26 октября 1904 г. Типографія Н. Н. Клобукова. Лиговская, 34.

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 322 280 296